

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 2 (31) / 2022

Ответственный редактор ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н. (Кишинев, Молдова)

Ответственный секретарь КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История»
(Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург, Россия)
ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)

КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, независимый исследователь (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ПОДОСОКОРСКИЙ Николай Николаевич — канд. филолог. наук. Старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН (Великий Новгород)

РАБИНОВИЧ Роман Аронович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник университета Высшая антропологическая школа (Молдова)

СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович — канд. философ. наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС (Москва)

Редакционный совет ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (Associate Professor) Хьюстонского университета (США)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент. Школа исследований окружающей среды и общества *Антропошкола), Тюменский государственный университет (Тюмень, Москва) -

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор
СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ
(Москва)

СМИТ Кэтлин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы
им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемо-
риальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, директор Института
русского языка РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и слависти-
ки Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной
критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института
славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный
сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник
ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного
разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

DOI 10.31754/2409-6105-2022-2

Издатель Издатель «HISTORICAL EXPERTISE» S.R.L.
MD-2043, bd. Dacia, 12 ap. 9, mun. Chişinău, Republica Moldova.
e-mail: istorexorg@gmail.com, www.istorex.org

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

- 11 *«Моя книга готовила читателя к тому, что рано или поздно нагнетающаяся обстановка и идеологическая истерия как в России, так и в Соединенных Штатах должны были привести к открытому конфликту». Интервью с Л. Исуриной*

Национальная память

- 24 *«Современное декабристоведение — это что-то вроде Союза благоденствия». Интервью с В. А. Шкериным*
- 34 *«Предметом истории Австрии ни в коем случае не может быть только история населения современного государства в его национальных границах». Интервью с А. Зуппаном*
- 45 *«Внимание всего мира было сфокусировано в тот год на маленькой Чехословакии». Мемуары Александра Дубчека в зеркале архивных документов. Историк-архивист, зав. отделом Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) Теймур Джалилов беседует с Александром Стыкалиным*
- 67 *«Накануне введения военного положения 13 декабря 1981 г. шла игра нервов между Москвой и Ярузельским». Интервью с П. Г. Черемушкиным*
- 85 **Я. ШИМОВ** *Спор о «фашистской России»: что обсудили и чего не заметили*

Семейная память

- 94 **В. ЖОБЕР** *Сто лет назад. Голод в Поволжье*

Киевская Русь в исторической памяти

- 109 **А. С. ИЩЕНКО** *Война памяти, или о том, кому принадлежит наследие Киевской Руси*
- 123 **Д. А. БОРОВКОВ** *«Киевская Русь» — генезис историографического концепта в историографии XIX–XXI вв.*

Рапалльский договор в российской и немецкой исторической памяти. К 100-летию

- 144 «“Париж Версаля”, объединяйтесь!»: политика Рапалло и граф Брокдорф-Ранцау. Интервью с Б.Л. Хавкиным

Память о Второй мировой войне и ее истоках

- 163 Венгерский историк Аттила Колонтари о предыстории и конкретных обстоятельствах вступления Венгрии в войну с СССР в июне 1941 г.
- 185 «Никаких утвержденных на высшем уровне документов, в том числе и пропагандистского характера, которые бы бесспорно доказывали намерение СССР первым напасть на Германию, не обнаружено». Интервью с В.А. Невежинным

Концепты исторической памяти

- 196 А.Ю. ПЕРЕТЯТЬКО Русский мир полковника Василия Пудавова (1804–1863)

Историческая память в художественной культуре

- 224 П.И. ТАХНАЕВА Рецензия на исторический фильм «Аманат» (2022): все события вымышлены, совпадения имен не случайны

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Методология исторической науки

- 244 Л.Р. ХУТ Клио как «девушка для утешения», или Что происходит с историей, когда она попадает в руки политиков. Рец.: Курилла И.И. Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 232 с.
- 261 Б.Н. МИРОНОВ Россия отстала от Запада навсегда?! Рец.: Травин Д.Я. Почему Россия отстала? СПб.: Изд. Европейского университета в С.-Петербурге, 2021. 368 с.
- 270 Н.Н. ПОДОСОКОРСКИЙ Дмитрий Травин об исторической отсталости России от Запада. Рец.: Травин Д.Я. Почему Россия отстала? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 368 с.

Мир

- 275 **К. КЕЛЛИ** *Первые и последние императоры. Рец.: In the Shadow of the Gods: The Emperor in World History, by Dominic Lieven, Allen Lane £35/ Viking \$40, 528 p.*
- 281 **Н. Н. МОРОЗОВ** *Румынское золото в России. Взгляд из Москвы, взгляд из Бухареста*
- 294 **М. В. СТРЕЛЕЦ** *Фундаментальный труд российских коллег. Рец.: Хавкин Б.Л., Божик К.Б. Российское зеркало германской истории. XX век. М.: Новый Хронограф, 2021. 384 с., ил.: 16 с.*
- 306 **М. М. МИНЦ** *Рец.: Донгаров А. Рапалло — Великий перелом — Пакт — Война: СССР на пути в стратегический тупик: Дипломатические хроники и размышления. М.: Первая Образцовая типография, 2020. 439 с.*
- 313 **В. А. ИВАНОВ** *Весомый вклад в изучение преступлений нацизма: новые исследования и документы о лагере смерти Трешлинка. Рец.: Трешлинка. Исследования. Воспоминания. Документы / отв. ред. К. А. Пахалюк. М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество»; Яуза-каталог, 2021 688 с.*
- 319 **М. В. НОВИКОВА** *Московский договор как часть советско-германского проекта взаимного сближения. Рец.: Филитов А.М. СССР, две Германии и политика разрядки (рубеж 60–70-х гг. XX века). М.: Истлит, 2020. 388 с.*

Российская империя

- 328 **А. С. СТЫКАЛИН** *Рец.: Таки В. Россия на Дунае. Империя, элиты и политика реформ в Молдавии и Валахии. 1812–1834. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 440 с.*
- 348 **М. СОРОКА** *Возникновение Крымской коалиции 1853 г. глазами русских, турок, англичан, немцев и французов. Историографические заметки*

СССР

- 371 **Е. А. ДОЛГОВА** *Бытовые контуры научного вдохновения. Рец.: Валькова О. Жизнь и удивительные приключения астронома Субботиной. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 608 с.: ил. (История науки)*

Колонка Андрея Тесли

- 378 **А. А. ТЕСЛЯ** *Об опыте биографии Николая Минского. Рец.: Сапожков С. В. По опасной тропе «холодных слов»: поэзия и судьба Николая Минского. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2021. 608 с.*

- 383 А.А. ТЕСЛЯ *В.Н. Коковцов: воспоминания молодости. Рец.: Коковцов В.Н., гр. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры / сост. М.А. Васильевой, М.В. Ковалева; вступ. слово Д. Хансона; предисл. С.М. Некрасова, А.В. Воронежцева и М.В. Ковалева; подгот. текста М.В. Ковлева, М.А. Васильевой; коммент. М.В. Ковалева. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; Русский путь, 2011. 288 с.*
- 388 А.А. ТЕСЛЯ *Частная жизнь железного века. Рец.: Флоренская В.А. Моя жизнь / подготовка текста О.Л. Бандман и Д.А. Лебедев, коммент. И.С. Булкиной. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 280 с. [серия: «Россия в мемуарах»].*
- 392 А.А. ТЕСЛЯ *Флоровский и Шмеман: письма через океан. Шмеман А., прот., Флоровский Г., прот. Письма 1947–1955 годов / сост., предисл., коммент. П.Л. Гаврилюка. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 448 с.*
- 397 А.А. ТЕСЛЯ *Один из первых. Рец.: Ховинг Т. Пусть мумии танцуют. Музей искусств Метрополитен изнутри / пер. с англ. С. Костина. М.: АртГид, 2022. 492 с.: илл. (совместная издательская программа Музея современного искусства «Гараж» и Artguide Editions, серия: «Директорская библиотека», вып. 2)*

ОСТОРОЖНО: ХАЛТУРА

- 402 Ю.В. ЛУЩАЙ *Искусство плагиата*

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 407 *«Историк получает образование, которое позволяет работать в самых разных областях и в том числе в сфере государственного управления». Интервью с А.Б. Каменским*
- 421 *«Во время следствия братьев отца просто забили насмерть в тюрьме». Интервью с Л.П. Крысиным*
- 443 *«Можно сказать, что я от экономики эволюционировал к экономической истории». Интервью с Д.Я. Травиным*
- 466 *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global memory

- 11 *Ludmila Isurin: "My entire book prepared the reader for the fact that sooner or later the escalating situation and ideological hysteria in both Russia and the United States should lead to open conflict". Interview with Lyudmila Isurin*

National Memory

- 24 *V. Shkerin: "The modern study of the Decembrists — it is something like the Union of Prosperity". Interview with V. Shkerin*
- 34 *Arnold Suppan: "The subject of the history of Austria can by no means be only the history of the population of a modern state within its national borders". Interview with Arnold Suppan*
- 45 *"The attention of the whole world was focused that year on little Czechoslovakia". Memoirs of Alexander Dubček in the mirror of archival documents*
- 67 *«On the eve of the introduction of martial law on December 13, 1981, there was a game of nerves between Moscow and Jaruzelski». Interview with P. Cheremushkin*
- 85 **JAROSLAV ŠIMOV** *Discussing 'Fascist Russia': What was said and what was omitted*

Family memory

- 94 **VÉRONIQUE JOBERT** *A Hundred years ago. Hunger in the Volga region*

Kievan Rus' in historical memory

- 109 **A. S. ISCHENKO** *The war of memories or who owns the heritage of Kievan Rus*
- 123 **D. A. BOROVKOV** *«Kievan Rus'» — the genesis of the historiographical concept in the historiography of the XIX–XXI centuries*

The Treaty of Rapallo in Russian and German historical memory. To the 100th anniversary

- 144 “Parians of Versailles, unite!” Rapallo’s politics and Count Brockdorff-Rantzau. Interview with B.L. Khavkin

Memory of the Second World War and its origins

- 163 Hungarian historian Attila Kolontári on the background and specific circumstances of Hungary’s entry into the war with the USSR in June 1941

- 185 “We have not discover any top-level approved documents, including those of propagandistic nature, which may undoubtedly prove the intention of the USSR to attack Germany first”. Interview with Vladimir A. Nevezhin

Concepts of historical memory

- 196 A. Yu. PERETYATKO *The Russian world of colonel Vasily Pudavov (1804–1863)*

Historical memory in art and culture

- 224 P. I. TAKHNAYEVA *Review of the historical film «Amanat» (2022): all events are fictitious, coincidences of names are not accidental*

REVIEWS

Methodology of historical science

- 244 L. R. KHUT *Clio as «Comfort Girl», or What happens to history when it falls into the hands of politicians. Rev.: Kurilla I. I. Bitva za proshloe: Kak politika menyaet istoriyu. — Moscow : Al’pina Pablisher, 2022. — 232 p.*
- 261 B. N. MIRONOV *Has Russia forever lagged behind Western Europe?! Rev.: Travin D. Ya. «Pochemu Rossiya otstala? SPb.: Izd. Evropejskogo universiteta v S.-Peterburge, 2021. 368 s.*
- 270 N. N. PODOSOKORSKY *Dmitry Travin about historical backwardness of Russia from the West. Rev.: Travin D. Ya. «Pochemu Rossiya otstala? SPb.: Izd. Evropejskogo universiteta v S.-Peterburge, 2021. 368 s.*

The world

- 275 **CATRIONA KELLY** *The first and last emperors. Rev.: In the Shadow of the Gods: The Emperor in World History, by Dominic Lieven, Allen Lane £35/ Viking \$40, 528 p.*
- 281 **N. N. MOROZOV** *Romanian gold in Russia. View from Moscow, view from Bucharest*
- 294 **M. V. STRELETS** *Fundamental work of Russian colleagues. Rev.: Khavkin B. L., Bozhik K. B. Rossijskoe zerkalo germanskoj istorii. XX vek / B. L. Khavkin, K. B. Bozhik – M.: Novyj Khronograf, 2021. – 384 s., il.: 16 s.*
- 306 **M. M. MINTS** *Rev.: Dongarov A. Rapallo – Velikii perelom – Pakt – Voyna: SSSR na puti v strategicheskii tupik: Diplomaticheskie khroniki i razmyshleniia [Rapallo – Great Break – Pact – War: The USSR on the way toward a strategic dead end: Diplomatic chronicles and discussion]. Moscow: Pervaia Obraztsovaia tipografiia, 2020. 439 p.*
- 313 **V. A. IVANOV** *Significant contribution to the study of Nazi crimes: new research and documents about the Treblinka death camp. Rev.: Treblinka. Issledovaniya. Vospominaniya. Dokumenty / Otv. red. K. A. Pakhalyuk. M.: Izdatel'skij dom «Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo»; Yauza-katalog, 2021. 688 s.*
- 319 **M. NOVIKOVA** *The Moscow treaty as part of the Soviet-German project of mutual rapprochement. Review: Filitov A.M. SSSR, dve Germanii I politika razryadki (rubezh 60-h – 70-h gg. XX veka). Moscow: Istlit, 2020, 388 p.*

The Russian Empire

- 328 **A. S. STYKALIN** *Rev.: Victor Taki . Rossiya na Dunae. Imperiya, elutyi i politika reform v Moldavii i Valahii. 1812 – 1834. Moskva: NLO, 2021, 440 p.*
- 348 **M. SOROKA** *The emergence of the Crimean coalition in 1853 through the Russian, Turkish, British, German and French eyes. Historiographic notes*

USSR

- 371 **E. A. DOLGOVA** *Everyday-life contours of scientific research. Rev.: Val'kova, O.A. (2021) Zhizn' i udivitel'nye priklucheniya astronoma Subbotinoj [The life and amazing adventures of astronomer Saturday]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie*

Andrey Teslya's column

- 378 A.A. TESLYA *On the experience of the biography of Nicolai Minsky Rev.: Sapozhkov S.V. Po opasnoj trope «kholodnykh sloV»: poehziya i sud'ba Nikolaya Minskogo. — M.: Izd-vo Dmitrij Sechin, 2021. — 608 s.*
- 383 A.A. TESLYA *Vladimir Kokovtsov: Memories of youth. Rev.: Kokovcov V.N., gr. Obryvki vospominanij iz moego detstva i licejskoj pory / Sost. M.A. Vasil'evoj, M. V. Kovaleva; vstup. slovo D. Khansona; predisl. S.M. Nekrasova, A. V. Voronezhceva i M. V. Kovaleva; podgot. teksta M. V. Kovleva, M.A. Vasil'evoj; komment. M. V. Kovaleva. — M.: Dom russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenicyna; Russkij put', 2011. — 288 s.*
- 388 A.A. TESLYA *Iron age privacy. Rev.: Florenskaya V.A. Moya zhizn' / Podgotovka teksta O.L. Bandman i D.A. Lebedev, komment. I. S. Bulkinov. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. — 280 s. — [seriya: «Rossiya v memuarakh»].*
- 392 A.A. TESLYA *Florovskiy and Shmemann: Letters across the ocean. Rev.: Shmeman A., prot., Forovskij G., prot. Pis'ma 1947–1955 godov / Sost., predisl., komment. P. L. Gavrilyuka. — M.: Izd-vo PSTGU, 2019. — 448 s.*
- 397 A.A. TESLYA *One of the first. Rev.: Hoving T. Pust' mumii tancujut. Muzej iskusstva Metropoliten iznutri / Per. s angl. S. Kostina. — M.: ArtGid, 2022. — 492 s.: ill. — (sovmestnaja izdatel'skaja programma Muzeja sovremennogo iskusstva «Garazh» i Artguide Editions, serija: «Direktorskaja biblioteka», vyp. 2).*

ATTENTION: TRASH

- 402 Yu. V. LUSHCHAY *The art of plagiarism*

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 407 *Alexander Kamensky: “A historian receives an education that allows him to work in various fields, including in the field of public administration.” Interview with A.B. Kamensky*
- 421 *Leonid Krysin: “During the investigation, my father's brothers were simply beaten to death in prison” Interview with L.P. Krysin*
- 443 *Dmitry Travin: “You could say that I evolved from economics to economic history.” Interview with D. Ya. Travin*
- 466 *Requirements for publication of articles and documents*

«МОЯ КНИГА ГОТОВИЛА ЧИТАТЕЛЯ
К ТОМУ, ЧТО РАНО ИЛИ ПОЗДНО
НАГНЕТАЮЩАЯСЯ ОБСТАНОВКА
И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТЕРИЯ КАК
В РОССИИ, ТАК И В СОЕДИНЕННЫХ
ШТАТАХ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПРИВЕСТИ
К ОТКРЫТОМУ КОНФЛИКТУ».

Интервью с Л. Исуриной

В интервью затрагиваются вопросы об истории семьи и биографии Людмилы Исуриной; значительная часть вопросов посвящена научным проблемам, которые затронуты в книге Людмилы Исуриной «Воссоздание врага: конструирование коллективной памяти в российских и американских медиа». Исследовательница отвечает на вопросы: как память, формируемая СМИ, воздействует и на общественное мнение, и на историографию; об искажениях информации о событиях в российских и американских СМИ; о личном опыте интегрирования в американскую науку.

Ключевые слова: коллективная память, общественное мнение, массмедиа, конструирование образа врага.

Сведения об авторе: Людмила Исурина, профессор кафедры славянских и восточноевропейских языков и культур, заведующая программой бакалавриата в Государственном университете штата Огайо.

Контактная информация: isurin.1@osu.edu.

Основные публикации: *Reenacting the Enemy: Collective Memory Construction in Russian and US Media*, by Ludmila Isurin (Oxford University Press, 2022); *Collective Remembering: Memory in the World and in the Mind*, by Ludmila Isurin (Cambridge University Press, 2017); *Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants: Russian Germans or German Russians*, co-edited by Ludmila Isurin and Claudia Maria Riehl (John Benjamins Publishing, 2017); *Memory, Language, and Bilingualism: Theoretical and Applied Approaches*, co-edited by Jeanette Altarriba and Ludmila Isurin (Cambridge University Press, 2012); *Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change*, by Ludmila Isurin (De Gruyter, 2011); *Multidisciplinary Approaches to Code Switching (Studies in Bilingualism)*, co-edited by Ludmila Isurin, Donald Winford, and Kees de Bot (John Benjamins Publishing Company, 2009).

“MY ENTIRE BOOK PREPARED THE READER FOR THE FACT THAT SOONER OR LATER THE ESCALATING SITUATION AND IDEOLOGICAL HYSTERIA IN BOTH RUSSIA AND THE UNITED STATES SHOULD LEAD TO OPEN CONFLICT”. Interview with Lyudmila Isurina

The interview raises questions about the family history and biography of Lyudmila Isurin; a significant part of the questions is devoted to scientific problems that are touched upon in the book by Lyudmila Isurin “*Reenacting the Enemy: Collective Memory Construction in Russian and U. S. Media*”. The researcher answers the questions: memories created by the media strongly influence not only public opinion but historiography as well; about the distortion of information about events in the Russian and American media; about personal experience of integration into American science.

Key words: collective memory, public opinion, mass media, construction of the image of the enemy.

About the author: Ludmila Isurin, is Professor in the Department of Slavic and East European Languages and Cultures, and Chair of Undergraduate Studies in the Ohio University.

Contact information: isurin.1@osu.edu.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Дорогая профессор Исурина, издательство Оксфордского университета недавно выпустило вашу книгу «Воссоздание врага: конструирование коллективной памяти в российских и американских медиа». Для анализа вы отобрали семь знаковых событий, произошедших в 2014–2018 гг.: завладение Крымом, конфликт на востоке Украины, сбитый самолет рейса МН17, конфликт в Сирии, президентские

выборы 2016 г. в США, Олимпийские игры 2014 г. в Сочи, дело Скрипалей. Согласно вашей теоретической рамке, медиа играют роль «челнока», который связывает коллективную память и индивидуальное сознание. Вы используете два вида источников: 1) более трехсот публикаций ведущих американских и российских изданий; 2) данные опроса более двухсот американских и российских респондентов. Анализ

публикаций показывает, как медиа воссоздают искаженный образ «другого», используя готовые схемы памяти и пристрастные подходы. Данные опроса дают представление, в какой мере медиа влияют на умы и создают общественное мнение. Я считаю, что избранный вами подход чрезвычайно продуктивен, т.к. может быть с успехом применен к исследованиям других случаев сложного взаимодействия в «бермудском треугольнике» памяти, медиа и сознания. Я бы хотел задать несколько вопросов, касающихся проблем, которые рассматриваются в вашей книге, но прежде разрешите спросить о вещах личного характера.

Главная тема нашего журнала — память. Поэтому всем нашим респондентам мы первым делом задаем один и тот же вопрос. Ян Ассман считает, что коммуникативная (семейная) память в современном обществе простирается на три поколения, т.е. охватывает период 80–100 лет. Какова глубина вашей семейной памяти? Могли бы вы рассказать о ваших предках и родителях?

Л.И. Одним из курсов, который я читаю в университете, является академическое письмо в рамках темы иммиграции. И первым заданием для слушателей является работа с памятью о семейной истории. Я прошу студентов задать как можно больше вопросов своим родителям и родственникам о предках. Я всегда добавляю: «Сделайте для ваших детей то, что мне бы хотелось, чтобы мои родители сделали для меня». Студентам нравится это задание, и они

всегда отмечают, как много они узнали о своих корнях благодаря этому эссе. Часто эти корни уходят на несколько веков вплоть до первых американских поселенцев. Я боюсь, что в советское время преемственность семейной памяти часто была нарушена и написание подобного эссе не всегда, как и в моем случае, было бы легкой задачей.

У меня две в высшей степени непохожих линии предков: со стороны матери — это русские крестьяне, проживавшие на границе с нынешней Латвией, и жившие в Санкт-Петербурге русские аристократы со стороны отца. В детстве в летние месяцы я проводила много времени в деревне, где жили родители моей матери. Поэтому я хорошо знаю моих крестьянских предков. Вместе с тем меня влекло к моим таинственным и «запрещенным» предкам, тем дворянам, чьи фотографии я видела в семейном альбоме. Мой прадед — Павел Петрович Масленников, по дошедшим до меня семейным воспоминаниям, был важным правительственным чиновником в царствование Николая II, и его семья владела участками земли и домами на Васильевском острове, где, по иронии судьбы, я родилась в коммунальной квартире. Мне об этом рассказывал отец. Во время наших лыжных прогулок мы посещали Смоленское кладбище, где похоронены все мои предки. На православное Рождество мы навещали дедушкиного брата (сам дед умер в блокадном Ленинграде), единственного представителя этого поколения нашей семьи, кого я знала лично. Ребенком я зачарованно смотрела на этого старца, чья юношеская фотография в офицерской форме (не знаю, когда

она была сделана: до революции или, возможно, во время Гражданской войны — он служил у белых) хранилась в нашем семейном альбоме. Он играл на пианино, над которым висели иконы с зажженными свечами. Мой мир не имел ничего общего с обликом этой квартиры, и я знала, что никому, кроме членов семьи, нельзя рассказывать об этом празднике и об этих иконах. К несчастью, мой отец умер, когда мне было лишь десять лет, и поэтому у меня нет ответа на многие вопросы, но осталось много старых фотографий. На одной из них кормилица в нарядной одежде с богатым кокошником держит на руках ребенка — одного из детей моей прабабки, которая, я знаю, была немецкого происхождения и носила пенсне. Сохранилась открытка, отправленная в 1930-е гг. из Парижа одним из моих прадедов, который эмигрировал после революции. Когда в начале 1990 г. мы эмигрировали из СССР, я смогла тайком вывезти лишь несколько из старых семейных фотографий, т.к. в то время подобные вещи было запрещено вывозить. Два года назад я сделала генетический тест, который показал, что большая часть моих высоких белокурых предков происходят из Латвии. Но я всегда хотела узнать побольше о той части мой семьи, которая происходит из Петербурга.

С.Э. Исследования памяти достаточно новое и еще не окончательно утвердившееся направление исследований. Поэтому оно объединяет представителей различных дисциплин. Почему вы обратились к исследованиям памяти? Сказались на этом решении ваши семейная или личная памяти?

Л.И. Нет, мое путешествие в сферу памяти не было вдохновлено интересом к истории моей семьи. Но повлияли мои наблюдения над тем, как в иммиграции я постепенно утрачиваю навыки владения русским языком. Начиная с диссертации о памяти и забывании иммигрантами родного языка и моих исследований когнитивных аспектов памяти применительно к двуязычию и забыванию первого языка, я считала, что зарекомендовала себя в этой специфической отрасли исследований памяти. Я также интересовалась автобиографической памятью и собрала истории российских иммигрантов в Израиль, Германию и США для моей книги «Русская диаспора» (2011). Но в полной мере я обратилась к коллективной памяти, когда мы с коллегой в 2011 г. опубликовали в издательстве Кембриджского университета книгу «Память, язык и двуязычие» и один из рецензентов упомянул потрясшую меня книгу «Память в сознании и культуре» под редакцией Паскаля Бойера и Джеймса Верча (*Boyer & Wertsch 2009*).

В 2017 г. вышла моя первая книга о коллективной памяти, где я рассмотрела девять недавних политических событий русской истории. Я изучала их освещение в медиа, энциклопедических изданиях и школьных учебниках, а также как они запомнились жителями России и российскими иммигрантами в США. Я хотела понять, насколько различаются памяти об этих событиях у представителей двух названных групп и как они реконструируются по прошествии времени. Когда я заканчивала книгу, случилось завладение Крымом. Я добавила это событие

в опрос, и это был единственный из рассмотренных в моей книге случаев, вызвавших полностью противоположные оценки российских эмигрантов и жителей России. Тогда я подумала, что позже я вернусь к этой теме и напишу статью. Но последующие события так быстро накапливались, что в рамках статьи их рассмотреть стало невозможно. Так родилась новая книга...

С.Э. Вы российский эмигрант. После путинского вторжения в Украину многие российские ученые покинули страну, и многие коллеги собираются последовать их примеру. Поэтому наши читатели будут признательны, если вы поделитесь с ними своим опытом иммиграции и интеграции в американскую науку. Может, вы дадите какие-либо рекомендации нашим коллегам?

Л.И. Я знакома лишь с несколькими российскими иммигрантами в научной среде США. Я считаю, что у каждого есть своя история и собственный путь вхождения в американские университеты и достижения успеха в американской науке.

Мой путь не был прямым, т. к. у меня было две иммиграции. Мой муж — еврей наполовину (по «правильной» материнской линии). Это позволило нам после нескольких лет ожидания официального приглашения, как тогда говорили — «вызова», подать в конце 1989 г. заявление на выезд. Но в тот момент, когда мы получили разрешение на выезд из СССР, американское правительство закрыло выезд для всех, кто не имел прямых родственников в США, куда мы собирались. К тому времени мы уже

отказались от советского гражданства, и в ситуации, когда все мосты были сожжены, для нас была открыта лишь одна страна — Израиль, куда мы и уехали с пятимесячным ребенком на руках. Мы говорили тогда друзьям, что едем в Америку через Израиль. Мы тогда не знали, что «через» займет шесть лет тяжелой иммиграции, «оседания» и адаптации к новой и чуждой нам культуре, поиска работы по профессии. В результате многие российские иммигранты считали нас успешными и спрашивали: «Зачем вы хотите еще раз эмигрировать?» Я преподавала в одном из израильских университетов, мой муж работал инженером. Но будучи в Израиле «нееврейской» матерью маленького ребенка, я решила, что нам все-таки следует направиться в «порт назначения», вопреки тому, что с первой попытки зайти в него не удалось. Вопрос, чтобы нас в Америке считали беженцами из Израиля, был исключен, а возможность стать нелегальными иммигрантами даже не рассматривалась. Я всегда хотела получить ученую степень, и единственно приемлемым для меня путем был приезд в США на учебу. Меня приняли в университет штата Луизиана, и в 1999 г. я получила докторскую (PhD) степень по психолингвистике. Восемь лет после этого я работала на «полставки» (part-time lecturer) на двух кафедрах университета штата Огайо. После этого я была директором языковых программ, и только потом я наконец-то получила начальную ставку профессора. В 2018 г. я получила высшее для американской науки звание полного профессора. В моем описании это может показаться не особо трудным путем к успеху. На самом деле на

академическом рынке США царит жесткая конкуренция. Часто требуется либо американская, либо западная ученая степень, необходим опыт преподавания в Северной Америке, обязательны публикации в ведущих англоязычных журналах. За многие годы участия в международных конференциях я не так часто встречала там российских коллег и не так часто находила статьи ученых из России в западных журналах. Я часто чувствую, что интеллектуальная мысль в российской науке движется параллельно Западу. В настоящее время россиянам стало еще труднее посещать международные конференции и приезжать в США. Тем не менее возможности для академической карьеры в США все еще существуют. Например, в этом году моя кафедра открыла позицию для специалиста в широкой сфере сибирских исследований. Очевидно, что кандидаты из России тоже могут участвовать в конкурсе.

Что я могу посоветовать российским коллегам? Напряженная работа, упорство и ясный ум предвещают успех в этой стране. Из трех стран, которые я изучала (это подтверждается также наблюдениями социологов) — Германии, Израиля и США, — Соединенные Штаты демонстрируют самый низкий уровень профессионального «принижения» иммигрантов. В качестве примера приведу опыт моего мужа, который, будучи очень способным и успешным инженером, попал на первую должность с перспективой получения официально разрешенной работы и грин-карты, не зная английского языка. Компании платили мне, как его личному переводчику, когда

мы летали с ним на интервью. Теперь он автор 15 американских патентов. США предоставляют иммигрантам шанс преуспеть, в том числе и в научной сфере!

С. Э. Я впечатлен идеей вашей книги, согласно которой новости, транслируемые медиа, выступают не просто «черновиком памяти», но память, формируемая СМИ, воздействует и на общественное мнение, и также на историографию. Вы пишете: «Журнализм не только находится на передовой линии документирования исторических событий, но также конструирует новые памяти». Я полагаю, что историкам такое утверждение не слишком понравится, т. к. большинство из них считает, что медиа должны делать отсылки к прошлому на основе экспертных оценок исторической корпорации. Могли бы вы разъяснить вашу концепцию и привести примеры?

Л. И. Я не стану приписывать себе идею, что медиа создают первоначальный «черновик» истории. Это мнение разделяют многие ученые в области, рассматривающей связь между памятью и журнализмом. Хотя исследователи полагают, что «историки отчетливо осознают, что они не являются журналистами, и что журналисты по меньшей мере отчасти учитывают это различие и обычно признают его последствия» (*Olick* 2014: 21), они также утверждают, что коллективная память часто берет начало из новостей прессы. «Если медиа “решили не помнить”, т. е. не помещают рассказ о событии на видном месте, официальная память о нем начинает стираться» (*Birds* 2011). Я могу проиллюстрировать этот тезис

двумя примерами из моей предыдущей книги о российской коллективной памяти (2017): кубинского, или карибского, как говорят в России, ракетного кризиса (1962) и космического полета Гагарина (1961). При работе над этим проектом у меня был доступ к оцифрованному архиву газеты «Правда», включающему все выпуски начиная с 1912 г., и я могла читать любой из ее номеров, вышедших за более чем столетний период. Я обнаружила, что советская пресса очень мало сообщала о кубинском кризисе в период, когда он развивался, а после его разрешения больше не упоминала об этом событии. Публикации по поводу полета Гагарина, напротив, помещались на первой странице «Правды» несколько дней спустя после этого важного события. Не удивительно, что все россияне, которых я опрашивала в рамках моего проекта, хранили едва ли не фотографическую память о полете Гагарина, и часто эта память практически без изменений передавалась следующим поколениям. В то же время большинство россиян признавались, что они не помнят о кубинском ракетном кризисе. По иронии судьбы, когда я только приехала в США, мой американский приятель спросил меня, какие чувства мои родители испытывали во время этого кризиса, и я честно спросила в ответ: «О каком кризисе идет речь?»

С. Э. В советское время мы знали, что газета «Правда» лжет, и в то же время верили, что «Голос Америки» сообщает чистую правду. Это удивительно, но и сегодня многие русские либералы считают, что лгут только российские СМИ, а ведущие западные медиа беспристрастны.

Ваша книга разрушает их искреннюю веру. Вы даже доказываете, что российские журналисты не столь единодушно распространяют правительственную повестку в сравнении с их американскими коллегами: «Интересно наблюдать, как пристрастны публикации СМИ двух стран. В этом смысле мы легко обнаруживаем сходство в том, как российские медиа, контролируемые государством, и большинство американских изданий представляют и поддерживают позиции своих правительств по любому политическому вопросу. Но если взглянуть на российские медиа, то можно обнаружить отчетливую разницу в том, как освещают события независимые издания. <...> Их журналисты, не колеблясь, критикуют собственное правительство и его политику». Не могли бы вы привести примеры из вашей книги, каким образом американские медиа создают искаженное представление о внешнеполитических событиях?

Л. И. Прежде чем приводить исследованные мной случаи искажения событий американскими медиа, я должна сказать, что большинство респондентов моего опроса относятся к либеральной части политического спектра: американцы не голосовали за Трампа в 2016 г., россияне не голосовали за Путина в 2018 г. Обе группы согласились, что медиа пристрастно освещают международную политику. Правда, среди русских уровень недоверия был выше (79%), чем среди американцев (52%). Вопреки их скептическому отношению к своим медиа, память моих респондентов о событиях 2014–2018 гг. строится

в соответствии с идеологическими линиями, продвигаемыми в СМИ.

Я бы хотела процитировать слова Джеймса Верча из рецензии на мою книгу, которые резонируют с моими чувствами во время ее написания: «Ее заключения могут вызвать дискомфорт как у американских, так и у российских читателей, но в этом и состоит чрезвычайно важный вклад этой книги». Другими словами, отвечая на ваш вопрос, как американские медиа искажают реальность, я хочу напомнить, что в равной мере критически отношусь к тому, как американские СМИ и подконтрольные государству российские медиа освещают события на основе идеологических, т. е. пристрастных точек зрения.

Теперь поговорим об искажениях, свойственных американской стороне. Под искажениями в моей книге понимается разница между первыми репортажами о тех или иных событиях и тем, как позднее менялись рассказы о них как путем умолчания, так и неверным представлением изначально сообщенных фактов. С этой точки зрения примечательны репортажи американских СМИ по поводу крымских событий. Вначале они сообщили, что в ходе референдума 97% жителей Крыма проголосовали за присоединение к России, потом назвали этот референдум фальшивкой, а позднее исчезли любые указания на «свободное волеизъявление» населения Крыма. Более того, умалчивалась информация о том, что Крым был передан из состава России в состав Украины «волонтаристским» решением Хрущева и что большинство населения Крыма — это этнические русские.

Следующий факт — это указания американской прессы на «силовой захват Крыма» Россией, сделанные задним числом. Они противоречат репортажам, опубликованным в ходе событий, когда не упоминалось о применении военной силы или насилия и овладение Крымом описывалось как необычное «тихое вторжение» в присутствии дружественного и вежливого военного контингента без опознавательных знаков. Лишь некоторые американские издания неохотно признали факт достаточно активной вовлеченности американского правительства в процесс смены власти в Украине, но сделали они это только после того, как Россия предоставила неопровержимые свидетельства американского вмешательства. Однако этот факт быстро исчез из дальнейших дискуссий, а Россия была обвинена в том, что опубликовала эти компрометирующие документы. Пристрастность проявилась и в репортажах с Олимпийских игр в Сочи, когда американские СМИ — задолго до допингового скандала, приведшего многих российских атлетов к лишению медалей, — сознательно принижали значительные успехи россиян. Более того, в американских медиа серьезно искажалась информация расследования случая с рейсом МН17 и отравления Скрипалей. В то время как следственная комиссия из Нидерландов еще не успела выяснить, *кто* выпустил ракету, сбившую самолет, следовавший рейсом МН17, и *откуда* именно он был сбит, как справедливо указывали на это некоторые американские журналисты, их коллеги уже запускали не подтвержденные, но безапелляционные утверждения, что это сделали русские сепаратисты или даже

российские военные. В случае Скрипалей авторитетные международные организации успели установить только природу поражающего вещества, использованного при попытке убийства, но американские репортеры тут же поспешили заявить, что происхождение вещества установлено и что оно изготовлено и пущено в ход российским правительством.

В процессе моего анализа я также обратила внимание на язык описания событий, который тоже создает искажения. Приведу лишь несколько примеров, среди которых свойственное большинству американских СМИ, освещавших события 2014–2018 гг., намеренное именование «русскими» русскоязычных сепаратистов, которые являются гражданами Украины; именование гражданской войны в Украине войной между Украиной и Россией; именование завладения Крымом не просто аннексией, но русским вторжением, интервенцией или оккупацией; обильное использование производных от слова «террорист» применительно к сепаратистам Донбасса и России; странная предрасположенность к слову «оккупация» привела одного из журналистов к неуклюжему описанию пророссийской демонстрации в Восточной Украине как собрания людей, призывающих Россию *окупируют* их страну (на самом деле на плакате, его фото воспроизведено в моей книге, было написано: «Путин введи войска». Эту надпись можно также интерпретировать как призыв не к оккупации, а к миротворческой миссии, но журналист выбрал первую, более жесткую опцию); при описании протестов в Восточной Украине пророссийские

демонстранты именуются «толпа» или «вооруженные формирования» (*militia*), тогда как их оппоненты описываются нейтральным термином «прокиевские демонстранты». В контексте тиражируемого американскими СМИ предположения об очевидном превосходстве американских читателей перед российскими, которым, как считается, промыли мозги идеологией, забавно звучит утверждение, что американский народ *инстинктивно* отличает правду от лжи. У меня оно порождает вопрос: откуда у американцев берутся эти *здоровые инстинкты*, если не из прессы, которая столь же пристрастна, как и российская?

С. Э. Одна из важных тем вашей книги — это давние схемы (*schemata*) памяти, которые российские и американские медиа «освежают» в процессе подачи новостей. Могли бы вы назвать главные схемы двух стран?

Л. И. Если начинать в хронологическом порядке с Сочинской олимпиады, то основные сценарии обеих сторон ссылались на достаточно отдаленные события. В американской прессе это были ссылки на железный занавес, на кагэбэшное прошлое Владимира Путина, деспотического руководителя, подобного Сталину, на поражение, которое советские хоккеисты потерпели от американцев на Олимпийских играх 1980 г., известное в американской коллективной памяти как «Чудо на льду». В российских медиа это были ссылки на победу во Второй мировой войне, запуск первого человека в космос, а также ссылки на то, что Россия окружена ее ненавистниками.

Однако ситуация решительно изменилась после российского завладения Крымом в 2014 г. В первых отчетах американских СМИ до, в ходе и сразу после крымских событий Путин изображался как злодей и вместе с тем высказывались симпатии к Украине. Одновременно мы видим, что идет поиск правильного сценария для контекстуализации того факта, что Путин быстро и бескровно перечертил государственные границы. Вначале американские журналисты признавали российскую обеспокоенность экспансией НАТО, а также справедливость обвинений в адрес США как ведущей силы в свержении правительства в Ливии и в войне за Косово. Но вскоре эти сюжеты быстро исчезли из репортажей американских медиа. Вместо этого был учрежден новый сценарий, где российское завладение Крымом однозначно, без «смягчающих обстоятельств», описывалось как аннексия / интервенция / вторжение / оккупация. Все последующие после 2014 г. события подавались через эту рамку, напоминая американским читателям о враждебной природе «воскрешенного» старого врага.

Россия создала свой альтернативный дискурс, в котором подчеркивались следующие обстоятельства: свободное волеизъявление народа Крыма по вопросу присоединения к России и законность этого процесса; ультраправые националисты, совершившие переворот в Киеве и угрожающие этническим русским в Крыму, нелегитимность нового украинского правительства. Этот нарратив, оправдывающий завладение Крымом, годами повторялся снова и снова в ходе дискуссий по

различным политическим вопросам. Таким образом российские СМИ создавали портрет США как пресловутого «другого», который организовал свержение законного украинского правительства. Подчеркивая тягость несправедливых экономических санкций, наложенных на Россию после завладения Крымом, российские медиа создали новый сценарий, внутри которого обсуждалась политика Запада и, прежде всего, США. Образы России как героического спасителя народа Крыма от опасности ультраправых / «фашистских» вооруженных формирований и США как кукловода, стоящего за переворотом в Киеве, вошли составной частью в сценарии прессы и не изменялись на протяжении последующих лет. Более того, в то время как американские СМИ заранее обвиняли Россию в совершении таких преступлений, как крушение самолета рейса МН17, химические атаки в Сирии и отравление Скрипалей, т. е. намного ранее, чем это было установлено органами следствия, подкрепляя эти обвинения тем фактом, что Россия силой захватила Крым, российские медиа напоминали своей аудитории о роли США в войне за Косово или же о печально знаменитой пробирке, якобы содержавшей «несомненные доказательства» того, что Саддам Хусейн обладает химическим оружием, при помощи которой оправдывалось начало войны руководимой США коалиции в Ираке. Эти напоминания, вплетающиеся в новый сценарий, служили инструментами дискредитации любых американских обвинений в адрес России.

С. Э. Вы не только рассматриваете дискурсы памяти, но также провели

опрос, чтобы выяснить, как медиа влияют на индивидуальное сознание. Разрешите мне воспроизвести

таблицу «Как хорошо американцы помнят события», опубликованную в вашей книге.

Событие/Сила памяти	Сила памяти (%)			
	Очень хорошо	Относительно хорошо	Смутно	Не помню
1. Завладение Крымом	5,7	37,5	26	30,8
2. Конфликт на Востоке Украины	0,9	12,5	49,1	37,5
3. Сбитый самолет рейса МН17	16,5	40,8	33	9,7
4. Конфликт в Сирии	3,9	39,8	46,6	9,7
5. Олимпийские игры в Сочи	1	25,2	56,3	17,5
6. Случай Скрипалей	2,9	28,2	38,8	30,1

Эта таблица показывает, что американская аудитория не слишком вовлечена в обсуждение ключевых событий международной политики. Ваши респонденты лучше всего помнят сбитый самолет рейса МН17 (предполагаю, что в связи с тем, что погибло много граждан западных стран) и демонстрируют почти полную «амнезию» в отношении конфликта в Донецком регионе Украины. Как вы объясняете такую необычную с российской точки зрения картину? Может, американские медиа не уделяли достаточного внимания событиям, которые вы анализировали в своей книге?

Л. И. Вы правы, после 2014 г. американские СМИ почти не обсуждали конфликт на Донбассе. Сходным образом внимание американских СМИ к нынешней «спецоперации» также постепенно стихает, и с течением времени все труднее найти газетные заголовки по этой теме, а если они и есть, то информация освещается исключительно с позиции Украины. Мне было интересно выяснить, как люди, смутно помнящие то или иное событие, отвечают на мои вопросы.

Они в основном скатываются к стереотипам своей памяти и в результате воспроизводят полностью ложные представления.

С. Э. Известная шутка: «Россия — страна с непредсказуемым прошлым» — подразумевает переписывание истории в результате идеологического давления недемократических режимов. Но есть и другая причина, по которой честные историки должны пересматривать свои выводы: новые знаковые события неминуемо изменяют наш взгляд на весь сюжет предшествовавшей истории. Я считаю, что путинское вторжение в Украину в 2022 г. — это «триггер», изменяющий наше понимание как завладения Крымом в 2014 г., так и других событий, которые рассматриваются в вашей книге. Она была закончена и отправлена в издательство в 2020 г., но вышла в свет после 24 февраля 2022 г. Внесли ли вы в нее какие-либо изменения перед выходом? В любом случае, меняли ли вы текст либо оставили его неизменным, могли бы вы объяснить свое решение?

Л. И. Это хороший вопрос. Я отправила рукопись в издательство Оксфордского университета летом 2020 г. и думала, что она выйдет своевременно. Когда книга вышла два месяца спустя после путинского вторжения в Украину, я с грустью признала, что она уже устарела. К сожалению, западные издательства придерживаются очень строгих правил относительно количества изменений, которые автор может вносить в содержание после того, как рукопись отправлена в набор. Последний раз я смогла сделать небольшие изменения в августе 2021 г., после чего можно было исправлять только грамматические ошибки. Таким образом, после ноября 2021 г. я уже не могла ничего изменить. Более того, в контексте нараставшего напряжения между Россией и США я просила ускорить выход книги, но издательство не откликнулось на мою просьбу. Как говорится, добро пожаловать в издательский мир... Но если бы у меня была возможность что-то добавить после 24 февраля, я бы сказала, что вся моя книга готовила читателя к тому, что рано или поздно нагнетающаяся обстановка и идеологическая истерия как в России, так и в Соединенных Штатах должна была привести к открытому конфликту. И я не думаю, что он не был спровоцирован отчасти той страной, где я живу. И, может, я бы изменила название книги с «Воссоздания Врага» на «Враг Воссоздан...».

С. Э. Каковы ваши академические планы?

Л. И. Мне повезло, что я могу в данный момент работать в составе небольшой группы международных

исследователей коллективной памяти под руководством Джеймса Верча и Генри («Родди») Редигера. В ноябре 2021 г. в рамках этой программы я получила грант для проведения исследования с предварительным названием «Память о поражении как источник формирования коллективных представлений о будущем». Этот проект фокусируется на коллективной памяти о поражении и том, как она способна или не способна формировать коллективные представления о будущем. Первоначальный замысел предусматривал исследование трех поражений: Вьетнамской войны, Советской войны в Афганистане и войны коалиции под руководством США в Афганистане. Цель исследования — проанализировать, как каждое из этих поражений конструировалось медиа в России и США и каким образом с течением времени происходила их реконструкция в медиа и (в случае войны во Вьетнаме и советской войны в Афганистане) в школьных учебниках истории. Вторая часть предполагает масштабный опрос общественного мнения и в США, и в России (на что должна пойти большая часть средств гранта). Я уже общалась с представителями московской социологической службы «Левада-Центр» и была очень рада возможности получить с их помощью данные от участников опроса. Но нынешняя политическая ситуация приостановила, если не разрушила эти планы. Как вы понимаете, все виды сотрудничества и деловых отношений сейчас разорваны, и нам не разрешается вести какие-либо исследования в России. Честно говоря, я не знаю, как после этапа анализа медиа можно будет продолжить этот проект. Сейчас идет массовый сбор

данных, и я решила включить в этот процесс анализ нынешнего кризиса в Украине, несмотря на то, что исход его еще не предопределен и непонятно, что будет пониматься под поражением в данной ситуации. Я не понимаю, с какой целью американские политики вмешиваются в наши научные планы. Неужели они не хотят получить из нашего исследования новое знание о состоянии умов в стране ныне уже «воссозданного врага»?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Bird 2011 — *Bird E.* Reclaiming Asaba: Old media, new media, and the construction of memory // M. Neiger, O. Meyers, & E. Zandberg (Eds.) *On Media memory: Collective memory in a new media age.* Hampshire, UK: Palgrave Macmillan Memory Studies, 2011. P. 88–103.

Boyer & Wertsch 2009 — *Boyer P., & Wertsch J.* (Eds.). *Memory in mind and cul-*

ture. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.

Olick 2014 — *Olick J.* Reflections on the underdeveloped relations between journalism and memory studies // B. Zelizer & K. Tenenboim-Weinblatt (Eds.) *Journalism and memory.* Basingstoke, U.K.: Palgrave Macmillan Memory Studies, 2014. P. 17–31.

REFERENCES

Bird E. Reclaiming Asaba: Old media, new media, and the construction of memory, In M. Neiger, O. Meyers, & E. Zandberg (Eds.) *On Media memory: Collective memory in a new media age.* Hampshire, UK: Palgrave Macmillan Memory Studies, 2011. P. 88–103.

Boyer P., & Wertsch J. (Eds.). *Memory in mind and culture.* Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.

Olick J. Reflections on the underdeveloped relations between journalism and memory studies, In B. Zelizer & K. Tenenboim-Weinblatt (Eds.) *Journalism and memory.* Basingstoke, U.K.: Palgrave Macmillan Memory Studies, 2014. P. 17–31.

«СОВРЕМЕННОЕ ДЕКАБРИСТОВЕДЕНИЕ — ЭТО ЧТО-ТО ВРОДЕ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ». ИНТЕРВЬЮ С В. А. ШКЕРИНЫМ

Известный отечественный историк рассказывает об основных вехах своего творческого пути и ключевых аспектах своих исследований.

Ключевые слова: история России, движение декабристов, декабристование, дело петрашевцев, горнозаводской Урал.

Сведения об авторе: Шкерин Владимир Анатольевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Контактная информация: shkerin_uit@mail.ru.

“THE MODERN STUDY OF THE DECEMBRISTS — IT IS SOMETHING LIKE THE UNION OF PROSPERITY”. Interview with V. Shkerin

The famous Russian historian talks about the main milestones of his career and the main aspects of his research.

Key words: history of Russia, the Decembrist movement, Decembrist studies, the case of the Petrashevsky circle, industrial Ural.

About the author: Shkerin Vladimir Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: shkerin_uit@mail.ru.

Автор книги: «Генерал Глинка: Личность и эпоха» (1998, 2006, 2008); «От тайного общества до Святейшего Синода: Декабрист С. Д. Нечаев» (2005); «Декабристы на госу-

© Историческая Экспертиза, 2022
DOI 10.31754/2409-6105-2022-2-24-33

дарственной службе в эпоху Николая I» (2008); «Уральский след декабриста Бригена» (2016); «Поединок на шпионах»: Дело петрашевцев и политическая провокация в России» (2019).

Беседовал С. Е. Эрлих, 2020 г.

С. Э. Сейчас многие считают, что культивирование в нашей стране семейной памяти могло бы позволить эффективно противостоять лживой исторической политике Кремля. Как глубоко простирается ваша семейная память? Как она соотносится (в каких моментах совпадает, в каких противостоит) с современной официальной версией национальной памяти?

В. Ш. Наша семейная память ведет отсчет с середины XVII в., когда в селе Арать Арзамасского уезда жил крестьянин Авдей Шкерин. Это мой предок в 11-м колене. На рубеже XVIII–XIX вв. Арать принадлежала Екатерине Ивановне Козицкой — вдове статс-секретаря Екатерины II и дочери купца И. С. Мясникова, основателя и владельца металлургических заводов на Южном Урале. Часть аратских крестьян перевели на Урал для обеспечения этих заводов древесным углем. Так не позднее 1795 г. возникла деревня, сначала называвшаяся просто Новой, потом Ново-Аратской, а ныне это село Аратское Катав-Ивановского района Челябинской области. Кстати, Аратское — это ближайший населенный пункт к знаменитой Игнатьевской пещере, в которой найдены рисунки древних людей. Среди переведенных крестьян был Василий Филиппов сын Шкерин, праправнук упомянутого Авдея. Так род разделился на две поныне существующих ветви — нижегородскую и уральскую. Все

уральские Шкерины пошли от четырех сыновей Василия. Мы — потомки Игнатия Васильевича. Из Аратского Шкерины расселились в деревню Орловку (где, в частности, родился советский писатель Михаил Шкерин, автор скучных производственных романов). Из Орловки в 1846 г. Шкерины перебрались в село Бедярыш. А Бедярыш — это уже родина моих родителей.

Способна ли семейная память противостоять историческому официозу? В моем случае для этого материала маловато. Ревизские сказки сообщают, кто чей сын и внук, не более. Мемуаров же крестьянские предки не писали. Да и родители заговорили лишь в перестройку. Много лет с нами жила бабушка, мама моей мамы. Умерла, когда я уже студентом был. Думаете, она сама или кто-то из родни хоть словом обмолвились, что бабушка отсидела по «закону о трех колосках»? Арестовали же ее буквально за три колоска: в башмаке нашли несколько зерен. И папа только года за два-три до кончины обмолвился, что дедушку в период Великой Отечественной неоднократно забирали. Дед возглавлял в таежном Бедярыше артель имени Эрнста Тельмана. Вот, вероятно, и проверяли, не немецкий ли шпион. Возвращался из города с черным от побоев лицом. Советские люди крепко усвоили, что во многом знании много печали, и детей своих от лишней информации оберегали.

С.Э. Почему вы решили стать историком, какие люди и книги оказали принципиальное влияние на ваше научное мировоззрение?

В.Ш. Историком стал, вероятно, благодаря Стивенсону, Майн Рида и Дюма. Они были в самом начале — в детстве-отрочестве. В старших классах пережил потрясение от «Войны и мира», зародившее интерес к бурной эпохе начала XIX в. и от нее — к Великой французской революции как к первопричине. Тогда же с упоением поглощал классику исторического научпопа — «Наполеона» и «Талейрана» Е.В. Тарле, «Три портрета» А.З. Манфреда. Отсюда же и интерес к нашим декабристам как к последышам эпохи великих потрясений. Но если решите, что сразу после школы помчался на истфак, то нет. С детства мечтал стать книжным иллюстратором — книжки умные читать и рисуночки рисовать. Шоколад в шоколаде. И если бы приемная комиссия Львовского полиграфического института меня не отсеяла, был бы сейчас украинским художником, а не уральским историком. Хотя книжки потом все равно иллюстрировал, да и карикатуры мои печатались тиражами, несравнимыми с научными публикациями. Но это уже хобби, не профессия.

С.Э. Вы много занимались участниками тайных обществ, которые не только избежали наказания, но и сделали успешные карьеры. Чем вас заинтересовали эти люди? Не является ли искусственным их включение в декабристский контекст? Сказался ли как-то опыт тайных обществ в их административной деятельности? Помогали ли они

своим бывшим единомышленникам, отбывавшим наказание на окраинах империи?

В.Ш. Разумеется, вначале был интерес к декабристам исключительно, как к герценовским богатырям из чистой стали. Даже не интерес, а восхищение, влюбленность, непонимание их мотивов. В значительной степени все это осталось со мной и поныне. Помните, как однажды выступали в Ельцин-центре, и поднялась возмущенная дама: да как вы смеее так говорить о декабристах? Пришлось снимать личины беспристрастных ученых и сознаваться, что мы их любим, но любовь уже вышла из подросткового возраста. Зато эта подростковая влюбленность в декабристов привела меня на истфак. Не учел лишь, что в Уральском университете декабристоведов никогда не было. Уральская школа византиноведения есть, а декабристоведения — нет. Есть в Москве декабристоведческий блогер, пишущий под ником «Одна змея». Она (ибо это женщина) пару выпусков своего «Живого журнала» посвятила моей книге «Уральский след декабриста Бригена». В ее разборе есть и меткие замечания, и словоблудие. И одно место, которое удивило, заставило призадуматься. Змея пишет, что Шкерин хоть не новичок в теме, но попал в декабристоведение случайно. Что означает это «случайно»? А неслучайно попасть — это как? Так вот, по-моему, современное декабристоведение — это что-то вроде Союза благоденствия. Как тайное общество, деятельность которого ни для кого не тайна, но пополнять его ряды имеют право лишь ранее посвященные наставники. Управы этого общества закономерно существуют

в Москве, Питере, Киеве, Саратове, Новосибирске, Иркутске. Декабристовед же из Екатеринбурга — это случайность.

Вы спрашивали о людях, повлиявших на меня как историка. Я встречал немало замечательных коллег, но троих назвал бы особо. Это Рудольф Германович Пихоя — нынешний главред журнала «Российская история», Георгий Николаевич Чагин — профессор Пермского университета, к сожалению, уже покойный, и Андрей Владимирович Головнев — директор Кунсткамеры. Довелось общаться в разные годы, когда эти историки работали на Урале. Никто из них формально не был моим научным руководителем, но рядом с ними хотелось приподняться на цыпочки. И, как видите, декабристоведов среди них нет.

Вот и в студенческую пору мне три года позволяли писать курсовые работы о декабристах, а в начале четвертого курса сказали: «Стоп, товарищ! Диплом не за горами, а декабристы — тема не уральская». Я вымолил отсрочку на один день и помчался в областную научную библиотеку перечитывать книгу О.С. Тальской «Декабристы в Екатеринбурге» (Свердловск, 1957). Большой частью эта книга состоит из сведений о том, кого из осужденных когда через Екатеринбург провезли в Сибирь и когда те из них, кому повезло, проследовали обратно. И есть в ней еще один персонаж, вовсе не похожий на стального богатыря. Член Союза благоденствия, оставленный следствием без внимания, а при Николае I сделавший карьеру и почти 20 лет возглавлявший всю

горнозаводскую промышленность Урала. На следующий день я вернулся на кафедру и заявил, что хочу писать о Владимире Андреевиче Глинке. На меня посмотрели как на человека пропащего и разрешили. Написал о нем курсовую, через год — диплом, а через 13 лет, в 1998 г., издал первую монографию «Генерал Глинка: личность и эпоха», позднее переизданную еще дважды.

«Декабристы» — термин, возникший постфактум: пока существовали тайные общества, не было слова, а когда появилось слово, уже не было обществ. Отсюда разноречивость в трактовках. Считать ли Владимира Глинку декабристом? Да, ибо он был членом общества, традиционно считающегося декабристским. И традиция эта заложена еще следствием 1825–1826 гг. Революционер ли Глинка? Конечно, нет. Можно ли рассматривать его как случайность, исключение среди декабристов? И снова нет, потому что Союз благоденствия был крупнейшим декабристским обществом, а лица, покинувшие движение до 1821 г., наказаны не были. Из 579 фигурантов дела реальную кару в диапазоне от смертной казни до солдатчины или высылки за границу понесли 135 человек. Прочие могли служить, и некоторые достигли постов министров, генерал-губернаторов, членов Госсовета, сенаторов. Допуская бывших членов тайных обществ на высокие посты, Николай I и Александр II не прогадали: толковые из них получились администраторы. Ибо содержание движения декабристов не сводилось к одному революционизму. Это вообще было первое в России общественно-политическое движение, объединив-

шее очень разных деятелей. Общими были либеральные идеалы, однако идти к ним предполагали разными путями: кто-то через заговор, мятеж и кровь, кто-то — только легально, через реформы.

Теперь говорить о том, что не все декабристы были революционерами, что Союз благоденствия не был сугубо революционным обществом — это ломиться в открытую дверь. Но я писал об этом в книге 1998 г. В 2005 г. вышла моя монография «От тайного общества до Святейшего Синода» о декабристе Степане Дмитриевиче Нечаеве, ставшем синодальным обер-прокурором и сенатором. В 2008 г. — еще одна, с провокационным названием «Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I». Последняя большей частью совпадает с текстом докторской диссертации, защищенной в 2009 г.

Вопрос о влиянии бывшего участия в декабристских обществах на административную деятельность моих героев на самом деле главный. Но твердого и однозначного для всех ответа на него нет и, пожалуй, быть не может. Организационно эти люди связаны между собой уже не были, клятвы блюсти заветы декабристского братства вряд ли когда-нибудь обнаружатся. Это уже была моя работа: сверять их деятельность с установками Законоположения Союза благоденствия. И с радостью могу сказать, что больших противоречий я не нашел. Как писал скупой на похвалы Дмитрий Завалишин, «многие из уцелевших членов общества достигли высших положений и не могли не внести в правительственную сферу своих прежних либеральных поня-

тий». Тут еще важен вопрос и о Николае I: он-то, всю жизнь почти маниакально опасавшийся козней неразоблаченных тайных обществ, как допустил карьеры выходцев из таких обществ? Первые 23 года своего правления Николай вел себя как умелый политик и в противовес крепостникам в своем окружении поддерживал или хотя бы рассматривал инициативы либеральных бюрократов, вроде Павла Киселева и Льва Перовского. Ну а потом грянули европейские революции 1848–1849 гг., «седлайте коней, господа» и мрачное семилетие. Система пошла в разнос.

Вопрос о помощи бывшим сочленам куда проще, таких примеров много. Николаевская эпоха — все-таки не сталинская диктатура: «милость к падшим» наказуема и даже порицаема не была. Более того, репрессированные декабристы ощущали единство со своими высокочиновными товарищами. «Людьми будущего» величал их непримиримый бунтарь Михаил Лунин.

С.Э. Как житель Екатеринбурга вы много писали об истории горно-заводского Урала. В чем специфика этого региона и каков его вклад в историю нашей страны?

В.Ш. Своим студентам — не историкам я объяснял, что такое Урал, с помощью трехходовой схемы. А: Урал — это горы. Б: Урал — это горы старые, разрушенные, поэтому полезные ископаемые тут близки к поверхности. В: Урал — это горно-заводской край, где добывают и перерабатывают эти ископаемые. Чтоб похвастать, погордиться, можно вспомнить, что большую часть XVIII

и начало XIX в. Россия оставалась мировым лидером в производстве черных металлов, чем на была обязана Уралу. И это при крайне непоследовательной политике центра по отношению к главному горнозаводскому региону. А ведь Урал — не только металл и камни-самоцветы. В Екатеринбурге обычно забывают, что горнозаводская история края начиналась с пермского солеварения и, следовательно, не в XVIII, а в XV в. Сладковатая на вкус «пермянка» продавалась на всех крупных торжищах России и в Европе с французской и испанской солью конкурировала.

Специфики же здесь более чем. Вот, например, мои предки — подзаводские крестьяне-углежогги. Лошадей держали голов по пять на двор, чтобы уголь возить. Огороды имели, но пашен не было. В 1934 г. на Катавском заводе потухла последняя домна, уголь оказался не нужен. Тогда в Бедярыше создали артель имени Тельмана, стали производить пихтовое масло, рогожи, лапти. За хлебом ежегодно снаряжали караван в Верхнеуральск (не ближний свет). Землю же пахать эти крестьяне и не подумали. С другой стороны, уральские рабочие не походили на марксовых пролетариев, которым нечего терять. Домохозяйство имели примерно такое же, как и крестьяне: дом, двор, разная живность, ну разве лошадей поменьше. И уж корова-то имела в каждом дворе. Хотя рабочие с крестьянами друг друга чурались, браки между их детьми были редкостью. При этом ошибочно зачислять уральских рабочих в городские жители. Нижнетагильский завод, Невьянский завод — это еще и офици-

альные названия поселков. Поселки же эти были гораздо крупнее и вообще более походили на города, чем наши уездные столицы, вроде Осы или Оханска, в которых значительная часть населения жила пашенным земледелием... Ну и так далее.

С.Э. Со стороны может показаться удивительным ваш поворот от декабристов и уральских рабочих к истории так называемого заговора Петрашевского. Каким образом возникла эта тема? Какие новые аспекты истории петрашевцев вы обнаружили в их деле после не столь давно вышедшей работы И. Л. Волгина «Пропавший заговор»?

В.Ш. Мы с коллегой в этом году в журнале Кунсткамеры «Этнография» статью о домовых опубликовали, да еще и по полевым материалам. Вот это, надеюсь, могло удивить. А книга о деле петрашевцев меня давно изнутри клевала, только я никак ее не выпускал. «Пропавший заговор» И.Л. Волгина, кстати, 20 лет назад вышел. До этого в 1992 г. были «Полицейские и провокаторы» Ф.М. Лурье. И, наконец, в 1974 г. — монография американца Джона Л. Эванса «The Petrashevskij circle». Я эти книги потому в ряд поставил, что во всех возникновение дела петрашевцев объясняется конкуренцией МВД и III Отделения. И в этом отношении, безусловно, я их последователь. Но интересовали меня не сами петрашевцы, не Достоевский, а их гонители, те, кто это вздорное и жестокое дело состряпал.

С 1841 г. во главе МВД стоял бывший член Союза благоденствия, может, еще и Союза спасения Лев

Алексеевич Перовский. В министерстве им была создана оригинальная Особенная канцелярия, которой министр поручал важнейшие дела и которую в зависимости от поручений возглавляли то Владимир Даль, то Иван Липранди, еще один выходец из декабристской среды. В числе прочего там был разработан ряд предложений по ограничению крепостного права, включая записку 1846 г. «Об уничтожении крепостного состояния в России». Перовский воспринимался в ту пору как один из вождей «либеральной партии». Фаддей Булгарин описал карикатуру: идет тень Пугачева, опирается одной рукой на Перовского, другой на Киселева. А потом, как мы уже говорили, грянул 1848 г. Прямо в январе — восстание в Палермо, и понеслось из города в город, из страны в страну. Николай I объяснил это действием тайных обществ и, собираясь посылать войска на выручку Австрийской империи, требовал прежде зачистить тылы от отечественных заговорщиков. Таковых не имелось, но если царь требует... Тогда-то хитроумный Липранди и изобрел «общество петрашевцев». У Петрашевского был свой дом, там собирались молодые люди, читали запрещенные книги (которые запросто покупали в магазине на Невском), обсуждали, спорили. И все! Но уже существовало III Отделение, и Перовский с Липранди могли опасаться, что их самих запишут в заговорщики. Немало оказалось фигурантов следствия 1825–1826 гг. и в дальнейшем развитии этой истории. Арестами и допросами от III Отделения занимался Леонтий Дубельт. Из пяти членов Следственной комиссии двое подозревались в причастности к декабристским обществам (Ду-

бельт и Ростовцев) и двое приходились родными братьями декабристам (Долгоруков и Набоков). Это же относится и к главам полицейских ведомств: Лев Перовский — участник, Алексей Орлов — брат. Военно-судную комиссию возглавил Василий Перовский — брат Льва и еще один член Союза благоденствия. Похоже, что это расследование стало проверкой и для самих следователей. Тревожный рубеж конца 1840-х гг. все они пережили успешно, посты свои сохранили. Ну разве что Липранди стал фигурой нерукопожатной. Но с либеральными новациями Льва Перовского было покончено.

Вот так вот получилось нелицеприятно о моих любимых сановниках с декабристским прошлым. Долго моя внутренняя дама возмущалась: да как ты смеешь! Потом понял, что, пока не напишу, материал не отпустит. Сел и за одно лето написал.

С. Э. Сейчас вы занимаетесь изучением постсоветской историографии декабристоведения. В чем отличия и преемственность последнего тридцатилетия исследования декабристов в сравнении с советским периодом? Какие работы вы бы отметили в качестве научных достижений? Какие тенденции в постсоветских декабристоведческих штудиях, на ваш взгляд, уводят нашу дисциплину от истины?

В. Ш. Декабристоведение существует, и это уже хорошо. Был период, когда казалось, что его выплеснут вместе с ленинской теорией трех этапов освободительного движения. Сейчас можно констатировать, что новое декабристоведение состоялось, что оно

отличается от советского и уже имеет ряд преимуществ. Так, полагаю, удалось более органично, более плотно вписать движение декабристов в породившую его историческую эпоху. В 1985-м, в год кончины академика М. В. Нечкиной, вышли две книги, казалось бы, об одном и том же. Книга самой Нечкиной «День 14 декабря 1825 года» и книга Я. А. Гордина «События и люди 14 декабря» (которая в позднейших переработанных изданиях получила название «Мятеж реформаторов»). У Нечкиной в событиях 1825 г. традиционно противоборствовали две силы — декабристы и самодержавие. У Гордина картина сложнее: добавилась «генеральская оппозиция» — столичный генерал-губернатор Милорадович и компания. Об особой позиции графа Милорадовича писал еще А. Е. Пресняков в 1920-е гг., но потом это не вошло в классовый подход. Декабристов ведь представляли хоть и дворянами, но какими-то особенными. Помню, еще в школе, вероятно, даже не в старших классах, недоумевал: «Какие же эти русские дворяне гады, Салтычиха и прочие! И как это среди них Пушкин и декабристы появились?» Концепцию Гордина поддержали такие авторитетные декабристоведы, как Н. Я. Эйдельман рецензией и С. В. Мироненко в своей книге 1990 г. «Страницы тайной истории самодержавия». Важнейшую роль сыграла книга В. М. Боковой «Эпоха тайных обществ» 2003 г., показавшая, что декабристские союзы возникли не в безвоздушном пространстве, что тайных обществ было много и разных, и не обязательно политических. «Общество кавалеров винной пробки» моряка Бунина и камергера Нарышкина, например.

Образы декабристов стали более человечны, не столь идеальны, как прежде. Были рыцари Герцена, были предтечи большевиков Нечкиной. Отрицание декабристских добродетелей тоже доводилось до идеала, только мы с ним в советское время не сталкивались. В начале 1990-х я прочел в эмигрантских книжках в библиотеке Чикагского университета, что декабристы были не только марионетками масонов, но еще и британскими агентами. Сидел, хлопал глазами и не мог уразуметь: как так можно о декабристах? В современной России не только эмигранты Василий Иванов и Борис Башилов переизданы, но и свои подобные же авторы объявились — Олег Платонов, Николай Стариков и прочие. Доказательств ни у старых, ни у новых никаких, так что не будем на них время тратить. А вот вышедшую в 1997 г. небольшую книгу Оксаны Киянской «Южный бунт» считаю и важной, и отважной. Книга, прежде всего, о трагедии «русского Риго» — Сергея Муравьева-Апостола. Это был самый романтичный и чистый герой среди декабристов. Но как у Риго у него не получилось. Получились кровь, потеря субординации, солдатские грабежи и пьянство. Вот об этом Оксана Ивановна и пишет. Не со злорадством, а с пониманием, сочувствием, со ссылками на архивы. Тем не менее была и критика со стороны коллег — хороших коллег, знающих, но не принявших такой правды. Были и ссылки на эту работу в сочинениях современных черносотенцев (сами-то они в архивы не ходят). По-моему, издание «Южного бунта» сыграло роль пусть болезненной, но необходимой для декабристоведения прививки.

Конспирологические теории у профессиональных историков обычно считаются дурным тоном. Но тут речь о декабристской конспирации, как без них? Масонов и британцев в качестве кукловодов сразу отставим в сторонку. А вот вопрос о русских генералах за спинами «сотни прапорщиков» интереснее. «Оппозиция» не обязательно предполагает «заговор». Поэтому если Оксана Киянская и Анастасия Готовцева пишут о «нитях заговора», шедших к высшим сановникам и руководителям воинских соединений, то хотелось бы доказательств. Столь же убедительных, как в «Южном бунте». Но есть сторонники конспирологических версий, от которых доказательств не ждешь. «Писатель-историк» (появилась такая профессия) В.А. Брюханов издал, кажется, уже три книги о том, что восстание декабристов организовал ими же убиенный Милорадович. Питерский историк М.М. Сафонов пошел дальше: у него за Милорадовичем стоят вдовствующая императрица Мария Федоровна и Российско-американская компания. Статей у Сафонова множество, но на чем основано убеждение, так и не ясно. У доктора исторических наук Т.С. Мамсик из Новосибирска вовсе понять что-либо мудрено: там со времен Петра I действует Орден русских рыцарей, Александр II приходится сыном Александру I ну и т.д. Вероятно, избыточной реакцией на всю эту конспирологию стал выход в 2017 г. книги Натальи Потаповой «Трибуны сырых казематов». Поистине уникальное сочинение, ибо оно отрицает само существование декабристских обществ и тем самым противостоит вообще всему декабристоведению. Можно, конечно,

заподозрить автора в простом способе прославиться. Напиши, что Чингисхан и Рюрик — одно лицо, и твои книги будут продаваться во всех книжных магазинах. Но допускаю, что тут имеет место проекция на прошлое современных реалий. У нас в Екатеринбурге случились в 2019 г. народные протесты против строительства в популярном сквере православного собора. Правоохранители, провластные СМИ, заезжие депутаты Госдумы — все искали лидеров протеста. А не было таких. Разнесся слух по просторам Интернета, и люди вышли на защиту любимого места отдыха. Вот и у Потаповой декабристы вышли на Сенатскую площадь, ведомые некими «солидарностями». Даже без Интернета. Восстание Черниговского полка она и вовсе оставляет без объяснений.

С.Э. Каковы ваши творческие планы?

В.Ш. Я провинциальный российский историк в возрасте за 50. Это очень неудобная позиция для планирования. Когда только пришел в науку, у нас были ежегодные месячные командировки в центральные архивы. Я проводил свой месяц в РГИА, во дворце Лавалей на набережной Невы. Реже — в РГАДА и иных московских архивах. Потом такие командировки прекратились, зато появились гранты. Мой первый грант был от Фонда Форда. Отчет в форме статьи, никакой бухгалтерии. Потом иностранных грантов внутри России не стало. Потом исчез РГНФ. А в этом году и РФФИ, кажется, впервые не объявил нового конкурса «а» (на лучшие проекты фундаментальных научных исследований).

Гранты остались в основном молодежные. Куда бедному историку без архива податься?

Так что с планированием — проблемы (хотя его постоянно требуют и усложняют), а вот мечты есть. О новых исследованиях, книгах, конечно. В прошлом году вышел на меня израильский профессор, занимающийся новыми наноматериалами для солнечной энергетики и, в частности, солнечными элементами на основе перовскитов. Спрашивал об истории открытия минерала перовскит. Ведь Лев Перовский, помимо всего прочего, еще и минералогией увлекался — как любитель, но с размахом. Академик А. Е. Ферсман обвинил его в краже так называемого изумруда Коковина. Я, когда первоисточник посмотрел, понял, что академик при цитировании документа опустил опровергавший его версию фрагмент. Вот из-за этой моей статьи про-

фессор мне и написал. Круг вопросов в целом понятен, но готовых ответов у меня нет. Договорились о совместных поисках. Надо ехать в архивы, в Петербург, в Златоуст. Профессор уже и в Берлин слетал, в Музее естествознания посмотрел на тот самый — первый, с Урала привезенный образец перовскита. Мне пока ответить почти нечем. Еще мечтаю написать книгу о Василии Перовском и еще одну — новую о Степане Нечаеве. И о Владимире Ивановиче Дале, который не только бородатый дедушка со словарем. В пору службы Даля в МВД губернаторы боялись его больше, чем самого министра. Ко многим важным делам и тайнам был причастен. Но мечты — это одно, а возможности — другое. Это я хорошо понимаю.

С. Э. Спасибо большое за интересное интервью.

«ПРЕДМЕТОМ ИСТОРИИ АВСТРИИ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В ЕГО НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦАХ».

Интервью с А. Зуппаном

Академик Австрийской академии наук, крупный историк Арнольд Зуппан размышляет над ключевыми проблемами австрийской национальной идентичности и исторической памяти. Интервью приурочено к выходу его новой книги на русском языке.

Ключевые слова: Австрия, монархия Габсбургов, австрийская национальная идентичность, австрийская культура, общегерманский и региональный контекст австрийской истории и культуры.

Сведения об авторе: австрийский историк Восточной Европы, бывший профессор Венского университета, академик Австрийской академии наук.

Контактная информация: arnold.suppan@oeaw.ac.at.

“THE SUBJECT OF THE HISTORY OF AUSTRIA CAN BY NO MEANS BE ONLY THE HISTORY OF THE POPULATION OF A MODERN STATE WITHIN ITS NATIONAL BORDERS”.

Interview with Arnold Suppan

Arnold Suppan, academician of the Austrian Academy of Sciences, reflects on the key issues of Austrian national identity and historical memory. The interview with famous historian was timed to coincide with the release of his new book in Russia.

Key words: Austria, Habsburg monarchy, Austrian national identity, Austrian culture, general German and regional context of Austrian history and culture.

About the author: Arnold Suppan, academician of the Austrian Academy of Sciences, former professor at the University of Vienna.

Contact information: arnold.suppan@oeaw.ac.at.

Беседовал А. С. Стыкалин¹

А. С. Господин профессор, вы всю свою жизнь посвятили изучению истории своей страны, т. е. Австрии. А что, на ваш взгляд, должно выступать предметом австрийской истории — история только той территории, тех земель, которые входят в вашу альпийскую республику сегодня (Верхняя и Нижняя Австрия с Веной, Штирия, Каринтия, Тироль и т. д.), или история всех земель, некогда управлявшихся из Вены, находившихся, в частности, под скипетром Дома Габсбургов? А если считать правомерными оба подхода, то в какой степени можно примирить эти более широкий и более узкий взгляды на австрийскую историю? И какие подводные камни подстерегают вас, австрийских историков, при попытке сделать предметом австрийской истории не только историю австрийских немцев (которые, кстати говоря, тоже далеко не все проживали в габсбургскую эпоху в пределах сегодняшних границ Австрии), но и тех народов (славян, венгров, румын и т. д.), которые сегодня проживают в других государствах, даже не всегда граничащих с современной Австрией?

А. З. Предметом истории Австрии ни в коем случае не может быть только история населения современного государства в его национальных границах, т. е. история Австрийской Республики и ее девяти федеральных земель. Такое ограничение не может применяться даже к истории после 1918 г. Вспоминаются темы

Южного Тироля, Нижней Штирии, Нижней Каринтии, Бургенланда и немецкоязычных районов Чешских земель до 1945–1946 гг. Вспоминаются также многочисленные миграции в Австрию в 1945–1948 гг. — немцы из Чехословакии, Венгрии и Югославии, в 1956 г. — венгры из социалистической Венгрии, в 1968 г. — чехи и словаки из Чехословакии, в 1981 г. — поляки из Польши, а с 1990 г. — словенцы, хорваты, сербы, боснийцы и албанцы из распадающейся Югославии. Наконец, необходимо учитывать и сотни тысяч «гастарбайтеров» из бывшей Югославии и Турции, которые приехали в Австрию в 1960–1970-х гг.

Более значимыми, конечно, являются взаимосвязи современных австрийских земель с южногерманскими территориями, прежде всего с Баварией и Брейсгау, чешскими землями, территорией современной Словении и современного Фриуля, а также с Южным Тиролем и Трентино со времен Высокого Средневековья, все более тесные связи с Хорватией, Словенией, а также Западной и Северной Венгрией (нынешней Словакией) с 1526 г.² и, помимо этого, отношения Габсбургов с Верхней Италией, Южной Венгрией (Бараня, Бачка, Банат), Восточной Венгрией (включая Трансильванию), Галицией и Буковиной. У народов, здесь проживавших, были общие правители, прежде всего Габсбурги, происходили многочисленные миграции (например, баварцы в альпийские

¹ Выражаем благодарность О. В. Хавановой за помощь в проведении беседы.

² Поражение от турок под Мохачем, приведшее к расчленению целостного венгерского государства.

земли, хорваты в Западную Венгрию, далее «швабские миграции» в Южную Венгрию, евреи из Галиции в Венгрию, Богемию и Австрию, чехи в Вену), было общее правовое пространство (немецкое городское право, общая администрация со времен Фердинанда I или Фердинанда II). Можно вспомнить и Прагматическую санкцию (закон о престолонаследии) императора Карла VI в 1713 г. (с объединением под властью Габсбургов всех венгерских коронных земель), и административные, судебные и школьные реформы при Марии Терезии и Иосифе II, Австрийский гражданский кодекс 1811 г., а также экономические (единое экономическое пространство с 1851 г.), социальные, культурные и конфессиональные взаимозависимости (прежде всего Римско-католической церкви). Поэтому историю сегодняшних австрийцев, говорящих преимущественно на немецком языке, невозможно представить без этих переплетений с их соседями на западе, севере, юге и востоке на протяжении более 1000 лет.

А. С. Австрийская история — это история не только определенного государственного образования, но и определенной нации, причем нации прежде всего немецкоязычной. Что положило начало процессу национальной самоидентификации австрийских немцев в XIX в.? Какую роль играло в этом процессе, который уже позже, в XX в., привел к формированию австрийской нации, своеобразие австрийской духовной культуры, культурных традиций, и какую роль играли другие факторы, и в том числе фактор католицизма? Насколько далеко

продвинулся этот процесс национальной самоидентификации австрийских немцев в условиях существования Габсбургской монархии и как повлияло на него объединение германских земель и образование в 1871 г. Германской империи, оставившей за своими пределами австрийских (с точки зрения Берлина внеимперских) немцев? Воспринимала ли австронемецкая элита (т. е. чувствительная к немецким национальным ценностям часть имперской элиты) как признак собственной неудачи поражение под Садовой, поражение Австрии в противоборстве с Пруссией в борьбе за объединение германских земель и невхождение австронемецких земель в состав Германской империи? И, наконец, происходило ли в рамках Австро-Венгрии формирование некоего австронемецкого патриотизма и национализма, который был не тождествен патриотизму имперскому, наднациональному? Некоторые авторы ведь пишут о существовавших разногласиях между теми, кто стремился к консолидации австрийских немцев как «Kulturnation», и теми, кто делал выбор в пользу «Staatsnation».

А. З. Долгое время австрийская история была не историей немецко-австрийской нации, а скорее историей Австрийского дома, а также историей исторических земель Австрии ниже и выше р. Эннс (Верхняя и Нижняя Австрия), Штирии, Каринтии, Тироля и габсбургских владений на Верхнем Рейне; Зальцбург — несмотря на тесные церковные связи со времен Карла Великого — был присоединен только в 1815 г. В 1780-е гг. император Иосиф II попытался унифици-

ровать центральную бюрократию, введя немецкий язык в качестве административного языка во всех землях Габсбургов, но потерпел неудачу, прежде всего, из-за сопротивления венгерских и чешских сословий, которые требовали по крайней мере равных прав для венгерского и чешского языков. Тем не менее йозефинистская бюрократия представляла собой ядро немецко-австрийской элиты, к которой также присоединились многочисленные чехи, словаки, словенцы, хорваты, сербы, итальянцы и евреи. Музыкальная культура венского классицизма (Гайдн, Моцарт, Бетховен, Шуберт) также оказала объединяющее влияние. Тем не менее император Франц I не смог превратить Австрийскую империю в австрийское национальное государство, как это удалось сделать Наполеону с Францией. Основные различия между австрийскими немцами, с одной стороны, и чехами, словаками, мадярами, словенцами, хорватами и итальянцами — с другой, проявились в революционном 1848 г. Однако первые демократически избранные немецко-австрийские, немецко-богемские, немецко-моравские и немецко-силезские депутаты во франкфуртском парламенте осенью 1848 г. приняли решение против немецкого национального государства и в пользу великой империи Габсбургов. Среди основателей Императорской академии наук в Вене были не только немецко-австрийские ученые, но и чешский историк Франтишек Палацкий, и словенский лингвист Франц Миклошич. Не стоит забывать, что в 1850 г. в Габсбургской монархии проживало большинство мадяр, чехов, словаков, словенцев и хорватов и лишь меньшинство

немцев, поляков, украинцев, румын, сербов и итальянцев.

Поражение Австрии от Пруссии в битве при Садовой (Кёниггреце) в 1866 г. разделило формирующуюся с 1848 г. немецко-австрийскую нацию, особенно ее элиту. Поэт Франц Грильпарцер также болезненно воспринимал это разделение «немецкого народа». Действительно, с этого времени в немецко-австрийской элите наблюдается противостояние наднациональных габсбургских патриотов (в основном в высших финансовых кругах, среди буржуазии, бюрократии и в армии) и немецких националистов (в основном среди образованной буржуазии, некоторые учились в немецких университетах), при котором немецко-австрийские протестанты восхищались крепнущей Германской империей при рейхсканцлере Бисмарке гораздо сильнее, чем католики. Бисмарк, однако, отверг все заискивания по соображениям внешней политики. Дифференциация этих разногласий с помощью терминов «государственная нация» (Staatsnation) и «культурная нация» (Kulturnation) не соответствует этому разделению, поскольку немецкие националисты под руководством Георга фон Шёнерера с 1880-х гг. требовали союза с Германской империей. Однако в новых массовых партиях социальных христиан (Карл Люэгер) и социал-демократов (Виктор Адлер), набравших силу с 1890-х гг., явно преобладал немецко-австрийский патриотизм, что нашло свое выражение и в составе парламента после 1907 г. (избранного на основе всеобщего мужского избирательного права). Немецко-австрийский национализм почти не

проявился на государственном уровне, скорее на региональном в Штирии, Каринтии и Тироле.

А. С. Австрийская культура остается феноменом мирового значения, независимо от того, какое содержание вкладывать в это понятие, привязывать ли ее только к немецкому языковому субстрату или включать в нее деятельность всех великих мастеров культуры, тесно связанных с Веной. Ее мировое значение, как и ее специфика, было очевидно еще и в габсбургскую эпоху. А в какой мере австрийская культура вобрала в себя опыт культур соседних народов, входивших в монархию, и в какой мере именно эти влияния являются знаком своеобразия австрийской культуры в сравнении с культурой немецкой?

А. З. «Австрийская культура» — это, конечно, гораздо больше, чем немецко-австрийская культура. Многие выдающиеся деятели культуры, особенно в Вене, были выходцами из Богемии/Чехии (Мария фон Эбнер-Эшенбах, урожденная графиня Дубская, Райнер Мария Рильке, Густав Малер, Берта фон Зуттнер, урожденная графиня Кинская), Венгрии (Николаус Ленау, Франц/Ференц Лист, Франц/Ференц Легар), южнославянских (Иван Цанкар, Йозе Плечник) и немецких стран (Людвиг ван Бетховен, Генрих Лаубе, Антон Фернкорн, Иоганнес Брамс) и вобрали в себя опыт культур соседних стран. «Король вальсов» Иоганн Штраус-сын, который начиная с 1855 г. в течение многих летних сезонов музицировал при российско-императорском дворе в Павловске, соединил в своих великолепных опе-

реттах вальсы, польки, чардаш и мазурки. Разделение немецкой и немецко-австрийской культуры вряд ли возможно (скорее всего, на региональном уровне), однако Гайдн, Моцарт, Бетховен, Шуберт, Рихард Вагнер, Брамс и Иоганн Штраус сохранили свое ведущее значение во всей Центральной Европе (и за ее пределами), как и Иоганн Вольфганг Гете и Фридрих Шиллер, а после 1900 г. — Артур Шницлер, Гуго фон Хофмансталь, Стефан Цвейг, Роберт Музиль, Йозеф Рот (из Бродов в Восточной Галиции) и Франц Кафка (из Праги). В 1859 г. все немцы Габсбургской монархии отмечали 100-летие со дня рождения Шиллера, а в 1928 г. Немецкий певческий союз (с делегациями из Восточной Пруссии, стран Богемии, Южного Тироля, США и Бразилии) отметил 100-летие со дня смерти Франца Шуберта грандиозным шествием по венской Рингштрассе.

А. С. После поражения Австро-Венгерской монархии в Первой мировой войне и ее распада, не только среди австрийских немцев, но и за пределами страны были довольно широко распространены представления о нежизнеспособности Австрии, которая раньше или позже будет поглощена Германией (несмотря на поражение Германии в войне, вера в ее грядущее возрождение, очевидно, доминировала). Это случилось, как мы знаем, в 1938 г., причем при поддержке большинства австрийских немцев, считавших, таким образом, естественным свое пребывание с другими немцами в едином государстве (не говоря уже о принадлежности к единой с ними культурной нации). Представления,

о которых идет речь, были, очевидно, изжиты только с поражением Третьего рейха в войне. Можно ли говорить о том, что решающую роль в формировании современной австрийской национальной идентичности, ощущения австрийцами своей принадлежности к особой австрийской нации сыграл опыт Второй мировой войны? И можно ли соответственно утверждать, что современная австрийская идентичность — это в немалой степени продукт середины XX в., результат процесса хотя и длительного, но резко ускорившегося с поражением Германии, финальная точка в котором была поставлена в 1955 г.?

А.З. На Учредительном собрании Австрийской Республики 12 ноября 1918 г. все три партии (социал-демократы, социальные христиане и великогерманцы) заявили о своей поддержке аншлюса Веймарской республики. Несмотря на запрет аншлюса в Версальском (с Германией) и Сен-Жерменском (с Австрией) мирных договорах, в 1921 г. в Тироле и Зальцбурге были проведены массовые референдумы по аншлюсу; дальнейшие плебисциты были запрещены союзниками. Во время мирового экономического кризиса усилия по аншлюсу вновь активизировались и лишь ненадолго были замедлены нацистскими террористическими акциями в 1933–1934 гг. (с убийством федерального канцлера Энгельберта Дольфуса). После быстрого сокращения массовой безработицы в Германии (с помощью нацистской политики вооружения и строительства автобанов) и вооруженного противостояния между христианскими социалистами, с одной стороны, и социал-демокра-

тами (февральское восстание 1934 г.) и национал-социалистами (июльский путч 1934 г.) — с другой, привлекательность аншлюса вновь возросла (лозунг: «В Рейхе все лучше!»); этому способствовали и Олимпийские игры 1936 г. в Берлине. Лишь немногие австрийцы признавали, что их бывший соотечественник Адольф Гитлер преследовал тоталитарные и империалистические цели. Аншлюс в марте 1938 г. приветствовался подавляющим большинством австрийцев, при том что около 250 тыс. расовых (евреи, цыгане) и политических противников (партийный актив социальных христиан, социал-демократов и коммунистов) были исключены из плебисцита 10 апреля. Из-за вторжения вермахта 12 марта 1938 г. аншлюс был актом насилия по международному праву, но громкая поддержка значительной части населения (интеллигенции, предпринимателей, рабочих, крестьян, безработных и т.д.) создала одобрительный образ этого события для мировой общественности. Несомненно, важную роль сыграло и неприятие Сен-Жерменского договора, влияние которого сохранялось до 1938 г.

Все слои населения Австрии были очень быстро втянуты в нацистскую политику вооружения и подготовки к войне. Гитлер сразу же получил доступ к золотовалютным резервам Венского национального банка, а Герман Геринг подчинил австрийскую промышленность военной машине Германии. В Восточной марке также были построены новые оружейные заводы и электростанции. В семи рейхсгау (округах) Восточной марки были назначены семь австрийских гауляйтеров; лишь позднее

немцы появились в Вене и Зальцбурге. Практически не было протестов против конфискации еврейской собственности и вынужденного бегства десятков тысяч евреев. Австрийская армия была включена в состав вермахта. Когда вермахт вторгся в Польшу 1 сентября 1939 г., шесть преимущественно австрийских дивизий действовали на юге Польши (частично наступая из Словакии), продвигаясь до реки Сан, которая, согласно Секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 г., представляла собой германо-советскую демаркационную линию. Более крупные австрийские части также участвовали в немецких вторжениях в Норвегию, Нидерланды, Бельгию, Францию, Югославию и Грецию, например, в захвате Нарвика. Весной 1941 г. многие австрийцы по-прежнему считали Гитлера «величайшим полководцем всех времен».

Война против Советского Союза начала менять отношение многих австрийцев к нацистскому режиму: сначала гражданское население было шокировано гораздо более высокими цифрами потерь по сравнению с предыдущими войнами, затем их раздражали военные неудачи перед Москвой, и, наконец, зимой 1942/1943 г. только в Сталинграде погибли три преимущественно австрийские дивизии. Объявление Гитлером войны США в середине декабря 1941 г. также встретило всеобщее непонимание. С другой стороны, депортация многих венских евреев в лагеря смерти «на Востоке», начавшаяся в октябре 1941 г., была принята без сопротивления. Убийство десятков тысяч узников концентрационного лагеря Маутхаузен-Гузен в Верхней Авст-

рии также осталось незамеченным. Сопротивление коммунистических, католических и социал-демократических групп было безжалостно пресечено гестапо, и 2,5 тыс. австрийцев оказались на эшафоте. Американская и британская воздушная война против инфраструктуры (железнодорожных станций, промышленных предприятий) в «альпийских и подунайских рейхсгау» (так теперь называлась Австрия), начавшаяся в августе 1943 г., вызвала одновременно страх и апатию среди гражданского населения и породила вопрос о том, почему нацистский режим не смог защитить от нее. Усилилось неприятие обществом имперско-германской партийной верхушки (этих лиц прозвали «золотыми фазанами»). Такие настроения все больше касались и австрийских офицеров вермахта, которые чувствовали себя ущемленными по сравнению с «пруссакими». Тем не менее более 200 австрийцев в вермахте, СС и полиции дослужились до генеральского звания, а более десятка получили высокие командные посты на оккупированных территориях.

Последние шесть недель войны привели к краху нацистского режима в Австрии, приспешники которого по-прежнему совершали массовые убийства. Тот факт, что многие нацистские функционеры, выходцы из Старого рейха (т.е. Германии в границах 1937 г.), бежали на Запад, углубил раскол между австрийцами и немцами. Новое государственное правительство под руководством старого социал-демократа Карла Реннера, провозглашенное в конце апреля 1945 г. и немедленно признанное Советским Союзом, сосла-

лось на Московский меморандум октября 1943 г. и начало разрабатывать новую австрийскую идентичность, опираясь на историю и культуру. Например, в 1946 г., отмечая 950-летие первого упоминания названия страны «Ostarrichi», или в 1947 г., празднуя столетие основания Академии наук. И правительство Реннера, и правительство его преемника Леопольда Фигля, председателя Австрийской народной партии, опирались на ряд людей, которые были заключены в концентрационные лагеря в нацистскую эпоху, особенно в Дахау. В школьной программе настойчиво поощрялось формирование современной австрийской национальной идентичности. Однако это формирование идентичности было основано не столько на бывшей империи Габсбургов, сколько на новой, Второй республике с ее девятью федеральными провинциями. О былом сосуществовании многих национальностей в монархии Габсбургов почти не говорили, хотя старшие поколения были родом из того периода. Только славянские, романские и венгерские фамилии в телефонных справочниках указывали на прежнюю этническую смесь. Однако самым важным, основополагающим актом для новой австрийской идентичности стал Государственный договор от 15 мая 1955 г. между Австрией и четырьмя оккупационными державами — СССР, США, Великобританией, Францией.

А. С. Мне вспоминается прочитанный в свое время в московском архиве, в РГАСПИ документ второй половины 1940-х гг. Советский политработник предлагает дублировать в Вене советские фильмы для

австрийского кинозрителя, а не присылать их из Берлина. Он ссылается на то, что, заслышав в кинотеатрах прусский акцент, венский зритель, переживший опыт Второй мировой войны, в раздражении уходит из кинозалов. Вспоминается шутка тех лет о том, что в Австрии очень не любят вспоминать о том, что Гитлер по рождению был австрийцем, а вот Бетховен, напротив, не был. А насколько сохранился в сегодняшней австрийской исторической памяти этот груз австро-прусского противостояния? И существует ли в сегодняшней Австрии представление о единстве немецкой культуры, единой с немцами Kulturnation, готовность, грубо говоря, поделиться с немцами Германии, скажем, Моцартом (с его особенно неоспоримой австрийской спецификой) как великим феноменом не только австрийской, но общенемецкой культуры?

А. З. По поводу вышеупомянутой шутки: да, Гитлер, родившийся в Браунау, был вычеркнут из памяти многих австрийцев, в то время как Бетховен, родившийся в Бонне, был вписан золотыми буквами. Когда в 2000 г. я пересказал эту шутку соредктору гамбургской газеты «Die Zeit», он счел ее грустной. Для возобновления работы Венской государственной оперы, разрушенной в марте 1945 г., осенью 1955 г. была исполнена опера «Фиделио». В венском Бургтеатре Франц Грильпарцер возглавлял список драматургов, чьи пьесы ставились, за ним следовали Иоганн Нестрой, Фердинанд Раймунд, Артур Шницлер и Гуго фон Гофмансталь. Лишь постепенно Лессинг, Гете, Шиллер, Клейст

и Гауптман вернулись на афиши. Вновь открывшийся Зальцбургский фестиваль с пьесой Гофманштала «Имярек» также укрепил новую австрийскую идентичность. 26 октября (в этот день последний оккупационный солдат покинул Австрию) в 1955 г. было объявлено государственным праздником.

Бремя австро-прусской конфронтации сохранялось и в 1960-е гг., и только новое поколение профессоров германистики прорвало эту демаркацию. Конечно, общая «немецкая культура» теперь была заменена общей «немецкоязычной культурой». Самым важным средством нового сближения между Австрией и Западной Германией стало телевидение, но также и новый издательский ландшафт. Тот факт, что уроженец Каринтии Удо Юргенс стал самым популярным шансонье в ФРГ в конце 1960-х гг. и что другой уроженец Каринтии, Петер Хандке, оказался более известен в Германии, чем в Австрии, является явным свидетельством того, что немецко-австрийские культурные границы в последние десятилетия снова стали полностью размытыми — если не полностью исчезли.

А. С. Что касается исторической памяти современных австрийцев, как оценивают сегодня роль Дома Габсбургов в вашей национальной истории, существует ли сегодня в вашем национальном самосознании отношение к габсбургскому прошлому как к самой великой части вашего исторического наследия, и это несмотря на то, что Габсбурги в свое время были отлучены от права на управление Австрией? Насколько

едино сегодня в Австрии историческое сознание жителей разных регионов и какую роль играет местное региональное сознание жителей отдельных земель? Какие оценки даются сегодня юному Францу Иосифу, обратившемуся в 1849 г. к российскому императору в интересах спасения не просто своего трона, но целой империи, а через несколько лет не ответившему взаимностью в условиях Крымской войны? И его генералам Радецкому, Виндишгрецу, Хайнау, подавившим в крови венгерскую революцию? Воспринимает ли сегодняшняя австрийская молодежь Франца Иосифа и Сиси по образам массовой культуры, включая фильмы 1950-х гг. с участием молодой Роми Шнайдер?

А. З. Историческая память сегодняшних австрийцев о значении дома Габсбургов все еще не консолидирована. В то время как в историографии всех австрийских университетов и Австрийской академии наук были представлены очень полные исследования по всем шести векам правления Габсбургов и даны очень взвешенные оценки, среди австрийской общественности преобладает дробная картина. Максимилиан I, Мария Терезия и Франц Иосиф, а также фельдмаршалы принц Евгений Савойский и Радецкий воспринимаются положительно. С другой стороны, существуют совершенно разные оценки Иосифа II и канцлера Клеменса Меттерниха. Оценка императрицы Елизаветы, которая, безусловно, слишком положительна, все еще определяется фильмами «Сиси» с молодой Роми Шнайдер. Лишь немногие специалисты знают о помощи царя Николая I Францу

Иосифу против венгерского восстания в 1849 г. и об амбивалентной позиции последнего во время Крымской войны. Совместные действия императора Франца II(I) с царем Александром I против Наполеона (о котором в 1982 г. в Вене состоялся симпозиум австрийских и российских историков) также известны только в кругах специалистов.

А.С. Как современная австрийская государственность позиционирует себя к габсбургским имперским традициям, подчеркивает ли в чем-то свою преемственность им? В свое время в сознании не только австрийской имперской элиты, но и всех европейских элит прочно сидело ощущение Дунайской монархии как европейской необходимости. А сегодня как видит австрийская элита свою европейскую необходимость и свое место в Европе и — шире — на международной арене? Ограничивается ли это восприятие осознанием статуса Вены как одной из культурных столиц Европы? И каково в этом контексте ваше (т.е. австрийцев) отношение к вашим соседям, чье национальное становление зачастую происходило в противовес импульсам, исходившим из Вены (имея в виду, конечно, прежде всего государственно-бюрократическое, а не культурное влияние)?

А.З. Сегодня большинство австрийцев воспринимают Вену как одну из культурных столиц Европы, при этом немногие знают, что эта культурная традиция в основном основана на имперской традиции Габсбургов. В этом контексте среди многих австрийцев наблюдается раз-

двоение сознания: мы любим дворцы Шёнбрунн, Бельведер, Хофбург, Лаксенбург и т.д., но мы не думаем о реституции частной собственности Габсбургов — то, что братья Отто фон Габсбурга пытались сделать еще в 1990-х гг. Мы также почитаем великолепные здания вдоль венской улицы Рингштрассе, некоторые из которых были построены на средства, полученные от расширения города после 1857 г., частично — еврейской верхушкой среднего класса.

А.С. Как в Австрии оценивают вклад в формирование современной Австрии видных политиков XX в., таких как социал-демократы К. Реннер и позже Б. Крайский, клирофашист Э. Дольфус (по сути, бросивший вызов Гитлеру) и христианский демократ Ю. Рааб?

А.З. Я ценю вклад в формирование современной Австрии социал-демократов Карла Реннера (государственный канцлер 1918–1920, 1945 гг., федеральный президент 1945–1950 гг.) и Бруно Крайского (федеральный канцлер в 1970–1983 гг.) так же высоко, как и социального христианина Игнаца Зайпеля (федеральный канцлер в 1922–1924, 1926–1929 гг.) и христианских демократов Леопольда Фигля (федеральный канцлер в 1945–1953 гг.) и Юлиуса Рааба (федеральный канцлер в 1953–1961 гг.). Термин «клерикальный фашист» для Энгельберта Дольфуса (федеральный канцлер в 1932–1934 гг.) не иллюстрирует того, что, будучи противником как социал-демократов, так и национал-социалистов внутри страны и находясь под внешней угрозой со стороны Гитлера, он искал убежища в диктатуре

канцлера, которая делала его еще более уязвимым. Его приверженность Муссолини и Ватикану в конечном итоге не помогла, что пришлось осознать его преемнику Курту Шушнигу. Наконец, не следует забывать о существенном вкладе в формирование австрийской идентичности федеральных канцлеров Франца Враницкого, Социал-демократическая партия Австрии (1987–1997), и Вольфганга Шюсселя, Народная партия Австрии (2000–2007).

А. С. Ваша работа, которая переведена сейчас на русский язык (*Зуппан 2021*), посвящена многовековым взаимоотношениям австрийских немцев и чехов. Какую роль играл на разных этапах чешский фактор (будь то гусизм в средние века, чешское национальное возрождение в первой половине XIX в. и активизация чешской политической жизни в условиях Австро-Венгрии) в формировании идентичности австрийских немцев?

А. З. Поскольку чехи на протяжении веков были ближайшими соседями австрийских немцев (к которым до 1918 г. относились и судетские немцы!), развитие событий в богемских и австрийских землях во многих случаях шло параллельно и взаимно стимулировало друг друга благодаря тесной экономической, социальной и культурной взаимосвязи. Это началось самое позднее с короля Пршемысла Отакара II в XIII в., про-

должилось при императоре Карле IV и во время так называемых гуситских войн и стало еще более тесным с приходом Габсбургов к власти в Чешских землях в 1526 г. Однако «тотальное противостояние» католиков и протестантов в Тридцатилетней войне не было австро-чешским противостоянием, поскольку обе конфессии были представлены в обеих этнических группах. Несомненно, современное чешское национальное строительство было инициировано реформами при Марии Терезии и Иосифе II, и наоборот, первое поколение чешских патриотов в 1830-х и 1840-х гг. вдохновило первое национальное строительство австрийских немцев в 1848 г. Аналогичным образом можно утверждать, что австрийское конституционное государство с 1867 г. способствовало невероятно быстрому росту современной чешской нации, которая в 1913 г. заняла первое место среди всех европейских наций, не имеющих собственного национального государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Зуппан 2021 — *Зуппан Арнольд*. Тысяча лет соседства австрийцев и чехов. Взгляд из Австрии. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.

REFERENCES

Suppan Arnold *Tysyacha let sosedstva avstrijcev i chekhov. Vzglyad iz Avstrii*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021.

«ВНИМАНИЕ ВСЕГО МИРА БЫЛО СФОКУСИРОВАНО В ТОТ ГОД НА МАЛЕНЬКОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ». МЕМОАРЫ АЛЕКСАНДРА ДУБЧЕКА В ЗЕРКАЛЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Историк-архивист, зав. отделом Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ)
Теймур Джалилов беседует с Александром Стыкалиным

Отмеченное в конце 2021 г. 100-летие со дня рождения Александра Дубчека, чехословацкого политика, символизировавшего Пражскую весну 1968 г., дало повод поговорить о его роли в истории, отталкиваясь от мемуаров, опубликованных в том числе и на русском языке.

Ключевые слова: Чехословакия, советско-чехословацкие отношения, Пражская весна 1968 г., вторжение в Чехословакию 21 августа 1968 г., Леонид Брежнев, Александр Дубчек.

Сведения об авторах: Стыкалин Александр Сергеевич¹, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); Джалилов Теймур Агабаевич², кандидат исторических наук, зав. отделом Российского государственного архива новейшей истории (Москва).

Контактная информация: ¹zhurslav@gmail.com; ²slavika1@yandex.ru.

“THE ATTENTION OF THE WHOLE WORLD WAS FOCUSED THAT YEAR
ON LITTLE CZECHOSLOVAKIA”.

Memoirs of Alexander Dubček in the mirror of archival documents

The 100th anniversary of the birth of Alexander Dubček, a Czechoslovak politician who symbolized the Prague Spring of 1968, was celebrated at the end of 2021. It gave rise to talk about his role in history, starting from memoirs published, including in Russian.

Key words: Czechoslovakia; Soviet-Czechoslovak relations; Prague Spring 1968, invasion of Czechoslovakia on August 21, 1968; Leonid Brezhnev; Alexander Dubček.

About the authors: Stykalin Alexander S.¹, Cand. Hist., coordinating researcher, Institute of Slavic Studies (Moscow, Russia); Dzhaliyov Teimur A.², Cand. Hist., chief of department, Russian State Archive of Contemporary History (Moscow, Russia).

Contact information: ¹zhurslav@gmail.com; ²slavika1@yandex.ru.

А. С. В 2019 г. наконец вышли в русском переводе мемуары Александра Дубчека «Надежда умирает последней». Появились уважительные рецензии, и уважение к фигуре Дубчека понятно, ведь трудно сомневаться в благородстве побуждений человека, всерьез решившего придать реальному социализму более «человеческое» лицо. Однако при чтении любых мемуаров неизменно возникают вопросы о степени достоверности свидетельств. Поговорим сегодня и об этом. Не будем вдаваться в подробности детства и юности Дубчека, более 10 лет прожившего в СССР, по сути выросшего в советской стране и познавшего нашу страну изнутри. Обратимся к периоду Второй мировой войны, когда уже зрелый Дубчек, вернувшись к тому времени на родину, примкнул к движению Сопротивления. Вы знаете литературу по истории Словацкого национального восстания 1944 г. Насколько адекватна картина тех событий, которая предстает со страниц мемуаров Дубчека? Речь идет в том числе о советской поддержке восставших. И можно ли говорить, что поражение восстания повлияло на ослабление словацких позиций при восстановлении в 1945 г. единого государства, на вытеснение левых словацких политиков на периферию политической жизни Чехословакии первых послевоенных лет?

Т. Д. Прежде всего мне хотелось бы сказать о том, что Александр Дуб-

чек — это безумно симпатичная фигура, он резко выделялся на фоне советских деятелей, да и коммунистических деятелей других стран, и это очень хорошо видно и по самим мемуарам, и по воспоминаниям о нем советских партнеров, и по его восприятию и в аппарате ЦК КПЧ, и в аппарате ЦК КПСС. Он до некоторой степени был «белой вороной», хотя, надо сказать, что в случае с ним это весьма интересная штука, ведь речь идет о человеке, прошедшем все ступени по карьерной лестнице в той системе. Сам из семьи коммунистов, тесно связанных с Советским Союзом, учился в советской школе. То есть формально он был очень и очень советский человек. Блестяще говорил на русском языке, он практически был двуязычный человек или скорее трехязычный, с учетом также и чешского языка. Так что если он и не думал на русском, то по крайней мере он был человек, грамотно писавший на русском языке. В отличие от своего соотечественника Густава Гусака, который по-русски очень плохо говорил, не писал и, судя по всему, очень плохо читал по-русски. А Дубчек — вот, казалось бы, был человек совсем советский. И в то же время по какому-то своему нюху, восприятию он — другой. На фоне лидеров СССР и социалистических стран он — другой. Он улыбочив, откровенен, открыт, более человечен, и это его абсолютно выделяло. И именно эта его человечность и открытость — она к нему как к исторической фигуре невероятно привлекает. И создает

образ Дубчека как человека Пражской весны. Дубчек — это символ Пражской весны. И символ невероятно привлекательный. Это правда. И это то, что касается личности. И поэтому, когда мы читаем его мемуары — мы всегда держим в голове образ очень обаятельного в личном плане человека. И при этом человека с очень непростой судьбой. Но это одна сторона картины. А дальше начинается профессиональный анализ текста. И главная задача историка — это, наверно, абстрагироваться от восприятия личности, своих эмоций и уже заняться непосредственно источником. И как только ты начинаешь читать текст с ручкой в руках, то видишь, что, к сожалению, этот текст написан не открытым, симпатичным Александром Дубчеком, а опытным политиком, который создает миф о самом себе. Политиком, который хорошо понимает свое место в истории. И этот текст — он, конечно, не о событиях Словацкого национального восстания, не о событиях Пражской весны, это текст о месте Александра Дубчека в истории. Он работает на то, чтобы создать определенный образ, закрепить роль Дубчека в чехословацкой истории. И вот если взять это первое историческое событие, где Дубчек проявил себя, а именно Словацкое национальное восстание, то мне представляется, что его изложение в книге Дубчека до некоторой степени мифологизировано, конечно, в значительно меньшей степени, чем более поздний период истории, где Дубчек был активным участником событий. Здесь уже тоже начинаются элементы мифологизации, и хорошо понятно — почему. Ведь Словацкое национальное восстание стало ключевым элемен-

том политической борьбы, правда гораздо позже, и на самом деле то, о чем рассказывает Дубчек в своих мемуарах — это не разговор о самом Словацком национальном восстании как об историческом факте, а это разговор об интерпретации этого события в 1950–1960-е гг. Здесь ключевая коллизия состоит в том, что, во-первых, люди, которые были активными участниками Словацкого национального восстания, были действительно отодвинуты от власти так называемой пражской группировкой, чешскими политическими деятелями, которые в общем-то в значительной степени ограничили автономию Словакии в рамках единой Чехословакии. Это с одной стороны. Но даже внутри самой Словакии вопрос о национальном восстании стал предметом активной политической борьбы между тем же Дубчеком и, скажем, такой крайне важной фигурой, как Густав Гусак, который, как известно, был одним из активнейших руководителей Словацкого национального восстания. И в тот момент, когда Дубчек совершал восхождение к посту руководителя Словацкой компартии (в составе КПЧ), Гусак находился в тюрьме, и причем он был осужден не за что иное, как за «словацкий буржуазный национализм». В тюрьме Гусак пишет текст с очень интересной судьбой, текст о Словацком национальном восстании. Естественно, что в начале 1960-х гг., когда Гусак вышел из тюрьмы, этот текст оценивается крайне негативно. Как словацкими учеными, словацкими коммунистами, тем же Дубчеком, так и пражской политической элитой. А также и в Советском Союзе. Это рассматривалось как непроходной с точ-

ки зрения печати текст. Слишком много натяжек и в том числе с точки зрения показа роли самого Гусака. И вот наступил 1969 г., в событиях произошел поворот, в 1970 г. текст публикуется и становится канонической интерпретацией Словацкого национального восстания. Об этом событии в контексте истории Второй мировой войны написано много, его изучение имеет большую историографическую традицию, идут до сих пор споры, выходят новые работы — и в Словакии, и в Чехии. Так что для меня очевидно, что воспоминания Дубчека в этой их части — это прежде всего не воспоминания о событиях времен войны, а продолжение диалога с Г. Гусаком и с пражской политической элитой относительно трактовки тех событий. Мы еще обратимся к разговору о Гусаке, его месте в чехословацкой политике 1960-х после того, как он был полностью реабилитирован и вновь включился в политическую жизнь. Вот в какую цель бьет, собственно говоря, этот рассказ Дубчека о Словацком национальном восстании.

А. С. Идем дальше. Начало 1950-х гг., по сути дела сталинизм на национальной почве, волна репрессий, предпринятых диктатурой сталинского типа, судебное дело Сланского. Дубчек уже был партийным функционером, даже секретарем обкома в Словакии. Не замалчивает ли он что-то о своей роли в тех событиях, когда пишет, что его совсем не информировали о готовившихся преследованиях тех или иных лиц? Например, о репрессиях по делам словацких «буржуазных националистов» — они продолжались до 1954 г., хотя и Сталина уже не бы-

ло. В СССР 1930-х гг. партийные секретари разного уровня входили в «тройки», выносившие смертные приговоры, и их фамилии стоят под расстрельными списками. В Чехословакии ничего подобного не было?

Т. Д. Здесь надо выделить два момента. Во-первых, используя выражение Надежды Мандельштам, можно сказать, что в Чехословакии сталинизм был все-таки «вегетарианским» — если, конечно, сравнивать его с Советским Союзом, особенно второй половины 1930-х. Все-таки в Чехословакии начала 1950-х не было таких массовых расстрелов, просто конвейером. Такого не было, а потому не было и такой вовлеченности в репрессии партийных работников низового и даже среднего уровня. Была борьба разных группировок коммунистической элиты — К. Готвальда против Р. Сланского и т. д., это заканчивалось кровью, но все это имело гораздо более верхушечный характер, а на уровень уничтожения целых социальных слоев и групп, как это было в Советском Союзе, это не спустилось. Это видно хорошо по романам Милана Кундеры, он описывает, как эти люди из старой интеллигенции — они, конечно, подвергались гонениям, была система трудовых лагерей и т. д. Это все было — так называемое перевоспитание и прочее. Коснулось, кстати, и семьи Вацлава Гавела, как мы знаем. Но такого мощного конвейера по уничтожению людей не было. Поэтому в отличие от пражской элиты — Р. Барака, А. Новотного, и даже в отличие от некоторых руководящих словацких деятелей той поры, начала 1950-х гг. (Шировский, Бацилек),

Дубчек, конечно, мог не знать всех деталей. Но это только часть ответа на вопрос, потому что в позиции Дубчека есть и определенное лукавство. Дубчек как человек вообще-то поживший в Советском Союзе и человек номенклатурный, он полностью не представлять того, что происходило в стране, конечно же, не мог. Вне всякого сомнения, он прекрасно знал, что происходит. Более того, мы должны помнить, что сама Чехословакия — довольно маленькая страна, а Дубчек был включен в партийную систему с малолетства, ведь его отец был активным членом компартии. Дубчек уже в силу обстоятельств своего рождения с юных лет знал многих людей из партийной элиты, во всяком случае в Словакии, у некоторых из них он в буквальном смысле на коленках вырос. Поэтому, когда Дубчек говорит, что он в то время совершенно не знал, что там происходит со Сланским, со всем этим делом, и что там что-то такое готовится, в это трудно поверить. Зная с юности этих людей, он многое знал о том, что происходит. И в Праге тоже, не говоря уже о Словакии. И, между прочим, именно с тем, что он хорошо знал этих людей, был для них «своим», во многом связано его быстрое продвижение по карьерной лестнице.

А. С. Да, это тоже вполне резонный вопрос — о том, с чем было связано столь быстрое продвижение. И в этой же связи. Насколько адекватно раскрывает Дубчек свою роль в комиссиях по реабилитации начала 1960-х гг. и показывает свою оппозиционность лидеру КПЧ Антонину Новотному, прежде всего в вопросе о деградации словацких

национальных органов, вытекавшей из новой Конституции 1960 г.? Ведь если бы он был слишком оппозиционен (в частности, Праге), разве у него были бы шансы быть избранным первым секретарем компартии Словакии в 1963 г., пусть даже на волне обновления и некоторой либерализации?

Т. Д. Вот тут как раз начинается тот самый период, который очень хорошо зафиксирован в документах, в том числе нашего архива — РГА-НИ. На конкретных материалах можно показать, что такое воспоминания и что такое реальная картина, чем они отличаются друг от друга. Начнем с самого начала. Если мы откроем личное дело Дубчека, которое хранится в РГАНИ, мы увидим там очень интересные вырезки из «Правды» (не московской, а братиславской), где на первой странице печатаются материалы за подписью А. Дубчека, еще не руководителя страны, это начало 1960-х гг. Это были крайне правоверные статьи, более правоверные, чем статьи того же времени в пражской «Руде право» за подписью т. Антонина Новотного. Дубчек выступает в этот период не каким-то оппозиционером, либералом, инакомыслящим и т. д. Он выступает как крайне правоверный, крайне лояльный человек. И именно таковым он и воспринимается в это время в Москве. Более того, Дубчек сумел полностью обаять советского генконсула в Братиславе М. Кузнецова, у них сложились очень хорошие отношения, это видно по материалам, которые генконсул направлял в Москву. Дубчек чуть ли не каждый день бегал к советским товарищам, делясь с ними информацией о том,

что происходит, и надо сказать, иногда выполнял довольно пикантные миссии, возложенные на него Москвой. Здесь можно вновь вспомнить историю с Г. Гусаксом. Это очень интересный момент. Дубчек описывает эту историю в своих мемуарах. История сводится вот к чему. Гусакс был не частично, а полностью реабилитирован и восстановлен в партии только в 1963 г., но и после этого он не был восстановлен на высоких должностях (был простым научным сотрудником) и добивался своего возвращения в большую политику. И вот Дубчек в мемуарах описывает свой разговор с Гусаксом, где он, якобы желая помочь несправедливо репрессированному в прошлом видному коммунисту, предлагал ему пост в чехословацких правительственных органах, а Гусакс как человек крайне настороженный, самовлюбленный, отказался от этого поста в довольно резкой форме. Вот так излагает эту историю в своих воспоминаниях Дубчек. Но по материалам ЦК КПСС мы очень хорошо знаем подлинную суть событий. А она сводится к тому, что Москва решила нейтрализовать Г. Гусакса, купив его должностью среднего уровня. И провести эти переговоры было поручено Дубчеку. Именно выполняя это деликатное поручение Москвы, Дубчек встретился с Гусаксом. Гусакс тут же раскусил его как человек опытный, политик твердый и жесткий. Именно поэтому, прекрасно поняв, от чьего имени и каким образом действует Дубчек, он и отказался от предложенного ему поста. Он знал, что это поставит крест на его политической карьере: согласившись на малое, впоследствии не получит всего желаемого.

А. С. Ему предлагали в это время пост замминистра в Праге. Замминистра юстиции.

Т. Д. Да, а он считал это малым для себя и полагал, что если он на это пойдет, то так и останется на уровне среднего правительственного бюрократа, не «первой скрипки». Но поскольку мы говорим о Дубчеке, нам интересно то, что Москва именно ему поручила провести такой деликатный разговор. То есть он был для Москвы человеком настолько доверенным, настолько готовым выполнить все, задуманное в Кремле, что выступал в это время инструментом советской политики в Чехословакии. Поэтому о каком человеке мы сейчас говорим? Мы говорим о крайне доверенном для Москвы человеке, очень надежном в то время для нее политике, ассоциированном с аппаратом ЦК КПСС. Другое дело, что Дубчек тоже был не так прост и в разговорах с дипломатом Кузнецовым он периодически разыгрывал свою игру: дескать меня обижают Прага, центр. Но это типичная игра для партаппаратчиков. К тому же тут еще и национальный вопрос примешивался, не терявший актуальности. Так что Дубчек хотел подать себя советским товарищам следующим образом: я весь ваш, я вам полностью лоялен, дорогие товарищи из ЦК КПСС, а вот в Праге меня недооценивают. Но вы ведь знаете, как я хорошо умею делать свое дело. Вот какую игру играл Дубчек. На тот момент.

А. С. Вообще у меня складывается такое впечатление, что ситуацию в Словакии 1960-х гг. он как-то приукрашивает, когда пишет, что по темпам либерализации она якобы опережала Чехию и что общественная

атмосфера там была более свободна и т.д. Но ведь все-таки, если объективно подойти, то общественное движение в Словакии было нацелено прежде всего на реализацию словацких национальных требований, достижение большей автономии в ее отношениях с Прагой. Ведь в конце концов Дубчек и сам в мемуарах признает, что именно достижение федерализации было для словаков в то время наивысшим приоритетом. Мне кажется, что он не очень объективен, когда пишет, что Словакия бежала впереди Чехии в плане реформ, а он был вот таким мотором этих реформ.

Т.Д. Мне тоже представляется, что это очень сильное преувеличение, особенно если вспомнить, например, знаменитый съезд чехословацких писателей в 1967 г. и сопоставить его с прошедшим перед этим съездом писателей Словакии. Это был разговор совершенно разного уровня: в Братиславе письма Солженицына не зачитывали, а в Праге это было. Накал демократического горения, либерального движения в Праге был несоизмеримо выше, чем в Братиславе. И мы это потом хорошо видим по процессу нормализации, которая в Словакии прошла намного более спокойно, намного проще. Более того, Гусаку, который потом пришел на смену Дубчеку, удалось в значительной степени убедить словацких коммунистов если не признать, то принять акцию от 21 августа — в отличие от КПЧ. Почему? А ответ — в том вопросе, который вы сформулировали. 1969 г. Закон о федерализации.

А.С. Хотя интервенцией в Словакии тоже не были довольны, однако что-то получили взамен.

Т.Д. Словакия получила после 1968 г. очень много. Она получила национальное правительство, инвестиции, довольно мощный рывок в развитии национальной культуры за счет создания целой сети национальных институций. Так что если это и не закрыло словацкую национальную повестку, то по крайней мере значительно ее смягчило.

А.С. При чтении мемуаров обращает на себя внимание явная нелюбовь Александра Дубчека к Антонину Новотному. Это бросалось в глаза и со стороны. О том, что Дубчек крайне не любил Новотного, свидетельствуют многие, в том числе автор послесловия к русскому изданию книги журналист В. Кривошеев, работавший в Праге в 1960-е гг. и лично неплохо знавший Дубчека. Причем неприязнь, очевидно, была взаимной. А что со стороны Дубчека лежало в основе такого отношения? Обида на постоянное пренебрежение Новотным словацкими национальными интересами, т.е. вещи принципиальные, ибо Дубчек ставил себя в позу последовательного блюстителя этих интересов, тогда как Новотный ими откровенно пренебрегал? Или было и что-то личное? И связанные с этим другие вопросы: в какой мере соответствует реальности созданный в мемуарах образ Новотного как политика? И насколько объективно показаны его отношения с Л.И. Брежневым?

Т.Д. Мне кажется, что здесь была очень сложная смесь различных факторов. Во-первых, сама по себе фигура Новотного крайне сложна. З. Млынарж в своих известных воспоминаниях высказал тезу, которую

я очень люблю и стараюсь постоянно цитировать: о том, что весь процесс реформирования в Чехословакии подспудно вызревал не только в либерализовавшемся гражданском обществе, но и в государственном и партийном аппарате периода правления Новотного, что было бы невозможно, если бы это не дозволялось высшим политическим руководством, которое само в определенной мере способствовало этому. Скажу даже больше: вообще-то говоря, именно Новотный запустил чехословацкую экономическую реформу.

А. С. Да, и поскольку мы касаемся этой темы, тут сразу встает вопрос, а насколько вообще адекватен тот образ экономической составляющей реформ, который дается в мемуарах, хотя особенно в эту тему Дубчек не вникает.

Т. Д. А это довольно легко объяснимо, почему он не вникает. Потому что все экономические реформы в Чехословакии были предприняты именно во времена Новотного и — чуть-чуть — в первый период после «августовской акции». Вообще именно к экономическим реформам в Чехословакии А. Дубчек не имел никакого отношения и ровным счетом ничего не делал в этой сфере, когда руководил страной. Это вообще поразительно: все упрекают Новотного и консервативное руководство КПЧ в том, что они тормозили реформы. И это стало триггером для либеральной группы экономистов — для О. Шика и других — стремившихся добиться отставки Новотного на том основании, что он стал тормозом на пути реформ. Но в период 1968 г., Пражской весны, когда, ка-

залось бы, открылись все возможности для проведения экономических реформ, все о них забыли, все были увлечены в это время политическим процессом. К экономическим реформам же вновь вернулись только тогда, когда случился август. Попытки что-то сделать, вот тот же закон о предприятиях, о профсоюзах, о расширении прав трудовых коллективов — это все уже 1969 г., хотя в 1969 г. такие реформы, конечно, не могли пройти по понятным причинам — наступила жесткая эпоха ухода от Пражской весны. На этом этапе любая инициатива реформирования в Чехословакии воспринималась как ужас, советские администраторы соревновались в том, кто даст более жесткую, хлесткую характеристику чехословацким инициативам. Но это уже разговор о более позднем периоде. А если мы обратимся к периоду 1962–1963 гг., то увидим, что чехословацкая экономическая реформа была инициирована А. Новотным (Джалилов, Пивоваров 2020). Именно он пробивает эту реформу в Москве, он делает очень многое для того, чтобы советская сторона позитивно восприняла начавшуюся экономическую реформу. Естественно, как опытный политик он тщательно маневрирует, понимая, как надо общаться с советским политическим руководством, как надо, условно говоря, приготовить этот гарнир, чтобы советское руководство, что называется, «скушало» все это и правильно восприняло эти реформы, т. е. чтобы получить карт-бланш на их проведение. И вот эти политические маневры Новотного увенчались успехом, известно, например, и это видно по документам, что в Москве Ю. Андропов, в то время отвечавший за социа-

герь в качестве секретаря ЦК КПСС, и К. Мазуров, первый вице-премьер, вошедший в 1965 г. и в Политбюро, весьма позитивно относились на первоначальном этапе к чехословацким экономическим реформам. Это безусловная заслуга Новотного. С другой стороны, Новотный тут, выиграв тактически, проиграл как крупный государственный деятель. Своими маневрами, уклончивой позицией он обеспечил поддержку Москвой определенных экономических реформ, но в то же время настроил против себя чехословацкое общество, которому казалось, что процесс реформ идет слишком медленным темпом, слишком многое откладывается на завтра, слишком половинчатые действия предпринимаются. Борьба за более активные методы проведения экономической реформы в Чехословакии стала в конце концов одним из тех «таранов», с помощью которого Новотного сбили с поста первого секретаря ЦК КПЧ. Дубчек в этой игре — там, где дело касалось именно экономической реформы, — вообще не принимал никакого участия. Вот в чем все дело. И судя по всему, то, что Дубчек стал активно разыгрывать свою ссору с Новотным, как раз объясняется тем, что он хорошо почувствовал, что называется, запах крови...

А. С. Это конец октября 1967 г., когда он выступает с публичной критикой Новотного. Он уже понял, что позиции Новотного, видимо, ослабли, а у него между тем и собственные амбиции проявились к этому времени в полной мере.

Т. Д. Да, Дубчек хорошо понял обстановку. Правда, надо сказать, что

как человек очень осторожный, судя по отчетам советского посольства и генконсульства в Братиславе, он начал это готовить загодя, когда то и дело говорил советским товарищам о том, что вот, дескать, меня обижают, недооценивают в Праге, хотя я так хорошо работаю во благо социалистической Словакии. Дело доходило до того, что иногда он даже предпринимал такие совсем смешные, но до некоторой степени эффективные шаги, когда говорил по возвращении из Праги: меня там сильно расстроили, обидели, я хочу уйти со своего поста, и вот советские товарищи его успокаивали, гладили (условно говоря) по головке: ну что вы, Александр Степанович, мы вас ценим, не обращайтесь на все на это внимание и т. д.

А. С. Да, но ведь мы знаем и то, что Новотный тоже что-то предпринимал со своей стороны, когда по нему начали ударять. Вот вскоре после этой речи Дубчека он отбывает в Москву, а это осень 1967 г., как раз там праздновалось 50-летие Октября, он был в Москве дней десять и с Брежневым встречался. А сохранились ли какие-то записи тех встреч ноября 1967 г.?

Т. Д. Да, сохранились записи тех переговоров 1967 г., но надо сказать, что то ли в них не все фиксировалось, то ли Новотный действительно не хотел до конца втягивать советское руководство в чехословацкий внутривластный процесс — не знаю. По крайней мере в этих стенограммах практически не затрагиваются вопросы внутривластной борьбы. Новотный просил поставки зерна, просил кредитов, получил на все

согласие, т. е. он заручился тогда советскими инвестициями, чтобы сгладить социальную напряженность в Чехословакии. Но о прямом советском вмешательстве в политический процесс он не просил, по крайней мере это не проходит по стенограммам, может быть, он этот вопрос в кулуарах обсуждал. Но вот прямого обращения за помощью по документам не видно — того, что он пытался втянуть Москву в пражскую историю.

А. С. Следующая встреча — 8 декабря. Тут уже Брежнев едет в Прагу. Тоже возникает вопрос: насколько адекватно Дубчек описывает эти события, и что говорят документы. Ведь в историографии сложилось мнение, что Брежнев воспринял происходящее как клубок каких-то личных дрызг внутри чехословацкого руководства, в который не надо вмешиваться, и в общем единственным итогом его поездки явилось то, что он не оказал поддержки Новотному: это, товарищи, ваше внутреннее чехословацкое дело, улетает из Праги. И тут как бы получается, что эта его позиция, это его устранение подлило только масла в огонь внутривластной борьбы. А как было в реальности? Может быть, Брежнев все же как-то пытался повлиять на происходящее?

Т. Д. Это очень сложный вопрос, я в свое время писал об этом большую статью (Джалилов 2018). Но у меня очень четкая позиция по этому вопросу, хотя здесь надо иметь в виду, что стенограммы этих пражских переговоров находятся у нас на закрытом хранении. Хотя мы знаем частично о содержании этих переговоров по записям, которые вела чехословацкая

сторона. В Чехии они уже доступны исследователям. Вот судя по тому, что мы знаем, действительно Брежнев оказался втянут в такие крайне вязкие обсуждения с руководством КПЧ, когда в ходе встреч все друг на друга жаловались, выносили на поверхность какие-то склоки, просили Брежнева как-то принять во всем этом участие. То есть фактически на глазах советского лидера разыгрывалась какая-то семейная ссора — это видно, если проследить по чехословацким документам. И формально Брежнев действительно не стал во все это вмешиваться, он устранился, вернулся в Москву, не поддержал Новотного во всей этой истории. Но это только формальная сторона вопроса. Есть, как мне представляется, во всем этом и гораздо более сложная игра Леонида Ильича. Он, безусловно, к этому моменту уже готов был к смене власти в Праге. Он, безусловно, видел все эти социальные, политические, культурные и другие противоречия (в том числе связанные с незавершенной реабилитацией), которые сплелись в единый клубок, о чем мы очень хорошо можем судить по долговому пленуму конца 1967 — начала 1968 г., когда люди заседали не один месяц и не могли разобраться в главном вопросе — о власти. Когда читаешь стенограмму этого пленума — видишь весь этот нерв пульсирующей внутривластной борьбы.

А. С. Дубчек, вспоминая в мемуарах эти рождественские дни, проведенные с семьей в Братиславе, пишет о том, что не исключал даже ареста. Стука в дверь в три часа ночи. Настолько острой была борьба. На Старой площади знали обо все этом?

Т. Д. На Старой площади прекрасно обо всем знали. Не только от нашей дипломатии. Там была налажена огромная система информации (Джалилов 2012). Она не сводилась только к работе посольства, были и другие источники. Были разные осведомители, использовавшие разные каналы. В том числе чехословацкие политики. Причем надо сказать, что не только консервативные политики выступали в роли таких осведомителей (Гендрих, Кольдер, например, постоянно информировали о происходящем в Москве), но и самые что ни на есть либеральные. О. Шик, например, тоже не брезговал тем, чтобы в Москву что-то сообщить. Он имел свои каналы, Дубчек имел свои каналы. То есть все пытались воздействовать на Москву. Так что у Москвы было множество источников информации, не только официально из посольства. Поэтому в Кремле и на Старой площади были прекрасно информированы о том, что происходило. И говорить о том, как это делает уважаемый коллега М. Латыш в книге 1990-х гг. «Пражская весна 1968 г. и реакция Кремля», что Москва якобы не разбиралась в происходящем в Чехословакии и что Брежнев ровным счетом ничего не понял во время визита, — это, мне кажется, очень сильное преувеличение. Очень хорошо Москва понимала, что происходит в ЧССР. Другой вопрос — почему она подобным, отстраненным образом прореагировала на это. Как мне кажется, в этом была своеобразная игра Брежнева, который надеялся острый социально-политический конфликт перенести на уровень элитного конфликта. Он рассчитывал воспроизвести в Праге ту модель, которую ему удалось

провести в Москве в 1964 г. при отставке Хрущева, когда социальные противоречия были канализованы с помощью смены элит и определенной, очень умеренной реформаторской программы (косыгинско-брежневской на ее раннем этапе) — и вот за счет консолидации новой элиты путем отстранения части людей из «старой гвардии» с возложением на них ответственности за сложившуюся негативную ситуацию удалось до некоторой степени смикшировать нарастающие общественные противоречия. Есть на самом деле и другой пример удачного осуществления в соцлагере подобного перехода. Это ГДР рубежа 1960–1970-х гг. Смена на посту лидера государства В. Ульбрихта на Э. Хонеккера, когда Брежневу в общем удалось повернуть ту же модель, что и при отстранении Хрущева. И сам он разыграл в этой истории роль такого вот патриарха, который «стоит над схваткой», которому все жалуются, который принимает решения, успокаивает. А ведь конфликт в ГДР — он тоже был обусловлен социально-экономическими противоречиями, неудачей с экономической реформой. Но это удалось изобразить и подать как внутриэлитный политический конфликт, который был разрешен с помощью прихода нового, как бы более адекватного руководства. Для меня очевидно, что Брежнев надеялся разыграть такую же комбинацию в Праге. Кстати говоря, вот в роли «чешского Брежнева», как мне представляется, он в это время видел именно А. Дубчека. И Дубчек давал, потенциально, возможность оценить себя именно вот таким образом: как своего рода «чешский Брежнев» (как его видел сам Леонид Ильич), более

молодой в сравнении с предшественником, «прогрессивный», энергичный, при этом абсолютно лояльный Москве. Готовый вот на те минимальные реформы, которые ждет чехословацкое общество, которые его успокоят, что приведет в дальнейшем к вполне благополучному существованию ЧССР в рамках соцлагеря.

А. С. Но получилось иначе, не так, как хотел Брежнев. И вот в конце января 1968 г. Дубчек поехал в Москву уже в новом качестве. Делился с Брежневым и другими советскими лидерами своими планами действий. А какие-то записи этих бесед есть? Они дают другую картину?

Т. Д. Это потрясающая история. Здесь надо вначале обратиться к воспоминаниям Дубчека, как он излагает эту историю. Во-первых, он пишет, что встреча не стенографировалась. Далее он описывает, как молодое, прогрессивное руководство КПЧ приехало в Москву, сидело напротив консервативных советских истуканов, которые смотрели с холодными, каменными лицами на него. Как он рассказывал им о том, какие реформистские планы им задуманы, какие реформы он хочет проводить в Чехословакии. А советское политическое руководство сидело, ничего не понимало и молча, холодно смотрело на него. Такая вот идеальная литературная картина. Во всем этом есть одна замечательная деталь: Дубчек не заметил стенографистку, которая фиксировала происходящее. Потом стенограмма легла в архив ЦК КПСС на хранение, и мы можем почитать, что же происходило на самом деле в ходе этих переговоров. Если мы

откроем документ, кстати, завизированный рукой А. Дубчека, то увидим, что ни одного слова о реформах он в Москве не произнес. О чем же он говорил в Москве? О своей верности марксистско-ленинским принципам! Он сказал несколько слов о руководстве Новотного, которое не справилось с ситуацией, и пообещал полную верность идеям Ленина и руководящей роли компартии. Он долго рассуждал — это несколько абзацев — о том, что КПСС является руководящей и направляющей силой для всех коммунистов мира и естественно для КПЧ.

А. С. Дежурная фраза...

Т. Д. В той ситуации, я бы сказал, это была не дежурная, а крайне важная фраза, потому что это была клятва верности. Он убеждал советских товарищей в полной своей лояльности, и именно для этого он, собственно говоря, и приехал в Москву, а не для того, чтобы познакомить Брежнева, Косыгина и все советское Политбюро с задуманным им планом реформ. И если действительно поверить в то, что советская сторона сидела с каменными лицами, то я могу их понять.

А. С. А может быть они уже имели другую информацию от посольства, от информаторов чешских — о том, что там уже что-то такое намечается нежелательное.

Т. Д. В тот момент они еще не имели представления о том, что там что-то намечается. Это позже. В тот момент полного представления о планах и намерениях Дубчека, я думаю, не было не только в Москве, но и у самого Дубчека.

А. С. Это проявилось где-то к марту.

Т. Д. Это был очень диалектичный процесс, где каждый день что-то менялось.

А. С. Процесс гласности, отмена цензуры.

Т. Д. Да, все это происходило очень быстро.

А. С. К марту это уже происходило вовсю, и Москва уже была недовольна.

Т. Д. К марту, конечно, но в январе позиция в Москве сводилась к тому, что надо посмотреть на шаги нового руководства.

А. С. Вот в последующие за январской встречей недели они смотрят, им кажется, что что-то идет не в ту сторону, они пытаются как-то на Дубчека влиять через каких-то, может быть, более умеренных своих доверенных лиц?

Стоило к Биляку и другим подойти советским представителям, которые возражали против того или иного аспекта проводимой политики, как они, шелкнув каблуками, бросались следовать указанию Советов, пишет в этой связи Дубчек.

Т. Д. Это так, но вообще я считаю, что у нас есть абсолютно точная дата, когда мы твердо можем сказать, что к этому времени Брежнев поставил крест на Дубчеке. Это апрельская встреча Брежнева и Тито.

А. С. Заезд Тито в Москву по пути домой после своего азиатского тур-

не, встреча его с Брежневым в самом конце апреля. Да, там со всей очевидностью проявилось негативное отношение Брежнева к Дубчеку.

Т. Д. Брежнев там называет Дубчека несерьезным политиком, ибо тот не выполняет обещаний. И вот в этом, между прочим, в этой реплике содержится вся история Дубчека 1968 г. А если говорить о том, как на него пытались повлиять, то там масса факторов, естественно. Пыталось влиять и его близкое окружение, а там было очень много лиц, лояльных Москве, поддерживавших связи с посольством, между прочим тот же М. Якеш, будущий лидер КПЧ, преемник Гусака, человек, ставший после августа нормализатором из нормализаторов, такой «иконой» нормализатора — так он был введен в пражское руководство именно Дубчеком, потому что Дубчек считал его близким, верным себе человеком.

А. С. Но кстати, и задолго до беседы с Тито проявлялось неприятие Брежневым происходящего в Чехословакии. Вот 23 марта, дрезденская встреча, где Дубчека уже начинают обрабатывать, критиковать. Там ведь все тоже стенографировалось.

Т. Д. Да, там все, конечно, стенографировалось. Серьезная была встреча. Там собрались лидеры соцстран. И надо тут еще сказать, что Дубчек не был оторван не только от советского посольства, но и от аппарата ЦК КПСС, и, собственно говоря, основным фактором воздействия на него были его разговоры с первым лицом Советского Союза, Брежневым. Это

мы знаем хорошо, часть этих их телефонных разговоров сохранилась, часть не стенографировалась, но Брежнев постоянно звонил Дубчеку, постоянно его увещевал.

А. С. Начиная уже с весны?

Т. Д. С самого начала. Причем Брежнев вначале очень хорошо относился к Дубчеку. Первое время. Более того, мне кажется, что он до самого последнего момента...

А. С. Надеялся, что тот как бы одумается.

Т. Д. Он просто по-человечески к нему неплохо относился, ему по-человечески было жалко Сашу, он к нему так всегда и обращался: Саша.

А. С. Не оправдал доверия Брежнева Саша...

Т. Д. Да, но поскольку по-человечески он к нему относился неплохо, закатать его в бетон он как-то не хотел. Но дело не в этом. Дело в том, что Брежнев был крайне жестким, высококлассным политиком. Хотя он и любил подать себя как добрейший человек, сибарит, любитель охоты и т. д. — это был очень искусный, все просчитывавший политик, выросший в крайне жесткой политической системе, умевший считывать любые сигналы и подавать эти сигналы своему окружению. И от Дубчека он ждал на самом деле того же, игры по тем же правилам. Вот откуда вся эта катастрофа произошла. Мы должны понимать, что в рамках советской политической системы очень многие вещи не называются прямо — там все на полутонах, на некоторых наме-

ках, но люди столь высокого политического ранга, прошедшие всю эту школу, они умели считывать все эти сигналы вмиг. А Александр Дубчек избрал очень интересную тактику — он делал вид, что ничего не понимает. Ну можно было делать вид, что ничего не понимает, в разговорах с телевидением, с общественностью, но делать это в разговорах с Брежневым и, более того, играть в дурачка, когда Брежнев совершенно явно шлет ему посыл: ты вот сделай то, то и то — а Дубчек делал вид: я не понял, о чем вы, Леонид Ильич. Это выглядело в глазах Брежнева крайне несерьезно, и с политиком, который руководит огромной сверхдержавой, огромной социалистической ойкуменой, такие номера, конечно, не проходили.

А. С. Ну вот наша дипломатия. Дубчек не жалеет слов, ругая посла С. Червоненко: «глупый и спесивый Червоненко», упорно водивший дружбу лишь с крайними консерваторами и черпавший всю информацию только от них, был не только никудышним почтальоном, но и скверным наблюдателем. По-видимому, он не имел ясного представления о том, что происходит в Чехословакии, и т. д. Хотя дело-то наверно не в том, что наши дипломаты плохо знали ситуацию, а в том, что происходящее совершенно не укладывалось в те нормы, которые они считали приемлемыми для социалистической страны. Впрочем, и тот же Дубчек иногда на страницах тех же своих мемуаров ближе подходит к истине: ну они (Червоненко, советник-посланник И. Удальцов) не то чтобы не знали, но в силу какой-то своей идейной заскорузлости, зашоренности не

утруждали себя в том, чтобы разобратся, а сразу давали определения «контрреволюция» и прочее. Какова вообще роль посольских донесений в создании этого негативного образа, который складывался в Москве о чехословацких событиях?

Т. Д. Здесь надо сказать, что у советского руководства сложился довольно объективный образ происходившего — когда я это говорю, я не оправдываю тех или иных действий, говорю без всяких оценок. Объективный с точки зрения тех политических позиций, на которых стояли советские руководители, и того целеполагания, которое ставило перед собой советское политическое руководство. И посольство, конечно, играло большую роль в информировании советского руководства о происходящем, но, как мы уже говорили, оно было далеко не единственным информатором. Количество информации, приходившей в Москву, было огромным — в 1968 г., даже уже и с 1967 г. Прага оказалась в фокусе политического внимания. Мы можем судить об этом уже по одному только количественному признаку, числу зарегистрированных входящих материалов в ЦК КПСС — это был колоссальный вал документации. И по советским документам мы можем сейчас составить чуть ли не ежедневную летопись событий 1968 г. Кто выступал, где выступал? Как выступал? Кто с кем общался? Какие планы строились и т. д. Колоссальное количество материала.

А. С. Во всех архивах отложились документы. И даже в таких, казалось бы, второстепенных с точки

зрения тематики. В Архиве Академии наук, например: советские экономисты, командированные в Чехословакию, по 30 страниц справки писали о том, а что там, собственно говоря, в экономике происходит. В РГАЛИ хранятся отчеты писателей, киношников о встречах с чехами и словаками.

Т. Д. Весь советский аппарат, а мы должны понимать, что Советский Союз — это огромная административная машина, так вот весь советский аппарат был сфокусирован в этот момент на маленькой Чехословакии. Самые разные донесения. Писатели, ученые, дипломаты, военные, спецслужбы.

А. С. Причем донесения не только оттуда. Разные ведомства здесь также принимали их людей и целые делегации.

Т. Д. Все сообщали. И была аналитика достаточно высокого уровня. Недостатка в информации не было. Абсолютно.

А. С. Тут вопрос интерпретации.

Т. Д. Да, но даже что касается интерпретации, то надо отметить, что Москва наладила каналы получения по-разному акцентированной информации. Например, нам очень интересно, что Удальцов и Червоненко, которых вы упомянули, перессорились между собой.

А. С. Ну да, Удальцов более радикальный был.

Т. Д. Да, но я думаю, что до некоторой степени это было чуть ли не

искусственно сделано. Чтобы вот за счет напряжения внутри посольства разные группы в посольстве слали в Москву разную и по-разному интонированную информацию. Я думаю, что просто Удалцову слишком много позволили, что сразу вызвало негативную реакцию посла, и каждый начал что-то давать немножко от себя. Это видно по тексту. И кроме того, у них был разный круг общения.

А. С. Как показывают события 21 августа, большой разницы между ними, когда дело касалось ключевых событий, не было. Все вели себя как надо.

Т. Д. Политической разницы по основополагающим вопросам, действительно, не было, но по крайней мере это создавало некоторую полифонию. Несколько иначе выглядел голос М. Кузнецова, С. Прасолова — если называть ведущих дипломатов в Чехословакии того времени. То есть даже внутри дипкорпуса была создана вот такая полифония.

А. С. Это интересно. Дубчек ездил и в Москву. Вот в мае 68-го ездил. Остались какие-то записи тех бесед?

Т. Д. Записи остались. И не только Дубчек ездил. На разном уровне ездили партийные делегации.

А. С. Вот была встреча делегаций двух стран в Чиерне над Тисой. Рубеж июля — августа. Встреча длилась три дня. Где-то в вагоне на границе. Запись осталась? Дубчек пишет, что, вопреки договоренности, советская сторона что-то стенографировала.

Т. Д. Стенографировалась и Чиерна, а потом и встреча ряда компартий в начале августа в Братиславе. Можно восстановить, частично все это осталось.

А. С. Просто очень важно, действительно ли Дубчек брал на себя какие-то обязательства — обуздать цензуру, снять функционеров, приструнить какие-то общественные движения, раздражавшие Москву, и т. д. Это важно с точки зрения реконструкции того, что происходило в последние недели перед вторжением.

Т. Д. Здесь очень важно, что историческая база Пражской весны позволяет проследить все нюансы взаимодействия КПЧ и КПСС. А кроме того, если вернуться к мемуарам Дубчека, то увидим, что описание самых ключевых событий 1968 г. (что происходило 20–21 августа) — это очень маленькая часть мемуаров, это чуть ли не самая краткая часть воспоминаний по сравнению с основным массивом, т. е. практически он об этом ничего не пишет. И это понятно, потому что если обратиться к документам, увидим, что Дубчек брал на себя все обязательства, которые требовала от него Москва. Другое дело, что он выбрал очень интересную тактику. Он что-то обещал и часто даже не информировал членов президиума ЦК КПЧ, о чем он договорился с Москвой. Ведь были постоянные звонки, постоянные обещания, постоянное общение с советским посольством. Это было все вполне официально, когда глава государства обещает что-либо. Но при этом он не выполнял обещанного.

А. С. Причем Москва использовала и руководителей соцстран. Вот беседа Дубчека с Я. Кадаром в канун интервенции. Они общались 14 часов. А версии мемуаров Дубчека и тех интервью, которые Кадар дал незадолго до кончины, они...

Т. Д. Диаметральны противоположны.

А. С. Ведь Кадар тоже не хотел такой реакции Москвы на происшедшее в Чехословакии, и он пытался повлиять на Дубчека, чтобы тот хоть что-то сделал. У Кадара сложилось впечатление, что Дубчек просто не очень вменяемый был в это время, что он находился в состоянии полного нервного истощения, растерянность, огромная усталость давали о себе знать, и он просто плохо ориентировался в обстановке — у Кадара сложилось такое впечатление. Насколько это справедливо? Может быть, каждый со своей стороны прибегает к натяжкам.

Т. Д. Я тут в данном случае на стороне Кадара, но психоаналитика политических деятелей — она очень сложна. Действительно очень сложно сказать, было ли это нервное состояние, эмоциональное выгорание или на самом деле это была такая тонкая политическая игра, лидеры такого уровня это умеют делать.

А. С. А Кадар выполнял волю Брежнев, когда встречался с Дубчеком? Или он искренне пытался повлиять на него?

Т. Д. Я думаю, что Кадар играл в свою игру. Ключевой момент заключался в том, что Кадар в это время прово-

дил экономические реформы в своей собственной стране.

А. С. И даже если Кадар действительно что-то обещал Брежневу, то тут было некое двойное дно, ведь у него был свой собственный интерес.

Т. Д. Я думаю, тут дело даже не в том, что он что-то Брежневу обещал. Просто Кадар был крайне не заинтересован в таком развитии событий, в подавлении Пражской весны.

А. С. У него там чуть ли не половина политбюро орала просто: зачем нам надо вторгаться к чехам?! Да мы уйдем, если это случится! Ему приходилось там еще и их обрабатывать.

Т. Д. Мы помним, что 1968 г. — это пик венгерской экономической реформы, причем очень радикальной по своей сути (*Джалилов, Пивоваров 2021*). Более радикальной, чем чешская реформа Шика. Конечно, мы сейчас говорим только про экономику. То, что в Венгрии предложили Р. Ньерш и Е. Фок, это была очень рыночно ориентированная реформа. И для Кадара, как мне представляется, это был просто страшный сон — когда у тебя идут такие важнейшие реформы и ты потратил колоссальные усилия, чтобы согласовать эти реформы с Москвой — а тут происходит нечто в Праге, что ставит под угрозу всю систему политической стабильности в твоей стране. Конечно, Кадар как человек, думавший в первую очередь о своей Венгрии, пытался объяснить Дубчеку: не надо до такой степени расшатывать лодку. Абсолютно понятная позиция для

лидера государства, который думает об интересах своих, своего государства, своей политической системы. Насколько Дубчек вникал в то, что ему говорят — не знаю.

А.С. Это вопрос действительно. Конечно, он находился в состоянии большого морального напряжения, ведь давление Москвы на него было очень сильно. Кстати, Дубчек иногда противоречит сам себе в своих мемуарах. Вот когда он все же кратко упоминает о том, что его выводили под конвоем из здания ЦК, он пишет: «я в самом деле не мог себе представить, что они предпримут вторжение в нашу страну». Но насколько он искренен здесь? Вспомним, например, как он описывает свою реакцию на ультимативное письмо варшавского совещания лидеров компартий, состоявшегося в середине июля. Там он дает все же более адекватную картину: я и не питал иллюзий, что Брежнев захочет пойти на послабления, он будет все время давить на нас, играя на разногласиях в самом чехословацком руководстве, и т.д. Хотя и там об ожидании прямой интервенции речи не идет. Все-таки насколько он ждал такого хода событий? Он это мог предвидеть?

Т.Д. Ну вообще, если он, конечно, не был в состоянии полного эмоционального раздвоя, то это было очевидно, как дважды два четыре. Ну во-первых, раз уж мы сказали про Кадара, достаточно назвать всего одну дату и место: 1956 г., Будапешт. Все понимали, что если надо, то Москва пойдет на это.

А.С. Кстати, и Кадар в предсмертных интервью вспоминал свои слова,

сказанные Дубчеку: неужели вы не понимаете, что они не остановятся ни перед чем? Может быть, многоопытному венгерскому лидеру просто казалось странным, что на самой вершине политического олимпа в коммунистической стране оказался столь наивный, лишенный должного политического цинизма человек.

Т.Д. Потом есть хрестоматийный разговор середины августа, незадолго до ввода войск, разговор Брежнева и Дубчека, опубликованный, где в общем Брежнев, насколько мог сказать прямо, он прямо говорит: мы будем принимать меры. Между прочим, в том же разговоре Дубчек почти истерически кричит: делайте что хотите, я уйду, принимайте какие угодно меры и т.д. Подходя формально, некоторые историки используют вот этот кусочек текста вне контекста, для подтверждения утверждений о том, что Дубчек призвал советские войска. Это, конечно, не так, это близко не так, но с другой стороны, когда в ответ на этот фактически скрытый ультиматум главы сверхдержавы, на его высказывания о том, что мы будем принимать меры, глава государства говорит: делайте, что считаете нужным... Ну как здесь вообще-то говоря не понять, какая угроза над тобой висит? Ну а потом, знаете, вся советская аналитика говорила о том, что не сегодня так завтра этот процесс закончится выходом ЧССР из соцлагеря. Дубчек, конечно, категорически это отрицал, и вообще все политическое руководство говорило, что никаких планов выхода из ОВД и СЭВа в Чехословакии нет.

А.С. Но они действительно были очень осторожны во внешней поли-

тике. Помня о судьбе Имре Надя, заявившего о выходе из Варшавского договора, и т. д. Совершенно не хотели, чтобы их заподозрили в этом.

Т. Д. Да, были осторожны, но все развитие событий говорило о том, что есть определенная тенденция, которую Москва никак не могла принять.

А. С. Вот это недельное пребывание в Москве — начиная с 21 августа и пока они не подписали декларацию. Встречи и переговоры с советскими лидерами, их давление. Дубчек пишет, что он не принимал слишком активного участия в силу своего морально-психологического состояния. А что было на самом деле, насколько активно он участвовал в тех переговорах? Мы знаем, что политическая подготовка смены власти у Москвы действительно сорвалась, сформировать новое правительство не удалось, и после этого не знали, на кого делать ставку в ходе переговоров, приходилось как бы на ходу импровизировать. И я так понимаю, что первое время эти переговоры происходили в форме встреч между узкими группами, Москва искала людей, на которых сделать ставку. Насколько то, что происходило в реальности, отличается от той картины, которую дает Дубчек?

Т. Д. Тут можно еще вспомнить, что помимо воспоминаний Дубчека есть еще воспоминания З. Млынаржа, довольно интересные при всех искажениях. Есть и стенограммы переговоров, которые введены в научный оборот. Конечно, в деталях и у Млынаржа, и у Дубчека есть мас-

са неточностей, желания показать себя с лучшей стороны, чем было на самом деле — как они противостояли натиску советской стороны и т. д. Но в основном можно согласиться с Дубчеком — ни в стратегическом плане, ни в тактическом какой-либо модели будущего у советского руководства не оказалось. Не могли даже с полной уверенностью сказать: а что делать 22 августа? И плохо себе представляли, что делать на отрезке 5–10 дней. То есть одно дело — свернуть Пражскую весну, а другое дело — что предложить взамен, какую модель. И куда вести общество. Не только Чехословакию, но и все соцстраны. Вот это была главная, как мне представляется, проблема, с которой столкнулось советское политическое руководство. Не имевшее горизонта в своих представлениях. Ну можно организовать «гуляш-социализм», как в Венгрии, можно организовать маленькую сделку Гусака с народом, когда пиво стоит 12 крон, и какое-то время все этим будут удовлетворены. Но исключительно на обеспечении такой социальной стабильности построить систему действительно устойчивую очень сложно.

А. С. И такое впечатление, что сам Дубчек по возвращении домой стал своей политикой уступок помогать Москве выходить из этого тупика. Подписанное в Москве коммюнике было воспринято обществом как тотальное отступление. Хотя там были оговорки, но все-таки этим соглашением он сразу потерял влияние в обществе. А потом и дальнейшие уступки, октябрь, когда он подписывает соглашение об условиях пребывания советских войск. Он понимал вообще, что

теряет популярность, теряет влияние в стране?

Т. Д. Я думаю, что в тот момент, т. е. Дубчек образца 1969 г. — это гораздо более ответственный политик, чем Дубчек образца 1968 г.

А. С. Он понимал, что уже никак не обойтись без уступок.

Т. Д. Он понимал, что страна оказалась в положении совершенно безвыходном и теперь надо искать выход из создавшейся ситуации, невзирая ни на что.

А. С. Он и описывает вот это погружение общества в состояние глубокой деморализации. В этом мемуарам не откажешь. Словакии это коснулось меньше, чем Чехии, особенно Праги. Словакии, как мы уже сказали, бросили пряник в виде федерализма именно в это время. Я хотел спросить относительно послеавгустовской нормализации, насколько здесь архивные источники показывают реальную картину. Я имею в виду и начало октября, когда А. Дубчек и О. Черник были вызваны в Москву для отчета о том, как идет «нормализация», и им было навязано скорейшее заключение соглашения, легализующего пребывание советских войск. И позже, когда они в сущности вызывались для отчетов о своей деятельности. Или апрель 1969 г. Вся эта история с беспорядками после хоккейного матча, и более поздние события, когда Дубчека вынудили уйти со своего поста.

Т. Д. Этот период очень хорошо отражен в источниках. К сожалению,

они пока что еще во многом не изданы. Это такая программа для нас на следующий период — начать изучать, издавать это.

А. С. Есть и дипломатические донесения интересные, которые относятся к этому периоду.

Т. Д. Очень много разнообразной информации, это все надо вводить в научный оборот, анализировать. До некоторой степени на чешских материалах такое исследование предпринял чешский коллега М. Махачек. Но, конечно, надо изучать и советскую политику «нормализации» Чехословакии.

А. С. И какой образ Дубчека предстает в советских документах этого периода?

Т. Д. Безусловно, советская сторона в этот период уже не рассматривала Дубчека как человека будущего. Об этом говорили достаточно откровенно — о том, что он уже фигура отыгранная, и советская сторона сознательно избрала эту тактику, требуя от Дубчека и команды все большее и большее количество уступок. Чтобы он в этом погряз, связал себя, выполнил какую-то черновую работу по нормализации.

А. С. И действительно были опасения в августе 1969 г., что что-то такое может произойти?

Т. Д. Я не думаю, что в это время ждали бунта, я думаю, что все прекрасно понимали, что вот эта история закончилась. Само общество деморализовано. Это же можно сказать и про советское общество применительно

к послеавгустовскому периоду. Не только общество, но политики потеряли модель будущего. Понятно, что так нельзя, это привело к катастрофе, а вот главный, оставшийся открытым вопрос: а как? В какую сторону двигаться?

А. С. Дубчека исключили из партии. Вот вернулся из Турции, где был короткое время послом, думали, что останется в эмиграции, но вернулся. Работал на низкой должности в Словакии — он как персонаж вообще выпадает из внимания наших донесений? Или если вспоминают, то только в связи с 1968 г. как ревизиониста и т. д.?

Т. Д. Ну иногда вспоминали о том, что он делает, если вдруг что-то с ним происходило, но он уже стал не интересен как политическая фигура.

А. С. До 1989 г.

Т. Д. Да, в период так называемой нормализации никто не рассматривал Дубчека всерьез. Тут можно интересную параллель провести — с В. Гавелом, который в этот период интересовал Советский Союз значительно больше.

А. С. Вспомним уже горбачевский период. Визит Горбачева в 1987 г. Действительно чешское общество ждало перемен, связывало с Горбачевым большие надежды? Имея в виду прежде всего общество. Понятно, что элита, пришедшая на волне нормализации, она, конечно, не хотела каких-то перемен. Насколько ваши документы показывают обстановку в Чехословакии начала горбачевской эпохи? Дуб-

чек касается ведь и этой эпохи, хотя и вскользь. Правда, он больше уже только о себе пишет применительно к этому периоду. И в этом смысле более интересны недавно изданные на русском языке мемуары историка М. Гаека.

Т. Д. Материалов очень много, хотя по этому, более позднему периоду не все пока доступно. Я думаю, общество жило не столько ожиданиями каких-то конкретных перемен, сколько ощущением невозможности жить по-прежнему. И в этом смысле чехословацкое общество очень мало отличалось от советского общества.

А. С. При возвращении в политику в конце 1989 г. Дубчек выступал прежде всего как выдвигенец словаков?

Т. Д. Нет, я думаю, скорее просто как знамя. Он выступал скорее уже не как действующий политик, а как символ.

А. С. Хотя мы помним и о том, что в 1989 г. это знамя 1968 г. уже все хуже и хуже работало, ведь все-таки в 1968 г. речь шла о реформах коммунизма, а тут, после Бархатной революции, уже скорее в качестве знамени стали Первую Чехословацкую республику выдвигать, идеи Масарика.

Т. Д. Но Дубчеку все же удалось хотя и в качестве символа, но все-таки поставить себя в ряд видных чехословацких политических деятелей. Масарика, Бенеша. Даже если он и не особенно старался. Для 1989 г. 68-й — это была уже прошлая история, пройденный этап. Так что здесь

речь уже шла скорее не о живом человеке А. Дубчеке, а о фотографии.

А. С. Тем более что из него, человека, располагающего к себе, не трудно было сделать такую икону.

Т. Д. Да, здесь уже не человек реальный играл свою роль, а его восприятие, образ. И дело здесь не в масштабе конкретной личности. Не говоря уже о Кадаре, но даже Гусак был гораздо более крупный политик, так что речь идет в данном случае не об оценке роли в истории, не о реальном масштабе личности Дубчека. В 1989 г. Дубчека в обществе и не воспринимали как реального политика, способного делать, что называется, «realpolitik». Его воспринимали как символ, а вот как символ он был связан с попыткой противостоять давлению извне, создать национальную модель социализма «с человеческим лицом», с Пражской весной — временем несбывшихся надежд...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Джалилов 2012 — *Джалилов Т.А.* К вопросу о влиянии советского фактора на чехословацкие события 1964–1967 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 52–64.

Джалилов 2018 — *Джалилов Т.А.* Подход Брежнева к решению назревающего

Чехословацкого кризиса: к вопросу о советской модели руководства странами социалистического лагеря // *Magistra vitae*. 2018. № 1. С. 64–70.

Джалилов, Пивоваров 2020 — *Джалилов Т.А., Пивоваров Н.Ю.* Москва и экономические реформы в ГДР и ЧССР в 1960-е годы // ЭНОЖ История. 2020. № 12.

Джалилов, Пивоваров 2021 — *Джалилов Т.А., Пивоваров Н.Ю.* Экономические реформы в Венгрии и Болгарии и реакция на них в СССР (конец 1950-х — первая половина 1970-х гг.) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 176–193.

REFERENCES

Dzhalilov T.A. K voprosu o vliyaniy sovetskogo faktora na chekhoslovatskie sobyitiya 1964–1967 godov. *Novaya i noveishaya istoria*, 2012, no. 6, p. 52–64.

Dzhalilov T.A. Podhod Brezhneva k resheniyu nazrevaiuschego Chekhoslovatskogo krizisa: k voprosu o sovetskoj modeli rukovodstva stranami sotsialisticheskogo lagerya. *Magistra vitae*, 2018, no. 1, p. 64–70.

Dzhalilov T.A., Pivovarov N.Yu. Ekonomicheskie reformy v Vengrii i Bolgarii i reaktsiya na nih v SSSR (konets 1950-h — pervaya polovina 1970-h godov). *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2021, no. 4, p. 176–193.

Dzhalilov T.A., Pivovarov N.Yu. Moskva i ekonomicheskie reformy v GDR i ChSSR v 1960-e godyi. *ENOZh Istoria*, 2020, no. 12.

«НАКАНУНЕ ВВЕДЕНИЯ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ 13 ДЕКАБРЯ 1981 Г. ШЛА ИГРА НЕРВОВ МЕЖДУ МОСКВОЙ И ЯРУЗЕЛЬСКИМ».

Интервью с П. Г. Черемушкиным

13 декабря 2021 г. исполняется 40 лет с введения в Польской народной республике военного положения, отложившего падение просоветской системы в Польше почти на 10 лет. К этому юбилею в издательстве АИРО-XXI вышло второе издание книги Петра Черемушкина «Ярузельский: испытание Россией». События того времени в Польше и в Советском Союзе — тема беседы с автором книги.

Ключевые слова: Польша, Л. Брежнев, В. Ярузельский, польско-советские отношения, советский блок, Организация Варшавского договора, Движение «Солидарность» в Польше, военное положение.

Сведения об авторе: Черемушкин Петр Германович, журналист-международник, эксперт-полонист, старший научный сотрудник Центра научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI, кандидат искусствоведения.

Контактная информация: kretovich1964@gmail.com.

ON THE EVE OF THE INTRODUCTION OF MARTIAL LAW ON DECEMBER 13, 1981,
THERE WAS A GAME OF NERVES BETWEEN MOSCOW AND JARUZELSKI.
Interview with P. Cheremushkin

December 13, 2021 marks 40 years since the introduction of martial law in the Polish People's Republic, which postponed the fall of the pro-Soviet system in Poland by almost 10 years. For the anniversary, the publishing house AIRO-XXI has published the second edition of the book by Pyotr Cheremushkin "Jaruzelski: Trial by Russia". The events of that time are the topic of conversation with the author of the book.

Key words: Poland, L. Brezhnev, V. Jaruzelski, Polish-Soviet relations, Soviet bloc, Warsaw Bloc Organization, Solidarity Movement in Poland, martial law.

About the author: Cheremushkin Pyotr G., — journalist, expert in the problems of Poland, senior researcher at the Center for Research in Actual History AIRO-XXI, Cand. of Art History.

Contact information: kretovich1964@gmail.com.

Беседовал А. С. Стыкалин

Л. БРЕЖНЕВ: «Поможет ли полякам наше мясо...»

А. С. Отчетливо помню самый конец августа 1980 г.. Я, 18-летний студент-второкурсник МГУ, находился с однокашниками на сельхозработах в Подмосковье, и помню, как нам попала в руки газета «Правда», где содержалась очень скудная информация о начавшихся забастовках в Польше. Из этих тассовок мало что можно было понять, но вот в разделе о комментариях западной прессы глаз случайно зацепился за информацию о некоем забастовочном комитете. А это означало, что события приобретают более серьезный и организованный характер, чем в то время пока еще пыталась показать советская пропаганда. И мы, студенты, начали это обсуждать. Насколько неожиданным был этот вал забастовок для советского руководства?

П. Ч. Следует вспомнить события того времени, которые навсегда ушли в прошлое и малоизвестны тем, кому сейчас по 20 лет, но они были весьма драматичным периодом для нашего поколения, чья первая часть жизни прошла при Леониде Ильиче Брежневе. Определенно из советских газет — «Правды» или «Известий», находившихся под жестким идеологическим прессингом, реальную картину происходящего составить было невозможно. (Я специально недавно перелистал газеты того времени.) Закрытые сообщения КГБ и МИДа, поступающие советскому руководству, содержали довольно тревожные сведения, но нам они не были известны по понятным причинам и рассекре-

чены только недавно. Широкой публике они не были доступны. В целом в советском обществе существовала обстановка троимыслия: говорилось одно, думалось другое, а делось третье.

Зато я очень хорошо помню, как мой дедушка, член-корреспондент АН СССР, заместитель директора Института биохимии имени А. Н. Баха Вацлав Леонович Кретович, поляк по национальности, читал польские газеты и журналы, которые он выписывал в СССР, и внимательно следил за всем, что происходит в Польше. В этих газетах о событиях в Польше писали совсем не так, как в советской прессе. Там вещи назывались своими именами — под некоторым соусом коммунистической пропаганды, конечно. И то, что в Польше что-то очень сильно булькает и вскоре серьезно закипит, не вызывало никаких сомнений. Многие из этих пожелтевших газет («Трибуна люду») сохранились у меня до сих пор. Дед буквально впивался в польские газеты, когда возвращался с работы. Они для него были как своего рода наркотик. И потом начинал громко обсуждать с нами прочитанное. Честно говоря, происходящее в Польше у него симпатии не вызывало. Беспорядок и хаос он не любил. «Развели балаган», — приговаривал он. В декабре 1980 г. поступление этих газет было прекращено специальным секретным постановлением ЦК КПСС, и дедушке вернули деньги за подписку. Потом разрешили выписывать «Жолнеж волнощчи» — польский аналог «Красной Звезды», но

ее было читать трудно... Мне только нравился ее зеленый логотип, а содержание там было довольно топорное.

В декабре 1979 г. Советский Союз ввел войска в Афганистан (все происходило под завесой тайны). Это называлось ограниченный контингент. Академик А.Д. Сахаров, протестовавший против этого решения, был лишен своих трех звезд Героя Социалистического Труда и сослан в Горький (Нижний Новгород). Чуть раньше произошло событие, которое многие не заметили или не придали ему большого значения: в состав Политбюро ЦК КПСС вошел Михаил Сергеевич Горбачев, тогда еще ничем себя не проявивший кроме умелого подбодрения в отношении Брежнева. Москва готовилась к Олимпиаде, которую большинство стран Запада решили бойкотировать из-за советского вторжения в Афганистан. Смерть Владимира Высоцкого летом 1980 г. потрясла всю страну... И тут вдруг Польша! Волнения, беспорядки, перерывы в работе предприятий и железнодорожников. И особенно, конечно, тревогу вызывала Гданьская судовой верфь имени Ленина, ставшая гнездом движения «Солидарность». Там впервые коммунисты и оппозиция подписали соглашение.

Не будем забывать, что Советский Союз не только занимал одну шестую часть суши, но контролировал страны Центральной и Восточной Европы, которые входили в военный союз государств-участников Варшавского договора. На территории этих стран размещались советские войска, из которых самая крупная группиров-

ка дислоцировалась в ГДР — Группа советских войск в Германии. И роль Польши для военного транзита в Германию была жизненно важной.

Считается, что посол СССР в ПНР Станислав Антонович Пилотович (1971–1978) с большой симпатией относился к первому секретарю ЦК ПОРП Эдварду Гереку и успокаивал Старую площадь насчет обстановки в Польше. Пилотович происходил из Белоруссии, хорошо говорил по-польски, и карьера его как дипломата завершилась, когда он по просьбе Герек поставил перед министром иностранных дел СССР А.А. Громыко вопрос о советской ответственности за Катынское преступление. Действительно, благодаря кредитам, которые польское руководство получило на Западе после 1970 г., экономическая ситуация стала выглядеть значительно лучше. Магазины были полны товаров, появились новые автобусы (французский Veriliet) и автомобили Fiat-126p («Малыш»), Грэк вел активное транспортное и жилищное строительство. По сравнению с Советским Союзом Польша выглядела гораздо благополучнее с точки зрения уровня жизни населения. Грэк подкупил поляков своей экономической политикой, но экономика, основанная на советской модели, продолжала оставаться неэффективной.

Впервые лично я попал в Польшу в 1977 г. вместе с мамой, и мне там очень понравилось. Все отличалось от наших советских порядков. Почему-то особенно запомнились элитные офицеры почетного караула у дворца Бельведер и у могилы Неизвестного солдата. В то время мы

смотрели сериал «Четыре танкиста и собака» и считали советско-польскую дружбу совершенно естественным явлением — фактом. Как рассказывал мой друг и издатель Геннадий Бордюгов, тогда он выиграл конкурс «Знаете ли вы Польшу — страну друзей?» и совершил поездку в ПНР, где самым большим откровением для него стало посещение стриптиза. Словом, на поверхности обстановка была самой доброжелательной и дружелюбной.

Но политическая и особенно культурная жизнь резко отличалась от советской. Помню, в Варшаве мы с мамой попали на спектакль в театре «На Воли» «Новый Гамлет». Действие происходило в бывшей Югославии, а главным отрицательным персонажем был первый секретарь райкома партии. Прямо на сцене показывали половой акт. Для театрального представления в СССР это было немыслимо.

Сообщения, поступающие из Польской Народной Республики в Москву в конце 1970-х гг. от дипломатов и представителей КГБ, были весьма тревожными. Особенное беспокойство вызывало создание так называемого Комитета защиты рабочих. Это была организация, объединившая интеллектуалов, которые должны были помогать рабочим формулировать требования (в основном политические), предъявляемые правительству, и помогать рабочим, подвергнутым репрессиям службой госбезопасности. В архивах (АВПр и РГАНИ) есть много поступавших в Москву рассекреченных докладов советского посольства об идеологической незрелости в Польше, об от-

сутствии марксистско-ленинского образования и т. п. Постепенно ухудшалась и экономическая обстановка.

Российский дипломат и исследователь польских проблем Владимир Иванович Воронков считает, что истоки движения «Солидарность» следует относить к 1976 г., когда Яцеком Куронем, Адамом Михником и Каролем Модзелевским был создан Комитет защиты рабочих. Ячейки Комитета защиты рабочих стали инициаторами создания независимых профсоюзов. Но до поры до времени советское руководство не могло прямо указывать польскому, как им поступать, а на многое просто закрывало глаза.

31 июля 1980 г. в райских садах Нижней Ореанды на Южном берегу Крыма Л. И. Брежнев встретился с польским лидером Эдвардом Гереком. Герек нервничал и все время вел переговоры по ВЧ-связи с Варшавой. По всей Польше прокатилась забастовочная волна. Думаю, в советском руководстве до конца не понимали масштаба угрозы интересам СССР и советскому строю, зародившейся в Польше. В своих воспоминаниях Герек пишет, что отправился в Крым, чтобы показать русским, что забастовки — несерьезное дело, которое не представляет опасности. Однако в то же время Герек признавался, что Брежнев с глазу на глаз выражал немалое беспокойство по поводу забастовок в Польше и, прежде всего, трехдневной блокады железнодорожных путей Брест-Куновице и Малашевиче-Згожелец.

14 августа 1980 г. на судовой верфи имени Ленина в Гданьске — крупнейшем

предприятия — началась многотысячная забастовка, распространившаяся по всей стране. Чтобы остановить протестную активность, правительство вынуждено было подписать соглашение с бастующими. Именно в это время на сцену выходит лидер движения «Солидарность» Лех Валенса, которого коммунистическая печать называет «хамским элементом с непомерными амбициями».

А. С. И все же насколько адекватно оценивали в советском руководстве экономическое положение в Польше и степень недовольства населения правящим коммунистическим режимом? В какой мере ожидали подобное развитие событий?

П. Ч. Думаю, в советском руководстве не очень адекватно оценивали экономическое положение в собственной стране, что уж говорить о Польше? То, что политика была страусиной, сопровождающейся постоянными попытками спрятать голову в песок от вопиющих проблем, приводило к взрывам, которые пытались или максимально скрыть, или объяснить на языке коммунистической пропаганды. Однако беспокойство все-таки имело место. Иначе бы 25 августа 1980 г. не была создана так называемая польская комиссия Сулова — совершенно секретный орган, о существовании которого мы узнали только после перестройки (см.: Документы 1994). Эта комиссия должна была принимать все решения в отношении обстановки, складывающейся вокруг Польской Народной Республики.

А. С. Насколько активно Москва вмешивалась в поиск преемников

Герек, в другие кадровые вопросы — и осенью 1980 г., и на последующих этапах развития событий?

П. Ч. В своих воспоминаниях Герек пишет, что события в Польше вызвали беспокойство и приковывали постоянное внимание советского руководства. Ежедневно он вел разговоры с послом СССР Борисом Аристовым, сменившим Пилотовича. «Он постоянно делился со мной беспокойством и выражал опасения по поводу будущего социализма в Польше», — вспоминал Герек. Накануне IV пленума ЦК ПОРП Гереку позвонил Брежнев и сказал: «У тебя контра, надо взять за морду, мы поможем». Говорил об угрозе социализму в Польше и уверял, что всегда можно на них, т. е. на Москву, рассчитывать. Очень нервничал, говорил нескладно и сбивчиво. Герек считал, что тот телефонный звонок имел зловещий характер. Во время разговора Герек с Брежневым присутствовали Ярузельский и Станислав Каня.

Герек считает, что решающим фактором при его замене на Станислава Каню была встреча Кани с Юрием Андроповым. «Перед тем, как я заболел, Станислав Каня, не поставив меня в известность, встретился где-то в Белоруссии с Юрием Андроповым, членом Политбюро. И получил от него согласие на замену неэффективного Эдварда Герек на Станислава Каню», — говорил Герек в разговоре с Янушем Ролицким. Помните тогдашнюю знаменитую поговорку? «Лучше Каня, чем на танке Ваня!»

В этой же книге-интервью «Прерванная декада», вышедшей в 1990 г.

(*Rolicki* 1990), Герек довольно подробно описывает то, как формировалось решение о его выдвижении на пост первого секретаря ЦК ПОРП в 1970 г. Герек утверждает, что Владислав Гомулка в качестве своих преемников видел Станислава Кочолека или Юзефа Тейхму. И Кочолека пытались выдвинуть в первые секретари. Герек пишет, что выбор его в качестве первого секретаря оказался для советского руководства неожиданным, поскольку он казался фигурой нейтральной — кандидатура Кочолека для самих поляков была неприемлемой из-за его участия в подавлении рабочих протестов на Балтийском побережье в 1970 г.

На этот счет очень интересного мнения придерживается дипломат и историк Владимир Иванович Воронков. В своей статье «События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади» (*Воронков* 1995) он пишет: «Одной из наибольших загадок советско-польских отношений начала 1980-х годов остается степень суверенности польской стороны при принятии кадровых решений. Проблема состоит в том, что руководство КПСС после 1956 года не имело возможности назначать первое лицо в братском государстве в приказном порядке. Судя по всему, функционировал особый механизм неформального воздействия на высокопоставленных польских друзей, прежде всего по каналам советского посольства в Варшаве, который в основном обеспечивал достижение этой цели».

На конференции в Яхранке в 1997 г. генерал Анатолий Грибков рассказал собравшимся, как в 1981 г. происходило избрание Ярузельского первым

секретарем ЦК ПОРП. По его словам, политическое и военное руководство Советского Союза полностью доверяло Войцеху Ярузельскому. «В качестве примера могу рассказать, как мне пришлось выполнить одно задание. Это произошло во время заседания IV пленума ЦК ПОРП. В то время товарища Каню должны были освободить от обязанностей Первого секретаря ЦК ПОРП, и предлагалось избрать Войцеха Ярузельского. А он очень не хотел принимать эту должность. И может это сам подтвердить. Я в это время был в Москве. Звонит мне Устинов: “Ты знаешь, что сейчас в Варшаве проходит IV пленум?” — “Знаю”. — “Знаешь, что Войцех не хочет быть Первым секретарем?” — “Знаю”. — “Нужно сделать все, чтобы передать Войцеху Ярузельскому: мы все в Политбюро и лично Леонид Ильич полностью ему доверяем, и чтобы он не отказывался от этой должности”. Представьте себе, получил такое задание. Сажу в Москве, в штабе, а пленум проходит в Варшаве. Звоню Щеглову (представителю Варшавского договора в Варшаве) по засекреченной связи и говорю: найди способ, чтобы передать записку Ярузельскому. Он отвечает: “А как я это сделаю? Там пленум. Меня туда никто не впустил”. Тогда звоню нашему военному атташе генералу Хоменко и говорю ему то же самое: запиши и передай Ярузельскому. А он отвечает: “Есть!” Но он был из разведки. Через полчаса звонит мне генерал Хоменко и говорит: “Товарищ генерал, ваш приказ выполнен! Записка в кармане у Ярузельского»» (*в этот момент на конференции в Яхранке раздался громкий смех. Кто-то схватился за голову и повернулся спиной к залу. М. Раковский закрыл лицо ру-*

ками, а Ярузельский стал красным как свекла).

Грибков продолжает: «позвонил Устинову, но он в это время был в Кремле. Говорю адъютанту: как только Дмитрий Федорович появится, свяжи меня с ним. Через полчаса меня связали с Устиновым. Говорю: “Товарищ министр! Ваше приказание исполнено! Записка в кармане у Ярузельского!” А он отвечает: “Спасибо за хорошую работу! Мне только что Юрий Владимирович Андропов сказал, что Ярузельский уже не отказывается”».

В своем выступлении в Яхранке, комментируя слова Грибкова, Ярузельский заявил, что не помнит о такой записке, и повторил, что категорически противился своему избранию, поскольку считал, что время для перемен не пришло. И все же он был избран.

А. С. Можно ли говорить, что в Москве извлекли какие-то уроки из чехословацкого 1968 г. и в конце концов проявили больше реализма в оценке политического влияния тех, кого считали «здоровыми силами»?

П. Ч. Опыт Чехословакии оказался для советского руководства серьезной травмой. И хотя с 1968 по 1989 г. Чехословакия жила в условиях так называемой нормализации, и во главе страны находился суперлояльный Гусак, которого в Москве называли Густав Никодимович, цена, заплаченная за усмирение Пражской весны, оказалась очень высокой, как в политическом, так и в экономическом, а также и в военном отношении.

С большим трудом, но все-таки в советском руководстве возобладало мнение — Польша — это не Чехословакия, а поляки — бойцы, а не Швейки, которые последние 300 лет при приближении врага нередко поднимали руки вверх. (Хотя справедливости ради надо сказать, что в 1968 г. Советскую армию встретили в Чехословакии весьма недружественно и кое-где даже давали отпор.)

А. С. И все же, развивая тему: как и при каких обстоятельствах родилась идея поставить во главе страны министра обороны генерала В. Ярузельского? Ее сразу приняли в Москве? Сделали ставку на него, разочаровавшись в Кане и других политиках? Сочли, что более «здоровой» (в понимании Москвы) и вместе с тем более-менее приемлемой для значимой части польского общества фигуры в Польше просто не найти? Как складывались его отношения с советскими лидерами в месяцы, предшествовавшие введению военного положения?

П. Ч. Ярузельский стал премьер-министром ПНР в феврале 1981 г., а первым секретарем ЦК ПОРП в октябре. Важнейшую роль в выборе Москвы сыграло отношение к Ярузельскому советских военных — маршалов и генералов, которые его очень хорошо знали и говорили с ним на одном языке. И он в свою очередь отлично знал и понимал тип мышления и мировоззрение советской военной верхушки. На него, судя по всему, можно было положиться. Хотя из рассекреченных сейчас архивов видно, что в Москве колебались. Сомнения высказывал и сам Брежнев.

В записи заседания Политбюро ЦК КПСС за 29 октября 1981 г. (за полтора месяца до введения военного положения) обратила на себя мое внимание реплика Брежнева: «я не верю, чтобы т. Ярузельский сделал что-то конструктивное. Мне кажется, что он недостаточно смелый человек» (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Док. 48. Л. 4). Эти слова говорят сами за себя, но очевидно, что другой подходящей для Москвы кандидатуры просто не было. Тогдашний начальник штаба ОВС стран-участниц Варшавского договора генерал армии А. И. Грибков, присутствовавший на встрече С. Кани и В. Ярузельского с Ю. Андроповым и Д. Устиновым в Бресте в апреле 1981 г., пишет, что у него сложилось впечатление о недоверии со стороны поляков (Грибков 1992). Давление советских эмиссаров было очень сильно. Грибкову показалось, что у польских лидеров не было полной уверенности даже в том, что им позволят вернуться домой, если они не согласятся взять на себя определенные обязательства по части силового отпора оппозиции.

А. С. Когда в Москве был впервые поставлен вопрос о необходимости силового решения, пусть и польскими руками, и руководство ПОРП и ПНР стали усиленно подталкивать к жестким действиям? Сохранились ли какие-то свидетельства об этом? Что нам говорят о происходившем на этих более ранних этапах польского кризиса обсуждения польского вопроса доступные исследователям хранящиеся в РГАНИ (Ф. 89. Оп. 42 и т. д.) записи заседаний Политбюро и материалы бесед с польскими лидерами?

П. Ч. Вопрос о необходимости и возможности силового решения был поставлен сразу в сентябре 1980 г. во время телефонного разговора Брежнева с Герекком. Участники съезда «Солидарности» в Гданьске прекрасно видели, как в Гданьский залив вошел тактический авианесущий крейсер «Киев» и встал на рейд: появление огромного советского корабля в Балтийских водах не было случайным, это было прямым предостережением участникам съезда «Солидарности».

Однако следует различать происшедшее осенью 1980 г. от того, как развивались события в 1981 г. В 1980-м в СССР все было готово для введения дополнительных войск в Польшу (мы знаем, что там уже находился контингент Северной группы войск). Шла подготовка к крупнейшим маневрам «Запад-80». Можно предполагать, что сыграло свою роль вмешательство президента США Джимми Картера (кстати, он жив до сих пор), который по рекомендации своего советника по Национальной безопасности Збигнева Бжезинского (польского происхождения) дал телеграмму Брежневу и предупредил об опасных последствиях советской интервенции в Польшу. После этого советские решили, что надо убедить поляков действовать своими силами. Но, как вы понимаете, в то время широкой публике это было неизвестно.

Генерал-полковник Владислав Ачалов оставил очень красочные воспоминания парашютиста-десантника о том, как развивались события в 1980 г. (Ачалов 2006). Осенью командующий ВДВ генерал-полковник Дмитрий Семенович Сухоруков по-

ставил Ачалова в известность о возможности ввода советских войск на территорию Польши. «Более детально посвятил меня в замысел возможной операции начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Н.В. Огарков (тогда он был депутатом Верховного Совета СССР от Литовской ССР) при посещении ПрибВО, заодно определив с кем придется взаимодействовать», — пишет Ачалов.

Вскоре Ачалова отправили на рекогносцировку в Польшу вместе с другими офицерами и генералами, переодели в общевойсковую форму, решили оставить только тельняшки. «Я стал майором войск связи, остальные тоже капитанами и майорами», — вспоминал генерал-десантник. «Генерал Д.С. Сухоруков определил объекты захвата, разграничительной линией для дивизий в Варшаве являлась Маршалковская улица. 7-я дивизия должна была действовать в первом эшелоне — оседлать аэропорт и обеспечить высадку основных сил, которым предстояло взять под контроль здания ЦК ПОРП, Сейма, Государственного банка, МВД и Минобороны. Частью сил обеих дивизий предполагалось захватить аэропорт в Лодзи, создать рубеж обороны вокруг столицы на случай выдвижения сил Войска Польского», — говорится в воспоминаниях Ачалова.

«Была у меня еще одна совершенно секретная миссия, о которой сегодня я говорю впервые: в случае чего интернировать Войцеха Ярузельского и других членов правительства, а также руководителей ПОРП и Министерства обороны Польши. Эту задачу поставили мне лично командующий ВДВ и начальник Ге-

нерального штаба», — писал Ачалов в 2006 г.

Ачалов утверждает, что в мае 1981 г. 7-я воздушно-десантная дивизия готовилась для переброски в Польшу. Несмотря на то, что Ачалову в это время предложили отправиться в Афганистан, он неожиданно был отозван из отпуска, предваряющего командировку, для руководства операцией в Польше. «Разведывательные подразделения и группы захвата уже находились на аэродромах в готовности к посадке в самолеты, но после нескольких недель ожидания накал обстановки пошел на спад. Моя кандидатура была отставлена, и я остался командовать дивизией», — пишет Ачалов в своей книге «Я скажу вам правду».

И тем не менее Ачалов свидетельствует, что после визита в июле 1981 г. в Польшу министра иностранных дел СССР Андрея Громыко было принято решение о замене Станислава Кани, «притом безотлагательной». И летом 1981 г. ставка была сделана на генерала Ярузельского.

С самого начала 1981 г. шли постоянные контакты между советским и польским военным руководством. В Варшаву то и дело прилетал главнокомандующий объединенными вооруженными силами стран-участниц Варшавского договора маршал Советского Союза Виктор Куликов. По имеющимся данным, в 1981 г. он встречался с Ярузельским 22 раза. По воспоминаниям Ярузельского, Куликов имел все типичные для советского военачальника черты: уверенность в себе, понимание того,

мундир какой страны он носит, но одновременно он обладал большим чувством юмора. Никогда не проявлял неуважения к польскому военному руководству, всегда относился к нему с тактом. Вместе с тем мог быть резким и грубым с советскими генералами. «Крутил мне дырки в животе последовательно и настойчиво», — вспоминал Ярузельский.

27 марта 1981 г. Куликов прибыл в Польшу с большой группой офицеров из штаба Варшавского договора и хотел вручить польскому Генштабу проект введения военного положения. Затем Ярузельского и Каню пригласили для секретной встречи с Устиновым и Андроповым в Брест, где в салон-вагоне, стоявшем на запасных путях, нажим на них продолжился.

А. С. Известно, что к осени 1981 г. численность «Солидарности» достигала 10 млн человек, очевидно, что реальная социальная база ПОРП была на порядок слабее. А как сочетались в программе «Солидарности» требования социальной справедливости и национальные чаяния?

П. Ч. «Солидарность» по сути дела была национально-освободительным движением, она только называлась профсоюзом! Объединяла весьма разношерстную публику, хотевшую только одного: изменения порядков, которые называли советскими порядками. Масштаб и размах движения «Солидарности» достигали размеров волны, с которой справиться ПОРП не представлялось возможным. Постулаты и требования движения «Солидарность» от-

ражали национальные чаяния, через это движение поляки добивались того, что не смогли им дать коммунисты.

А. С. Давайте вспомним и о роли католической церкви в событиях 1980–1981 гг. Мы знаем, конечно (и говорили об этом в 2020 г. на страницах ИЭ к 100-летию со дня рождения Иоанна Павла II в беседе с его биографом В. Волобуевым), насколько воодушевили поляков избрание Кароля Войтылы римским папой в 1978 г. и первое посещение им через год Польши в этом своем новом качестве. А что можете сказать о роли католической церкви как института, организаций светских католиков, а также священников на местах?

П. Ч. Избрание уроженца социалистической страны, славянина, кардинала Краковского Кароля Войтылы на пост главы Святого престола в Риме, в Ватикане, вызвало шок у партийного руководства как в Москве, так и в Варшаве. Каждый поляк, будь то атеист, коммунист или верующий католик, преисполнился неимоверной гордостью за своего соотечественника. Человек необычайного обаяния, актер, драматург Иоанн Павел II завораживал слушателей своим баритоном. Когда он приехал в 1979 г. на родину (а визит согласовывался очень трудно), поляки устроили ему овацию. Проезд папы римского в открытой «Чайке» по улицам польских городов, богослужение под открытым небом с алтаря, установленного перед сталинской высоткой в Варшаве, — все это дисконировало с привычной повседневностью реального социализма. Яру-

зельский вспоминал, что, когда он впервые встретился с понтификом, увидел папу римского в белом одеянии, у него буквально подкосились ноги, что неудивительно для выпускника католического колледжа ксендзов-марианов, коим был генерал-коммунист.

Как известно, польская римско-католическая церковь на протяжении длительного времени в отсутствие государственности и в условиях разделов Польши оставалась своего рода каркасом, цементирующим нацию. Репрессии периода сталинизма, интернирование примаса Польши кардинала Стефана Вышиньского только способствовали укреплению римско-католической церкви и росту ее популярности в польском обществе.

Во время событий 1980-х гг. польская римско-католическая церковь сыграла феноменальную роль. С одной стороны, визиты папы римского Иоанна Павла II на родину прямо указывали на неприятие им существующего строя, глубокий антикоммунизм, о чем постоянно докладывали в Москву советские дипломаты. Чего стоит его знаменитое высказывание: «Пусть снизойдет дух Святой и изменит обличье Земли, этой земли!» Самое удивительное, что его пророчество сбылось! А с другой стороны, и кардинал Стефан Вышиньский, а после его смерти кардинал Юзеф Глемп постоянно призывали участников протестов и забастовок к сдержанности, о чем сохранилось множество интереснейших свидетельств. Вспоминают и о том, как кардинал Вышиньский встал на колени перед Лехом Валенсой с тем, чтобы тот отменил всеобщую заба-

стовку, которая могла спровоцировать вторжение советских войск.

Встречи Иоанна Павла II с Ярузельским в 80-е носили очень важный и судьбоносный характер. Папа римский принимал генерала и после его отставки с государственных постов. Случайно или нет, но суд над Ярузельским в 2007 г. смог состояться только после смерти понтифика в 2005 г. Помню, когда я работал в ТАСС в 1990-е гг., у меня был начальник, ранее занимавший высокий пост в ЦК КПСС и курировавший в ТАСС соцстраны, — Юрий Николаевич Жданов. Он говорил так: «Запомните, Петя, все поляки заодно! Что Ярузельский, что папа римский — все заодно!» Таков был взгляд на Польшу из Москвы.

Немаловажной была роль приходских священников, вокруг которых концентрировалось как городское, так и сельское население Польши. Некоторые из них активно участвовали в политике, и проповеди их носили резко антикоммунистический и антисоветский характер. Одним из наиболее известных был ксендз Ежи Попелушко в варшавском костеле Святого Станислава Костки, который впоследствии был убит сотрудниками МВД.

Следует отметить, что иерархи римско-католической церкви сыграли важнейшую посредническую роль при переговорах власти и оппозиции и до введения военного положения, и впоследствии при организации круглого стола.

А. С. Коснемся в беседе настроений не только нашей партии,

но и высшего командного состава нашей армии. Насколько адекватно оценивал наш генералитет ситуацию? Не было ли шапкозакидательских настроений, понимали ли, что польская армия сильна и боеспособна и может дать отпор? На заседаниях советского Политбюро затрагивался вопрос о том, что и Войско Польское находится под определенным влиянием «Солидарности». Понимали ли советские военачальники, какой может оказаться цена силового вмешательства?

П. Ч. Из рассекреченных протоколов заседаний Политбюро ЦК КПСС 1981 г., доступных в РГАНИ, видно, что министр обороны Д. Ф. Устинов выступал категорически против ввода советских войск в Польшу. Той же позиции придерживался и председатель КГБ Ю. В. Андропов. Однако военные уровнем ниже, в том числе и генералы, готовы были исполнить любой приказ и готовились к его выполнению. Особенно это относится к концу 1980 г. В этом смысле примечательны вышеупомянутые воспоминания генерала Владислава Ачалова, в то время командира дивизии Воздушно-десантных войск в Каунасе, которого, переодев в форму майора, отправили на рекогносцировку в Варшаву.

Думаю все же, что советские военачальники понимали цену силового вмешательства. И очень не хотели подставлять свои лбы. Устинов, который, строго говоря, не был военным, а скорее политиком и специалистом по вооружениям, прямо говорил (как следует из протокола заседания Политбюро конца октября): поляки не готовы нас принять.

А. С. Вернемся к генералу Ярузельскому, но уже поздней осени 1981 г. и начала зимы. Известно, что Ярузельский до конца жизни настаивал на том, что введением 13 декабря 1981 г. чрезвычайного положения он предотвратил силовую акцию Советской армии по «наведению порядка» со всеми неизбежными катастрофическими последствиями для страны. Но мне вспоминается запись выступления Андропова на вышеупомянутом заседании Политбюро ЦК КПСС от 29 октября 1981 г.: «Польские руководители поговаривают о военной помощи со стороны братских партий. Однако нам нужно твердо придерживаться своей линии — наши войска в Польшу не вводить» (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Док. 48. Л. 4). Андропова поддержал, как вы правильно заметили, и министр обороны Д. Устинов (понятно, что так называемая Северная группа советских войск в Польше присутствовала на постоянной основе, так что речь шла о вводе новых войск и использовании советского контингента в целях «наведения порядка» в Польше). Ясно, что в Генштабе прорабатывались разные планы, на случай любого развития событий в Польше. Генерал армии А. И. Грибков вспоминает и о том, как советские советники помогали польскому Генштабу готовить введение военного положения внутренними силами. Проводились военные маневры вблизи польских границ, да и в самой Польше, что также было инструментом силового давления. А что касается позиции высшего советского руководства, какие мнения доминировали в самые последние недели до развязки на заседаниях Политбюро

и совещаниях с участием лидеров соцстран? Какие споры происходили? Рассматривалась ли идея задействования советского военного контингента в Польше? Осознавали ли в советском руководстве все возможные последствия (не только для Польши, но прежде всего для СССР и всего соцлагеря) этого шага, учитывая как объективное состояние советской экономики (вспомним, что как раз в это время СССР был вынужден сократить поставки нефти в соцстраны, и это вызвало крайне негативное отношение союзников, заставив, например, Венгрию без консультаций с СССР вступить в Международный валютный фонд), так и то, что Советский Союз уже по уши погряз в своей афганской аванюре и едва ли мог «взвалить» на себя еще и Польшу?

П. Ч. Конечно, все рассекреченные архивные материалы свидетельствуют о том, что советские руководители не хотели вводить войска в Польшу. Однако далеко не факт, что они не могли изменить свое мнение по мере ухудшения обстановки, как это произошло применительно к Венгрии в 1956 г. Для многих польских и западных исследователей нежелание высшего советского руководства вводить войска — причина считать, что Ярузельский имел возможность избрать другой путь и чуть ли не допустить политический плюрализм в Польше или так называемую финляндизацию. Эти утверждения, конечно, не выдерживают критики и свидетельствуют о глубоком непонимании советской политической и военной системы. На словах исключая возможность введения войск, советские руководители тем не менее

не останавливали военные приготовления, которые шли на границах Польши. Из лидеров соцстран особую ретивость в деле наведения порядка в Польше проявлял в ГДР генеральный секретарь ЦК СЕПГ Эрик Хонеккер. Военные приготовления в Калининградской области не прекращались. Район Калининграда был насыщен войсковыми соединениями, которые с августа 1981 г. были доведены до полного штата. Комендант Ольштынской воеводской милиции полковник Казимеж Дудек докладывал главе МВД Чеславу Кицаку, что военнослужащим запрещается покидать гарнизоны, отпуска максимально ограничены, а в управлении КГБ появились призванные из резерва переводчики польского языка.

Конечно, взваливать на себя Польшу в Москве совершенно не собирались. Весьма любопытно, а с позиций сегодняшнего дня даже потешно, как на заседании Политбюро Брежнев предлагает поставить в Польшу 30 тыс. тонн мяса, которое нужно собирать по всему Советскому Союзу, по всем республикам. Брежнев говорит: «Я все думаю о том, хотя мы Польше и дали 30 тысяч тонн мяса, но едва ли поможет полякам наше мясо. Во всяком случае у нас нет ясности, что будет дальше с Польшей. Никакой инициативы т. Ярузельский не проявляет...»

А. С. *Может быть, Москва, видя склонность Ярузельского к политическому решению, просто блефовала возможностью интервенции и шантажировала его, призывая к более жестким мерам, тогда как на самом деле такая перспектива была маловероятной...*

П. Ч. О том, что Москва блефовала, мне не раз говорил известный специалист по польским делам Николай Иванович Бухарин, работавший в то время в Институте мировой социалистической системы и консультировавший советское руководство по польским вопросам. Несомненно, игра нервов шла.

А. С. Продолжая предыдущий вопрос: а может быть, Ярузельский и сам был заинтересован в предельно жестких декларациях Москвы, зная, что таким образом он легче сможет объяснить польскому обществу и особенно оппозиции всю неотвратимость катастрофы, если не будут сделаны некие шаги к ослаблению напряженности. Иными словами, он и сам пытался разыграть, общаясь с лидерами оппозиции, эту карту советской угрозы.

П. Ч. Известно, что незадолго до вторжения на заседании Политического консультативного комитета государств-участников Варшавского договора должны были принять коммюнике, в которое Ярузельский пытался вставить фразу о возможном военном вторжении в Польшу. Но, к его разочарованию и неудовольствию, эту фразу не включили.

А. С. Насколько в польском обществе были распространены ожидания советского военного вмешательства? Политически активные поляки принимали во внимание такую перспективу? И как реагировали на такую угрозу? Побуждало ли это кого-то к сдержанности? Или, напротив, заставляло думать о мобилизации?

П. Ч. Все происходило очень по-разному. В самой «Солидарности» были люди, которые считали нужным не злить Советы. Некоторые польские историки считают, что в «Солидарности» 1980-х гг. были явные проявления того, что называется реализмом — не задирать СССР, не подвергать сомнению принадлежность ПНР к Варшавскому договору, и когда некоторые неизвестные преступники мажут советский памятник надписями, организовать демонстрационную чистку и уборку памятников и советских военных кладбищ. Многие в Польше полагали, что осквернение советских памятников и могил в то время было спланированной провокацией, чтобы дискредитировать оппозицию. Честно говоря, я в этом сомневаюсь: в Польше всегда существовала долгая традиция разрушения русских и советских монументов, что мы имели возможность увидеть и в наше время. Но могилы воинов Красной армии на кладбищах поляки берегут — в этом может убедиться каждый, кто едет из варшавского аэропорта Окенче в центр города мимо гигантского военного захоронения.

Конечно, многие политически активные поляки принимали во внимание перспективу ввода советских войск в Польшу. В то время были еще живы те, кто служил в Красной армии или в Армии Людовой, имел опыт жизни в Советском Союзе, опыт военных невзгод и испытаний. И они отлично представляли себе, какой гигантской силой являются Советский Союз и его вооруженные силы.

Кто-то в Польше наверняка думал о мобилизации. Известна история

о том, как во время выпивки в Москве в Академии Генерального штаба один из польских офицеров-слушателей по пьяному делу сказал советским союзникам-коллегам: «Если вы к нам сунетесь, мы встретим вас огнем!» На этого офицера, конечно, донесли. Его отозвали из Академии, но Ярузельский его более не наказал.

А. С. Известно, что экономическое положение Польши было в 1980-е гг. довольно плачевным — пустые прилавки, многие поляки уезжали на заработки на Запад. Играла ли какую-то роль в экономической стабилизации помощь СССР и других соцстран? И насколько значительны были западные вливания?

П. Ч. Западные вливания произошли во времена Эдварда Герека, и к началу 1980-х гг. западные банки хотели получить свои денежки назад. Экономическое положение было действительно довольно плачевным. Не случайно в своей филигранно подготовленной речи о введении военного положения Ярузельский говорил, что «хаос и деморализация приобрели масштабы национальной катастрофы». Что касается экономической помощи со стороны СССР, то она была весьма масштабной.

А. С. Какие существуют сегодня в польской историографии и общественном мнении оценки событий 40-летней давности и важнейших политических игроков того времени?

П. Ч. Главное, что вменяют в вину Ярузельскому при введении военного положения, это, конечно, человеческие жертвы, случившиеся во вре-

мя этой, наверно, самой масштабной военно-полицейской операции второй половины XX в. Особенно кровавая бойня, произошедшая при усмирении горняков на шахте «Вуек» («Дядюшка») в Силезии. Сейчас на ее месте построен музей. Современные польские историки также считают, что, поскольку к осени 1981 г. Советский Союз не желал и не планировал силовую акцию в Польше, у Ярузельского была альтернатива введению военного положения, и он мог пойти на либерализацию режима и допустить плюрализм в тогдашнем польском обществе. Не думаю, что этот тезис можно воспринимать всерьез. Особенно нами, теми, кто представляет советские реалии до появления Горбачева.

Важным источником при оценке решения Ярузельского о введении военного положения в Польше считается так называемый дневник Виктора Аношкина, адъютанта маршала Советского Союза Виктора Куликова. Он был обнародован на конференции в Яхранке в 1997 г. и введен в научный оборот Марком Крамером из Гарвардского университета. Сейчас дневник Аношкина хранится в Институте национальной памяти в Варшаве. Из него складывается представление, что Ярузельский просил советскую сторону ввести дополнительные войска на территорию Польши для усмирения «Солидарности». Из дневника следует, что Ярузельский задавал вопрос: «Можем ли мы рассчитывать на помощь по военной линии от СССР?»

Тем не менее при анализе этой ситуации нельзя не отметить существенного противоречия, которое

признавал и сам Марк Крамер в интервью радио «Свобода».

«Вся тяжесть советского давления приходилась на него (Ярузельского). Он осознавал, что совершает важнейший поступок в истории своей страны и всей Европы, пытаясь выполнить сложную, подчас невозможную задачу: успешно противостоять бунтующему обществу. До октября 1981-го и Станислав Кая (лидер Польской объединенной рабочей партии, которого Ярузельский сменил на посту в середине октября), и Ярузельский неоднократно убеждали Советский Союз, что они в состоянии ввести военное положение без внешней помощи и что было бы огромной ошибкой вводить в Польшу дополнительные советские войска», — говорил Марк Крамер в интервью радио «Свобода» в 2009 г.

В Польше выпущено довольно много интересной литературы, посвященной тому времени, и несколько биографий генерала Войцеха Ярузельского, написанных в весьма критическом духе. В 2000-е гг. вышла книга Анджея Пачковского «Война польско-ярузельска» (*Wojna polsko-jaruzelska*). Ведущим биографом Ярузельского можно считать историка Павла Коваля, выпустившего две монографии о генерале. Когда я дважды обращался к нему с просьбой об интервью, он от встречи уклонился, сославшись на нехватку времени. Довольно интересна биография министра внутренних дел ПНР Чеслава Кищак под говорящим названием «ЧеКищак».

В одном из своих последних интервью Ярузельский не без сарказма

говорил, что, если бы ему надели мешок на голову и вывезли в Москву, его народ относился бы к нему более благосклонно. Оценка деятельности Ярузельского в польской историографии определенно негативная. Как правило, его называют «коммунистическим преступником», «прислужником советского империализма». Как мне представляется, Ярузельский заслуживает более комплексного взгляда. В каком-то смысле его можно даже считать жертвой сталинизма с учетом того, что его юные годы прошли в сибирской ссылке и выковали его характер в духе преданности советской политической и военной системе.

В оценке деятельности лидера «Солидарности» Леха Валенсы доминирует мнение о том, что он так или иначе был тесно связан с властями, о чем свидетельствует рассекреченное его досье агента госбезопасности под псевдонимом «Болек», относящееся к концу 1970-х гг. Я видел это досье в архиве Института национальной памяти. Его подлинность не вызывает сомнения. Другое дело, что, судя по всему, к 1980-м гг. Валенса соскочил с крючка госбезопасности, что, конечно, было бы непредставимо в советских условиях.

А. С. Идут ли споры о политическом наследии «Солидарности», в том числе споры между отдельными политиками и на уровне партий? Занимает ли эта тема значимое место в национальной памяти?

П. Ч. Прошло довольно много времени с тех пор. Опубликовано множество материалов, связанных с историей введения военного положения,

прежде всего, Институтом национальной памяти. Для нынешнего поколения поляков более актуальным стал спор о круглом столе 1988–1989 гг., который привел к плавному переходу власти от команды Ярузельского к активистам «Солидарности». Многие называют круглый стол сговором элит, разделом власти. Важно то, что поляки придают существенное значение своей недавней истории и стараются публиковать все документы и материалы, которые могут пролить свет на события 40-летней давности.

Но хотелось бы сказать и о том, что в Гданьске, там, где находится знаменитая судоверфь, в то время имени В.И. Ленина, центр массовых забастовок, сейчас открыт огромный музей движения «Солидарность», и каждый может посмотреть на экспонаты и стенды, имеющие отношение к рабочим протестам в 1970–1980-е гг. Неподалеку, возле памятника «Погибшим судостроителям» («Три креста»), установлены бронзовые таблички в том числе и на русском языке, разъясняющие, какое значение имели события 1980 г. для Польши и всего мира.

А. С. Кто из активных действующих политиков того времени до сих пор играет определенную роль в польской общественной жизни?

П. Ч. К настоящему времени умерли почти все генералы Войска польского — соратники Ярузельского, вводившие военное положение. Сам генерал скончался в 2014 г. и был похоронен на военном кладбище «Повонзки», что вызывало протес-

ты у некоторых представителей обществественности. В марте 2020 г. умер Станислав Каня. Бывший лидер движения «Солидарность» и бывший президент Польши Лех Валенса отошел от дел и живет в Гданьске в окружении детей и внуков. Хотя иногда и участвует в акциях протеста против правящей партии «Право и справедливость». В строю остается Адам Михник, который по-прежнему занимает пост главного редактора «Газеты wyborczej», ставшей оппозиционной. Недавно ему исполнилось 75 лет. Он принял участие в демонстрации перед посольством России в Варшаве, которая выражала свою солидарность с обществом «Мемориал».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ачалов 2006 — *Ачалов В.А.* Я скажу вам правду. М.: Ист-Факт, 2006. 336 с.

Воронков 1995 — *Воронков В.И.* События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 92–121

Грибков 1992 — *Грибков А.И.* «Доктрина Брежнева» и польский кризис начала 80-х годов // Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 46–57.

Документы 1994 — Документы «комиссии Сулова». События в Польше в 1981 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 84–105.

Rolicki 1990 — *Janusz Rolicki.* Edward Gierek. Przerwana dekada (wywiad rzeka). Warszawa: Wydawnictwo Fakt, 1990. 280 p.

REFERENCES

Achalov V.A. *Ya skazhu vam pravdu*. Moscow: Ist-Fakt, 2006. 336 p.

Dokumenty “komissii Suslova”. Sobytiya v Pol'she v 1981 g. *Novaya i novejschaya istoriya*, 1994, no. 1, p. 84–105.

Gribkov A.I. «Doktrina BrezhnevA» i pol'skij krizis nachala 80-kh godov. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 1992, no. 9, p. 46–57.

Rolicki Janusz. *Edward Gierek. Przerwana dekada (wywiad rzeka)*. Warszawa: Wydawnictwo Fakt, 1990. 280 p.

Voronkov V.I. Sobytiya 1980–1981 gg. v Pol'she. *Vzglyad so Staroj ploshchadi*. *Voprosy istorii*, 1995, no. 10, p. 92–121.

СПОР О «ФАШИСТСКОЙ РОССИИ»: ЧТО ОБСУДИЛИ И ЧЕГО НЕ ЗАМЕТИЛИ

В статье разбираются основные положения эссе Тимоти Снайдера «Нужно это сказать: Россия — фашистское государство» и вызванной им дискуссии о сути и природе фашизма и уместности экстраполяции этого термина на современный российский режим. Автор солидаризируется с критиками Снайдера и приходит к выводу о том, что определение путинского режима как «фашистского» лишено достаточной исторической обоснованности и вызвано скорее факторами политико-пропагандистского характера. В то же время автор отдает должное проведенному Снайдером анализу важнейших черт политики и идеологии Кремля, приведших к российскому вторжению в Украину. Во второй части статьи автор переходит к собственному анализу характера российско-украинского конфликта, показывает его многослойность, обусловленность целым рядом факторов, не сводимых к какой-либо одной характеристике правящего в России режима.

Ключевые слова: Россия, Украина, российско-украинская война, фашизм, авторитарный режим, нация, демократия, Тимоти Снайдер, Владимир Путин.

Сведения об авторе: Шимов Ярослав, чешский историк и журналист белорусского происхождения, выпускник Московского университета, кандидат исторических наук. Автор ряда книг об истории Центральной Европы: «Перекресток. Центральная Европа на рубеже тысячелетий» (2002), «Австро-Венгерская империя» (2003, 2-е изд. 2014), «Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи» (2011, в соавторстве с А. Шарым), множества научных и публицистических статей по истории стран Центральной и Восточной Европы, вопросам исторической памяти, актуальным политическим проблемам. Живет в Праге.

Контактная информация: j.simov@seznam.cz.

J. Šimov

DISCUSSING 'FASCIST RUSSIA': WHAT WAS SAID AND WHAT WAS OMITTED

US historian Timothy Snyder's essay „We Should Say It: Russia is Fascist“ triggered a vigorous discussion among Russian-speaking intellectuals inside and outside Russia. Jaroslav Šimov analyses main points of Snyder's text and its

critics. Šimov comes to the conclusion that defining Vladimir Putin's régime as 'fascist' lacks proper historical background and could be interpreted as just a political propaganda tool. Nevertheless he acknowledges strong sides of Snyder's critic of today's Russian policy and ideology which led to murderous and catastrophic war on Ukraine. In the second part of his article Šimov offers his own version of analysis of Russian regime and the causes of Russian-Ukrainian war.

Key words: Russia, Ukraine, Russian-Ukrainian war, fascism, authoritarian regime, nation, democracy, Timothy Snyder, Vladimir Putin.

About the author: Šimov J., (*1973) is a Czech historian and journalist of Belarusian origin, Moscow State University graduate. He is the author of several books about the Central European history (*Crossroads. Notes on the Contemporary History of Central Europe*, 2002; *Austro-Hungarian Empire*, 2003; *The Roots and the Crown: the Fate of the Habsburg Empire*, 2011 — co-author wuth Andrey Shary), dozens of scientific and media articles about the history of Central and Eastern European nations, historical memory, actual political problems. He lives in Prague.
Contact information j.simov@seznam.cz.

Американского историка и публициста Тимоти Снайдера русскоязычному интеллектуальному сообществу следует поблагодарить хотя бы за то, что он вольно или невольно стал инициатором оживленной дискуссии о сути слов. Точнее, одного, но важного для политического дискурса понятия — фашизм. Слов произносится много, с началом полномасштабной российско-украинской войны их потоки с разных сторон заметно усилились, но понимания смысла происходящего от этого больше не стало. Более того, многие понятия затерлись, как старые монеты, от долгого и слишком активного употребления, их смысл стал либо ускользающим, либо чересчур всеобъемлющим. Поэтому хорошо, что с легкой руки Снайдера, написавшего эссе о том, что Россия, по его мнению, стала фашистской (*Snyder 2022*), русскоязычные интеллектуалы в России и за ее пределами попытались разобраться, что такое фашизм и насколько адекватно пользоваться этим термином при анализе политической ситуации в РФ, российско-украинской войны и прочих актуальных событий.

ЧТО ОБСУДИЛИ

Снайдер начинает свое рассуждение с фразы: «Фашизм никогда не был побежден как идея». Таким образом, в контексте его эссе речь с самого начала не идет о фашизме как сугубо историческом явлении. Потому что в этом плане все вполне ясно: фашизм — это идеология политического режима, который находился у власти на всей территории Итальянского королевства с октября 1922 по июль 1943 г. и сохранялся в условиях немецкой оккупации в северной части страны (Итальянская социальная республика, или «Республика Салó», по названию городка, где находились ее органы власти) до апреля 1945 г.

История как наука, если не переводить ее в плоскость публицистики и не смешивать с политологией, склонна избегать чрезмерно широких обобщений. Для нее фашизм — это только вышеописанное историческое явление, имеющее свои временные рамки и давно завершившееся. Применительно к периоду после 1945 г. можно рассуждать об идейных наследниках итальянского фашизма, об

определенной созданной Муссолини и его режимом политической традиции. Но исторически корректно в этом контексте заниматься только теми субъектами — партиями, движениями, социальными группами и персоналиями, — которые сами рассматривали себя как (нео)фашистские. Поскольку нынешний российский режим к числу таких субъектов явно не относится, саму начатую Тимоти Снайдером дискуссию о фашизме применительно к РФ нельзя считать исторической, хотя ее участники, как и сам Снайдер, не раз апеллировали к истории.

Иное дело — политологический анализ. Снайдер, собственно, переходит к нему практически сразу, утверждая, что «сегодняшняя Россия отвечает большинству критериев, в соответствии с которыми ученые оценивают [фашистские идеологии]. Там есть культ лидера — Владимира Путина. Там есть культ мертвых, организованный вокруг событий Второй мировой войны. Есть и миф о прошедшем золотом веке имперского величия, средством возврата к которому является война исцеляющего насилия — убийственная война против Украины». Эти аргументы разделяют те участники развернувшейся дискуссии, которые согласны с оценкой российского режима как фашистского. Так, социолог Григорий Юдин утверждает, что «ключевая особенность исторического фашизма состоит в совмещении (1) государства, (2) народа и (3) вождя в едином векторе (4) политического движения» (Юдин), — и находит все эти признаки, хоть и с определенными оговорками, в политической реальности сегодняшней России.

Контраргументы, впрочем, представляются более убедительными. Например, Григорий Голосов пишет, что «если в какой-то стране устанавливается режим личной власти, который использует националистическую риторику (а это сочетание характеристик я нахожу очень естественным и почти неизбежным), то... чрезвычайно трудно избежать как появления всех трех признаков фашизма по Снайдеру, так и попыток военной агрессии. Однако... далеко не все страны при этом становятся фашистскими в том смысле, который, по мнению Снайдера, можно экстраполировать из восточного и центральноевропейского опыта 1930–40-х гг. Вероятно, лучше было бы сказать, что это националистические по своей идейной ориентации автократии» (Голосов). А Марлен Ларюэль отмечает, что в сегодняшней России сложился «все более авторитарный, персоналистский, патримонный и империалистический режим, но не прибегающий к мифу мобилизации/регенерации нации и предпочитающий, наоборот, чтобы его граждане оставались демобилизованными и пассивно поддерживали его» (Марлен Ларюэль).

Дискуссия о том, стала ли путинская Россия фашистской, продемонстрировала важную методологическую проблему. Попытки сделать из исторического феномена *generic term*, термин, обозначающий целый класс явлений, ведут либо к неизбежно широким обобщениям и в итоге к размыванию смысла термина, либо, наоборот, к крайнему сужению этого смысла, что делает сложным сопоставление предлагаемого определения и социального феномена, который

оно должно описывать. Примером такого сужения может служить предложенная в свое время Роджером Гриффином дефиниция фашизма как «гена политической идеологии, чье мифическое ядро в различных мутациях представляет собой палингенную форму популистского ультранационализма» (*Griffin 1991: 26*). Именно сочетание палингенеза¹ и радикального национализма Гриффин предлагает считать «фашистским минимумом». Тем самым, однако, создается почва для бесконечных и не всегда плодотворных даже в сугубо академическом смысле дискуссий о том, в достаточной ли мере проявлялись палингенные элементы в идеологии, скажем, испанской Фаланги или румынской «Железной гвардии» для того, чтобы считать эти движения и соответствующие политические режимы фашистскими.

Сознавая проблему с универсальным определением фашизма как *generic term*, множество исследователей выбирали окольный путь, пытаясь формулировать списки признаков фашизма, которые нередко вступали в противоречие друг с другом. Попытки же выделить из этих признаков наиболее существенные, как это делает Тимоти Снайдер, ведут к тому, что термин становится чрезмерно всеобъемлющим — настолько, что в него при желании можно вписать исторические явления и фигуры, явно не имеющие к нему отношения. Так, режим Фридриха II Гогенштауфена, императора Священной Римской империи в первой половине XIII в., вполне

обладал перечисленными Снайдером тремя признаками: там был и культ императора, и культ предков (в конце концов, Фридрих был внуком легендарного Фридриха I Барбароссы), а уж представление об оставшемся в прошлом золотом веке и «испорченном» настоящем и вовсе являлось неотъемлемой чертой средневекового исторического сознания. Можно ли на этом основании считать Фридриха II фашистским правителем? Позитивный ответ на этот вопрос был бы вопиющим анахронизмом — хотя не секрет, что фигура этого императора была популярна в немецких националистических и отчасти нацистских кругах в 1920–1930-е гг.

В своем эссе Снайдер в конце концов попадает в ловушку, которую сам и описывает, ставя в упрек путинскому режиму: «В России XXI века “антифашизм” превратился в право российского лидера определять врагов нации... Для президента [Путина] “фашист” или “нацист” — это просто кто-то, кто выступает против него и его плана разрушить Украину». И далее: «Называть других фашистами, будучи при этом самому фашистом, — существенная черта путинизма. Я называю это “шизофашизмом”». И так, мы приходим к нагромождению псевдоопределений, которые уводят нас все дальше от сути дела, зато имеют яркий публицистический эффект, превращаясь прежде всего в «обзывалку», как, собственно, и у Путина и его пропагандистов. В заключение Снайдер описывает фашизм как «культ воли, порождающий мистиче-

¹ Палингенезия — теория Артура Шопенгауэра о том, что воля человека никогда не умирает, а проявляет себя опять в новых индивидах. Националистические идеологи трансформировали эту идею в представления о нации как своеобразной единой сущности — совокупности «живых, умерших и еще не рожденных», обладающей своей судьбой, волей и т. д.

ский миф о человеке, который исцеляет мир насилием». Здесь мы видим переход от попыток все же найти дефиницию и придать понятию «фашизм» сколько-нибудь конкретную суть к чисто художественному образу.

Это не значит, что эссе Тимоти Снайдера не имеет никакой ценности. Напротив, это публицистически точный портрет авторитарного милитаристского режима, опирающегося на предельно искаженные представления об истории собственной страны и соседей. Эти мифы используются режимом и его лидером, с одной стороны, для укрепления и увековечения своей власти в самой России. С другой стороны, поскольку сам лидер им полностью верит (феномен «президента-телезрителя»), мифы становятся толчком для реализации иррациональной внешнеполитической программы: военный разгром Украины как якобы вскормленной Западом «анти-России» и максимальное расширение сферы влияния РФ, если понадобится — силовыми методами и даже за пределами постсоветского пространства. Все это Снайдер описывает вполне адекватно, вот только привязка этого описания к термину «фашизм» представляется лишней с точки зрения исторического и политического смысла. Зато вполне объяснимой с точки зрения исторического и политического контекста.

ЧТО ОСТАЛОСЬ «ЗА КАДРОМ»

Приписывание режиму Путина фашистской сути — следствие того, что сложившаяся после Второй мировой войны как на Западе, так и в бывшем СССР модель исторической памя-

ти представляет фашизм (в рамки которого вписывается и даже в первую очередь с ним отождествляется немецкий нацизм) как синоним абсолютного зла. Таким образом, как заметили многие участники сетевых обсуждений эссе Снайдера, определение путинской России как «фашистской» переводит правящий в ней режим в разряд неприемлемых, недоговороспособных и подлежащих уничтожению. В нынешней ситуации, когда авторитарные режимы уже лет 20 как на подъеме, а «свободный мир» медленно, но верно уходит в глухую оборону, диктатуры за пределами западного сообщества все чаще воспринимаются как хоть и неприятные, но неизбежные и в каком-то смысле легитимные формы политического устройства: мол, «у них там так принято», «что взять с этих русских/китайцев/арабов», «Россия без сильной руки невозможна» и т.д. Еще накануне Второй мировой изоляционистское движение *America First* распространяло среди своих агитационных материалов, например, такое четверостишие:

*Over there there's mud and shedding of
blood,
And tongues confusing and strange,
So why lend a hand to an alien band
Whose dreams we can never change?*

(«Где-то там грязь и кровопролитие / Тамошние языки непонятны и странны / Так зачем протягивать руку чужакам / Чьи мечты нам никогда не изменить?») (цит. по: *Dallek, Franklin* 2017: 511). Сегодня под этими строчками подписалась бы немалая часть западных избирателей и политических деятелей — во главе с Дональдом Трампом.

Вторжение российских войск в Украину на какое-то время объединило западные общества, испытывавшие глубокое отвращение к столь откровенной агрессии. Но по мере того, как война затягивается, растет и усталость от нее, и желание, чтобы все это поскорее закончилось, пусть даже за счет некоторых уступок агрессору. Интерпретация сути путинского режима как «фашизма» выступает в этом контексте как дополнительное средство мобилизации общественного мнения: с фашистами не идут на мировую, их побеждают, как в 1945 г. державы антигитлеровской коалиции не стали заключать мир с Германией и Японией. В нынешних условиях «просто» диктатуры как противника мало, и это симптом того, как изменился мир за последние 15–20 лет: прежних авторитарных врагов Запада, вроде Слободана Милошевича или Саддама Хусейна, называть «фашистами» не требовалось. Хотя, кстати, между режимами Милошевича и Путина можно провести немало параллелей — структурных, идеологических и ситуационных (попытки военной силой обеспечить своей стране доминирование на пространстве распавшегося ранее многонационального государства имперского типа).

Однако политико-пропагандистская задача создания образа российского режима как фашистского препятствует более реалистичной интерпретации нынешней России и сути развязанной ею войны. Здесь все не так просто. С одной стороны, фашистские и радикально-националистические режимы возможны лишь

в национальных государствах. С другой стороны, нынешняя РФ в полной мере таковым не является. И не столько потому, что ее население полиэтнично, сколько потому, что внутреннее устройство России — это устройство «остаточной» империи, с сочетанием жесткой централизованной власти и региональной пестроты, в некоторых случаях имеющей специфическое политическое измерение. (Например, кадывовская Чечня в рамках РФ находится в положении вассального, но во многом совершенно автономного государственного образования — примерно так в рамках Российской империи существовал Бухарский эмират.)

РФ вполне можно воспринимать как последнюю европейскую, точнее, евразийскую империю. Она хоть и утратила в 1991 г. значительную часть прежней территории, но не прошла за последующие 30 лет полномасштабной трансформации в постимперское национальное государство — ни русское (это, видимо, невозможно в силу ряда историко-географических факторов), ни российское (полиэтничная политическая российская нация тоже не возникла)². В этом смысле не столь уж радикальным выглядит мнение, согласно которому крах СССР «был не только поражением коммунизма, но и поражением колониализма» (*Michel C.*). Однако это поражение не стало тогда окончательным.

В результате нынешняя российско-украинская война обладает чертами сразу нескольких типов конфликтов.

² Подробнее см., например: Э. Паин. Уже не империя, еще не нация. Где находится и куда идет Россия. Уже не империя, еще не нация. Где находится и куда идет Россия // Мнения | Republic.

1. Это война *колониальная* (со стороны России) и *национально-освободительная* (со стороны Украины). В ходе нее одна сторона пытается в той или иной форме и хотя бы частично восстановить разрушенную империю, а другая — отстоять национальную государственность, полученную в результате распада этой империи.

2. Это война *национальная* — в том смысле, что в ходе нее при самых трагических обстоятельствах происходит окончательное формирование современной украинской нации: «Хотя внутри страны существуют различные культуры, истории, сказания, нарративы, но при этом появляется четкое осознание определенной идентичности — идентичности украинской политической нации» (*Андрей Баумейстер*). Но есть и другой любопытный момент, касающийся уже России. Идеологическое сопровождение «спецоперации», отказывающее украинцам в полноценной государственности и полностью или частично — в национальной идентичности, можно считать реакцией путинского режима на тот факт, что сама Россия так и не стала национальным государством.

Классический империализм обычно не навязывает покоряемым народам иную идентичность, ему достаточно их повиновения. Британия не требовала от индийцев и даже ирландцев превращения в англичан, а Франция от арабов, берберов или племен Западной Африки — трансформации во французов. Зато не имперская, а национальная Турецкая Республика занималась и занимается «декурдизацией» курдов, которых одно

время даже называла не иначе как «горными турками». Русский проект путинской России парадоксален тем, что реализуется не в пределах РФ, где это явно не вышло бы, а за ее границами. Причем в качестве технических исполнителей, со всеми сопровождающими это «исполнение» ужасами, в нем принимают участие, надев российскую военную форму, не только этнические русские, но и чеченцы, буряты, дагестанцы, тувинцы...

3. Изначально в конфликте на востоке Украины имелись и черты войны *гражданской*. В основном это относится к первому этапу начавшегося в 2014 г. конфликта и связано со спецификой исторического развития Донбасса с его русскоязычием и нечеткой национальной («остаточной советской») идентичностью значительной части населения. Во многих случаях нахождение человека по ту или иную сторону фронта определялось не сознательным выбором, а довольно случайными обстоятельствами — мне известно немало таких историй. С другой стороны, вооруженное противостояние в Донбассе возникло как результат российского вмешательства во внутриукраинский политический кризис. То есть с самого начала там присутствовали элементы и гражданского конфликта, и внешней интервенции — как это было, скажем, во время войны 1936–1939 гг. в Испании.

Однако по мере того, как конфликт затягивался, исчезало ощущение принадлежности противостоящих сторон к одному политическому сообществу. А именно оно является характерной чертой любой

гражданской войны, которая представляет собой силовое решение проблемы раскола *внутри* такого сообщества. На украинской стороне, как уже было отмечено, в течение восьми лет шло ускоренное формирование политической нации, катализатором чего и явился конфликт в Донбассе. На сепаратистской стороне, напротив, усиливалось отчуждение оставшегося там населения от всего украинского. Признание Кремлем независимости самопровозглашенных республик и последовавшее полномасштабное российское вторжение в Украину окончательно перевело конфликт в формат войны между государствами — хотя на политическом и риторическом уровне проблема послевоенной реинтеграции в Украину районов Донбасса, с весны 2014 г. не находящихся под контролем Киева, не снимается украинскими властями с повестки дня.

4. Война России и Украины является также *войной авторитарного режима против демократической республики* — при всех возможных несовершенствах, демонстрируемых украинской демократией. Это, особенно с учетом провозглашенного Украиной курса на членство в ЕС и активной политической, экономической и военно-технической поддержки украинской стороны западными демократиями, выводит нынешнюю войну на уровень конфликта не регионального, а европейского и даже мирового значения. Для Украины и симпатизирующих ей людей в других странах борьба украинцев приобретает этос «обороны всей Европы» и «защиты ценностей свободы и демократии». С другой стороны, сообщения о преступлениях россий-

ских военных против гражданского населения Украины придают армии вторжения облик «безжалостной орды» или же вызывают воспоминания о действиях нацистских войск. Это становится дополнительным аргументом в пользу восприятия существующего в РФ режима как «фашистского».

Однако, как видим, речь идет о сложном конфликте, обусловленном множеством факторов. Это «много-слойная» война, исход которой на десятилетия вперед определит не только будущее Украины и России, но и, скорее всего, доминирующие мировые тенденции в сфере политики безопасности, международных отношений и экономики (так, в Европе российское вторжение, похоже, стало триггером чего-то напоминающего энергетическую революцию). С чисто военной точки зрения происходящее напоминает возврат к временам то ли балканских войн 1990-х, то ли вообще Второй мировой: массированные обстрелы и бомбардировки, передвижения танковых колонн, сметенные с лица земли города, неделями скрывающиеся в подвалах мирные жители... Но в действительности это война XXI в. Она происходит в условиях глобализованной экономики — о чем вновь напомнили опасения по поводу голода в Африке из-за срыва поставок зерна из Украины, — с применением новых технологий в сфере не только военного дела, но и информационно-пропагандистских операций. Но прежде всего эта война затрагивает общество, чья структура, институты, массовое сознание заметно изменились по сравнению с серединой или даже концом XX в.

В этих условиях интеллектуалам следует быть осторожными с использованием исторических аналогий и соответствующей терминологии. Помимо всех приносимых ею трагедий, война — еще и испытание способности к критическому мышлению. История с эссе Тимоти Снайдера и его обсуждением показала это — на сей раз, кажется, все-таки с позитивными результатами.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Андрей Баумейстер — Баумейстер Андрей. Нам нужна не авторитарность, а внутренняя конфликтность в принятии решений. Украина должна стать локомотивом, а не периферией ЕС | Украинская правда (pravda.com.ua).

Голосов — Фашистская Россия? Ответ Григория Голосова на статью Тимоти Снайдера Фашистская Россия? — Riddle Russia (ridl.io).

Марлен Ларюэль — Марлен Ларюэль. Это не фашизм: почему это важно. См.: Нацификация денацификации. Оправданно ли сравнение российского режима с фашизмом? (re-russia.org).

Паин — Паин. Уже не империя, еще не нация. Где находится и куда идет Россия Уже не империя, еще не нация. Где находится и куда идет Россия | Мнения | Republic.

Юдин Г. — Юдин Григорий. Настоящий фашизм. См.: Нацификация денацификации. Оправданно ли сравнение российского режима с фашизмом? (re-russia.org).

Michel — Michel C. Decolonize Russia Decolonize Russia — The Atlantic.

Snyder 2022 — Snyder T. We Should Say It. Russia Is Fascist. The New York Times, May 19, 2022 Opinion | Russia's War on Ukraine Shows That It Is Fascist — The New York Times (nytimes.com).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Griffin 1991 — Griffin, R. The Nature of Fascism. London — New York, 1991.

Dallek, Franklin 2017 — *Dallek R. Franklin D. Roosevelt. A Political Life.* New York, 2017.

REFERENCES

Griffin R. *The Nature of Fascism.* London — New York, 1991.

Dallek R. *Franklin D. Roosevelt. A Political Life.* New York, 2017.

В. Жобер

СТО ЛЕТ НАЗАД. ГОЛОД В ПОВОЛЖЬЕ

В семейной переписке из личного архива профессора Сорбонны русистики Вероники Жобер запечатлены переживания интеллигентной русской семьей событий начала 1920-х гг. — массового голода и эпидемий, охвативших не только Поволжье, но и другие российские регионы. Как явствует из писем, положение радикально не изменилось и с введением Новой экономической политики.

Ключевые слова: семейная память, голод в России начала 1920-х гг., эпидемии, русская эмиграция на Дальнем Востоке, благотворительность, Новая экономическая политика.

Сведения об авторе: Вероника Жобер, — доктор филологии (славистика), заслуженный профессор факультета славяноведения Сорбонны (Париж).

Контактная информация: veronique.jobert@gmail.com.

V. Jobert

A HUNDRED YEARS AGO. HUNGER IN THE VOLGA REGION

Family correspondence from the personal archive of Sorbonne professor specialist in Russian Studies Véronique Jobert captures experience of an intelligent Russian family of the events of the early 1920s — mass famine and epidemics that swept not only the Volga region, but also other Russian regions. As it clear from the letters, the situation has not radically changed with the introduction of the New economic policy.

Key words: family memory, famine in Russia in the early 1920s, epidemics, Russian emigration in the Far East, charity, New Economic Policy in Russia.

About the author: Véronique Jobert, PhD in Filology, Slavic Studies, professor emeritus of Paris-Sorbonne University.

Contact information: veronique.jobert@gmail.com.

Хлеб стали прятать, но я находила его. Тогда его стали подвешивать на потолок, а я, маленькая, голодная, ходила и смотрела на него снизу.

Из воспоминаний внучки Муси

В Самаре жилось голодно и мне было, летом, особенно грустно урезывать Мусю.

Из письма Ольги Александровны дочери Кате от 22 марта 1922 г.

В очередной раз в 2021 г., через сто лет после упомянутых событий, обращаюсь к богатому семейному архиву, унаследованному от Наталии Иосифовны Ильиной (Жобер 2001).

Моя бабушка, Екатерина Дмитриевна Ильина, в 1954 г. вернулась репатрианткой из Китая в Москву, к своей старшей дочери Наталии (см.: Жобер 2020: 159–174), и она привезла с собой семейный архив. Екатерина Дмитриевна хранила все письма своей матери, оригиналы за редкими исключениями сохранились, но она из предосторожности еще в Шанхае отдала их перепечатать. Работая над этим архивом, я обнаружила интересные расхождения между оригиналами и копиями. Прекрасно понимая, куда она едет, Екатерина Дмитриевна велела машинистке пропускать полные имена собственные, точные адреса, иногда даже какие-то слова, порой целые отрывки.

Публикуя письма сейчас, интересно отмечать существующие несоответствия между оригиналом и копией.

Среди сотен писем моей прабабушки Ольги Александровны Толстой-Воейковой (1858–1936), симбирской дворянки, еще не публиковались самые первые. Они и позволяют нам сейчас понять, как и когда установилась обильная ее переписка с родными, попавшими в эмиграцию в Маньчжурии. Как известно из дневника ее зятя Иосифа Сергеевича Ильина (Ильин 2016), в июне 1918 г. вся семья бежала из родной усадьбы в Самайкине, в Симбирской губернии, в Самару. Осенью 1918 г. семья Ильиных покинула навсегда родные края и двинулась на восток вслед за армией Колчака.

Ольга Александровна осталась в Самаре, жила у знакомой и дальней родственницы Варвары Вадимовны Осоргиной¹, в доме, находившемся на Самарской улице, 110. Этот дом, оказывается, сохранился вплоть до 2015 г. И вот нашлось письмо от 3 мая 1920 г., написанное оттуда и адресованное Ариадне Владимировне Тырковой, видной фигуре эмиграции, известной деятельнице кадетской партии, близкому другу семьи. Ольга Александровна надеялась через нее разыскать след своей дочери Кати. Это письмо примечательно тем, что целые куски текста грубо

¹ Осоргина Варвара Вадимовна (1862–1941?), близкий друг Воейковых. Дворянка. Занесена в родословную книгу Самары, Бузулукского уезда. Жила в Самаре. Она приютила Воейковых (и Ильиных) у себя в Самаре летом 1918 г. Сохранился документ с пропиской Марии Дмитриевны Воейковой по этому адресу, а также письмо Н. А. Башмаковой, посланное Ольге Александровне на этот адрес. В конце лета 1927 г. В. В. была арестована в Самаре. Потом освобождена. Из книги памяти Самарской области: «Арестована 9 апреля 1931 г. Приговорена: тройка при ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю 18 августа 1931 г., обв.: по ст. 58-10 агитация и 58-11. Приговор: 3 года ссылки в Сибири. Реабилитирована в ноябре 1966 г. Куйбышевским облсудом». Я благодарна Сергею Захаринному за фотографию дома в Самаре.

замараны каким-то жирным черным карандашом. Но, оказывается, нетрудно прочитать весь текст, если положить лист на стекло и осветить его снизу — чернила удивительно хорошо сохранились. Таким образом, наглядно предстает перед глазами работа цензуры. Зачеркнутое здесь приведено курсивом:

Самарская 110
20^{IV} /3^V1920

Дорогая Ариадна Владимировна!

Не имея никаких вестей о Кате за эту зиму, в поисках способов прийти с ней в прикосновение, хочу попы-

тать счастье Вас найти. Вы можете легко узнать об Ильиных через Датское консульство или Красный Крест. Катя должна была искать работы в Владивостоке у Генерального консула Андрея Андреевича Кофод². Она всегда была в передовых партиях беженцев, и не думаю, чтобы на этот раз изменила своему обычаю. Хотелось бы ей передать: что семья здорова, все живы, брат Дмитрий женился, а Иван ждет возвращения жены из Сибири. В Самаре страшно тесно, дороговизна растет, но мне посчастливилось с самого начала попасть к знакомой, у которой сохранилось полное хозяйство. Материальной нужды мы еще не испытывали,

² Андрей Андреевич Кофод (1855–1948), настоящее имя Карл Андреас Кофод, обрусевший датчанин. Провел 50 лет в России, работал с П. А. Столыпиным. В 1888–1890 гг. работал в Самаре при Дворянском банке, управляющим которого был муж О. А. Дмитрий Иванович Воейков. Был большим другом семьи Воейковых, которые его прозвали «old friend» (старый друг). С 1921 по 1931 г. был атташе по сельскохозяйственным делам при датской миссии в СССР (см.: *Кофод* 1997; 2009).

но многое продавали из более ценного. Спаслось из прошлого очень мало, точно страничка захлопнулась над прожитым. Бесконечно жаль уничтоженных библиотек. Светлым лучом в серине настоящего были счастливая любовь моего Димы, его женитьба в январе, их милый уголок, где забываются превратности судьбы. Близкая дружба с семьей его жены очень скрасила эти года... Мара с мужем и сынишкой 10 лет живет со мной. Иван, явившись в сентябре после неудачи южных групп сибирской армии под Актюбинском, переболел сыпняком благополучно и всей душой принялся за организацию агрономического факультета с опытными полями и пр. при университете. (Павел в Москве голодает, но упорно сидит.) Дмитрий читает в разных заведениях: Университете, Институте народного образования, ассоциациях лекции по минералогии. Катя должна знать его *beau-père*³ по зиме 1919 г. Жуковский⁴ жил в одной комнате с большим их другом, вероятно они виделись. Нас выручил английский язык. Спрос на уроки большой. Мара получала до 5000 и больше в месяц. Увы, рост

продуктов, дров, угля, *нельзя сбала-нсировать никаким заработком. Фунт масла — 1500 р., сала — 1000 р. Соль — 400 р., мясо — 300 тыс. Хлеб на базаре — 65–70 фунт. Мука — до 7000 пуд. Яйца — 500 р. десяток. Мы <нрзб> одежду, проводим дни над заплатами, изощряемся в починке изношенного. Мыло достается с трудом по 400–500 р. ф. Бани закрыты по недостатку топлива, а зимой по той же причине медленно замирало все движение железной дороги. Мара уехала на лето с сыном в деревню в соседство наших краев заготовить к зиме овощей и масла, собирается возделывать огород.*

The culling of the soul is strong, through all the changes around us, we feel rather like fish out of water here, but there is little to complain of. We work and have not yet hungered, we sleep in our beds and feel moderately warm in the winter. The return of the summer is met with joy.

*The faded and threadbare coats are put away. One can even dispense with stockings, less mending and less trouble with the fuel. One must be thankful for small mercies!*⁵

³ Тесть (фр.).

⁴ Владимир Григорьевич Жуковский (1871–1922), был поэтом и переводчиком, а также дипломатом при Николае II, в частности консулом в Праге. После революции работал в МИДе Временного Сибирского правительства. Предлагался С. Д. Сазоновым в качестве министра иностранных дел после ухода Ю. В. Ключникова, однако Совмин его не утвердил в этой должности. В диспуте с И. И. Сукиным показал проамериканизм своего противника, но не смог убедить министров Омского правительства в необходимости ориентации не на США, а на другие страны. Товарищ министра иностранных дел в правительстве Колчака. В августе 1919 г., во время министерского кризиса назначен временно исполняющим обязанности министра иностранных дел правительства Колчака, но вновь заменен Сукиным. Захвачен большевиками, предстал в мае 1920 г. перед большевистским судом в Омске. В июле того же года приговорен к пожизненному заключению, но потом его выпустили, и последние месяцы жизни он жил в Новониколаевске с женой Анной Алексеевной и сыном Гришей. Жуковский скончался 5 июля в Ново-Николаевске. Это известно из письма Ольги Александровны Толстой-Воейковой от 20 июля 1922 г. [по другим данным, был вновь арестован и умер в Ново-Николаевске в заключении. — Примечание ИЭ].

⁵ Все перемены вокруг нас оказывают жестокое насилие над душой, мы чувствуем себя здесь как рыбы, лишённые воды, но нет повода жаловаться. Мы работаем и до сих пор даже не голодали, мы

Обнимаю и целую Вас крепко. Хотелось бы спросить, как Вы? Но это бесполезный вопрос, стена непроницаема. Будьте здоровы. Ваша О. Воейкова.

Это, оказывается, самое первое письмо после революции 1917 г., появившееся начало той обширной переписки, которая будет продолжаться до самой смерти Ольги Александровны в октябре 1936 г., с ее близкими родственниками, попавшими в эмиграцию. И как всегда, здесь отмечаются характерные особенности эпистолярного ее таланта. Она дает очень много подробностей о повседневном быте, сообщает о всех своих близких и прибегает при этом к иностранным языкам, которыми в принципе владеют все ее корреспондентки — с одной стороны, чтобы затруднить работу цензуры, с другой — потому что для нее это было вполне естественно.

В конце января 1921 г., после отъезда сына Дмитрия с семьей в Москву, Ольга Александровна оставалась в Самаре с внучкой Мусей, фактически сиротой, т. к. ее мать давно умерла, а отец, старший сын Ольги Александровны Александр, был на Дальнем Востоке. Шестилетняя девочка сначала ходила в детский сад, но тот закрылся летом, а девочка к тому же заболела коклюшем. В ее письмах к Кате в мае встречаются многократные упоминания о тяжелых жизненных условиях:

Мы еще имеем пережженную пшеницу на кофе, и молоко, чай пьем из машины и вишни — сплошь одни суррогаты всего. Мыла вовсе нет. Думали ли мы когда-нибудь о такой жизни? Без газет, без книг, без сахара, муки, мяса, сала, без зубного порошка, зубных щеток, без чулок, обуви, юбок⁶.

Мудрая, наученная опытом Ольга Александровна прекрасно понимала, что надвигается страшный голод:

*Деревня, перед надвигающейся голодовкой, не покупает, а сама выбрасывает все свои излишки. Базар точно пульс жизни города, тьма народа и непрерывное колебание ценностей, по его оборотам можно следить за душевными переживаниями населения, за надеждами и разочарованиями. Забота о хлебе все поглотила — дни идут, дождя нет, хлеба острятся, мука растет головокружительно в цене — подходит к 300 тыс./пуд. Кварталы ничего не дают. Все озабочены — **что** бы еще продать, и получить необходимые 300 тыс. на июнь. <...>*

*Здесь зима будет ужасающая. За прошлую зиму выслали из губернии весь хлеб, не оставили даже семян в достаточном количестве. Думали, много хлеба припрятано, и рассчитывали на пополнение запасов урожаем. *L'homme propose et Dieu dispose*⁷. Засуха вмешалась в человеческие расчеты*

спим в своей кровати и зимой не страдали слишком сильно от холода. Возврат лета был встречен с радостью. Полинялая и изношенная верхняя одежда была отложена. Можно даже обойтись без чулок — меньше штопки и меньше забот с топливом. Надо быть признательным за мелкие радости (англ.).

⁶ 19 мая 1921 г.

⁷ Человек предполагает, а Бог располагает (фр.).

*и посмеялась над легкомысленной мечтой*⁸.

С каждым днем ситуация усугубляется:

*Я все лето перебивалась с трудом. Муся с коклюшем была на моих руках. Детский сад закрылся, не имея провизанта*⁹.

*Надо дрова заготовить, картофель на зиму купить, надо муки припасать. Мука может подняться быстро, сейчас около 200 тыс./пуд — деревня доедает скудный урожай и пока не покупает в городе, но как только нахлынет голодающая деревня, цены взвоятся опять под небеса*¹⁰.

Как не вспомнить тут живописные описания внучки Муси о ее походах на базар с бабушкой:

Я часто ходила с бабушкой на базар. Помню, как толстые, грязные бабы, приподняв подол, говорили: «И что ты, родимая, картошку по тысяче продавать, нешто Бога не боязно?» — а другая, показывая кулак, говорила: «Погодь, погодь, скоро три тысячи стоить будя».

И действительно цены поднимались с бешеной быстротой.

Ольга Александровна не могла оставаться в Самаре, она стремилась в Москву к сыновьям Павлу и Дмитрию. Удалось уехать только в самом конце сентября, так сложно было достать транспорт, получить нужные разрешения, накопить денег на поездку. Наконец состоялся отъезд, и Ольга Александровна, конечно, опишет все подробно, с присущей ей долей иронии.

*Пишу в теплушке, еду с Ваней, Наташей*¹¹ *и Мусей. Я хотела бы тебе показать наш цыганский табор. В одной половине вагона две кровати, Муся на середине, другая половина занята: коровой в углу, дровами, сеном и пассажирами, меняющимися со станции на станцию. За два фунта хлеба едут от Сызрани до Казани, и также до Пензы. Современный товарообмен нашего советского рая. Едем без настоящей печки, а на дворе ложится снежок. Наши сборы хотя продолжались два месяца, но за недостатком капитала нельзя было обзавестись необходимым, до последней недели самый вагон, с направлением через Москву, был под сомнением.*

<...> Меняли три раза станцию назначения. Запрещенных зон так много в свободной нашей стране. <...> Ваня получил вагон на Москву, Ростов, Тифлис, но одно — иметь вагон, другое ехать. <...> В Самаре нас держали 5 дней на станции. Погрузились 30 сент., а 1 окт. я уже перешла в вагон спать. Воздуха много, но толку мало.

⁸ 27 мая 1921 г.

⁹ 24 сентября 1921 г.

¹⁰ 27 сентября 1921 г.

¹¹ Первая жена сына Вани.

Катали по путям, ждали смазки. Наше упрямство ни к чему не привело. Дали 10 тыс. Ночью ушли, в Батраках¹² новое осложнение. Вагон чуть не угнали в ремонт. За 40 тыс. прибили несколько железных листов на крышу и забили досками дыры. Казанская дорога не приняла нас, основываясь на старом запрещении. Закавказская дорога, доброжелательней чем Сызранско-Вяземская, переправила наше направление по Павл<овской> ветви, и мы проехали в 2-х верстах от Мары, не имея возможности вызвать и повидать их. Василий¹³ заведует Ретьевской большой мельницей, а Мара интернатом школы в Томышеве. Чтобы выехать из Батраков дали еще 25 тыс. В Сызрани были любезны и не вымогали. Стояли там с 6 утра до 10 вечера. <...>

Муся ест страшно много и считает свои порции по Ваниным. Наша долгая канитель сборов довела нас до октября. <...>

9 октября. Воскресенье.

Стоим благополучно в Кузнецке. За все это путешествие, за 8 дней, мы, хотя много катались по рельсам, но ехали только две ночи, первую до Батраков, вторую до Кузнецка. Чтобы получить вагон Ване нужно было иметь корову, теперь эта корова требует на 30 тыс. сена каждый день. Пуд сена в Самаре 32 тыс., в Сызр. 26, а дальше опять поднимается. Какими мы жонглируем сумма-

ми? Наколотили миллион 400 тыс. перед отъездом, а выехали, все-таки, со 160 тыс., которых не хватило до Батраков! В Сызрани Ваня схватил старую шинель, валенки без пяток, мою простыню и полотенца, натерговал на толчке на 135 тыс. Принес сено, хлеб, мясо, купил еще пуд соли для обмена в Москве. Вот как ездят современные путешественники в Сов. России. Всё думали встретить знакомых мужиков из Томышева, Самайкина, или Рокотушки¹⁴.

Ольга Александровна продолжает свое письмо на следующий день, 10 октября:

Мы добрались до Пензы сегодня утром, погода безотрадно сера, снег встретил нас за лесами Кузнецка. Очень красиво ярко золотистые группы берез на фоне свежего, раннего снега. <...> Пенза нам дала печурку для вагона, но это расход в 70 000 тыс. Старая железная печка с тремя коленами труб, в окнах нет стекол и когда дождь или снег, мы едем в абсолютном мраке. Иногда кажется все это сном, вспоминая наш последний выезд с тобой, в окт. 1916 года. Сегодня простояли в Пензе весь день. <...> В настоящую минуту, пока я тебе пишу у лампы, Наташа и Муся спят безмятежно. Ваня рыщет за белым хлебом для жены, а Пенза вся сидит на ржаном. Семеновна — очень достойная мордовка, несущая все обязанности кухарки, скотницы

¹² Ныне город Октябрьск, на противоположном берегу Волги, рядом с Сызранью. Там был знаменитый асфальтовый завод братьев Воейковых.

¹³ Василий Андреевич Денисов (1888–1927) — муж младшей дочери Марии Дмитриевны Воейковой.

¹⁴ Деревни бывшего Сызранского уезда Симбирской губернии.

и прислуги. Стирает в тазу их белье у печурки. Кругом вагоны таких беженцев, целыми семьями возвращающихся на родину Гродненскую белорусов. Картинно горят весь день костры на рельсах и все запасаются дровами со станции. Воображаю, какое количество этих дров должно сгорать. Все это тащится без всякого порядка: доски, бревна, целые шпалы, всякий только смотрит, что бы стянуть. Грязь всюду отчаянная, хотя какие-то попытки чистки есть. Уж очень несуразная публика. Не рассчитываем быть в Москве раньше 16–17 окт. Это будет полмесяца путешествия там, где требовалось сутки и меньше, на лошадях было бы приятнее ехать. <...> Обнимаю. Ваня нашел хлеб для нежного желудка жены за 8000 тыс. фунт. Наша Пестровка удивительно милая скотинка и ведет себя примерно в обществе.

Как только Ольга Александровна устроилась в Москве у сына Павла, она стала регулярно писать длинные письма, не только родным, но и самым близким друзьям, выручающим семью Воейковых в это трудное время. Вот что она пишет 18 декабря 1921 г. Нине Андреевне Кофод, дочери уже упомянутого Андрея Андреевича:

Я переехала, с Мусей, из Самары еще в октябре. Там голод слишком тяжело ложится на душу, если мы, фактически, не голодали, а только не доедали, то внешний мир был весь проникнут этой удручающей, гнетущей картиной голодания и смерти, детей

бросали на улице, еще летом деревня питалась травой, корой, глиной, всеми возможными корнями и семенами луговой травы, мололи мягкую часть шапки подсолнуха, белую сердцевину. Скот сплошь резали, потому что нельзя было кормить! Уже к осени наши окна в нижнем этаже целый день осаждались вереницей изголодавшихся пришельцев деревни, когда у нас самих всякая корочка на счету. Мы варили один раз в день суп почти без мяса и даже все лето не покупали моркови, луку и репы, слишком разорительных для наших карманов. <...> Здесь мы едим лучше, овощи и картофель дешевле, а Павел всегда счастлив на пайки, получил горох и мясо. Но молока нельзя брать, по 10 000 кружка, и масло, 100 000 фунт, тоже отпугивает. Я варю суп на печурке с одной комфоркой: дрова сыроваты и это длинная и утомительная процедура. Вы себе легко представляете, что жить в одной комнате с Павлом тоже не легко, к тому же, Муся (дочь Александра) без матери. Ребенок суетливый, шумный, трещит весь день и я устаю к вечеру страшно. Хлопочу о помещении ее в Детский Дом или санаторий — но в настоящих условиях продовольствия, даже центра [так в тексте. — ИЭ], это затруднительно. <...> Nous sommes devenus si chic, que nous ne comptons que par des centaines de mille et des millions¹⁵. Москва все покупает и все продает, в воздухе так и стоит звон крутых сделок, но самого необходимого нет. Роговую шпильку надо беречь как зеницу ока — она незаменима. Английские булавки — целый клад. Очень трудно справиться с грязью — мыло безумно дорого, а вода в доме замерзла.

¹⁵ Мы уже стали такими шикарными, что считаем только в сотнях тысяч и в миллионах (фр.).

Павел ходит в подвал за водой. Мои глаза так плохи, что я не могу рикосовать по темным лестницам ходить с ведром или чайником. Я почти слепну. Большое спасибо за иголки, это тоже необходимо. Я бы просила прислать все что можно из детских кашек, овес, кукуруза, сгущенное молоко, пшеничных и других препаратов Mellin's food, Corn flakes, что найдете для Катюши. Шоколад ей покупают, по 90 тыс. полуфунт плитка. Я ужасно боюсь, что к весне положение ухудшится. Спасает Туркестан с своим урожаем, но движенье наших дорог так шатко, что, того и гляди, встанет! Я получаю изредка письма из Харбина и Владивостока. Очень всегда радуют мысли, что хоть они живут по человечески, все у них есть и все дешево. Ильины хорошо зарабатывают. Посылают они сюда посылки и деньги, но еще ничего не дошло. Я получила также письмо Андрея Андреевича с сообщением высылки через Германию 500 тысяч, но и этих не видать. Большое, большое спасибо за все ваши заботы. <...>

Ваня с женой уехал на Кавказ. Будет там по Агр<ономическому> отд<елу> Кур<сов> хозяйства или по путям сообщения, где тоже есть сложное агроном<ическое> хозяйство. Ваня меня и довез сюда. Ему дали вагон теплушку. Ехали мы потихоньку, 20 дней от Самары до Москвы. Везли корову, которую Ваня здесь продал за 2 миллиона, но которая стоила прокормом в дороге 30 000 в день. Ваня очень бодро ехал на новые места. Я надеюсь его жизнь там будет счастливой. Самара ему очень надоела. Мара в деревне в доме мужа.

Юрка учится в школе 2-ой ступени. Мара учительствует, заведует интернатом. У нее своя корова, огород и даже поле. Увы, засуха погубила посева и только часть огорода большими трудами удалось спасти.

Одной из главных забот Ольги Александровны в это время был уход за внучкой Мусей. В письмах своих она то и дело возвращается к этому вопросу. Вот что она пишет дочери Кате в Харбин в январе 1922 г.:

Мусю мне удалось поместить в Детский дом. 23 декабря сдала ее в распредделитель, оттуда уже посылают ребят дальше, там она преблагополучно провела неделю, на американском пайке. Рис, какао, две белых булочки в день, чай с обилием сахара, кофе. То, что было местного, суп, был довольно плохонький. Накануне нового года ее перевезли в новый дом на газовом заводе, там чисто, светло и тепло, кормят недурно, и ласковые руководительницы. Всего 20 детишек, причем большинство моложе Муси <...> К несчастью, за два дня до Рождества¹⁶ она захватила корь и попала в детскую больницу, где их определенно не кормят. Муся похудела и вытянулась. Хотя я ей три раза привозила хлеба белого и черного и варила кисель из клюквы. Им дают бульон, рис и кисель в минимальных дозах. В будущую субботу после крещенья ее вернут наконец в Детский Дом, чему я буду весьма рада, тем более, что болезнь Муси меня лишает свидания с Алиной и Катюшей. Дима ко мне заезжает, но к ним страшно

¹⁶ По старому стилю 7 января.

занести заразу, путешествие к Мусе занимает у меня половину дня. Я должна рано топить и ставить суп, а к 1 часу тушить свою печурку и бежать на трамвай, пересестъ на другой и с затратой 14 000, очутиться на другом краю города под самой казанской железной дорогой. Когда мы выезжали из Москвы¹⁷, то всегда стены и башни Покровской общины обращали внимание: громадная каменная ограда с башнями средневекового вида и длинная улица, которую из окон вагона мы столько раз видели, это самая Покровская, по которой я теперь постоянно путешествую и пешком и в трамвае. Возвращаюсь домой около 4 с 1/2, спешно разогреваю мой суп для прихода Павлика со службы. На что мои руки стали похожи от сажки, сала и чистки картофеля, а главное, недостатка воды. Нам подают воду только ночью часа в 3–4 до 7 утра, и вот надо наполнить все сосуды, чайник из нашего лазарета, помнишь? Голубой эмалированный самовар с Мантуровского хутора, банку стеклянную (20 коп.), купленную в магазине за 20 тыс. рубл. Павел лентяй редко встает, а я ложусь в 2 ночи чтобы написать письма, днем, когда моя стряпня, уборка и посуда кончены, голова пуста и ничего не хочется делать. Я теперь озабочена, как бы придумать вариацию нашему меню.

Иван писал с Кавказа 25 дек. Они были за 70 верст от Тифлиса три месяца на колесах. Наташа переболела сыпняком в вагоне, к счастью легко.

¹⁷ Когда отправлялись в Симбирскую губернию.

¹⁸ Тут следует отметить, что в оригинале адрес перечеркнут карандашом, и его нет в копии.

¹⁹ Последние два слова отсутствуют в копии. Речь идет о помощи, оказанной голодающим американским благотворительным обществом АРА. American Relief Administration.

Я пишу Ване по его служебному адресу. Тифлис. Управление Закавказской службы железной дороги. Агрономический отдел. Агроному И. Д. В.¹⁸

Не знаю, получит ли? Наша почта так несуразна, хотя и стоит теперь больших денег. Куда девались все фантазии о даровой жизни — не продержались и года! Школы, почта, трамваи, все теперь на тысячах. Три станции трамвая 12 000, 2 станции 10 тыс. 1 станция — 7 000. Чернила бутылка 15 т., бумага почтовая ящик 30 тыс. Калоши мелкие мне Дима купил за 300 000, масло 150 т. фунт. Павлик хотя сожитель неприятный по беспорядку, грязи, халатности его обстановки, но доброты он необычайной, все занят вопросом нашего питания и припас действительно порядочно: муки пуда 3, да еще на службе ему должны дать 72 ф. — еще не выдали паек за декабрь, гороху фунт 8, да бобов столько же, пшеница зерном 20 ф. До весны еще проживем, а там спасители американцы¹⁹ подкормят, как только порты откроются. Мара по району, Маза, Соловчиха, Софьино, Новосп<асское> на 8 волостей заведует снабжением столовых.

Я жалею, что ей не выбратъся сюда отдохнуть, но по всем ужасам, пережитым теми, кто сюда ехал около Рождества и стоял в жестоких заносах без куска хлеба, стакан кипятку 10 тыс., надо сказать слава Богу, что Мара не двинулась. Лучше зимой не пытаться никуда перебираться. Тиф по всей дороге, везде люди умирают

на поезде без помощи и лечения. Многие везли посылочки родственникам к празднику и сами все поели с голода! Я, после сдачи Муси в детский дом, переехала к Диме на неделю и славно отдохнула. Алина готовит точно заправская повариха. Дима меня баловал белым хлебом и маслом. 16-го был пирог с сушеными яблоками еще прошлого лета из Самары²⁰. <...>

А вот письмо от 28 января:

Поволжье вымирает. Хлеб везде дорожает с каждым днем. В Москве черный 24 000 ф., а белый сегодня объявлен в булочных 60 000 фунт. Сегодня пуд 240 000. Вот серия нулей, умножающаяся до бесконечности. <...>

Ехать через Сибирь зимой невыносимо, рискуешь стоять в заносах без провианта. На праздниках пришел сюда поезд из Оренбурга, с которого сняли в пути 400 трупов. Я в это время ждала Мару, думала, она, быть может, командировку устроит. Ей очень хотелось отдохнуть от ужасов деревенской жизни. Меня интересовали поезда, и когда я узнала, что стакан кипятку по пути стоил 10 000, тиф косил, стояли на разных маленьких станциях без хлеба, ехали от Сызрани 12 дней. Я только успокоилась, получив от Мары два письма от 28/12 и 1 янв. Выехать, конечно, оказалось невозможным. На ней лежит снабжение 8 волостей американским провиантом для столовых. К ней с утра собираются комитетчики заведующие за распоряжениями, а на кухне толпа баб с просьбами страшно тормозит ее. В 12 часов она идет в школу и в склад, ездит в Сыз-

рань за новыми продуктами, обезжестит столовые в Мазе, Соловчихе, Софьино (Я знала, что Васильевка не ее района). Приходится ехать чуть не шагом, так обессилили лошади. Часто приходится менять подводчика. В метель чуть не занесло их, лошаденка качалась и ложилась в оглоблях. Что за ужас будет весной, когда пахарю не на чем будет выехать в поле!

6 февраля Ольга Александровна снова очень подробно пишет Кате о жизненных условиях, в которых оказывались члены ее многочисленной семьи:

Пока Муся в больнице, я очень связана, никуда не выхожу, и никого не вижу. Вторник, пятницу и воскресенье тащусь в Сокольники с молоком, белыми сухарями и пр. Каждая поездка не меньше 65 т. Каждый день цены накидываются: молоко было неделю тому назад 18 т., потом 20, а уже стало 22 т. кружка меньше двух стаканов, мясо растет десятками тысяч, сегодня 80, завтра 90 и т. д. Баранина 100 000 т. фунт. Если бы жалованье давали соответственно, а на него накладывает сборы. В январе у Павла удержали 1 300 000 на какой-то «заработный фонд» — половину его жалованья. Каково семейным людям? Дети без обуви, без белья три года, все рвется и ничего не возобновляется, стремительность падения денег еще усилилась после 1-го января. <...>

Москва дает впечатление какого-то студенческого бивака; на окне гро-

²⁰ Письмо дочери Кате в Харбин от 16/18 января 1922 г.

моздаются кастрюли, сковорода, самовар. Маленький шкафчик с ящичками содержит все что есть наличной посуды и провизии. Вся наша забота вертится вокруг пополнения этих запасов. В известные дни Павел навьючивает свой Rucksack²¹, отправляется получать паек. Муку обещают давно, но не дают. Павел должен получить 2 ½ пуда, сегодня дали 4 ф. селедок, это обычно, как только чего дадут, засыплют селедкой, 8 ф. соли, 2 ф. сахара, а муку ждите. Хлеб 24 тыс. фунт, а мне никак не хватает фунта в день. Я стала гораздо больше есть, с тех пор как еда стала дорога. *The contrariness of things!*²²

Наш суп очень понравился бы дядюшке профессору²³. Я валяю туда овощей сколько помещается в кастрюлю, сухих, сырых, крошу лук, несколько грибочков и подбалтываю мукой. Павлик, хотя всегда вздыхает о мясе, но ест охотно такое пюре. Купил вчера картофель, немножко тронутый морозом, мои руки это чувствуют, чернит мерзлый картофель гораздо ядовитее. Мусе, как будто, получше, но посуды о порядках нынешних больниц: в коревой палате оказалась свинка, возвратный тиф, скарлатина, а сосед Муси под большим сомнением, не сыпняк ли? Катал вчера температуру выше 40°. Сестры и сиделки кричат на больных вместо ласки. <...>

Кажется, у Муси был колит после кори, что неудивительно при качестве черного хлеба, полный колючей

мякины. Ты читала ли объявление американцев о том, что за доллар, внесенный за границей в Миссию, будет выдано, здесь, соответственное количество продуктов, если вы можете связаться с Ара, то лучше всего внести им деньги для передачи нам здесь рисом, сахаром, сгущенным молоком, салом, какао. Для Катюши и Муси это было бы довольно важно. Если Харбин не имеет представителя Миссии, напиши Валентине Николаевне Мусиной-Пушкиной, Флорида, Miami 13 Lodge Room 228. Ты ей можешь и деньги послать. Что-то нет писем от Нины Кофод. <...> Пошел прямой вагон Москва-Рига, билет только 4 мил. Конечно, сравнительно с фунтом бараньего сала 200 000 или маслом 350 000, это пустяк.

<...>

Мара пишет с вокзала в телячьем вагоне 31 янв., везет 3 вагона продуктов для столовых АРА и никак не дождется, чтобы их прицепили. Давыдовы²⁴ ей присылали ужин, а утром она обедала в столовой, которой заведует Мария Федоровна Каменская. Кстати, у Мары служат Лидия и Ольга Зеленовы, у них умерли родители, все имущество разворовали во время похорон матери, все сестры служат, а Маня занимается музыкой. Печальные вести об Ушаковых. Алексей Сергеевич умер в Жедрине. Хоронили его на Николу²⁵. Говорят, три дня не хватились, что он кончился с голоду и холоду. Сережа перебрался со всем

²¹ Рюкзак.

²² Обратный порядок вещей (англ.).

²³ Александр Иванович Воейков, известный географ, был вегетарианцем.

²⁴ Жили в Сызрани.

²⁵ Никола зимний.

имуществом в Воронеж к семье жены, их в дороге обокрали, все переболели возвратным тифом и Димка, получив менингит, как последствие тифа, остался слабоумным с припадками эпилепсии. Вот уж не повезло! Коли нет в живых, Шура в Житомире, Татуша исчезла абсолютно, а Сережа без Димки будет пол-человеком. Вся душа его была связана с жизнью ребенка. Алексей Сергеевич умер так одиноко, беспомощно, наверное страдал перед смертью. Мара пишет, что в своих объездах по столовым она встречает больше глупости, чем злонамеренности. Описывает сценку в Ретьевке, где она, ревизуя столовую, застала священника и милиционера при шашке, вкусно уплетающих из котла рисовую кашу американскую. Мара пожалела, что не было под руками аппарата, чтобы их снять и послать в Ару. Столовые процветают в деревушках, на хуторах, в каждом уголке, но работы по надзору много. У Мары штат служащих, помощник заведующий складом, кладовщик и конторщик. Кормят хорошо. Для отчетности везут книгу, как Мара уверяет, сажень длины. Я всегда страшно рада письмам Мары. Живу под страхом, что и она заразится тифом. Как ни тошно сидеть в теплячем вагоне, но Мара говорит, что и этому отдыху рада от суматохи обычной ее жизни. Мечтают к лету наш сад вернуть, купить лошадь и <..> обработать. Зовут меня. Пугают налоги, их не соразмерят опять с платежной способностью земли, не стоит и приниматься.

жающую жизнь, неприглядный быт начала 1920-х гг. Ей было очень важно, чтобы старший сын Александр и старшая дочь Катя, оказавшиеся оба в эмиграции на Дальнем Востоке, знали о жизни оставшейся на родине семьи. Эти первые письма являются наглядным примером ее исключительного эпистолярного таланта. Они к тому же являются ценным историческим источником, в котором содержится интересная информация об особенностях жизни на стыке военного коммунизма и начала НЭПа, не только в провинции, но и в столице.

Воейковы имели родственные связи со многими известными представителями сословия, к которому они принадлежали, они были знакомы с влиятельными иностранцами, сыгравшими важную историческую роль в те годы. Сто лет спустя остается еще написать подробную и правдивую историю голода на Волге и, в частности, последующей жизни русских помощников АРА, которых много было и в самой семье, и среди знакомых Воейковых. Подавляющее большинство из них были впоследствии репрессированы и, в силу исторических обстоятельств, преданы полному забвению. Но в письмах Ольги Александровны они будут упоминаться еще много раз, ведь ее переписка будет продолжаться до самой ее смерти в октябре 1936 г.

Париж, декабрь 2021 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Жобер 2001 — Жобер В. Судьба семейного архива Воейковых. Актуальные проблемы теории и истории библиофильства // Материалы VIII Между-

Из этих писем видно, насколько подробно и колоритно Ольга Александровна умела описывать окру-

народной научной конференции. СПб., 2001. С. 82–85.

Жобер 2020 — Жобер В. Екатерина Дмитриевна Воейкова-Ильина (1887–1965). Моя бабушка // Историческая экспертиза. 2020. № 2. С. 159–174.

Ильин 2016 — Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина 1914–1920. М.: Книжница: Русский путь, 2016.

Кофод 1997 — Кофод К. А. 50 лет в России (1878–1920) / пер. с дат. М.: Права человека, 1997.

Кофод 2009 — Кофод А. 50 лет в России. 1878–1920. СПб.: Лики России. 2009.

REFERENCES

Jobert V. Sud'ba famil'nogo arkhiva Voejkovykh. *Aktual'nye problemy teorii i istorii bibliofil'stva*. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. St. Petersburg, 2001, p. 82–85.

Jobert V. Ekaterina Dmitrievna Voejkova-Il'ina (1887–1965). *Moya babushka. Istoricheskaya ehkspertiza*, 2020, no. 2, p. 159–174.

Kofod K. A. *50 let v Rossii (1878–1920)*. Per. s dat. Moscow: Prava cheloveka, 1997.

Kofod Andrej. *50 let v Rossii. 1878–1920*. St. Petersburg: Liki Rossii, 2009.

Skitaniya russkogo oficera. Dnevnik Iosifa Il'ina 1914–1920. Moscow: Knizhnica: Russkij put', 2016.

А. С. Ищенко

ВОЙНА ПАМЯТЕЙ, ИЛИ О ТОМ, КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ НАСЛЕДИЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

В статье рассматривается история спора украинской и российской историографий о национальной принадлежности так называемого киевского наследия: частью чьей исторической традиции является история Киевской Руси и чьи права на это «наследие» являются более предпочтительными. Проследивая историю данного спора, уходящего своими корнями во времена Киевской Руси, автор отмечает, что непосредственное начало ему было положено только в середине XIX — начале XX в. — эпоху расцвета национализма и «приватизации» событий и фактов для создания «национальных историй». Затихнув в советские годы, с новой силой спор о «киевском наследии» продолжился после обретения Украиной независимости, вылившись с 2014 г. в настоящую «войну памяти». Признается, что, будучи не научной, идеологически ангажированной, идея «киевского наследия» должна быть переосмыслена. Автор придерживается точки зрения о необходимости денационализации истории Киевской Руси, рассмотрения ее как самодостаточного историко-культурного феномена, не сводимого к ранней истории России и/или Украины.

Ключевые слова: Киевская Русь, древнерусское наследие, присвоение, историческая память, война памяти, национальная историография.

Сведения об авторе: Ищенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент. Заведующий кафедрой истории, философии и социальных технологий, Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет» (Новочеркасск).

Контактная информация: ischenko-2010@mail.ru

A. S. Ischenko

THE WAR OF MEMORIES OR WHO OWNS THE HERITAGE OF KIEVAN RUS

The article discusses the history of the dispute between Ukrainian and Russian historiographies about the nationality of the so-called “Kievan heritage”: whose historical tradition is the history of Kievan Rus and whose rights to this «heritage» are more preferable. Tracing the history of this dispute, which roots goes in the times of Kievan Rus, the author notes that the immediate beginning was laid only in the middle of the 19th – early 20th centuries – the era of the heyday of nationalism and the “privatisation” of events and facts to create “national histories”. Having died down in the Soviet years, the dispute about the “Kievan heritage” continued with renewed vigor after Ukraine gained independence, resulting in real “wars of memories” since 2014. It is recognised that, being non-scientific, ideologically biased, the idea of “Kievan heritage” should be rethought. The author adheres to the point of view on the need to denationalise the history of Kievan Rus, considering it as a self-sufficient historical and cultural phenomenon, not reducible to the early history of Russia and/or Ukraine.

Key words: Kievan Rus, ancient Russian heritage, attribution, historical memory, war of memories, national historiography.

About the author: Ischenko Aleksandr S., candidate of historical sciences, associate professor, head of the Department of History, Philosophy and Social Technologies, Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute, Don State Agrarian University (Novocherkassk).
Contact information: ischenko-2010@mail.ru.

Спор о том, кому принадлежит наследие Киевской, или Древней, Руси¹, имеет давнюю историю. Я. Пеленский полагал, что он начался еще во второй половине XI в., с соперничества за Киев южных и северо-восточных князей (*Pelenski* 1998: 1). В последующие века за право называться наследниками Киевской Руси состязались Владимиро-Суздальское и Галицко-Волынское княжества, Золотая Орда, Литва, Московское государство и Польша (*Ibid*: XX). Близкой точки зрения о времени возникновения спора о киевском наследии придерживается и В. М. Рычка. Его истоки он усматривает в претензиях на киевское княжение, высказывавшихся влади-

миро-суздальскими и галицко-волынскими князьями и последующих попытках «присвоения» киевского наследия московскими книжниками и их православными визави из Речи Посполитой (*Ручка* 2021). Все это, однако, скорее предыстория данного спора.

Непосредственное начало ему было положено только в середине XIX в. развернувшейся на страницах журнала «Русская беседа» полемикой между М. П. Погодиным и М. А. Максимовичем о судьбе средневекового Приднестровья (*Pelenski* 1998: 213–226; *Толочко* 2012: 207–235; *Ручка* 2021: 333–339). Идеологическую суть этой полемики большинство

¹ Понятия «Киевская Русь» и «Древняя Русь», а равно и все от них производные, хотя и имеют ряд отличий в акцентах и рамках, будут использоваться нами как синонимы.

исследователей сводит к тому, что «если великоросс Погодин отрицал какую бы то ни было языковую или этническую связь современных ему украинцев с Киевской Русью, то украинец Максимович энергично отстаивал понимание ее как составной части украинской истории» (Толочко 2012: 83–84)². Не будет большой натяжкой сказать, что победу в этом споре одержал тогда Максимович.

Точка зрения Погодина, считавшего, что население Киевской Руси до татарского нашествия было великорусским, а малороссы заняли эту территорию лишь в XIV–XV вв., после ухода великороссов на север, сколько-нибудь широкого распространения в российской историографии не получила³. Позиция же Максимовича, настаивавшего на причастности украинцев к истории Киевской Руси, была поддержана и нашла развитие в трудах целого ряда украинских историков, самый крупный из которых — М. С. Грушевский, вывернув гипотезу Погодина «наизнанку», создал целостную концепцию «Украины-Руси». В своей программной

статье, опубликованной в 1904 г. в Санкт-Петербурге, будущий классик украинской историографии, в частности, заявлял: «Мы знаем, что Киевское государство, право, культура были созданием одной народности, украино-русской, Владимиро-Московская — другой, великорусской... Киевский период перешел не во владими́ро-московский, а в галицко-волинский XIII в., затем литово-польский XIV–XVI вв. Владимиро-Московское государство не было ни наследником, ни преемником Киевского, оно выросло на своем корне, и отношение к нему Киевского можно бы скорее сравнить, напр., с отношением Римской державы к ее галльским провинциям, чем с преемственностью двух периодов в политической и культурной жизни Франции» (Грушевский 2014: 203–204). Так, Грушевским был дан новый импульс спору о наследии Древней Руси. «С тех пор, — замечает А. П. Толочко, — «спор о киевском наследии» кажется едва ли не главной темой для украинской историографии. Порой даже создается впечатление, что от того или иного решения этой

² На деле, как показал А. П. Толочко, все было несколько иначе: Максимович вовсе не был защитником украинского средневековья от великодержавных посягательств. Он отстаивал единство Малороссии и Великороссии как двух неотъемлемых частей Руси, а Погодин фактически выдвигал идею самостоятельной украинской истории (пусть и без Киевской Руси).

³ Бытующие в украинской историографии суждения о том, что «подавляющее большинство русских исследователей» присоединились к точке зрения Погодина, неверны. Ни С. М. Соловьев, ни В. О. Ключевский, которых в этой связи упоминает Н. Н. Юсова (Юсова 2005: 62–63), древнерусского наследия у украинцев не «похищали», или, лучше сказать, в отличие от Погодина, от этого наследия их не отлучали. Соловьев погодинскую теорию даже оспаривал, а Ключевский в своем «Курсе русской истории» использовал, по наблюдению С. Н. Плохия, лишь отдельные ее элементы. Фактически это было «попыткой найти компромисс в дискуссии Погодина с Максимовичем», ибо гипотеза Ключевского о миграции киевского населения на север и запад ««восстанавливала» связь великороссов с Киевской Русью и в то же время не отрицала ее связи с украинцами» (Плохий 2011: 155). Основывая свои труды на постулате о преемственности власти от Киевской Руси, российские историки предпочитали рассматривать украинцев как часть триединого русского народа. Отсюда, однако, украинскими исследователями и западными украинистами делается вывод о том, что «для украинцев в этом нарративе нет места, они — часть единого российского народа и не имеют своей истории» (Кантелер 2018: 37).

проблемы зависит само существование украинской истории» (*Толочко* 2012: 45). Характерно, что в российской историографии, освоившей древнерусское наследие значительно раньше и лучше, чем историография украинская (*Ричка* 2021: 251–274), эта проблема не стоит так остро.

Спор, затихший в советские годы⁴, с новой силой вспыхнул после обретения Украиной независимости. Спор, надо сказать, во многом односторонний. Российские историки, как это было принято и в дореволюционной, и в советской историо-

графии, предпочитают вести речь о Древней Руси как общей истории всех восточнославянских народов — русских, украинцев и белорусов⁵. Возврат к дореволюционным концепциям, обосновывающим свое исключительное право на древнерусское наследие, характерен, прежде всего, для украинской историографии⁶. Позиция, распространенная в трудах российских историков, трактуется в ней при этом как имперская, отдающая предпочтение в праве на киевское наследие русским (*Каппелер* 2018: 40–44). Претензию последних на главенство обнаружи-

⁴ В это время его вела фактически только украинская диаспорная историография. Советские же историки рассматривали Киевскую Русь как «общую колыбель» всех трех восточнославянских народов. Обоснованием «братства» и общности исторической судьбы русских, украинцев и белорусов служила разработанная В. В. Мавродиным и приобретающая в СССР официальный характер концепция «древнерусской народности» (*Юсова* 2005). Впрочем, поскольку русский народ позиционировался в качестве «старшего брата» украинского и белорусского народов (*Каппелер* 2018: 21–27), то прав на киевское наследие он, по наблюдению А. Каппелера, имел больше. Это подчеркивалось и явным предпочтением, которое отдавалось русским исследованиям Киевской Руси. В этой связи тот же Каппелер резонно заметил, что «фактически советская русская историография нередко интерпретировала Киевское государство как российское. Этому способствовало также то, что и государство, и его население, и их язык с литературой, как правило, назывались древнерусскими, но никогда древнеукраинскими» (*Каппелер* 2007: 33). Писать о Киевской Руси как истории Украины было, по словам С. Екельчика, «идеологически рискованно», ибо «старший российский брат» «считал это государство началом своей исторической традиции» (*Екельчик* 2008: 85). Тем не менее причастности украинцев и белорусов к древнерусскому наследию никто из советских историков не отрицал.

⁵ По существу, можно говорить о воспроизводстве в трудах российских ученых концепции «древнерусской народности», которая, как заметил П. С. Стефанович, «сохраняет ценность и сегодня» (*Стефанович* 2018: 48). Критика же, которой данная концепция стала подвергаться после распада СССР, раздается в основном со стороны украинских и отчасти белорусских историков. Идея «древнерусской народности» и единого корня русских, украинцев и белорусов с их точки зрения — это «пророссийская концепция», поскольку единство происхождения предполагает историческое родство и правоту объединения в целое. А этим целым и представляется Россия, Российская империя, СССР (*Филошкин* 2017: 574; *Аристов* 2021: 159–160). Впрочем, элемент политизации в концепцию «древнерусской народности» зачастую привносится самими ее критиками. Как считает Е. А. Мельникова, «ни в советской, ни в постсоветской исторической науке, равно как и в российской политическом, а тем более академическом дискурсе современности, подобные выводы из теории “колыбели”, по крайней мере эксплицитно, не делались и не делаются» (*Мельникова* 2019).

⁶ Причина этого, очевидно, в том, что украинская историография развивается как историография национальная, направленная на создание «своей истории», своего народа и государства. Российская же, как справедливо заметил А. И. Филошкин, «продолжает развиваться в традиционном ключе, фактически по прежней трехчастной схеме, в которой древнерусский (киевский) период был основополагающим для русского народа и государства, а его история понимается как составная часть прошлого всей территории бывшей Российской империи и постсоветского пространства» (*Филошкин* 2016: 11).

вают даже в общепринятом в российской историографии перечне восточнославянских народов (по принципу численности — русские, украинцы, белорусы) (Юсова 2005: 169–170)⁷. Такое положение дел объясняется, как заметил В.В. Пузанов, во многом тем, что «именно Россия (Русь / Россия) сохранила преемственность в названии с первоначальной Русью». Поэтому, когда российские исследователи пишут о том или ином «русском князе» IX–XIII вв., то они, по мнению украинских коллег, «ущемляют исторические права украинцев, отрицая их причастность к древнерусскому наследию» (Пузанов 2015: 171). Чтобы подчеркнуть свое право на это наследие, Грушевским в свое время и было введено понятие «Украина-Русь». Понятие, неудачное с точки зрения семантики, особенно применительно к Древней Руси. Неслучайно серьезные украинские историки стараются его не использовать. Но и с именованьем князей Руси IX–XIII вв. «русскими князьями», а самой эпохи — «русским Средневековьем» они согласиться не могут. Чтобы избежать терминологической двусмысленности понятия, которое должно происходить не от слова «Россия», а от слова «Русь», П.П. Толочко предложил все производные от названия «Русь» писать с одной буквой «с» (Толочко 2005: 5; 2016). Несмотря на несоответствие

такого написания современной языковой норме, именно оно является, по его мнению, более аутентичным. Российские историки, в свою очередь, воспринимают подобное терминологическое творчество как безосновательное и волюнтаристское, как «насилие над языком», которое творить «никому не позволительно» (Корневский 2020: 20–21). «Насилие над языком», конечно же, недопустимо, однако, как справедливо заметил А. Каппелер, «дело в том, что это не только научный, но и политический вопрос» (Каппелер 2020: 199)⁸, что российскими исследователями зачастую не учитывается.

Протекавшие до 2014 г. более или менее спокойно, споры о древнерусском наследии особенно активизировались после «революции достоинств», известных событий в Крыму и Донбассе. Можно даже сказать, что они вышли на новый, более широкий уровень (Пузанов 2015: 172; Долгов 2014: 22–29; 2017: 57–60). Печатные и интернет-издания Украины застрелили заголовками: «Украденное имя», «Как Московия украла историю Киевской Руси-Украины», «Как москвиты украли наше название и нашу историю», «Чужая история. Как Россия приписывает себе то, чего не было», «Историческое мошенничество» и т.п. Особенно же возмутительным для национально

⁷ Сами же без оглядки на всякие принципы пишут: «украинцы, белорусы, русские» (Юсова 2005: 51, 160, 195, 325–326, 329, 352, 364, 386).

⁸ В самом деле, как пояснял далее А. Каппелер, «понятие “русское Средневековье”, употребляемое для периода Древней Руси IX–XIII вв., отвечает на вопросы нашего времени с точки зрения русского имперского нарратива, по которому вся история Руси является “русской”, а Древняя Русь представляет исключительно предысторию сегодняшней России». Поэтому употребление в научной литературе «применительно к первому периоду истории Руси (до XIII в.)» термина «русский» (с одним «с») вслед за украинскими историками австрийский исследователь признает вполне уместным (Каппелер 2020: 199–200).

ориентированной украинской общественности, включая историков, стало открытие в 2016 г. в центре Москвы, напротив Боровицких ворот Кремля, памятника князю Владимиру. Этот монумент, ставший одним из самых высоких в российской столице, символизирует, по словам С. Н. Плохия, «права Москвы на наследие древнего Киева и показывает значение Украины для исторической идентичности современной России. В противном случае зачем бы было увековечивать — да еще в таком престижном месте — киевского князя, который восседал на престоле в столице юго-западного соседа?» (Плохий 2021: 8). В самом деле, поскольку князь Владимир ни разу не бывал (и в принципе не мог побывать) в Москве, установка монумента, переключаящегося с памятником ему в Киеве, требует внятного объяснения. И такое объяснение может быть дано: «Владимир признается крестителем всей Руси, а не только центральных ее частей, иного крестителя у ее северо-восточных окраин не было» (Долгов 2017: 59). Но вряд ли данное объяснение покажется для украинцев сколь-нибудь убедительным. С точки зрения украинского историка, «претензии современных российских элит на Свято-Владимирское

наследие» основаны исключительно на «имперском наследии российской государственности прошлых столетий» и не имеют под собой серьезных оснований (Ричка 2021: 275). Да и со стороны «право россиян на наследие Киевской Руси» далеко не всегда выглядит очевидным. По мнению А. Каппелера, «аргументы украинцев (территория и население) являются более весомыми, нежели упоминаемая россиянами династическая, политическая и церковная преемственность» (Каппелер 2007: 36)⁹.

Борьба национальных историографий за древнерусское наследие сочетается с фрагментацией этого наследия, проекцией современных границ в далекое прошлое и появлением у каждой историографии «своего Средневековья» (Мартынюк 2017а: 148; 2017б: 30–31). Во многом это стало возможным благодаря распространяемому отрицанию существования единой «древнерусской народности». Ведь если таковой не было, то, как, повторяя М. С. Грушевского, заметил В. Д. Баран, «не существует и «общерусской истории». Каждый из восточнославянских народов имеет право только на часть восточнославянского наследия и на ту часть восточнославян-

⁹ Такого же мнения придерживаются большинство западных украинистов. Так, С. Плохий, рассуждая о том, кто же есть «законный преемник» Киевской Руси, заметил, что истоки современных славянских наций «ведут в Киев, что дает жителям Украины одну, но важную привилегию — они могут исследовать свои корни, не покидая собственной столицы» (Плохий 2018: 92). Российские историки с этим, конечно же, не согласны. Отдавая приоритет в праве на древнерусское наследие современной России, В. В. Пузанов, в частности, замечает: «Особенно наглядно проявляется преемственность династии. Если земли современной Украины и Белоруссии уже в XIII–XIV веках оказываются под властью литовской, польской и венгерской династий, то в Московской Руси потомки Рюрика правили до конца XVI века. С Киевской Русью современную Украину, Белоруссию и, особенно, Россию роднит и православная вера, неразрывной нитью, сквозь глубину времен, связывающая нас с предками, принявшими святое крещение при князе Владимире». Причем «на территории Белоруссии и Украины такой неразрывной связи нет, поскольку там были сильны (а на Украине сильны и в настоящее время) позиции униатской (греко-римской) церкви, напрямую подчиняющейся папе Римскому» (Пузанов 2021: 47).

ских земель, коренных или освоенных в процессе расселения, где жили его непосредственные предки» (Баран 1998: 163). При этом только предками украинцев признаются непосредственно восточные славяне, тогда как белорусы, согласно распространённым в украинской историографии представлениям, несут на себе сильное влияние балтских, а россияне — финно-угорских элементов (Кантелер 2007: 34; Аристов 2021: 156). Таким образом, подчеркивается не только территориальная, но и этническая преемственность Украины с Киевской Русью. Претензии же России на киевское наследие если и не отменяются вовсе, то признаются «вторичными» (Pelenski 1998: XXII).

Представление о том, что «настоящая» Русь — это Украина, находит кажущуюся опору и в давно известном восточноевропейской медиевистике понятии «Русской земли в узком смысле слова», применяемом к территории Киевского княжества и некоторых сопредельных земель (Мартынюк 2018: 149–156). «Русской землей или даже просто Русью, — пишет, в частности, видный современный украинский историк А. П. Толочко, — называлась часть Среднего Приднепровья с городами Киев, Чернигов и Переяславль. Именно жители этих территорий называли себя русью, да и все другие называли их так же. Напротив, жители Суздалья или Новгорода русью себя не счита-

ли, — когда отправлялись в Киев, говорили: едем в Русь, а когда до Новгорода доходили известия о ссорах киевских и черниговских князей, там отмечали: “раздёрся вся земля Русьская”...» (Толочко 2015: 93)¹⁰. Именно на этом основании иным областям восточнославянского мира зачастую отказывается в историческом преемстве с Древней Русью. За пределами Руси оказываются, таким образом, все те древнерусские города, которые расположены на территории современной России, включая Новгород — второй по своей значимости после Киева древнерусский город, бывший соперником «матери градом русьским» «не только в качестве политического, но и сакрального центра Русьской земли» (Данилевский 2001: 37). Ему в новейшей украинской историографии отказывается даже в собственной летописной традиции, возникновение которой связывается с появлением здесь привезенной в 1330-е гг. с Волыни Ипатьевской летописи (Аристов 2019: 101–140).

Справедливости ради следует заметить, что подобная тенденция «делить Русь» хотя и не столь отчетливо, как в украинской историографии, но проявляется и в историографии российской. Из ее перспективы ключевыми точками восточнославянского государствогенеза оказываются Ладога («первая столица Руси») и Новгород, а Киев и тем более Чернигов или Галич нередко отступают

¹⁰ А. П. Толочко, впрочем, далек от отождествления Киевской Руси с Украиной. Но можно привести целый ряд работ, в которых прямо или имплицитно эта идея проводится. Примечательно, в частности, попытка киевского археолога А. П. Моци доказать существование Южной Руси — «собственно Руси» — как отдельного культурно-исторического региона (Аристов 2009; Дворниченко 2014: 329–330, 336–337).

на второй план (Дворниченко 2014: 331–334). Так, на смену изучению истории Древней Руси приходит изучение истории Украины или России в период Средневековья. Ситуация эта объективная, однако не может не вызывать обеспокоенность (Мартынюк 2017а: 148–149), ибо ведет к утрате видения Древней Руси как целостного историко-культурного феномена. Впрочем, ведя речь об этой проблеме, А. В. Мартынюк все же несколько сгустил краски. В российской историографии, как уже отмечалось выше, превалирует тенденция изучения истории Древней Руси в куда более широких границах, нежели территория современной Российской Федерации. Да и среди украинских историков, как справедливо заметил В. В. Долгов, далеко не все «подверглись националистическому угару. Многие ученые придерживаются вполне трезвого взгляда на историю наших народов» (Долгов 2014: 29), т. е. не делят Русь между русскими и украинцами.

То затухающий, то разгорающийся с новой силой спор украинской и российской историографий о том, кому принадлежит наследие Киевской Руси или чьи претензии на него предпочтительней, конечно же, идеологический, а не научный. Подобного рода наследие существует лишь в воображении. И как справедливо заметил А. П. Толочко, «с точки зрения дисциплинарной истории Руси спор этот не имеет смысла. История вообще не способна — вопреки ожиданиям — решать таким образом поставленные вопросы “по-научному”. Это вопросы идеологии, мировоззрения, убеждений» (Толочко 2012: 12). Об этом же в своей недавней книге

писал А. Каппелер. Он акцентировал внимание на безрезультатности с научной точки зрения данного спора, поскольку обе стороны проецируют национальные категории в эпоху Средневековья, когда еще не было ни россиян, ни украинцев. Вопрос о том, было ли «первое политическое объединение восточных славян» российским или украинским, как он отмечал, «не имеет никакого смысла», ведь, «хотя Киев, первая главная резиденция князей Руси, и находится в современной Украине, однако другой центр древней Руси, Новгород, находится на территории современной России» (Каппелер 2018: 41).

История не знает, «чьей» ей предстоит стать, она существует сама по себе. Владимир Мономах, княживший в Чернигове, Переяславле и Киеве, наверное, несказанно удивился бы, узнай, что он станет украинцем, а его сын Юрий Долгорукий и внук Андрей Боголюбский, занимавшие столы в Суздале и Владимире на Клязьме, — что они россияне. Аналогичная ситуация с Мстиславом Великим и его сыном Ростиславом (Толочко 2005: 8). Сама постановка вопроса о праве русских или украинцев на киевское наследие, обоснование их «исторических прав», характерная для XIX в. — времени расцвета национализма и «приватизации» событий и фактов для создания «национальных историй», выглядит сегодня, в свете постмодернистского понимания истории и историографии, по меньшей мере анахронизмом (Толочко 1999: 32; Арістов 2009: 32; Филюшкин 2020: 10). Конечно, могут возразить — современная Украина вновь переживает непростой период нацистроительства, а Россия про-

должает поход за «потерянным царством» (Плохий 2021: 13). Однако если подходить к истории как к науке, а не «политике, опрокинутой в прошлое», то нельзя не согласиться с В. Ю. Аристовым: «активно проводившаяся историками XIX — первой половины XX в. национализация древнерусской истории требует обратного — окончательной денационализации» (Аристов 2015: 485). Но как уйти от подгонки прошлого под тот или иной национальный нарратив? А. В. Мартынюк предложил концепт «византинизации» истории Древней Руси (Мартынюк 2017: 146–153; 2020: 25–38)¹¹. Сегодня ведь никто не выступает с претензией на статус преемника Византийской империи, а ее деяния — это просто исторический феномен, глава в мировой истории.

По мнению Мартынюка, именно такой «вещью в себе», самодостаточной историко-культурной ценностью, не сводимой к ранним этапам истории современных восточнославянских стран — Беларуси, России и Украины, должна стать история Древней Руси. Идея безусловно правильная, но, как заметил А. И. Филюшкин, «трудновыполнимая, поскольку требует от национальных

историографий самоотречения, на которое они по своей природе неспособны» (Филюшкин 2020: 12)¹². Поэтому, считает петербургский историк, «конструктивнее будет поставить вопрос о разделении изучения собственно исторических феноменов (историко-культурных общностей) от их “следа в истории”, исторической памяти об этих сообществах» (Там же). Как это поможет избежать «национализации истории» и ее «присвоения», из рассуждений Филюшкина, однако, не вполне ясно. Исследования в этом направлении только начинаются. Тем не менее можно надеяться, что давняя идея киевского наследия, трансформировавшаяся в XIX в. в представления о нации (нациях) и национальном наследии, со временем будет переосмыслена.

Восточноевропейская историография «перерастет» этот спор, который вовсе не является уникальным. Нечто подобное можно было наблюдать и в других странах и регионах на определенном этапе развития национальных историографий. Период второй половины XIX — первой половины XX в. вообще можно назвать эпохой «битв за историю» в Европе. Вспомним хотя бы спор немецкой

¹¹ Ср. с параллелью между Киевской Русью и Франкской империей (Яковенко 2012: 139–140).

¹² Дело в том, что идея «византизации» древнерусской истории, как заметил Филюшкин, фактически «означает денационализацию древнерусского наследия. И тогда русскую, украинскую, белорусскую культуру надо начинать с более поздней эпохи. А до этого якобы была общая “Древняя Русь *a la* Византия”... Однако и архитектура, и литература, и иконопись (фреска) домонгольского периода были предшественниками последующей культуры — это основа, наследие всего дальнейшего развития, которое с определенного момента становится этнически ориентированным развитием. Многие списки средневековых летописей начинаются с “Повести временных лет”, к древнерусскому наследию апеллировали и Рюриковичи, и православные князья Великого княжества Литовского, и казацкая старшина... Образ Древней Руси — гораздо более системообразующий образ для государственности восточных славян, чем образ Византии для современной Греции (и тем более для других стран на бывшей территории Византийской империи — Турции, Болгарии, Сербии, Армении и т. д.)» (Как сегодня изучать историю Восточной Европы? 2020: 55–56).

и французской историографий о национальной принадлежности Карла Великого (*Мартынюк* 2017b: 32–33). Вопрос о том, был ли он немецким или французским, звучит сегодня абсурдно, хотя менее века назад, как заметил А. Селард, «это еще было серьезным предметом дискуссий» (Как сегодня изучать историю Восточной Европы? Дискуссия 2020: 55). Дискуссий, которые, добавим, сильно напоминают современные споры о национальной принадлежности крестителя Руси князя Владимира, бывшего не более русским или украинцем, чем Карл Великий немцем или французом.

Итак, если попытаться коротко ответить на вопрос о том, чьим же наследием является Киевская Русь, то короткий и, пожалуй, наиболее корректный ответ будет — ничьим. История Киевской Руси не есть история России или Украины, или обеих этих стран вместе взятых. Распространенные в русской и украинской общественно-исторической мысли представления о прямом правопреемстве с восточнославянским объединением с центром в Киеве, которое условно принято называть Киевской или, Древней, Русью, во многом являются мифическими. В лучшем случае о Киевской Руси можно говорить как о предыстории современных Республики Украины и Российской Федерации, и то если речь не идет об эксклюзивных на нее правах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аристов 2009 — *Аристов В.* Україна в пошуках «Русі» // *Критика*. 2009. № 11–12. С. 31–32.

Аристов 2015 — *Аристов В.* Что нового в Киевской Руси? // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 480–488.

Аристов 2019 — *Аристов В.* Ипатьевская летопись и новгородская историография // *Ruthenica*. 2019. № 15. С. 101–140.

Аристов 2021 — *Аристов В.* Древняя Русь в украинской историографии (2000–2020): контексты и достижения // *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021). С. 153–179.

Баран 1998 — *Баран В.Д.* Давні слов'яни. Київ: Видавничий дім «Альтернативи», 1998. 336 с.

Грушевський 2014 — *Грушевський М.С.* Звичайна схема “русскої” історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства // *Український історичний журнал*. 2014. № 5. С. 198–208.

Данилевский 2001 — *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2001. 389 с.

Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М.: Евразия; Клио, 2014. 560 с.

Долгов 2014 — *Долгов В.В.* Славянство, Русь и Московия, или как украинская пропаганда делит «древнерусское наследие» // *Преподавание истории в школе*. 2014. № 9. С. 22–29.

Долгов 2017 — *Долгов В.В.* «Древнерусское наследие» в российско-украинском противостоянии // *Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности*. Саров: Интерконтакт, 2017. С. 57–60.

Єкельчик 2008 — *Єкельчик С.* Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ: Критика, 2008. 303 с.

Как сегодня изучать историю Восточной Европы? Дискуссия 2020 — Как сегодня изучать историю Восточной Европы? Дискуссия // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1 (27). С. 39–65.

Капеллер 2007 — *Капеллер А.* Мала історія України. Київ: «К.І.С.», 2007. 264 с.

Капеллер 2018 — *Капеллер А.* Нерівні брати. Українці та росіяни від середньовіччя до сучасності. Чернівці: Книги — XXI, 2018. 320 с.

Капеллер 2020 — *Капеллер А.* Древняя Русь — рус(с)кое средневековье // *The New Past.* 2020. № 3. С. 196–205.

Корневский 2020 — *Корневский А.В.* Много в поле трошинок... // *The New Past.* 2020. № 3. С. 8–28.

Мартынюк 2017а — *Мартынюк А.В.* «Великий раскол» восточнославянской медиовистики: семь тезисов к дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2017. № 1 (21). С. 146–153.

Мартынюк 2017б — *Мартынюк А.В.* Древняя Русь после Древней Руси: К теоретической постановке проблемы // *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства.* М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 29–37.

Мартынюк 2018 — *Мартынюк А.В.* Некоторые наблюдения по поводу условий и механизма появления феномена «Русская земля в узком смысле слова» // *Середньовічна Русь: Проблеми термінології (Colloquia Russica. Series II).* Івано-Франківськ; Краків, 2018. С. 149–156.

Мартынюк 2020 — *Мартынюк А.В.* История Средневековой Руси: от политической инструментализации и консерватизма академической традиции к аксиологическому пониманию // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2020. № 1 (27). С. 25–38.

Мельникова 2019 — *Мельникова Е.А.* Существование древнерусской народности и восприятие наследия Древней Руси как общего фундамента истории России, Украины и Беларуси // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2019. Трудные вопросы истории России [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840004662-7-1/> (дата обращения: 18.05.2022).

Плохий 2011 — *Плохий С.* Великий переділ. Незвичайна історія Михайла Грушевського. Київ: Критика, 2011. 600 с.

Плохий 2018 — *Плохий С.* Врата Европы. История Украины. М.: Издательство АСТ: Corpus, 2018. 544 с.

Плохий 2021 — *Плохий С.Н.* Потерянное царство. Поход за имперским идеалом и сотворение русской нации (с 1470 года до наших дней). М.: Издательство АСТ: Corpus, 2021. 480 с.

Пузанов 2015 — *Пузанов В.В.* И плакашася по немь боляре акы заступника ихъ земли, оубозни акы заступника и кормителя... Памяти святого равноапостольного князя Владимира // *Вестник Удмуртского университета. История и филология.* 2015. Т. 25, вып. 4. С. 170–179.

Пузанов 2021 — *Пузанов В.В., Котляров Д.А.* Государство и право Древней Руси. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. 204 с.

Ричка 2021 — *Ричка В.М.* Війна пам'ятей. Змагання за спадщину Київської Русі. Київ: Парлам. вид-во, 2021. 418 с.

Стефанович 2018 — *Стефанович П.С.* Идентичность Руси в «имперско-эсхатологической» перспективе составителя «Начального свода» // *Древняя Русь. Вопросы медиовистики.* 2018. № 2 (72). С. 48–64.

Толочко 1999 — *Толочко А.* Химера «Киевской Руси» // *Родина.* 1999. № 8. С. 29–32.

Толочко 2012 — *Толочко А.П.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев: Лаурус, 2012. 256 с.

Толочко 2015 — *Толочко А.П.* Очерки начальной руси. Киев; СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.

Толочко 2005 — *Толочко П.П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб.: Алетей, 2005. 218 с.

Толочко 2016 — *Толочко П.П.* Откуда пошла Русская земля. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2016. 291 с.

Филошкин 2016 — Филошкин А.И. «Киевская Русь» в академическом и культурном дискурсе Восточной Европы последних лет: историографические и культурные перспективы // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. Пинск, 2016. С. 10–14.

Филошкин 2017 — Филошкин А.И. «Мобилизация Средневековья» как поиск идентичности: какими путями Белоруссия хочет уйти от исторического наследия Российской империи и СССР // Quaestio Rossica. 2017. № 2. С. 571–592.

Филошкин 2020 — Филошкин А.И. Как сегодня изучать историю Восточной Европы? // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1 (27). С. 3–24.

Юсова 2005 — Юсова Н.Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця: ТОВ «Консоль», 2005. 546 с.

Яковенко 2012 — Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 768 с.

Pelenski 1998 — Pelenski J. The contest for the legacy of Kievan Rus'. Boulder, 1998. 325 p.

REFERENCES

Aristov V. Ukraina v poshukakh “Rusi” [Ukraine in search of “Rus”]. *Kritika*. 2009, no. 11–12, p. 31–32.

Aristov V. Chto novogo v Kievskoi Rusi? [What’s new in Kievan Rus?]. *Ab Imperio*. 2015. no. 1, p. 480–488.

Aristov V. Ipat’evskaya letopis’ i novgorodskaya istoriografiya [Ipatiev Chronicle and Novgorod historiography]. *Ruthenica*. 2019, no. 15, p. 101–140.

Aristov V. Drevnyaya Rus’ v ukrainskoi istoriografii (2000–2020): konteksty i dosizheniya [Old Rus’ in Ukrainian Historiography (2000–2020): Contexts and Achievements]. *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021), p. 153–179.

Baran V.D. *Davni slov’yani [Ancient Slavs]*. Kiev: Vidavnychiy dim “Al’ternativi”, 1998. 336 p.

Grushevs’kiy M.S. Zvichayna skhema “russkoi” istorii i sprava ratsional’nogo ukladu istorii skhidnogo slov’yanstva [The Traditional Scheme of “Russian” History and the Problem of a Rational Organization of the History of the Eastern Slav]. *Ukrains’kiy istorichniy zhurnal*. 2014, no. 5, p. 198–208.

Danilevskiy I.N. *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.). Kurs lektsiy [Russian lands in the opinion and contemporaries and descendants, 12th–14th cent.]*. Moscow: Aspekt Press, 2001. 389 p.

Dvornichenko A.Yu. *Zerkala i khimery. O vznikhovnenii drevnerusskogo gosudarstva [Mirrors and chimeras. About emergence of the Old Russian state]*. St. Peterburg; Moscow, “Evraziia ; Clio, 2014, 560 p.

Dolgov V.V. Slavyanstvo, Rus’ i Moskovyiya, ili kak ukrainskaya propaganda delit “drevnerusskoe nasledie” [Slavs, Rus and Muscovy or ukrainian propaganda divides the “Old russian heritage”]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 2014, no. 9, p. 22–29.

Dolgov V.V. “Drevnerusskoe nasledie” v rossiysko-ukrainskom protivostoyanii [“Ancient rus heritage” in russian-ukrainian opposition]. *Edinaya rossiyskaya natsiya: problemy formirovaniya ee identichnosti*. Sarov: Interkontakt, 2017, p. 57–60.

Ekelchik S. *Imperiya pam’yati. Rosiys’ko-ukrains’ki stosunki v radyans’kiy istorichniy uyavi [Empire of memory. Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Consciousness]*. Kiev: Kritika, 2008. 303 p.

Kak segodnya izuchat’ istoriyu Vostochnoy Evropy? Diskussiya [How to study the history of Eastern Europe today? Discussion]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020, no. 1 (27), p. 39–65.

Kappeler A. *Mala istoriya Ukraini [Small history of Ukraine]*. Kiev: “K. I.S.”, 2007. 264 p.

Kappeler A. *Nerivni brati. Ukraintsi ta rosiyani vid seredn’ovichchya do suchasnosti*

[*Unequal brothers. Ukrainians and Russians from the Middle Ages to the Present*]. Chernivtsi: Knigi — XXI, 2018. 320 p.

Kappeler A. Drevnyaya Rus' — rus(s) koe srednevekov'e [Ancient Russia — rus(s)ian middle ages]. *The New Past*. 2020. no. 3, p. 196–205.

Korenevskiy A. V. Mnogo v pole tropinok... [Lots of paths in the Field...]. *The New Past*. 2020, no. 3, p. 8–28.

Martyniuk A. V. “Velikiy raskol” vostochnoslavianskoy medievistiki: Sem' tezisov k diskussii [“The Great Schism” of Eastern Slavic Medieval Studies: Seven Theses for Discussion]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. no. 1 (21), p. 146–153.

Martyniuk A. V. Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi: K teoreticheskoy postanovke problemy [Old Rus' after the Old Rus': to the theoretical formulation of the problem]. *Drevnyaya Rus' posle Drevney Rusi: diskurs vostochnoslavianskogo (ne)edinstva*. Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2017, p. 29–37.

Martyniuk A. V. Nekotorye nablyudeniya po povodu usloviy i mekhanizma poyavleniya fenomena “Russkaya zemlya v uzkom smysle slova” [Some observations on the conditions and mechanism for the appearance of the phenomenon “Russian land in the narrow sense of the word”]. *Seredn'ovichna Rus': Problemi terminologii (Colloquia Russica. Series II)*. Ivano-Frankivsk; Krakov, 2018, p. 149–156.

Martyniuk A. V. Istoriya Srednevekovoy Rusi: ot politicheskoy instrumentalizatsii i konservatizma akademicheskoy traditsii k aksiologicheskomu ponimaniyu [The history of Medieval Rus': From political instrumentalization and conservatism of the academic tradition to axiological comprehension]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020, no. 1 (27), p. 25–38.

Mel'nikova E. A. Sushhestvovanie drevnerusskoy narodnosti i vospriyatie naslediya Drevney Rusi kak obshhego fundamenta istorii Rossii, Ukrainy i Belarusi [The existence of the Old Russian people and

the perception of the heritage of Ancient Russia as a common foundation for the history of Russia, Ukraine and Belarus]. *Istoriya*. 2019. *Problems of the Russian History* [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://history.jes.su/s207987840004662-7-1/> (data obrashheniya: 18.02.2022).

Plokhii S. *Velikiy peredil. Nezvichayna istoriya Mikhayla Grushevs'kogo [Big re-making. The unusual story of Mikhail Grushevsky]*. Kiev: Kritika, 2011. 600 p.

Plokhii S. *Vrata Evropy. Istoriya Ukrainy [The Gates of Europe. A History of Ukraine]*. Moscow: Izdatel'stvo AST: Corpus, 2018. 544 p.

Plokhii S. N. *Poteryannoe tsarstvo. Pokhod za imperskim idealom i sotoorenie russkoy natsii (s 1470 goda do nashikh dnei) [Lost Kingdom. The Quest for Empire and the Making of the Russian Nation (from 1470 to the Present)]*. Moscow: Izdatel'stvo AST: Corpus, 2021. 480 p.

Puzanov V. V. I plakashasya po nem' bolyare aky zastupnika ikh zemli, oubozii aky zastupnika i kormitelya... Pamyati svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira [“And the boyars mourned for him as a defender of their land, and the poor and the Needy mourned for him as their defender and feeder...”. To the memory of the Saint equal-to-the-apostles prince Vladimir]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya*. 2015. T. 25, no. 4, p. 170–179.

Puzanov V. V., Kotlyarov D. A. *Gosudarstvo i pravo Drevney Rusi [State and Law of Ancient Russia]*. Izhevsk: Izdatel'skiy tsentr “Udmurtskiy universitet”, 2021. 204 p.

Richka V. M. *Viyna pam'yatey. Zmagannya za spadshhinu Kiivs'koy Rusi [War of memories. Claims for the heritage of Kievan Rus]*. Kiev: Parlam. vid-vo, 2021. 418 p.

Stefanovich P. S. Identichnost' Rusi v «impersko-ehskhatologicheskoy» perspektive sostavitelya «Nachal'nogo svoda» [The Identity of Rus' in the Imperial and Eschatological Perspective of the Compiler of the «Initial Chronicle»]. *Drevnyaya Rus'*.

- Voprosy medievistiki*. 2018, no. 2 (72), p. 48–64.
- Tolochko A. “Khimera” Kievskoy Rusi [“Chimera” of Kievan Rus] *Rodina*. 1999, no. 8, p. 29–32.
- Tolochko A. P. *Kievskaya Rus' i Malorossiya v XIX veke* [Kievan Rus and little Russia in 19th cent]. Kiev: Laurus, 2012. 256 p.
- Tolochko A. P. *Ocherki nachal'noy rusi* [Issues of the beginning of Russia]. Kiev; St. Petersburg: Laurus, 2015. 336 p.
- Tolochko P. P. *Drevnerusskaya narodnost': voobrazhaemaya ili real'naya* [Old Russian people: imaginary or real]. St. Petersburg: Aleteiya, 2005. 218 p.
- Tolochko P. P. *Otkuda poshla Ruskaya zemlya* [Whence Rus' took place]. Kiev: Izdatel'skiy dom Dmitriya Burago, 2016. 291 p.
- Filyushkin A. I. “Kievskaya Rus'” v akademicheskom i kul'turnom diskurse Vostochnoy Evropy poslednikh let: istoriograficheskie i kul'turnye perspektivy [“Kievan Rus'” in the academic discourse of the Eastern Europe in recent years: historiographic and cultural perspectives]. *Gosudarstva Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy v istoricheskoy perspektive*. Pinsk, 2016, p. 10–14.
- Filyushkin A. I. “Mobilizatsiya Srednevekov'ya” kak poisk identichnosti: kakimi putyami Belorussiya khochet uyti ot istoricheskogo naslediya Rossiyskoy imperii i SSSR [“Mobilization of the Middle Ages” as a search for identity: in what ways does Belarus want to leave the historical heritage of the Russian Empire and the USSR]. *Quaestio Rossica*. 2017, no. 2, p. 571–592.
- Filyushkin A. I. Kak segodnya izuchat' istoriyu Vostochnoy Evropy? [How to study the history of Eastern Europe today?]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020, no. 1 (27), p. 3–24.
- Yusova N. N. *Genezis kontseptsii davn'orus'koy narodnosti v istorichnyy nauchnyy SRSR (1930-ti — persha polovina 1940-kh rr.)* [The genesis of the concept of ancient Russian nationality in the historical science of the USSR (1930s — first half of the 1940s)]. Vinnitsya: TOV “Konsol”, 2005. 546 p.
- Yakovenko N. *Ocherk istorii Ukrainy v Srednie veka i rannee Novoe vremya* [Essay on the history of Ukraine in the Middle Ages and early modern period]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 768 p.

Д. А. Боровков

«КИЕВСКАЯ РУСЬ» — ГЕНЕЗИС ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В ИСТОРИОГРАФИИ XIX–XXI ВВ.

В статье рассматривается проблема использования термина «Киевская Русь» в трудах русских и советских историков XIX–XXI вв., его сосуществования с другими терминологическими определениями древнерусской государственности и постепенной его замены термином «Древнерусское государство».

Ключевые слова: Киевская Русь, Н. М. Карамзин, М. А. Максимович, С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, М. С. Грушевский, Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов.

Сведения об авторе: Боровков Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук.
Контактная информация: brancalone85@mail.ru.

D. A. Borovkov

“KIEVAN RUS” — THE GENESIS OF THE HISTORIOGRAPHICAL CONCEPT
IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE XIX — XXI CENTURIES

In the article is considered the problem of the use the concept “Kievan Rus” in the works of Russians and Soviets historians of XIX–XXI century, its coexistence with others terminological definitions of Old Russian statehood and its gradual replacement by the term “Old Russian state”.

Key words: Kievan Rus’, N. Karamzin, M. Maksimovich, S. Soloviev, N. Kostomarov, V. Klyuchevsky, S. Platonov, A. Presnyakov, M. Hrushevsky, B. Grekov, B. Rybakov, V. Mavrodin, I. Froyanov.

About the author: Borovkov Dmitry A., Cand. in history.
Contact information: brancalone85@mail.ru.

Несмотря на то, что понятие «Киевская Русь» является основополагающим для характеристики древнерусской государственности, его анализу в отечественной историографии посвящено лишь два небольших очерка (Толочко 1999: 29–32; Долгова 2016: 16–20), поэтому представляется актуальным рассмотреть проблему его употребления в нарративах русской исторической науки XIX — начала XXI в.

Инициатором введения в научный обиход словосочетания «Киевская Русь» считается М.А. Максимович — профессор и ректор Киевского университета св. Владимира, — использовавший его в своей работе «Откуда идет Русская земля по сказанию Несторовой летописи и другим старинным писаниям». Анализируя в хронологическом порядке известия ПВЛ, исследователь отметил, что при Аскольде и Дире «Русь действует на юге, и от нее в Киевской области, в земле Полянской, начинается *Русская Земля*», а с приходом Олега в Киевскую землю происходит утверждение в ней и распространение на другие области имени Русского» (Максимович 1837: 33, 34, также: 47–49). «Сия-то древняя Киевская Русь была рассадником *русского духа* для храбрых сыновей своих — *русицей*, духа любви к Русской земле и ее славе, которого звучали самые имена русских князей» (Там же: 54).

Таким образом, термин «Киевская Русь» изначально имел региональный смысл — как синоним Киевской или Полянской земли, начиная с того момента, когда она попадает под власть варяжской руси, появившейся на юге сначала с Аскольдом и Ди-

ром, а затем с Олегом, хотя нетрудно заметить, что термин появляется не столько в социально-политическом, сколько в социокультурном контексте, характеризующем определенный этап общей истории восточных славян. Основание этой точке зрения исследователь видел не только в собственных наблюдениях над текстом ПВЛ, но и в предшествующей историографической традиции, о чем говорится в примечании №42, где для придания веса этим наблюдениям он апеллировал к вышедшей в свет в 1818 г. «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: «Еще Карамзин заметил по нашим летописям, что Русью или *Русскою Землею* в древности у нас называлась преимущественно Киевская или Южная Русь» (Там же: 123). В труде Карамзина, помимо утверждения о тождестве «Русской земли» и «Киевской области» в XII–XIII вв., которое было экстраполировано автором на события конца IX в., можно обнаружить определение «киевские россы», использованное в полемике с А.Л. Шлёцером (Карамзин 1988: прим. к тому I, гл. IV: 74–75, 79; прим. к тому II, гл. XII: 133).

Таким образом, можно считать, что новация М.А. Максимовича была подготовлена предшествующей историографической традицией. В то же время о разделе Ярослава I в 1054 г. в его исследовании говорится не как о разделе на уделы «Киевской Руси», а как о разделе «Русского государства», от которого постепенно обособлялись отдельные части, причем этот процесс интенсифицировался «после Второго Владимира, последнего единовластника Древней Руси» — т.е. Владимира Мономаха, со

смертью которого в 1125 г. «Стольный Киев стал упадать», а имя Руси, с одной стороны, было перенесено на северо-восток Юрием Долгоруким и Андреем Боголюбским («Суздальская Русь»), а с другой стороны, на юго-запад Романом Мстиславичем («Галицкая или Червонная Русь»), «города коих были родными детьми Киеву и по утрате коих первоизванная Земля Русская прозвалась *Украиною*, а в XIV веке во Владимире-Волынском получила название *Малой Руси*» (Максимович 1837: 53, 54).

Здесь надо отметить, во-первых, скрытое тождество понятий «Древняя Русь» и «Киевская Русь», благодаря которому последнее потеряло региональное значение, превратившись в синоним «Русского государства», что придало использованному Максимовичем терминологическому аппарату эклектичный характер, а во-вторых, дифференциацию понятия «Русь» в историко-географическом контексте XII–XIV вв. Гипотеза о «переносе» Руси на северо-восток и юго-запад сближала построения Максимовича с аналогичными представлениями московского и польского историописания XVI ст. соответственно, некритично воспроизведенными исторической наукой XIX в. (Толочко 1999: 30, 31; Горский 2004: 152–154), что также свидетельствует о его зависимости от предшествующей историографической традиции. Более десяти лет спустя идея Максимовича о преемственности Киевской и Галицкой Руси получила продолжение у А.С. Клеванова (Клеванов 1849: 15), однако широкого распространения в последующей историографии она не имела. Показательно, что сам

М.А. Максимович в историко-филологической полемике с М.П. Погодиным, развернувшейся позже на страницах журнала «Русская беседа» (см.: Павленко 2003: 161–163; Толочко 2012: 211–231), пользовался термином «Киевская Русь» крайне редко (Максимович 1856: 85, 94).

Для обоснования и подтверждения этого тезиса достаточно посмотреть на частотность употребления термина в трудах крупнейших представителей отечественной историографии второй половины XIX в.

По одному разу термин «Киевская Русь» употребляется в первых двух томах «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева (1851, 1853), посвященных домонгольскому периоду истории. Первый раз в рассказе о столкновениях «Киевской Руси» с Византией, второй раз — при характеристике территорий, находившихся под властью рода Рюриковичей после 1146 г. (Соловьев 1988: 130, 644), т.е. в региональном значении. Можно говорить о почти случайном его использовании, поскольку исследователь отдавал предпочтение географическим понятиям «Южная Русь» или «Украина». Сходным образом поступил Н.И. Костомаров — один из основоположников малороссийской историографии, который, отождествляя Русь с Киевской землей, словосочетания «Киевская Русь» практически не употреблял, если не считать двух исключений (Костомаров 2004: 16; 2005: 155), хотя аналогичными географическими понятиями («Ростово-Суздальская Русь», «Червонная Русь») пользовался регулярно. Столь же редки упоминания

«Киевской Руси» как определения дотатарской эпохи в «Русской истории» (1872) К.Н. Бестужева-Рюмина (*Бестужев-Рюмин* 2015: 330, 363). Немногим чаще термин «Киевская Русь» использовался в первом томе «Истории России» Д.И. Иловайского (1876), причем для обозначения совокупности земель под властью киевского князя (*Иловайский* 1996: 38, 39, 48, 74). Он не получил широкого распространения в историографии XIX в. ни в региональном значении, ни для характеристики древнерусского периода в целом.

В этом отношении ситуация начала меняться после того, как термин «Киевская Русь» был использован в лекционных курсах по русской истории ученика К.Н. Бестужева-Рюмина С.Ф. Платонова (1899) и ученика С.М. Соловьева В.О. Ключевского (1904).

«Лекции по русской истории» С.Ф. Платонова, подготовленные к печати студентами Военно-артиллерийской академии И.А. Блиновым и Р.Р. фон Раупахом, выдержали в 1899–1917 гг. 10 изданий. Уже в первом издании словосочетание «Киевская Русь» было использовано в качестве заглавия одного из разделов; употреблялось оно и в тексте. Однако следует отметить его использование преимущественно для описания событий XI–XII вв. (*Платонов* 1899: 64–65). Для более раннего периода употреблялся термин «Киевское княжение» или «княжество» (Там же: 51, 55, 57). Исследователь дал характеристику государственного устройства, подразумевавшегося под термином «Киевская Русь». Этот термин отно-

сился к правопреемнику «Киевского княжества», сформировавшемуся из «многих племенных и городских миров», которое «не могло объединиться в *государство* в нашем смысле слова и в XI веке распалось», поэтому «точнее всего будет определить Киевскую Русь как совокупность многих княжений, объединенных одною династией, единством религии, племени, языка и народного самосознания. Это самосознание достоверно существовало: с его высоты народ осуждал свое политическое неустройство, осуждал князей за то, что они “несли землю розно” своими “которами”, т.е. распрями, и убеждал их быть в единстве ради единой “земли Русской”», однако «политическая связь киевского общества была слабее всех других его связей, что и было одной из самых видных причин падения Киевской Руси». (Там же: 70). С одной стороны, подобные представления о религиозном и этническом единстве восходили к консервативной «триаде» С.С. Уварова — «православие, самодержавие, народность» (уже в конце 1830-х гг. ее влияние можно обнаружить в лекциях Н.Г. Устрялова). С другой стороны, они характеризовали не столько социально-политическую, сколько социокультурную общность, что сближало трактовку С.Ф. Платонова с трактовкой М.А. Максимовича.

Сходных представлений придерживался В.О. Ключевский, периодически употреблявший термин «Киевская Русь» в «Лекциях» первой половины 1870-х гг. (*Ключевский* 1997: 126, 127, 136, 141), а позже в «Курсе русской истории», где частота его употребления возросла (*Ключевский* 1987: 82, 93, 101, 131, 144, 157, 210–

212). Здесь термин также интерпретируется двояко. В политическом плане Русь — это первоначальная территория Киевской земли, а возникшее на этой территории «Киевское княжество» — первоначальная форма «Русского государства» (Там же: 159, 161–163, 178). В социокультурном плане это синоним восточнославянского единства и «колыбели русской народности», поскольку «пробуждавшееся чувство народного единства цеплялось еще за территориальные пределы земли, а не за национальные особенности народа» (Там же: 213).

Термин «Киевская Русь» снискал популярность в трудах учеников В. О. Ключевского, вышедших в первые десятилетия XX в. Например, М. К. Любавский в курсе лекций по русской истории использовал его при анализе социальных и культурных аспектов, отмечая вслед за С. М. Соловьевым и его последователями различие политического быта «Киевской Руси» с влиятельными вечевыми собраниями, продолжение которого он видел в истории «Литовской Руси» и противопоставленного ему политического быта «Суздальской Руси» с вотчинной властью князей (Любавский 2000: 19, 196, 198–200, 232, 235). Периодически употреблялся термин «Киевская Русь» и в «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского для характеристики XI–XII вв., или так называемого доудельного периода (Покровский 1913: 40, 130, 134, 135, 142, 144, 146, 185, 186, 209), впрочем, рядом можно заметить и термин «Киево-Новгородская Русь» (Там же: 219). Но если для М. Н. Покровского «Киевская Русь» всего лишь

один из многих терминов, употребившихся в тексте, то для его однокурсника по Московскому университету и соучастника в революционном движении Н. А. Рожкова «Киевская Русь» — это не просто проходной термин, а характеристика широкого исторического периода VI–XII вв. (Рожков 1906: 16), который был вынесен в подзаголовок первой части его «Обзора русской истории с социологической точки зрения», вышедшего двумя изданиями в 1905 и 1906 гг.

С этого момента термин «Киевская Русь» начинает употребляться в качестве заглавия монографических исследований (Андреев 1910; Присёлков 1913), компилятивных сборников (Киевская Русь 1910) и лекционных курсов, среди которых следует упомянуть курс лекций А. Е. Преснякова, читавшийся в 1907–1908 и 1915–1916 гг. в Санкт-Петербургском университете (Пресняков 1938) и представляющий контраст с его магистерской диссертацией «Княжое право в Древней Руси», где словосочетание «Киевская Русь» используется лишь пару раз (Пресняков 1909: 45, 62).

В «Лекциях» исследователь дал развернутую характеристику и периодизацию этого понятия: «Киевская Русь — исторический термин для обозначения вполне определенного крупного явления в истории восточного славянства: политической организации этого славянства с центром в Киеве, как она сложилась в X в. и просуществовала до середины XII в. IX и начало X в. — период образования этой организации; вторая половина XII в. — время ее

распада. Кроме этого внешнего признака — политической организации, связанной с центральным значением Киева, — так называемый Киевский период русской истории обособляется и определяется рядом других: единством особого момента в этнографической и языковой истории восточного славянства, резко отличного от предыдущего (“доисторического”) и последующего (“удельного”) периодов, единством социально-экономических признаков (“примитивно-торговое государство”), общественного строя и права, духовной культуры (в области церковной жизни, письменности, искусства), наконец, в территориальных (колониционных) условиях и международных отношениях (южная ориентация).

В общем ходе русской истории Киевская Русь имеет огромное значение как период выработки всех основ позднейшей национальной жизни, как бы далеко ни разнилось позднее дальнейшее развитие этих основ по разделению населения Киевской Руси на новые культурно-исторические типы малороссов, белорусов и великороссов. Киевская Русь впервые выработала из этнографического материала восточнославянских племен историческую народность <...>. Традиции Киевской Руси в политической и общественной жизни, в письменности и искусстве, в народном быту и праве были тем культурно-историческим фоном, на котором выросла историческая жизнь и Северной, и Юго-Западной, и Западной, литовской, Руси, видоизмененные и осложненные рядом новых и разнородных элементов» (Пресняков 1938: 12, 13).

Наряду с термином «Киевская Русь», в «Лекциях» А. Е. Преснякова следует отметить употребление словосочетания «Киевское государство» (Там же: 67, 80, 83, 87, 105, и др.), которое являлось калькой термина «Киевская держава» (Там же: 88), использовавшегося в «Истории Украины-Руси» М. С. Грушевского, о концепции которого А. Е. Пресняков говорил во вступительной лекции к курсу 1907–1908 гг. «Место “Киевского периода” в общей системе “Русской истории”» (Там же: 4), из чего можно сделать вывод о терминологическом, если не об идеологическом воздействии его концепции, которое в большей степени заметно в «Лекциях» М. К. Любавского.

Выпускник Киевского университета св. Владимира М. С. Грушевский в бытность профессором Львовского университета в Австро-Венгрии (1894–1914) сформулировал концепцию, в которой преемником «Київської держави» считалась Галицко-Волынская Русь, а «Владино-Московское государство» рассматривалось как выросшее «на собственном корне» (Грушевский 1904), что позволяло разделить процесс возникновения и развития украинской и московской государственности. Подобное противопоставление, порывавшее с построениями малороссийской историографии XIX в., получило развитие в опубликованной в Львове на украинском языке многотомной «Истории Украины-Руси» (Грушевский 1904–1905), которая оказала влияние на ранние работы А. Е. Преснякова. Когда некоторые работы М. С. Грушевского по истории Украины были опубликованы на русском языке, в них

использовался термин «Киевское государство» (ср.: *Грушевский* 1906; 1913). В этом отношении они контрастируют с вышедшей в свет в то же время «Историей украинского народа» (1906) старшей современницы Грушевского А. Я. Ефименко, которой словосочетание «Киевская Русь» периодически употреблялось (*Ефименко* 1990: 31, 32, 53, 88).

Таким образом, упрочение термина «Киевская Русь» в историографических нарративах начала XX в. стало возможным благодаря использованию в работах В. О. Ключевского и его последователей — Н. А. Рожкова, М. К. Любавского, М. Н. Покровского (а также близкого к Ключевскому в трактовке домонгольского периода русской истории С. Ф. Платонова), где была раскрыта социально-политическая и культурная суть этого понятия. Вдохновитель украинской националистической историографии М. С. Грушевский в своих работах, напротив, предпочитал употреблять термин «Киевская держава» / «Киевское государство», заимствованный А. Е. Пресняковым и использовавшийся им наряду со словосочетанием «Киевская Русь».

В процессе становления советской исторической науки в 1920–1930-х гг. концептуальное содержание термина «Киевская Русь» изменилось. Теперь это было не региональное определение Киевской земли и не характеристика социокультурной общности, а характеристика исторического периода и сложившейся в этот период у восточных славян государственности особого типа, определение которого зависело от того, какое место эта государственность

занимала в марксистской схеме социально-экономических формаций. Дискуссии между исследователями, относившими Киевскую Русь либо к рабовладельческой, либо к феодальной формации, продолжались на протяжении 1930-х гг. (подробнее см.: *Фроянов* 1990: 230–258; *Свердлов* 1996: 187–224) на фоне уменьшения влияния М. Н. Покровского и его последователей, социологизировавших исторические процессы в ущерб конкретно-историческому содержанию. Еще до того момента, как перевес в исторической науке получили приверженцы концепции генезиса феодализма в крупноточинной форме во главе с Б. Д. Грековым — автором многократно переиздававшейся в 1930–1950-х гг. монографии «Киевская Русь», — этот термин стал употребляться для характеристики феодальной государственности XI–XIII вв. в исследованиях и на русском (*Юшков* 1925), и на украинском языках (*Рубинштейн* 1930). Таким образом, терминологическая тенденция, получившая развитие в предреволюционный период, продолжала укрепляться, хотя нельзя не отметить тот факт, что, став популярным в 1930-е гг., термин «Киевская Русь», как и в дореволюционной историографии, являлся не единственным термином, использовавшимся для характеристики восточнославянской государственности. Определенную конкуренцию в 1930–1940-е гг. ему составлял термин «империя Рюриковичей», почерпнутый советскими исследователями из «Секретной истории дипломатии XVIII века» К. Маркса (1856–1857, опубл. в 1899) для определения дофеодальной государственности на Руси, характеризовавшейся «вассалитетом

без ленов или ленами, состоявшими только из даней» (Маркс 1989: 4–5).

В трудах советских историков 1930–1940-х гг. этот термин сосуществовал с альтернативными терминами «Держава Рюриковичей» и «Киевское государство». Первый термин, который использовал С.В. Бахрушин для характеристики дофеодальной государственности X – первой половины XI в. (Бахрушин 1938), получил ограниченное употребление в историографии (Греков 1949: 484; Базилевич 1950: 93–95). Показательнее масштабное применение советскими историками термина «Киевское государство», восходящего к работам М.С. Грушевского. Проблема в том, что о непосредственном терминологическом влиянии М.С. Грушевского можно говорить лишь в отношении дореволюционных работ А.Е. Преснякова, тогда как в отношении работ советских исследователей можно предполагать независимое использование термина «Киевское государство», обусловленное необходимостью синхронизации феодализационного и государствообразующего процессов восточнославянского общества в рамках марксистской социологической схемы, поскольку, в соответствии с духом времени, они объявляли себя критиками «буржуазной историографии» в целом и работ М.С. Грушевского в частности. Так, термин, введенный М.С. Грушевским для характеристики украинской государственности домонгольского периода, в советской историографии оказался наполнен принципиально иным содержанием, повторив в этом отношении концептуальную метаморфозу термина «Киевская Русь».

Как можно заключить из рассмотренных ключевых работ, в некоторых случаях терминологическая эквилибристика советских исследователей доходила до эклектичности. Так, Б.Д. Греков, с некоторыми оговорками принимавший терминологию Маркса, одновременно проводил аналогии между империей Карла Великого, «империей Рюриковичей» и «Киевской Русью», причем последний термин он атрибутировал и М.С. Грушевскому, для которого более употребительным был термин «Киевское государство».

«Что такое Киевская Русь? Империя ли это Рюриковичей, обнимающая все земли, находящиеся под властью Киева, включая сюда, хотя бы и с некоторыми оговорками, и Новгород, и Центральное Междуречье, как неизбежно вытекает из понимания этой империи Марксом, или же только Украина? Мне кажется, что для защиты последнего предположения нет достаточно веских аргументов. В 1904 г. М.С. Грушевский высказал упрек тем историкам, которые историю Киевской Руси склонны были рассматривать как начало общерусского исторического процесса. Упрек справедлив лишь отчасти. Конечно, Новгород имеет свою историю, точно так же, как и Ростово-Суздальская земля. Но отсюда не вытекает отрицание целого периода в истории восточноевропейского общества, когда Киев объединял огромную территорию, в состав которой входили и Новгород, и Суздаль, и Ростов. Отрицать этот факт – это равносильно отрицанию аналогичного факта в истории Западной Европы, где Франция, Германия и Италии предшествовала огромная империя Карла

Великого, таившая в своих недрах зародыши этих будущих политических образований» (*Греков* 1937: 16–17).

Из этого фрагмента следует, что терминологическая новация Маркса была использована Б.Д. Грековым в качестве контраргумента против узкой националистической трактовки киевской государственности в концепции М.С. Грушевского. Термин «империя Рюриковичей», наряду с определением «Киевское государство», использовался Б.Д. Грековым и в разных изданиях монографии «Киевская Русь» (ср.: *Греков* 1939: 254; 1944: 281; 1949: 109, 475), причем «Киевское государство», возникшее после объединения Новгорода и Киева в 882 г., в рамках его концепции выступало правопреемником «Новгородской Руси» и «Киевской Руси», в данном случае понимавшихся в региональном смысле (*Греков* 1949: 445). Однако в последнем издании, которое подготовил к печати исследователь, произошел отказ и от термина «империя Рюриковичей», и от термина «Киевское государство», которые были последовательно заменены на термин «Древнерусское государство», хотя в тексте, как его синоним, сохранился термин «Киевская Русь» (*Греков* 1953).

Аналогичный терминологический плюрализм присутствует и в работах ученика Б.Д. Грекова В.В. Мавродина. В «Очерках истории Левобережной Украины» (1940), посвященных истории Чернигово-Северской земли IX–XIV вв., он оперировал понятиями «Киевское государство» и «империя Рюриковичей» (*Мавродин* 2002: 193, 194). В монографии

«Образование древнерусского государства» наряду с этими понятиями появляются понятия «Киевской Руси» (*Мавродин* 1945: 223, 248, 287, 374 и др.) и «Киевской державы» (Там же: 375), хотя, вопреки заглавию книги, предпочтение отдано не понятию «Древнерусское государство», а понятию «Киевское государство», генезис которого автор вел от объединения Киева и Новгорода в 882 г. (Там же: 221). Понятием «Древнерусское государство» исследователь пользовался в более поздних работах, где понятие «Киевская Русь» употреблялось значительно меньше (*Мавродин* 1956; 1971).

В монографии С.В. Юшкова «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси», изданной одновременно на русском и украинском языках (1939), термин «Киевская Русь» также соседствовал с применявшимися для характеристики дофеодального периода терминами «Киевское государство» и «империя Рюриковичей» и отождествлялся с ними (*Юшков* 1939: 26, 174, 175), но развернутого определения этих терминов исследователь не предложил, несмотря на то, что его концепция генезиса феодальных отношений отличалась структурной стройностью. Следует отметить, что в поздних его работах соотношение терминов было изменено: хотя использование термина «Киевская Русь» продолжилось, по частоте употребления оно стало уступать термину «Киевское государство», которое типологически подразделялось на «Киевское дофеодальное государство» (до середины XI в.) и «Киевское феодальное государство» (ср.: *Юшков* 1946; 1949).

Затем к этому набору терминов добавилось определение «Русское феодальное государство», которое исследователь использовал в процессе дискуссии по периодизации истории СССР, состоявшейся на страницах журнала «Вопросы истории» в 1949–1951 гг. (Юшков 1950). В результате этой дискуссии произошло удревление процесса формирования феодальной государственности у восточных славян (см.: Фроянов 1990: 261–271; Свердлов 1996: 245–248; Дубровский 2017: 454–471), для характеристики какой-либо ее участники использовали как понятие «Киевское государство» (Базилевич 1949: 70, 71), так и понятие «Киевская Русь» (Довженко, Брайчевский 1951: 60, 62, 67, 68, 77).

В вышедшей в это же время монографии «Русская земля» и образование территории древнерусского государства» А. Н. Насонов пользовался термином «Киевское государство», под которым подразумевал «государство, образовавшееся в результате объединения русского Юга и Севера во главе с Киевом на рубеже IX–X веков», основу которого, в свою очередь, составляло «Древнее государство Среднего Поднепровья, называвшееся “Русской землей”» (Насонов 1951: 7). В позднейшей работе по истории начального киевского летописания (впервые опубликованной в 1959) исследователь, напротив, отдавал приоритет термину «Древнерусское государство» (Насонов 1969: 12, 13, 19, 42, 46, 56, и др.).

Итак, на примере работ Б.Д. Грекова, В.В. Мавродина и А.Н. Насонова с 1950-х гг. можно говорить о целенаправленном использовании термина

«Древнерусское государство» для характеристики восточнославянской государственности домонгольского периода. Распространению этого термина способствовала ревизия построений советских историков после выхода в свет статьи «Марксизм и вопросы языкознания» (1950), о чем писал, например, Б.Д. Греков в статье «Генезис феодализма в России в свете учения И.В. Сталина о базисе и надстройке», где термин «Древнерусское государство» был последовательно использован им впервые (Греков 1952; см. также: Свердлов 1996: 248–249; Дубровский 2017: 495–498). Под влиянием этой сталинской работы, в частности, произошел частичный отказ от исторических параллелей между Древней Русью и империей Карла Великого (Черепнин 1953: 51). Правда, производное от этой параллели определение «империя Рюриковичей», как и термин «Киевская Русь», не исчезли полностью из словаря советских историков, однако во второй половине XX в. эти определения в их исторических нарративах значительно потеснил термин «Древнерусское государство».

Данная тенденция нашла отражение не только в монографических, но и в коллективных работах 1950-х гг., среди которых стоит обратить внимание на «Очерки истории СССР», где автором соответствующих параграфов раздела по истории Древней Руси был Б.Д. Греков (Очерки 1953: 27, 55, 56, 71, 96, 100, 155, 158, 166, 191, 192), упомянувший в его тексте термин «Киевская Русь» лишь один раз — при критике взглядов М.С. Грушевского (Там же: 45) — так что по частоте употребления он зна-

чительно уступил термину «Русское государство» (Там же: 57, 75–77, 96, 108, 109, 172). Правда, здесь подчеркивалось сопоставление «Древнерусского государства» с империей Карла Великого (Там же: 258–259), однако упор делался на «раннефеодальный» его характер (Там же: 190, 260). Показательно, что в последнем издании монографии «Киевская Русь» параллели «Древнерусского государства» с империей Карла Великого, в отличие от предыдущих изданий, были более завуалированными, а «раннефеодальная» характеристика также являлась приоритетом (Греков 1953: 481, 484), что в целом соответствовало тезисам И. В. Сталина о передовом характере древнерусской государственности, сформулированным в статье «Марксизм и вопросы языкознания» (1950).

Чаще термин «Киевская Русь» использовал Б. А. Рыбаков, написавший в одном из томов «Очерков истории СССР» главу «Предпосылки образования древнерусского государства». При этом понятие «Киевская Русь» использовалось не только как синоним понятия «Древнерусское государство» (иногда с указанием на феодальный его характер) (Очерки 1958: 733, 756, 773, 785, 794, 796, 800, 801, 810, 821, 831 и др.), но и как синоним понятия «Русское государство» (Там же: 770, 772, 780, 785, 800, 811 и др.). В то же время термины «Киевская держава» и «Киевское государство» носили маргинальный характер (Там же: 769, 770), а сопоставление Руси с империей Карла Великого производилось в духе последних работ Б. Д. Грекова (Там же: 799). Аналогичная ситуация наблюдалась в третьем томе

«Всемирной истории» под редакцией Е. М. Жукова, где автором раздела по истории формирования «Древнерусского государства» — «Киевской Руси» (до конца IX в.) также был Б. А. Рыбаков (Рыбаков 1957: 241, 242, 245, 248–249), подчеркивавший (ранне)феодальный ее характер. Эти характеристики стали проявлением общей тенденции к удревнению генезиса феодализма на Руси, оформившейся в советской историографии в конце 1940 — начале 1950-х гг. Наряду с термином «Киевская Русь» вместо термина «Древнерусское государство» исследователем факультативно использовался термин «империя Рюриковичей» (Рыбаков 1962; 1964: 3–4, 147–148). Понятие «Киевская Русь» для характеристики раннефеодальной древнерусской государственности (с конца IX до начала второй трети XII в.) употреблялось в написанной им главе по истории Киевской Руси в первом томе «Истории СССР» (Рыбаков 1966), а позже в его монографии «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.» (Рыбаков 1982).

В. Т. Пашуто — автор раздела по истории раннефеодального древнерусского государства в третьем томе «Всемирной истории», следующего за разделом, написанным Б. А. Рыбаковым, — первоначально пользовался и термином «Киевская Русь», и термином «Древнерусское государство» (Пашуто 1957: 250, 261, 266). Позднее исследователь оперировал термином «Древнерусское государство» (Пашуто 1965: 73, 74, 81–83, 85, 87–90, 101, 123–126; 1968: 25, 29, 49, и др.), тогда как термин «Киевская Русь» оказался маргинальным (Пашуто 1965: 101).

Такая же картина вырисовывается из работ Л. В. Черепнина, который сначала совмещал термины «Киевская Русь» (Черепнин 1965: 145, 146, 169, 170, 173, 177, 224, 225) и «Древнерусское государство» (Там же: 148, 163, 170, 174, 178, 181), но позднее употреблял термин «Древнерусское государство» (Черепнин 1972: 353, 355, 356, 366, 371, 375) или «Русское государство» (Там же: 357, 358), в то время как понятие «Киевская Русь» было для него столь же маргинальным (Там же: 357), как и понятие «Киевское государство» (Черепнин 1974: 29).

Позднее понятие «Древнерусское государство» последовательно использовал М. Б. Свердлов (Свердлов 1983). Это же явление в целом характерно для работ и белорусских (Пьянков 1980), и украинских исследователей, которые либо отдавали приоритет термину «Древнерусское государство» (Котляр 1985; Рычка 1988), либо использовали термины «Киевская Русь» и «Древнерусское государство» как синонимы (Голочко 1987; Головки 1988).

С другой стороны, термин «Киевская Русь» регулярно употреблялся в работах М. Н. Тихомирова как синоним понятия «Древняя Русь» (Тихомиров 1956: 5, 11, 16, 54 и др.; см. также: Тихомиров 1975: 57, 58, 66 и др.). При этом следует упомянуть, что одна из его специальных статей по истории «Киевской Руси» как общего государства восточных славян, в которой он вслед за К. Марксом апеллировал к ее сравнению с империей Карла Великого, еще в 1950 г. вышла в свет на украинском языке и лишь четверть века спустя была опубликована на русском языке (Там же: 22–41).

Термин «Киевская Русь» продолжал использоваться в качестве заглавия индивидуальных («Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв.» В. Д. Королюка, 1964; «Киевская Русь и кочевники» Р. М. Мавродиной, 1983; и др.) и коллективных трудов («Советская историография Киевской Руси», 1978; «Советское источниковедение Киевской Руси», 1979; обе под редакцией В. В. Мавродина).

Большинство вышеназванных авторов рассматривали древнерусскую государственность с точки зрения доминировавшей в советской историографии феодальной парадигмы социально-политического развития. Среди представителей конкурирующих концептуальных парадигм, широко использовавших в своих работах термин «Киевская Русь», наиболее заметным исследователем был И. Я. Фроянов, рассматривавший древнерусскую государственность не как «раннефеодальную» монархию, а как совокупность дофеодальных городов-государств с общинно-вечевым укладом, поэтому в ранних его работах термины «Древнерусское государство» и «Киевская Русь» соседствовали друг с другом (Фроянов 1974), а в более поздних приоритет отдавался второму из них (Фроянов 1980), что, по всей видимости, было обусловлено особенностями формирования авторской концепции социально-политического строя.

Таким образом, можно говорить о сосуществовании в поздней советской историографии двух одинаково популярных у исследователей определений восточнославянской ранне-средневековой государственности.

Касательно соотношения терминов «Киевская Русь» и «Древнерусское государство» в российской историографии последних десятилетий наблюдается тенденция, установленная для предыдущего периода: термины либо соседствуют друг с другом, либо термин «Древнерусское государство» имеет приоритет перед термином «Киевская Русь».

В этом смысле показательны, например, написанные в поздний советский период работы А. П. Новосельцева, который в одном случае употреблял термин «Древнерусское государство» (Новосельцев 1988; 1991), при этом изредка употребляя альтернативный термин «Киевское государство», а в другом — использовал в качестве синонима «Древнерусское государство» термин «Киевская Русь» (Новосельцев 1992).

Сходная картина в использовании терминов «Древнерусское государство» / «Киевская Русь» наблюдалась у И. Я. Фроянова (Фроянов 1991), в концепции которого государственность IX–XI вв. эволюционировала от «суперсоюза» племен к дофеодальным городам-государствам, что, в принципе, исключало необходимость регулярного использования как одного, так и другого термина. В более позднее время он отдавал предпочтение термину «Киевская Русь», широко употреблявшемуся в публикации одноименного курса лекций (Фроянов 2015).

Взаимозаменяемое использование терминов «Киевская Русь» / «Древнерусское государство» можно найти у одного из учеников Фроянова — В. В. Пузанова (Пузанов 2007; 2017),

в то время как другой его ученик — А. Ю. Дворниченко — в общем курсе российской истории пользовался лишь термином «Киевская Русь» (Дворниченко 2010).

В то же время продолжила развитие тенденция, приверженцы которой с большей или меньшей степенью частотности использовали термин «Древнерусское государство» по сравнению с термином «Киевская Русь», что, кстати, характерно не только для русских (Горский 2004; Даркевич 1994; Котышев 2019; Мельникова 1995; 2012; Мельников 2010; Назаренко 1986; 2000; Петрухин 1995; 2000; Свердлов 1995; 2003; и др.), но и для украинских историков, публиковавших свои работы в нашей стране (Котляр 1995; 2003; ср.: Котляр 1998; 2017). При этом общей чертой для большинства упомянутых исследователей являлось следование в той или иной степени феодальной парадигме общественного развития Руси, унаследованной от советской историографии.

В целом можно говорить о том, что в отечественной историографии постсоветского периода сохранилась тенденция, берущая начало с 1950-х гг., когда понятие «Киевская Русь» постепенно заменяется термином «Древнерусское государство», хотя и не исчезает полностью.

Несмотря на то, что историографический материал по теме отнюдь не исчерпывается упомянутыми исследованиями, он достаточно репрезентативен для вывода о том, что термин «Киевская Русь» как определение восточнославянской государственности IX–XIII вв. — это не продукт

какой-либо национальной историографии в отдельности, а продукт дореволюционной и советской историографии, взятой в целом, которая наполнила его конкретно-историческим содержанием и без которой он вряд ли получил бы широкое распространение. Поэтому, вряд ли целесообразно отказываться от его использования под влиянием текущего момента, хотя с определенной точки зрения термин «Древнерусское государство» представляется если не более объективным в историческом смысле, то, по крайней мере, более нейтральным в геополитическом плане.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреев 1910 — *Андреев Н.Н.* Киевская Русь. СПб., 1910.

Базилевич 1949 — *Базилевич К.* Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949, № 11.

Базилевич 1950 — *Базилевич К.В.* История СССР. От древнейших времен до конца XVII века. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1950.

Бахрушин 1938 — *Бахрушин С.В.* Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. 1938. № 2.

Бестужев-Рюмин 2015 — *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история до конца эпохи Ивана Грозного. М., 2015.

Головко 1988 — *Головко А.Б.* Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988.

Горский 2004 — *Горский А.А.* Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Греков 1937 — *Греков Б.Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. [2-е изд.]. М., Л., 1937.

Греков 1939 — *Греков Б.Д.* Киевская Русь [1-е изд.]. М., 1939.

Греков 1944 — *Греков Б.Д.* Киевская Русь [2-е изд.]. М., Л., 1944.

Греков 1949 — *Греков Б.Д.* Киевская Русь [3-е изд.]. М., 1949.

Греков 1952 — *Греков Б.Д.* Генезис феодализма в России в свете учения И.В. Сталина о базисе и надстройке // Вопросы истории. 1952, № 5.

Греков 1953 — *Греков Б.Д.* Киевская Русь [4-е изд.]. М., 1953.

Грушевский 1904 — *Грушевский М.* Звичайна схема “русскої” історії і справа раціонального укладу історії Східного Словянства // Статті по славяноведенню. Вып. 1. Под ред. В.И. Ламанского. СПб., 1904.

Грушевский 1904–1905 — *Грушевський М.* Історія України-Руси. Том 1-5 [2-е изд., доп.] Львів, 1904, 1905.

Грушевский 1906 — *Грушевский М.* Очерк истории украинского народа. 2-е изд., доп. СПб., 1906.

Грушевский 1913 — *Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913.

Даркевич 1994 — *Даркевич В.П.* Происхождение и развитие городов в Древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10.

Дворниченко 2010 — *Дворниченко А.Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010.

Довженок, Брайчевский 1951 — *Довженок В., Брайчевский М.* О времени сложения феодализма в Древней Руси // Вопросы истории. 1951. № 8.

Долгова 2016 — *Долгова В.Н.* Киевская Русь в работах современных российских и украинских историков // Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. № 4 (73).

Дубровский 2017 — *Дубровский А.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017.

Ефименко 1990 — Ефименко А.Я. История украинского народа. Киев, 1990.

Иловайский 1996 — Иловайский Д. Становление Руси. М., 1996.

Карамзин 1988 — Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Тома I, II, III, IV. М., 1988.

Киевская Русь 1910 — Киевская Русь. Сборник статей под ред. В.Н. Сторожева. Т. 1. 2-е изд., испр. М., 1910.

Клеванов 1849 — Клеванов А. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1849.

Ключевский 1987 — Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В.О. Собрание сочинений: В 9 томах. Т. 1. М., 1987.

Ключевский 1997 — Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872–1875. М., 1997.

Костомаров 2004 — Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей // История Руси Великой. Сочинения Н.И. Костомарова в 12 томах. Т. 1. М., 2004.

Костомаров 2005 — Костомаров Н.И. Черты народной южнорусской истории // История Руси Великой. Сочинения Н.И. Костомарова в 12 томах. Т. 12. Истоки русского единодержавия. М., 2005.

Котляр 1985 — Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.

Котляр 1995 — Котляр Н.Ф. К социальной сущности Древнерусского государства IX — первой половины X века // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1992–1993 гг. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1995.

Котляр 1998 — Котляр Н.Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

Котляр 2003 — Котляр Н.Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003.

Котляр 2017 — Котляр Н.Ф. Удельная раздробленность Руси. СПб., 2017.

Котышев 2019 — Котышев Д.М. От Русской земли к земле Киевской: Становление государственности в Среднем Поднепровье в IX–XII вв. М., 2019.

Любавский 2000 — Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века [4 изд.]. СПб., 2000.

Мавродин 1945 — Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. Л., 1945.

Мавродин 1956 — Мавродин В.В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956.

Мавродин 1971 — Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

Мавродин 2002 — Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века) [2-е изд.] СПб., 2002.

Максимович 1837 — Максимович М. Откуда идет Русская земля по сказанию Несторовой летописи и другим старинным писаниям. Киев, 1837.

Максимович 1856 — Максимович М.А. Филологические письма к М.П. Погодину // Русская беседа. 1856. № 3.

Маркс 1989 — Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4.

Мельников 2010 — Мельников С.А. Историко-правовые факторы эволюции древнерусского государства IX–XV вв. М., 2010.

Мельникова 1995 — Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований Северной и Северо-Восточной Европы (к постановке проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1992–1993 гг. М., 1995.

Мельникова 2012 — Мельникова Е.А. Древняя Русь // Всемирная история: В 6

томах (гл. ред. А. О. Чубарьян). Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2012.

Назаренко 1986 — Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР, 1985 / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1986.

Назаренко 2000 — Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь) / сост. В. Я. Петрухин. М., 2000.

Насонов 1951 — Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Насонов 1969 — Насонов А. Н. История русского летописания. XI — начало XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.

Новосельцев 1988 — Новосельцев А. П. Принятие христианства древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. 1988, № 4.

Новосельцев 1991 — Новосельцев А. П. Образование древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2–3.

Новосельцев 1992 — Новосельцев А. П. Древнерусское государство // История Европы. Т. 2. Средневековая Европа / отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1992.

Очерки 1953 — Очерки истории СССР. Период феодализма: В 2-х частях. Ч. 1. IX—XIII вв. / отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1953.

Очерки 1958 — Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1956.

Павленко 2003 — Павленко Н. И. Михаил Погодин. М., 2003.

Пашуто 1957 — Пашуто В. Т. Древняя Русь конца IX — начала XII в. // Всемир-

ная история в 10 томах (гл. ред. Е. М. Жуков). Т. 3. М., 1957.

Пашуто 1965 — Пашуто В. Т. Особенности структуры древнерусского государства // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Пашуто 1968 — Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Петрухин 1995 — Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск, М., 1995.

Петрухин 2000 — Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь) / сост. В. Я. Петрухин. М., 2000.

Платонов 1899 — Платонов [С. Ф.] Лекции по русской истории: В 3 выпусках. Вып. 1. СПб., 1899.

Покровский 1913 — Покровский М. Н. (при участии Н. М. Никольского и В. Н. Стожова). Русская история с древнейших времен: В 5 томах. Т. 1 [2-е изд.]. М., 1913.

Пресняков 1909 — Пресняков А. Княжеское право в Древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. СПб., 1909.

Пресняков 1938 — Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1. Киевская Русь. М., 1938.

Присёлков 1913 — Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.

Пузанов 2007 — Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкции. Ижевск, 2007.

Пузанов 2017 — Пузанов В. В. От праславянской Руси: становление древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017.

Пьянков 1980 — Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980.

Рожков 1906 — Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зре-

ния. Ч. 1. Киевская Русь (с VI до конца XII века). 2-е изд. М., 1906.

Рубинштейн 1930 — *Рубинштейн Н.Л.* Нарис історії Київської Русі. Харків, Одеса, 1930.

Рыбаков 1957 — *Рыбаков Б.А.* Образование древнерусского государства с центром в Киеве // Всемирная история в 10 томах (гл. ред. Е. М. Жуков). Т. 3. М., 1957.

Рыбаков 1962 — *Рыбаков Б.А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века // Вопросы истории. 1962. № 4.

Рыбаков 1964 — *Рыбаков Б.А.* Первые века русской истории. М., 1964.

Рыбаков 1966 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь // История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Серия 1. Т. 1 (гл. ред. Б. А. Рыбаков). М., 1966.

Рыбаков 1982 — *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рычка 1988 — *Рычка В.М.* Формирование территории Киевской земли (IX — первая треть XII в.). Киев, 1988.

Свердлов 1983 — *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов 1995 — *Свердлов М.Б.* Образование Древнерусского государства (Историографические заметки) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1992–1993 гг. М., 1995.

Свердлов 1996 — *Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996.

Свердлов 2003 — *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003.

Соловьёв 1988 — *Соловьёв С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988.

Тихомиров 1956 — *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города [2-е изд.]. М., 1956.

Тихомиров 1975 — *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М., 1975.

Толочко 1987 — *Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

Толочко 1999 — *Толочко А.* Химера «киевской руси» // Родина. 1999. № 8.

Толочко 2012 — *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012.

Фроянов 1974 — *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

Фроянов 1980 — *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Фроянов 1990 — *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990.

Фроянов 1991 — *Фроянов И.Я.* К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.

Фроянов 2015 — *Фроянов И.Я.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015.

Черепнин 1953 — *Черепнин Л.В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953, № 4.

Черепнин 1965 — *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Черепнин 1972 — *Черепнин Л.В.* К вопросу о характере и форме древнерусского государства X — начала XIII в. // Исторические записки. Т. 89 / Отв. ред. А. М. Самсонов. М., 1972.

Черепнин 1974 — *Черепнин Л.В.* Пути и формы политического развития русских земель XII — начала XIII вв. //

Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1974.

Юшков 1925 — Юшков С. Феодальные отношения в Киевской Руси // Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Т. III. Вып. 4. Саратов, 1925.

Юшков 1939 — Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., Л., 1939.

Юшков 1946 — Юшков С. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // Вопросы истории. 1946. № 7.

Юшков 1949 — Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

Юшков 1950 — Юшков С. К вопросу о политических формах русского государства до XIX века // Вопросы истории. 1950. № 1.

REFERENCES

Andrejev N.N. *Kijevskaia Rus'*. St. Petersburg, 1910.

Bakhrushin S.V. Derzhava Riurikovichei. *Vestnik drevnei istorii*, 1938, no. 2.

Bazilevich K. Opyt periodizatsii istorii SSSR feodal'nogo perioda. *Voprosy istorii*, 1949, no. 11.

Bazilevich K.V. *Istoriia SSSR. Ot drevneishikh vremen do kontsa XVII veka*. Kurs lektsii, pročitannykh v Vysshei partiinói shkole pri TsK VKP(b). Moscow, 1950.

Bestuzhev-Riumin K.N. *Russkaia istoriia do kontsa epokhi Ivana Groznogo*. Moscow, 2015.

Cherepnin L.V. K voprosu o kharaktere i forme drevnerusskogo gosudarstva X — nachala XIII v. *Istoricheskije zapiski*. Vol. 89, отв. red. A. M. Samsonov. Moscow, 1972.

Cherepnin L.V. Obschestvenno-politicheskie otnosheniia v Drevnei Rusi i Russkaia pravda in Novosel'tsev A. P., Pashuto V. T., Cherepnin L. V., Shusharin V. P., Shchapov

Ia.N. *Drevnerusskoje gosudarstvo i jeho mezhdunarodnoje znachenije*. Moscow, 1965.

Cherepnin L.V. Osnovnyje etapy razvitiia feodal'noi sobstvennosti na Rusi (do XVII veka). *Voprosy istorii*, 1953, no. 4.

Cherepnin L.V. Puti i formy politicheskogo razvitiia russkikh zemel' XII — nachala XIII vv. *Pol'sha i Rus'. Cherty obschnosti i svojeobraziia v istoricheskom razvitiu Rusi i Pol'shi XII—XIV vv.*, отв. red. B. A. Rybakov. Moscow, 1974.

Darkevich V.P. Proiskhozhdenije i razvitiije gorodov v Drevnei Rusi (X—XIII vv.). *Voprosy istorii*, 1994, no. 10.

Dolgova V.N. Kijevskaia Rus' v rabotakh sovremennykh rossiiskikh i ukrainskikh istorikov. *Uchenyje zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 4 (73).

Dovzhenok V., Braichevskii M. O vremeni slozheniia feodalizma v Drevnei Rusi. *Voprosy istorii*, 1951, no. 8.

Dubrovskii A. *Vlast' i istoricheskaja mysl' v SSSR (1930–1950-je gg.)*. Moscow, 2017.

Dvornichenko A.Iu. *Rossiiskaia istoriia s drevneishikh vremen do padeniia samodержaviiia*. Moscow, 2010.

Efimenko A.Ia. *Istoriia ukrainskogo naroda*. Kijev, 1990.

Froianov I.Ia. K istorii zarozhdeniia russkogo gosudarstva. *Iz istorii Vizantii i vizantinovedeniia*. Leningrad, 1991.

Froianov I.Ia. *Kijevskaia Rus'. Oчерki otechestvennoi istoriografii*. Leningrad, 1990.

Froianov I.Ia. *Kijevskaia Rus'. Oчерki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii*. Leningrad, 1974.

Froianov I.Ia. *Kijevskaia Rus'. Oчерki sotsial'no-politicheskoi istorii*. Leningrad, 1980.

Froianov I.Ia. *Lektzii po russkoi istorii. Kijevskaia Rus'*. St. Petersburg, 2015.

Golovko A.B. *Drevniaia Rus' i Pol'sha v politicheskikh vzaimootnosheniakh X — pervoi treti XIII vv.* Kijev, 1988.

Gorskii A. A. Rus'. *Ot slavianskogo Rasseleeniia do Moskovskogo tsarstva*. Moscow, 2004.

Grekov B. D. *Feodal'nyje otnosheniia v Kijevskom gosudarstve*. [2-je izd.]. Moscow, Leningrad, 1937.

Grekov B. D. Genезis feodalizma v Rossii v svete ucheniia I. V. Stalina o bazine i nadstroike. *Voprosy istorii*, 1952, no. 5.

Grekov B. D. *Kijevskaia Rus'* [1-je izd.]. Moscow, 1939.

Grekov B. D. *Kijevskaia Rus'* [2-je izd.]. Moscow, Leningrad, 1944.

Grekov B. D. *Kijevskaia Rus'* [3-je izd.]. Moscow, 1949.

Grekov B. D. *Kijevskaia Rus'* [4-je izd.]. Moscow, 1953.

Grushevs'kii M. *Istoriia Ukraïni-Rusi*. Tom 1–5 [2-je izd., dop.] Lviv, 1904, 1905.

Grushevskii M. *Illustrirovannaia istoriia Ukraïny*. St. Petersburg, 1913.

Grushevskii M. *Oчерк istorii ukrainskogo naroda*. 2-je izd., dop. St. Petersburg, 1906.

Grushevskii M. Zvichaina skhema “russkoï” istorii i sprava ratsional'nogo ukladu istorii Skhidn'ogo Sloviaanstva. *Stat'ji po slaviano-vedeniiu*. Vyp. 1. Pod red. V. I. Lamanskogo. St. Petersburg, 1904.

Ilovaiskii D. *Stanovlenije Rusi*. Moscow, 1996.

Iushkov S. Feodal'nyje otnosheniia v Kijevskoi Rusi. *Uchenyje zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*. Vol. III. Vyp. 4. Saratov, 1925.

Iushkov S. K. voprosu o dofeodal'nom (“varvarskom”) gosudarstve. *Voprosy istorii*, 1946, no. 7.

Iushkov S. K. voprosu o politicheskikh formakh russkogo gosudarstva do XIX veka. *Voprosy istorii*, 1950, no. 1.

Iushkov S. V. *Obshchestvenno-politicheskie stroi i pravo Kijevskogo gosudarstva*. Moscow, 1949.

Iushkov S. V. *Oчерki po istorii feodalizma v Kijevskoi Rusi*. Moscow, Leningrad, 1939.

Karamzin N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*. Kn. 1. Toma I, II, III, IV. Moscow, 1988.

Kijevskaia Rus'. Sbornik statei pod red. V. N. Storozheva. T. 1. 2-je izd., ispr. Moscow, 1910.

Klevanov A. *Istoriia Iugo-Zapadnoi Rusi ot jeje nachala do poloviny XIV veka*. Moscow, 1849.

Kliuchevskii V. O. Kurs russkoi istorii. Ch. 1 in Kliuchevskii V. O. *Sobranije sochinenii*: V 9 tomakh. T. 1. Moscow, 1987.

Kliuchevskii V. O. *Lektsii po russkoi istorii, chitannye na Vysshikh zhenskikh kursakh v Moskve v 1872–1875*. Moscow, 1997.

Kostomarov N. I. Cherty narodnoi iuzhno-russkoi istorii. *Istoriia Rusi Velikoi. Sochineniia N. I. Kostomarova v 12 tomakh. Vol. 12. Istoki russkogo jedinoderzhaviiia*. Moscow, 2005.

Kostomarov N. I. Russkaia istoriia v zhizneopisaniiax jeje glavneishikh deiatelei. *Istoriia Rusi Velikoi. Sochineniia N. I. Kostomarova v 12 tomakh. Vol. 1*. Moscow, 2004.

Kotliar N. F. *Diplomatiiia Iuzhnoi Rusi*. St. Petersburg, 2003.

Kotliar N. F. *Drevnerusskaia gosudarstvennost'*. St. Petersburg, 1998.

Kotliar N. F. *Formirovanije territorii i vzniknovenije gorodov Galitsko-Volynskoi Rusi IX–XIII vv.* Kijev, 1985.

Kotliar N. F. K sotsial'noi sushchnosti Drevnerusskogo gosudarstva IX — pervoi poloviny X veka. *Drevneishije gosudarstva Vostochnoi Jevropy. Materialy i issledovaniia 1992–1993 gg.*, otv. red. A. P. Novosel'tsev. Moscow, 1995.

Kotliar N. F. *Udel'naia razdroblennost' Rusi*. St. Petersburg, 2017.

Kotyshev D. M. *Ot Russkoi zemli k zemle Kijevskoi: Stanovlenije gosudarstvennosti v Srednem Podneprov'je v IX–XII vv.* Moscow, 2019.

Liubavskii M. K. *Lektsii po drevnei russkoi istorii do kontsa XVI veka* [4 izd.]. St. Petersburg, 2000.

Maksimovich M. A. Filologicheskije pis'ma k M. P. Pogodinu. *Russkaia beseda*, 1856, no. 3.

- Maksimovich M. *Otkuda idet Russkaia zemlia po skazaniu Nestorovoio letopisi i drugim starinnyim pisaniam*. Kijev, 1837.
- Marks K. Razoblacheniia diplomaticheskoi istorii XVIII veka. *Voprosy istorii*, 1989, no. 4.
- Mavrodin V.V. *Obrazovanije Drevnerusskogo gosudarstva i formirovanije drevnerusskoi narodnosti*. Moscow, 1971.
- Mavrodin V.V. *Obrazovanije drevnerusskogo gosudarstva*. Leningrad, 1945.
- Mavrodin V.V. *Ocherki istorii Levoberezhnoi Ukrainy (s drevneishikh vremen do vtoroi poloviny XIV veka)* [2-je izd.] St. Petersburg, 2002.
- Mavrodin V.V. *Ocherki istorii SSSR. Drevnerusskoe gosudarstvo*. Moscow, 1956.
- Mel'nikov S.A. *Istoriko-pravovyye faktory evoliutsii drevnerusskogo gosudarstva IX–XV vv.* Moscow, 2010.
- Mel'nikova Je. A. Drevniaia Rus'. *Vsemirnaia istoria: V 6 tomakh* (gl. red. A. O. Chubar'ian). Vol. 2. Srednevekovyje tsivilizatsii Zapada i Vostoka, otv. red. P. Iu. Uvarov. Moscow, 2012.
- Mel'nikova Je.A. K tipologii predgosudarstvennykh i rannegosudarstvennykh obrazovanii Severnoi i Severo-Vostochnoi Jevropy (k postanovke problemy). *Drevneishije gosudarstva Vostochnoi Jevropy. Materialy i issledovaniia 1992–1993 gg.* Moscow, 1995.
- Nasonov A.N. "Russkaia zemlia" i obrazovanije territorii drevnerusskogo gosudarstva. Moscow, 1951.
- Nasonov A.N. *Istoriia russkogo letopisaniia. XI – nachalo XVIII veka*. Ocherki i issledovaniia. Moscow, 1969.
- Nazarenko A.V. Poriadok prestolonaslediia na Rusi X–XII vv.: nasledstvennyje razdely, sen'orat i popytki designatsii (tipologicheskie nabliudeniia). *Iz istorii russkoi kul'tury*. Vol. 1 (Drevniaia Rus'), sost. V.Ia. Petrukhin. Moscow, 2000.
- Nazarenko A.V. Rodovoi siuzerenitet Riurikovichei nad Rus'iu (X–XI vv.). *Drevneishiije gosudarstva na territorii SSSR, 1985*, otv. red. A. P. Novosel'tsev. Moscow, 1986.
- Novosel'tsev A. P. Drevnerusskoe gosudarstvo. *Istoriia Jevropy*. Vol. 2. Srednevekovaia Jevropa, otv. red. Z. V. Udal'tsova. Moscow, 1992.
- Novosel'tsev A. P. Obrazovanije drevnerusskogo gosudarstva i pervyi jego pravitel'. *Voprosy istorii*, 1991, no. 2–3.
- Novosel'tsev A. P. Priniatije khristianstva drevnerusskim gosudarstvom kak zakonomernoje iavlenije epokhi. *Istoriia SSSR*, 1988, no. 4.
- Ocherki istorii SSSR. Krizis rabovladel'cheskoi sistemy i zarozhdenije feodalizma na territorii SSSR, III–IX vv.*, otv. red. B. A. Rybakov. Moscow, 1958.
- Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma: V 2-kh chastiakh*. Ch. 1. IX–XIII vv., otv. red. B. D. Grekov. Moscow, 1953.
- P'iankov A. P. *Proiskhozhdenije obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroia Drevnei Rusi*. Minsk, 1980.
- Pashuto V.T. Drevniaia Rus' kontsa IX – nachala XII v. *Vsemirnaia istoria v 10 tomakh* (gl. red. Je. M. Zhukov). Vol. 3. Moscow, 1957.
- Pashuto V.T. Osobennosti struktury drevnerusskogo gosudarstva in Novosel'tsev A. P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V., Shusharin V.P., Shchapov Ia.N. *Drevnerusskoe gosudarstvo i jego mezhdunarodnoje znachenije*. Moscow, 1965.
- Pashuto V.T. *Vneshniaia politika Drevnei Rusi*. Moscow, 1968.
- Pavlenko N.I. *Mikhail Pogodin*. Moscow, 2003.
- Petrukhin V.Ia. Drevniaia Rus': Narod. Kniaz'ia. Religija. *Iz istorii russkoi kul'tury*. Vol. 1 (Drevniaia Rus'). sost. V.Ia. Petrukhin. Moscow, 2000.
- Petrukhin V.Ia. *Nachalo etnokul'turnoi istorii Rusi IX–XI vekov*. Smolensk, Moscow, 1995.
- Platonov [S.F.] *Lektsii po russkoi istorii: V 3 vypuskakh*. Vyp. 1. St. Petersburg, 1899.

- Pokrovskii M.N. (pri uchastii N.M. Nikol'skogo i V.N. Storozheva). *Russkaia istoriia s drevneishikh vremen*: V 5 tomakh. Vol. 1 [2-je izd.]. Moscow, 1913.
- Presniakov A. *Kniazhoje pravo v Drevnei Rusi. Oчерki po istorii X–XII stoletii*. St. Petersburg, 1909.
- Presniakov A. Je. *Lektsii po russkoi istorii*. T. 1. Kijevskaia Rus'. Moscow, 1938.
- Prisëlkov M.D. *Oчерki po tserkovno-politicheskoj istorii Kijevskoi Rusi X–XII vv*. St. Petersburg, 1913.
- Puzanov V.V. *Drevnerusskaia gosudarstvennost': genезis, etnokul'turnaia sreda, ideologicheskie konstrukty*. Izhevsk, 2007.
- Puzanov V.V. *Ot praslavian k Rusi: stanovlenije drevnerusskogo gosudarstva (faktory i obrazy politogeneza)*. St. Petersburg, 2017.
- Rozhkov N. *Obzor russkoi istorii s sotsiologicheskoj točki zreniia*. Ch. 1. Kijevskaia Rus' (s VI do kontsa XII veka). 2-je izd. Moscow, 1906.
- Rubinshtein N. L. *Naris istorii Kюv's'koj Rusi*. Kharkiv, Odesa, 1930.
- Rybakov B.A. *Kijevskaia Rus' i russkije kniazhestva XII–XIII vv*. Moscow, 1982.
- Rybakov B.A. Kijevskaia Rus'. *Istoriia SSSR s drevneishikh vremen do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii*. Serii 1. T. 1 (gl. red. B.A. Rybakov). Moscow, 1966.
- Rybakov B.A. *Obrazovanije drevnerusskogo gosudarstva s tsentrom v Kijeve. Vsemirnaia istoriia v 10 tomakh* (gl. red. Je. M. Zhukov). Vol. 3. Moscow, 1957.
- Rybakov B.A. *Obzor obshchikh iavlenii russkoi istorii IX — serediny XIII veka. Voprosy istorii*, no. 4.
- Rybakov B.A. *Pervyje veka russkoi istorii*. Moscow, 1964.
- Rychka V.M. *Formirovanije territorii Kijevskoi zemli (IX — pervaia tret' XII v.)*. Kijev, 1988.
- Solov'jev S.M. *Sochineniia: V 18 kn. Kn. 1. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*. Vol. 1–2. Moscow, 1988.
- Sverdlov M.B. *Domogol'skaia Rus'. Kniaz' i kniazheskaia vlast' na Rusi VI — pervoi tretii XIII vv*. St. Petersburg, 2003.
- Sverdlov M.B. *Genезis i struktura feodal'nogo obshchestva Drevnei Rusi*. Leninograd, 1983.
- Sverdlov M.B. *Obrazovanije Drevnerusskogo gosudarstva (Istoriograficheskie zametki). Drevneishije gosudarstva Vostochnoi Jevropy. Materialy i issledovaniia 1992–1993 gg*. Moscow, 1995.
- Sverdlov M.B. *Obshchestvennyi stroi Drevnei Rusi v russkoi istoricheskoi nauke XVIII–XX vv*. St. Petersburg, 1996.
- Tikhomirov M.N. *Drevnerusskije goroda* [2-je izd.]. Moscow, 1956.
- Tikhomirov M.N. *Drevniaia Rus'*. Moscow, 1975.
- Tolochko A. Khimera “kijevskoi rusi”. *Rodina*, 1999, no. 8.
- Tolochko A. *Kijevskaia Rus' i Malorossia v XIX veke*. Kijev, 2012.
- Tolochko P.P. *Drevniaia Rus'. Oчерki sotsial'no-politicheskoi istorii*. Kijev, 1987.

«ПАРИИ ВЕРСАЛЯ», ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!»: ПОЛИТИКА РАПАЛЛО И ГРАФ БРОКДОРФ-РАНЦАУ. Интервью с Б. Л. Хавкиным

В связи со 100-летием Рапалльского договора между Советской Россией и Веймарской Германией профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) доктор исторических наук Б.Л. Хавкин дает интервью магистру истории Петру Павличенко (РГГУ).

Ключевые слова: российско-германские отношения, Рапалльский договор, Г. В. Чичерин, В. Ратенау, У. Брокдорф-Ранцау.

Сведения об авторе: Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор факультета Международных отношений политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Контактная информация: novistor@mail.ru.

Автор книг: Бланк А.С., Хавкин Б.Л. Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990; Khavkin Boris. Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte. Aufsätze und Archivfunde zu den Beziehungen Deutschlands und der Sowjetunion von 1917 bis 1991. Stuttgart, 2007; Хавкин Б.Л. Россия и Германия. 1900–1945: сплетение истории. М., 2014; Хавкин Б.Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. М., 2014; Хавкин Б.Л. Германский национал-социализм и антигитлеровское сопротивление. М., 2017; Хавкин Б.Л. Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское сопротивление немецких евреев. М., 2018; Альтман И.А., Хавкин Б.Л. Национал-социализм, Холокост и антигитлеровское сопротивление в Германии (1933–1939). М., 2020; Хавкин Б.Л., Божик К.Б. Российское зеркало германской истории. XX век. М., 2021.

“PARIANS OF VERSAILLES, UNITE!” RAPALLO’S POLITICS
AND COUNT BROCKDORFF-RANTZAU. Interview with B. L. Khavkin

In connection with the 100th anniversary of the Treaty of Rapallo between Soviet Russia and Weimar Germany, Professor of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Doctor of Historical Sciences B. L. Khavkin gives an interview to master of History Petr Pavlichenko (RSUH).

Key words: Russian-German relations, Treaty of Rapallo, G. V. Chicherin, V. Rathenau, W. Brockdorf-Rantzau.

About the author: Khavkin Boris L., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Faculty of International Relations, Political Science and Foreign Regional Studies, Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities.

Contact information: novistor@mail.ru.

Беседовал Петр Павличенко (март 2022 г.)

П.П. Борис Львович! 16 апреля 2022 г. исполняется 100 лет со дня подписания Рапальского договора между Веймарской республикой и РСФСР (СССР). В чем вы видите современное значение этого договора?

Б.Х. 16 апреля 1922 г. в пригороде Генуи Рапалло наркомом иностранных дел Советской России Г.В. Чичерин и министр иностранных дел Веймарской республики В. Ратенау заключили договор между РСФСР и Веймарской республикой о восстановлении дипломатических отношений и урегулировании всех спорных вопросов. Договор был подписан после ночного совещания и получил неофициальное название «договор в пижамах». Рапальский договор заложил основы взаимовыгодного экономического, политического и военно-технического сотрудничества между Германией и Советской Россией, оказавшимися «париями Версаля». Г.В. Чичерин назвал этот договор «символом общества взаимопомощи

обоих международных мальчиков для битвы — Германии и России».

Рапальский договор предполагал взаимное признание и установление дипломатических отношений, возобновление работы консульских учреждений, отказ от финансовых претензий друг к другу (в том числе на репарации со стороны Германии в пользу РСФСР), а также претензий, вытекавших из частных прав германских граждан на какие-либо объекты и/или отношения на территории Советской России.

Рапальский договор урегулировал на взаимовыгодной основе разногласия между Россией и Германией, возникшие «за время состояния войны», и определял, что «оба правительства будут в доброжелательном духе взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран» (Рапальский договор... 2008: 115–116).

Для советской дипломатии заключение Рапальского договора стало

прорывом, поскольку означало завершение международной изоляции большевиков. Для германской стороны договор стал первым полноценным и равноправным документом в международной сфере, заключенным после подписания Версальского мира.

Отношение историков к «договору в пижамах» до сих пор остается неоднозначным. «Рапалло осталось ностальгической мечтой отдельных представителей маргинальных национал-патриотических кругов, которым история отвела место на обочине реальной политики», — считает российский исследователь Н. В. Павлов (Российско-германские отношения...).

«Вплоть до сегодняшнего дня в международном дипломатическом языке “Рапалло” — это ключевое слово с четким значением. Это краткая зашифрованная формула, означающая два понятия: во-первых, что коммунистическая Россия и антикоммунистическая Германия под давлением обстоятельств объединились против Запада и смогли действовать совместно; и, во-вторых, что такое могло произойти очень неожиданно, буквально за ночь. Второе, еще более чем первое, сделало слово “Рапалло” страшилкой для жителей Запада, от шокирующего действия которого еще и сегодня бросает в дрожь», — писал западногерманский автор Себастьян Хаффнер (*Хаффнер*).

Однако следует признать, что Рапалльским договором был разрушен (говоря современным языком) режим международной изоляции и санкционного давления, установленный Западом в отношении

РСФСР и Германии. После Рапалло игнорировать факт взаимодействия Веймарской республики и Советской России в обход позиции стран Антанты было уже нельзя. Причем во внешнеполитическом плане Советская Россия и Германия «дружили против» не только Англии и Франции, но и, прежде всего, против Польши.

«Дух Рапалло» в германо-российских отношениях поддерживался до 1933 г. — до прихода Гитлера к власти в Германии. Возрождение «духа Рапалло» относится к началу 1970-х гг. — это знаменитая восточная политика Вилли Брандта, которая ознаменовала улучшение отношений между тогдашней ФРГ и Советским Союзом.

Именно СССР и его лидер М. С. Горбачев сыграли ключевую роль в объединении Германии в 1990 г. Символично, что почти через 70 лет после Рапалло — 26 декабря 1991 г. — ФРГ одной из первых ведущих стран мира признала Российскую Федерацию в качестве государства-правопреемника СССР.

Взаимовыгодные и дружественные российско-германские отношения успешно развивались до международного кризиса 2014 г. вокруг Крыма и Восточной Украины. В настоящее время эти отношения продолжают ухудшаться. К сожалению, этот процесс затронул и историческую науку.

«С 24 февраля 2022 года российское правительство ведет агрессивную войну против суверенной Украины, что абсолютно противоречит международному праву... Мы в ужасе от

этого кровопролития и призываем российское правительство немедленно прекратить войну. Ввиду этих невообразимых событий приостанавливаем совместную работу Комиссии», — гласит заявление германских членов совместной российско-германской Комиссии историков (Заявление...).

В 2022 г. Европа балансирует на грани мира и войны. Но по-прежнему в центре европейской политики две крупнейшие державы — Россия и Германия, от отношений между которыми во многом зависит мир и на европейском континенте, и в мире в целом. Как тут не вспомнить уроки Рапалло, главный из которых — необходимость вести дипломатический диалог, искать общие интересы, договариваться в любых, даже самых трудных условиях.

П. П. Каковы были российско-германские отношения в канун подписания Рапальского договора?

Б. Х. Подписание Рапальского договора вызвало политическую бурю. Сторонники курса Рапалло — немецкие левые радикалы и особенно коммунисты — организовали демонстрации и митинги рабочих под лозунгами солидарности с Советской Россией. Противники договора — крупная буржуазия и юнкерство, крайне правые националистические партии, правые и центристские лидеры социал-демократии — напротив, были озабочены тем, как бы не ухудшились отношения с Западом.

Рейхспрезидент Ф. Эберт был возмущен тем, что канцлер Й. Вирт и министр В. Ратенау вместо достижения

уступок от Англии и Франции по Версальскому договору пошли на сепаратное соглашение с большевистской Россией, правительство которой он называл «бандой бесовских преступников без чести и веры, с которыми не следует иметь никаких дел» (ADAP 1988: 328). Шельмование немецкой социал-демократии В. И. Лениным и Исполкомом Коминтерна вызывало у Эберта неприязнь к большевизму, который представлял, по его мнению, серьезную опасность для послевоенной Германии. Но Эберт осознавал и экономические выгоды для Германии, которые могло принести соглашение с Советской Россией.

Однако Ратенау, бывший президент электротехнической компании «АЭГ», не был склонен переоценивать экономические последствия «договора в пижамах»; он оценивал Рапалло с политических позиций — как «договор мира и дружбы» (Советско-германские отношения...).

Сразу после подписания Рапальского договора отношения Москвы и Берлина были омрачены речью члена ЦК РКП(б) и секретаря Исполкома Коминтерна К. Радека. Выступая 28 апреля 1922 г. на собрании функционеров КПП в Берлине, Радек заявил, что «Исполком Коминтерна требует от немецких коммунистов революционных действий, поскольку Германия стоит на пороге мировой революции и является ее опорным пунктом». Министерство иностранных дел Германии оценило заявление Радека как грубое вмешательство во внутренние дела Веймарской республики и нарушение условий Рапальского договора.

Руководители советской дипломатии Г.В. Чичерин и М.М. Литвинов усмотрели в поведении Радека угрозу для Рапалльского договора — создание повода для аннулирования его германским правительством (Макаренко 2011).

Но инцидент удалось замять: Радек был отозван в Москву. 7 июля 1922 г. Рапалльский договор был утвержден рейхстагом. Однако канцлер Вирт, принявший на себя после убийства Ратенау руководство германским министерством иностранных дел, вынужден был учитывать негативное отношение к Рапалльскому договору таких признанных лидеров социал-демократии, как К. Каутский и Э. Бернштейн: они отвергали распространение действия этого договора на насильственно советизированные Грузию, Армению, Азербайджан и Туркестан.

П.П. Почему германским послом в Советской России был назначен граф Брокдорф-Ранцау? Какова его роль в развитии германо-советских отношений?

Б.Х. Назначенный германским послом в Советской России бывший министр иностранных дел граф Ульрих Брокдорф-Ранцау «зложил основу отношений между двумя державами — Германией и Россией, с учетом многообразия их форм и видов, в духе идеи общности германо-российских интересов. В их основе — понимание того, что эти отношения одинаково важны для каждой из сторон... Для судьбы Германии необходимо непереносимое сохранение равновесия между Западом и Востоком», — так определил немецкий

историк Отто Хётч роль графа в становлении германо-российских отношений после договора 1922 г. в Рапалло (Thomas 2006; Томас 2010).

Брокдорф-Ранцау подходил к миссии в Москву без иллюзий. При этом как немецкие, так и российские историки отмечают, что граф Брокдорф-Ранцау, являясь убежденным антикоммунистом, способствовал развитию дружеских отношений между Веймарской республикой и Советской Россией (Советским Союзом) (Scheidemann 1998; Helbig 1955, 1958; Haupt 1984; Ахтамзян 1974; Чубарьян 1976). В этой связи биограф Брокдорфа-Ранцау Э. Штерн-Рубарт писал о мировоззрении «путника между двумя мирами» как неотъемлемой части мышления своего героя (Stern-Rubarth 1929).

Советско-германский договор в Рапалло не стал для Брокдорфа-Ранцау неожиданностью, но поначалу вызвал его отрицательную реакцию: граф полагал, что Рапалло вытеснит Германию из европейской политики и еще сильнее закрепит «оковы Версаля». Сказывалась и личная неприязнь графа к Вальтеру Ратенау, от имени Германии подписавшему Рапалльский договор. Однако после 24 июня 1922 г. — убийства Ратенау боевиками из националистической организации «Консул» (ненависть террористов вызывал и подписанный Ратенау договор с коммунистической Россией, и его политика, направленная на точное соблюдение Версальского договора, и еврейское происхождение германского министра иностранных дел), Ранцау пересмотрел свои взгляды. «Рапалльский договор означал коренное изменение

нашей политики», — признал он позже (*Hauptst* 1984: 89).

Канцлер Йозеф Вирт пытался обойти кандидатуру Ранцау на должность германского посла в Советской России. Во-первых, для работы в Москве у канцлера были и другие кандидаты, во-вторых, личные недостатки Ранцау были очевидны: экстравагантен, нервозен, работает по ночам, принимает морфий, злоупотребляет коньяком, к тому же слишком сроднился со своим братом-близнецом, без которого жить не может. (Его братом-близнецом был граф Эрнст Ранцау — бывший гофмейстер кайзеровского двора, после свержения Вильгельма II и его бегства из Германии представлявший в Веймарской республике материальные интересы Гогенцоллернов и их претензии на компенсации.)

Но позже канцлер Вирт передумал: внешнеполитическая концепция Брокдорфа-Ранцау выглядела весьма убедительно. «Судя по нынешнему положению вещей, — писал Ранцау в июле 1922 г., — отсрочки выяснения наших отношений с Россией и совместная работа немецкого и русского народа означают для нас достойное решение и означают также не только для Европы, но и для всего мира начало успокоения и мирного восстановления... Что касается опасности заражения большевизмом, на которую часто жалуются, то нельзя утверждать, что она значительно возрастет в результате возобновления дипломатических отношений... Большинство немецкого народа, которое является здоровым, невосприимчиво к русско-азиатскому большевизму; но свой собственный

большевизм в Германии неизбежно наступит, если для нас по-прежнему будет закрыт внешнеполитический выход из нынешнего безотрадного положения» (*Томас* 2010: 161).

Брокдорф-Ранцау назначался послом в Советскую Россию, чтобы, действуя из Москвы, добиться смягчения Версальского приговора: в советской столице был тот золотой ключик, который открывал для Германии дверь в сообщество великих держав. Как писал Ранцау, его миссия имела особый смысл: «Находясь в Москве, успешно преодолеть последствия позорного Версальского диктата и возможно сорвать его» (*Hauptst* 1984: 84).

Брокдорф-Ранцау полагал, что, в случае его назначения на пост главы германского дипломатического представительства в Москве, он, как бывший министр иностранных дел, готов гарантировать свое влияние на общий политический курс. Кроме того, Ранцау хотел использовать прямой доступ к президенту Веймарской республики для того, чтобы установить политический надзор над действиями германских военных кругов (сил рейхсвера) в России (*Krummel* 2001: 7).

П.П. Почему графа Брокдорф-Ранцау называли «последним бисмаркианцем» в немецкой политике и «красным графом»?

Б.Х. Немного о биографии нашего героя. Граф Ульрих Ранцау родился 29 мая 1869 г. в провинции Шлезвиг в северной Германии. Он был потомком древней и знатной протестантской семьи, которая могла

похвастаться многими блестящими предками. Его тетья, графиня Брокдорф, завещала племяннику свое имение на том условии, что он добавит ее имя к своему. Но это не помешало графу пользоваться любой возможностью, чтобы дать понять, что он — отпрыск много более древнего, а поэтому более благородного рода Ранцау. Один из его предков был маршалом Франции при Людовике XIV; ходили слухи, что маршал был не только военачальником короля, но и любовником королевы. Граф частенько намекал, что последние представители династии Бурбонов в действительности были незаконно-рожденными детьми Ранцау (*Хильгер, Мейер* 2008: 181).

Граф Брокдорф-Ранцау, как писали о нем немецкие газеты, был «худым, неразговорчивым, резким в выражениях человеком с аристократически высокомерным, равнодушным, бледным и мятым как использованная крахмальная салфетка лицом»; он слыл нелюдимым пессимистом (*Haupst* 1984: 92). Ничто не доставляло графу большего удовольствия, чем наслаждение утонченным стилем, заключался ли он в каком-нибудь шедевре из его коллекций, в литературной жемчужине или в его личном весьма эксцентричном поведении.

Брокдорф-Ранцау был аристократом до мозга костей. Художник Георг Грош нарисовал язвительную карикатуру на него: граф был изображен в виде заносчивого дворянина, как будто презрительно cedящего сквозь зубы: «Здесь пахнет черню!»

Брокдорф-Ранцау был одним из последних «бисмаркианцев»: для

него, как ученика Бисмарка, в политике существовали лишь интересы. Во время Первой мировой войны Брокдорф-Ранцау, несмотря на свое презрение к плебейским массам, выступал за демократические и социальные реформы. Граф считал, что «немецкому народу следует впредь бороться не за военные лавры, а за победу демократической идеи в мире» (*Томас* 2010: 160). За это журналисты прозвали его «красным графом» или «графом вопреки самому себе».

В феврале 1919 г. Брокдорф-Ранцау стал первым германским министром иностранных дел после отречения от власти кайзера Вильгельма II. Брокдорф-Ранцау вместе со всем кабинетом канцлера Филиппа Шейдемана ушел в отставку в июне 1919 г., отказавшись подписать Версальский мирный договор. «Пусть отсохнет рука всякого немца, его подписавшего» (*Патрушев* 2009: 155).

Позже Брокдорф-Ранцау вспоминал, что в Версале он следовал примеру руководителя советской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске в 1918 г. Льва Троцкого, заявившего немцам-победителям: «Я ничего не подпишу. Если вы хотите стать преступниками, тогда сделайте это сами, но признайте свое преступление» (*Thomas* 2006: 155).

С июня 1919 г. свержение «оков Версаля» стало абсолютным приоритетом германской политики. Для достижения этой цели были хороши все средства, в том числе и союз с Россией, которая революцией 1917 г. коренным образом изменила весь мировой порядок. Отметим,

что и в Германии в ходе революции 1918 г. были попытки «говорить с капиталистами и империалистами по-русски»: провозгласить демократическую или даже социалистическую республику (*Драбкин 1967; Scheidemann 1998: 504–505*).

Этим обстоятельством во многом объяснялось то, что Брокдорф-Ранцау как «человек Версаля» стоял у истоков новых германо-российских отношений.

П. П. На чем основывалась советская политика в отношении Веймарской Германии?

Б. Х. Что касалось советской стороны, то большевикам в их отношениях с Берлином помогало униженное положение, в котором находилась Германия вследствие Версальского мира. Москва считала противоречия между Германией и державами-победительницами константой европейской политики. Эта предпосылка в значительной мере определяла внешнюю политику Советской России после окончания Первой мировой войны.

Однако главе советского правительства В. И. Ленину и его наркомам было непросто определить место Веймарской Германии в послевоенной мировой политической системе. С одной стороны, Германия обладала одним из сильнейших экономических потенциалов, с другой — страны-победители в Версале навязали ей, по определению Ленина, «неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир,

а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве» (*Ленин ПСС, 41: 352–353*).

Разорвать «оковы Версаля» Германия могла лишь с помощью другого государства, оказавшегося вне Версальско-Вашингтонской системы, — Советской России. Так что вместо большевистского лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» получился призыв «Париж Версаля», объединяйтесь».

Советско-германская «общность судеб», о которой много говорили в то время, была скорее «общностью интересов» и, следовательно, находилась в русле «бисмаркианской политики» Брокдорфа-Ранцау (*Brockdorff-Rantzau 1919; 1920; 1925*).

Конечно же, германо-советское сотрудничество, несмотря на взаимные интересы, не было стабильным. Недоверие с обеих сторон было велико. В Берлине оно было связано с революционными планами Советской России и Коминтерна в отношении Германии; в Москве же опасались, что во внешней политике Веймарской республики восточный вектор рано или поздно сменится западной ориентацией.

В такой ситуации в 1922 г. граф Брокдорф-Ранцау стал послом Веймарской республики в Советской России и СССР и занимал этот пост до смерти в 1928 г.

П. П. Был ли Брокдорф-Ранцау до 1922 г. связан с Россией?

Б. Х. С Россией и германской восточной политикой Брокдорф-Ранцау

был связан задолго до 1922 г. С 1897 по 1901 г. он служил секретарем германского посольства в Санкт-Петербурге. Во время Первой мировой войны, находясь в должности кайзеровского посланника в Дании, Брокдорф-Ранцау «приобрел понимание российской политики и в то же время... утратил респект по отношению к царской дипломатии» (Томас 2010: 159). Ранцау (так он подписывал свои депеши) активно участвовал в секретной деятельности рейха по выведению России из войны. Именно Ранцау открыл двери германского посольства в Копенгагене для русско-германского политического авантюриста доктора Гельфанда (Парвуса).

Первая встреча между ними состоялась уже в августе 1915 г. «Теперь я узнал Гельфанда лучше и думаю, не может быть никаких сомнений в том, что он является экстраординарной личностью, чью необычную энергию мы просто обязаны использовать как сейчас, когда идет война, так и впоследствии — независимо от того, согласны ли мы лично с его убеждениями или нет», — писал Ранцау (Germany and Revolution... 1958: 4–6).

Ранцау стал постоянным ходатаем по делам Парвуса в германском МИД. Разумеется, опытный дипломат отдавал себе отчет в том, насколько «рискованно стремиться использовать силы, стоящие за Гельфандом», но полагал, что «если мы (т.е. Германия. — Б.Х.) откажемся от его услуг из опасения оказаться неспособными управлять этими силами», то это станет «проявлением нашей слабости» (Земан, Шарлау 2007: 174).

С политической и финансовой помощью рейха и лично Ранцау, Парвус разработал план русской революции, результатом которой должно было стать свержение царя и заключение мира с Германией (Хавкин 2014: 8–37).

Контакты между Брокдорфом-Ранцау и Парвусом продолжались и в дальнейшем. Германский посланник в Копенгагене помогал в переправке Ленина и других русских революционеров из Швейцарии в Петроград в апреле 1917 г.

В беседе с графом Брокдорфом-Ранцау, состоявшейся 1 апреля 1917 г., Парвус высказал свое убеждение в том, что после Февральской революции возможны два варианта отношений Германии с Россией. Первый: германское правительство решается на широкую оккупацию России, разрушение ее имперской государственной системы и расчленение России на несколько зависимых от Германии государств. Второй: Германия заключает быстрый мир с Временным правительством России. Впрочем, был еще и третий вариант: Ленин. Германская сторона при посредничестве Парвуса переправляет вождя большевиков в Россию, где Ленин сразу же разворачивает антиправительственную деятельность, склоняет Временное правительство к подписанию мира или же сам при оказанной через Парвуса немецкой помощи приходит к власти и подписывает сепаратный мир с Германией (Земан, Шарлау 2007: 233–235).

После русской Октябрьской 1917 г. и германской Ноябрьской 1918 г. революций Брокдорф-Ранцау ак-

тивно участвовал в полуофициальных мероприятиях, объединявших общественных деятелей Германии и России: в подготовке к изданию секретных документов, раскрывавших предысторию Первой мировой войны (аналогичную работу выполняла советская комиссия под председательством М. Н. Покровского), и в акции помощи немецкого Красного Креста голодавшему населению Поволжья в 1921–1922 гг. Это позволяло Ранцау быть постоянно хорошо информированным о Советской России (Томас 2010: 160).

II. П. Что можно сказать о военном сотрудничестве рейхсвера и Красной армии в период Рапалло?

Б. Х. Военное сотрудничество рейхсвера и Красной армии, несмотря на то, что о нем ничего не говорилось в Рапальском договоре, было стержнем советско-германских отношений 1920-х — начала 1930-х гг.; причем началось оно задолго до Рапалло. Еще в июле 1920 г., в дни советско-польской войны, начальник управления сухопутных войск рейхсвера генерал-полковник Х. фон Сект, прозванный «отцом рейхсвера», писал: «Если Германия примет сторону России, то она сама станет непобедимой, ибо остальные державы будут вынуждены тогда считаться с Германией, потому что они не смогут не принимать в расчет Россию. Сотрудничество с Россией позволит Германии осуществить “подрыв” основ Версальского мирного договора».

Генерал Сект видел в союзе с Россией возможность обойти наложенные Версальским договором военно-тех-

нические ограничения. Русские, по мнению генерала, могли бы при необходимости обеспечивать поставки боеприпасов для рейхсвера и в то же время сохранять нейтралитет, если возникнут международные осложнения. Секретное военное сотрудничество Веймарской Германии и Советской России развивалось в рамках достигнутого в феврале 1921 г. тайного соглашения о «восстановлении немецкой военной промышленности» и было санкционировано лично Лениным. На территории нашей страны сооружались секретные советско-германские военные объекты: танковое училище под Казанью, авиашкола в Липецке, военно-химический центр и полигон в районе г. Вольска Саратовской области (Ахтамзян 1990; Захаров 1992; Дьяков, Бушужева 1992).

Однако Ранцау предостерегал германское руководство от поспешного выбора союзника, тем более если этот союзник — Советская Россия. Хотя граф мало верил в возможность мирного оздоровления ситуации после Версаля, все же он считал «преждевременные военные связи с Советской Россией» крупной политической ошибкой. К тому же, как писал Ранцау, он не доверял «абсолютно бессовестному советскому правительству» (Krummel 2001: 7), которое вполне могло бы шантажировать германское правительство угрозой огласки военных договоренностей.

«Большим недостатком Рапальского договора являются опасения военного союза, которые с ним связываются», — писал Ранцау в меморандуме от 15 августа 1922 г. Граф считал,

что ни в коем случае нельзя давать повод заподозрить Берлин в военных связях с Москвой. Это автоматически повлекло бы за собой союз Англии с Францией, направленный против союза Германии с Россией. По мнению Ранцау, военный союз с Советской Россией не был оправдан, поскольку отсутствовали гарантии, что с его помощью Германия сможет выбраться из безнадежного положения, в котором она находилась. Выход, по мнению Ранцау, был не в заключении военных пактов, а в сотрудничестве между Германией и Россией на благо их экономического возрождения. Этот меморандум Ранцау вручил 7 сентября 1922 г. канцлеру Вирту, а 8 сентября 1922 г. — президенту Эберту (Горлов 2001: 66–67).

До своего официального назначения послом в Москву Ранцау встретился 23 июня 1922 г. в Берлине с народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным и изложил свою концепцию развития отношений между Германией и Советской Россией. Граф получил заверения наркома в поддержке его будущей деятельности в Москве (Архив внешней политики...).

В начале ноября 1922 г. Брокдорф-Ранцау прибыл в Москву в качестве посла Веймарской республики. Вручая верительные грамоты председателю ВЦИК РСФСР М.И. Калинину, он заверил, что своей деятельностью на этом посту будет способствовать «доказательству того, что договор в Рапалло означает начало новой эры для немецкого и русского народов. Непокоримо веря в будущее немецкого и русско-

го народов, без которых немислимо возрождение мира, мы переходим к мирной работе и никто не помешает нам в этом» (Thomas 2006: 157).

Ранцау пытался выработать новую германскую политику в отношении России. Советская Россия, а затем Советский Союз играл в его внешнеполитической концепции роль противовеса Антанте. «Германо-русская общность судеб и целей», основанная на сходстве интересов, направленных против Версальской системы вообще и Польши в частности, должна была служить средством обеспечения внешнеполитических интересов Германии.

В памятной записке рейхспрезиденту Эберту от 8 июля 1922 г. о задачах посла в Москве Брокдорф-Ранцау формулирует свое видение внешней политики Германии в отношении Москвы. Ранцау так оценивает советскую внешнюю политику: «Великая цель мировой революции остается конечной задачей для советского правительства; всякие изменения его внешнеполитической деятельности суть лишь тактические маневры» (Ursachen und Folgen...).

Ранцау, понимая опасность противостояния с генералом Сектом для успеха своей миссии в Москве, пытался примириться с «отцом рейхсвера» через дипломата В. Зимонса, исполнявшего в ходе Версальских переговоров обязанности генерального секретаря германской делегации. Зимонс взялся за это, считая, что Германия не может больше себе позволить, чтобы «две ее способнейшие политические головы работали друг против друга». Ранцау пришлось смириться

с существованием связей между военными обеих стран и учитывать их в своей работе по укреплению «германо-советского сообщества интересов» (Горлов 2001: 69–70).

Однако графу, как «кандидату президента» Эберта, удалось добиться от самого Эберта и канцлера Вирта широких полномочий в толковании и проведении «восточной политики», права непосредственного доклада президенту и главе кабинета и проведения курса в отношении России независимо от «ежедневных или еженедельных инструкций того или иного министра» иностранных дел. Вирт заверил Ранцау: «Вся политика в отношении России будет проводиться через Вашу персону». На что строптивый граф ответил: «Да, или через мой труп». Таким образом, как свидетельствовал Герберт фон Дирксен, ставший преемником Ранцау в качестве посла Германии в СССР, «центр тяжести германской политики в отношении России находился не в МИДе в Берлине, а у нашего посла в Москве графа Брокдорфа-Ранцау» (Там же: 69–70).

В конечном итоге граф Ранцау своей восточной политикой преследовал ту же главную цель, что и генерал фон Сект в военной сфере — возрождение величия Германии. По концепции Ранцау, сближение с Советской Россией достигалось прежде всего развитием экономических отношений. Таким образом, экономически более слабая Россия, в соответствии с принципом мирного проникновения, привязывалась к ослабленной Версальским миром, но все же экономически более сильной, чем Россия, Германии (Krummel 2001: 8).

П. П. Удалось ли на основе Рапалло создать германо-советский противовес Западу?

Б. Х. В письме рейхспрезиденту Паулю фон Гинденбургу от 8 июля 1926 г. Ранцау так представлял суть своей политики: «использовать тесный союз с Советской Россией для создания противовеса Западу, чтобы не зависеть от милости или немилости держав Антанты» (Hauptst 1984: 85). Каждая из сторон, и Германия, и Советская Россия, находились как бы в вынужденном браке. Они не питали иллюзий в отношении честности намерений и надежности партнера, но сохраняли этот брак.

«Наши отношения с Советской России содержат определенную долю блефа: полезно создавать вовне, для наших так называемых “бывших врагов”, впечатление большей близости с Россией, чем это есть на самом деле», — писал Брокдорф-Ранцау (Hauptst 1984: 85). Прибыв в Москву, он не только выманил у встречавшего его наркома иностранных дел Чичерина реплику: «Мы горды тем, что к нам прибыл “человек Версаля”», но и сообщил иностранной прессе «о спонтанном, блестящем приеме в Москве германского посла». На самом же деле во время первого предварительного разговора с Чичериным Ранцау заявил, что он «как первый германский посол в Советской России после убийства графа Мирбаха, по меньшей мере, ожидал при встрече на вокзале отдачи воинских почестей», а его «встретили как первоклассного бутлегера» (Хильгер, Мейер 2008: 205; Hauptst 1984: 86).

Отметим, что убийство германского посла в Москве графа Мирбаха 6 июля 1918 г. явилось следствием германской политики в отношении Советской России. Мирбах стал, с одной стороны, заложником политики вынужденного партнерства германского рейха с правительством Ленина, с другой — поисков германской стороной политических альтернатив большевикам (Хавкин 2014: 62–82).

Однако не только немцы в отношении России, но и большевики в отношении Германии проводили амбивалентную политику. С одной стороны, они, подписав Рапальский договор, установили с Веймарской республикой дружеские партнерские отношения, с другой — с помощью Коминтерна разжигали в Германии пожар мировой революции.

П. П. Как развивались экономические связи в рамках Рапальского договора?

Б. Х. Граф Брокдорф-Ранцау полагал, что экономические связи между Советской Россией и Германией должны были способствовать изменению международной политической ситуации в пользу Германии. По сути, концепция Ранцау была практическим преломлением тезиса Парвуса: «Политические перемены на основе экономического сближения». (Ранцау сохранил контакты с Парвусом, который к тому времени стал уже германским гражданином (Haupst 1984: 87).)

Посол внес существенный вклад в заключение советско-германского Берлинского договора 1926 г. Брокдорф-

Ранцау не только видел большие возможности торгового сотрудничества, заложенные этим договором, но и хотел, говоря по-современному, создать своего рода программу развивающей помощи для России, в которой Германии отводилась бы особая роль. Немецкие фирмы «Крупп», «АЭГ», «Юнкерс» и другие развили в 20-е гг. взаимовыгодные контакты с Советской Россией.

Расчет Брокдорфа-Ранцау состоял в том, что его концепция германо-советского экономического сотрудничества совпадала с новой экономической политикой большевиков (НЭП). Ведь Ленин, автор этой политики, неоднократно призывал «учиться у немцев» (Ленин ПСС, 9: 201–204). Составной частью НЭП были иностранные концессии и аренда советских предприятий иностранными, прежде всего американскими и немецкими, фирмами. Однако так как советский режим не мог предоставить иностранным предприятиям необходимых правовых гарантий, планы большевиков по привлечению в страну иностранного капитала в конечном итоге оказались несостоятельными.

П. П. Какие отношения сложились у германского посла с народным комиссаром иностранных дел Г. В. Чичериным?

Б. Х. Историк Отто Хётч, позже вспоминая годы пребывания Ранцау в Советской России, свидетелем которого он был, удивлялся тому, что посол смог так долго продержаться в большевистской Москве. Ранцау оставляли равнодушными опера и балет, загородные прогулки и да-

чи — все то, что составляло развлечения, доступные иностранцам в советской столице.

Повседневная московская жизнь посла протекала вдали от здания германского посольства. Он проживал на вилле в Обуховом переулке, 5 (теперь это резиденция патриарха Московского и Всея Руси в Чистом переулке). Свой особняк посол покидал редко и никогда пешком — всегда на автомобиле. При отсутствии общественной жизни в Москве (в западном ее понимании), жившие здесь дипломаты были изолированы, да и их снабжение было не на высоте. Брат-близнец граф Эрнст Ранцау присылал послу из Берлина столь необходимые ему французский коньяк, водку «Францбрантвайн» и кокаин.

Граф обычно работал по ночам; чтобы быстро составлять и отправлять в Берлин подготовленные им многочисленные депеши, в его распоряжении были секретарь и шифровальщик (*Hoetzsch* 1934: 270). Посол придавал большое значение фиксации информации, стремился, чтобы каждый акт его дипломатической деятельности был документально зафиксирован (РААА).

Живя в России, посол, как и в Германии, презирал «парвеню». В советской столице это были «нахальные и высокомерные элементы из компартии и Коминтерна» (*Haupt* 1984: 93). Ранцау раздражало влияние Коминтерна, который «налагался бременем на структуру германо-советских отношений наподобие излишней закладной» (*Хильгер, Мейер* 2008: 230). Граф постоянно призывал наркома иностранных дел Чичерина

разъяснить влияние, оказываемое Коминтерном на Советское государство. Под настойчивым давлением Ранцау, Чичерин, по крайней мере в глазах зарубежных дипломатов, прилагал энергичные усилия по размежеванию между советской внешней политикой и революционным коммунизмом, государством и большевистской партией. Это стало одним из условий поддержания прочных отношений Веймарской Германии с Советским Союзом.

Не случайно в качестве партнера для диалога германский посол в Москве избрал именно Чичерина — русского аристократа с немецкими корнями (его предки по женской линии происходили из лифляндского рода фон Мейендорф). По своим привычкам, вкусам, образованию посол и нарком настолько соответствовали друг другу, что личный контакт между ними возник сам собой. Но прежде всего они совпадали в убежденности важности того, что позже стали называть «духом Рапалло».

15 мая 1923 г., в связи с первой годовщиной Рапалльского договора германский посол получил от Чичерина письмо. Через год пришло следующее письмо Чичерина; отвечая на него, Ранцау писал, что Рапалльский договор стал выражением «жизненной общности интересов обоих народов, которые связаны между собой», и что этот договор, вопреки всем атакам на него, «принесет богатые плоды, если будет соответствовать своему духу. Гарантию этого я вижу <...> в первую очередь в Вашем лице <...> Рапалло — это больше будущее, чем прошлое. Итак — полный вперед!» (РААА 226151; *Haupt* 1984: 100).

Регулярный обмен письмами вошел для Ранцау и Чичерина в привычку; при этом официальные рамки вскоре были преодолены. Своей кульминации дружеские отношения между наркомом и послом достигли в ноябре 1927 г. Поводом для этого стала не широко отмечавшаяся в СССР десятая годовщина Октябрьской революции, а скромный пятилетний юбилей деятельности германского посла в Москве. Итог работы, который Ранцау подводил каждого 4 ноября, выглядел оптимистично. К тому же Чичерин «великодушно отметил выдающуюся роль посла в установлении и укреплении дружественных отношений между Россией и Германией» (Томас 2010: 238). Отвечая Чичерину, Ранцау выразил уверенность в личной дружбе, в том, что она взаимна и идет от чистого сердца: «Мне известно, что политику нельзя контролировать сердцем, но тем не менее я уверен, что политике не повредит, если в ней участвовать и сердцем. Наша общая судьба и наши общие интересы привели меня к этому убеждению» (Там же: 239).

Личные доверительные отношения, сложившиеся между Чичериным и Ранцау, вызывали явное раздражение генсека И.В. Сталина. В одном из его писем есть замечание, очевидно намекающее на нетрадиционную сексуальную ориентацию наркома: «Чичерин слаб до тошноты, он влюблен в Ранцау и нередко забывает об интересах своего государства. Он, чудак, думает, что Ранцау (или любой другой посол) может вести политику (“дружественную” нам!) и отличную от политики гермпра (германского правительства. — Б.Х.). Дитя...» (Там же: 191).

Чичерин действительно восхищался Ранцау как личностью и дипломатом, но никогда не забывал об интересах своей страны: «У Ранцау маневр сменяется маневром, чтобы тянуть нас за нос... Когда он весь одна картина безграничного трудолюбия, когда комплименты льются из его уст неиссякаемым потоком, тогда держи карман. При этом разнообразие его актерских ролей очень велико: то Кассандра, то равнодушный и презрительный великодержавный вельможа, то рассыпающийся мелким бесом доброжелатель, то все понимающий философ, то просто откровенный друг — разнообразие замечательное» (Там же: 190).

Ранцау же, человеконенавистник в душе, человек с почти психологическим недоверием к своему окружению, который видел врагов, прячущихся за каждым углом, никогда не терял уважения и чувства теплой дружбы к Чичерину. Последние мысли посла, продиктованные им на смертном ложе, выражают его веру в самого себя, свою миссию и дружбу с народным комиссаром иностранных дел. Вот это письмо: «Мой дорогой народный комиссар! Мой брат-близнец, посол граф Брокдорф-Ранцау сегодня днем призвал меня к своему ложу и попросил меня передать Вам, народный комиссар, и г-ну Литвинову (заместителю наркома иностранных дел. — Б.Х.) следующее: после вердикта своего врача он понял, что должен смириться с внезапной смертью в любой момент. Он в свой смертный час попросил меня передать вам, господа, обоим, что он считал задачей своей жизни довести политику, преследовавшуюся им в последние годы, до желанной цели.

Кроме того, он просил меня сказать Вам, что он благодарит обоих комиссаров, особенно Вас, за веру в сотрудничество, которую он всегда находил у вас в трудные годы. Его последняя и твердая надежда, сказал он, состоит в том, что германский и русский народы смогут общим трудом достичь той цели, которой они желают. Берлин, 8 сентября 1928 г. Эрнст граф Ранцау» (*Хильгер, Мейер* 2008: 202).

В письмах Чичерину Ранцау вспоминал, что при вручении им верительных грамот Калинину обе стороны были едины в своем непризнании опеки «третьей стороны» (РААА 226092). Эта «третья сторона», которая часто фигурировала в заявлениях и личных письмах обоих политиков, не называлась по имени. Упоминались лишь журналисты из Франции, Англии или Германии, которые распространяли слухи, призванные скрыть важные взаимосвязи. Примером происков «третьей стороны» был такой случай: летом 1926 г. берлинский корреспондент французской газеты «Эхо Парижа» в своей газете писал, что уединенный образ жизни Ранцау в Москве есть доказательство мании преследования, которой якобы страдал посол. Ранцау якобы жил в Москве в постоянном страхе быть убитым, как его предшественник граф Мирбах. Но этим страхам будет положен конец: вскоре Ранцау будет освобожден от должности (РААА 28). Берлин вынужден был опровергать эти слухи, дошедшие и до Советской России.

Незадолго до своего окончательного отъезда из Москвы весной 1928 г. Ранцау писал в связи с появлением новой статьи, направленной против

него: «Эти все чаще повторяющиеся атаки, направленные не только против меня лично, но и против политики, которую я представляю, преследуют цель, и принимая во внимание средства, используемые для ее достижения, весьма опасную» (РААА 226046). Отъезд Ранцау из России был вызван болезнью, уже вступившей в последнюю стадию.

П. П. Как вы оцениваете вклад Брокдорфа-Ранцау в развитие германо-советских отношений периода Рапалло?

Б. Х. В течение шести лет граф Брокдорф-Ранцау, последний «бисмаркианец» в германской политике, пытался сделать германо-советские отношения как можно более тесными. В августе 1928 г., незадолго до смерти (граф умер 8 сентября 1928 г.), он, подводя итог жизни, сказал, что «руководствовался постоянным стремлением поднять немецкий народ на подобающую ему высоту» и, находясь в Москве, «сделал еще не все возможное для этого». На смертном одре Брокдорф-Ранцау лаконично произнес: «Я умираю охотно — я уже умер в Версале». Рана, которую оставило его личное и национальное унижение в Версале, так и осталась неизлечимой.

«Дружба с Вашим покойным братом, — гласило письмо Чичерина графу Эрнсту Ранцау от 6 ноября 1928 г., — была самым лучшим переживанием моей жизни. Вино “Штайнбургер” из Анетенхёе, лившееся во время наших бесед, было для нас символом соединения утонченности вкуса с окружавшей реальностью. На праздновании пятилетия пребывания Вашего дорогого брата в должности посла я выразил

надежду, что нас ждет еще много долгих лет радующей нас совместной работы ради достижения общей светлой цели. Всякая мысль о таком внезапном конце мне была полностью чужда...» (*Thomas 2006: 159*).

В некрологе по поводу кончины Ранцау, напечатанном в главной партийной газете «Правда», журналист Михаил Кольцов писал, что «честолюбивый, аристократически надменный граф оказался самым верным, самым доброжелательным и самым доступным, а поэтому самым приятным буржуазным послом в красной Москве». Советские официальные лица, которые встречали «старого графа» в приемной Наркоминдела, «с удивлением не ощущали влияния классово-ненависти, которая была бы уместна при виде лиц благородной крови». Это все потому, что «этот граф понял и никогда не забывал, что Советский Союз, какими бы вы глазами ни смотрели на это, — могучая держава, с которой надо стараться жить в дружбе и согласии... Это было самым важным для старого графа» (*Хильгер, Мейер 2008: 203; Haupt 1984: 100*).

Министр иностранных дел Германии экс-канцлер Густав Штреземан в траурной речи памяти графа Брокдорфа-Ранцау подчеркнул, что «Брокдорф-Ранцау воспринимал свою деятельность в Москве как историческую миссию... Его работа служила укреплению отношений между Россией и Германией, дружбы и сотрудничества между нашими великими странами и народами» (*Haupt 1984: 102*).

П. П. Спасибо, Борис Львович, за интервью!

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики — Архив внешней политики министерства иностранных дел РФ. Ф. 4. Оп. 69. П. 454. Д. 26. Л. 59.

ADAP 1988 — Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945 (ADAP). Göttingen. 1988, Serie A, Bd. VI. Dok. 159. S. 328.

Germany and Revolution 1958 — Germany and Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London — New York — Toronto, 1958.

РААА — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Nachlaß Brockdorff-Rantau.

РААА 226151 — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Nachlaß Brockdorff-Rantau, H 226151, Abschrift.

РААА 226092 — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Nachlaß Brockdorff-Rantau, H 226092.

РААА 226046 — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Nachlaß Brockdorff-Rantau, H 226046.

РААА 28 — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Nachlaß Stresemann, Bd. 28.

Заявление — Заявление германских членов Российско-германской совместной Комиссии историков. URL: <https://www.rossijsko-germanskaja-komissija-istorikov.ru/> (дата обращения 09.03.22).

Ленин ПСС, т. 9 — *Ленин В.И.* О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия) // *Ленин В.И.* ПСС, 5-е изд., т. 9, с. 201–204.

Ленин ПСС, т. 41 — *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., 5 изд., т. 41.

Российско-германские отношения — Российско-германские отношения — вчера, сегодня, завтра. Международная конференция / <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijsko-germanskie-otnosheniya-vchera-segodnya-zavtra>

k-80-letiyu-rapallskogo-dogovora.pdf (дата обращения: 09.03.22).

Советско-германские отношения — Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 2. М. 1971, док. 308. С. 540–541.

Хаффнер — Хаффнер С. Соглашение с дьяволом. Германско-русские взаимоотношения от Первой до Второй мировой войны // <https://history.wikireading.ru/192750> (дата обращения: 09.03.22).

Brockdorff-Rantzau 1919 — Brockdorff-Rantzau U. v. Deutschlands Auswärtige Politik. Rede am 14. Februar 1919 in Weimar von der Nationalversammlung. Berlin, 1919.

Brockdorff-Rantzau 1920 — Brockdorff-Rantzau U. v. Dokumente. Charlottenburg, 1920.

Brockdorff-Rantzau 1925 — Brockdorff-Rantzau U. v. Dokumente und Gedanken um Versailles. Berlin, 1925.

Ursachen und Folgen — Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Bd. VI, Dok. 1408.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахтамзян 1974 — Ахтамзян А.А. Рапальская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М., 1974.

Ахтамзян 1990 — Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии. 1920–1933 // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 3–24.

Горлов 2001 — Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва–Берлин, 1920–1933 гг. М., 2001.

Драбкин 1967 — Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.

Дьяков, Бушуева 1992 — Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922–1933. М., 1992.

Захаров 1992 — Захаров В.В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921 — июнь 1941 гг. М., 1992.

Земан, Шарлау 2007 — Земан З., Шарлау У. Кредит на революцию. План Парвуса. М., 2007.

Макаренко 2011 — Макаренко П.В. Курсом Рапалло: СССР и Германия в 1922–1927 гг. // Вопросы истории. 2011. № 10. С. 29–45.

Патрушев 2009 — Патрушев А.И. Германские канцлеры. М., 2009.

Рапальский договор 2008 — Рапальский договор между РСФСР и Германским государством. 16 апреля 1922 г. // История Германии XX века в новом измерении. М., 2008. С. 115–116.

Томас 2010 — Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010.

Хавкин 2014 — Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900–1945. Сплетение истории. М., 2014.

Хильгер, Мейер 2008 — Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? М., 2008.

Чубарьян 1976 — Чубарьян А.О. Мирное сосуществование: теория и практика. М., 1976.

Haupts 1984 — Haupts L. Graf Brockdorff-Rantzau. Diplomat und Minister in Kaiserreich und Republik. Zürich, 1984.

Helbig 1955 — Helbig H. Die Moskauer Mission des Grafen Brockdorff-Rantzau. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1955.

Helbig 1958 — Helbig H. Die Träger der Rapallo-Politik. Göttingen, 1958.

Hoetzsch 1934 — Hoetzsch O. Osteuropa und Deutscher Osten. Kleine Schriften zu ihrer Geschichte. Berlin, Königsberg, 1934.

Krummel 2001 — Krummel V. Ostpolitik contra Westorientierung — Deutsche Russlandpolitik zwischen Stresemann und Graf Brokdorf-Rantzau. 2001.

Scheidemann 1998 — Scheidemann C. Ulrich Graf Brockdorff-Rantzau (1869–1928):

eine politische Biographie. Frankfurt a. M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1998.

Stern-Rubarth 1929 — *Stern-Rubarth E. Graf von Brockdorff-Rantzau. Wanderer zwischen zwei Welten. Ein Lebensbild.* Berlin, 1929.

Thomas 2006 — *Thomas L. Tschitscherins Variante. Deutschland in der Biographie des ersten sowjetischen Außenministers Georgij Tschitscherin // Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. West-östliche Spiegelungen.* Hg. K. Eimermacher, A. Volpert. München, 2006.

REFERENCES

Akhtamzian A. A. *Rapall'skaia politika. Sovetsko-germanskie diplomaticheskie otnosheniia v 1922–1932 godakh.* Moscow, 1974.

Akhtamzian A. A. *Voennoe sotrudnichestvo SSSR i Germanii. 1920–1933. Novaia i noveishaia istoriia,* 1990, no. 5, p. 3–24.

Chubar'ian A. O. *Mirnoe sosushchestvovanie: teoriia i praktika.* Moscow, 1976.

D'iakov Iu. L., Bushueva T. S. *Fashistskii mech kovalsia v SSSR: Krasnaia Armia i reikhsver. Tainoe sotrudnichestvo 1922–1933.* Moscow, 1992.

Drabkin Ia. S. *Noiabr'skaia revoliutsiia v Germanii.* Moscow, 1967.

Gorlov S. A. *Sovershenno sekretno: Al'ians Moskva–Berlin, 1920–1933 gg.* Moscow, 2001.

Haupts L. *Graf Brockdorff-Rantzau. Diplomat und Minister in Kaiserreich und Republik.* Zürich, 1984.

Helbig H. *Die Moskauer Mission des Grafen Brockdorff-Rantzau. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* Berlin, 1955.

Helbig H. *Die Träger der Rapallo-Politik.* Göttingen, 1958.

Hoetzsch O. *Osteuropa und Deutscher Osten. Kleine Schriften zu ihrer Geschichte.* Berlin, Königsberg, 1934.

Khavkin B. L. *Rossiia i Germaniia: 1900–1945. Spletenie istorii.* Moscow, 2014.

Khil'ger G., Meier A. *Rossiia i Germaniia. Soiuzniki ili vragi?* Moscow, 2008.

Krummel V. *Ostpolitik contra Westorientierung — Deutsche Russlandpolitik zwischen Stresemann und Graf Brokdorff-Rantzau.* 2001.

Makarenko P. V. *Kursom Rapallo: SSSR i Germaniia v 1922–1927 gg. Voprosy istorii,* 2011, no. 10, p. 29–45.

Scheidemann C. *Ulrich Graf Brockdorff-Rantzau (1869–1928): eine politische Biographie.* Frankfurt a. M.; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1998.

Patrushev A. I. *Germskie kantslery.* Moscow, 2009.

Rapall'skii dogovor 2008 — Rapall'skii dogovor mezhdru RSFSR i Gersmskim gosudarstvom. 16 apreliia 1922 g. *Istoriia Germanii KhKh veka v novom izmerenii.* Moscow, 2008, p. 115–116.

Stern-Rubarth E. *Graf von Brockdorff-Rantzau. Wanderer zwischen zwei Welten. Ein Lebensbild.* Berlin, 1929.

Thomas L. *Tschitscherins Variante. Deutschland in der Biographie des ersten sowjetischen Außenministers Georgij Tschitscherin. Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. West-östliche Spiegelungen.* Hg. K. Eimermacher, A. Volpert. München, 2006.

Tomas L. Ia. *Zhizn' G. V. Chicherina.* Moscow, 2010.

Zakharov V. V. *Voennye aspekty vzaimootnoshenii SSSR i Germanii: 1921 — iium' 1941 gg.* Moscow, 1992.

Zeman Z., Sharlau U. *Kredit na revoliutsiiu. Plan Parvusa.* Moscow, 2007.

ВЕНГЕРСКИЙ ИСТОРИК АТТИЛА КОЛОНТАРИ О ПРЕДЫСТОРИИ И КОНКРЕТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВСТУПЛЕНИЯ ВЕНГРИИ В ВОЙНУ С СССР В ИЮНЕ 1941 г.

Инцидент с бомбардировкой 26 июня 1941 г. города Кашша (Кошице), ответственность за которую была возложена на советскую авиацию, дал повод для вступления хортистской Венгрии в войну с СССР, имевшего для страны роковые последствия. В предновогодние дни 1944 г., после расстрела советских парламентариев началась многодневная и кровопролитная осада Красной армией Будапешта, где была дислоцирована крупная группировка вермахта. Операция продолжалась до 13 февраля 1945 г. Освобождение Венгрии стоило жизни 140 тыс. советских военнослужащих. Тема беседы — обстоятельства вступления Венгрии в войну с СССР в июне 1941 г. Собеседник ИЭ — один из ведущих венгерских специалистов по истории своей страны в рассматриваемый период Атилла Колонтари.

Ключевые слова: Венгрия, Вторая мировая война, нападение Германии на СССР, Хорти, советско-венгерские отношения, венгерская армия на восточном фронте.

Сведения об авторе: Атилла Колонтари, доктор истории, старший научный сотрудник Комитета национальной памяти (Венгрия).

Контактная информация: kolontari@freemail.hu.

HUNGARIAN HISTORIAN ATTILA KOLONTÁRI ON THE BACKGROUND AND SPECIFIC
CIRCUMSTANCES OF HUNGARY'S ENTRY INTO THE WAR WITH THE USSR IN JUNE 1941

The incident with the bombing on June 26, 1941 of the city of Kassa (Košice), the responsibility for which was assigned to the Soviet aviation, gave rise to

the entry of Horthy Hungary into the war with the USSR, which was of fatal consequences for the country.

Key words: Hungary, World War II, Germany's attack on the USSR, Horthy, Soviet-Hungarian relations, the Hungarian Army on the Eastern front.

About the author: Kolontári Attila, PhD in history, senior research fellow, the Committee of National Remembrance, Hungary.

Contact information: kolontari@freemail.hu.

Беседовал А. Стыкалин

А. С. Атила, начнем с того, что отношения Венгрии и СССР, с лета 1940 и до конца марта 1941 г. довольно корректные, испортились с подключением Венгрии в начале апреля 1941 г. к антиюгославской кампании вермахта. Сохранялся ли еще после этого шанс избежать вступления Венгрии в войну на стороне Германии?

А. К. Действительно, если мы рассматриваем весь межвоенный период советско-венгерских отношений, то упомянутые месяцы, несомненно, были наиболее интенсивными в плане двусторонних контактов. За относительно короткий промежуток времени стороны довольно быстро нашли решения тех вопросов, которые долгие годы оставались открытыми или были предметом разногласий между Москвой и Будапештом. Так, 3 сентября 1940 г. в Москве было подписано торговое и платежное соглашение, предусматривавшее товарообмен между двумя странами в размере 3,7 млн долларов США. В феврале 1941 г. были заключены соглашения о восстановлении почтовой и телеграфной связи и о железнодорожном сообщении. Но в этом ряду можно упомянуть также первое и единственное за весь межвоенный период участие СССР в Будапешт-

ской международной ярмарке в мае 1941 г.

Об активизации советско-венгерских двухсторонних отношений свидетельствует и тот факт, что, в отличие от 1930-х гг., стороны полностью укомплектовали штат своих миссий, были назначены военные атташе, торговые представители, советники, секретари, представители телеграфных агентств. В октябре 1940 г. состав венгерского посольства в Москве насчитывал 22 сотрудника, советское же полпредство в Венгрии — 18 (судя по документам НКВД, на 1941 г. планировалось дальнейшее серьезное расширение состава миссии — до 27 лиц, плюс 6 сотрудников торгового представительства).

В октябре 1940 г. венгерское правительство условно освободило лидера венгерских коммунистов, члена Исполкома Коминтерна Матьяша Ракоши из тюрьмы и разрешило ему выезд в СССР. Напомним читателям, что Ракоши был откомандирован в Венгрию нелегально с целью организации подпольного коммунистического движения. В сентябре 1925 г. он был арестован и осужден, сначала на 8 с половиной лет, потом, по истечении этого срока, на пожизненное тюремное заключение. Советский

Союз в течение долгих лет добивался его освобождения. Но Москва должна была действовать осторожно, окольными путями (через родственников или адвокатов Ракоши, а также через английских парламентариев). Непосредственное обращение советского правительства к венгерскому могло бы быть расценено как вмешательство во внутренние дела Венгрии и стало бы признанием того факта, что за деятельностью венгерских коммунистов стоит Москва. И вот через посредников до сведения венгерского правительства было доведено, что взамен за освобожденного Ракоши советская сторона готова возвратить Венгрии знамена венгерской армии времен революции и антигабсбургской национально-освободительной войны 1848–1849 гг., ставшие трофеями армии фельдмаршала И. Паскевича вследствие капитуляции венгерских войск перед русскими в августе 1849 г. Предложение долгие годы оставалось без ответа, но осенью 1940 г. «сделка» была заключена. Хотя официально и публично эти два вопроса никогда не связывали друг с другом, но из архивных документов становится ясно, что за кулисами речь шла именно об обмене Ракоши на знамена. В конце октября 1940 г. Ракоши был выпущен из тюрьмы и получил возможность выезда в СССР, так что 7 ноября он уже смог принять непосредственное участие в торжествах по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Через несколько месяцев, в марте 1941 г. Советский Союз возвратил венгерские революционные знамена. Торжественные церемонии, связанные с передачей знамен, состоялись сначала в Москве, а потом в Будапеште, причем с советской

стороны детали были одобрены на уровне Политбюро ЦК ВКП(б). В торжественных речах, в письмах благодарности венгерской стороны не раз звучали выражения «добрососедские», порой даже «дружественные» применительно к отношениям между двумя странами и народами. Возвращение знамен было интерпретировано как проявление доброй воли СССР в отношении Венгрии.

Подобное сближение между Москвой и Будапештом с лета 1940 г. произошло на основе общности интересов, а именно территориальных претензий обеих стран к соседней Румынии. В Венгрии вручение в июне 1940 г. официальному Бухаресту советского ультиматума с требованием передачи СССР Бессарабии и Северной Буковины было встречено восторженно, а тем более это можно сказать про слова В. Молотова венгерскому посланнику о том, что претензии Венгрии к Румынии имеют под собой определенные основания. Многим казалось, что настало время для совместных действий против Бухареста. Однако тщательный анализ архивных документов приводит нас к выводу, что это было не совсем так. Во-первых, в Москве не планировали вовлечения Венгрии в качестве стратегического партнера в решение «бессарабского вопроса», с которым в Будапеште (но не в Москве) тесно увязывали «трансильванский вопрос». Советское руководство ни до, ни после передачи 26 июня ультиматума не согласовывало свои действия с Венгрией, оно довольствовалось лишь некоторыми демонстративными жестами дружелюбия в сторону Будапешта, поддержавшего советскую акцию: вышеупомянутые

слова Молотова, назначение военного атташе в венгерскую столицу, более тесные, нежели было принято ранее, контакты полпреда Николая Шаронова с графом Иштваном Чаки, венгерским министром иностранных дел, в дни «бессарабского кризиса». Однако все эти жесты были достаточны для того, чтобы породить слухи о советско-венгерском военном союзе против Румынии, что не на шутку встревожило Бухарест. Летом 1940 г., после быстрого успеха немецких войск на западном театре военных действий (а Франция, как известно, капитулировала всего за 4 дня до предъявления советского ультиматума Румынии), Москве, несомненно, было на руку усиление напряженности в отношениях между двумя союзницами Германии в тылу Третьего рейха. Но так как, за исключением Бессарабии, территории обеих стран входили в сферу интересов Берлина, советскому руководству здесь надо было проявить большую осторожность. Судя по архивным документам, именно венгерское руководство стремилось к более тесному сотрудничеству с Москвой на «антирумынской основе» и хотело заручиться поддержкой СССР в конфликте. Йозеф Криштофи, венгерский посланник, согласно полученным инструкциям в начале июля 1940 г. передал Молотову венгерские пожелания по этому поводу. Венгрия просила, чтобы советская сторона не уменьшала концентрацию войск и степень их боевой готовности на новой границе с Румынией и чтобы в советской прессе были опубликованы дружественные в отношении Венгрии статьи, признающие справедливость венгерских территориальных требований. Венгрия

также выразила свое желание покупать у СССР бомбардировщики и истребители (в других источниках фигурируют еще и танки).

Москва ни одну из этих просьб не могла выполнить без риска обострения отношений с Германией. Однако разговоры о возможных совместных действиях против Румынии продолжались, главным образом по венгерской инициативе, и после Второго венского арбитража 30 августа 1940 г., когда волей Германии и Италии Северная Трансильвания была отдана Венгрии. Наиболее ярким примером этому служит, наверно, встреча советского полпреда Н. Шаронова с «серым кардиналом» венгерской политики, очень влиятельным бывшим премьер-министром графом Иштваном Бетленом, имевшая место 9 сентября 1940 г. Бетлен пригласил Шаронова к себе на завтрак и в доверительной беседе затрагивал довольно щекотливые вопросы. Высказавшись о недовольстве венгерского общественного мнения решением Второго венского арбитража (ведь ждали не искусственного расчленения Трансильвании на две части, а ее максимально возможного перехода под венгерский контроль), он развил мысль о том, что чрезмерное усиление Германии в этом регионе (превращение Румынии в «немецкую колонию», а Венгрии в «проход к ней») не в интересах ни Венгрии, ни СССР. Венгрия, — добавил он, — должна сохранить хорошие отношения с СССР как с великой державой, которая одна только способна уравновесить германское давление на Будапешт. Для Шаронова такая постановка вопроса была несколько неожиданной, и при отсутствии

четких инструкций из Москвы он уклонился от более глубокого обсуждения соображений Бетлена. Он высказал лишь одно возражение, заметив, — и в его словах была определенная доля правды, — что значительные политические и общественные круги в Венгрии относятся дружелюбно к Германии и в СССР готовы видеть угрозу для страны. Кроме этого, Шаронов намекнул на тесные и достаточно хорошие советско-германские отношения и на то, что между Москвой и Берлином существует соглашение о консультациях по внешнеполитическим вопросам. Как бы то ни было, нам не стоит переоценивать отдельные проявления намерений венгерской элиты ориентироваться на Советский Союз. Ведь наряду с ними ни в недрах дипломатии, ни на страницах прессы не было недостатка в таких заявлениях, согласно которым единственной страной, угрожавшей безопасности Венгрии, был СССР. Речь шла не только о большевистской угрозе, но и об опасениях скрытых советских территориальных претензий на возвращенный к этому времени Венгрией регион, который принадлежал ей до 1920 г. и по-венгерски называется Карпаталья (т.е. Подкарпатская Русь или Закарпатская Украина). Сама вышеизложенная концепция Бетлена, хотя по целому ряду причин была нереальна, все же свидетельствует о том, что антинацистски, англофильски настроенные политические круги Венгрии искали внешнеполитические альтернативы в условиях все возрастающего давления со стороны Германии.

Советско-венгерские отношения действительно стали ухудшаться после

присоединения Венгрии к кампании вермахта против Югославии в начале апреля 1941 г. Интересами ради здесь необходимо отметить, что Венгрия свое участие в кампании против соседнего государства обосновывала теми же аргументами, которыми оперировало и советское руководство в сентябре 1939 г. при вводе своих войск на территорию Польши: распад государства и возникновение вакуума власти в результате военных действий Германии, необходимость защиты своих этнических собратьев, возвращение ранее отторгнутых от страны территорий. В советской столице А. Вышинский в качестве первого зама наркома иностранных дел в довольно острой форме выразил недовольство правительства СССР венгерскому посланнику Й. Криштофи по поводу акции Венгрии против Югославии. Он не проявлял никакой готовности принимать венгерскую аргументацию и решительно отвергнул любую параллель между событиями сентября 1939 г. и апреля 1941 г. Москва не ограничила свои действия устным демаршем Вышинского, НКВД отозвал полпреда Шаронова домой для консультаций. Одновременное отсутствие советского полпреда и военного атташе в Будапеште породило слухи, что СССР готовится к разрыву дипломатических отношений с Венгрией. Однако дело до этого не дошло, Шаронов в Москве на встрече со своим венгерским коллегой Криштофи от имени своего ведомства заявил, что разногласия по югославскому вопросу впредь не повлияют на желание СССР поддерживать с Венгрией добрососедские отношения (Криштофи при этом констатировал, что в решении повседневных, текущих вопросов советская сторона

проявляет меньше благоволения в отношении Венгрии, чем это было до югославского кризиса).

Но даже после некоторого ухудшения и охлаждения советско-венгерских отношений участие Венгрии в войне против СССР на стороне Германии не было предreshено. Немецкое военное и политическое руководство не посвятило венгров в свои планы, а план операции «Барбаросса» не предусматривал активного участия венгерских войск в военных действиях. Первые слухи о готовящемся нападении на СССР стали поступать из Берлина от венгерского посланника Дэме Стояи с апреля 1941 г. — сначала в смутной, неопределенной, а потом во все более решительной форме. Венгерское руководство оказалось перед необходимостью определить свою позицию на случай крупномасштабного военного столкновения между Германией и СССР. Мнения политического и военного руководства разошлись в оценке ситуации.

А. С. Существовали ли в элите режима Хорти и в правительстве разногласия в вопросе о вступлении в войну с СССР? Была ли, условно говоря, «партия войны», а с другой стороны, и более умеренная партия? Были ли силы, даже после 22 июня (нападения Германии) пытавшиеся воспрепятствовать подключению Венгрии к войне с СССР?

А. К. При ответе на эти вопросы нам необходимо учесть несколько факторов, определивших венгерскую внешнеполитическую и военную доктрину. Поражение в Первой мировой войне, а потом распад (точнее,

расчленение) страны в результате Трианонского мирного договора 1920 г. шокировали венгерскую общественность и политическую элиту. Вследствие договора Венгрия была лишена 2/3 своей территории, 57% населения, среди них было 3,2 млн этнических венгров (примерно каждый третий венгр оказался под властью чужого государства). С того времени идея пересмотра договора, стремление к ревизии границ представляли собой «альфу и омегу» венгерской внешней политики. Важнейшие уроки, извлеченные из опыта Первой мировой войны, заключались в том, что Венгрия не должна участвовать в будущих военных конфликтах в чужих интересах, что необходимо сохранить вооруженные силы в боеспособном состоянии до конца войны и что венгерская армия может быть применена только с целью возвращения отторгнутых от Венгрии в результате Трианона территорий. Согласно этим представлениям, во внешней политике старались сохранить свободу действий и не связывать себя окончательно и бесповоротно ни с одной из группировок великих держав, чтобы не попасть в такое же положение, как это случилось после Первой мировой войны.

Но начиная с 1938–1939 гг., когда стало ясным, что бывшие страны-победительницы, Франция и Великобритания, уже не в силах сохранить свое прежнее влияние в этом регионе и настоящим хозяином положения в Центральной Европе становилась гитлеровская Германия, выполнение подобной задачи было все труднее и труднее для руководителей венгерской внешней политики. Си-

туация еще сильнее усугублялась в силу того, что частичные успехи в ревизии границ (первый венский арбитраж в 1938 г., вернувший Венгрии прежде всего Южную Словакию; захват региона Карпаталья, т.е. нынешней Закарпатской Украины, в 1939 г. и второй венский арбитраж 1940 г., вернувший Северную Трансильванию) были достигнуты с помощью Германии, за что Берлин каждый раз предъявлял свой счет венграм (признание особых прав за немецким национальным меньшинством в Венгрии; присоединение к Антикоминтерновскому, а потом и к Тройственному пактам).

Здесь необходимо упомянуть, что как довольно широкие круги венгерского общества, так и многие политические деятели, военные руководители находились под влиянием военных и политических успехов Германии в установлении «Нового европейского порядка». Одни встретили это с восторгом и удовлетворением, другие — с опасением. Наиболее дальновидные политики, как премьер-министр граф Пал Телеки или вышеупомянутый Иштван Бетлен, не верили в окончательную победу гитлеровской Германии в долгосрочной перспективе. Они старались не допустить полного разрыва с Англией и, насколько это было возможно, заручиться поддержкой с ее стороны венгерских ревизионистских требований.

До весны 1941 г. венгерское правительство довольно успешно балансировало между Берлином и Лондоном. В сентябре 1938 г., в дни «чехословацкого кризиса» Венгрия отклонила предложение Берлина

напасть первой на Чехословакию, чтобы потом немцы могли вмешаться в события под видом «наведения порядка» (Гитлер взамен обещал Венгрии всю Словакию и Закарпатье, т.е. все потерянные в Трианоне в пользу Чехословакии территории). Еще более решительной была позиция Венгрии в польском вопросе. Телеки уже заранее довел до сведения немцев, что Венгрия по моральным соображениям, исходя из «исторической дружбы», связывающей два народа, ни в какой форме в антипольской кампании Германии участвовать не может. Когда уже после начала военных действий, в сентябре немцы просили разрешения на перевозку по венгерской железной дороге своих войск, предназначенных для военной операции против польских сил, они получили резкий отказ. Венгрия также открыла свои границы перед польскими беженцами. Десятки тысяч беженцев нашли пристанище в Венгрии или могли перебраться через Венгрию в западные страны (чтобы потом присоединиться к движению Сопротивления). В Будапеште и в Унгваре (Ужгород) до июля 1940 г. работали польское посольство и консульство (уже эмигрантского польского правительства). Этим Телеки хотел продемонстрировать западным державам самостоятельность и независимость от Третьего рейха внешней политики Венгрии. С другой стороны, в письмах к Гитлеру Телеки неоднократно выражал лояльность Венгрии к державам оси, в июне 1940 г. приветствовал победу Германии над Францией. Этот курс правительства графа П. Телеки получил название «политика вооруженного нейтралитета», что на самом деле означало балансирование

между двумя группировками противоборствующих великих держав. Несмотря на несомненные частичные успехи, в апреле 1941 г., с присоединением Венгрии к кампании против Югославии, стало очевидным, что этот курс не оправдал себя: страна была загнана в тупик. Констатировав крах своей политики и осознав губительные последствия односторонней немецкой ориентации для страны, П. Телеки покончил с собой.

Его преемником во главе правительства стал министр иностранных дел Ласло Бардоши, который был способным, талантливым дипломатом, но не был государственным деятелем такого масштаба, который требовался для того, чтобы встать во главе страны в столь сложные времена. Это наглядно выяснилось именно в вопросе войны против СССР. В начале мая 1941 г. начальник венгерского генштаба Хенрик Верт составил меморандум на имя премьер-министра, в котором сообщил о том, что немцы в ближайшем будущем приступят к «решению русского вопроса». В этой ситуации, — продолжал Верт, — Венгрия должна идти однозначно с Германией. Со своей стороны, он настаивал на заключении гарантийного пакта взаимопомощи с Берлином и на безоговорочном увязывании политики безопасности Венгрии с Третьим рейхом. В своем ответе Бардоши указал на неосуществимость предложений Верта: немцы до сих пор не считали нужным посвятить венгров в свои планы относительно СССР, поэтому если венгры возьмут на себя инициативу в этом вопросе, они могут получить отказ из Берлина, что, несомненно, вызвало бы неудобства. Плюс к это-

му советское руководство может узнать о предпринятых Венгрией шагах, что также способно привести к нежелательным последствиям. В конце ответа Бардоши подчеркнул, что политическую ответственность в этом вопросе несет исключительно венгерское королевское правительство. С этого момента начался конфликт премьер-министра и начальника генштаба, закончившийся поражением первого из них.

Верт после этого еще более решительно стал проводить свою самостоятельную политику, выстроив за спиной правительства собственные каналы сношений с командованием вермахта. 14 июня Верт в новом меморандуме еще более решительным тоном потребовал участия венгерских войск в войне против СССР на стороне Германии. Он приводил целый ряд идеологических, политических, стратегических соображений в обоснование своей позиции. Для большей убедительности он добавил, что война начнется в ближайшие 10 дней, поэтому венгерское военное руководство уже сейчас должно предпринять соответствующие меры с целью мобилизации войск. В отличие от первого, этот меморандум стал уже предметом обсуждения на экстренном заседании Совета министров. Правительство, так же как и премьер-министр несколькими неделями раньше, отклонило предложения Верта — как о добровольном присоединении к «антибольшевистскому походу», так и относительно мобилизации венгерских войск. Ласло Бардоши на заседании указал на явные противоречия в аргументации Верта: с одной стороны, генерал утверждал, что быстрая победа

немецкой армии не подлежит никакому сомнению и мобилизованные венгерские солдаты к началу уборки урожая уже могут вернуться домой; с другой же стороны, он настаивал на необходимости все же начать мобилизацию, указывая на длинный, 30-дневный срок данного процесса — из чего выходило, что венгерская армия не в состоянии провести мобилизацию до жатвы, т. е. к моменту, когда — по словам того же Верта — солдаты уже опять могут быть дома.

В предвоенные дни Бардоши — как об этом свидетельствуют источники — старался избежать вовлечения Венгрии в войну против СССР. Так, 15 июня он дал подробные инструкции венгерскому посланнику в Берлине Д. Стояи. Последний был ярым сторонником Третьего рейха, покойный премьер-министр Пал Телеки однажды назвал его прямо в лицо нацистом, о нем говорили, что он скорее представляет интересы Германии в Венгрии, нежели венгерские интересы в Берлине. Бардоши строго предостерегал посланника от непродуманных шагов. Согласно инструкциям, если немцы поднимут вопрос о венгерском участии в войне против СССР, Стояи должен был подчеркивать трудности, говорить о том, что венгерские железные дороги перегружены немецкими перевозками и что мобилизация угрожает бесперебойной уборке зерна, а это, несомненно, не в интересах Германии. Кроме этого, Бардоши обратил внимание на то обстоятельство, что венгерское правительство не получало из Берлина никакого официального призыва или запроса относительно присоединения к кампании против СССР, и в отсутствие такового оно

не может принять необходимое решение. В ходе бесед с официальными лицами Германии Стояи, согласно указаниям, должен был ограничиться исключительно осведомлением и воздержаться от любых предложений относительно участия Венгрии в войне.

В эти дни ни Верт, ни Стояи не воздерживались от прямой лжи, чтобы добиться своего. Последний, к примеру, явно солгал, утверждая, что Гитлер собирается передать всю Южную Трансильванию Венгрии, нужен только повод, а им станут новые заслуги Венгрии, выступившей на стороне Германии. Неудивительно, что Бардоши был весьма раздражен наглым поведением Верта и Стояи, и к разногласиям прибавилась и личная неприязнь между ними.

После нападения Германии на Советский Союз 22 июня события развивались с невероятной быстротой. Уже 23 июня венгерское правительство на экстренном заседании приняло решение о разрыве дипломатических отношений с СССР. Один только министр внутренних дел, опытный и старый политик Ференц Керестеш-Фишер предостерегал от чрезмерной торопливости в этом вопросе, но со своим мнением он остался в одиночестве. Бардоши заявил, что необходимость этого шага вытекает из Тройственного пакта (союз Германии, Италии и Японии), к которому Венгрия присоединилась в ноябре 1940 г. (Это было не совсем так. Статья 5 гласила, что договор не затрагивает политического курса во взаимоотношениях между участниками пакта и Советским Союзом.) После принятого решения Бардоши,

который с этого момента все больше и больше терял свою прежнюю решимость противостоять «партии войны» и стал плыть по течению, предпринял еще одну слабую попытку удержать страну от катастрофы. Когда он информировал О. фон Эрдсмандорфа, посла Третьего рейха в Будапеште, о разрыве дипломатических отношений с СССР, он неуверенно добавил, что на заседании правительства было озвучено соображение, не стоит ли сохранить венгерское посольство в Москве, чтобы через него проводить разведывательную деятельность в пользу Германии. Но после ответа Эрдсмандорфа, что в этом нет никакой надобности, он не стал настаивать на своем предложении.

Ликвидация диппредставительств в обеих столицах произошла более или менее в соответствии с международным правом. После разрыва отношений с обеих сторон началась подготовка к эвакуации дипломатических миссий. Венгрия передала представление своих интересов в Москве Болгарии, а СССР в Будапеште — Швеции. Персонал обоих представительств был интернирован, и в середине июля на территории нейтральной Турции по списку обменяли сотрудников бывших венгерского и советского представительств.

Еще до разрыва отношений, 23 июня, в Москве народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов принял венгерского посланника Йожефа Криштофи. Он хотел выяснить позицию Венгрии в начавшейся войне. Со своей стороны, он заметил, что СССР не имеет никаких спорных

вопросов или претензий к Венгрии и в свое время не возражал «по поводу осуществленного за счет Румынии увеличения территории Венгрии». Здесь советский и венгерский документы о встрече немного расходятся по содержанию. В телеграмме Криштофи в Будапешт к этой части еще приписаны слова: «и в этом отношении и впредь не будет возражать», тогда как в советской записи слова Молотова относятся только к прошлому. (Как бы то ни было, Молотов из тактических соображений умолчал о том, что все остальные достижения Венгрии в деле ревизии трианонских границ встретили острое возражение Москвы, а Закарпатье фигурировало среди — пока еще скрытых — территориальных требований СССР.) Криштофи в свою очередь подчеркнул, что он не может дать полноценного ответа на вопрос Молотова, так как он уже 48 часов не имеет никакой связи с Будапештом и не располагает официальной инструкцией от своего правительства. Он приветствовал слова Молотова как выражение доброй воли СССР к Венгрии. В качестве частного мнения он прибавил, что, судя по газетным статьям и радиосообщениям, «нельзя предполагать, что венгерское правительство имеет враждебные намерения по отношению к Советскому Союзу в связи с войной». (Посланник не знал, что в Будапеште уже было принято решение о разрыве дипломатических отношений.) Телеграмма Криштофи уже 24 или 25 числа была на столе премьер-министра Бардоши, однако он не счел нужным информировать об этом ни членов своего правительства, ни главу государства Миклоша Хорти, на вопросы Криштофи не было дано никакого ответа. Глава пра-

вительства тем самым взял на себя тяжелую политическую ответственность за дальнейшие события.

Что касается позиции Миклоша Хорти, — а она, несомненно, была решающим фактором в этом вопросе, — то мы можем констатировать следующее. Антибольшевизм занимал ключевое место в мышлении Хорти, коммунистическую идеологию и систему он считал злейшим врагом европейской цивилизации. Но в то же время он не был и сторонником нацистов и не питал большой симпатии к Гитлеру. С одной стороны, на него произвели впечатление успехи немецкой армии, а с другой стороны, как моряк и человек военный, он был уверен, что победа Германии не является окончательной: морские державы, Великобритания и США, еще скажут свое слово. Все эти факторы мы должны принять во внимание, если хотим понять его поведение в июньские дни. Утром 22 июня к правителю явился Эрдсмандорф и передал ему письмо Гитлера. По словам немецкого дипломата, Хорти принял с восторгом весть о нападении Германии на СССР, поздравил Гитлера и заявил, что он уже 22 года ждал этого дня. Однако при этом ни словом не упомянул об участии Венгрии «в крестовом походе против большевизма». Более того, он в эти роковые дни уехал из Будапешта в свое родовое имение в Кендереш. Туда прибыли 23 июня начальник генерального штаба Хенрик Верт и министр обороны Карой Барта, чтобы убедить его в необходимости присоединения Венгрии к германской акции. К упомянутым раньше своим аргументам они прибавили еще один: в армии сейчас настроение

таково, что трудно ее удержать, — намереваясь тем самым на возможность военного переворота в случае отказа. Но Хорти отклонил их предложения, заметив, что он не видит, какие венгерские интересы могли бы продиктовать вступление Венгрии в войну против СССР. При этом в мышлении Хорти была очень тонкая грань между теми соображениями, что Венгрия как маленькая страна не должна участвовать в конфликте великих держав, а с другой стороны, его убеждениями (человека, который уже двадцать лет не уставал напоминать об угрозах, исходящих от советского строя) в том, что он не может бездействовать во время «крестового похода против большевизма». Бомбежка г. Кашши 26 июня стала именно тем толчком, который перевесил чашу весов в сторону второго сценария. После этого инцидента и Хорти, и Бардоши уже полностью сдали свои прежние, достаточно сдержанные позиции и больше уже не препятствовали вступлению Венгрии в войну против СССР, причем сам Бардоши принял активное участие в подготовке связанных с этим решений. Об этом мы скажем ниже.

А.С. В какой мере венгерская армия уже в мае — июне готовилась к кампании против СССР, или реальная подготовка началась только с объявлением войны?

А.К. Что касается военных планов и подготовки СССР и Венгрии к войне накануне 22 июня 1941 г., то на основе источников мы можем констатировать следующее. Несмотря на относительно хорошие двусторонние отношения в 1940–1941 гг., военные руководства обеих стран

рассматривали друг друга в качестве потенциальных противников в будущей войне. В агентурных сводках советских разведывательных служб и в документах советского военного планирования Венгрия неизменно фигурировала среди союзниц Третьего рейха, территория и инфраструктурная сеть которых будут служить плацдармом для развертывания немецких сил против СССР. В плане Генштаба РККА о стратегическом развертывании вооруженных сил Советского Союза, датированном мартом 1941 г., — при сильной переоценке реальных данных — отмечается, что Венгрия смогла бы мобилизовать против СССР 20 пехотных дивизий, 2 моторизованные бригады, 850 орудий, 350 танков и 500 боевых самолетов. При военном планировании Венгрия рассматривалась в некоторых вариантах как возможный театр военных действий. Будущий маршал Матвей Захаров, в 1940–1941 гг. помощник начальника Генерального штаба, а потом начальник штаба Одесского военного округа, в своих мемуарах пишет, что в ходе стратегических игр, проведенных в Генштабе в январе 1941 г., среди прочих вариантов была рассмотрена и возможность нанесения главного удара силами Конно-механизированной армии через Карпаты в направлении Венгерской низменности, с целью захвата Будапешта. Подобное развитие военных действий — по мнению автора мемуаров — имело бы то преимущество, что общий фронт противника сразу же раскололся бы на две части и весь правый фланг противника был бы выведен из строя. Однако военное планирование РККА в 1941 г. потом стало развиваться в другом направлении,

и идея нанесения стратегического удара через Карпатские горы была снята с повестки дня.

Венгерский генштаб, видевший в Советском Союзе угрожающий безопасностью Венгрии фактор, исходил из того, что в случае крупномасштабных военных действий между Германией и СССР территория страны будет подвергнута нападению советских воздушных и сухопутных сил. Поэтому с момента установления общей границы с СССР в Карпатах началось и в 1940–1941 гг. шло усиленным темпом строительство военных укреплений (так называемая линия Арпада). Венгерское военное руководство — как мы это видели в меморандумах Верта — считало, что в интересах своей собственной безопасности Венгрия должна безоговорочно связать свою политику с Германией. Однако до начала войны мы не можем говорить о сколько-нибудь серьезных приготовлениях венгерской армии к наступательной войне с СССР по той причине, что утвержденный Гитлером вариант плана «Барбаросса» не предусматривал активного участия венгерских войск в кампании против СССР. И хотя немецкое военное командование имело свои собственные каналы к венгерскому генштабу, оно не спешило посвящать венгров в детали немецких планов, что делало затруднительным любое планирование стратегического характера с венгерской стороны.

Здесь необходимо отметить, что в вопросе вовлечения Венгрии в кампанию против Советского Союза существовали серьезные разногласия между Гитлером и немецкими генералами. Последние, исходя из

чисто военных соображений, считали необходимым вовлечение Венгрии в военные действия, чтобы таким образом снять часть нагрузки с немецких войск. Весной 1941 г. начальник генерального штаба верховного командования сухопутных войск Франц Гальдер безуспешно пробовал переубедить Гитлера в этом вопросе. 5 февраля на совещании генерального штаба Гитлер якобы заявил, что, если бы он вовлек «англофильски настроенных венгров» в осуществление своих планов, англичане в течение 24 часов были бы обо всем осведомлены. Фон Рунштедт, командующий войсками Южной армейской группы, напрасно добивался укрепления своего правого фланга и разрешения ввести в бой части своих сил с венгерской территории. Гитлер каждый раз категорически отказывал своим генералам в удовлетворении их просьб. Гитлер считал венгров болтунами, ненадежными союзниками и весьма низко оценивал боеспособность венгерской армии. Но есть все основания полагать, что главным мотивом для него было опасение, что в случае официального немецкого обращения венгры за свое участие обязательно потребуют дальнейших территориальных компенсаций за счет Румынии (часть или всю территорию Южной Трансильвании), а между тем Румыния в это время была гораздо более важным партнером Германии как поставщик нефти, из-за стратегического положения страны и т. д.

В июньские дни венгерские военные руководители стали все больше и больше выходить из-под контроля своего правительства. Военное руководство к этому времени пре-

вратилось в своего рода государство в государстве. 6 июня начальник венгерской контрразведки, полковник Иштван Уйсаси позвонил Яношу Вёрнле, заместителю министра иностранных дел, и сообщил ему, что венгерский генштаб начнет рекогносцировку советских территорий, поскольку собирается перебрасывать агентов через границу с целью выявления объектов, предназначенных на случай войны к уничтожению. Вёрнле решительно протестовал против этой затеи, считая ее крайне опасной, он ссылаясь на риск провала и на то, что, судя по всему, в предстоящем немецко-советском вооруженном конфликте Венгрии не отводится активная роль. Уйсаси на это ответил, что его не интересуют опасения Вёрнле, он имеет указание от Кароя Барта, министра обороны. Так как правительство отклонило предложение Верта о мобилизации венгерской армии, начальник генштаба в рамках своей компетенции стал проводить некоторые мероприятия. В том числе еще до немецкого нападения на СССР началось укомплектование частей дислоцированного на северо-востоке страны VIII корпуса в соответствии со штатами военного времени. В недрах оперативного управления венгерского генштаба началась разработка планов приграничных сражений на случай войны с СССР, и эти документы были представлены немецкому командованию.

Накануне германского нападения на СССР в Венгрию прибыл начальник генерального штаба верховного командования сухопутных войск вермахта Франц Гальдер. Он совершил последнюю поездку с целью инспектирования немецких частей,

сосредоточенных в Румынии, и на обратном пути домой на 3 часа остановился в Будапеште, чтобы информировать своего венгерского коллегу о положении. Вопреки ожиданиям Верта, на этой встрече так и не было озвучено никакого конкретного пожелания со стороны немецкого командования относительно венгерского участия в войне. Гальдер заявил Верту: было бы хорошо, если Венгрия лучше укрепила бы свою границу с СССР в Карпатах, но просил теперь уже не предпринимать ничего такого, что могло бы вызвать беспокойство и подозрение с советской стороны. К этому он прибавил, что если от венгров потребуются какие-то конкретные мероприятия, то немцы об этом осведомят начальника венгерского генштаба через генерала Гимера (генерал-майор Курт Гимер вместе со своей группой был прикомандирован к верховному командованию венгерской армии для поддержания связей еще до начала кампании против Югославии). Верт о содержании своих переговоров с немецким генералом информировал премьер-министра Л. Бардоши, который с облегчением принял к сведению, что в грядущей войне в немецких планах Венгрии не отводится активная роль.

С наступлением Германии на СССР усиливалось давление военных на политическое руководство Венгрии и еще больше оживились непосредственные контакты между немецким и венгерским командованием. Историю этих контактов мы можем проследить по часам на основе дневника генерала штаба Гимера. Днем 22 июня Курт Гимер информировал руководителей венгерского геншта-

ба о положении дел. На этих встречах венгерские генералы жаловались Гимеру, что Венгрия не может участвовать в войне, т. к. ни правительство Третьего рейха, ни Главное командование вермахта до сих пор не выражали никакого пожелания по этому поводу. Верт здесь опять не воздержался от прямой лжи, утверждая, что Хорти уже три раза предлагал участие венгерских войск в войне против СССР. На самом деле такое предложение из уст Хорти ни разу не было озвучено. На этих же переговорах венгерские военные дали немцам подробные сведения о силах, которые в случае необходимости могут быть мобилизованы. Ко второй половине дня прибыл официальный ответ из Берлина, генерал-полковник Альфред Йодль передал Гимеру, что Германия ничего не просит от Венгрии, но будет благодарна за любую добровольную помощь, об отказе Венгрии в ее участии в войне против СССР нет речи. Этот несколько уклончивый ответ ничуть не удовлетворял Хенрика Верта и не был способен к тому, чтобы самим своим содержанием убедить политиков проявить больше решимости в вопросе присоединения Венгрии к войне с СССР. Верт по телефону передал Гальдеру, что главную проблему видит в том, что политическое руководство «не настаивает на наступательных мероприятиях против СССР». К этому он прибавил, что позиция Хорти как главы государства и верховного главнокомандующего для него является обязательной. Гимеру Верт в свою очередь сказал, что если письмо Гитлера к Хорти не содержит определенного призыва к присоединению к военной кампании, то политики вряд ли откажутся от своей вы-

жидательной позиции. Сейчас — передал Гальдер Гимеру — все зависит от того, смогут ли венгерские военные склонить политиков к тому, чтобы они добровольно напрашивались на участие Венгрии в войне против СССР, сами же немцы ни о чем официально просить не собираются, т. к. они не намерены платить венграм за их участие в войне.

В самые первые дни войны Германии против СССР дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Венгерские военные мероприятия ограничивались закрытием советско-венгерской границы, были прерваны железнодорожное сообщение, телеграфная и телефонная связь с СССР. В Мункаче (Мукачево) был создан контрразведывательный пункт, был намечен объект (место) для интернирования возможных беженцев с советской территории.

Немецкое командование оценило это таким образом, что генерал Верт не находится на высоте происходящих событий. Будучи осведомлен о попытках немецких и венгерских военных вовлечь Венгрию в войну на стороне Германии, премьер-министр и министр иностранных дел по совместительству Ласло Бардоши 24 июня принял немецкого посла Эрдсмандорфа и сделал попытку по политической линии выяснить позицию Берлина относительно венгерского участия в войне. Он информировал посланника о том, что, со слов Верта, генерал Гимер якобы передал первому, что участие Венгрии в войне против СССР является желательным. Бардоши с некоторым упреком добавил, что вопросы такого характера находятся в компетенции двух

правительств, а не генеральных штабов. Если германское имперское правительство действительно считает необходимым участие Венгрии в войне, заметил премьер, пусть оно официально информирует об этом венгерское правительство, с четким указанием, что конкретно ожидается от Венгрии. Со своей стороны, он не преминул обратить внимание германского имперского правительства на катастрофически плохие венгерско-румынские отношения, на постоянные пограничные инциденты и на то, что Венгрия в любое время должна считаться с возможным вторжением румынских войск. Все это в значительной степени затрудняет положение венгерского правительства.

Колебание политиков раздражало военных, между штабом Гимера и венгерским генштабом начались переговоры о формировании воинских частей из добровольцев. В этом плане рассчитывали главным образом на этнических немцев, имеющих венгерское подданство. Генерал Курт Гимер просил разрешения из Берлина, чтобы организация и командование этими войсками были возложены именно на него. После бомбежки Кашши, о чем речь пойдет ниже, ситуация коренным образом изменилась. Политическое руководство страны на основе полученной от военных информации не сомневалось в том, что бомбежка была совершена советской стороной. Буквально за несколько часов были приняты роковые для страны решения без тщательного расследования происшедшего. Правитель страны М. Хорти отдал распоряжение относительно применения венгерской армии за границей.

27 июня венгерские самолеты нанесли «ответный удар» по пограничным городам на советской стороне. Для наземной операции были назначены силы VIII корпуса и так называемого подвижного корпуса. Они вместе образовали группировку «Карпат» (личный состав в совокупности насчитывал около 90 тыс., включая и тыловые части), командующим был назначен генерал-лейтенант Ференц Сомбатхеи. Отдельные подразделения начали пограничные сражения уже 28 июня, но войска в целом достигли полной боевой готовности только к 30 июня. По воспоминаниям очевидцев, Сомбатхеи, когда отдал приказ своим войскам о переходе границы, обратился к окружающим со следующими словами: «Что из этого выйдет, Боже мой, что из этого выйдет? Зачем мы дали себя втянуть в эту глупость? Мы идем к катастрофе, навстречу нашей гибели». Он вовсе не разделял характерный для многих венгерских генералов оптимизм о том, что война будет длиться всего 6 недель (по «более умеренным оценкам» — 3 месяца) и окончится с победой Германии и ее союзников. Предназначенные к боевым действиям против СССР корпуса представляли собой самые современные части венгерской армии, но они по всем параметрам (подвижность, степень механизированности, вооружение, огневая мощь, боевой опыт) уступали как немецким, так и советским корпусам. Все это отразилось на боевом пути и на потерях подвижного корпуса. Венгерское военное руководство уже к сентябрю пришло к выводу, что, если они хотят спасти подвижный корпус от полного уничтожения, его надо немедленно отозвать обратно с театра военных

действий. Это удалось сделать после длинных переговоров с немцами, последние бригады корпуса возвращались в Венгрию к середине декабря. Взамен за это Венгрия должна была взять на себя более активную роль в обеспечении оккупационного режима на советской территории.

Восторг и восхищение, с которыми было встречено вступление в войну против Советского Союза, быстро (буквально через несколько недель) исчезли и уступили место сомнению и опасениям. В августе 1941 г. — по требованию Бардоши — Хорти освободил от должности начальника генштаба Хенрика Верта, который по-прежнему настаивал на полном и безоговорочном сотрудничестве с немцами. Новым начальником генштаба был назначен генерал-лейтенант (с 1 ноября генерал-полковник) Ференц Сомбатхеи. На него обратил внимание регента его англофильски настроенный сын, Иштван Хорти. Сомбатхеи с самого начала не скрывал свое недовольство Вертом и его политикой. Блицкриг в бесконечных степях России не работает, — писал он в своем меморандуме регенту Хорти, — надо готовиться к длительной и кровопролитной войне, исход которой совершенно непредсказуем. Венгрия не великая держава: вместо бряцания оружием «мы должны идти вдоль стены». Основной задачей на своем посту Сомбатхеи считал сохранение венгерской армии, насколько это было возможно, в целостном состоянии вплоть до конца войны. В этом отношении положение Сомбатхеи было уже намного хуже, чем его предшественника. К этому времени, особенно после неудач под Москвой, немцы открыто стали тре-

бовать отправки всех венгерских вооруженных сил на восточный фронт. Сомбатхеи пришлось бороться практически за каждую бригаду, чтобы удержать ее дома.

А. С. Остановимся подробнее на истории с бомбардировкой Кашши, поговорим о том, насколько удобным поводом для вступления Венгрии в войну она послужила. А может быть Венгрия вступила бы в войну и без такого повода (иными словами, сгодился бы любой повод)? Поговорим и о том, какие версии существуют сегодня в литературе относительно того, кто бомбил Кашшу, и какой версии отдается предпочтение. А версии, как мы знаем, встречаются разные, включая даже ту, что бомбили румыны с разрешения немцев.

А. К. Нам необходимо начать с того, что мы даже сегодня не знаем с определенной точностью, чьи самолеты бомбили Кашшу (ныне Кошице в Словакии). Действительно, в исторической литературе, в мемуаристике бытуют разные, порой весьма фантастические версии и комбинации. Мне хотелось бы подчеркнуть, что однозначными, исключаящими все сомнения доказательствами в пользу одной или другой из этих версий мы не располагаем. Надо также иметь в виду, что ответ на этот вопрос всегда был политически предопределенным: до 1945 г. нельзя было оспаривать версию о том, что Кашшу бомбили советские самолеты, грубо нарушая международное право, а после 1945 г. с такой же уверенностью надо было утверждать, что это была гнусная провокация немецкого (гитлеровского) и венгерского (хортист-

ского) военных руководств с целью вовлечения Венгрии в войну. Поэтому очень важно суммировать то, что мы знаем более или менее точно о бомбардировке Кашши.

26 июня 1941 г. чуть после полудня советские истребители И-16 в венгерском воздушном пространстве, в районе Тисаборкут (ныне Кваши, Украина) совершили налет и открыли огонь по пассажирскому скорому поезду «Кэрэшмезе — Будапешт». В ходе инцидента один человек погиб. В тот же день в 13:07 три бомбардировщика сбросили 29 бомб на город Кашша, одна из них не взорвалась, а 30-я бомба упала на соседний поселок, Эницке (она тоже не взорвалась). Вследствие бомбардировки 32 человека погибли, 60 получили тяжелое, 220 легкое ранение. Пострадали две городские казармы, центральное здание почты и 24 жилых дома. Осколки и две невзорвавшиеся бомбы были советского производства. Очевидцы, в том числе и военные специалисты, ни типы самолетов, ни опознавательные знаки определить не смогли, свидетельства на этот счет (как до 1945 г., так и после) весьма смутны и противоречивы.

На советской стороне венгерской границы была дислоцирована 12-я армия под командованием генерал-майора П. Г. Понеделина. Разработанный в мае 1941 г. в штабе Киевского особого военного округа, согласно полученным от Генштаба РККА инструкциям, план прикрытия мобилизации предусматривал в случае начала войны активное действие военно-воздушных сил армии и округа в венгерском воздушном пространстве. Один из пунктов этого

известного историкам документа гласит: «Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и ударами по основным группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение противника. Глубина действий боевой авиации армии до линии Вранов (Варанно), Ужгород (Унгвар), Мукачево (Мункач), Быстрица (Бестерце), Пашканы». Линия воздушной разведки проходила между городами: Прешов (Эперйеш), Сату-Маре (Сатмар), Клуж (Коложвар) и Пиатра Неамц. Большинство из этих населенных пунктов в июне 1941 г. находились на территории Венгрии. С началом боевых действий в северо-западной части венгерского воздушного пространства сильно возросло число нарушений госграницы, венгерские истребители не раз были подняты в воздух по тревоге. В большинстве случаев нарушителями были немецкие самолеты, возвращавшиеся обратно после заданий без предварительного предупреждения венгерских ВВС и ПВО. Но истребители дислоцированной в Станиславе (Stanisławów, Stanislau, ныне Ивано-Франковск в Украине) 64-й истребительной дивизии РККА тоже совершали разведывательные полеты в венгерском воздушном пространстве с целью наблюдения за группировками и передвижением войск на венгерской территории.

И хотя существование плана прикрытия мобилизации, нарушение венгерского воздушного пространства советскими самолетами, бомбы и осколки советского производства еще недостаточны для того, чтобы мы однозначно, без всякого сомнения, заявили, что бомбардировка Кашши была совершена советскими

самолетами, но они достаточны для того, чтобы считать «советский вариант» одним из наиболее вероятных. В то же время не подлежит никакому сомнению, что советское политическое руководство было явно не заинтересовано в вовлечении новой страны в вооруженный конфликт на стороне противника. Это противоречие некоторые историки стараются снять предположениями, что советские самолеты бомбили Кашшу по ошибке, потому что они с высоты спутали ее с Прешовым (Эперйеш) на словацкой стороне, а Словакия к этому времени уже находилась в состоянии войны с СССР. Другие вообще утверждают, что советские летчики летали по старым картам, где Кашша была указана еще в составе (Чехо)словакии.

Что касается возможности немецкой провокации (сторонники этой версии чаще всего говорят о совместной провокации германского и венгерского генштабов), такую возможность тоже нельзя полностью исключать, если мы исходим из классических вопросов «*Qui prodest? Qui bono?*» (Кому это выгодно? В чьих интересах?). Действительно, произошедший инцидент как «казус белли» был как нельзя кстати на руку немецким и венгерским военным, пытавшимся всеми силами вовлечь Венгрию в войну против СССР. Но даже самые ярые проповедники этой версии вынуждены признать, что они никакими конкретными данными не располагают о том, кто, когда и где разработал план провокации, кто подготовил и кто совершил ее. Они удовлетворились ответом, что заговорщики не оставляли за собой документальных следов. Венгерский

военный историк Игнац Элведи в одной из своих статей на эту тему проводит параллель между бомбежками Кашши и Фрайбурга — вторая имела место 10 мая 1940 г. Обе акции он считает нацистской провокацией и приходит к выводу, что к моменту бомбежки Кашши немцы уже имели достаточно опыта в организации таких провокаций. Но такая аргументация не выдерживает критики, если строить версии на основе исторических фактов. Ведь Фрайбург, как известно, был разбомблен немецкими самолетами по ошибке, немецкие летчики в ходе навигации потеряли ориентацию и немецкий город Фрайбург приняли за французский Дижон. Здесь ни о какой провокации не могло быть и речи (хотя немецкая пропаганда всемерно старалась скрыть обстоятельства бомбежки и, обвинив французскую авиацию в теракте против мирного германского населения, обещала нанести ответные удары по городам неприятеля).

В связи с «немецким сценарием» есть еще один момент, по поводу которого мы можем только сожалеть. В начале 1945 г. Хенрик Верт был арестован советскими органами. Несколько лет назад были опубликованы протоколы допросов Верта с 1945 по 1952 г. в советском плену. Из этих протоколов становится ясно, что, хотя сотрудники советской госбезопасности детально интересовались отдельными моментами жизни и деятельности Верта, а к некоторым возвращались многократно, почему-то вопросу о бомбежке Кашши они не уделяли почти никакого внимания. Они приняли к сведению сообщение Верта, что поводом для вступления в войну послужил налет советских

бомбардировщиков на Кашшу. При этом лишь упрекали его в том, что он отнесся безответственно к такому серьезному вопросу, как расследование обстоятельств бомбежки. Но не настаивали на том, чтобы Верт детально рассказывал об «организации провокации», к которой он якобы был причастен. Момент выяснения обстоятельств был упущен.

Что касается других версий, то они имеют под собой еще меньше оснований, они базируются на слухах и спекуляциях типа «кто-то от кого-то что-то якобы слышал, потом передал кому-то другому». «Румынский вариант» является наглядным примером в этом отношении. Эта версия основывается на том, что один румынский офицер (некий полковник Ион Чернояну/Sergoianu) в советском плену якобы сказал одному из венгерских военнопленных (некому Иштвану Золчаку), что Кашшу бомбили румынские самолеты по приказу Антонеску. Полковник скончался в плену, а венгр после войны попал в Бразилию, откуда он начал распространять эту версию. Также сомнительно, что к бомбежке Кашши имели отношение те бомбардировщики СБ-2 (АНТ-40), которые в 1937–1938 гг. были поставлены из СССР Чехословакии, потом в большинстве своем попали в руки немцев, а часть их была передана Словакии. В этой связи одни говорят о том, что немцы использовали эти самолеты для провокации, другие выдвигают версию, что Кашшу бомбили словацкие летчики, перелетевшие 26 июня на этих же машинах на советскую сторону. Кроме того, что мы опять-таки не располагаем никакими документами, подтверждающими

эти сценарии, следует заметить, что бомбовая нагрузка данных модификаций СБ-2 (600 кг) не позволяла трем самолетам сбросить 30 стокилограммовых бомб.

Как бы то ни было, после инцидента роковые для страны решения были приняты буквально за нескольких часов без тщательного расследования случившегося. Решающим фактором в вопросе о вступлении в войну стала позиция правителя страны, адмирала Хорти, которого начальник генштаба Верт и министр обороны Карой Барта информировали сразу же после поступления первых донесений — информировали в том духе, что нападение было совершено, вне всякого сомнения, советскими самолетами. Верт воспользовался инцидентом для того, чтобы перевесить чашу весов в свою пользу и убедить глав государства и правительства (т.е. Хорти и Бардоши) в необходимости присоединения к кампании против СССР. В этом отношении ему было все равно, кто бомбил Кашшу. Венгерское королевское правительство на экстренном заседании пришло к выводу, что вследствие неспровоцированного нападения Венгрия находится в состоянии войны с СССР. Правительство даже не пыталось выяснить ситуацию с Москвой. Хотя к этому времени дипломатические отношения были разорваны, но через болгарскую миссию в Москве или же через находившегося еще в то время в Венгрии полпреда Н. Шаронова можно было бы вступить в контакт с советской стороной и попытаться рассеять недоразумение.

Что касается вопроса, состоялось бы вступление Венгрии в войну с СССР

на стороне Германии без бомбежки Кашши, сложно сказать. Может быть, летом 1941 г. при сильной и решительной политической воле (чего, кстати, как мы видели, не было ни у Бардоши, ни у Хорти) еще можно было бы воспользоваться отсутствием официального обращения со стороны немецкого правительства и на короткое время остаться в стороне от военного конфликта. Но с затягиванием войны, с усилением трудностей немцев на восточном театре военных действий давление со стороны Берлина, несомненно, достигло бы такого уровня, что венгерское политическое руководство не могло бы воспрепятствовать ему. Наглядным примером этому служат переговоры Й. фон Риббентропа, а потом генерал-фельдмаршала В. Кейтеля в Будапеште в январе 1942 г., результатом которых стала отправка на фронт второй венгерской армии.

А.С. Какую роль в подключении к войне с СССР сыграло желание хортистской элиты, чтобы Венгрия, грубо говоря, «не отстала» от Румынии, которая со 100-процентной вероятностью готовилась начать войну за возвращение Бессарабии, утраченной в 1940 г. То есть в Будапеште понимали, что, если румыны проявят себя как более надежные и верные союзники Гитлера, это может сказаться на пересмотре не в пользу Венгрии решений второго венского арбитража 1940 г. о передаче Венгрии Северной Трансильвании и т. д. и т. п.

А.К. Думается, что желание обеспечивать для себя благоволение и поддержку Германии, заискивать перед Гитлером было решающим факто-

ром для многих из тогдашних элит стран ЦВЕ. Эти круги, представители которых мы находим не только в Венгрии, но также и в Румынии, в Словакии, в Хорватии и в других странах, считали, что победа Германии не подлежит никакому сомнению и послевоенный европейский порядок будет определен Берлином. Участие в кампании против СССР, или же, словами тогдашней пропаганды, «в крестовом походе против большевизма», многим показалось подходящим средством для достижения своих целей. Одни надеялись на сохранение и расширение полученных в результате территориальных изменений территорий, другие, наоборот, мечтали вернуть себе утраченные земли. Такой ход мышления мы можем четко проследить по архивным документам. В упомянутых выше меморандумах Хенрик Верт выразил опасение, что если Венгрия останется в стороне от конфликта, то она не только лишится возможности вернуть себе потерянные в Трианоне территории, но и поставит под угрозу уже достигнутые результаты политики ревизии. На экстренном заседании Совета министров 26 июня 1941 г. министр обороны Карой Барта также подчеркивал, что к этому времени одна только Венгрия не участвует в войне, поскольку армии Финляндии, Словакии и Румынии уже присоединились к кампании, Италия, со своей стороны, тоже объявила войну СССР. В августе Верт составил очередной меморандум, в котором требовал более активного участия Венгрии в войне на стороне Германии, потому что только таким образом можно было добиться восстановления тысячелетних исторических границ венгерского государ-

ства. Немцы, конечно, хорошо знали о таких настроениях в элитах стран ЦВЕ и умело играли на них. В январе 1942 г. министр иностранных дел Третьего рейха Й. фон Риббентроп во время его визита в Будапешт, передав просьбу Гитлера об отправке на восточный фронт практически всей венгерской армии, добавил, что между ревизионистскими устремлениями Венгрии и ее вкладом в антисоветскую кампанию есть прямая, непосредственная связь.

Ответ Хорти четко характеризовал настроения близких к регенту кругов после поражения немцев под Москвой. Регент уверял фюрера в готовности Венгрии участвовать в «восточном походе», одновременно развивая мысль о том, что венгерская армия может принести наибольшую пользу Германии, если она останется дома и будет следить за теми силами в соседних государствах, которые втайне надеются на советскую победу и только ждут благоприятного момента, чтобы перейти на сторону СССР и его западных союзников. Румыны, — писал Хорти, — врожденная двурушническая нация, словаки и болгары — приверженцы идеи панславизма, тогда как единственный верный союзник Германии — это Венгрия, которая должна иметь свою армию дома, чтобы защищаться от кровожадных соседей. С течением времени Хорти уже глубоко сожалел, что дал так легко вовлечь страну в войну в те роковые июньские дни. Как опытный моряк, он уже в принятой 14 августа 1941 г. Атлантической хартии увидел первый шаг к созданию мощной антигитлеровской коалиции с участием двух крупнейших морских держав, что ставило под

сомнение победу Германии в войне. После Сталинграда премьер М. Каллаи с ведома регента прилагал усилия для наведения мостов с западными антинацистскими державами. Как бы то ни было, тогдашнее венгерское политическое руководство по целому ряду причин не смогло справиться

с основной исторической задачей: подготовить и вовремя осуществить выход из войны или переход Венгрии на сторону союзников. То, что было решено за несколько часов 26 июня, невозможно было исправить в течение последующих почти 4 лет.

«НИКАКИХ УТВЕРЖДЕННЫХ
НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ ДОКУМЕНТОВ,
В ТОМ ЧИСЛЕ И ПРОПАГАНДИСТСКОГО
ХАРАКТЕРА, КОТОРЫЕ БЫ БЕССПОРНО
ДОКАЗЫВАЛИ НАМЕРЕНИЕ СССР
ПЕРВЫМ НАПАСТЬ НА ГЕРМАНИЮ,
НЕ ОБНАРУЖЕНО».

Интервью с В. А. Невежиным

В интервью затрагивается тема изучения советской пропаганды межвоенного периода. Освещается ряд остро дискуссионных вопросов, связанных с внешней политикой СССР в годы, предшествовавшие Второй мировой войне, и в начале самой войны.

Ключевые слова: военная история, Вторая мировая, история пропаганды.

Сведения об авторе: Невежин Владимир Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. Исследователь советской пропаганды межвоенного периода.

Контактная информация: nevvva@mail.ru.

Автор книги: «Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии “священных боев” 1939–1941» (1997), «Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне (вторая половина 30-х — начало 40-х гг.)» (1999), «Застольные речи Сталина. Документы и материалы» (2003), «Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг.» (2007), «“Если завтра в поход...”». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах» (2007), «Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг.» (в соавторстве с А. В. Голубевым) (2016), «Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930–1940-х гг.» (2019), «Застолья Иосифа Сталина. Книга вторая. Обеды и ужины в узком кругу (“симпозионы”)» (2019), «Застолья Иосифа Сталина. Книга третья. Дипломатические приемы 1939–1945 гг.» (2020), а также ряда статей и других научных публикаций.

“WE HAVE NOT DISCOVER ANY TOP-LEVEL APPROVED DOCUMENTS, INCLUDING THOSE OF PROPAGANDISTIC NATURE, WHICH MAY UNDOUBTEDLY PROVE THE INTENTION OF THE USSR TO ATTACK GERMANY FIRST”. INTERVIEW WITH VLADIMIR A. NEVEZHIN

The interview deals with the researches of the Soviet propaganda of interbellum era. It elucidates the row of keenly controversial questions of Soviet foreign affairs at the years, preceding WW2 and at the beginning of the war itself.

Key words: military history, WWII, propaganda history.

About the author: Vladimir A. Nevezhin — historian, Doctor of Historical Sciences, senior research scientist of the Institute of Russian history of RAS. Researcher of the Soviet propaganda of Interbellum era.

Contact information: nevva@mail.ru.

Author of the monographs “The syndrome of offensive war. Soviet propaganda on the eve of «sacred battles» 1939–1941” (1997), “Soviet propaganda and ideological preparation of the war (second half of the 30th — beginning of the 40th)” (1999), “Stalin’s toasts. Documents and materials” (2003), “Stalin about the war. Toasts 1933–1945” (2007), “«If the campaign is tomorrow». Preparation for war and ideological propaganda in 1930th–1940th” (2007), “Soviet Russia’s image building in the outside world by the means of cultural diplomacy, 1920th — first half 1940th” (co-authored with A. V. Golubev, 2016), “Joseph Stalin’s banquets. Book one. Big Kremlin receptions of 1930th — 1940th” (2019), “Joseph Stalin’s banquets. Book two. Dinners and suppers in the inner circle («symposiums»)” (2019), “Joseph Stalin’s banquets. Diplomatic receptions of 1939–1945” (2020) and a number of articles and other scientific publications.

Беседовал А. Ф. Арсентьев

А. А. Расскажите, как вы пришли в историческую науку?

В.Н. Этот путь оказался если не трудным, то уж точно — извилистым. Интерес к истории возник, как это часто бывает, на школьной скамье. По окончании 4-го класса родители подарили мне книгу Р. Джованьоли «Спартак». Эмоциональное повествование о руководителе крупнейшего восстания рабов времен Древнего Рима буквально потрясло детское воображение. В дальнейшем внимание переключилось на знаменитых русских бунтарей, имена которых навеки остались в народной памяти. С увлечением читал «Повесть о Болотникове» Г. Шторма, роман-эпопею В. Шишкова «Емельян Пугачев».

Настоящей находкой оказалась «Советская историческая энциклопедия». Аккуратно выкупал в книжном магазине очередные тома этого уникального издания, с жадностью читал статьи маститых ученых о различных событиях прошлого и о выдающихся исторических деятелях.

В 1972–1974 гг. я проходил срочную службу в Советской армии. После демобилизации думал поступить на исторический факультет. Однако, учитывая желание родителей, которые хотели видеть меня в будущем экономистом, стал студентом Московского экономико-статистического института (МЭСИ). Продержался там лишь в течение двух лет: склонность к гуманитарным наукам

преодолеть не удалось. Пришлось написать заявление об отчислении из МЭСИ по собственному желанию.

В 1977 г., будучи уже человеком семейным, поступил на работу в Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ). Трудился в лаборатории технических средств обучения. В следующем году стал студентом этого вуза (выбрал заочную форму обучения). В 1984 г. окончил МГИАИ с отличием и получил специальность «историк-архивист».

Период пребывания в МГИАИ оказался плодотворным в смысле овладения начальными навыками исследовательского труда, умения работать с научной литературой, выявлять и анализировать содержание исторических источников. В деле приобщения к исторической науке большая роль принадлежит моему учителю — А.И. Комиссаренко. Аркадий Иванович в течение нескольких десятилетий возглавлял знаменитый (точнее сказать, легендарный) научный студенческий кружок МГИАИ по досоветской истории, который традиционно заседал по вечерам (в четверг). На заседаниях преимущественно выступали с докладами студенты. В этих сообщениях освещались различные сюжеты российской истории XVI–XVIII вв., и они всегда сопровождались активными дискуссиями. Выступали на заседаниях кружка и известные историки, которые делились своими научными достижениями, делая доклады и сообщения.

Дипломную работу защитил в феврале 1984 г. Научным руководителем

дипломного проекта был А.И. Комиссаренко. Работа была посвящена истории Калужского посада накануне и в период Смутного времени. При ее написании использовались не только опубликованные, но и архивные источники. В ЦГАДА (ныне — РГАДА) я ознакомился с уникальными делопроизводственными документами, писцовыми и дозорными книгами по Калуге конца XVI—первой четверти XVII в.

Ко времени защиты диплома у меня уже имелась опубликованная научная статья (да еще под грифом Института истории СССР АН СССР). Официальным рецензентом на защите выступал А.Л. Станиславский. Свои отзывы о дипломном сочинении представили также В.И. Корецкий и М.Б. Булгаков. Все трое — крупные знатоки российской истории XVI–XVII вв.

По итогам защиты мне было предложено продолжать разработку избранной проблемы и написать по ней кандидатское исследование. Но судьба распорядилась иначе.

В 1984 г. я поменял место работы: был принят на должность старшего лаборанта сектора истории советской культуры Института истории СССР АН СССР. Одновременно поступил в аспирантуру этого института в качестве соискателя. Академическая среда — совершенно иная, чем вузовская. Пришлось свыкаться с этим. Формально сектор истории советской культуры возглавлял академик М.П. Ким, а фактически им руководил Ю.С. Борисов. Сотрудниками этого довольно многочисленного структурного подразделения были

преимущественно доктора исторических наук (В. Д. Есаков, Л. В. Иванова, Н. М. Катунцева, В. С. Лельчук, Л. В. Макасова, А. П. Ненароков, С. А. Федюкин и другие). Ученым секретарем сектора истории советской культуры до 1988 г. являлся Г. А. Бордюгов.

Тема кандидатской диссертации была выбрана во многом по совету А. П. Ненарокова, который стал моим научным руководителем. Я с увлечением взялся за изучение культурных связей СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции периода Великой Отечественной войны.

А. П. Ненароков оказался уникальным научным руководителем. Если настоящий врач опирается на принцип «не навреди» (пациенту), то Альберт Павлович, как представляется, являлся сторонником другой тактики: «не мешай» соискателю. Человек уравновешенный, обладавший большой эрудицией, интеллигент в полном смысле слова, А. П. Ненароков не навязывал своей точки зрения, следил за моими научными изысканиями и лишь при случае, довольно деликатно, излагал собственное мнение.

Кандидатскую диссертацию я защитил в своей альма-матер (МГИАИ) в 1990 г. За два года до этого меня прикрепили в качестве референта к академику А. М. Самсонову, который специализировался по проблематике Великой Отечественной войны, являлся ее участником и вообще прошел большой жизненный путь. Я стал младшим научным сотрудником. Александр Михайлович относился к своему референту по-отечески, ча-

сто приглашал в гости (домой или на дачу). Собственно, он работал дома, очень редко посещая институт, хотя и имел там собственный кабинет.

В 1992 г., после кончины академика А. М. Самсонова, я вернулся в родной сектор, который был переименован позднее в Центр по изучению истории отечественной культуры, а сам институт получил новое название: Институт российской истории РАН (ИРИ РАН). В ИРИ РАН я прошел путь от младшего до главного научного сотрудника.

А. А. Как у вас проявился интерес к изучению советской политической пропаганды предвоенного периода?

В. Н. Этот интерес возник на волне так называемой архивной революции, когда благодаря рассекречиванию большого количества фондов российских архивохранилищ появилась, в частности, возможность по-новому взглянуть на многие проблемы предвоенной отечественной истории. С середины 1990-х гг. вопрос о характере и особенностях идеологической подготовки СССР к войне стал ключевым в моих научных изысканиях. Поисковая работа велась преимущественно в бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне — Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ), где удалось ознакомиться с важнейшими документами высших партийно-государственных органов, касающимися характера советской политической пропаганды предвоенного периода. Это материалы Оргбюро,

Секретариата (позднее — Политбюро), Управления пропаганды и агитации (УПА) ЦК ВКП(б), личных фондов А. А. Жданова, А. С. Щербакова, М. И. Калинина. Некоторые из выявленных архивных источников были мною опубликованы. В конечном счете названная проблема стала для меня основной. Итоги ее изучения нашли отражение в публикациях и в квалификационной работе — докторской диссертации о роли советской пропаганды в подготовке советского общества к войне, которая была защищена в Диссертационном совете ИРИ РАН в декабре 1999 г.

А. А. Были ли у вас предшественники в России или за рубежом, разрабатывавшие данную проблематику? Какова нынешняя историографическая ситуация в этой области?

В. Н. Естественно, я опирался на труды отечественных и зарубежных историков по проблеме советской политической пропаганды предвоенного периода, стремился переосмыслить их взгляды и гипотезы. Однако определяющим при выработке собственной точки зрения являлось то, что удалось использовать упомянутые выше архивные источники, которые были им недоступны. Примечательно, что с этими архивными материалами, в частности с проектами пропагандистских директив УПА ЦК ВКП(б) и Главного политического управления (Главпура) РККА, одновременно ознакомился коллега М. И. Мельтюхов. После тщательного анализа содержания этих источников мною был сделан следующий вывод: в основе проектов пропагандистских директив, которые втайне готовились в мае — июне

1941 г. под руководством Жданова и Щербакова, их выступлений, а также речей Калинина на закрытых совещаниях, лежал лозунг подготовки к «всесокрушающей наступательной войне». Этот лозунг сформулировал И. В. Сталин в кратких застольных речах (тостах) на приеме, устроенном в Большом Кремлевском дворце по случаю выпуска военных академий РККА (5 мая 1941 г.).

А. А. Есть ли проблемы с доступом к используемым вами архивным материалам?

В. Н. Во второй половине 1990-х гг., когда велась исследовательская работа по истории советской предвоенной пропаганды, недостатка в архивных материалах у меня не было. Наоборот, едва успевал «осваивать» те из них, что стали доступны благодаря начавшемуся процессу рассекречивания. В условиях угрозы коронавируса, исследователи столкнулись с проблемой посещения архивов, поскольку в читальных залах значительно уменьшилось количество посадочных мест, что было сделано в целях соблюдения противоэпидемических мер. Однако исследователям от этого не легче.

В условиях тотальной «цифровизации» возникла возможность знакомиться с копиями архивных документов на различных сайтах, которые сформированы Федеральным архивным агентством, отдельными государственными и ведомственными архивами и т. д. и т. п. Конечно, компьютерные образы не идут в сравнение с подлинниками, но их появление можно рассматривать как положительную тенденцию.

А. А. Что в области истории советской пропаганды 1930–1940-х гг. ждет своего исследователя? Возможны ли здесь крупные научные открытия?

В. Н. В любой области исторических исследований имеются лакуны, сохраняющиеся даже несмотря на попытки ученых, направленные на их заполнение. Следует отметить, что в первые два десятилетия XXI в., в связи с введением в оборот материалов Политбюро ЦК ВКП(б) и личного фонда И. В. Сталина, возникла возможность уточнить, скорректировать представления о сталинской роли в процессе формирования советской пропаганды предвоенных и военных лет.

В частности, мною были выявлены в РГАСПИ и затем введены в научный оборот рукописи статей и обзоров текущих политических событий, проекты опровержений и заявлений ТАСС за 1939–1941 гг., авторство которых принадлежало И. В. Сталину. Они были без подписи, анонимно опубликованы в газетах «Правда» и «Известия», и поэтому в течение восьми десятилетий исследователи не знали об их авторской принадлежности.

Несомненный интерес представляет изучение вклада И. В. Сталина в пропагандистское обеспечение Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на примере деятельности Советского информационного бюро. Этому сюжету посвящена, в частности, монография петербургских историков О. А. Баландиной и А. Ю. Давыдова (Совинформбюро в СССР и за рубежом в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2020).

А. А. Наряду с историей советской пропаганды, сферой ваших исследований являются застольные речи И. В. Сталина. Почему вы решили сосредоточиться именно на них? Каковы особенности исторических источников, в которых отражено содержание сталинских застольных речей?

В. Н. Выше уже упоминалось о застольном выступлении Сталина, прозвучавшем на приеме в Кремле по случаю выпуска военных академий РККА (5 мая 1941 г.). При ближайшем рассмотрении оказалось, что знаменитый сталинский слоган «Кадры решают все!» также связан с выступлением советского вождя, имевшим форму застольной речи, — перед выпускниками военных академий (4 мая 1935 г.).

Возник закономерный вопрос: какие еще застольные речи Сталина заслуживают внимания? Чтобы ответить на него, понадобилась поисковая работа, которая для меня была инициативной, внеплановой. Наряду с архивными документами, выявленными в РГАСПИ, изучались опубликованные источники (периодическая печать, мемуары и дневники современников событий). Результатом многолетнего труда стал выход в свет документального сборника «Застольные речи Сталина...» (М.; СПб., 2003), изданного Ассоциацией исследователей российского общества XX в. (АИРО-XX, ныне — АИРО-XXI) под редакцией Г. А. Бордюгова. В сборник были включены различные источники (стенографические, синхронные, дневниковые записи, мемуарные свидетельства, газетные публикации), которые зафиксиро-

вали с различной степенью точности и полноты содержание тостов и выступлений И. В. Сталина на 50 застольях 1930-х—начала 1950-х гг. В их числе: кремлевские приемы, которые устраивались в честь представителей советской элиты, членов официальных делегаций иностранных государств, а также на обедах и ужинах в узком кругу («симпозионах»), проходивших на квартире, на «ближней» даче вождя в Кунцево, на юге во время его продолжительных отпусков. Все публикуемые материалы сборника сопровождаются моими комментариями.

В упомянутый сборник вошли, в частности, выявленные в РГАСПИ варианты записей таких директивных застольных речей Сталина, как уже упоминавшиеся выступления перед выпускниками военных академий РККА (4 мая 1935 и 5 мая 1941 г.), «таджикская» речь (22 апреля 1941 г.), знаменитый тост «За здоровье русского народа!» (24 мая 1945 г.).

Сталинские застолья рассматриваются мной как уникальная форма общения в политической среде, необходимая советскому вождю для репрезентации своей власти, подтверждения демонстрации единства с элитой, верности его внутривластного и внешнеполитического курса. Помимо прочего, непринужденная застольная атмосфера давала возможность И. В. Сталину в неформальной обстановке получать важную информацию о текущих проблемах и делах. Что касается содержания сталинских застольных речей, то некоторые из них (перечисленные выше) носили явно директивный характер.

Позднее, в 2019–2020 гг. в издательстве АИРО-XXI вышло мое монографическое исследование в трех книгах, посвященное застольям Иосифа Сталина. В каждой из них уделено внимание содержанию сталинских застольных речей. Перефразируя известное изречение Р. Брэдбери, большим преступлением, чем нежелание читать книги, можно считать отказ от их редактирования. В этом смысле мне крупно повезло: в качестве редактора при подготовке к печати итоговой монографии о застольях Сталина квалифицированную помощь оказала Е. С. Сапрыкина.

А. А. Как вы относитесь к концепции превентивной войны Германии против СССР? Насколько, на ваш взгляд, верны построения В. Б. Резуна (Суворова) и других сторонников данной концепции?

В. Н. Так называемую концепцию превентивной войны Германии против СССР считаю ненаучной, чересчур политизированной, не имеющей под собой веских оснований, бездоказательной с точки зрения подтверждения ее реальными фактами. Столь же далекими от исторической науки являются умозрительные, во многом искажающие суть драматических событий предвоенного периода построения В. Б. Резуна, сотрудника советской разведслужбы, перебежавшего на Запад. Под псевдонимом Виктор Суворов он опубликовал книги «Ледокол», «День “М”», «Последняя Республика», в которых безосновательно утверждал, что Сталин готовился первым напасть на Германию. Резун даже назвал дату начала предполагаемого нападения — 6 июля 1941 г.

В данной связи следует отметить, что никаких утвержденных на высшем уровне документов, в том числе и пропагандистского характера, которые бы бесспорно доказывали намерение СССР первым напасть на Германию, не обнаружено ни в отечественных, ни в зарубежных архивах.

На мой взгляд, более плодотворным и конструктивным явилось рассмотрение событий кануна германского нападения на СССР не с точки зрения «концепции» В.Б. Резуна (вокруг нее было и так сломано много копий), а в контексте «незапланированной дискуссии». Эта полемика развернулась после выхода в свет сборника статей «Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?» (М., 1995). Инициатором выхода в свет названного сборника стал Г.А. Бордюгов, главный редактор издательских программ АИРО-XX. Дискуссионные статьи по данной проблематике публиковались также в журнале «Отечественная история» (1995–2000 гг.).

В итоге ход «незапланированной дискуссии» о событиях мая — июня 1941 г. нашел отражение в работах как отечественных (П.Н. Бобылев, О.В. Вишлев, М.А. Гареев, А.В. Голубев, Ю.А. Горьков, В.Д. Данилов, А.В. Короленков, М.И. Мельтюхов, А.Н. Мерцалов, Ю.А. Никифоров, И.В. Павлова, Б.В. Соколов, В.В. Фарсобин), так и зарубежных (Б. Бонвеч, Я. Войтковяк, Г. Городецкий, С. Дембски, Б. Пиетров-Эннкер, В. Штраус, Ш. Фосс) историков. Предварительные итоги состоявшейся полемики подведены мною во вводной части монографии «Если завтра в поход...» (М., 2007).

Что касается конкретно идеологического обеспечения грядущей войны, то, исходя из выявленных и частично опубликованных архивных документов, можно утверждать, что по своему характеру она представлялась советским пропагандистам «всесокрушающей, наступательной». Сталин подчеркнул в одном из своих тостов, провозглашенных на приеме в Кремле 5 мая 1941 г., что Красная армия является современной, наступательной. В данной связи он поставил задачу перестроить все воспитание, пропаганду и агитацию «в наступательном духе».

С особой силой данная установка отразилась в упоминавшихся проектах пропагандистских директивных материалов, подготовленных в мае — июне 1941 г. (после выступления И.В. Сталина перед выпускниками военных академий РККА) Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), Главпуrom под наблюдением А.А. Жданова и А.С. Щербакова.

А.А. Когда советская пропаганда приобрела ярко выраженный «наступательный» характер? Можно ли связать это с некими конкретными событиями — например, «военной тревогой» 1927 г.?

В.Н. Что касается момента приобретения советской пропагандой наступательного характера, то это явно не 1927 г. К тому времени пропагандистские структуры СССР находились еще в стадии формирования. Далее, на мой взгляд, имеется прямая зависимость активизации пропаганды (в том числе военной) от степени усиления вооруженных сил. Применительно к 1927 г. можно кон-

статировать, что Красная армия была еще слаба и недостаточно хорошо оснащена технически, чтобы играть значимую роль в решении внешнеполитических задач. Советский Союз только преодолевал губительные для экономики последствия Первой мировой войны (1914–1918), Гражданской войны и интервенции 1918–1922 гг. Он стоял лишь на пороге модернизации, позволившей в годы первых пятилеток значительно усилить обороноспособность страны.

Что касается вопроса о советской пропаганде, то наступательный характер она стала приобретать в конце 1930-х гг. Это было связано, прежде всего, с активизацией внешней политики СССР в условиях начавшейся Второй мировой войны.

А. А. Как в советской пропаганде отражался ход Второй мировой войны до 22 июня 1941 г.? Насколько справедливы утверждения о том, что Третий рейх рассматривался Москвой как союзник, действия которого всячески поддерживались?

В. Н. В условиях начавшейся Второй мировой войны СССР оказался в уникальной международной ситуации. С одной стороны, 23 августа 1939 г. в Москве был подписан договор о ненападении между СССР и Германией (так называемый пакт Риббентропа — Молотова). Позднее, 28 сентября 1939 г. последовал советско-германский договор о дружбе и границе. Тем самым Советскому Союзу удалось избежать на время вовлечения в вооруженный конфликт с Третьим рейхом. С другой стороны, Правительство СССР официально объявило о своей нейтральной пози-

ции. 17 сентября 1939 г. посланники и послы государств, имевших дипломатические отношения с Советским Союзом (всего 24 страны), получили официальную ноту. В меморандуме подчеркивалось, «что СССР будет проводить политику нейтралитета в отношениях» с каждым из этих государств.

Таким образом, формально советское руководство выбрало роль «наблюдателя» в развернувшемся вооруженном противоборстве Германии и англо-французского блока. Подобная «нейтральная» позиция обусловила своеобразную тактику пропагандистского обеспечения. В советских СМИ аккуратно дублировались сообщения крупнейших германских, британских и французских средств массовой информации о ходе военных действий между обеими коалициями. В центральной печати (в «Правде», «Известиях» и других газетах) порой давались обзоры политических событий и результатов военных усилий Германии, Великобритании и Франции, в которых, однако, трудно было обнаружить «сочувствие» какой-либо из воюющих стран.

Однако поскольку СССР и Германия были связаны дипломатическими соглашениями, о которых упоминалось выше, в открытых советских пропагандистских материалах (прежде всего, в СМИ), а также в области книгоиздания, в кинопрокате и т. д. и т. п. была установлена строгая цензура с целью недопущения открытых антифашистских выпадов.

Одновременно порой обнаруживались намеки на то, что в международных делах именно Германии

отдавалось определенное предпочтение. 12 марта 1940 г. завершилась кратковременная, но кровопролитная война между СССР и Финляндией. Еще в ходе этой войны Англия и Франция вынашивали планы вмешательства в нее путем высадки своего воинского контингента в Скандинавии и организации авиационных налетов на нефтепромыслы Баку. В передовой статье «К последним событиям в Скандинавии», текст которой был написан И.В. Сталиным и 11 апреля 1940 г. опубликован без подписи в «Известиях», содержался отклик на вторжение германских войск в Данию и Норвегию. В статье проводилась мысль о том, что Англия и Франция хотели утвердиться на Скандинавском полуострове под лозунгом борьбы с большевизмом. Однако советско-финляндский мирный договор и активные действия немцев в регионе сорвали эти планы. Сталин сделал вывод, что тем самым улучшились военно-стратегические позиции Германии и «столь же существенным образом» оказались подорванными «позиции Франции и Англии в происходящей войне». 29 апреля 1940 г. А.А. Жданов, выступая перед партийным активом Ленинграда, в частности заявил, имея в виду развитие событий в Скандинавии, что Советскому Союзу «полезнее и ценнее иметь под боком не антисоветских англо-французских союзников», а страну, находящуюся с ним в «дружественных отношениях», т.е. Германию.

Но такого рода заявления Сталина и его ближайших соратников вовсе не означали, что СССР рассматривал Германию в качестве союзника. Во-первых, сам Гитлер, несмотря

на договоренности, достигнутые в Москве 23 августа и 28 сентября 1939 г., ни на минуту не прекращал подготовку к агрессии против СССР. Во-вторых, Сталин, особенно после поражения, которое Германия нанесла Франции в 1940 г., более настороженно стал относиться к германским действиям. Так, во время праздничного обеда в узком кругу ближайших соратников, устроенного по случаю очередной годовщины Октябрьской революции (7 ноября 1940 г.), Сталин заявил, что «у нас», т.е. у СССР, все капиталистические государства являются врагами, и даже те, которые «прикрашиваются под наших друзей». В данном случае явно имелась в виду Германия.

А. А. Можно ли утверждать, что советскому руководству изначально не было ясно, на чьей стороне ему предстоит выступить в мировой войне и будет ли оно вообще в ней участвовать? Существуют ли директивные указания об идеологической подготовке войны против Великобритании и Франции?

В. Н. Советское руководство с самого начала новой мировой войны своими действиями демонстрировало, что не собирается выступать в этой грандиозной вооруженной схватке на какой-либо из противоборствующих сторон. В то же время Сталин выдвинул лозунг «расширения социализма» в благоприятных условиях открытого противоборства двух капиталистических блоков. В беседе с Г. Димитровым, состоявшейся в Кремле в присутствии В.М. Молотова и А.А. Жданова в ночь с 7 на 8 сентября 1939 г., Сталин, в частности, заявил следующее: было бы

неплохо, если бы «в результате разгрома Польши» «социалистическая система распространилась на новые территории и население». При этом Сталин пожелал, чтобы германский и англо-французский блоки «хорошенько разодрались» между собой.

13 апреля 1941 г. СССР и Япония подписали договор о нейтралитете. 19 апреля в «Правде» появился обзор иностранной печати, заключительная часть которого, как мне удалось выяснить, была написана И. В. Сталиным. В ней Сталин, в частности, декларировал: «Пора понять, что Советский Союз ведет свою самостоятельную, независимую политику, чуждую внешних влияний». Тем самым он прямо декларировал, что СССР не намерен присоединяться ни к одной из воюющих сторон.

Теперь вернемся к сталинскому лозунгу о «расширении социалистической системы». Он получил широкое пропагандистское обеспечение после того, как в 1939–1940 гг. в состав СССР были включены территории Западной Украины и Западной Бе-

лоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии и Бессарабии. В частности, этот лозунг нашел отражение в проектах директивных материалов, которые начали готовить Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главное политическое управление Красной армии под руководством А. А. Жданова и А. С. Щербакова после упомянутого сталинского выступления перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г.

В этих директивах содержались многочисленные негативные оценки действий Германии и Англии в ходе войны. В полном соответствии со сталинскими указаниями, данными в его выступлении 5 мая 1941 г., излагались в них причины военного поражения Франции. Однако нет никаких оснований утверждать, что в этот период существовали директивные указания об идеологической подготовке войны против Великобритании, а тем более — против побежденной немцами Франции.

А. А. Благодарю за уделенное время!

А. Ю. Перетяtko

РУССКИЙ МИР ПОЛКОВНИКА ВАСИЛИЯ ПУДАВОВА (1804–1863)

Полковник В. М. Пудавов в настоящее время известен только узкому кругу специалистов по истории казачества как один из многочисленных донских историков-любителей XIX в. Между тем его творчество представляет собой уникальный феномен в донской, если не в российской, историографии: он вполне осознанно пытался сформировать новую методологию исторической науки, чтобы с ее помощью доказать особую роль России в мировой истории. Некоторые идеи полковника обрели актуальность в наше время: в частности, он первым, насколько нам удалось установить, использовал понятие «русский мир» (так же «славяно-туранский мир» и «Восток Европы») для определения носителей особого, противоположного западному мировоззрения; он рассматривал казаков не просто как защитников рубежей России, но как эталон русского мира; в его творчестве последовательно проводится идея, что русским суждено военным путем возвращать Европу к религиозным, евангельским ценностям и заветам и т. д. Однако, несмотря на поддержку отдельных лиц, труды В. М. Пудавова не получили признания в современном ему обществе и большей частью погибли, а уцелевшие тексты традиционно оцениваются как имеющие мало отношения к исторической науке. В данной статье впервые предпринята попытка системного анализа исторической философии оригинального донского мыслителя.

Ключевые слова: русский мир, донская историография, методология науки, философия истории, В. М. Пудавов.

Сведения об авторе: Перетяtko Артем Юрьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Контактная информация: artperetatko@yandex.ru.

A. Yu.Peretyatko

THE RUSSIAN WORLD OF COLONEL VASILY PUDAVOV (1804–1863)

Colonel V. M. Pudavov is currently known only to a narrow circle of specialists in the history of Cossacks, as one of the numerous Don historians-amateurs of

the 19th century. Meanwhile, his work is a unique phenomenon in the Don, if not in Russian, historiography: he quite consciously tried to form a new methodology of historical science in order to prove with its help the special role of Russia in world history. Some of the colonel's ideas have gained relevance in our time: in particular, he was the first, as far as we could establish, to use the concept of the "Russian world" (also "Slavic-Turanian world" and "East of Europe") to determine the bearers of a special, opposite to the Western worldview; he considered the Cossacks not just as defenders of the borders of Russia, but as the standard of the Russian world; in his work, the idea is consistently carried out that the Russians are destined by military means to return Europe to religious, evangelical values and precepts, etc. However, despite the support of individuals, the works of V. M. Pudavov did not receive recognition in contemporary society and for the most part perished, while the surviving texts are traditionally assessed as having little to do with historical science. In this article, for the first time, an attempt was made to analyze systematically the historical philosophy of the original Don thinker.

Key words: Russian world, Don historiography, methodology of science, philosophy of history, V. M. Pudavov.

About the author: Peretyatko Artem Yu., Cand. in History, Senior Lecturer, the Southern Federal University, Rostov-na-Donu.

Contact information: artperetatko@yandex.ru.

*«Зачатком русского мира было
сколотское (скифское) царство
Таргитаево...»*

(В. М. Пудавов. «История войска
Донского и старобытность начал
казачества»)

*«Лишь мой отец и я за ним чи-
тали Ливия наперекор Ливию,
вникая в то, что кроется под
фреской...»*

(З. Херберт. «Метаморфозы Тита
Ливия»)

Апология русского мира¹ как духовного превосходства России над Западом, опирающаяся на постулат о приоритете истиной веры перед рациональным разумом, с предска-

занием неизбежной победы русских и поражения Европы... Речь идет не о каком-то современном тексте, но о произведениях донского казака XIX в., полковника В. М. Пудавова. Когда-то его рукописи были забыты уже современниками, а их издание сыном автора осталось почти незамеченным. И нельзя сказать, чтобы подобное забвение было незаслуженным: даже в донской любительской историографии работы В. М. Пудавова выделяются полной беспомощностью в научном отношении. Но книги имеют свою судьбу, и в 2022 г. перечитывать В. М. Пудавова и интересно, и полезно. Русский мир XIX в. предвосхитил русский мир XXI в., и параллели между идеями казачьего

¹ Оговорим, что термин «русский мир» В. М. Пудавов упомянул всего несколько раз. Однако конкретного названия прославляемому им феномену полковник в принципе не дал, называя его и «русским миром», и «славяно-русским миром», и «восточным миром», и «Востоком Европы» (и это далеко не все названия, применяемые оригинальным донским философом в качестве синонимов). Поэтому и мы вслед за ним будем употреблять все эти синонимы, включая и «русский мир».

полковника и построениями некоторых современных авторов могут показаться кому-то саморазоблачительными, а кому-то, наоборот, доказывающими укорененность концепта русского мира в отечественной культуре. В любом случае сейчас творчество В.М. Пудавова актуально как никогда, и настало время привлечь к нему внимание не только специалистов по истории казачества.

СПОР С ЛУЧШИМ НАУЧНЫМ ТРУДОМ ПО ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА

О В.М. Пудавове известно мало. Фактически все сведения о нем восходят к предисловиям его сына, М.В. Пудавова, к двум томам *magnum opus* отца «История войска Донского и старобытность начал казачества» да к небольшой статье ростовского архивиста Г.В. Савчук (*Пудавов* 1890б: III–X; 1898б: I–VII; *Савчук* 2005:159–165).

Внешняя биография В.М. Пудавова была мало примечательна: он родился в 1804 г., окончил четырехклассную Новочеркасскую гимназию и с 1819 г. до смерти в 1863 г. служил на различных не слишком значимых должностях по внутреннему управлению Донским войском (*Пудавов* 1890б: VII–X). Описание сына В.М. Пудавова представляют его отца персонажем скорее XVIII в., не имеющим никаких постоянных связей с научными кругами дворянином-любителем древней истории, собравшим много книг и увлекшимся научными штудиями: «Всегда любознательный, он занимался изучением древнего мира во всех его проявлениях; любимыми предмета-

ми изучения и исследования для него были церковная история и вообще история. Он изучил древние языки (греческий и латинский) и новейшие французский и немецкий, а выписывая книги, приобрел дорогую библиотеку» (*Пудавов* 1898б: III). Впрочем, М.В. Пудавов вспоминал, что отца неоднократно посещали проезжавшие Новочеркасск ученые и литераторы, однако из конкретных визитеров смог вспомнить только раскапывавшего Танаис историка и филолога П.М. Леонтьева, жившего в Таганроге Н.В. Кукольника да И.Д. Попко, кубанского историка-любителя (Там же: IV).

Увы, подобные контакты носили разовый характер и вполне соответствовали стилю жизни образованного дворянина, в глубокой провинции занявшегося научными изысканиями для собственного развлечения. Вообще же описания сына, служебные характеристики и немногочисленные отзывы современников рисуют столь идеализированный портрет донского офицера, что Г.В. Савчук даже отметила: «Его образ был бы для нас более живым и достоверным, знай мы о его недостатках и “тайных страстях”...» (*Савчук* 2005: 159–165). «Вероисповеданья православного, в нравственности — отлично хороший, всегда арестовывался и награждался за беспорочную службу. Жалобам не подвергался, в слабом отпращивании обязанностей службы замечен не был, беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал, оглашаем и избобличаем в неприличном поведении не был, в хозяйстве рачителен», — гласит, например, формулярный список донского философа-самоучки (Там же).

Однако в на первый взгляд невыразительной и беспорочной биографии В. М. Пудавова есть один очень неоднозначный момент. В 1820-е гг. по правительственному заказу группой образованных донских казаков под руководством В. Д. Сухорукова было подготовлено «Историческое описание Земли Войска Донского» (Коршиков, Королев 2001: 7–13). В позднейшей историографии данное сочинение признано одним из лучших дореволюционных исследований по донской истории, причем особенно подчеркивается, что стилистическим и методологическим образцом для него стала «История государства Российского» Н. М. Карамзина². Вот как характеризовал «Историческое описание Земли Войска Донского» А. А. Кириллов, автор наиболее подробного обзора историографии донского казачества, созданного в дореволюционный период: «Труд этот написан под влиянием карамзинской школы, изложен сухо, читается тяжело. <...>. “Историческое описание Земли Войска Донского” Сухорукова, по всеобщему признанию специалистов, представляет собой первый серьезный труд по изучению прошлого донского казачества с начала XVI и до начала XVIII столетия, обоснованный на документальных данных и других материалах, критически проверенных» (Кириллов 1909: 15–18).

Однако заказчика, имперские власти, «Историческое описание Земли Войска Донского» не удовлетворило,

что, наряду с некоторыми внешними обстоятельствами, привело к опале В. Д. Сухорукова, конфискации всех его рукописей и редактуре этих рукописей, к которой как раз и привлекли В. М. Пудавова (впрочем, даже отредактированная рукопись «Исторического описания» не прошла цензуру и была издана только двумя томами в 1867 и 1872 гг.) (Коршиков, Королев 2001: 13–14). Для нас в данном сюжете принципиально важно то, что в руках В. М. Пудавова оказались копии с важнейших неизданных работ В. Д. Сухорукова. Это даже привело к любопытному казусу: в конце XIX в. М. В. Пудавов передал Донскому музею рукопись второго по значению сухоруковского труда, «Статистического описания Земли Донских казаков, составленного в 1822–1832 годах», в полной уверенности, что автором этой рукописи является его отец (в итоге издано «Статистическое описание» было как раз по этой рукописи в 1891 г.) (Пудавов 1898б: VI–VII).

Донское общество знало о трудах В. Д. Сухорукова и боролось за их издание. Этот процесс начался не позднее 1837 г., когда войсковой чиновник И. С. Ульянов написал одному из своих друзей: «Жаль, если полезные труды г. Сухорукова <...> ограничены будут известными двумя тетрадами, не удостоившись печатной почести» (Морозова 2007). Однако В. М. Пудавов не участвовал в процессе популяризации работ своего предшественника. Более того, он

² Отметим, что в историографии принято приписывать «Историческое описание Земли Войска Донского» В. Д. Сухорукову как единственному автору. Нам подобное мнение представляется не бесспорным, однако в данном тексте мы будем ему следовать, поскольку вопрос о степени вклада других лиц в написание «Исторического описания» увел бы нас слишком далеко от темы, а роль В. Д. Сухорукова как руководителя авторского коллектива данной книги никем не оспаривалась.

ни разу не упомянул о них в своих книгах, хотя другие донские авторы не стеснялись писать о рукописях В.Д. Сухорукова, иногда даже прямо позиционируя их как лучшие тексты по истории казачества (*Краснов* 1863: 1–3; *Номикосов* 1884: 2–3).

Конечно, подобное поведение со стороны полковника несколько портит его беспорочную биографию, особенно если объяснять его завистью к более талантливому исследователю.

Однако, как нам кажется, дело обстояло куда сложнее. В.М. Пудавова не устраивали идеологические и методологические основы творчества В.Д. Сухорукова, причем не устраивали настолько, что его собственные труды можно рассматривать как своеобразную «реинтерпретацию» фактов, установленных предшественником. И, возможно, полковник вполне осознанно не желал известности «Историческому описанию Земли Войска Донского», считая данный труд порочащим историю казачества, и своими историческими штудиями пытался создать альтернативу ему.

В. М. ПУДАВОВ VS В. Д. СУХОРУКОВ: ИДЕЙНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Что есть история? В.М. Пудавов в одной из рукописей ответил на этот вопрос прямо. «История должна быть изображением постепенного созревания жизни и разума народов и объяснением хода вечной церкви Сына Человеческого» (*Пудавов* 1898а: 5). Мы имеем дело не с метафорой и не с риторическим украшением: для казачьего полковника история *дол-*

жна была иметь смысл, причем смысл сакрально-религиозный. А особенно сильно В.М. Пудавов хотел видеть некую сакральную миссию в существовании той группы, к которой он принадлежал, в существовании казачества, доказательству чего, собственно, и посвящена большая часть его творчества. «Русское казачество — явление мировое», — утверждал он в начале главной своей книги (*Пудавов* 1890а: 5). «С чувством высокой гордости казак понимает, что родившая и воспитавшая его героическо-кладбищная почва Танаиса, из глубоких до-Рюриковских времен и ныне, питала только человека *поклонника меча.* И что прозябать на ней человеку чуждому будет как бы святотатством исторического завета, доколе существует на земле война (курсив В.М. Пудавова. — А.П.)», — еще определеннее писал он в заключительной части другого своего труда (*Пудавов* 1895: 15). Можно не сомневаться, что и сам полковник испытывал подобное «чувство высокой гордости». Он гордился казачьим званием, гордился историей своего края, видел в своем происхождении мировое и сакральное значение, но объективный исторический нарратив В.Д. Сухорукова работал на разрушение подобных иллюзий.

В.Д. Сухоруков о смысле истории ничего не писал, зато в своих текстах демонстрировал подход настоящего историка, описывая факты в соответствии с дошедшими до нас источниками и не ища в них трансцендентального смысла, даже если эти факты не красили донских казаков. Так, характеризуя происхождение донского казачества, он не придумывал ему благородных древних пред-

ков, но соглашался с утверждением Н. М. Карамзина, согласно которому донские казаки произошли от беглых крестьян в конце XV — начале XVI в. (*Сухоруков* 1867: 12–13). Что касается начала службы казаков Русскому государству, то В. Д. Сухоруков честно признавал: обстоятельства этого события точно неизвестны, и можно предполагать как то, что казаки сами «нареклись слугами России», так и то, что русские власти склонили их к этому милостями и жалованием, причем сам историк находил более вероятным второй вариант (Там же: 15–16). Больше того, уже во второй главе своего труда В. Д. Сухоруков приводил случай откровенной трусости со стороны донских казаков, в 1569 г. «испугавшихся одной молвы» о идущих на них турках и в страхе разбежавшихся! (Там же: 21–22). Бесспорно, классический текст «Исторического описания Земли Войска Донского» написан с любовью к Донскому войску, и подвигам казаков в нем уделено куда больше внимания, чем случаям их трусости, грабежей или предательств. Однако как раз научный подход не позволил В. Д. Сухорукову вовсе опустить подобные случаи, и в итоге в его нарративе донские казаки получились храбрыми и умелыми, но далеко не безупречными защитниками южных рубежей Русской земли, защитниками не по воле высших сил, но в силу сложившихся обстоятельств.

Здесь нужно отметить, что попытки сакрализировать историческую миссию казачества предпринимались и другими донскими дореволюционными авторами, помимо В. М. Пудавова. Подобные попытки вообще были довольно распространены, но

мы ограничимся одним примером, лучше всего показывающим их логику. В 1860-х гг. автор очередного, альтернативного сухоруковскому, труда по истории Донского войска М. Х. Сеньюткин высказался так: «Лучшие и умнейшие писатели в необыкновенном явлении казачества на Руси познавали дело Проведения, которого пути непостижимы. Здесь припомним, что еще знаменитый Боссюэт, анализируя события всемирной истории в известном рассуждении своем: *Le discours sur l'histoire universelle* — доказал, что Промысел невидимо управляет судьбами царств и народов, спасая избранных из них чудными средствами от гибели» (*Сеньюткин* 1866: 168). Таким образом, и для М. Х. Сеньюткина донское казачество было поставлено высшей силой защищать южные рубежи избранного православным Богом царства, России. Однако он, подобно другим донским историкам-любителям второй половины XIX в., основывал свои тексты на ставших классическими нарративах Н. М. Карамзина и В. Д. Сухорукова и пытался совместить представления о сакральной миссии казачества с достижениями исторической науки хотя бы довольно архаичного карамзинского уровня. В итоге М. Х. Сеньюткин спорил с отдельными фактами, ставшими общепринятыми в русской научной историографии того времени, доказывая, например, происхождение казаков от русских «воинов христовых», осознанно пошедших на брань с магометанами, а не от беглых крестьян, но при этом с общей канвой русской истории в интерпретации Н. М. Карамзина и В. Д. Сухорукова он был согласен и с огромным уважением ссылался на этих авторов (Там же: 157–167).

В. М. Пудавов пошел другим путем. Нарратив В. Д. Сухорукова, с которым он ознакомился уже во взрослом возрасте, вероятно, травмировал полковника, сообщив ему факты о казачестве, явно не укладывавшиеся в существующую картину мира. И тогда патриот Донского войска попытался разрешить проблему кардинальным методом. Если существующая методология исторической науки позволяла создавать исследования, отрицающие сакральность истории казачества (и вообще лишаящие историю высшего смысла), то эта методология была ложной, и следовало нанести удар не по отдельным фактам, установленным с помощью этой методологии, но по ней самой.

«ИНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА»

В. М. ПУДАВОВА

Мы ничуть не преувеличиваем. В. М. Пудавов действительно призывал к перевороту в мировой исторической науке, к полному отказу от большинства методов исследования, которые выработали историки к началу XIX в. При этом он не размещивался на критику отдельных, даже самых авторитетных исследователей. Он критиковал самое построение ими своего нарратива, описывая его так: «Языческое мудрование, не сознавая бессилия своего, кичливо искало могущества только в самом себе для постижения тайн бытия мира и человечества. Последующее человечество, при всех мечтах своих о борьбе духа с плотью, во всем мировом ходе дел, состоящем из бесчисленных и непонятных ему событий, находило средства к “совершенствованию” и слагало свое бытописание,

или историю — о том, как люди разрастались в народы и государства, как они жили, ели, пили, одевались, строили города, изобретали верования, законы, искусства, торговлю, науки, увлекали друг друга своими выдумками, как, воюя, поглощали один другого, и как в свою черду поглотители делались жертвами грядущих поколений» (Пудавов 1898а: 6). Описание довольно запутанное и темное, но выделим в нем важнейшие для нас моменты. Как мы видим, оригинального донского философа прежде всего возмущало то, что «языческое мудрование» опирается на самое себя, и поэтому человечество, создавая в его рамках нарратив о своей истории, просто фиксирует «непонятные ему события». Чтобы в полной мере понять смысл этих положений, нужно еще учесть, что для В. М. Пудавова было самоочевидно, что «философское воззрение на историю, от Вико до Бокля — воззрение языческое» (Пудавов 1890а: 11), да и вообще под «языческим мудрованием» он, как видно из других его текстов, понимал как языческую, так и современную западную науку. И так, большая часть науки и все философии истории, существовавшие до казачьего полковника, были языческими, и уже потому неприемлемыми для доброго христианина.

Как ни странно, своя логика в подобных обвинениях была. В. М. Пудавов противопоставлял и бесстрастному описанию исторических событий, и существующим философиям истории философию истории собственного сочинения, в которой до логического передела был доведен элемент своеобразной трактовки Библии (впрочем, это не делало его фи-

лософию христианской, но об этом мы подробнее напишем ниже). «Не в этих мудрованиях духа человеческого (речь идет о существующих исторических исследованиях. — А.П.), а в священных сказаниях библейских должно искать ключа разумения мировых событий в человечестве», — утверждал В.М. Пудавов (*Пудавов* 1898а: 6). И далее, чтобы опровергнуть существующую историческую науку, он приводил несколько библейских стихов. Пожалуй, убедительнее всего выглядела отсылка к Евангелию от Иоанна: «Испытайте писаний, яко вы мните в них имети живот вечный, и та суть свидетельствующая о мне. И не хотите приити ко мне, да живот имаете»³ (Там же). Действительно, по сравнению с философией истории, в рамках которой любому событию следовало прежде всего искать аналогии или обоснования в Библии, любая существующая философия истории могла показаться языческой.

Доказать превосходство своей методологии исторического исследования над методологией более традиционной В.М. Пудавов пытался на нескольких примерах. Так, он утверждал, будто бы традиционная наука неспособна объяснить «таинственно-духовные основы того неудержимого, могущественного движения европейской расы к преобладанию на всем земном шаре и тех громадных завоеваний ее силой мысли и оружия, какие представляет теперь наш век» (*Пудавов* 1890а: 11). С его же точки зрения причины превосходства евро-

пейской расы были очевидны: именно европейцы являлись носителями начал⁴ Исава и Иакова, которые, в свою очередь, должны были, согласно Библии, «превзойти всех людей» (Там же: 10–11). После еще одного не менее убедительного примера (о том, будто бы наука не способна объяснить «одновременное возникновение» «латинства», православия и «магометанства», но его объясняет признание данных трех религий проявлениями трех начал, исходящих от все тех же Исава, Иакова и Исмаила соответственно (Там же: 12), В.М. Пудавов констатировал свою полную победу над учеными: «Пора бы науке примириться в этом (в объяснении истории. — А.П.) с преданием, не верить наущениям эдемского змея» (Там же: 12).

Подобный подход позволял произвольно отвергать любые утверждения прежних ученых, заменяя их своими. Возможно, ярче всего это иллюстрируют рассуждения В.М. Пудавова о происхождении слова «казак». Донской философ безапелляционно заявлял, что все написанное до него на этот счет было «лишено общеисторического смысла» (Там же: 72). В подстрочной сноске он зачем-то дословно приводил целый ряд текстов, в основном русских историков начала XIX в., о этимологии слова «казак», но без всякой критики и вообще каких-либо комментариев (Там же: 71–75). А потом полковник предлагал свою версию, абсурдную с точки зрения даже современной

³ «Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне. Но вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь» (Синодальный перевод).

⁴ В.М. Пудавов снова использовал для объяснений отношений европейцев с Исавом и Иаковом много специфичных и своеобразных терминов, например «возделатели», «духовные начала», «дух» и т.п., не раскрывая при этом их значение. Здесь и далее мы не будем пытаться сохранять

ему науки, зато полностью соответствующую его картине мира. В.М. Пудавов утверждал, что слово «казак» происходит от слова «хозарин», а для последнего предлагал следующую этимологию: «имя хозар (хосар) состоит из двух слов: хоск — слово по-армянски и ар — муж по-персидски» (Там же: 75). Объясняя уже эту странную двуязычную конструкцию, донской философ указывал, что она родилась в результате перевода на «армяно-персидское наречие» (sic!) выражения «бояры словяне», отвечавшего его представлению о хазарах как о славянских хозяевах (т.е. «боярах») торговых путей (Там же: 75–77). Затем якобы слово «ар» было заменено словом «ах», на некоем неназываемом языке означающем «брат, вольный, белый», после чего слово «казак» стало в полной мере описывать уже современных казаков, «славян белых (вольных, братчиков)» (Там же: 78). Подобные доказательства, очевидно, выглядели не слишком убедительно даже для самого В.М. Пудавова: во всяком случае, он предпочел заранее ответить на возможную критику, заявив, что «исторический скептицизм вечен, как сама история» (Там же: 78). Едва ли полковник мог защитить свои построения как-то иначе: никаких доказательств в традиционном понимании исторической науки, например, указаний на случаи реального употребления странной конструкции «славянин белый» к первым казакам, он не приводил. Единственным подтверждением правоты его слов так и осталось то, что

придуманные им варианты этимологии слов «хозарин» и «казак» полностью раскрывали смысл, которого донской философ искал в казачестве. Но ему этого было достаточно.

Итак, в рамках новой методологии истории, созданной В.М. Пудавовым, доказательством любых утверждений служило их соответствие общим гипотезам, «общеисторическому смыслу», выводимому из трактовки Библии и некоторых других сакральных, претендующих на трансцендентальное происхождение источников (каких еще — мы укажем ниже). Не укладывающиеся в прокрустово ложе подобных гипотез факты отвергались уже на одном основании отсутствия в них этого «общеисторического смысла».

К традиционной науке подобная методология, разумеется, не имела никакого отношения, но В.М. Пудавов был уверен, что совершаемый им переворот в истории даст прекрасные плоды именно для России: «Пора русскому научному уму образовать, по духу своего присущего начала, верования, иную историческую критику, согласную с преданием, отменитую от критики западного духа, и по ней воссоздать историю, достойную народа русского» (Там же: 91).

«ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Так назвал один из своих трудов В.М. Пудавов. Впрочем, как раз «взгляда на историю человечества»

в деталях путанную, предусматривающую много синонимов и архаичную терминологию В.М. Пудавова, за исключением ее важнейших понятий. А о том, что для него означало понятие «начало», подробнее напишем далее.

в традиционном понимании в нем нет: взамен этого полковник предложил читателю свои рассуждения о некоторых библейских сюжетах, трактуя их как ключи к пониманию мировой истории. Показательно, что данный труд занимает чуть больше десяти страниц, в то время как magnum opus В.М. Пудавова, «История войска Донского и старобытность начал казачества» составляет два тома (первый весьма объемный), и это при том, что большая часть книги погибла. Обобщающие концепции по мировой истории были важны для философа, но только как фон, как та рамка, которая показывала, что «русское казачество — явление мировое».

«В двух областях течет жизнь и история — в духовной и животно-разумной. Первая есть область вечной церкви Сына Человеческого, или духа общения любви и истины; вторая — “церкви лукавствующих” или духа общения — “князя мира”. Между ними борьба. Путем беспрестанного развития горькой работы “познания добра и зла”, борьба эта постепенно низводит церковь лукавствующих к падению и сознанию торжества церкви истины. Ход этой мировой борьбы и ход сущности истории имеют свои периоды по духу трех таинственно-преобразовательных начал, которые проявлены в библейском сказании тремя последовательными троичностями» (Пудавов 1890а: 8–10). Итак, как и предполагала «иная историческая критика» В.М. Пудавова, история превращалась в религиозную мистерию, имеющую глубокий сакральный смысл,

а ключ к расшифровке этого смысла таился в Библии.

Три «троичности», которые оригинальный донской автор нашел в Священном Писании, сводились к трем последовательным рядам из трех персонажей: Каин, Авель и Сиф; Сим, Хам и Иафет; и уже знакомые нам Исмаил, Исав и Иаков (Там же: 10). В свою очередь, «три таинственно-преобразовательные начала» сводились к «трем главным способам постижения», т.е. к чувствованию, мышлению и верованию (Пудавов 1898а: 7–8). В.М. Пудавов признавал, что эти начала сосуществуют в каждом человеке, однако оценивал их по-разному: чувствование, по его мнению, «горячило»; мышление вообще «рождало кичливость»; а вот верование «смирляло, и, ослабляя эгоизм, поселяло мир в душе» (Там же: 8). Исходя из этого, философ-любитель и выстраивал иерархию «способов постижения», а значит, и персонажей внутри «троичностей»: «Отцом прозрителем кичливое мышление — повергнуто в рабство или служение *чувствованию* и *верованию*, с предуказанием при том, что чувствование *вселится* (Бытие, IX, 27⁵), т.е. найдет успокоение под сенью *верования* (курсив В.М. Пудавова. — А.П.)» (Там же: 8). Итак, конечным смыслом мировой истории должно было стать обращение разума в рабство, успокоение чувств и победа веры.

К сожалению, В.М. Пудавов не позаботился создать систематической картины того, какой именно

⁵ «Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему» (Синодальный перевод).

персонаж в каждой «троичности» олицетворял конкретное начало и в чем заключалось его персональное значение с учетом последовательности «троичностей». Так, о Сифе в дошедших до нас сочинениях донского философа не написано ничего конкретного. Каин, в его интерпретации, носитель духа стяжания и градоизжительства, очевидно, был возделателем начала мышления, а Авель, носитель духа пастушьего бескорыстия, — возделателем начала верования (Там же: 12–13). Здесь нужно учесть, что В.М. Пудавов сам жил в архаичной стране, где скотоводство еще преобладало над земледелием и почти не было настоящих городов. Поэтому его нарратив наполнен иррациональной ненавистью к городам как к проявлениям злого, каинского духа, а разорение городов кочевыми племенами не только оправдывается, но и сакрализуется. «Народы и царства градоизжидительные, одряхлевши от роскоши и разврата, были разрушаемы народами пастушескими, которые, как массы распространения (Иафетические), свежие чувством или силами восприимчивости, воссоздали, чрез смешение свое с побежденными, новые, освеженные народы и царства, с улучшенными понятиями об истине и любви. Отсюда и смысл существования орд, движущихся по степям и горам Средней Азии, вдали городов Европы и Азии западной; понятно и то, что, кроме духовного, всегда готово и материальное возмездие Авеля брату Каину» (Там же: 13). Отметим, что в своем градоненавистничестве полковник не был одинок: еще в 1871 г. специальная комиссия при администрации войска Донского под руководством казачьего генерала

Г.И. Бокова высказалась против «учреждения городов в области», закрыв вопрос о их основании и оставив Область войска Донского в экономическом отношении аграрной периферией стремительно растущих и богатеющих городов Приазовья, входивших в состав Екатеринославской губернии (ГАРО: Л. 62).

Любопытно, что о древних народах, проникнутых благим началом Авеля, В.М. Пудавов почти ничего не писал. Зато на нескольких страницах он клеймил порочный каинов Вавилон, чудовищную «альфу царства разума человеческого, желудь, из которого выросло лелеявшееся духом князя мира необозримое, великолепное древо градоизжидительного бытия народов, покрывшее своими ветвями весь земной шар (курсив В.М. Пудавова. — А.П.)» (Пудавов 1898а: 16). Правда, далее полковник оговаривал, что именно в вавилонскую эпоху началось положенное Богом служение мышления чувствованию и верованию (Там же). Однако здесь его нарратив становился внутренне противоречивым. С одной стороны, он явно не хотел отдавать первенство в создании городов по всему миру началу мышления и специально оговаривал, что «водителем этих колонизаций (основывавших новые города и религии в вавилонскую эпоху. — А.П.) был, конечно, дух верования, как владычный перед духом стяжания» (Там же: 14). С другой стороны, совершенно не понятно, зачем началу верования было основывать *такие* города. «Вавилон родина материализма, который прежде всех других учений, как плотоугодливый, двинул в ход разум человеческий в духе борьбы с вечной церковью»

(Там же: 15). «Следуя смыслу священных сказаний, мы видим, что после Вавилона Ниневия составляла второй великий приют враждебных начал против вечной церкви Сына Человеческого» (Там же: 17).

Определеннее всего В.М. Пудавов писал о персонажах второй «троичности». Иафет, носитель духа распространения и предприимчивости, был возделателем начала чувствования; Хам, носитель духа служения и рабства, был возделателем начала мышления; Сим, носитель духа пристанища и молитвы, был возделателем начала верования (Там же: 7). Правда, на сей раз донской философ не счел нужным указать, в чем конкретно проявлялся исторический смысл духа этих библейских патриархов. Он ограничился указанием на то, что «*Иафетизм* занял север и запад Азии и Европу; *Хамизм* — Сирию, большую часть Аравии и Африку; *Симизм* — восток и юг Азии (курсив В.М. Пудавова. — А.П.)» (Там же: 11). Отметим в качестве забавного факта, что в этом месте полковник даже сослался на работу предшественника: не приемлющий исторических сочинений «от Вико до Бокля» казачий офицер хвалил «весьма основательное обозрение (расселения народов. — А.П.) в статье под названием “Изъяснение пророчества Ноева о будущей судьбе потомства его”, напечатанной в “Христианском чтении” на 1839 г., ч. 1., с. 63» (Пудавов 1890а: 10–11).

Как мы видим, философия истории В.М. Пудавова опиралась на трактовки Библии, но едва ли можно найти что-то более далекое от христианского духа. Если для настоящего хри-

стианина главной фигурой Библии всегда будет Христос, то в нарративе донского философа центральное место заняли библейские персонажи из трех «троичностей», превращенные в своеобразных покровителей разных народов; если апостол Павел прямо говорил, что для Бога «нет ни эллина, ни иудея», то для казачьего полковника именно нравственные особенности народов, возводимые к их покровителям, определяли смысл существования человечества; и, наконец, вопреки христианской идее прощения, в причудливом мире В.М. Пудавова продолжается кровавая борьба ветхозаветных патриархов и наследники Авеля мстят наследникам Каина... Итак, значение человека в мировой мистерии зависело не от его личного выбора, но от того, к какому народу он принадлежал. Более того, В.М. Пудавов не оставлял никаких сомнений в том, что в его трактовке понятие «народ» объединялось именно общим происхождением, а без нужной крови в жилах человек не мог поменять свое начало. По крайней мере, исходя именно из таких предпосылок, он предсказывал самое блестящее будущее в истории человечества «потомкам Иаковлевым», наследникам самого блестящего представителя последней, третьей троичности, который был возделателем начала верования и носителем духа «*учредителя светлых (главных) дверей (путей) в небо* (курсив В.М. Пудавова. — А.П.)» (Пудавов 1898а: 12).

ПОТОМКИ ИАКОВА

Нарратив В.М. Пудавова был внутренне противоречив не только в повествовании о Вавилоне. Исходя из

тезиса о превосходстве верования над мышлением и чувствованием, следовало бы ожидать, что наследники Сима превзойдут наследников Хама и Иафета, и новая эпоха человечества начнется в Восточной или Южной Азии. Однако этого не произошло. Новая, последняя «троичность» разделила на три части детей Иафетовых, и именно им предстояло окончить историю.

Исмаил, Исав и Иаков. Как мы уже писали выше, в философии истории В.М. Пудавова именно эти библейские персонажи стояли за «магометанством», «латинством» и православием, «одновременное» возникновение которых, следовательно, означало вступление человечества в финальный этап своего исторического развития. Возделателем начала чувствования был Исмаил, «сильный человек: руке его на всех, и руки всех на него, и пред лицом всея братия своя вселится» (Пудавов 1890а: 12)⁶. Трактую подобное описание Исмаила в Библии, В.М. Пудавов утверждал, что «магометанство» должно враждовать с «латинством» и православием, поскольку на текущей стадии истории человечества чувствование противостоит мышлению и верованию (Там же: 12). Однако о мусульманстве в текстах полковника написано мало. Его гораздо больше занимали взаимоотношения Иакова и Исава.

«Близнецы по рождению, как обреченные словом Бога “превзойти всех людей”, с тем, что “большее из них поработает меньшему”, охвати-

ли весь материк Европы — первое Запад, а второе Восток, и стремятся довершить преобразование ветхого человека, где остался он еще в духе начал второй троичности (т.е. в землях Сима и Хама. — А.П.), совершая в то же время дивную борьбу и между собой о “праве первородства, которое большим продано меньшему за блюдо яства”», — писал В.М. Пудавов о носителях начал Исава (возделателя начала мышления) и Иакова (возделателя начала верования) (Там же: 10). Запад, с точки зрения В.М. Пудавова, начал признавать право первородства своего младшего брата, духовное превосходство России, на его собственных глазах. «Русь крепкой верой сердца в слово веры всемирного православия, оставшись неизменным поборником Иаковлева начала, окончательно обособилась от веры мудрования западно-христианского рационализма и престала миру языков или государств человечества новой, в духовной области вечной церкви — как бы вторым Израилем. Это не превеличение: у Руси есть эпоха времен Александра I, знаменующая столь глубокое значение ее в отношении запада: тогда деизм XVIII века — наследник учения вавилоно-египетского и греко-римского — судился с верованием наследников учения Сионского; тогда, по этому суду, духом скифского Поля-Волги, Дона и Днепра — возбуждись новые “священные” начала государственного братства в Европе» (Там же: 16–17). Далее В.М. Пудавов подчеркивал, что именно русский император был инициатором создания «братского и христианского» Священного союза, основанного на «запове-

⁶ «Он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он пред лицом всех братьев своих» (Синодальный перевод).

дах Святого Евангелия» (Там же: 17). Данные рассуждения донского философа просто изобилуют отсылками и вторыми смыслами. Русь, несущая в себе наследие Иакова, становится новым Израилем, противостоящим рациональной и деистической Европе, чьи идеи восходят еще к Вавилону (напомним, «родине материализма»). Она побеждает всю эту Европу, а не одного Наполеона, побеждает самые западные *идеи*, основанные на мышлении, и возвращает европейцев к вере в евангельские заповеди. И ради чего? В.М. Пудавов отвечал на этот вопрос так: «Об этой эпохе Русь завещала истории — всемирному судилищу науки — короткое слово: “Не нам, не нам, а имени Твоему” — имени того, кто все видит и правит миром» (Там же: 17).

Итак, уже война с Наполеоном была сакральна и доказывала превосходство России над Западом. Но это было только начало. В.М. Пудавов, как всегда, опирался на Библию. Разве не было написано в книге Эздры «конец-бо века сего Исав, а другого начало — Иаков» (Там же: 12–13)?⁷ А в книге Иеримии не предсказывался приход таинственной силы, описанной как «жезл ореховый и конобом, поджигаемый от лица севера?» (Там же: 5–6)⁸. Что же означали все эти строки, за что в *конечном счете* шла борьба России с Западом? В.М. Пудавов отвечал совершенно недвусмысленно: «Представителю исполинского славянского мира завещана борьба с Западом в великом

процессе воссоздания “всемирной державы”» (Там же: 91).

«Царство Мое не от мира сего», — говорил Христос. Мы снова убеждаемся в том, что воззрения В.М. Пудавова на историю были не просто нехристианскими, но антихристианскими. Русских он с гордостью считал частью предсказанной в Библии силы, несущей с севера «бедствие на всех обитателей сей земли». Эта сила должна была привести остальные народы к Богу в единой «всемирной державе», вероятно, под скипетром русского императора. Но разве Христос был распят ради создания всемирной державы? Где вообще в христианском Священном Писании можно найти оправдание строительству великой империи через бедствия для других народов? И здесь мы переходим к самому, возможно, любопытному сюжету: несмотря на декларируемое христианство, корни русского мира и его превосходства над Западом В.М. Пудавов искал отнюдь не в Библии, а в дохристианской истории Восточной Европы, полагая, что высокие нравственные идеалы населявших ее народов передались русским по наследству.

РУССКИЙ МИР

Предпочитая историческим фактам предание, В.М. Пудавов шел так далеко, что искал ключи к смыслу исторических событий в языческих

⁷ «Конец сего века — Исав, а начало следующего — Иаков» (Синодальный перевод).

⁸ «И было слово Господне ко мне: что видишь ты, Иеремия? Я сказал: вижу жезл миндального дерева. Господь сказал мне: ты верно видишь; ибо Я бодрствую над словом Моим, чтоб оно скоро исполнилось. И было слово Господне ко мне в другой раз: что видишь ты? Я сказал: вижу поддуваемый ветром кипящий котел, и лицо его со стороны севера. И сказал мне Господь: от севера откроется бедствие на всех обитателей сей земли» (Синодальный перевод).

мифах. Правда, при этом он делал важнейшую оговорку: «Без библейских основ разгадывание языческих мифов будет не вполне осмысленным» (Пудафов 1890а: 8). И это не случайно. Православие как таковое, вне контекста объяснения им мессианского значения России, похоже, мало привлекало казачьего полковника. Возможно, это было связано с тем, что русские являлись не единственными его носителями. Основывая свою историческую философию на превосходстве православия, В.М. Пудафов вынужден был бы поставить в один ряд с русскими, например, греков и болгар. Да и приняли православие русские только в X в. А амбиции философа-любителя в его прославляющем казачество историческом нарративе шли куда дальше. «В Европе есть Западный мир и есть Восточный мир — разные от самого младенчества их», — доказывал он (Там же: 1). Россия *всегда*, с самого появления людей на ее территории духовно превосходила Европу. Для доказательства подобного тезиса В.М. Пудафов и обратился к языческой мифологии, трактуемой, разумеется, в рамках его «иной исторической критики», позволяющей доказать все что угодно.

И вот на смену «троичностей» библейской истории пришло противопоставление Ирана Турану. В Иране якобы была «обожествлена тайна рождения и развито владычество ее любострастной и любостязательной идеей Мелиты» (Там же: 20)⁹. Через Троию идея Мелиты-Венеры, приоритета рождения над смертью, чувственности, красоты и любви

к богатству была принесена в Италию, где стала «корнем религиозного и государственного развития Рима» (Там же: 21). «Господство духа этой ветхой образованности донныне мучит разум запада лукавым призраком в слове цивилизация», — заключал В.М. Пудафов (Там же). Итак, с его точки зрения самая концепция цивилизации, концепция западная и дохристианская, была связана с культом Венеры, культом плотским, материалистическим и описываемым с очевидной негативной коннотацией. Не то Туран. Там была обожествлена «тайна смерти»: «человек иранский основал учение жить, а туранский умирать» (Там же). И вот уже В.М. Пудафов с полным ободрением описывал «господские, хранительные силы Востока Европы»: они «сливались с тучами конников великой Иперворейской (Гиперборейской. — А.П) Скифии и, как гусеница, по выражению библейскому, неслись на владычества западной Азии, Африки и Европы, карать и обновлять их» (Там же: 26). Как мы видим, нарратив казачьего полковника был логически противоречивым, но последовательным эмоционально: *цивилизация и важнейший ее атрибут, города, хотя и не отрицались вовсе, но рассматривались как опасные плоды кичливого мышления, а вот атакующие их орды кочевников всегда позиционировались благой, обновительной силой.*

Итак, если Иран и позднейший Запад верили в Мелиту-Венеру, то Туран и наследовавшая ему Россия верили в Диану-Тавити, культ которой не просто обожествлял смерть,

⁹ Мелитой В. М. Пудафов именовал Венеру.

но «развивал владычество ее» (Там же: 21). И уже тогда, в языческие времена, символом этого культа стал знак Тау¹⁰, крест (Там же: 28). *Иными словами, не цивилизованное западное язычество, но дикие кочевники степей стояли ближе к христианству.* Соответственно, все свидетельства античных авторов, говорящие не в пользу главных обитателей Турана, скифов, отвергались как писания людей мышления, не способных понять глубокого превосходства людей верования: «Строгим служением Деве Тавити и символу Тау и кровавым поклонением мечу понтийская Скифия (особенно Восфор Киммерийский) представлялись кичливому понятию пеласгийства (античного мышления в терминологии В. М. Пудавова. — А. П.) времен Гомеровских пределом “света” (жизни, блага) и началом царства “тьмы” (смерти, бедствий) (курсив В. М. Пудавова. — А. П.)» (Там же: 25). Но скифам их вера, установления и язык были дороги, и они, невзирая на подобную критику, охраняли их «горячо и жестоко» (Там же).

И именно так, не любовью и не учением Христа, но жестокостью и дикостью формировалась готовность к служению высшим ценностям: «Не напрасно, но для великой цели в борисфено-танаиском становище Турана “кроваво и страшно” воспитан был человек, поборник богини Дианы и Тау — дух отрицатель неги и покоя, человек послушания в мире ветхом: он готовлен быть человеком послушания и в новом мире, способным,

по выражению библейскому, “сердцем уразуметь” небесное благовестие в последование первому голгофскому исповеднику, умиравшему вместе со Христом “нелицемерно, без лукавства, без ограничения, без исследования, верой взыскупя, а не языком измеряя, верой приемля, а не словами испытывая слово”, как учит вселенская церковь» (Там же: 26–27). В чем же выражались особая духовность подобного человека, его умение быть «человеком послушания»? Разумеется, в военных подвигах. «Несмотря на все роковые превратности, он никому не уступил колыбельной земли своей и могил праотеческих до последнего имени в языческой жизни — “безбожного русса”. <...>. Покрылся он именем “русса христианского” и в средневековом дележе мира умел закрепить себе в жилище весь восток Европы в громадном пространстве, достойном его духовно-исполинского значения» (Там же: 27). Как нам кажется, в подобном нарративе отсылки к Христу носят скорее декларативный характер. «Русс» В. М. Пудавова, «безбожный» или «христианский», явно служил воинственной и кровавой языческой Тавити, а не милосердному христианскому Богу.

Да по правде сказать, и описание казачьим полковником туранской идеи, сохранившейся, *несмотря на принятие христианства*, никак не пристало доброму православному: «Это было поборничество вечно живущей, всесветлой идеи Тау (конца, предела, совершенства) — идеи,

¹⁰ Отметим, что Тау-крест действительно является известным оккультным символом, имеющим много значений, анализ которых уведет нас далеко за пределы изучаемой в статье темы. В любом случае Тау-крест не тождественен обычному кресту, скорее напоминая букву Т.

символом которой был крест — знак спасения — зародыш всех иероглифов, рун, письмен, изобразительной жизни, слова; поборничество того символа, которого предмет и сила, превышающие силу разума, открылись человечеству при беспредельно поразительном ожесточении борьбы Исава с Иаковым» (Там же: 27–31). Финальная отсылка к Библии не должна обманывать. Для В.М. Пудавова крест — священный символ не потому, что на нем распят Христос, но священный символ задолго до Христа, символ, священный потому, что он означает деву Тавити, обожествленную смерть, конец и совершенство. Его кресту приносят даже человеческие жертвы: «У тавров (крымских), поклонявшихся богине-деве Тавити (или Парфенос), воздавалось чествование кресту (Тау): головы иноземцев, приносимых в жертву богине, тавры настрекали на крест» (Там же: 31). Сложно сказать, как сочетались подобные идеи с внешне образцовым христианством казачьего полковника. Но любопытно, что схожие идеи сакрализации смерти и в наше время высказывают некоторые поборники идей русского мира. «Смерть есть тайный двигатель жизни, именно она дает духовную насыщенность всему тому, что и в посюстороннем мире представляется достойным, благородным и интересным. Что может быть чище самурайского культа смерти, являющегося животворной основой верности и чести, кодекса благородного воина», — пишет А.Г. Дугин (*Дугин* 2001: 475–476).

И мы приходим к парадоксальному выводу. Философия истории В.М. Пудавова, пусть и антихристи-

анская по духу, все же основана на новой трактовке Библии. Но когда он переходит к описанию туранцев и русских, к описанию Востока Европы и русского мира (кстати, иногда именуемого и «славяно-туранским» (*Пудавов* 1890а: 6), библейские элементы в его нарративе в значительной степени вытесняются языческими. Почитатели смерти; всадники севера и востока, с огнем и мечом несущиеся в цивилизованные земли; защитники идей, которые всему остальному миру кажутся «тьмой», — действительно, найти даже в Ветхом Завете, не говоря уже о Евангелии, основания для прославления подобных образов сложно. Но В.М. Пудавов не только не отказывается от родства славян и скифов, родства, к середине XIX в. уже отвергнутого исторической наукой, но и рассматривает перечисленные выше образы как базовые для дальнейшего особого пути России.

Не будем подробно останавливаться на описании В.М. Пудавовым собственно истории России. В нем есть любопытные детали, например, он критикует варягов как носителей чуждого, европейского федеративного начала, разрывавшего скифские традиции служения царю (Там же: 88). Но ничего принципиально нового к основным установкам философа это описание не добавляет. Например, мы помним, что он с гордостью характеризовал казаков как «*поклонников меча*» — и в этом тексте неоднократно упоминаются мечи, приобретающие сакральное значение. Так, «князь Роман Галицкий, <ответил> на обольщения папского посла силой “меча Петрова”, обнажив свой меч, <i> решил дело вопросом: такой ли

меч у папы?» (Там же: 48). Все так же восхищается полковник и преобладанием у русских верования над мышлением: так, по его мнению, право на первородство Запад утратил в XV в., когда «лукавое мудрование, блиставшее могучей силой в Флорентийском сомне (на Флорентийском соборе. — А.П.), где ученая Греция состязалась с ученым Римом, оказалось бессильно в Москве», в которой посланца папы просто не стали слушать (Там же: 58). И опять не рассуждающие поклонники меча выступают в качестве нравственного идеала...

Мы еще раз убеждаемся, что В. М. Пудавов был эмоционально последователен. Его нимало не привлекали ни интеллектуальные, ни материальные достижения западной цивилизации. Западу он противопоставлял русский мир как явление, совершенно отдельное по самому сакральному смыслу своего существования, еще и подчеркивая, будто бы его представители совершенно невосприимчивы к «искусительной западной доктрине» (Там же: 87). Русский мир, в его интерпретации, появился не с объединением русских земель вокруг Москвы, не с принятием православия, не с призванием Рюрика, но при мифическом Таргитае, царе скифов (Там же). При описании превосходства этого мира над рациональной и уже поэтому бездуховной Европой причудливо смешивались языческие и библейские элементы, воинственность девы Тавити и вера Иакова, Тау как символ смерти и вселенская православная церковь, но константой оставалось одно — идеалом выступал воин, воспитанный в суровом и жестоком послушании, презираю-

щий мышление и чувствование, зато безоглядно верящий. Или просто казак. «Казак — то же, что царский скиф (сколот), алан, хозар — имя монументальное восточного славянского мира — имя славян-братчиков (товарищеского) вольного самопожертвования, которое еще в ветхом человечестве Туранской мировой половины таинственно руководилось идеей воссоздания всемирной державы под знанием всемирного символа Тау-креста. <...>. Мы думаем, что в значении древнего принципа славян-братчиков, представляющих собой крайнее выражение славянской природы, лежит изъяснение самого значения имени и бытия на земле славян: скиф (словник-покоя-Тау) — человек послушания (отрицания), поклонник смерти (молнии, грома и возрождения)» (Там же: 90).

ГЛАВНЫЙ ВЫСОКИЙ ПРИНЦИП ПОКЛОННИКОВ МЕЧА

Символично, что даже исторический герб донских казаков, «еленя (оленья) или лань», В. Д. Пудавов считал другим, наряду с Тау, символом Тавити-Дианы (Пудавов 1895: 9). Преемственность с языческим миром, с дикими, но победоносными скифами снова оказывалась для него важнее преданности христианству! Впрочем, скифы в качестве легендарных прародителей манили казачьего полковника не только военными подвигами. Возможно, осознавая непригодность своей «Истории войска Донского и старобытности начал казачества» для массового читателя, В. М. Пудавов подготовил и более популярный труд, краткую записку «Взгляд на основные начала Донского края». Без

учета реконструированной нами методологии оригинального философа и его мистических идей данная книга производит впечатление сборника странных, порой просто невнятных утверждений и предположений. Однако для нас она особенно ценна потому, что тут В.М. Пудавов попытался предельно кратко изложить свой взгляд на то, что он считал высшим воплощением русского мира, на донское казачество.

Итак, казачество, по мнению философа, было «благородной сословностью, вышедшей из глубины славянской природы» (Там же: 5). Выражение не вполне ясное, однако оно прояснится, если учесть то, что в другом труде В.М. Пудавов соглашался с неким Ф. Морошкиным, утверждавшим, будто бы «царские скифы, аланы, хозары и казаки — древнейшее дворянство всемирной истории (курсив В.М. Пудавова. — А.П.)» (Пудавов 1890а: 2). А окончательно проясняется оно, если учесть сравнение донским полковником казачества с рыцарством. «В главной идее они тождественны: у обоих одна и та же святая возвышенная цель — борьба христианства с магометанством», — писал он (Там же: 179). Однако рыцарство, разумеется, уступало казачеству, хотя бы потому, что принадлежало к культуре носителей начала Исава. «Западный человек был тогда (в средние века. — А.П.) низок для этого идеала не по мужеству своему, а только по рациональному отношению разума его к вере», — утверждал В.М. Пудавов (Там же: 180). Казаки же, по его мнению, «не подавили чистой сердечной веры в свое призвание ни стяжанием, ни прелестью плотоугодия», а если и грабили кого,

то только «латинцев» и магометан, да и то, чтобы выкупить из рабства православных единоверцев (Там же: 180–181). Таким образом, сословие казачье было аналогом рыцарского сословия, но духовней, лучше, ибо оно основывалось не на разуме и материальных благах, а исключительно на высокой вере. Разительный контраст с объективным нарративом В.Д. Сухорукова, в котором, в соответствии с документами, встречаются такие, например, отрывки: «Некоторые из донских казаков верхних городков, прельщенные молвой о богатых добычах, приобретаемых казаками волжскими на Волге и Каспийском море — самовольно ушли на Волгу и вместе с тамошними разбойниками грабили купеческие и казенные суда персидские и русские» (Сухоруков 1867: 199).

Однако как могла существовать казачья «благородная сословность» во времена царских скифов и алан, до появления мусульманства, с которым якобы были призваны бороться европейское рыцарство и русское казачество? Дело в том, что у казаков, помимо «главной идеи», был и «главный высокий принцип», увы, так и не уясненный учеными: «Нельзя не сознавать светло и разумно его величие: он — монархия-“царевщина” (курсив В.М. Пудавова. — А.П.)» (Пудавов 1895: 5). В других сочинениях полковник разворачивал эту мысль так: «Доныне сословность казацкая не понята отечественной историей, несмотря на то, что в существе духа и быта ее светло отражается наследие нашей первобытной славяно-туранской царевщины: поборничество хранительного гения востока Европы — девы Тавити (кур-

сив В. М. Пудавова. — А. П.)» (*Пудавов* 1890а: 1). Итак, преданность казаков христианству была важна для образцового внешне православного В. М. Пудавова, хотя бы потому, что она позволяла уподобить казаков рыцарям. Но не меньшее значение в его нарративе имели и якобы существующие дохристианские туранские традиции казачества, традиции беззаветного воинского служения царю: языческая дева Тавити оказывалась не только воительницей, но и монархисткой. Донской автор шел так далеко, что приписывал древним казакам понимание «трех единств Руси — веры, монархии, народности», т. е. разработку ими официальной монархической «теории официальной народности» задолго до Николая I (*Пудавов* 1895: 2). «Как старопраотцы наши таким понятием опередили научность, которая не очень давно дошла до него!» — восторженно восклицал В. М. Пудавов (Там же). Отметим, что полковник и здесь в очередной раз вступал в заочную полемику с В. Д. Сухоруковым, который, напротив, в своих черновиках со ссылкой на Н. М. Карамзина называл раннее войско Донское «независимой воинственной республикой» (*Сухоруков* 2001: 36).

Специфическое псевдохристианское воинственное язычество В. М. Пудавова находило выражение еще и в том, что войсковой круг донских казаков он рассматривал как «храм христианского Арея (Ареса. — А. П.)», да еще и «построенный, как строились и ареевы храмы *царских скифов*, первобытных хранительных сил нашего славянского востока (курсив В. М. Пудавова. — А. П.)» (*Пудавов* 1895: 10). Особый восторг

у неравнодушного к мечам полковника вызывало то, что в войсковом круге хранился, «как и в ареевом храме царских скифов железный меч Александра I — меч успокоитель Европы и провозвестник в ней *священных* начал государственного братства (курсив В. М. Пудавова. — А. П.)» (Там же: 11). В этом предложении просто удивительное сочетание языческих, христианских и исторических символов: меч русского победителя Европы, перестроившего ее на христианских началах, хранится в храме языческого бога и именно так становится сакральным символом для высшего сословия русского мира В. М. Пудавова!

Так что же в итоге оказывалось важнее для казачества в интерпретации донского философа, языческая или христианская составляющая? Нам кажется, что первая. «Главная идея» казачества в интерпретации полковника, борьба христианства с магометанством, в XIX в. казалась подходящей к концу. Но не устарел «главный высокий принцип» казачества, безоговорочная преданность царю, уходящая во времена Древнего Турана. Завершая рассуждения о казачестве, философ-любитель напоминал распространенное выражение «Дон — золотое дно» (Там же: 15). Он возмущался, что «спекулятивная современность понимает в ней Калифорнию» (Там же). Сам полковник, разумеется, понимал это совершенно иначе. Богатством Дона были казаки, были воины, готовые в любой момент пойти на брань за государя. Ибо борьба с Западом еще не кончилась, и Запад вместо того, чтобы «расковать мечи на орала», «не переставал вымышлять орудия дальнотельной

стрельбы» (Там же). В конце концов, как мы видели выше, в нарративе В.М. Пудавова казачество неоднократно меняло название и врагов, сохраняя свою сущность и свой «главный высокой принцип», из царских скифов превратившись в алан, из алан — в хазар, а из хазар — в казаков. Почему же должно было произойти иначе теперь, когда главным врагом России и казачества, как казалось философу, становится христианский Запад? Рыцари русского мира меняли даже веру, из поклонников девы Тавити став христианами, но ценности и идеалы военного служения царю хранили с времен, предшествовавших рождению Христа.

СУДЬБЫ НАСЛЕДИЯ: ЗАБВЕНИЕ

В.М. Пудавов опубликовал при жизни несколько статей в журналах, однако главные его сочинения остались ненапечатанными. Сын философа связывал это с тем, что отец желал выпустить «Историю войска Донского и старобытность начал казачества» непременно в законченном виде (*Пудавов* 1898б: IV). Впрочем, он читал свое сочинение некоторым гостям, в частности, войсковому атаману М.Г. Хомутову (Там же). Возможно, в числе этих гостей были и ученые. Во всяком случае, причудливый текст донского полковника произвел огромное впечатление на ныне гораздо более известного историка казачества И.Д. Попко. Последний даже пересказал некоторые идеи своего старшего коллеги в статье в столичном журнале «Военный сборник»: «Вот основная мысль его исследования. В области древне-европейской цивилизации гос-

подствуют два противоположных миросозерцания: греческо-римское и славянское; идеал первого — красота и наслаждение, и отсюда науки и искусства; идеал второго — отрицание пластического творчества духа и изящной неги чувства, обожание грома и молнии, борьба, нужда, суровая пустыня. Казачество — крайнее выражение славянского миросозерцания...» (*Есаул* 1861: 485). И.Д. Попко предсказывал блестящую будущность книге В.М. Пудавова, признавая, что ее могут раскритиковать западники, но доказывая, что на ее защиту встанут славянофилы, а для казаков она будет бесценна (Там же). В действительности даже для творчества самого И.Д. Попко знакомство с нарративом В.М. Пудавова прошло бесследно. Серьезный краевед, он и в дальнейшем продолжил скромные, но вполне научные исследования по частным вопросам истории кавказского казачества, не соблазнившись идеей «иной исторической критики». Что же касается Н.В. Кукольника и П.М. Леонтьева, то если донской философ и читал им свои труды, то свидетельств об этом они не оставили.

Когда В.М. Пудавов умер после внезапной четырехмесячной болезни, у семьи не было денег на публикацию его многочисленных текстов (*Пудавов* 1898б: IV). Впрочем, возможно, дело было несколько сложнее: сообщивший эту информацию М.В. Пудавов в то же время утверждал, что его мать пыталась продать рукописи администрации войска Донского и даже получила принципиальное согласие, но ее не устроила оценка оригинала «Истории войска Донского и старобытности начал ка-

зачества» всего в 2000 рублей (Там же: IV–V). Так что не исключено, что родственники В.М. Пудавова, знавшие о внимании к его работам со стороны М.Г. Хомутова и И.Д. Попко, рассчитывали продать их за хорошую сумму. Однако этот расчет не оправдался: серьезного интереса пудавовские рукописи не вызвали ни у кого. В донской краеведческой литературе 1860-х гг., включая первое обозрение историографии донского казачества, выполненное Н.И. Красновым как раз в год смерти полковника, упоминания о них отсутствуют (*Краснов* 1863: 1–5). Зато Н.И. Краснов упомянул с высокой оценкой рукописи В.Д. Сухорукова (Там же: 1–3), а в 1867 г. группой донских энтузиастов-любителей старины было начато их издание (*Сухоруков* 1867: X). В.Д. Сухоруков становился все более важной фигурой в донской историографии, быстро затмевая своего соперника, и вскоре в ценности рукописей В.М. Пудавова разочаровалась даже его собственная семья, из-за чего большая их часть погибла (*Пудавов* 1898б: V).

В 1890-х гг. сын философа, М.В. Пудавов, попытался возродить наследие отца, наконец издал его уцелевшие рукописи. Публикации неожиданно привлекли внимание такого крупного столичного издания, как «Русская мысль», для которой рецензию на «Историю войска Донского и старобытность начал казачества» написал будущий знаменитый ученый и политик П.Н. Милоков (*Макушин, Трибунский* 2001: 396). Увы, данную рецензию трудно назвать иначе как полностью разгромной. «Полковник В.М. Пудавов, умерший в 1863 году, был несомненно горячим патриотом

и весьма усердным собирателем исторических сведений о своем крае. К сожалению, понятие о ограниченности собственных ученых сил у него вовсе отсутствовало», — ехидно замечал ее автор (*Милоков* 1891: 270). Он предсказуемо обрушивался на попытку В.М. Пудавова «произвести целый переворот в ученых приемах русской историографии», на попытку вести от древних времен «всемирно-историческую роль казачества» и на попытку интерпретировать противостояние «хозарской царевщины» и «варяжского княжества» как противостояние казачьей идеи монархии и германской идеи федерализма (Там же). «Курьезный исторический винегрет», — подводил итог П.Н. Милоков, признавая впрочем, что в плане изложения фактов донской истории, а не глобальных теоретических построений текст В.М. Пудавова более адекватен (Там же).

Даже другие донские авторы, более терпимые к историкам-казакам, отзывались об опубликованных работах В.М. Пудавова весьма сдержано и иронично. «Помимо основного взгляда у автора и в других случаях замечается желание “пооригинальничать”», — заключал А.А. Кириллов (*Кириллов* 1909: 21). «Напыщенно-ораторское произведение», — кратко характеризовал «Историю войска Донского и старобытность начал казачества» один из первых профессиональных донских ученых П.П. Сахаров (*Мининков* 2010: 266–285). В советское время интерес к нарративу полковника пропал окончательно, а уже в XXI в. авторитетный специалист по казачьей историографии профессор Н.А. Мининков хорошо

подвел итог под всеми рассуждениями историков о значении творчества донского философа: «Труд полковника В.М. Пудавова отличается тем, что является наглядным примером использования автором знания донской истории для распространенных в культуре того времени грандиозных философских построений. <...>. Однако к исторической науке труд Пудавова не имел отношения» (Там же).

СУДЬБЫ НАСЛЕДИЯ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИДЕЙ

Казалось бы, на этом можно закончить. Но мы бы хотели обратить внимание на один любопытный феномен. В последние годы вышло несколько статей сотрудника Первого казачьего университета, философа А.П. Комарова, в которых совершенно серьезно транслируются некоторые идеи В.М. Пудавова, модернизированные и актуализированные для современного читателя. «Важнейшими социальными и духовными установками казачества были: охрана государственных устоев, обеспечение единства и целостности страны, сохранение ее подлинного суверенитета», — утверждает А.П. Комаров и в подтверждение ссылается на «Историю войска Донского и старобытность начал казачества» (Комаров 2017: 77). Интересные синонимы для «монархии-“царевщины”», как мы помним, «главного высокого принципа» донского казачества по В.М. Пудавову. «Первыми словами боевого девиза, вышитого золотом на знаменах казаков, были “За веру...”», — приводит А.П. Комаров слова В.М. Пудавова и делает из них вывод: «Вера и идеал оказывались

близкими, что проявлялось в исповедании казачеством Православия» (Комаров 2022: 18). Действительно, идеалом казаков, их нравственным началом, согласно донскому философу, было же верование, делающее казака «человеком послушания». А.П. Комаров пишет об этом и более ясно, правда, здесь не ссылаясь на своего предшественника: «Быть казаком означает не только находиться рядом с православным храмом и охранять веру, быть казаком означает принимать все, что происходит в храме и в Церкви» (Комаров 2017: 19). Итак, критическое мышление, по крайней мере для казаков, отрицается не только полковником из XIX в., но, вслед за ним, и профессиональным философом, университетским преподавателем из XXI в. Идеалом опять становится отказ от «мудрований» в пользу безусловной иррациональной веры.

Подобная сознательная опора одного философа на труды В.М. Пудавова едва ли стоила бы нашего внимания сама по себе. Однако отдельные идеи давно забытого казачьего автора, пускай и не объединенные в созданную им системную мироописательную конструкцию, все чаще воскрешаются в работах современных ученых, очевидно, даже не подозревающих, что у них был предшественник «на берегах тихого Аксая» (Есаул 1861: 485). Мы не будем писать о исследователях русского мира, оставив данный вопрос специалистам. Ограничимся педагогами, экономистами и социологами, занятыми казачьей тематикой.

Сама идея представления казаков как «крайнего выражения славян-

ской природы», эталона для всех русских, не получившая развития ни в XIX в., ни в XX в., в XXI в. была актуализирована доктором педагогических наук С.Н. Лукашом и его учениками. С.Н. Лукаш прямо утверждает, что «идеал человека российской национальной культуры» основан на «воспитательных ценностях, идеалах и смыслах казачьей культуры» (Лукаш, Татаринцев 2020: 18). Более того, нравственные смыслы казачества в интерпретации педагога приобретают четко выраженный антизападный смысл: возвращаться к ним предлагается в том числе в свете прекращения «встраивания российского образования в ценностно-смысловую парадигму западной цивилизации» после принятия в 2020 г. поправок в Конституцию РФ (Там же: 17–18). Правда, для С.Н. Лукаша казачий идеал включает в себя не только «служение Отечеству», «патриотизм и державность», но и «демократические основы мироустройства», что для В.М. Пудавова было бы неприемлемо (Там же: 19).

«Если планку уровня жизни повысить сверх достаточного уровня, то возникнут риски расказачивания из-за имущественного расслоения, роста внутрисословных барьеров, разрушения казачьей общины и культурной традиции», — это пишет в экономической статье (применяя, кстати, термин «сословие» к современному казачеству) М.Г. Капустина (Артамонова) (Капустина (Артамонова) 2019: 14). Подобный призыв не допускать излишнего обогащения казаков сопровождается обвинениями Запада в тяге к материальному, чему, разумеется, противопоставля-

ется православная традиция: «Для западных цивилизаций категории “достаточности” не существует (чем больше, тем лучше), а в православной традиции, стремления к бытию “ниже” или “выше” меры — духовно опасны» (Там же). Разве идея о том, что сохранение казачьей общины важнее личного обогащения отдельных казаков, опасного для самой этой общины и навязанного Западом, — это не подобие идей В.М. Пудавова о том, что основанная на стремлении к материальному благополучию цивилизация есть лишь «лукавый призрак», каинов дух стяжательства далек русским, а уж для казаков «христианская слава и государственная честь стоят впереди обыденных потребностей и неги» (Пудавов 1895: 12)?

М.Г. Капустина (Артамонова) неоднократно ссылается на докторскую диссертацию по социологии бывшего атамана современного Донского войска В.П. Водолацкого. Особенно ей нравятся слова бывшего атамана, согласно которым еще «модернизация XIX в. разрушила традицию, уклад жизни, вызвала деградацию функций и роли казачества, поляризацию менталитета и саморасказачивание», но казаки сильнее других групп населения России желают возродить эту традицию (Капустина (Артамонова) 2019: 17).

А.П. Комарова, С.Н. Лукаша, М.Г. Капустину (Артамонову), В.П. Водолацкого и многих других современных авторов роднит одно: неприятие модернизации в ее западном варианте и противопоставление ей традиции, наиболее убежденными носителями которой в России этим исследователям

представляются казаки. Соответственно, западные идеи универсальности путей мирового развития, либерализма, максимизации материального достатка ими отвергаются в пользу русских традиционных ценностей. Ища противовес этим западным идеям, они естественным образом приходят к тем же идеям и идеологическим конструктам, что и В.М. Пудавов, однако, в отличие от последнего, не пытаются соединять эти философские, исторические, этические, религиозные, экономические и культурные идеи превосходства традиции над модерном в настолько масштабную и бескомпромиссную картину русского мира, как донской автор.

Так саморазоблачение или предсказание идей века XXI? В.М. Пудавов обожал родное ему казачество и ставил его превыше любых других сословий всех времен и народов. А созданная им «иная историческая критика» позволяла весьма свободно создавать концепции исторической философии. И все же, если попытаться систематизировать выделенные им важнейшие особенности русского мира (он же Восток Европы, славяно-туранский мир и т.п.), картина выйдет весьма специфическая¹¹:

1. Вера здесь стоит выше чувств и разума.
2. Обожествлено не рождение, как в большей части остального мира, но смерть.

¹¹ Мы сочли возможным здесь несколько осовременить лексику и убрать имена библейских патриархов и языческих дев.

3. Цивилизация, города, богатство не рассматриваются как позитивные ценности.

4. Вместо них главным принципом существования объявляется «царевщина», т.е. абсолютное служение сакрализованной фигуре царя.

5. Высшим воплощением нравственных идеалов считается казачество, возведенное в совершенство военное сословие.

6. Это сословие с древнейших времен воюет за утверждение «всемирной державы», причем ныне его главный враг — рационалистический и цивилизационно развитый Запад.

7. Объяснением борьбы служит христианский смысл мировой истории, в рамках которого именно России суждено создать православную всемирную державу и возвратить Европу от бездушного рационализма к евангельским принципам, но декларируемое православие полностью подчинено представлению о духовном превосходстве русского народа, для обоснования которого используются и воинственные языческие мифы (вплоть до интерпретации казачьего войскового круга как храма Ареса).

Повторим неоднократно высказанную нами мысль: это не христианство, но, скорее, антихристианство, культ кровавой богини-воительницы, Тавити-Дианы, чья эмблема сияет на историческом гербе казаков и которая покровительствует не всем христианам, и даже не всем право-

славным, но только русским, чьи предки-туранцы приносили кровавые жертвы ее знаку, кресту, задолго до распятия Христа.

И здесь нужно вспомнить, почему В. М. Пудавов пытался опровергнуть традиционную историю. В сущности, его философия истории шла не от прошлого к настоящему, но от настоящего к прошлому, трактуя современных ему казаков как идеал, исполненный сакрального, даже мифического смысла, и отыскивая в других эпохах их предшественников. Поэтому история стала для него своеобразным кривым зеркалом, в котором отразились преувеличенные, искаженные и идеализированные, но не утратившие сходства с оригиналом черты России и донского казачества эпохи Николая I. Сам он едва ли понимал это, но то, что он мыслил как апологию казачества и России, людям иных взглядов покажется замаскированной антиутопией. Царство людей верования, поклонников смерти, разрушителей, получивших сакральную санкцию на то, чтобы стать «бедствием на всех обитателей сей земли»... Картина очень специфическая с точки зрения современного гуманизма, но по-своему очень яркая и, как нам представляется, не лишенная эстетической привлекательности, показать которую в полной мере не дали скромные литературные таланты донского полковника. Попытка мифотворчества, создания целостного мироописательного эпоса для русского народа, отражающего казачье мироощущение и основанного на мистических трактовках самых различных священных преданий. Миф о казачестве, самый масштабный, эпический и бескомпромиссный в отечественной исто-

риографии, даже вводящий особую туранско-славянско-казачью богиню.

Поэтому *и саморазоблачение, и предсказание*. Навивность, та самая безусловная, не проверяемая разумом вера в безупречность нравственных идеалов николаевской России (в их специфически-милитаризированной, донской интерпретации) заставила В. М. Пудавова создать откровенно саморазоблачительный текст, раскрывающий и его скрытое воинственное язычество, и жажду подчинения всего мира, и ненависть к городам, и неумные амбиции, и презрение к ценности отдельной человеческой жизни, и многое другое. Если внимательно вчитаться в этот текст, от образа доброго христианина не останется ничего — его место займет жестокий неоязыческий мистик, неудавшийся пророк, прославляющий месть кочевников, наследников Авеля, горожанам, наследникам Каина. Но нравственные идеалы николаевской России были частью русской культуры, а В. М. Пудавов, в отличие от большинства людей, декларировавших преданность этим идеалам, шел в них до конца: он пытался порвать с Европой не только в плане государственного устройства, экономики, морали и даже этики, но в плане самой методологии науки. Возможно, при других обстоятельствах неудачливый историк смог бы стать хорошим философом. Во всяком случае, созданная им методология, абсолютно непригодная для исторического исследования, позволяла передать некоторые нюансы эмоционального отношения к миру определенной части русского общества, части традиционалистской и антизападной. Сложилась парадоксальная

ситуация: тексты В.М. Пудавова, плохо описывая историю казачества, в то же время предсказали некоторые идейные конструкты, появившиеся в конце XX — XXI в., включая сам концепт русского мира.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГАРО — Государственный архив Ростовской области. Ф. 229. Оп. 3. Д. 302.

Есаул 1861 — *Есаул*. Старый Черкасск // Военный сборник. 1861. № 11–12. С. 457–491.

Кириллов 1909 — *Кириллов А.А.* Краткое обозрение истории о донских казаках. Новочеркасск, 1909.

Краснов 1863 — *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863.

Милоков 1891 — <*Милоков П.Н.*> Рец. на: Пудавов В.М. История Войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. Вып. 1 // Русская мысль. 1891. № 6. С. 270–271.

Морозова 2022 — *Морозова О.М.* «Выдающийся донец» — генерал Иван Ульянов. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1959&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 01.06.2022).

Номикосов 1884 — *Номикосов С.Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.

Пудавов 1890а — *Пудавов В.М.* История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890.

Пудавов 1890б — *Пудавов М.В.* Предисловие // Пудавов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. С. III–X.

Пудавов 1895 — *Пудавов В.М.* Взгляд на основные начала Донского края. Новочеркасск, 1895.

Пудавов 1898а — *Пудавов В.М.* Взгляд на историю человечества // Пудавов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Ч. 2. Вып. I. Новочеркасск, 1898. С. 5–18.

Пудавов 1898б — *Пудавов М.В.* От издателя // Пудавов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Ч. 2. Вып. I. Новочеркасск, 1898. С. I–VII.

Сенюткин 1866 — *Сенюткин М.Х.* Донцы. Ч. 2. М., 1866.

Сухоруков 1867 — <*Сухоруков В.Д.*> Историческое описание земли Войска Донского. Т. I. Новочеркасск, 1867.

Сухоруков 2001 — *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дугин 2001 — *Дугин А.Г.* Русская вещь: очерки национальной философии. Т. 1. М., 2001.

Капустина (Артамонова) 2019 — *Капустина (Артамонова) М.Г.* Социально-экономические аспекты казачьего уклада жизни // Социально-экономические явления и процессы. 2019. № 14 (105). С. 13–20.

Комаров 2017 — *Комаров А.П.* Базовые ценности российского казачества // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2017. № 4. С. 72–80.

Комаров 2022 — *Комаров А.П.* Значение симбиоза духовных постулатов «вера — идея» для казачества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 16–22.

Коршиков, Королев 2001 — *Коршиков Н.С., Королев В.Н.* Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7–18.

Лукаш, Татаринцев 2020 — Лукаш С.Н., Татаринцев И.В. Педагогика казачества: социокультурный феномен российской цивилизации // Технологическое образование. 2020. № 14. С. 16–20.

Макушин, Трибунский 2001 — Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милоков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001.

Мининков 2010 — Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 266–285.

Савчук 2005 — Савчук Г.В. Василий Михайлович Пудавов — забытый историк донского казачества // Донской вестник. Вып. 12. Ростов-на-Дону, 2005. С. 159–165.

REFERENCES

Dugin A. G. *Russkaya veshch': ocherki national'noi filosofii*. Vol. 1. Moscow, 2001.

Капустина (Artamonova) M. G. *Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty kazach'ego ukлада zhizni. Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2019, no. 14 (105), p. 13–20.

Komarov A. P. Bazovye tsennosti rossiiskogo kazachestva. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya"*, 2017, no. 4, p. 72–80.

Komarov A. P. Znachenie simbioza dukhovnykh postulatov "vera — ideya" dlya kazachestva. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, 2022, no. 1, p. 16–22.

Korshikov N. S., Korolev V. N. Istorik Dona V. D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo». Sukhorukov V. D. *Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo*. Rostov-on-Don, 2001, p. 7–18.

Lukash S. N., Tatarintsev I. V. Pedagogika kazachestva: sotsiokul'turnyi fenomen rossiiskoi tsivilizatsii. *Tekhnologo-ekonomicheskoe obrazovanie*, 2020, no. 14, p. 16–20.

Makushin A. V., Tribunskii P. A. *Pavel Nikolaevich Milyukov: trudy i dni (1859–1904)*. Ryazan', 2001.

Mininkov N. A. Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka. *Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoropisanie*. Moscow, 2010, p. 266–285.

Savchuk G. V. Vasilii Mikhailovich Pudavov — zabytyi istorik donskogo kazachestva. *Donskoi vremennik*. Vol. 12. Rostov-on-Don, 2005, p. 159–165.

П. И. Тахнаева

РЕЦЕНЗИЯ НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ «АМАНАТ» (2022): ВСЕ СОБЫТИЯ ВЫМЫШЛЕННЫ, СОВПАДЕНИЯ ИМЕН НЕ СЛУЧАЙНЫ

Рецензия на историко-художественный фильм «Аманат» (2022), посвященный одной из многочисленных и неразрешимых попыток завершения многолетней Кавказской войны мирными переговорами. По утверждению авторов, в фильме, «основанном на реальных исторических событиях», за решение этой задачи в 1854 г. взялся сын имама Шамиля, Джамалуддин. В 1839 г. выданный у Ахульго ген. Граббе как заложник (аманат), он затем обучался в Петербурге и стал профессиональным военным российской армии. Все исторические события в фильме вымышлены — его содержание не имеет ничего общего с исторической действительностью и с биографией главного героя фильма, Джамалуддина Шамиля.

Основная тема фильма, заключенная в его слогане, «Враги, ставшие друзьями. Народы, ставшие братьями», осталась нераскрытой.

Ключевые слова: исторический фильм, имам Шамиль, Джамалуддин Шамиль, Николай I, Кавказская война, фальсификация истории, аманат (заложник), «невеста Шамиля», Ахульго, мирные переговоры, пропаганда, манипуляция историческим сознанием.

Сведения об авторе: Тахнаева Патимат Ибрагимовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН (г. Москва)

Контактная информация: ptakhnaeva@gmail.com.

P. I. Takhnayeveva

REVIEW OF THE HISTORICAL FILM “AMANAT” (2022): ALL EVENTS ARE FICTITIOUS,
COINCIDENCES OF NAMES ARE NOT ACCIDENTAL

Review of the historical motion picture “Amanat” (2022), dedicated to one of the numerous and undecidable endeavours to end the long-term Caucasian war by peace treaty. Due the authors’ statement, in their movie which is “based on real historical events”, Jamaluddin, the son of Imam Shamil, took up the solution of this problem in 1854. In 1839, handed over from Akhulgo to General Grabbe as a hostage (amanat), Jamaluddin then studied in St. Petersburg and became a professional military man of the Russian Emperor’s army. All historical events in the movie are fictional. The movie’s content doesn’t match the biography of the main character, Jamaluddin Shamil.

The main message of the movie, negotiated in its slogan: “Enemies turned friends. Nations who have become brothers”, remained undisclosed.

Key words: historical film, Imam Shamil, Jamaluddin Shamil, Nicholas I, Caucasian War, falsification of history, Amanat (hostage), “Shamil’s bride”, Akhulgo, peace talks, propaganda, manipulation of historical consciousness.

About the author: Patimat Ibragimovna Takhnayeveva, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region.

Contact information: ptakhnaeva@gmail.com.

Впервые я, профессиональный историк, оказалась в столь сложном положении, мне никогда прежде не приходилось писать рецензии на нечто среднее из диснеевских мультфильмов, между «Аладдином» и «Красавица и чудовище», выдаваемое за историко-художественное произведение — речь идет о фильме «Аманат» (2022). Согласно постеру, «фильм основан на реальных событиях, но некоторые события изменены в художественных целях». Фильм — об «истории любви сына имама Шамиля Джамалуддина и Лизы Олениной», которая разворачивается «на фоне драматических событий военной истории России первой половины XIX века», «об истории о любви и предательства, чести и долге, служении отчизне и верности данному слову». Жанр фильма авторами обозначен широко:

«биография», «история», «военный», «драма». Я бы их все зачеркнула и предложила один — «фэнтези».

Прежде всего, меня потряс невероятный цинизм авторов фильма, сценаристов — Шамиля Джафарова, Амета Магомедова, Антона Сиверса. На лицо откровенная фальсификация истории, которая по определению — сознательное искажение исторических событий, выборочное сокрытие фактов, игнорирование источников, вольные измышления и трактовка событий с целью создания искаженного образа исторической реальности. Авторы справились с этой задачей блестяще. В конечном итоге они представили фильм, который якобы «основан на реальных исторических событиях», не имеющий ничего общего с исторической действительностью и отношения к биографии

главного героя фильма, Джамалуддина Шамиля — все события вымышлены, но совпадения имен не случайны. Невероятное нагромождение лжи (для тех, кого коробит слово «ложь», напомню, что, по определению, это «сознательное искажение истины, высказанное с целью введения кого-либо в заблуждение») — альфа и омега, суть и соль составляющей фильма. Рассмотрим основное содержание фильма:

1. Сын имама Шамиля, Джамалуддин, во время трехмесячной осады Ахульго (июнь — август 1839 г.) действительно был выдан ген. П. Граббе в заложники, но не под предлогом «снятия осады», как у авторов фильма — об этом не могло быть и речи. В планах кавказского командования еще задолго до осады Ахульго было решено: «Замок Ахульго должен быть взят или приступом, или продолжительным тесным обложением. Какие бы жертвоприношения не были сделаны, они должны выкупиться взятием Ахульго и истреблением Шамиля» (РГВИА: Л. 51, 281; *Милютин* 1850: 28, 60).

2. Основная скрепа фильма, история любви Джамалуддина и Елизаветы выдумана от начала и до конца. Далее будет подробно рассмотрено, откуда корнями произрастает эта развесистая клюква (*Оленин* 1904: 1021, 1029; *Тимофеев* 1998: 157–175).

3. Джамалуддин, в бытность армейским офицером, не был и не мог быть вхож к императору Николаю I. Хотя в его кадетские годы, когда император посещал корпус, он проявлял «отеческое» внимание к юному кадету, спрашивал про здоровье, но не больше (*Крылов* 1901: 946).

4. Авторы фильма называют Джамалуддина «великим заложником»: десять лет, с 1839 по 1849 г., он обучался в кадетском корпусе, затем получил армейский чин; следующие пять лет, с 1849 по 1854 г., служил в резервном полку, в провинции — а не в гвардейском полку, в столице; кавалерийская дивизия, в которой он служил, не входила в действующую армию воюющей тогда России в Европе и на Кавказе. В ноябре 1854 г. император принял решение выдать его по требованию имама Шамиля в обмен на знатных пленниц (*Каширин, Муханов* 2010: 63–115; *Доного* 2019). В чем заключалось «величие» заложника в бытность «в России»? Роль «великого миротворца», остановившего «братоубийственную войну», которую ему приписали авторы фильма в «кавказскую» бытность, не имеет отношения к исторической действительности. Переговоры о мире с имамом российские власти безуспешно вели с 1834 по 1859 г. (*Тахнаева* 2019: 221–263; 2018: 139–141; 2020: 68–81).

5. Отъезд Джамалуддина на Кавказ авторы фильма представили как благородный порыв молодого человека с целью самолично завершить многолетнюю «братоубийственную войну». В действительности в конце 1854 г. (фактически в 1855 г.) он был выдан императором Николаем I имаму Шамилю в обмен на грузинских княгинь, захваченных в плен летом 1854 г. в Кахетинском набеge — сына имама обменяли на внушек последнего грузинского царя (ЦИАГ: 408; АКАК: 556, 568; Кавказский сборник: 230–267). Это важное историческое событие авторы фильма проигнорировали.

6. По возвращении, на родине Джамалуддин прожил три года, 1855–1858 г. Эти три года не отмечены в его судьбе чем-либо примечательным либо его участием в происходящих «на Кавказе» событиях. Он сразу заявил отцу, что воевать не будет. По воле отца в августе 1855 г. женился на дочери чеченского наиба Талхика Шалинского, хотя выказывал желание жениться на дочери аварского наиба Даниял-султана Елисуйского. В конце 1855 г. в одном из писем он сообщал, что уже свободно говорит с отцом на родном языке, а жена учит его чеченскому языку (Николаи 1882: 267). Скучал. Болел. В ноябре 1858 г. скончался от чахотки.

7. Остальная «Аманатская» фенимор-куперовщина (точнее, основное содержание фильма) — любовь, заговоры, интриги, дуэли, лозунги и слоганы, как уже выше упоминалось, не имеют ни малейшего отношения к истории Кавказской войны и биографии Джамалуддина.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Фильм об истории любви Джамалуддина и Елизаветы Олениной. Сценарий фильма основан на рассказе «Невеста Шамиля», записанном П. А. Олениным со слов его родной тети, баронессы Елизаветы Петровны Энгельгардт, урожденной Олениной, и опубликованном в 1904 г. То, что его современники в отзывах деликатно называли «художественным вымыслом», я бы назвала восхитительным бредом. Приведу только один фрагмент: «Джемаль-Эддин понимал, что он не может жениться на русской, не переменявши религии

поэтому решение сделаться христианином явилось само собой, вместе с любовью к девушке. “Твой Бог — мой Бог! Моя душа — твоя душа. Мы будем молиться вместе, радоваться вместе, страдать вместе. Мое счастье будет отражением твоей любви. Твоя вера лучше моей уже потому, что она знает Пречистую Деву, Божественную Мать, а моя вера ее не знает...” — так говорил Джемаль-Эддин. Вопрос о крещении явился совершенно естественно, и оставалось только выбрать время» (Оленин 1904: 1024). Авторы сценария, для которых этот рассказ — единственное свидетельство истории любви Джамалуддина и Елизаветы, почему-то пропустили мимо внимания этот немаловажный эпизод, характеризующий героя их фильма. Они «пропустили» и многое другое из рассказа — но при этом исподволь присочинив от себя такое же невероятно далекое от текста рассказа, так и подлинной истории.

Но вернемся к рассказу. Допустим, племянник насочинял в нем многое от себя, о чем глубоко пожилая Лиза Оленина, возможно, не знала (ей было тогда уже за семьдесят лет). Но дело в том, что она сама немногим позже, в 1919 г. оставила воспоминания (она писала их для публикации). В своих мемуариях пожилая Лиза (к тому времени ей было уже за восемьдесят лет) уточняла, что ко времени ее знакомства с Джамалудином ей было около шестнадцати лет. Затем представляла читателю родителей «своего» жениха: «Шамиль, отстаивавший свободу Кавказа, воевал с императором Николаем I. <...> Джамалуддин был его сын от любимой его жены гречанки». Поведала о том, каким образом

Джамалуддин оказался в Петербурге — он спас отца ценой своего плена: «Он был гордостью воинственного старого отца своего и во время битвы под Ахульго был у него в седле. Когда сражение начало приобретать худой оборот для горцев, а Шамиль, преследуемый русскими под начальством барона Граббе был принужден бежать, то Джамалуддин выскочил из седла и тотчас, подхваченный русскими, был отправлен в Петербург в качестве заложника». Елизавета Петровна добавила в рассказ о своем «женихе» немного трагических красок: «Вместе с Джамалудином в Петербурге оказалась его двоюродная сестра, но нежный организм ее не вынес климата северной столицы, этого города туманов, сырости и вечной мглы, и вскоре она умерла» (Тимофеев 1998: 157–175).

Познакомились молодые люди на уездных балах — в Торжке, где квартировал уланский полк Джамалуддина, он любил на них появляться. Как вспоминала Елизавета Петровна, «танцевал он отменно, вскоре стал всегдашним нашим кавалером, всюду сопровождавшим нас с сестрой Татьяной», «часто приезжал так же в наш дом, и отец мой его очень любил». Объяснение в любви, по ее словам, произошло для нее вдруг и неожиданно: «Без него не проходил ни один вечер. Однако я никак не думала, что он приходит к нам из-за меня. ...Но вот однажды утром, когда я сидела в гостиной и вышивала, он изумил меня своим неожиданным приходом в такое раннее время. Джамалуддин подошел ко мне и, схватив меня за руку, сказал: “Лиза, я люблю тебя. Скажи, любишь ли ты меня? И если да, я сейчас же

иду говорить с твоим отцом”. Слезы стояли у него на глазах, губы дрожали, когда он мне это говорил и когда я, еще не понимая, что говорю, ответила: “Да, я согласна”. Тогда он повел меня к отцу, и отец с радостью согласился на наш брак». По словам мемуаристки, через три месяца они уже были помолвлены.

А вскоре, продолжала Елизавета Петровна, Джамалуддин, счастливый ее согласием, «поехал в Петербург спросить позволения Николая I креститься, а потом жениться». Императора немало порадовало матримониальное решение офицера из горцев, и, если все еще доверять воспоминаниям глубоко пожилой Лизы, «найдя его выбор как нельзя удачным и радуясь за счастье своего любимца, с радостью дал свое согласие, причем изъявлял желание быть крестным и посаженным отцом». Для тех, кто не понял — Лиза таким образом утверждала, что император предложил Джамалуддину исполнять на свадьбе роль отца жениха. На этом милости императора, по словам Лизы, не закончились: «Так же он сказал, что переводит его в кавалергарды. Этого Джамалуддин скромно попросил его не делать, так как считал этот полк чересчур шикарным. Но Николай I сказал: “Об этом не беспокойся, мои деньги будут твоими деньгами”». Записав это крайне сомнительное предложение (но ведь «Париж стоит мессы»?), далее Елизавета Петровна удовлетворенно вывела: «Джамалуддин вернулся в Торжок, обласканный императором в надежде на близкое счастье» (Там же: 157–175). Она не пишет, в каком году произошла их помолвка. Если в 1849–1850 гг., почему свадьба затянулась до 1853 г.?

В сентябре 1853 г. поручик Джамалуддин Шамиль был откомандирован в Варшаву в распоряжение наместника Царства Польского и главнокомандующего Дунайской армией ген.-фельдм. И. Ф. Паскевича. Больше в Торжок он не вернулся (*Каширин, Муханов 2010: 93*).

А в конце ноября 1854 г. его вызвали из Польши в Петербург. В связи с последствиями Кахетинского набега 18 октября 1854 г. было принято высочайшее решение обменять его на плененных в Цинандали княгинь А. Чавчавадзе и В. Орбелиани и отправить его к отцу, в Дагестан (Там же; *Доного 2019: 184*). В первых числах января 1855 г. он уже выехал из Петербурга. О том, как император попрощался с Джамалуддином, писал в своих заметках ген.-адъютант Н. Н. Муравьев: «Государь принял его ласково и дал ему несколько денег на дорогу, похвалив его сыновью преданность» (*Муравьев 1877: 9–10; Доного 2019: 190*). Между тем автор рассказа «Невеста Шамиля» умудрился приписать Джамалуддину немислимый для российского офицера поступок — несогласный с решением императора, Джамалуддин «бежал тут же, после разговора с государем». Автор сочувствовал: «Но Россия, особенно окрестности Петербурга, не Кавказ, где есть недосыгаемые ущелья, дикие горы, где не так-то легко найти беглеца. Не прошло и несколько дней, как местопребывание Джамалуддина было открыто, и он был схвачен. Приняты были строгие меры, чтобы помешать его вторичному бегству». Нескладно звучат объяснения этого момента жизни Джамалуддина и в воспоминаниях самой «невесты». По ее сло-

вам, император отдал жестокий приказ отправить Джамалуддина на родину под сильным конвоем, даже не дав им проститься. Очень странная, необъяснимая метаморфоза русского самодержца, несостоявшегося «посаженного отца» ее жениха, которому император буквально вчера, если верить рассказам Лизы, предлагал неограниченные средства для поддержания «шикарного» уровня жизни в Петербурге, уверяя: «Мои деньги будут твоими деньгами» (*Тимофеев 1998: 162*).

Елизавета Петровна, когда писала эти воспоминания, словно уже не знала, что бы еще такого придумать для продления по времени этой «невывдуманной романтической истории»? И она придумала письма Джамалуддина, который не мог ее забыть в далеком Кавказе и рвался к ней: «Некоторое время мы получали от него письма, из которых знали, что он трижды пытался бежать, но это ему не удавалось». К ее великому сожалению, историки более чем подробно изучили этот период Джамалуддина, известна его переписка, и через кого она велась, и с кем. Всю переписку сына (входящие-исходящие) проверял сам имам, с переводчиком, что немало огорчало Джамалуддина. Он ни разу не то чтобы пытался бежать, даже не подумывал об этом. А авторы фильма безжалостно проигнорировали этот «неопровержимый» аргумент в воспоминаниях Лизы, который должен был послужить свидетельством любви ее ссыльного «жениха» к ней. Но вот досада — и этот период жизни сына имама хорошо известен по письменным источникам русских и местных авторов (*Николаи 1882: 254, 282*).

Елизавета Петровна не сдается, для продления агонии «невывдуманной романтической истории» она придумает еще один сюжет, связав его со службой родного брата «на Кавказе». Кстати, Алексей Петрович не являлся однокашником Джамалуддина, и его даже не убили на Кавказе — между тем, по замыслу сценаристов, именно это трагическое событие в семье Олениных и стало причиной решительного отъезда Джамалуддина на Кавказ. В действительности Алексей Петрович благополучно отслужил в Нижегородском драгунском полку и вышел в отставку, несколько лет являлся уездным предводителем дворянства. Между тем Елизавета Петровна писала, что ее брат, полк которого дислоцировался в Дагестане, однажды «через верного кунака» получил записку от Джамалуддина: «Я умираю медленной, мучительной смертью. Умоляю тебя, постарайся приехать и привези мне русского доктора. У здешних я лечиться не хочу». Возможно, Елизавете Петровне далее уже просто наскучило сочинять, и она коротко заметит, что Алексею Петровичу не удалось добраться до аула, где умирал ее Джамалуддин. Но за нее постарался ее племянник, автор рассказа «Невеста Шамиля». Он писал, что умирающий Джамалуддин просил приехать к нему брата любимой девушки — повидаться, про русского врача ни один из них не вспоминал. Алексей тотчас бросился в опасный путь, и «он был уже в трех-четыре верстах от неприятельского аула, когда его встретил новый посланный от Джамалуддина с запиской, в которой сообщалось, что все открыто, что устроена засада и моему отцу готовится печальная участь пленни-

ка». Джамалуддин просил его вернуться: «Счастливо избегнув засады и погони, лихой нижегородец ускакал назад, мучаясь обидой неудачи» (Оленин 1904: 1028). Сын имама приглашает к себе русского офицера (подобные «приглашения» между сторонами не практиковались, но допустим), но кто-то, не считаясь с его правами, «устраивает засаду»? Подобный вздор и фенимор-куперскую историйку мог сочинить только человек, крайне далекий от реалий и Кавказской войны, и имамата, но который уверенно рассчитывал на такого же недалекого читателя, как и он сам (автор в далеком 1904 г. и представить себе не мог, какая счастливая кинематографическая планида ждет впереди его фантастический рассказ).

При ознакомлении с мемуарами Лизы Олениной и с рассказом ее племянника не остается сомнений, что вся эта история любви не более чем выдумка пожилой дамы, от начала до конца, но в основе которой все же есть одно правдоподобное звено — Джамалуддин действительно любил посещать уездные балы в бытность пребывания их полка в Торжке. У меня возникает вопрос к авторам фильма — по какому принципу они производили выборку сюжетов для сценария «Аманата» из рассказов тетки и племянника Олениных? Ведь в вашем распоряжении был только этот единственный рассказ, крайне сомнительного содержания, других свидетельств о романтических отношениях молодых людей в природе не существует. А знаете почему не существует? С 1854 по 1904 г., до публикации рассказа «Невесты Шамиля», в течение более полувека, об

этой историйке никто не знал и не слышал. И если этот факт авторам фильма ни о чем не говорит, то они просто недооценивают дворянское эпистолярное наследие первой половины XIX в. как источник, особенно женскую эпистолярную культуру провинциального дворянства, которая подвергала подробнейшему описанию и осмыслению повседневную жизнь дворянской усадьбы, жизни родственного круга, личной жизни (Белова 2016: 167–185).

Таким образом, романтические фантазии пожилой дамы, не подтверждающиеся ни какими-либо источниками, ни самой логикой происходивших событий, послужили для авторов фильма «Аманат» основой сценария, в котором они повествовали «об истории удивительной любви», уклончиво заметив в начальных титрах, что «фильм основан на реальных событиях, но некоторые события изменены в художественных целях». Некоторые?

О ВЫДАЧЕ ДЖАМАЛУДДИНА В АМАНАТЫ

Фильм начинается сценами осады Ахульго (1839 г.), кстати, бездарно снятыми. С ультиматума командующего: «Осада будет снята, если имам выдаст сына в заложники». А в чем в таком случае был смысл осады, если ее можно было завершить пленением девятилетнего ребенка? В планах кавказского командования еще задолго до его осады и штурма было решено, что Ахульго должен быть взят, любой ценой. Ген. Граббе, осаждавший Ахульго, подтверждал, что не отступит от укрепления, пока «не будет решительно достигнута цель

правления уничтожения партии Шамиля и усмирения края». На каких условиях сын имама был выдан русским, участник прямых переговоров с имамом Шамилем на Ахульго ген.-м. Вольф писал: «Требовать своего сына после прекращения переговоров он не имел никакого права, ибо сын не был выдан аманатом на время переговоров — но в виде залога и доказательства, что Шамиль покоряется правительству, чего он не исполнил. Ген. Граббе объявлял это с самого начала и неоднократно Шамилю через Кибит Магому, через Джемала, через Биякая — через самых доверенных лиц Шамиля, следовательно, недоразумения быть не могло». Таким образом, выдача сына имама Шамиля аманатом являлась одним из условий капитуляции, предложенной ген. Граббе, но не залогом «снятия осады» Ахульго.

Итак, Джамалуддин выдан аманатом, в заложники — это известная и широко используемая практика скрепления договоров в период Кавказской войны, причем с обеих сторон. Стороны знали: за невыполнение условий договора неизбежно следовало наказание заложников, вплоть до смертной казни. Джамалуддина отправили в Петербург. Он не был одинок в своей участи заложника. После падения Ахульго кавказское командование взяло в плен до 900 человек гражданского населения, в основном жителей селения Ашильта и Чирката, в их числе дети, до 40 человек — все они были отправлены в батальоны воронежских кантонистов. Таким образом, Джамалуддин имел много товарищей по «ахульгинскому» несчастью: им всем предстояла, в той или иной

форме, военная служба в России (ЦИАГ: 102; Тахнаева 2012). Но за сыном имама Шамиля признавали привилегированное происхождение, и его миновала тяжелая участь малолетних кантонистов, которые фактически становились собственностью военного ведомства.

В КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ

Авторы фильма красочно изобразили прибытие юного Джамалуддина в Петербург, куда он мучительно долго добирался вместе с сопровождающими его военными лицами, насилу пробиваясь через невероятные снега, невесть откуда взявшиеся — в конце октября ребенок уже был доставлен в Москву (Доного 2019: 69). Не в Петербург. Представление ребенка императору (ах эти отеческие объятия императора Николая I в исполнении актера Андрея Соколова) — о том историкам и биографам императора неведомо. Не совсем понятно, как ребенка с оружием, огромным кинжалом, допустили к императору? С этим же оружием отправили в учебный корпус, к детям? Принято считать, что в 1839 г. Джамалуддину было 9 лет. Возраст определил выбор властями военно-учебного заведения для него. По повелению императора Николая I «сын дагестанского мятежника» Шамиля сначала был отправлен в 1-й Московский кадетский корпус, но вскоре, в конце декабря 1839 г. его перевели в Александровский сиротский кадетский корпус в связи с тем, что в Московском кадетском корпусе не оказалось «особы духовного звания магометанского исповедания, не может изучать догматов исповедываемой им рели-

гии и исполнять установленных ею обрядов» (цитата из письма главного начальника военно-учебных заведений военному министру).

В Александровском кадетском корпусе сын Шамиля пробыл почти два года. Здесь он выучил русский язык и получил первые навыки военной службы. Затем был зачислен «воспитанником из горцев» в 1-й кадетский корпус, в одно из престижных в империи военно-учебное заведение — принимались в него лишь дети потомственных дворян, родители которых имели чин не ниже полковника. Согласно формулярному списку, Джамалуддин обучался магометанскому закону, русскому, французскому и немецкому языкам, алгебре, геометрии, ботанике, зоологии, географии, истории, черчению и рисованию — общий итоговый выпускной балл по этим двенадцати предметам составил 73, при максимально возможных 144 баллах. За строевую подготовку набрал 6 баллов из 12. Авторам фильма этот довольно средний уровень образования показался недостаточным, они приукрасили его до гротеска, буквально одержимые чуть ли не маниакальной целью представить Джамалуддина эдаким «ботаном», за горами книг и не расстающегося с трудами по загадочной «теории бесконечности».

В годы учебы в кадетском корпусе Джамалуддин не был одинок — вместе с ним воспитывалась довольно многочисленная группа детей горцев, на февраль 1840 г. в корпусе находилось 20 человек. Примерно такое же их число воспитывалось в стенах корпуса во все годы нахождения там сына Шамиля. Кадеты-мусуль-

мане жили в отдельном помещении, для них была введена особая форма одежды — национальная. По воспоминаниям однокашника Джамалуддина, Н.А. Крылова, «лет до пятнадцати он, как и другие черкесы, носил казенный черкесский костюм». Особое внимание начальства было обращено на то, чтобы дети горцев могли исполнять обряды своей религии и изучать ее основы со своим законоучителем; блюда из свинины были исключены из их меню; любые насмешки и другие проявления розни между кадетами на национальной или религиозной почве строго пресекались. Джамалуддин также располагал важной привилегией — его не поролли за проступки (главным инструментом воспитания в кадетских корпусах николаевского времени были розги, однако кадеты из горцев, согласно правилам, телесным наказаниям не подвергались).

Помните душещипательную сцену, когда малолетних кадетов, его однокашников, на Рождество разбирают по домам? С глазами, полными скорби, он говорит белокурой кукольной девочке в чудесной голубой шубке: «Я аманат, меня не отпустят». Но мальчишка не скучал по праздникам, по словам его однокашника Н.А. Крылова, «его брали к себе те черкесы, которые служили в конвое его величества» (Крылов 1901: 946).

ПРИСЯГА

Год выпуска Джамалуддина из Первого кадетского корпуса 1849-й. К этой дате приурочена одна из самых зрелищных сцен фильма — принесение кадетами присяги. К тому

времени начавшаяся в 1848 г. революция во Франции перекинулась на большинство европейских стран. Империи династии Габсбургов, одной из первых охваченной буржуазной революцией, не на шутку угрожало Венгерское восстание. В марте 1849 г. Австрия обратилась к России за военной помощью. Российская империя стала готовиться к большой войне в Европе и в этих условиях решила произвести усиленные выпуски из кадетских корпусов — таким образом, под «усиленный выпуск» 1849 г. попал и Джамалуддин Шамиль. Перед принятием присяги происходит очень странный, если не бессмысленный диалог императора с кадетом Джамалуддином. Император подходит к нему, застывшему во фрунте, и вопрошает: «К присяге готов?» Кадет браво отвечает: «Готов! Ваше! Императорское! Величество!» Император сердечно тронут: «Я не сомневался». Вопрос к авторам сценария — а что, у кадета, который уже находится в строю для принятия присяги, на площади перед Павловским дворцом, был другой вариант ответа?

Складывается такое впечатление, что весь фильм был задуман для следующей мизансцены, в которой император, обращаясь ко всем новоиспеченным офицерам, произносит слова, но они звучат, словно обращенные лично к Джамалуддину: «Служи России! Люби Россию! Люби с гордостью за то, что ей принадлежит! И Родиной называть смеешь!»

Не менее важна «прокравшаяся» в речь императора (по воле сценаристов и исторического консультанта фильма) другая фраза: «Россия

никогда не будет угрозой ни для соседних государств, ни для Европы!» Не будем забывать о том, что в 1849 г. император Николай I поддержал интервенцию против Венгерской революции (в мае русские войска уже вторглись в Венгрию). А в период его правления Россия принимала участие в четырех войнах: Кавказской войне (1817–1864), Русско-персидской войне (1826–1828), Русско-турецкой войне (1828–1829), Крымской войне (1853–1856), добавлю вторжение в Среднюю Азию, Хивинский поход (1839–1840) (*Высочков* 2018). Этот же тезис, в частности, объясняющий причины Кавказской войны, несколько иначе, немного виновато и немного другими словами, озвучат Джамалуддину родители Лизы: «России в целях безопасности приходится отодвигать свои границы все дальше и дальше...»

ДЖАМАЛУДДИН АРМЕЙСКИЙ ОФИЦЕР: ТОРЖОК, АРМЕЙСКИЕ БУДНИ

С 1849 г. полк Джамалуддина квартировался в его традиционном месте, в Тверской губернии, под Торжком (разбросанный подивизионно по деревням). Этот период представлен авторами фильма довольно забавно — им удалось неплохо изобразить только то, о чем имели какое-то определенное представление (например, быт дворянской усадьбы), но знали они, увы, очень мало. И это уже не смешно.

Приказом от 6 июня 1849 г. Джамалуддин был произведен в чин корнета (первый офицерский чин в кавалерии) и назначен в уланский полк. Кавалерийскую дивизию для моло-

дого офицера Дж. Шамиля выбирал сам император, а выбор полка был сделан военным министром (*Каширин, Муханов* 2010: 63–115; *Доного* 2019). Служили в этом полку и другие офицеры из горцев Кавказа.

Любопытно, что император не посчитал нужным оставить сына имама Шамиля в Петербурге, зачислив его в гвардейскую кавалерию, в частности, в элитарный лейб-гвардии Кавказский горский полуэскадрон С.Е.И.В. Конвоя (с которым Джамалуддин был хорошо знаком с юных лет, здесь его привечали). Очевидно, что в планы императора не входило воспитание из него деятеля, способного в будущем сыграть роль в умиротворении Кавказа, удалив его из столицы в провинцию, в резервный полк. Сыну имама Шамиля предстояла обычная карьера армейского офицера.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЖАМАЛУДДИНА В ДАГЕСТАН, К ОТЦУ

Этот важный период в жизни нашего героя, вызванный историческими событиями и перевернувший его жизнь, авторы фильма с изумительной бесцеремонностью переписали в слезливую «индийскую» мелодраму. По фантастичности изложения этого момента в биографии героя сценаристы превзошли даже наших знатных рассказчиков, тетю и племянника Олениных вместе взятых.

Итак, по сценарию, Джамалуддин решил сам отправиться в Дагестан, когда его однажды выставили из дома Олениных, погруженного в глубокий траур — «на Кавказе» убили

их единственного сына, Алексея, однокашника и друга Джамалуддина. Джамалуддин немедленно бросается в Петербург, к императору. Последний тяжело болен, принимает его в постели, задыхаясь от пневмонии. Джамалуддин обращается к умирающему императору: «Отпустите меня на Кавказ! Я хочу остановить эту войну! Там с обеих сторон гибнут мои братья!» Ну да, надо признать, выглядит очень трогательно. Порыв Джамалуддина прекрасен. И (по задумке сценаристов) умопомрачительно трагичен — расставаясь с Лизой: «Есть вещи важнее счастья», — он жертвует личным счастьем ради счастья Родины, большой и малой, России и «Кавказа». (Я не буду комментировать этот вздор, высосанный сценаристами из пальца, точнее, пальцев — авторов фильма трое.)

Еще одна фантастическая сцена от авторов фильма. Перед тем как покинуть Зимний дворец, Джамалуддин имеет непродолжительную беседу с сыном императора, вскорости будущим императором Александром II. Последний, заглядывая в глаза Джамалуддина, вопрошает: «У нас есть шанс замириться с Кавказом?» Вообще-то, «консультант», к которому будущий император обращается, последний раз был на «Кавказе» лет пятнадцать назад, ребенком девяти лет. Но Джамалуддин со знанием дела качает головой: «Нет. Никогда. Горец не смирится с крепостным правом». Но что он мог знать о рабовладении и зависимых крестьянах в Дагестане, на Кавказе? А вообще, авторам фильма неплохо было бы для начала ознакомиться с тем, что такое «Кавказ» в историко-географическом и социально-политиче-

ском аспектах в XIX в., не опускаясь до уровня знаний о нем пожилой Лизы Олениной.

На прощание Александр обращается к Джамалуддину с просьбой договориться с отцом о его встрече с ним. Этот вздор я все же прокомментирую: император не мог предложить встречу персоне, не являющейся легитимной политической фигурой, а имам Шамиль, вплоть до пленения, таковым не являлся — в частности, у Джамалуддина при поступлении в кадеты в графе о происхождении было записано «сын мятежника» (Каширин, Муханов 2010: 67).

Каким образом Джамалуддин вернулся к отцу, «на Кавказ»? Летом, в первых числах июня 1854 г. в результате внезапного вторжения крупных отрядов горцев имамата в Кахетию было разорено множество селений и имений Телавского уезда, в том числе имение подполковника кн. Давида Чавчавадзе, в Цинандали. Среди угнанных в плен сотен кахетинских крестьян оказались и княгини Анна Чавчавадзе и Варвара Орбелиани (внучки последнего грузинского царя Георгия XII) с детьми и прислугой. В сентябре 1854 г. имам Шамиль выдвинул свои первые условия по освобождению пленных княгинь, их было несколько, но одним из основных требований было вернуть сына Джамалуддина и заплатить миллион рублей денег. Начались переговоры. Принципиальное решение о проведении обмена пленных грузинок на Джамалуддина принял император Николай I, а его воля была абсолютным законом для каждого поданного, не говоря уже об офицере его армии. Несомненно, Джамалуддина

формально спросили о его согласии. В рапорте от 8 ноября 1854 г. он отвечал, что «на желание отца о возвращении меня ему, с Высочайшего разрешения, я согласен». Таким образом поручик Джамалуддин Шамиль был отправлен на родину.

18 февраля он вместе с кн. Давидом Чавчавадзе прибыл в Хасав-Юрт. Здесь представители имама (Хасан, пятисотенный из с. Буртунай, Юнус из с. Чиркей, который в 1839 г. передал юного Джамалуддина ген. Граббе, и Хаджияв, казначей) убедились в том, что привезли именно сына имама. Все они выразили уважение сыну Шамяля и возвратились в Ведено. Из-за несколько затянувшихся переговоров Джамалуддин, прибывший из Петербурга в ожидании предстоящего обмена, около трех недель находился в Хасав-Юрте, в доме ген. бар. Л. П. Николаи — между хозяином и гостем установились дружеские отношения, которые положили начало их переписке — она известна, всего шестнадцать писем, написанных с мая 1855 по сентябрь 1856 г.

И вот, наконец, 10 марта состоялся обмен. Давайте вспомним те убогие кадры из фильма, как это происходило? Джамалуддин в офицерском мундире неловко, набрав воды в ботинки, по камням переходит реку, вброд, а на другом берегу его встречают какие-то два-три горца, которые бесцеремонно срывают его головной убор с головы и бросают в воду. Да, надо заметить, что та часть фильма, которая снималась в Петербурге, качественная по костюмам, гриму и реквизиту. Дагестанская часть фильма представляет что-то за пределами убогое — костюмы, грим, реквизит, интерьеры.

Чтобы понимать, насколько авторы фильма бесцеремонно обезличили это историческое событие, важное и в жизни молодого человека, и в жизни имамата, — позволю себе здесь изложить, для контраста, как в действительности происходил обмен. 10 марта 1855 г. на реке Мичик произошел обмен грузинских княгинь В. Орбелиани и А. Чавчавадзе на сына имама Шамяля Джамалуддина (а также 16 других горцев, и с выплатой выкупа в 40 тыс. рублей серебром). Сам процесс обмена был обставлен Шамялем с особой торжественностью. Для передачи пленных и денег положено было выслать с обеих сторон на середину пространства по 32 человека. По приказу бар. Николаи 32 стрелка, вооруженных штуцерами, привели пленных горцев, а сам с кн. Чавчавадзе и Джамалуддином отправился вслед за ними, сзади везли деньги. Не доходя метров триста до р. Мичика, все остановились. Со стороны горцев отделилась небольшая группа всадников, на отличных лошадях, все они были одеты в черные черкески, у всех — прекрасное оружие. Только один из них был во всем белом — Газимухаммад, второй сын имама. После первых объяснений и братских приветствий Джамалуддин представил Газимухаммада бар. Николаи и кн. Чавчавадзе.

После того, как обменялись пленными и деньги были переданы, Джамалуддин попрощался с офицерами и отправился к отцу, за р. Мичик. Не доезжая метров пятидесяти до реки его остановили — ему предоставили отличную лошадь и предложили переодеться в национальную одежду, черкеску. Джамалуддин повино-

вался: «Он соскочил с лошади, снял казакин с эполетами и форменную фуражку, надел папаху с черным курпейчатым околышем, которая вроде чалмы была обернута белым платком, шелковый бешмет из светлой материи, черкеску черного тонкого сукна с галунами, опоясался португеей богатой шашки, заткнул за пояс пистолет, привесил кинжал и сел на вороного коня. Место, где он переодевался, было в ста сажнях от ставки Шамиля». По свидетельству адъютанта бар. Николаи поручика Белика, сопровождавшего Джамалуддина до имама, «народ, заметив наше приближение, бежал огромными толпами, желая поскорее увидеть сына имама». О встрече отца и сына поручик Белик писал: «Стесненные со всех сторон густою толпой, мы подъехали к ставке, соскочили с лошадей и подошли к Шамилю. Шамиль со слезами на глазах обнял сына... По правую сторону от Шамиля сидел Джемал, первое духовное лицо горцев, старик лет 70, а по левую — Даниель-султан, сзади их стояли наибы: Мичиковский, Андийский, Ичкеринский, Гумбетовский и другие» (Хроника 1941: 237; АКАК: 61–62). Обрато пор. Белика провожали 60 мюридов, специально посланные для этого имамом.

А теперь давайте еще раз посмотрим этот эпизод в убогой интерпретации авторов фильма «Аманат». Почему художники «так увидели его»?

«АМАНАТОВСКИЙ» ДЖАМАЛУДДИН — В ИМАМАТЕ

Встреча отца и сына после 16 лет разлуки в фильме передана одним словом «никак». Возможно, эту «ника-

кую» сцену вытянула бы игра актера, но роль имама Шамиля в исполнении Арслана Мурзабекова оказалась провальной. С одной стороны, образ имама в его исполнении невероятно забавен (таращит глаза, откровенная «борода из пакли», сказочная чалма), а с другой — как-то противоестественно, мертвенно-статичен для актера игрового кино. На мой взгляд, имама Шамиля играет актер, подобранный по кастингу как наименее соответствующий этой роли. Такого же несоответствующего актера в роли имама я знаю только в исполнении Ивана Мозжухина в немецком фильме «Белый дьявол» (1930 г.), снятого по повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». По горячности исторического бреда авторы «Белого дьявола» не уступали авторам «Аманата»: в нем племянница имама Шамиля, полуобнаженная, танцует перед мюридами, которые иступленно бьют в барабаны, а имам Шамиль радостно хлопает в ладоши, потом она попадает в русский плен, а оттуда — в Петербург, в императорский балет, где в нее влюбляется император Николай I... Но, вернемся в «Аманат». По дьявольской задумке авторов фильма, имам говорит в кадре на аварском, родном для него языке — но он, увы, не является родным для актера, отсюда и качество произносимого им на аварском языке текста. Его можно сравнить лишь только с «безупречным» американским русским в исполнении Арнольда Шварценеггера, типа «Мадышка гдэ сукари?». Аварский язык юного Джамалуддина не менее отвратительный, чем у «отца, имама Шамиля». Собственно, все объясняется просто: ребенок-актер является сыном актера, который играет имама

Шамиля, которые оба «ни разу не аварцы». Если бы не субтитры, невозможно понять, что за тарабарщину несут с экрана герои фильма. Бережное отношение к аутентичности языка? Нет, не слышали.

А теперь важная мизансцена, в которой должна была реализоваться миссия «миротворца» — первая беседа отца и сына после долгой разлуки (оба актера изумительно мертвенно-статичны). Сын: «Может, пора остановить бойню?» Отец: «Я отдал тебя, чтобы остановить бойню». Конечно же, если помнить о том, что фильм начинался с «обмана» русских, которые якобы обещали снять осаду в случае выдачи сына имама, и если не знать реальную историю выдачи Джамалуддина в аманаты, то за обидой имама кроется его справедливое недоверие «к русским» и категоричное «нет». Сын продолжает: «С тобой хочешь встретиться император». Имам не реагирует. «Миротворец» как-то сник, тема не получила развития — миссия «миротворца» убита.

Для меня осталось загадкой, почему комната, в которой происходил знаменательный разговор, — с грязно-бурыми дождевыми потоками по давно непобеленным стенам? Отсылка к «грязным горцам»? На стене комнаты очень крупно вылеплены арабские цифры (они несколько раз попадают в центр кадра), это дата постройки дома — 1311 г.х. / 1893 г. (привет историческому консультанту фильма).

Авторы фильма показали историю женитьбы Джамалуддина — в августе 1855 г. его женили на дочери известного чеченского наиба Талги-

ка, Талхига Шалинского, который благополучно скончался в 1861 г. и похоронен в родном селении. Не понимаю, зачем хоть тут надо было придумывать «аварского наиба Мансура», его убитого сына и его убитую горем дочь Меседу? На которой суровый имам приказал сыну жениться у телеги с телом убитого наиба? Неубедительное возражение Джамалуддина: «У меня уже есть невеста в России». К чему был этот детский лепет? Или он стоит на своем и отказывается жениться — а если принял решение жениться, то не несет невесте какую-то ерунду в брачную ночь. Есть у дагестанцев такая замечательная поговорка: «Кинжал наполовину не вытаскивают — вытащил, бей». Знающие — поймут.

«АМАНАТОВСКИЙ» МИРОТВОРЕЦ ДЖАМАЛУДДИН И НЕМНОГО РЕАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

По возвращении на родину Джамалуддин не скрывал от отца свою явную пророссийскую ориентацию — он отказывался от участия в набегах на подконтрольную русским территорию. Бар. Николай, который вел с ним переписку, писал: «Шамиль недоволен <...> и тем, что он отказывается от <...> набегов, начальство над которыми неоднократно предлагал». В начале сентября 1855 г. Джамалуддин с удивлением писал бар. Николаю: «Если бы вы знали, Леонтий Павлович, до чего глуп этот народ: между ними распространился слух, что меня нарочно прислали сюда, чтобы их подчинить русским». А еще через месяц, в начале октября, писал: «Я запечатал письмо к турецкому султану. Очень хотел при-

писать к нему несколько слов, <...> чтобы он перестал морочить горцев». И в самом конце приписал: «Завтра еду к тестю, возвратившись оттуда на другой день, поеду к шутнику Хасану, и буду ночевать недалеко от вас у Азу Ауховского. Если бы не отец, право, сам черт не удержал бы меня здесь» (Николаи 1882: 277).

1855 г. был отмечен военным «бездействием» имама Шамиля. Временное военное бездействие имама Шамиля в 1855 г. нисколько не являлось заслугой Джамалуддина, причина заключалась в другом — через четыре года, осенью 1859 г., имам Шамиль сам рассказывал о ней военному историку, полк. Ген. штаба Д. И. Романовскому: «В 1853 и 1854 г. я беспокоил вас довольно, но вместо всякой благодарности, я постоянно получал из Константинополя замечания, что делаю свои нападения или не вовремя, или не туда, куда следует. Вследствие того, в 1855 г. я ограничился только уведомлением в Константинополь о полной готовности моей безотлагательно двинуться тогда и туда, куда мне будет указано, но что до получения этого указа ограничусь сборами, и сам никуда не двинусь. Никаких указаний я после этого не получал, потому и вся моя деятельность в 1855 г. ограничилась одними сборами» (Романовский 1881: 286). Чуть позже, в июле 1860 г., этот же рассказ со слов имама подтверждал А. Руновский (АКАК: 1444). Имам Шамиль, судя по источникам, о существовании подобного «перемирия» не подозревал. Но авторы фильма это «перемирие» выдали как результат миротворческой деятельности Джамалуддина. Навязанная киношниками Джамалуддину роль

миротворца в фильме отражена в недовольной реплике горцев: «Вернулся наш наследник. Все твердит о мире. Сидим без дела». То есть «сидим без набегов» и мир самим горцам как бы не нужен был?

В конце зимы 1856 г. завершилась Восточная (Крымская) война — 18 марта 1856 г. был подписан Парижский трактат между Россией, с одной стороны, и Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией, с другой. Узнав из письма Джамалуддина, что к маю в Вечном городе все еще не знали о заключенном мире, бар. Николаи написал ему и через него поставил имама в известность об окончании русско-турецкой войны и заключении турецким султаном мира с русским императором. 12 сентября 1856 г. Джамалуддин отвечал: «Отец *никаким образом не склоняется к миру*; он говорит: “Но если султан Абдул-Меджид заключил мир и предложит нам сделать то же, тогда я не вправе буду отказаться от этого, ибо турецкий султан есть глава магометан и желание его есть свято для каждого бусурманина”». Джамалуддин спрашивал разрешения у бар. Николаи «написать султану о настоящем положении Дагестана, и пользу, какую он может принести этой горсти несчастных, даруя им мир?» (Николаи 1882: 278) Но эта безрезультатная переписка, на которую возлагали столько надежд на мирное завершение войны, к началу осени 1856 г. уже потеряла свой смысл — новый главнокомандующий кн. А. И. Барятинский приступил к подготовке наступательных операций на имамат, активно перешел к ним в 1857 г., и в результате принятых в дальнейшем военных

действий к концу августа 1859 г. имамат Шамиля перестал существовать (Муханов 2007: 51).

Джамалуддин скончался раньше, его не стало 28 июня 1858 г. Штаб-лекарь Кабардинского пехотного полка С. Пиотровский, которого вызвал имам к умирающему сыну, диагностировал: «В нем развилась легочная чахотка, признаки которой... первый раз обнаружили в начале этого года. Когда я был у него, он не вставал с постели... Я не мог остановить хода болезни, а еще менее, излечить ее...» (Воспоминания 1858; Дневник Руновского 1904: 1422). Диагноз был очевиден — туберкулез, осложненный депрессией.

ФЕНИМОР-КУПЕРОВЩИНА «АМАНАТА»

Эту восхитительную чертовщину нет смысла комментировать, но пробежимся по ней. Появление Лизы «на Кавказе» и даже в самом «ауле Шамиля». Козни коварного турецкого агента Мирзабека из окружения имама Шамиля, который предлагает Джамалуддину сделку, захватить власть в имамате: «Турецкий султан приготовил тебе титул короля Кавказа». Джамалуддин вопрошает: «А как же отец?» Но туркам имам уже не интересен: «Он больше молится, чем воюет». Стало быть, нужно, чтобы он воевал с русскими? Этой репликой нанесен «исторический» пендель в сторону турков — вспоминаем, Российская империя, по другой реплике из фильма, вынуждена была вести войну на Кавказе и «расширяться на юг» именно из-за них, турков...

Турецкий агент в случае отказа Джамалуддина от сотрудничества угро-

жает отправить Лизу (она им схвачена) в гарем турецкого султана. Но нашим героям приходит неожиданная помощь, и им удается бежать. Прощальный диалог кукольных Лизы и Джамалуддина. Он: «Я должен завершить то, что начал» (вроде как ничего и не начинал). Она: «Я не могу быть второй женой» (вроде как никто и не звал в жены). Разбежались в разные стороны. Тем временем главный злодей фильма помещик Мамонов, сосед Олениных по имению, он же «кавказский» офицер (в исполнении актера Даниила Страхова, обреченного вытянуть любую роль на высочайшем уровне), не первый год пылающий ревностью и ненавистью к Джамалуддину, со своим отрядом мчится к его аулу. Со слов турка он знает, его ждет легкая добыча — имам с отрядами ушел в поход, а его сын-миротворец, как обычно, остался один дома. Финальные батальные сцены фильма. Действие происходит летом — кругом все зеленое и прекрасное. И тут в кровавую сечу врывается наш прекрасный герой, Джамалуддин, на прекрасном коне. В конце концов, ему пора приступить к своей миссии миротворца, ради которой он бросил Петербург, любимую невесту, военную карьеру (отсылка к рассказам тетки и племянника Олениных), любимую теорию бесконечности, толстые телескопы и толстые книги (отсылка к авторам фильма).

Джамалуддин плотно закутан в черную бурку. Потом он ее скинет, и, о чудо, он окажется в изумительно красочном мундире офицера русской армии — в то время когда сам злодей, русский офицер Мамонов, в не менее красочной горской черкеске. Джамалуддин кричит, требует прекратить

бой, выкрикивает что-то предельно банальное, пацифистское: «Все устали от этой войны! Лучше быть кунаками, чем врагами! Растить детей!» Его обрывает злодей Мамонов: «Какой мир может быть с дикарями?!» По всей видимости, эта реплика была призвана продемонстрировать подлинное лицо врага горцев, «русских», не считающих их за людей? Ну о каком мире может идти с «такими дикарями» речь? Или с «такими русскими»? Но у меня возник другой вопрос по этой сцене. Допустим, небольшой отряд горцев и русских солдат, наконец-то поняв (вот спасибо «миротворцу»), что, действительно, растить детей лучше, чем воевать, вдруг побросали бы оружие и стали брататься — дальше что? Что дальше после этой «бури в стаканчике»? Имам Шамиль встречается с императором под ближайшим деревом?

Потом наши ряженные герои, «миротворец» и «русский офицер», бьются один на один, на шашках, остальные, солдаты и горцы, обступив, молча наблюдают за поединком. Джамалуддин победит, но будет смертельно ранен. Умирая, уже в постели, скажет отцу: «Я дал слово императору о вашей встрече. Помогите мне выполнить обязательство». Без комментариев.

Авторы фильма не забыли и свою «благодетельницу», Елизавету Петровну — по окончании войны они отправили к ней Меседу, вдову Джамалуддина. Однажды вечером (в европейском платье, плохо скрывая выбивающийся из-под капюшона длинный темный локон) она приехала в имение Олениных и молча передала Лизе стопку писем от Джамалуддина.

Потом идут титры: «В Российской империи отменили крепостное право, и вскоре окончилась Кавказская война, на которой было много побед и поражений, героизма и предательства. Но наш герой вошел в историю этой войны как миротворец и великий заложник — Аманат». Великий? В воображении авторов фильма, согласна, да.

Авторам фильма их кинематографическая авантюра удалась — в одном из отзывов о фильме написали: «Мне очень понравился фильм: удивляюсь, как в нашей истории еще много таких великих личностей и событий». И подобных отзывов не ведающих реальной истории зрителей немало.

В заключение. Налицо откровенно невежественное вмешательство режиссерско-сценаристской группы в пространство исторической памяти о Кавказской войне. Обычно творческие личности, задетые замечаниями историков, ссылаясь на особое отражение их внутреннего мира, особого мировоззрения в их творчестве и еще более особого видения окружающего мира, с высот своего творческого величия кротко отвечают: «Я художник, я так вижу». И советуют историкам «заниматься своей историей». Но дело в том, что историю нельзя «оставить только историкам», хотя бы только потому, что история имеет прямое отношение к общественному сознанию, а во-вторых, создание исторических фильмов признано не только важнейшим инструментом формирования массового исторического сознания (а в «умелых руках» — манипулирования им), но и самым действенным оружием в информационно-психологической войне.

Не случайно в фильме «Аманат» заложен слоган «Враги, ставшие друзьями. Народы, ставшие братьями».

Немало удивило и другое — в настоящее время, когда очевидны приоритеты государственной политики в области противодействия попыткам фальсификации истории России, на экраны страны выходит исторический фильм, мягко говоря, крайне сомнительного качества, и не только с точки зрения исторической достоверности.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

АКАК — Описание размена пленных семейств полк. Кн. Чавчавадзе и ген.-м. Орбелиани (представлено при отношении ген. Муравьева к кн. Долгорукову от 30 марта 1855 г.) // АКАК. Тифлис, 1888. Т. 11.

РГВИА — РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6361. Ч. 1. Л. 51. О положении дел в Дагестане и на Левом фланге Кавказской линии в 1839 г.; Военный журнал отряда, действующего на левом фланге Кавказской линии, 17–27 июля 1839 г.

ЦИАГ — ЦИАГ. Ф. 1087 Оп. 2 Д. 408. Дело «О выкупе или обмене на пленных горцев из плена Кахетинских жителей с семьями, взятых 4 июля 1854 г. в плен, при вторжении Шамиля в с. Шильды».

Воспоминания 1858 — Воспоминания врача Пиотровского о поездке в стан Шамиля // Кавказ. 1858 (11 сентября). № 70–71.

Дневник Руновского 1904 — Дневник полковника Руновского // Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 12. Ч. 2. Тифлис, 1904.

Кавказский сборник — Описание нашествия скопищ Шамиля на Кахетию в 1854 году // Кавказский сборник. Том 1. Тифлис, 1876.

Крылов 1901 — Крылов Н. А. Кадеты сороковых годов // Исторический вестник. 1901. Т. 85. № 9.

Милютин 1850 — Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850.

Муравьев 1877 — Муравьев Н. Н. Война за Кавказом в 1855 г. СПб., 1877. Т. 1.

Николаи 1882 — Николаи А. П. Эпизод из истории Кавказской войны 1855–1857 // Русская старина. 1882. № 11.

Оленин 1904 — Оленин П. Невеста Шамиля // Исторический вестник. 1904. № 12.

Романовский 1881 — Романовский Д. И. Генерал фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская война (1815–1879) // Русская старина, Т. 30. СПб., 1881.

Хроника 1941 — Хроника Мухаммеда ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М.: АН СССР. 1941.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белова 2016 — Белова А. В. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XIX–XX веков // Культура и текст. 2016. № 2 (25). С. 167–185.

Высочков 2018 — Высочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX в. М.: Академический проект, 2018.

Доного 2019 — Доного Хаджи Мурад. Аманат Кавказской войны. Махачкала: Издательство «Лотос», 2019.

Каширин, Муханов 2010 — Каширин В. Б., Муханов В. М. Заложник двух владык (судьба самого знаменитого аманата Кавказской войны, поручика Джемал Эддина Шамиля) // Кавказский сборник. Т. 6 (38), под ред. В. В. Дегоева. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010.

Муханов 2007 — Муханов В. М. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский, М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

Тахнаева 2012 — Тахнаева П. И. Список «ахульгинских горцев» имама Шамиля

или «Дело о выкупе или обмене на пленных горцев из плена Кахетинских жителей с семьями, взятых 4 июля 1854 г. при вторжении Шамиля в Кахетию (по материалам ЦИАГ) // Актуальные проблемы Кавказской войны и наследие имама Шамиля. Махачкала, 2012.

Такхнаева 2018 — *Такхнаева П.И.* Гуниб, август 1859 г. «Последние дни джихада в Дагестане...» / Институт востоковедения РАН. Махачкала: МавраевЪ, 2018.

Такхнаева 2019 — *Такхнаева П.И.* Хаджи-Мурат. Хаджи-Мурат из Хунзаха / Институт востоковедения РАН. М., 2019.

Такхнаева 2020 — *Такхнаева П.И.* Между реальностью и вымыслом: о мирных переговорах ген. Н. Н. Муравьева и «признании независимости имама Шамиля под российским протекторатом», 1855–1856 гг. // Восток (Oriens). 2020. № 1.

Тимофеев 1998 — *Тимофеев Л.Т.* Джама-луддин — сын имама Шамиля (воспоминания Е. П. Энгельгардт, урожденной Олениной) // Нева. 1998. № 9.

REFERENCES

Belova A. V. Zhenskaya ehpiistol'yarnaya kul'tura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX–XX vekov. *Kul'tura i tekst*, 2016, № 2 (25), p. 167–185.

Vyskochkov L. V. *Nikolaj I i ego ehpokha. Ocherki istorii Rossii vtoroj chetverti XIX v.* Moscow: Akademicheskij proekt, 2018.

Donogo Khadzhi Murad. *Amanat Kavkazskoj vojny*. Makhachkala: Izdatel'stvo "LotoS", 2019.

Kashirin V. B., Mukhanov V. M. Zalozhnik dvukh vladyk (sud'ba samogo znamenitogo amanata Kavkazskoj vojny, poruchika Dzhemal Ehddina Shamilya). *Kavkazskij sbornik*. T.6 (38), pod red. V. V. Degoeva. Moscow: NP ID "Russkaya panorama", 2010.

Mukhanov V. M. *Pokoritel' Kavkaza knyaz' A. I. Baryatinskij*, Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2007.

Takhnaeva P. I. Spisok «akhul'ginskikh gorceV» imama Shamilya ili «Delo o vykupe ili obmene na plennykh gorcev iz plena Kakhetinskikh zhitel'ev s semejstvami, vzyatykh 4 iyulya 1854 g. pri vtorzhenii Shamilya v Kakhetiyyu (po materialam CIAG). *Aktual'nye problemy Kavkazskoj vojny i nasledie imama Shamilya*. Makhachkala, 2012.

Takhnaeva P. I. *Gunib, avgust 1859 g. "Poslednie dni dzhikhada v DagestanE..."*, Institut vostokovedeniya RAN. Makhachkala: Mavraev, 2018.

Takhnaeva P. I. Mezhdru real'nost'yu i vymyslom: o mirnykh peregovorakh gen. N. N. Murav'eva i "priznanii nezavisimosti imamata Shamilya pod rossijskim protektoratom", 1855–1856 gg. *Vostok (Oriens)*, 2020, no. 1.

Takhnaeva P. I. *Khadzhi-Murat. Khadzhi-Murat iz Khunzakha*, Institut vostokovedeniya RAN. Moscow, 2019.

Timofeev L. T. Dzhamaluddin — syn imama Shamilya (vospominaniya E. P. Ehngel'gardt, urozhdennoj Oleninoj). *Neva*, 1998, no. 9.

Л. Р. Хут

КЛИО КАК «ДЕВУШКА ДЛЯ УТЕШЕНИЯ», ИЛИ ЧТО ПРОИСХОДИТ С ИСТОРИЕЙ, КОГДА ОНА ПОПАДАЕТ В РУКИ ПОЛИТИКОВ

Рец.: *Курилла И. И.* Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 232 с.

Рецензия на книгу известного российского публичного историка И. И. Куриллы, посвященную влиянию политики на историю, тому, что происходит с историей, когда она попадает в руки политиков, написана в форме эссе-соразмышления, с использованием примеров из личного профессионального опыта вузовского преподавателя истории.

Ключевые слова: И. И. Курилла, историография, публичная история, использование истории, политика памяти, историческая политика.

Сведения об авторе: Хут Людмила Рашидовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета (Майкоп).

Контактная информация: ludmila1302@mail.ru.

L. R. Khut

CLIO AS "COMFORT GIRL", OR WHAT HAPPENS TO HISTORY WHEN IT FALLS
INTO THE HANDS OF POLITICIANS

Rev.: *Kurilla I. I.* Bitva za proshloe: Kak politika menyaet istoriyu. Moscow: Al'pina Publisher, 2022. 232 p.

Review of the book by the well-known Russian public historian I. I. Kurilla, dedicated to the influence of politics on history, what happens to history when

it falls into the hands of politicians, is written in the form of an essay-reflection, using examples from the personal professional experience of a university history teacher.

Key words: I. I. Kurilla, historiography, public history, use of history, politics of memory, historical politics.

About the author: Khut Ludmila R., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History of the Adyghe State University (Maikop).

Contact information: ludmila1302@mail.ru.

Эту книгу «о разительных переменах, которые переживает мир в своем отношении к прошлому» (*Куриллы* 2022: 7) читают и активно обсуждают (см., например: Битва за прошлое 2021; *Травин* 2021; Битва за прошлое 2022). Несмотря на то, что она опубликована совсем недавно, уже можно с уверенностью говорить о повышенном интересе, ею вызванном.

За научным творчеством автора — доктора исторических наук, профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге И. И. Куриллы и его публичными высказываниями на темы текущей политики стараюсь следить примерно последние полтора десятка лет. Мне нравится, как он присутствует в профессии. За плечами И. И. Куриллы и многолетний опыт работы в региональном вузе — Волгоградском государственном университете, и органичное вписывание в контексты академической и вузовской науки двух российских столиц, и хорошо проторенная дорога к коллегам далеко за пределами национальных границ. Он не понаслышке знает, что происходит с системой высшего образования в сегодняшней России, ибо является практикующим преподавателем, а не чиновником, обрушивающим на головы тех, кто работает в аудитории, свои бесконечные бумагобезумства.

И. И. Курилла не сегодня и не вчера начал заниматься проблемами, поднимаемыми в его новой книге, например, проблемой учебника истории. Работая в Волгоградском государственном университете, он выступил соредактором сборника, посвященного анализу опыта взаимных репрезентаций России и США на страницах учебников (Россия и США 2009). Кроме того, в моей домашней библиотеке хранится подаренный им сборник «Кто боится учебника истории?» (Кто боится учебника истории? 2013). Еще один его подарок — сборник «Память и памятники», тоже из «волгоградских времен» (Память и памятники 2012).

Всегда четко артикулированная позиция. Много лет читая тексты И. И. Куриллы в соцсетях (когда-то на платформе «Живого Журнала», а сейчас в «Фейсбуке»), я всегда понимаю, что он хочет сказать и какие позиции отстаивает, ибо все прозрачно. Когда-то давно написала в соцсетях, что министр науки и высшего образования РФ в моем видении — это такой, как И. И. Курилла. По сегодняшний день мнения своего не изменила.

Когда я начала читать «Битву за прошлое», сразу почувствовала условного адресата текста: он написан, прежде всего, для нас, преподавателей,

транслирующих профессиональное историческое знание на школьную и студенческую аудитории, а через нас — адресован тем, кто не в профессии или еще не в профессии, но хотел бы понять сопряжения истории и политики, памяти о прошлом и исторической политики. Почувствовала и развернулась лицом к книге, впечатленная мужеством автора. Кто-то же должен говорить с взыскующими исторических знаний массами на доступном для них языке? В процессе чтения постоянно параллелила «Битву за прошлое» с другим известным текстом — книгой недавно ушедшего из жизни французского историка М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах» (1981) (Ферро 2010). Два нужных и востребованных опыта погружения в «историю рассказывания истории», между которыми дистанция в 40 лет. А еще думала о неслучайности важного факта научной биографии автора — именно ему Европейский университет в Санкт-Петербурге доверил в свое время подготовку книги «История» из серии «Азбука понятий», вышедшую уже вторым изданием (Курилла 2017–2020).

Отдельно скажу про язык. И.И. Курилла ничего из себя не выдавливает, не старается казаться сам себя умнее или глупее, не обрушивает на читателя свою безудержную рефлекссию и только ему понятные ассоциативные ряды. Он ведет спокойный разговор, умело сбивая собственную эмоциональную вовлеченность, чтобы не отпугнуть читателя, при этом эмоционально вовлекая его.

Возможно, это свидетельство моего недостаточного профессионализма,

но текст был интересен мне не столько с позиций его теоретической фундированности (при всей моей вовлеченности в теоретико-методологическую проблематику исторической науки), а тем, как он соотносится с моими, не только историка-преподавателя, но и гражданина своей страны, ощущениями от усилившегося, особенно в последние годы, вмешательства политики в историю.

Я понимаю, что Иван имеет в виду, когда на разных площадках говорит, что книга не предназначена для историков. Это надо понимать не в буквальном смысле, а как напоминание о том, что потребителями текстов профессиональных историков являются не только коллеги по цеху, особенно текстов, написанных на актуальную тему. И, возможно, книга автора — это именно тот случай, когда можно несколько пренебречь ожиданиями профессионалов, но достучаться до массового читателя, который давно уже живет в состоянии перманентного хаоса думаний, говорений, визуализаций (самая яркая из которых, пожалуй, это полки российских книжных магазинов, маркированные словом «История», со смешением всего и вся) по поводу множественности предлагаемых интерпретаций прошлого.

Текст хорошо «сшит». Чего греха таить: структурирование профессиональных текстов — это всегда проблема и головная боль для автора. Неудачная структура может смазать общее впечатление, и наоборот. В данном случае все аккуратно подогнано заботливыми руками того, кто знает и любит свое ремесло. Сначала, вместо введения, идет «Предис-

тория», в которой автор говорит об истории как языке политики, о том, «что и каким образом делает с прошлым современность» (с. 6). Затем следуют 4 части, разделенные на 12 историй. Часть первая («Рассказы о прошлом») — о «дроблении» прошлого, о том, как в США, Франции, Японии, России выглядят «говoreния» об актуальном прошлом. Часть вторая («Овеществленное прошлое») — про символические вселенные, прежде всего, про памятники, про то, как прошлое способно влиять на настоящее. Часть третья («Прошлое как поле конфликтов и повод для примирения») начинается с разговора о памятнике «девушке для утешения» в Сеуле и завершается памятником Примирения в Севастополе. Часть четвертая («Прошлое как действие») — про трудные памяти XX в. (о Большом терроре, Второй мировой войне). Завершает книгу небольшой по объему текст «Конец историй». Если коротко, он про необходимость научиться жить со «множественностью прошлого», которая «теперь с нами навсегда» (с. 231).

Интересна сама по себе фактологическая канва книги. О большей части фактов, изложенных в тексте, мы как бы знаем. Но когда все это в одном месте, эффект от чтения сильный. Мне нравится в рецензируемом тексте то, что примеры влияния политики на историю, использования истории, приводимые автором, вызывают в моем, читателя, случае немедленную ответную реакцию, т.к. они не выглядят какой-то далекой от моей повседневности отвлеченностью, а прямо с этой повседневностью связаны. Такое «устройство» текста вызывает горячее желание снова

и снова возвращаться к нему и соразмышлять вместе с автором, каждый раз открывая для себя что-то новое и удивляясь этим маленьким открытиям. Я успела прочитать книгу дважды и даже законспектировать. Я уже говорю о ней в студенческой аудитории, а теперь хочу еще раз полистать текст и поделиться своими размышлениями с читателями журнала «Историческая экспертиза».

Историю I («Единый учебник, или Борьба за школьную историю») предваряет пролог, в котором, говоря о вариантах российской истории, И.И. Курилла характеризует возможные концепции ее осмысления: новая «государственная школа»; либерально-западническая; националистическая; цивилизационная; радикально-критическая, постколониальная (с. 18–21). Она напомнила мне события почти десятилетней давности, когда В.В. Путин заговорил о создании единых учебников истории России для средней школы. В мае 2013 г. я принимала участие в организованных Институтом гуманитарных историко-теоретических исследований (ИГИТИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) совместно с факультетом «Artes Liberales» Варшавского университета и Международным историко-просветительским, благотворительным и правозащитным обществом «Мемориал» (ныне квалифицируемым в качестве иностранного агента) российско-польских дебатах по исторической политике (см.: *Результаты* 2013), в рамках которых поднимала вопрос об интерпретациях прошлого в региональных учебниках истории. Как быть с тем, что внутри

одного и того же региона — разные говорения о прошлом? Да, книга американского историка Г. Зинна, вышедшая первым изданием в 1980 г., к которой И.И. Курилла обращается в качестве примера версий американской истории с точки зрения «проигравших» групп американского общества, впечатляет (Зинн 2006). Жаль, что я прочитала ее с солидным временным лагом, даже по сравнению с выходом русского перевода. Но как быть с тем, что обе условные стороны конфликта в Кавказской войне XIX в. — самом болезненном месте памяти северокавказских народов — живут, не разделенные географически, в рамках единого, по сути, пространства, а учебники по краеведению у них разные? Посмотрите на карту моей родной Адыгеи: в буквальном смысле республика находится «внутри» Краснодарского края. Мои внучки, в жилах которых течет и русская, и черкесская кровь, живущие в Краснодаре, не очень жалуют предмет «Кубановедение», хотя, судя по их рассказам, многое изменилось в практиках его преподавания сегодня по сравнению с концом прошлого века. Иными словами, это тот случай, когда региональные историки, скорее, на стороне власти, в своих надеждах «быть услышанными». И очень точное замечание автора, высказанное, правда, по другому поводу: «Российское общество устроено так, что попытки диалога обращены не друг к другу, а к власти...» (с. 114–115).

История II («Выставка “Энола Гэй”, или Музейное прошлое»), в которой автор размышляет о «музеях идентичности», музейных экспозициях и мифах о прошлом, содержит сю-

жет о «клонировании» в больших городах России мультимедийных выставок «Россия. Моя история», о неприкрытом противопоставлении «государственнического нарратива нарративу свободы» (с. 41). Сказанное корреспондирует с впечатлениями моей старшей внучки Майи, когда в 13-летнем возрасте, после посещения такой выставки вместе с одноклассниками, она очень эмоционально мне сказала: «Это не моя история, это история чего-то внешнего по отношению ко мне. У меня не было эмоций, которых, очевидно, ждали от нас организаторы».

Здесь же, в связи с идейным вдохновителем проекта — о. Тихоном (Шевкуновым), автор вспоминает 2008 г., когда телеканал «Россия» показал документальный фильм «Гибель империи. Византийский урок». Он пишет, что «ведущий отечественный византист Сергей Иванов дал этому фильму уничтожающую оценку» (с. 43). Все так, но я помню, как масса профессионалов (в их числе известный историк-византист, акад. С.П. Карпов) очень аккуратно об этом фильме высказывались, будто пытаясь найти хоть какое-то оправдание транслировавшейся фильмом идее о том, что «Западу нельзя доверять». Это опять к вопросу о том, как все перемешано в нашем настоящем, как система координат «профессионал — непрофессионал», «государство — общество» постоянно дает сбои.

В той же истории автор высказывает свою точку зрения на то, что принято обозначать термином «миф», причем в двух, на мой взгляд, исключаящих друг друга тезисах. Тезис пер-

вый: «Нет ничего плохого в мифе или историческом романе, как бы ни критиковали их профессиональные историки. Человечество использовало мифы для объяснения прошлого задолго до появления первых исторических трудов и продолжает мифологизировать прошлое» (с. 44). Тезис второй: «Однако распространенность мифов о прошлом в современном обществе и их привлекательность для политиков приводит и к серьезным проблемам. Мифы по своей природе создают бинарные оппозиции. Добро и зло, победа и поражение, герои и враги, жертвы и преступники определяют структуру мифа. Внутри общества такое структурирование прошлого приводит к поляризации и чревато расколом, репрессиями и гражданской войной» (с. 45).

Мне претит любое мифотворчество в дне сегодняшнем. Все хорошо в свое время. Мифы сегодня — это архаика или сознательная игра в далеко не безобидные вещи. Между тем высоколобые разговоры о том, что миф — это «не страшно», не надо с ним так яростно сражаться, я слышала и в конференц-зале Адыгейского госуниверситета много лет назад, и относительно недавно, в стенах РАН, при большом стечении академического и студенческого люда. А еще на разных встречах-разговорах добрых и снисходительных к человеческим слабостям интеллектуалов. Моя позиция здесь однозначна: миф сегодня — это плохо. И не противостоять мифу — это непрофессионально, а значит, преступно. Поэтому из двух авторских тезисов я выбираю третий: «...в понимании современных историков любой дорогой по-

литикам миф должен подвергаться сомнению...» (с. 47).

Следующий далее по тексту пример с В.Р. Мединским, главным любителем мифов и транслятором этой любви на широкую аудиторию, экс-министром культуры РФ и помощником В.В. Путина, ожидаем. Но вот как быть с тем, что кому-то (интересно, кому?) понадобилось в новой линейке школьных учебников по истории издательства «Просвещение» указывать имя В.Р. Мединского в качестве редактора, еще и с постоянным упоминанием его скандальным путем добытой ученой степени доктора исторических наук. Это все настолько странно, когда фамилии крепких профессионалов в библиографических описаниях учебников «подпирает» фамилия того, кому и заходить на поле профессиональной историографии не стоило бы после всего, что произошло (Всеобщая история. 5 класс 2022; Всеобщая история. 6 класс 2021; Всеобщая история. 7 класс 2022; Всеобщая история. 8 класс 2022; Всеобщая история. 9 класс 2022; Всеобщая история. 10 класс 2021). А когда еще авторы этих учебников начинают оправдываться, мол, там фамилия Мединского фигурирует чисто формально... Это опять к вопросу о все той же «чистоте рядов» и уже прозвучавших при обсуждении книги упреках И.И. Курилле в том, что он «слишком гостеприимен». Это не Иван гостеприимен, это наша жизнь давно с ног на голову встала. Он лишь пытается обо всем этом рассказать, параллельно показывая, как у нас все смешалось, как профессионалы и непрофессионалы постоянно заходят на поле друг друга, как размывается понятие профес-

сионализма и как, пока кто-то гордо сидит в своей башне из слоновой кости, другой кто-то пытается «идти в народ».

История III («Наполеон и Гамильтон, или Прошлое на подмостках, экранах и мониторах») — одна из самых, на мой взгляд, интересных в книге. Ее название говорит само за себя. Вне академической среды взгляд на прошлое транслируют, как известно, не только учебники истории и говорения политиков, но и театральные подмостки, киноиндустрия, компьютерные игры. Последние, кстати, привлекательны тем, что «позволяют “переиграть” неудачное прошлое» (с. 60). О громком театральном проекте современной Америки — мюзикле «Гамильтон», заслужившем восторженные отзывы зрителей, признание критиков и кассовый успех, премьерный показ которого состоялся в 2015 г., я впервые прочитала в «Фейсбуке» у ярославского коллеги А.С. Ходнева, а потом и в его статье (*Ходнев* 2019: 114–128). И.И. Курилла не только написал об этой истории в своей книге, но и делится своими впечатлениями от мюзикла на встречах с читателями. История про то, как сегодняшняя Америка смотрит на свое прошлое через настоящее, как роль Александра Гамильтона, ближайшего сподвижника Джорджа Вашингтона, играет пуэрториканец, а на роли других отцов-основателей приглашены афроамериканцы, вызвала у меня собственный ассоциативный ряд. Много лет назад, во времена либеральных перемен в нашей стране, казавшихся необратимыми, вдруг почувствовала, как это важно в студенческой аудитории время от

времени примерять на себя образы тех, кто создавал современный мир, делал его «разметку». Как это круто, когда тех же отцов-основателей на наших факультетских исторических ролевых играх играют кавказские парни, когда они начинают транслировать на аудиторию концепции естественных прав личности и общественного договора, до хрипоты дебатирова друг с другом и аудиторией о преимуществах и ограничениях гамильтоновского и джефферсоновского путей развития Америки. Для меня как практикующего преподавателя истории, входящего в студенческую аудиторию несколько десятилетий подряд, давно «овнутрена» мысль о том, что основополагающие ценности демократического общества — право на жизнь, право на свободу, право на стремление к счастью, озвученные на языке твоего повседневного общения, заставляют по-новому взглянуть на достижимые результаты цивилизационного развития человечества.

Из вызвавших сильную ответную эмоциональную реакцию сюжетов этой части книги отмечу еще два. Как преподаватель, я уже давно приняла мысль о том, что хорошая художественная историческая экранизация сродни качественному художественному историческому тексту, которыми ни в коем случае нельзя пренебрегать в процессе преподавания истории. До сих пор цитирую в аудитории Ретта Батлера, одного из главных героев известного романа М. Митчелл о Гражданской войне между Севером и Югом США («А у нас есть только хлопок, рабы и спесь»). Когда в прокат вышел российский фильм «Союз спасения»

(2019), очень близко восприняла (собственно, не я одна), как сложно переплелись говорения об этом фильме — и тех, «у кого микрофон», и профессиональных историков, занимающихся темой декабризма сегодня, какие сложные конфигурации временных альянсов возникли на поле противостояния сторонников и противников предложенного авторами взгляда на одну из самых драматических страниц российской истории. И, конечно, история С. В. Мироненко, который, занимая пост директора Государственного архива РФ, т. е. выступая от имени профессионалов, «подвиг 28 панфиловцев», в том виде, в каком он вошел в учебники, назвал изобретением военной пропаганды, а вскоре вынужден был оставить свой пост. И опять вопрос — кто в этих историях говорит языком «власти», а кто транслирует точку зрения «общества»?

История IV («Шарлотсвилл, или Трагедия монументальной пропаганды») повествует о «войне против памятников» по обе стороны Атлантики, истоки которой восходят к рубежу XX–XXI вв. Долгое время «история США удивительным образом сочетала два разных образа ключевого события в истории страны, закрепив компромисс “двух Америк”, и это оставалось важным доводом в пользу того, что свобода слова позволяет обществу обойтись без единого взгляда на историю» (с. 72). Я всегда с удовольствием рассказывала студентам, что американскому обществу неизвестны «войны против памятников», что историческая память вмещает в себя разные нарративы о самой трагической странице национальной истории, связанной

с Гражданской войной между Севером и Югом США. Все изменилось в 2010-е гг., а начало меняться, как оказалось, еще раньше. А в тот период в истории уже нашей страны, когда шли ожесточенные дебаты по поводу сноса-несноса памятников Ленину, я рассказывала об упоминаемой И. И. Куриллой истории сноса и восстановления Вандомской колонны в Париже («Богатая революциями история Парижа позапрошлого столетия может быть рассказана как повесть о памятниках» (с. 78)).

История V («Ленин в Киеве, или Нестойчивые памятники») начинается со сноса памятника Ленину в Киеве в 2013 г., а продолжается рассказом об атаках по всему миру на памятники Сесилию Родсу, Христофору Колумбу, Бенджамину Франклину, Томасу Джефферсону, Джорджу Вашингтону, Аврааму Линкольну, Роберту Ли и т. д. Обращаясь к российским реалиям в этой части книги, автор вспоминает об опытах монументальной пропаганды в советской и постсоветской России. Отдельно он говорит про общественную инициативу — осуществляемый с 2013 г. проект «Последний адрес» и атаки на него. Завершается эта часть сюжетом на резонансную для Северного Кавказа тему установки (Чижова 2020) и последующего демонтажа (Грищевич 2020) летом 2020 г. Монумента подвигу русских солдат в Адлере, попавшего «в болевую точку растущего здесь напряжения» (с. 102). И в связи уже с этой историей еще раз по поводу «гостеприимства» И. И. Куриллы. Как ограничиться записью во фрики и пренебречь говорениями, допустим, тех же Артемия Лебедева и Михаила Леонтьева, когда своими

публичными высказываниями по поводу ситуации вокруг установки и стремительного демонтажа памятника в Адлере («какие-то черкесы», «какой-то один процент каких-то меньшинств»; «мы вас терпим и локализуем, или мы вас истребляем»; «будьте счастливы, что вас здесь терпят») они спровоцировали вал протестов со стороны кавказцев, усмотревших в этих памятниках стремление воссоздать колониалистский дискурс на землях, умытых кровью их предков. И это опять к вопросу о том, что региональная память о Кавказской войне не поддерживает большой российский нарратив — слишком велик ее конфликтогенный потенциал, т. к. у русских и кавказцев она «принципиально разная» (*Латтин*). Но это не значит, что об этом не надо говорить. Позиция замалчивания неудобного дискурса здесь не лучший помощник.

История VI («Сталинград по праздникам, или Историческая разметка пространства и времени») прямо связана с российским городом, в котором И.И. Курилла прожил значительную часть своей жизни и с историей которого в известном смысле успел сродниться. «С распадом СССР началось масштабное разрушение символических систем, которое идет до сих пор. <...> Особое место занимает Волгоград, который регулярно сотрясают инициативы коммунистов, стремящихся вернуть ему имя Сталинград (но не дореволюционное Царицын)» (с. 106).

Многое из того, о чем пишет автор, происходило на его, жителя Волгограда, глазах. В 2014 г., вместе со студентами Адыгейского госунивер-

ситета, я впервые побывала в этом российском городе. Программа Летней школы «Европейский Союз: конструируя общее пространство — III. Создавая коллективную память», в рамках которой мы провели очень насыщенную неделю, была построена таким образом, что у слушателей и преподавателей была возможность посетить памятные места города-героя и его культурные объекты. Для меня эта поездка, прежде всего, памятна странными ощущениями от увиденного: с одной стороны, огромные монументы — Родина-мать на Мамаевом кургане (общая высота — 85 м) и памятник Ленину у входа в Волго-Донской судоходный канал (общая высота — 57 м), а с другой — Музей курсантских полков Волгоградского университета, в достаточно замкнутом пространстве которого со стен на нас смотрели глаза молодых ребят, так и не узнавших, что такое старость. Если в музее я все время плакала, то посещение двух громадных монументов никак не повлияло на мой эмоциональный фон.

В этой же части книги есть сюжет про 100-летний юбилей Русской революции («Тихий семнадцатый год»). Возможно, я бы поспорила с автором в связи с его утверждением, что «французы гордятся своей революцией» (с. 112) (не все так однозначно), а с другой — да, то, насколько «незамеченным» прошел в нашей стране 100-летний юбилей Русской революции, вызывает множество вопросов. Между тем «революционная» проблематика в тех же вузовских учебных курсах отечественной и всеобщей истории может многое сказать о нашем сегодняшнем дне. Так, с конца 1980-х гг. по на-

стоящее время, проводя со студентами первую по времени появления на свет историческую ролевую игру «Суд над Робеспьером», с удивлением обнаруживала, как менялись акценты в суждениях по поводу монтаньярского вождя и его роли в исторических судьбах Франции: «виновен» — «виновен, но заслуживает снисхождения» — «не виновен». Каждый раз аудитория на самом деле «приговаривала» себя к нашему настоящему, а не выносила приговор историческому деятелю другой страны. Тяжелее всего участники игры принимали мысль о них самих как о «коллективном Робеспьере».

История VII («Коленопреклонение в Катюни, или Вторая мировая война в европейской памяти XXI века»), одна из самых объемных в книге, рассказана И. И. Куриллой так, что дает яркое представление о том, как историческая политика и ее акторы в разных странах транслируют «картинку» прошлого, одобренную властью. В одном из подстрочных примечаний автор отмечает, что «...столкновение “исторических политик” разных стран не должно препятствовать сотрудничеству профессиональных историков, которые не могут ставить перед собой задачу создания некоего единого взгляда на прошлое. Диалог историков разных стран включает и обсуждение различных интерпретаций общего прошлого» (с. 141). Возможно, кому-то это покажется странным, но, читая эту историю, я вспоминала свои ощущения от художественного текста Дж. Литтелла «Благоволительницы» (Литтелл 2021). Это роман о Второй мировой войне, написанный американским писателем, этническим евреем, на

французском языке и — самое неожиданное — от лица эсэсовца, т.е. «тех, кто убивал». Это какое-то невыносимо циничное восприятие войны, изложенное на достоверном (что особо подчеркивают критики) материале. Ведь и эта «картинка» нам зачем-то нужна (в этом я как раз абсолютно уверена), и куда-то ее надо поместить в этой борьбе нарративов, не вызывая при этом очередного бурления в рядах «озабоченной общестственности». Похоже, и здесь автор прав, когда пишет про «сшивание» разных нарративов в единое «полотно» и «лоскутное одеяло, сотканное из разных объяснений прошлого» (с. 151).

История VIII («Свобода истории», или Каноны “исторической правды”») для меня, прежде всего, лишний повод поговорить о тех, кого мы называем профессиональными историками (возможно, сыграл свою роль как бы отстраненный рассказ И. И. Куриллы о резонансной защите в марте 2016 г. в Санкт-Петербургском институте истории РАН докторской диссертации К. М. Александрова «Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.» и последующем отказе Экспертного совета ВАК по истории от ее поддержки). Так вот о профессиональных историках. Кто они? Как степень профессионализма можно «измерить»? Многажды, в разных контекстах, я возвращалась к этой теме, высказывалась (см., например: Хум 2019: 49), соотносила сказанное с тем, что наблюдаю в своей профессии много лет. Когда-то даже попыталась выступить на серьезном научном мероприятии, в кругу

близких мне в профессиональном плане коллег, и развить вполне себе лапидарную мысль: то, что мы называем «исторической наукой и ее носителями», в нашей стране разнится даже по обе стороны Садового кольца (см.: *Плешков* 2011). Мне, историку не столичному, после трехлетнего пребывания в очной докторантуре одного из московских вузов в 2007–2010 гг., совершенно очевидно была та научная «чересполосица», которая буквально разделила российскую столицу на достаточно замкнутые профессиональные корпорации. Я быстро научилась различать условных «своих» и условных «чужих», не очень жаловавших, а скорее терпевших друг друга (можно проиллюстрировать сказанное, опять же, очень условно, сложившейся позднее дихотомией «Российское военно-историческое общество» vs «Вольное историческое общество»). Для меня так и остался открытым вопрос, как со всем этим быть, кого и куда из коллег «определять», где мне самой «самоопределяться», потому что, повторяю, линия демаркации нарушается с обеих сторон постоянно.

И еще в этой же части книги, где речь идет о статье 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма», в частности, последней ее части, которую связывают «с активностью популярных оппозиционных блогеров, критиковавших использование “георгиевских лент” как символа российского “лоялизма”» (с. 162). Символические вселенные, в которых мы живем, способны постоянно нас удивлять своими неожиданными пересечениями и взаимодействиями. Так, георгиевская лента и споры вокруг нее вполне себе соотносимы со спорами вокруг

белой ленты — символа протестного движения в России 2011–2012 гг. или зеленой ленты — символа памяти о Кавказской войне, воспринимаемой как символ черкесского активизма. К георгиевской ленте, например, отношение в черкесской среде очень разное, и связано это с таким, возможно, неожиданным для других российских регионов обстоятельством, что она ассоциируется с черкесской трагедией XIX в. (к ней прикреплялась учрежденная 12(24) июля 1864 г., т. е. в год завершения Кавказской войны, медаль «За покорение Западного Кавказа»). «Если никто не будет задавать новых вопросов о войне, если в публичном пространстве война останется только в форме отвердевших сакральных текстов и неприкосновенных мемориалов, она перестанет быть частью актуального прошлого и утратит свое значение» (с. 165). Я склонна толковать этот тезис автора расширительно: не бояться задавать неудобные вопросы любому прошлому, чтобы оно было хоть чем-то полезно нам, сегодняшним.

История IX («Возвращение кинжала принца Дипонегоро, или Конец европейской истории») вызвала у меня бурную эмоциональную реакцию, но не в связи с криком руководителя Яванского восстания принца Дипонегоро против Нидерландов в первой половине XIX в. Читая сюжет о передаче Берлинским этнографическим музеем мумифицированных голов маори, бывших предметом коллекционирования европейцами в конце XIX в., в Новую Зеландию осенью 2020 г. (с. 173), не могла не вспомнить генерала Г. Х. Засса, основателя города Армавир Краснодар-

ского края, который в годы Кавказской войны промышлял примерно тем же. Только вместо голов маори были головы черкесов. Возникало странное ощущение себя как колониального трофея, лишённого субъектности, и это тоже было сильное ощущение.

История X («Дело Дениса Карагодина, или “Трудное прошлое”») — рассказ про болезненную память о репрессиях советского периода, реперной точкой которого стала история выпускника Томского университета Дениса Карагодина, предпринявшего самостоятельное расследование гибели своего прадеда Степана в эпоху Большого террора. Автор поднимает вопрос, который совершенно очевиден, но который плохо проговариваем в публичном пространстве: ведь наше современное общество состоит не только из потомков жертв, но и потомков их палачей тоже. Что нас может примирить с прошлым и друг с другом? В параллель идет тема американского «трудного прошлого». Здесь же сюжет о фильме популярного журналиста и видеоблогера Ю. Дудя «Колыма — родина страха» и справедливое резюме: «... без напоминания в какой-либо форме даже самый известный нарратив забывается обществом» (с. 189).

История XI («Реконструкция нацистов, или Играя в прошлое») посвящена движениям реконструкторов в США и России. Не буду скрывать, я считаю движение исторических реконструкторов, равно как и исторические ролевые игры, годным способом постижения прошлого. И мне приходится лишь сожалеть, что сегодня реконструкторское дви-

жение окрашено недобрим отсветом, который падает на него в связи как с донбасским вояжем исторического реконструктора И. Гиркина (Стрелкова) во время кризиса на востоке Украины в 2014 г., так и с леденящей кровью историей питерского доцент-расчленивателя О. Соколова в 2019 г. Несмотря на то, что «движение явно выходит из моды» (с. 197), российское государство, при активном участии Российского военно-исторического общества, «решило взять под крыло реконструкторов» (с. 200). Приходится лишь с удовлетворением констатировать, что идея «приватизировать» наши факультетские исторические ролевые игры пока никому «из тех, кто власть и около-власть», не пришла в голову.

История XII («“Бессмертный полк”, или Кому принадлежит память о войне») является завершающей. Наверное, это не случайно, потому что история инициативы томских журналистов телекомпании ТВ-2, превратившейся в массовое общественное движение, с одной стороны, и история присвоения его властью — с другой, это «борьба за присвоение энергии масс... одна из самых важных историй в современной российской политике» (с. 208). Читая эту историю, постоянно ловила себя на том, что мои ощущения по поводу изменившихся практик «Бессмертного полка» (инициатива снизу, впоследствии «залюбленная» сверху) очень созвучны прочитанному. В этой истории сошлось все — обостренное, окрашенное какими-то семейными воспоминаниями восприятие Великой Отечественной войны в России, судьба инициатора и первого пропагандиста «Бессмертного полка» —

томского телеканала ТВ-2 (он был закрыт), мое восприятие акции — от подзабытого чувства сопричастности и горячего желания пройти вместе с большим количеством людей по главной улице города с портретом отца, деда трех внуков и (уже) семи правнуков до недоумения и нарастающего раздражения по поводу того, как умело это обуздывается и во что превращается.

Здесь же, в этой части книги, история другой инициативы — «Бес-смертный барак» и неприятия ее не только властью (демонстрируемое отсутствие интереса), но и некоторыми профессиональными историками (мы все помним, как А.И. Миллер в интервью А.Т. Урушадзе назвал движение «идиотской инициативой» либералов (Урушадзе 2018)).

В эпилоге И.И. Курилла повествует об акции «Возвращение имен». Новый смысл приобретают сегодня, когда на наших глазах ликвидируется инициатор акции — признанное иностранным агентом Международное общество «Мемориал», его слова о том, что «сосредоточенность на именах конкретных людей отличает подход активистов “Мемориала” от отношения к памяти о репрессиях современного государства» (с. 224). И опять (уже в который раз!) удивляешься: прошлое стремительно перетекает в настоящее и наоборот, вовлекая каждого из нас, в том числе профессиональных историков, в эти движения встречных потоков, делая не только наблюдателями «того, что было» или «того, что происходит», но и непосредственными участниками, часто по разные стороны баррикад.

По поводу оформления книги. «Визуальный поворот» в мировой исторической науке привел к тому, что визуальное наполнение того или иного научного текста играет серьезную, поддерживающую текст роль. Хороша, на мой взгляд, обложка. Книга снабжена большим количеством иллюстративного материала. Из самых сильных визуализаций в книге — фотографии коленопреклоненных политиков (В.В. Путина в Катыни, В. Брандта в Варшаве) и безымянного мужчины, японского солдата (одна из двух статуй памятника «девушке для утешения» в Пхенчане). Сначала мне показалось, что «в цвете» визуальный ряд мог бы усилить впечатление от книги, но потом я отказалась от этой своей мысли. Тот случай, когда ничего не надо приукрашивать и «ярчить».

Текст вычитан, и это, особенно в наше время, еще один дополнительный бонус в его пользу. Если совсем придираться, то на странице 112 вместо «Комиссии 1776» получилась «Комиссия 1789», а на странице 200, в первом абзаце, пропущен предлог «в».

По поводу объема книги и дискуссий на эту тему. Да, я помню декларации серьезных ученых, произносившиеся на рубеже XX–XXI вв., о том, что «время больших нарративов прошло». Помню, как мои студенты восхищались бешеной энергией, идущей от статьи М.А. Бойцова «Назад, к Геродоту!» (Бойцов 1999: 144–165). Но время прошло, а большие нарративы — нет, и сам Михаил Анатольевич, когда пришел час, «выстрелил» Большим Текстом (на целых 34,5 п.л.) (Бойцов 2009). Я с глубоким

уважением отношусь к тем коллегам в профессии, которые пишут монографии на несколько сот и даже тысяч страниц, поднимая в них узко-профессиональные темы и фактически творя себе прижизненные монументальные памятники, но да — надо сравнивать сравнимые вещи. Это разные истории. История «Битвы за прошлое» — это история про то, как вызывать огонь на себя и со стороны профессионалов, и со стороны «широкой общественности». И хотелось бы обратить внимание, что те коллеги, которые не пренебрегают малыми формами, делают важное дело — обеспечивая жаждающим исторических знаний массам «проходимый» путь в прошлое. Параллельно с книгой И. И. Куриллы я читала еще два соотносимых по объему с ним текста — саратовского коллеги А. В. Гладышева (*Гладышев 2021*) и московского коллеги П. Ю. Уварова (*Уваров 2022*). Я читала и все время держала в голове мысль, насколько то, что я читаю, соответствует запросам студенческой аудитории, как эти тексты будут ею восприниматься. В конечном итоге с удовлетворением констатировала, какой это хороший формат для вхождения в пространство смыслов профессиональной историографии — большая статья, переработанная в небольшую книгу.

Главная мысль, которую мне хотелось бы донести до тех коллег, что будут читать эту рецензию, которая, похоже, получилась не совсем рецензией, а скорее соразмышлением с И. И. Курилой: я на стороне автора, потому что ему удалось пройти по лезвию бритвы и, с одной стороны, вызвать заинтересованное внимание профессионалов, с другой — не от-

толкнуть массового читателя сложносочиненными разговорами о том, кого больше в его книге в плане методологических предпочтений — Шанталь Муфф или Алейды Ассман, или кого-то третьего.

Перефразируя героя фильма «Пролетая над гнездом кукушки», в заключение скажу, что Иван Курилла «хотя бы попытался», т. е. не ограничился важными и нужными разговорами профессионалов, как бы следовало написать текст о том, как политика вмешивается в историю и как политики используют историю, а пошел дальше и такой текст написал. На мой взгляд, у него это совсем неплохо получилось.

И уже за скобками, очень субъективное. Устойчивое, через весь текст, ощущение, что все, написанное в этой книге, прямо касается меня. Рассказанные коллегой, профессиональным историком-американистом, истории про то, что происходит с историей, когда она попадает в руки политиков, вызывают стойкое желание преклонить колена, как тот японский солдат перед памятником «девушке для утешения» в Сеуле, перед Историей. За все, что с ней делали, делают (я завершаю эту рецензию 22.02.2022) и наверняка еще сделают, удовлетворяя свои самые изощренные больные фантазии, в нашем, историков, присутствии и часто с нашего молчаливого согласия политики и всяческие активисты. Сильный текст.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Битва за прошлое 2021 — Битва за прошлое: как политика меняет историю. Разговор с Иваном Курилой // Сахаровский

Центр. 03.12.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XSvVZ1zNuW0> (дата обращения: 05.02.2022).

Битва за прошлое 2022 — Битва за прошлое. Обсуждение книги Ивана Курилы (Участники дискуссии: Иван Курилла, Константин Ерусалимский, Андрей Тесля, Дмитрий Дубровский) // Либеральная Миссия. 24.01.2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=clZpqZ0Z_k0 (дата обращения: 05.02.2022).

Всеобщая история. 5 класс 2022 — Всеобщая история. 5 класс. История Древнего мира: учебник / Е. В. Саплина, А. А. Немировский, Е. И. Соломатина, С. В. Тырин; под общ. ред. д.и.н. В. Р. Мединского. 2-е изд., стер. М.: Просвещение, 2022. 272 с.

Всеобщая история. 6 класс 2021 — Всеобщая история. 6 класс. История Средних веков: учебник / А. В. Абрамов, В. А. Рогожкин, С. В. Тырин; под общ. ред. д.и.н. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 272 с.

Всеобщая история. 7 класс 2022 — Всеобщая история. 7 класс. История Нового времени. Конец XV–XVII век: учебник / А. Ю. Морозов, Э. Н. Абдулаев, С. В. Тырин, К. П. Чиликин; под общ. ред. д.и.н. В. Р. Мединского. 2-е изд., стер. М.: Просвещение, 2022. 223 с.

Всеобщая история. 8 класс 2022 — Всеобщая история. 8 класс. История Нового времени. XVIII век: учебник / А. Ю. Морозов, Э. Н. Абдулаев, С. В. Тырин, К. П. Чиликин; под общ. ред. д.и.н. В. Р. Мединского. 2-е изд., стер. М.: Просвещение, 2022. 207 с.

Всеобщая история. 9 класс 2022 — Всеобщая история. 9 класс. История Нового времени. XIX — начало XX века: учебник / А. Ю. Морозов, Э. Н. Абдулаев, С. В. Тырин, К. П. Чиликин; под общ. ред. д.и.н. В. Р. Мединского. 2-е изд., стер. М.: Просвещение, 2022. 223 с.

Всеобщая история. 10 класс 2021 — Всеобщая история. 10 класс. Новейшая история. Базовый и углубленный уровни:

учебник / А. В. Шубин; под общ. ред. д.и.н. В. Р. Мединского. М.: Просвещение, 2021. 384 с.

Грицевич 2020 — *Грицевич А.* Черкесские активисты добились сноса памятника русским солдатам в Адлере // Кавказский Узел. 2020. 8 июля. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/351687/> (дата обращения: 05.02.2022).

Латин — *Латин В.* Лица Кавказской войны: Ермолов и Шамиль: аудиолекция. URL: <https://arzamas.academy/courses/53/4> (дата обращения: 23.10.2021).

Плешков 2011 — *Плешков А.* Что случилось с «Историей и теорией»? (Репортаж семинара ИГИТИ 15 февраля 2011 г.). URL: <https://igiti.hse.ru/Meetings/Seminar15022011> (дата обращения: 05.02.2022).

Резвых 2013 — *Резвых П.* Историческая политика в России и Польше (Репортаж). URL: https://igiti.hse.ru/Meetings/Debaty2013_report (дата обращения: 05.02.2022).

Травин 2021 — *Травин Д.* От Нестора до Зыгара, от Мединского до Безинского: история одна, «историй» может быть много // Republic. 2021. 27 декабря. URL: <https://republic.ru/posts/102731> (дата обращения: 05.02.2022).

Урушадзе 2018 — *Урушадзе А.* «Разговор об исторической памяти превращается в троллинг. Мы приплыли». Алексей Миллер о политике памяти в России и Европе // Colta. 2018. 23 апреля. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/17902-razgovor-ob-istoricheskoy-pamyati-prevrashaetsya-v-trolling-my-priplyli> (дата обращения: 18.02.2022).

Чижова 2020 — *Чижова Л.* «Для нас это очень болезненно». Реакция на памятник Кавказской войне // Радио Свобода. 2020. 6 июля. URL: <https://www.svoboda.org/a/30709426.html> (дата обращения: 05.02.2022).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бойцов 1999 — *Бойцов М. А.* Вперед, к Геродоту! // Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого. Доклады и выступления на конференции 5–6 октября 1998 / под ред. Ю. Л. Бессмертного (отв. ред.), М. А. Бойцова, П. Ш. Габдрахманова. М., 1999. С. 144–165.

Бойцов 2009 — *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 550 с.

Гладышев 2021 — *Гладышев А. В.* Мушка в паутине. Мир глазами феминистки XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 175 с.

Зинн 2006 — *Зинн Г.* Народная история США с 1492 года до наших дней / пер. с фр.: Г. П. Бляблин и др. М.: Весь Мир, 2006. 878 с.

Кто боится учебника истории? 2013 — Кто боится учебника истории?: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона при поддержке Фонда Ф. Эберта 26 апр. 2012 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. И. И. Куриллы; авт. предисл. и послесл. И. И. Курилла. Волгоград, 2013.

Курилла 2017–2020 — *Курилла И. И.* История, или Прошлое в настоящем. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб., 2017. 168 с.; 2-е изд. 2020. 168 с.

Курилла 2022 — *Курилла И. И.* Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 232 с.

Литтелл 2021 — *Литтелл Дж.* Благоволительницы / пер. с фр. И. Мельниковой под ред. М. Томашевской и Д. Диминьша. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 720 с.

Память и памятники 2012 — Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным

университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона 21 апреля 2011 г. / под ред. д-ра ист. наук И. И. Куриллы; предисл. И. И. Куриллы. Волгоград, 2012.

Россия и США 2009 — Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / под ред. В. И. Журавлевой и И. И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 408 с.

Уваров 2022 — *Уваров П. Ю.* Мир накануне раннего Нового времени. СПб.: Евразия, 2022. 160 с.

Ферро 2010 — *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира / пер. с фр. Е. Лебедевой. М.: Книжный клуб 36.6, 2010. 480 с.

Ходнев 2019 — *Ходнев А. С.* История про Америку в то время, рассказанная Америкой нашего времени // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2019. № 67. С. 114–128.

Хум 2019 — *Хум Л. Р.* «Мы с вами лично в Куликовской битве не участвовали...» // Сербия, славянский мир и их соседи: вопросы истории и культуры (к 630-летию битвы на Косовом поле). Краснодар, 2019. С. 44–58.

REFERENCES

Vojcov M. A. *Velichie i smirenje. Oчерki politicheskogo simbolizma v srednevekovoj Evrope*. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROS-SPEN), 2009. 550 p.

Vojcov M. A. *Vperyod, k Gerodotu! Istorik v poiske: mikro- i makropodhody k izucheniyu proshlogo. Doklady i vystupleniya na konferencii 5–6 oktyabrya 1998* / pod red. YU. L. Bessmertnogo (otv. red.), M. A. Vojcova, P. S. H. Gabdrahmanova. Moscow, 1999. P. 144–165.

Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznyh stranah mira*, per. s fr. E. Lebedevoy. Moscow: Knizhnyj klub 36.6, 2010. 480 p.

Gladyshev A.V. *Mushka v pautine. Mir glazami feministki XIX veka*. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2021. 175 p.

Hodnev A. S. Istorija pro Ameriku v to vremya, rasskazannaya Amerikoj nashego vremeni, *Dialog so vremenem. Al'manah intelektual'noj istorii*, 2019, no. 67, p. 114–128.

Hut L. R. "My s vami lichno v Kulikovskoj bitve ne uchastvovali..." *Serbiya, slavyanskij mir i ih sosedi: voprosy istorii i kul'tury (k 630-letiju bitvy na Kosovom pole)*. Krasnodar, 2019. P. 44–58.

Kto boitsya uchebnika istorii?: materialy seminara, provedennogo Volgogradskim gosudarstvennym universitetom i Institutom Kennana Mezhdunarodnogo nauchnogo centra im. Vudro Vil'sona pri podderzhke Fonda F. Eberta 26 apr. 2012 g., pod red. d-ra ist. nauk, prof. I. I. Kurilly; avt. predisl. i poslesl. I. I. Kurilla. Volgograd, 2013.

Kurilla I. I. *Bitva za proshloe: Kak politika menyaet istoriyu*. Moscow: Al'pina Publisher, 2022. 232 p.

Kurilla I. I. *Istorija, ili Proshloe v nastoyashchem*. St. Petersburg: Izd-vo EU v SPb., 2017. 168 p.; 2-e izd. 2020. 168 p.

Littell Dzh. *Blagovolitel'nicy*, per. s fr. I. Mel'nikovoj pod red. M. Tomashevskoj i D. Dimin'sha. 2-e izd. Moscow: Ad Marginem Press, 2021. 720 p.

Pamyat' i pamyatniki: materialy seminara, provedennogo Volgogradskim gosudarstvennym universitetom i Institutom Kennana Mezhdunarodnogo nauchnogo centra im. Vudro Vil'sona 21 aprelya 2011 g., pod red. d-ra ist. nauk I. I. Kurilly; predisl. I. I. Kurilly. Volgograd, 2012.

Rossiya i SSHA na stranicah uchebnikov: opyt vzaimnyh reprezentacij, pod red. V. I. ZHuravlevoj i I. I. Kurilly. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2009. 408 p.

Uvarov P.YU. *Mir nakanune rannego Novogo vremeni*. St. Petersburg: Evraziya, 2022. 160 p.

Zinn G. *Narodnaya istoriya SSHA s 1492 goda do nashih dnei*, per. s fr.: G. P. Blyablin i dr. Moscow: Ves' Mir, 2006. 878 p.

Б. Н. Миронов

РОССИЯ ОТСТАЛА ОТ ЗАПАДА НАВСЕГДА?!

Рец.: *Травин Д. Я.* Почему Россия отстала? СПб.: Изд. Европейского университета в С.-Петербурге, 2021. 368 с.

В статье дана аналитическая оценка книги Д. Я. Травина «Почему Россия отстала?»

Ключевые слова: Россия и Запад в X–XVI вв., причины экономической отсталости России, роль фундаментальных факторов отсталости.

Сведения об авторе: Миронов Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Контактная информация: mironov1942@yandex.ru.

B. N. Mironov

HAS RUSSIA FOREVER LAGGED BEHIND WESTERN EUROPE?!

Rev.: *Travin D. YA.* Pochemu Rossiya otstala? St. Petersburg: Izd. Evropejskogo universiteta v S.-Peterburge, 2021. 368 p.

The article provides an analytical assessment of the book by D. Ya. Travin “Why has Russia lagged behind?”.

Key words: Russia and Europe in the 10th–16th centuries, the causes of Russia’s economic backwardness, the significance of backwardness factors

About the author: Mironov Boris N., Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg).

Contact information: mironov1942@yandex.ru.

Монография Д. Я. Травина «Почему Россия отстала?» основывается на комплексном сравнительном историко-социологическом анализе и имеет

целью выявить причины экономического отставания России от западно-европейских стран. Ее жанр — историческая социология. Очевидно, что

всесторонне и глубоко проанализировать колоссальный материал об экономическом развитии Европы, включая Россию, за длительный период и в сравнительной перспективе — задача непосильная даже для коллектива ученых. Тем более что недостаток имеющихся источников в принципе не позволяет определенно ответить на многие важные вопросы. Однако сама постановка проблемы отставания и даже ориентировочная оценка факторов, которые его обусловили, имеют большое научное значение.

Д.Я. Травин по базовому образованию и ученой степени — экономист; в настоящий момент — научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге. Он написал нескольких книг, посвященных европейской модернизации (Травин 2018; Травин, Маргания 2004; 2018). В рецензируемой монографии речь идет не о застойной экономике, провальной «социалке» и авторитарной политике, как можно подумать из ее названия. Оригинальность авторского подхода к проблеме состоит в том, что ответ на злободневный вопрос о причинах отставания современной России автор ищет не в ближайшем имперском и советском прошлом — в крепостном праве, самодержавии, империи, революциях, сталинизме, а в далеком прошлом — в X–XVI вв. Д.Я. Травина как институционалиста интересует, как и почему сложилась *колея российского экономического развития*, и поэтому он правильно, на мой взгляд, обращается к «детскому периоду» нашей истории — к X–XVI вв., когда колея стала складываться. Напрашивается ана-

логия с индивидуальным развитием человека. Психологи считают, что для каждого человека опыты детства, особенно в пространстве человеческих отношений, имеют первостепенное значение для всей его будущей жизни. Именно они становятся основой его личности и проявляются на протяжении всей его дальнейшей жизни, во многом определяя его жизненную колею. Скорректировать или изменить эту колею можно, только тщательно изучив опыты детства.

Как правило, в центре размышлений всех желающих понять, почему Россия отстала, находятся проблемы России, а не успехи идущих впереди. Однако не менее важно поразмышлять и над тем, почему другие страны в какой-то момент смогли уйти вперед. Ведь успешные ныне соседи не всегда шли в авангарде. В течение многих тысячелетий в традиционном обществе все были более или менее равны, но в какой-то момент у некоторых произошло что-то вроде культурной мутации, они стали трансформироваться и изменили маршрут движения. В книге Д.Я. Травина в центре Россия, но формально большая часть страниц посвящена Западу. Но не коллективному Западу, а отдельным западно-европейским странам, весьма отличающимся друг от друга, отдельным регионам и городам. Речь в книге идет о Флоренции, Венеции, Генуе, Генте, Брюгге, Новгороде, Пскове, Сицилии, Апулии, Фландрии, Нормандии, Кастилии, Девоншире, Тироле, Сконе, рейнской и ганзейской Германии, шампанских и лионских ярмарках, каталонских и берберийских пиратах, левантийской торговле. Национальные государства и на-

циональные экономики как единый комплекс сложились лишь в Новое время, а в X–XVI вв. существовали города-государства и всякие регионы со своими традиционными названиями. Именно сравнение России с отдельными странами, российских регионов и городов с отдельными регионами и городами европейских государств позволяет, во-первых, глубже разобраться в причинах неудач одних и успехов других, во-вторых, убедиться, что российские институты и институции не были уникальными.

Монография написана в проблемном, а не в нарративном ключе. Д.Я. Травин сформулировал четыре фундаментальные проблемы, вокруг которых в большинстве сочинений о России происходит дискурс по поводу ее отставания, и каждому посвятил главу:

1. Ущерб, нанесенный Древнерусскому государству набегами и войнами в X–XVI вв., на самом деле имел фатальное значение для возникновения отсталости, т.к. многократно превосходил тот, который был причинен западноевропейским странам?

2. Действительно ли средневековая жизнь в западноевропейских странах, в отличие от Русского государства, характеризовалась согласием и миром, собственность защищалась законом, права и свободы человека соблюдались, государство являлось правовым?

3. «Стартовые условия» для развития в западных странах реально были благоприятнее, чем в России, т.к. периферийность предопределяла

возможности модернизации, а экономическое развитие общества находилось в жесткой зависимости от урбанизации и развития городской культуры?

4. Действительно ли катастрофичным для России стало то, что Ренессанс ее почти не затронул?

В первой главе «Набеги и кочующие бандиты» Д.Я. Травин приходит к выводу, что в X–XVI вв. русские земли действительно страдали от войн и набегов гораздо больше и дольше, чем другие европейские территории, но все же разница в ущербе не являлась столь значительной, чтобы подорвать возможности экономического развития, затормозить рост городов, воспрепятствовать накоплению капиталов и предопределить экономическую отсталость. В пользу этого говорит и тот факт, что на Западе имелись страны, страдавшие от войн и набегов не меньше, чем русские земли (Травин 2021: 68).

Однако выводы о величине ущерба от войн представляются мне недостаточно обоснованными. Без сомнения, ущерб был огромным, но оценить его сколько-нибудь определенно невозможно из-за недостатка источников. Расхождения в оценках чрезвычайно велики. Известный знаток Московской Руси С.Б. Веселовский в своих ранних работах признавал (вслед за летописями), что в Куликовской битве в 1380 г. участвовали около 200–400 тыс. человек, а в поздних работах оценивал численность русской армии лишь в 5–6 тыс. человек (Веселовский 1978). Некоторые современные историки считают, что русское

войско (как и ордынское) могло насчитывать не более 6–10, а археологи достаточно убедительно предполагают, что с обеих сторон в сражении приняло участие по 5–7 тыс. человек, причем оно было кратковременным — около 20–30 минут вместо летописных 3 часов. И во второй битве — в Стоянии на Угре в 1480 г. число участников было примерно таким же. Скорее всего, что в военных действиях в 1480 г. тоже принимали участие сотни или считанные тысячи ордынских татар. Войска небольшой численности не могут нанести колоссального урона и ущерба (*Бульчев 2014; Двуреченский 2011*). С другой стороны, точка зрения некоторых историков (например, Л. Н. Гумилева) о положительном влиянии кочевников и Золотой Орды на Русь убедительно оспаривается (*Травин 2021: 36–45*).

Во второй главе «“Наезды” и силовые захваты» Д. Я. Травин пришел к выводу о неадекватности популярных ныне в России представлений о западных социумах, в которых собственность всегда была защищена, права человека соблюдались, общественная жизнь отмечена согласием и миром. «Частная собственность в Средние века — такая же фикция, как “правовая цивилизация”. Европейским странам пришлось пройти долгий и трудный путь для того, чтобы сформировалась в конечном счете та собственность, которая делает эффективной рыночную экономику. Причем речь здесь идет не только о земле. Условной в Средние века была любая собственность. Государь изымал у “частника” любое имущество, вне зависимости от того, кто им владел, если считал это целесообраз-

ным и имел для этого достаточную силу». Нарушение прав собственности касалось не только землевладельцев, но и городского бизнеса (Там же: 103, 108). Автор напоминает, что в средние века и в начале Нового времени государи по обычаю имели право верховной собственности на землю. «Чем глубже погружаешься в историю, тем более неопределенной вещью выглядит закон», — констатирует Д. Я. Травин. Нет оснований полагать, что все люди в средние века и в начале Нового времени разделяли единое представление о законе и оно совпадало с современными взглядами — в современных обществах существует совершенно иное представление о том, что считать законом (Там же: 133, 141).

Большое внимание во второй главе уделено российскому самодержавию, признаки которого нередко находят уже в Древнерусском государстве. Обобщая обширную литературу по данному вопросу, Д. Я. Травин признает правоту тех, кто полагает, что за период X–XVI вв. в русской письменности нет ни одного политического учения, которое понимало бы царскую власть как абсолютную и ничем не ограниченную. И де-факто государи до XVIII в., какой бы обширной и сильной не казалась их власть, считались с обычаем, традицией и Боярской думой. Сами государи свой авторитет ставили ниже старины и признавали, что по своему усмотрению они не могут творить право (Там же: 149; *Миронов 2018б: 359–373*).

Выводы автора, подкрепленные тщательным анализом западной литературы, представляются весьма

важными. Однако читателю иногда может показаться, что в западноевропейских странах в средние века и начале Нового времени законы вообще не соблюдались. На самом деле в каждой местности, в каждом городе, у каждого народа были свои обычаи/законы. То, что современному человеку кажется произволом, в действительности в Русском и западных государствах происходило по правилам, хорошо известным населению данной местности и конкретного социума.

Взвешенными и убедительными представляются выводы третьей главы «Во имя Бога и прибыли», посвященной «стартовым условиям» экономического роста Русского государства, роли городов и городской культуры. Обобщение европейского опыта привело Д.Я. Травина к заключению, что периферийность государства, низкий уровень урбанизации сами по себе еще не определяют всех возможностей развития. Прогресс обуславливался сложным сочетанием факторов и обстоятельств. О том, что «стартовые условия» были важным, но не единственным и не главным фактором, свидетельствует, в частности, развитие некоторых периферийных стран Европы (например, Швеции, Норвегии или Шотландии), которые в определенный момент стали интенсивно развиваться и преодолели экономическую отсталость (Травин 2021: 250–251).

Чрезвычайно интересной представляется четвертая глава «Власть,

страсть и месть», в которой автор оценивает, что потеряла Россия, не пережив этап Ренессанса. Хотя, на мой взгляд, автор недооценивает потери, общий вывод, согласно которому отсутствие в России ренессансной культуры само по себе не блокировало экономическое развитие, мне представляется правильным и аргументы в пользу этого убедительными. Перспективной представляется идея о том, что у ренессансного буйства страстей не было будущего, что укрощение эмоций и развитие когнитивных (абстрактное мышление) и метакогнитивных процессов (самоконтроль, самоанализ) является важнейшей предпосылкой экономических и прочих успехов (Там же: 328–333). В этом контексте было бы полезно сослаться на работы Норберта Элиаса, которые указаны в списке литературы, но в данной главе непосредственно не используются².

Высокий уровень культурного развития, понимаемый как наличие в музеях и библиотеках большого числа признанных произведений искусства, не коррелирует с социально-экономическим развитием. В норвежской или финской истории нет ни Сикстинской капеллы, ни «Короля Лира», но из этого никак не вытекает экономическая отсталость или неспособность построить демократию. Ренессансный город сыграл свою важную роль в истории, создал высочайшую культуру и эффективно работающий бизнес, но, достигнув предела, стал проигрывать конкурентную борьбу монархиям.

² О влиянии когнитивных и метакогнитивных способностей человека на его поведение в России Нового времени см. в книге: (Миронов 2019: 301–430).

Он не мог обеспечить дальнейшее экономическое развитие и обуздать многочисленные социальные конфликты в социумах — это было под силу сильному абсолютистскому бюрократическому государству, а не городской демократии, основанной на противостоянии непримиримо враждебных друг другу кланов. Д. Я. Травин полагает, что ренессансный город оказался в проигрыше и на русских землях: Новгород покорился Москве, способной аккумулировать большие ресурсы для формирования армии Нового времени (Там же: 334).

Перед Россией XV–XVII вв., считает автор, вопрос состоял не столько в импорте ренессансной культуры, сколько в том, какую государственную модель выбрать для дальнейшего развития. Вследствие военного соперничества с Польшей и Швецией у России возникла острая потребность иметь новую налоговую систему, новое государственное управление, новый принцип формирования бюрократии и армии. Ренессансное государство уже перестало служить образцом. Никому не приходило в голову совершенствовать государственное управление по устаревшим итальянским образцам. Выбирать надо было из испанской, голландской, французской, шведской, прусской или английской моделей. Выбор осложнялся тем, что перечисленные модели сложились под влиянием особенностей исторического пути перечисленных стран. Россия же должна была заимствовать и вписывать импортируемые институты в те отечественные реалии, которые существовали и не могли быть устранены по мановению руки го-

сударя-реформатора. Когда поиск оптимального этатизма завершился в пользу шведской и прусской модели, российское государство, армия и бюрократия стали трансформироваться по преимуществу в соответствии с ними.

Какие идеи рецензируемой книги представляются особенно важными?

1. Уже в X–XVI вв., а возможно и раньше, наши предки объективно столкнулись с большими экономическими проблемами. Возникли они задолго до всяких реформ и контрреформ, закрепощений и освобождений, не находились в тесной корреляции ни с самодержавием и тоталитаризмом, ни с народным менталитетом и природными ресурсами, ни с деструктивными действиями властей. Скорее, проблемы определялись местоположением на Земле — тем, что русские земли являлись восточной периферией Европы, были оторваны от мировых центров культуры, имели огромную территорию и большую границу, открытую для соперников и врагов, проживавших вдоль нее. Чтобы успешно защищаться, приходилось наращивать мускулы, а развитие культуры обеспечивать по остаточному принципу. Эти выводы хорошо коррелируют с российским материалом, относящимся к Новому времени (*Миронов 2018а: 221–257, 269–271*). Таким образом, крепостничеством, самодержавием, большевизмом, тоталитаризмом или авторитаризмом, на которые традиционно возлагается ответственность за отставание России, список не исчерпывается. Следует искать другие причины и факторы, которые автор надеется найти в следующей книге.

2. В средние века и в начале Нового времени общественная жизнь в западноевропейских странах и Русском государстве принципиально не различалась. Везде не было согласия и мира, собственность плохо защищалась законом, права и свободы человека часто нарушались или вовсе не соблюдались, государство не являлось правовым.

3. То, что ренессансная культура почти не затронула Россию, нельзя считать невосполнимой потерей для ее социально-экономического и политического развития.

4. Укрощение эмоций и страстей, формирование новых когнитивных и метакогнитивных способностей — концептуального мышления, самоконтроля, самоанализа — является важнейшей предпосылкой экономических и прочих успехов.

5. К XVIII в. у России сложилась своя историческая колея и возникала зависимость от пройденного пути. Когда обстоятельства вынуждали заимствовать некоторые зарубежные институты, они приживались тяжело и болезненно, т.к. их нельзя было механически вмонтировать в совокупность традиционных институтов, требовались значительные усилия и большое искусство, чтобы приспособить их к отечественным реалиям. Это создавало серьезные трудности при проведении структурных реформ.

6. Исследование убедительно подтверждает, что существующие в литературе образы России и Запада — это идеальные сконструированные типы, далекие от реальности и ча-

сто имеющие политические цели. Они имеют тенденцию превращаться в ложные стереотипы научного и массового сознания, мешающие адекватному пониманию нашего прошлого и настоящего (Миронов 2018в: 648–649).

Как показывает анализ монографии, Д. Я. Травин отнюдь не русофоб, как можно было бы подумать, исходя из ее названия — «Почему Россия отстала?», поскольку большинство сочинений о России, содержащих в названии слово «отсталость», не относятся к числу русофильских. Лейтмотив данной книги — выявить и оценить значение принципиальных, по мнению многих исследователей, факторов, мешавших нашему экономическому развитию. По его мнению, несмотря на всю их важность, в дальнейшем они не могли фатально помешать России (как и Скандинавии, Балтии, Шотландии, Ирландии, Балканам и другим странам и регионам Европы) развиваться, догонять и перегонять лидеров. Автор полагает, что у России есть хорошие шансы для экономического роста и наличие в ее досье выдающихся достижений, особенно в области культуры, является тому порукой.

Значение книги Д. Я. Травина в том, что она демифологизирует российскую историю, в которой, по справедливому, на мой взгляд, убеждению автора, нет никакой мистической фатальной предрасположенности к косности и неудачам. Россияне отставали и догоняли лидеров по тем же самым причинам, по которым преуспевали и терпели поражения другие народы и которые вполне возможно и необходимо понять,

а полученное знание использовать. В методологическом отношении монография демонстрирует огромный потенциал сравнительно-исторического анализа. На русском языке нет равноценного труда — с таким обстоятельным и подробным анализом проблемы экономического роста России на фоне развития западноевропейских стран в средние века и в начале Нового времени. Список использованной литературы включает 630 названий, в том числе 150 работ на иностранных языках. Причем книга написана не только интересно, но понятно, живо и эмоционально. Этому способствует использование многих произведений художественной литературы (Данте, Шекспира, Рабле, Лопе де Вега, Боккаччо и др.), которые органично вмонтированы в научный текст не только ради литературных красот, но прежде всего, как ценные источники сведений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бульчев 2014 — Бульчев А.А. Куликово поле: живые и мертвые. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2014. 83 с.

Веселовский 1978 — Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М.: Наука, 1978. 343 с.

Двуреченский 2011 — Двуреченский О.В. Археологические исследования на месте Донского сражения // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Новосибирск: Институт истории материальной культуры Российской академии наук (С.-Петербург), 2011. С. 137–138.

Мионов 2018а — Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дм. Буланин, 2018. Т. 1. 896 с.

Мионов 2018б — Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дм. Буланин, 2018. Т. 2. 912 с.

Мионов 2018в — Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр., доп. СПб.: Дм. Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.

Мионов 2019 — Мионов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дм. Буланин, 2019. 528 с.

Травин 2018 — Травин Д.Я. «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Изд. Европейского университета в С.-Петербурге, 2018.

Травин 2021 — Травин Д.Я. Почему Россия отстала? СПб.: Изд. Европейского университета в С.-Петербурге, 2021. 368 с.

Травин, Маргания 2004 — Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, TerraFantastica, 2004.

Травин, Маргания 2018 — Травин Д., Маргания О. Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.; СПб.: АСТ, TerraFantastica, 2018.

REFERENCES

Bulychev A.A. *Kulikovopole: zhivye i mertvye*. Tula: Gos. muzei-zapovednik "Kulikovopole", 2014. 83 p. (In Russ.)

Dvurechenskii O.V. 'Arkheologicheskie issledovaniia na meste Donskogo srazheniia', *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda*. Novosibirsk: Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk (St. Peterburg), 2011, pp. 137–138 (In Russ.)

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2018. Vol. 1. 896 p. (In Russ.)

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2018. Vol. 2. 912 p. (In Russ.)

Mironov B.N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. 2-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2018. Vol. 3. 992 p. (In Russ.)

Mironov B.N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2019. 528 p. (In Russ.)

Travin D. *Pochemu Rossiia otstala?* St. Petersburg: Izd. Evropeiskogo universiteta v St. Peterburge, 2021. 368 p. (In Russ.)

Travin D. *Russia's "Special Path": From Dostoyevsky to Konchalovsky*. St. Petersburg:

European University Press in St. Petersburg, 2018. (In Russ.)

Travin D., Margania O. *European Modernization*: in 2 books. Moscow; St. Petersburg: ACT, Terra Fantastica, 2004 (In Russ.)

Travin D., Margania O. *Modernization: From Elizabeth Tudor to Yegor Gaidar*. Moscow; St. Petersburg: ACT, Terra Fantastica, 2018 (In Russ.)

Veselovskii S. B. *Trudy po istochnikovedeniiu i istorii Rossii perioda feodalizma*. Moscow: Nauka, 1978. 343 p. (In Russ.)

Н. Н. Подосокорский

ДМИТРИЙ ТРАВИН ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТСТАЛОСТИ РОССИИ ОТ ЗАПАДА

Рец.: *Травин Д. Я.* Почему Россия отстала? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 368 с.

Рецензируемая книга Дмитрия Травина «Почему Россия отстала?» написана как научно-популярное исследование в рамках исторической социологии. Автор пишет о специфике экономического развития ряда западноевропейских стран и городов в средние века и сравнивает их «истории успеха» с положением дел в Древней Руси и Московском царстве. В основу книги положены четыре доклада (существенно переработанных и дополненных), которые были сделаны Д. Я. Травиным на семинарах возглавляемого им Центра исследований модернизации ЕУСПб в 2010–2016 гг.

Ключевые слова: Дмитрий Травин, Великий Новгород, модернизация, отсталость, Новгородская республика, историческая социология, торговля в средние века, Италия, экономическая история.

Сведения об авторе: Подосокорский Николай Николаевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН (Великий Новгород).

Контактная информация: n.podosokorskiy@gmail.com.

N. N. Podosokorsky

DMITRY TRAVIN ABOUT HISTORICAL BACKWARDNESS OF RUSSIA FROM THE WEST

Rev.: *Travin D. YA.* Pochemu Rossiya otstala? St. Petersburg: Izd. Evropejskogo universiteta v S.-Peterburge, 2021. 368 p.

Dmitry Travin's peer-reviewed book "Why has Russia Lagged Behind?" is written as a popular scientific study within the framework of historical sociology. The author writes about the specifics of the economic development of a number of Western European countries and cities in the Middle Ages and com-

parens their “success stories” with the state of affairs in Ancient Russia and the Moscow Kingdom. The book is based on four reports (substantially revised and supplemented), which were made by D.Ya. Travin at the seminars of the EUSP Modernization Research Center headed by him in 2010–2016.

Key words: Dmitry Travin, Veliky Novgorod, modernization, backwardness, Novgorod Republic, historical sociology, trade in the Middle Ages, Italy, economic history.

About the author: Podosokorsky Nikolay N., PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of Dostoevsky and World Culture. Philological journal (Veliky Novgorod, Moscow, Russia).

Контактная информация: n.podosokorskiy@gmail.com.

Новая книга известного экономиста и публициста, профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге Дмитрия Травина «Почему Россия отстала?» (2021) продолжает его многолетние исследования процессов модернизации разных обществ и государств, сталкивающихся на разных этапах со схожими проблемами. Название книги, конечно, провокационное, призванное сразу зацепить внимание широкой аудитории и вызвать на дискуссию. Сам труд при этом является добротным научно-популярным сочинением, рассчитанным на массового читателя.

Монография Травина особо будет интересна тем, кто интересуется экономической историей городов средневековой Италии (обложка для книги в данном случае подобрана отнюдь не случайно), — им в книге отведено так много места, что порой кажется, будто книга больше посвящена не причинам отсталости России, а обстоятельствам восхождения итальянских и некоторых других городов Европы, которые на определенном историческом этапе развивались гораздо быстрее и эффективнее, чем древнерусские города. Хронологически автор доводит свое повест-

ование до XVI — начала XVII в., но в основном пишет о еще более ранних временах.

Можно не соглашаться с концепцией Травина об экономической модернизации как главной цели существования государства, но читать его наблюдения очень полезно и интересно — из россыпи приводимых фактов можно узнать немало нового. Автор — человек обстоятельный, очень эрудированный и, главное, аккуратный в оценках. Тем не менее обратим внимание на ряд определенных «перекосов» в его теории «экономического детерминизма».

В своей полемике с евразийцем Львом Гумилевым Травин, к примеру, отмечает: «Выходит, что голод, разорения, убийства не столь значимы в сравнении с поддержанием правильного образа жизни. Надо сказать, что в столкновении взглядов евразийцев со взглядами других исследователей отражается важнейшая проблема сегодняшней России. Противопоставление экономического развития и моральной традиции делит людей на тех, кто стремится к модернизации страны, и тех, кто ищет идеал в далеком утраченном прошлом» (с. 44).

Нисколько не вставая на сторону евразийцев, замечу, что и для меня «правильный образ жизни» и опора на древние (в том числе христианские) традиции куда важнее «модернизации» как самоцели. Только я бы не сводил эту обращенность в прошлое к одной «морали» — тут речь, скорее, идет о смысле жизни как таковом. Для чего вообще рождается и живет человек? Только ли для того, чтобы всегда жить исключительно спокойно, максимально долго в мешанском комфорте, иметь доступ к новейшим технологическим новинкам, вкусной еде и современным медицинским препаратам? Или есть что-то гораздо более важное в жизни человека, чем быть вписанным в современные тренды и иметь возможность пользоваться всеми благами цивилизации (тем более что бурный экономический рост стран уже приводит к экологическому и климатическому кризису)? Возможно, более правильно оценивать страны по индексу счастья их граждан, а не по уровню их модернизированности?

Понятно, что автор в данном случае, скорее, имеет в виду, что недобросовестные политики и прислуживающие им «идеологи» вроде Дугина порой пытаются оправдать экономическую и политическую «отсталость» России и искусственное сдерживание ее социально-экономического развития некими «высшими» ценностями и идеалами, преследуя при этом собственные низменные цели банального удержания власти. Но не впадает ли тут автор в другую крайность, когда развенчивает чисто религиозную мотивацию? Скажем, когда он пишет, что «проблему набегов [в Древней Руси] не следует

трактовать апокалиптически. Жизнь продолжалась» (с. 44). Отмечу, что продолжалась она далеко не для всех, а взгляд на войны, голод и смертоносные эпидемии через образы Апокалипсиса Иоанна Богослова или иные священные тексты вполне оправдан и естественен для христиан и вообще людей с религиозным сознанием (а таких в описываемый период XI в. на Руси было немало). Имеем ли мы право полностью отринуть такого рода восприятие реальности как нечто совершенно незначительное?

В книге содержится немало впечатляющих подробностей из жизни Средневековья. Так, Травин красочно противопоставляет венгров арабам: «Если арабы сформировали очаги высокой культуры в Южной Европе, то венгры отличались, прежде всего, разрушительными набегами. С грозным боевым кличем “hui-hui” они обрушивались на своего противника» (с. 31). Или приводит трагический случай конца XV ст., когда в Остзейском крае немцы сожгли некоего русского за совершение им «содомского греха», чуждого их традиционным ценностям (с. 89–90). Так беспощадно тогдашние европейцы, надо полагать, боролись с тлетворным русским влиянием, развращающим их нравы.

Отдельной линией через всю книгу проходит обращение к истории Новгородской республики, которая представлена как самодостаточное государственное образование. В предисловии автор иронично (?) замечает: «не стоит удивляться, если речь в какой-то момент пойдет о событиях, происходивших в Новгороде, а не

в России» (с. 13). Автор строит свои заключения, основываясь на самом разнообразном материале: хрониках, берестяных грамотах, классических и новейших исторических исследованиях, личных впечатлениях путешественника и проч.

Примечательно, как воспринимали Русь в Европе в XV в. Как пишет Травин, «во Флоренции в Палаццо Веккио в одном из залов представлена любопытная географическая карта Европы. Там на границе с русскими землями располагается “Великое герцогство Новгородское”, а затем следует надпись типа “На Москву — туда” и никаких населенных пунктов. Похожее представление о русских землях демонстрирует Нюрнбергская хроника того же времени. В ней отмечается, что великий князь Иван живет “по ту сторону Новгорода”. Словом, Запад знал лишь тех, с кем торговал» (с. 242). Удивительно и то, что древний Новгород, поставлявший в Европу в основном меха и воск, не мог поставлять соленую рыбу, хотя Северная Русь была рыбой богата, а в Старой Руссе, расположенной недалеко от Новгорода, традиционно добывали соль (с. 244).

А вот и указание на одну из причин российской отсталости: «Главным следствием ограниченных возможностей русской торговли со странами Запада было медленное развитие товарно-денежных отношений, или, точнее, дефицит золота и серебра. Сделки носили порой бартерный характер. Например, за воск или меха немцы расплачивались медью или солью. Оплаты монетами на Руси даже опасались, поскольку считалось, что через них можно заразиться чумой» (с. 247).

В другом месте Травин пишет о торозе модернизации в виде демонстративной незащищенности частной собственности: «Ведь для того, чтобы воспрепятствовать хозяйственному развитию, не обязательно отнимать собственность у подавляющего большинства людей. Достаточно создать в обществе представление, что имущество человека не защищено законом и может быть отнято за какие-то провинности, а то и просто по произволу вождя. В подобной ситуации возникает массовый страх потери собственности, а значит, стремление “спрятаться”, “не высовываться”, “вывести активы”, “уйти в тень”. В современной России, которую сторонники теории власти-собственности относят к восточному типу обществ, перераспределение с формальной точки зрения второстепенно. Большая часть собственников не теряет имущества в результате грубых “наездов” или же передает его иному хозяину добровольно (за выкуп). Но и подобная незащищенность негативно влияет на экономику. Похожим образом обстоит дело практически во всех странах Европы в Средние века» (с. 102–103).

Надо отдать должное автору, что сопоставления России с Западом в его книге далеко не всегда говорят в пользу последнего. Вот, к примеру, что он пишет о насильственном переселении покоренных новгородцев великим князем Иваном III: «Почти сразу же вслед за Францией переселения прошли в Московском государстве, где Иван III покорил Новгород и стал искать способы обеспечить с его стороны послушание. Там депортации новгородцев начались в 1483 г. и шли до 1488 г. Всего

переселили порядка 8000 человек (Зимин 1982: 78–79), что не достигает тех масштабов, которые были у Людовика XI в Аррасе. И тем более не достигает масштабов депортации морисков. Так что “переселение народов” не являлось варварской московской спецификой, как принято порой у нас думать» (с. 107).

Одно из несомненных достоинств труда — сочетание примеров чисто экономической истории и наглядных фрагментов из художественной литературы того времени. Например, рассказывая о борьбе с грехом ростовщичества в средневековой Италии, замедлявшим экономический рост городов, Травин уместно приводит шутку из «Фацетий» Поджо Браччолини, где говорится об одном ростовщике из Виченцы, который «упрашивал местного монаха жестче и красноречивее клеймить ростовщичество для того, чтобы снизить конкуренцию на кредитном рынке» (с. 187).

Заметны в книге и некоторые временные «скачки». Так, автор пишет: «Любопытно, однако, что сегодня именно некоторые западные историки вслед за современными “евразийцами” склонны “минимизировать

ущерб”, нанесенный Руси [набегами монголов]» (с. 62), ссылаясь при этом на книгу британского историка-слависта Джона Феннела «Кризис средневековой Руси», изданную в 1983 г. на Западе и в 1989 г. — в СССР. То есть «сегодняшний день» в исторической науке, надо полагать, подразумевает, с его точки зрения, и исследования почти 40-летней давности. Впрочем, эта мелочь вполне объясняется возрастной дистанцией между мной и автором: я в 1983 г. еще не родился, а Травин уже окончил экономический факультет ЛГУ, где учился на одном курсе с Андреем Илларионовым и Алексеем Кудриным.

В целом книга производит благоприятное впечатление, хотя финал ее остался открытым, ведь развитие России на XVI в. совсем не закончилось, что бы ни говорил в разных интервью и ни писал в публицистических заметках об опричнине популярный современный писатель Владимир Сорокин¹. Впрочем, Д. Я. Травин уже анонсировал продолжение своего труда, так что через какое-то время можно будет поделиться читательским мнением и относительно него.

¹ См., к примеру, недавнее интервью Владимира Сорокина The Financial Time, где он говорит, что «российское государство не очень-то изменилось со Средних веков, со времен Ивана Грозного». <https://www.ft.com/content/1f4bd315-7753-4e7a-be4e-0ea7e31522b9>

К. Келли

ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ ИМПЕРАТОРЫ

Рец.: In the Shadow of the Gods: The Emperor in World History, by Dominic Lieven, Allen Lane
£35/ Viking \$40, 528 p.

Амбициозное исследование Доминика Ливена об императорской власти с момента ее возникновения до схождения с исторической сцены в середине XX в. основано на огромном материале, который организован вокруг нескольких проблем, относящихся к природе монархического правления и к специфике империи. Данная рецензия рассматривает несколько творческих противоречий, свойственных подходу Ливена. Среди них: отказ автора судить прошлое, который сочетается с нежеланием проблематизировать такие понятия, как «модерность» и «интеллигенция»; а также его типологии лидерства, которые, с одной стороны, строятся вопреки общепринятой исторической периодизации, с другой — с большим вниманием к деталям индивидуальных биографий.

Ключевые слова: империя, лидерство, история Евразии, всемирная история, сравнительная история, политическая антропология.

Сведения об авторе: Катриона Келли, ведущий научный сотрудник, в области российских исследований, Тринити колледж, Кембридж, почетный профессор российских исследований университета Кембриджа (Великобритания).

Контактная информация: ck616@cam.ac.uk.

C. Kelly

Rev.: In the Shadow of the Gods: The Emperor in World History, by Dominic Lieven, Allen Lane
£35/ Viking \$40, 528 p.

Dominic Lieven's ambitious study of imperial leadership from its origins to its demise in the mid twentieth century covers a huge range of material, but is held together by a number of questions relating to the nature of monarchical rule and the specificity of empire. This review explores some creative contradic-

tions in Lieven's approach to history, for example, between his refusal to judge the past and reluctance to problematise concepts such as 'modernity' or 'intelligence', and between his interest in typologies of leadership that cut across historical periodisation on the one hand, and preoccupation with the details of individual biography on the other.

Key words: empire, leadership, Eurasia, history of, global history, comparative history, political anthropology.

About the author: Catriona Kelly, Senior Research Fellow in Russian, Trinity College, Cambridge; Honorary Professor of Russian, University of Cambridge, UK.

Contact information: ck616@cam.ac.uk.

Авторизованный перевод с английского С. Е. Эрлиха.

Один из наиболее видных историков предреволюционной России Доминик Ливен никогда не признавал тематических ограничений, накладываемых региональными факторами. Он всегда рассматривал особенности русской истории с точки зрения больших вопросов, среди которых: специфика аристократической идентичности; международные отношения в преддверии, в ходе, и по итогам войн; проблема сущности империи (см. *Lieven* 1989; 2002; 2011). Такая оптика неизбежно требует обращения к сравнительному подходу, который в последнее время у него не только простирается за пределы Западной, Центральной и Восточной Европы, но и обращается к истории Евразии в широком смысле, в частности к Китаю и к Японии. Новая книга профессора Ливена «В тени богов. Особа императора в мировой истории» превосходит по временному охвату его масштабное исследование 2002 г. «Империя: Российская империя и ее соперники», поскольку не только прослеживает соперничество великих держав в эпоху, когда существовала Российская империя, но и рассматривает впечатляющий ряд правлений и правителей на протяжении более четырех тысячелетий. Начиная

с правителя Аккада Саргона, который правил около четырех или пяти десятилетий после 2279 г. до н.э., автор переходит к Ассирии, Персии, древним Греции и Риму, к зарождению Китайской империи, к таким степным императорам, как Чингисхан и Тимур Хромой, к правителям Северной Индии Великим Моголам, а также к «первым вселенским императорам» Карлу V и Филиппу II, к правителям Османской империи, к китайским династиям Мин и Цин и, разумеется, к Романовым и поздним Габсбургам.

Этот ошеломляющий подход ни в коем случае не порождает хаоса в восприятии читателя, т. к. книга строится вокруг одного или, точнее, двух сюжетов: сущности управления и природы правителя. Во вступительной главе «Быть императором» представляются четыре связанных характеристики личности данного типа: его (гораздо реже ее, хотя Ливен уделяет достаточно внимания и правительницам, в той мере, в какой они присутствуют в истории) неотъемлемые человеческие качества (для Ливена даже богоподобным правителям свойственны голод, жажда, сексуальное влечение, болезни и, разумеется, смерть); сущностные черты руководителя; осо-

бенности правления в контексте династической монархии; господство над большой и полиэтничной территорией, т.е. империей. Последующие главы представляют своего рода увлекательную типологию имперского правления в разных местах и в разное время, давая представление о тех вызовах, с которыми такое правление постоянно сталкивается. Согласно Ливену, вызов номер один, с которым гораздо сложнее совладать основателям династий, чем их наследникам, уже располагающим государственным аппаратом, состоит в способности правителей балансировать между необходимостью получать поддержку и угрозой соперничества. Сторонники могут быть куплены представлением им денег, собственности, должностей, но таким образом у них в руках оказываются рычаги, которые могут быть использованы для организации заговоров против императора. Вызовы второго порядка состоят в необходимости манипулировать и умиротворять своих близких: жен, любовниц, близких друзей и прочих приятелей и прихлебателей. Ко времени, когда Ливен добирается до предпоследней главы «Европа накануне Нового времени», отношения с подвластным населением и такими представительными институтами, как ассамблеи или даже парламенты, становятся головной болью монархов.

В описании этой исторической трансформации ощущаются два противоположных направления. Одно из них — принятое Ливеном обязательство рассматривать историю как нечто, не связанное с настоящим. Об этом он пишет в послесловии: «Чтение этой книги ни в коей мере не поддерживает известное настроение возмущаться

тем, что в прошлом не действовали современные политические принципы. Необходимо отставить это возмущение в сторону и стараться понимать прошлое с точки зрения его собственных понятий» (р. 428). Многие из рассматриваемых Ливеном случаев действительно далеки от европейских этических норм XXI в. В частности, описывается безжалостное уничтожение оппонентов, в том числе друзей и членов семьи, ставшее в Османской империи уже обычаем, т.к. там до начала XVII в. сыновья вели между собой кровавые битвы за право наследовать престол умершего императора. Не избегая таких понятий, как «жестокость», Ливен не впадает в моральную сторону анализируемых явлений, и в том, как он трактует дилеммы лидерства, также присутствует некоторая антропологическая отстраненность. В его понимании самодержавное правление обладает простотой, которая отвергается американскими президентами XX и XXI вв., где, как утверждает автор, «императором» является сам американский народ, а выборные руководители США напоминают визирей или премьер-министров при династических императорах.

В этой истории половины мира (это все-таки история Евразии, а не как объявляется в названии — «история всего мира») европейские нормы часто выглядят «самобытными», т.е. имеющими только локальное применение. Ливен не приводит откровенно антимарксистских аргументов, но они угадываются, в частности в комментарии по поводу франкских королей из 10-й главы рецензируемой книги: «“Феодализм” в том виде, в каком он установился в правлении Каролингов, во многом являлся приспособлением

франкских боевых дружин к реалиям эксплуатации и управления оседлым населением». Таким образом, Ливен использует термин «феодализм» не столько как обозначение эпохи общественного развития, сколько в качестве частного решения вечной проблемы, а именно каким образом правитель обеспечивает свою поддержку. Для Западной Европы предоставление земли вассалам играло более важную роль, чем распределение военной добычи или поступлений от налогов, и поэтому «феодальный контракт содержал обязательное условие: только сюзерен, непосредственно участвующий в сделке, мог ожидать верной службы от своего вассала» (р. 184).

Вместе с тем книга не является «антропологической» в полном смысле, т.к. понятие «современный» используется широко и некритически. С одной стороны, Ливен описывает наследственную монархию с релятивистской точки зрения, как возможно лучшее решение в тех исторических обстоятельствах, и вместе с тем он усматривает в ней в высшей степени иррациональную форму правления. Действительно, каким образом можно было гарантировать, что наследник будет компетентным правителем? Ливен справедливо приводит много примеров, когда компетентности не было в наличии, хотя ее отсутствие редко приводило к таким эпохальным последствиям, как в случае Людовика XVI.

Другая особенность, направляющая книгу не просто в неантропологическом, а даже в антиантропологическом направлении, состоит в том, что Ливен проявляет остроумную категоричность как давая характеристики пер-

сонам, так и определяя их типы. Так, Акбар правитель из династии Великих Моголов был, по одобрительному замечанию Ливена, «самым гениальным императором в истории» (р. 249). На другой стороне этой шкалы находится, например, Ибрагим-паша, который во второй четверти XVI в. «устраивал масштабные и дорогостоящие оргии в своем дворце» в Стамбуле до тех пор, пока его «пренебрежение делами и своеволие не привели армию и налоговую систему в состояние хаоса, продолжавшегося несколько лет» (р. 231). Это то, что относится к чертам характера (термин «умный» широко используется как похвала), но в равной мере используются «спрямляющие» реальность формулы типов правления: «бюрократ» (так описывается Людовик XIII, императоры династии Сун и Фридрих II), или как Ливен именует правителей: «исполнительный директор», «король-воин», «ученый», «мистик» и т.д.

В процессе чтения можно словить себя на радостном предвкушении, что же именно Ливен скажет о фигурах (если, разумеется, вообще упомянет, часть правителей, в том числе Анна Иоанновна и Елизавета Петровна, оказались вне его поля зрения), которых он встречает на своем долгом путешествии по истории? Следует отметить, что гораздо больше внимания уделяется Александру I или Иосифу II, как бы реформаторам, чьи амбиции не увенчались успехами, чем Николаю I, правление которого представлено парой отступлений при описании деятельности его брата и предшественника. С точки зрения английской истории обращает внимание почтительное отношение к Филиппу II, который обычно фигурирует в том качестве,

что он четыре года был супругом королевы Мэри I, а впоследствии вдохновителем неудачной попытки вторжения «Непобедимой армады» в Англию в 1588 г. Ливен концентрируется на успешной экспансии Испанской империи в годы правления Филиппа в обеих Америках, представляя его в качестве второго, вслед за Карлом V, «вселенского императора».

Книга Ливена представляет примечательный пример смещения фокуса при взгляде на роль личности и элит, недавно случившегося в рамках исторической дисциплины. Возможно, поворотным моментом стало нахождение у власти Михаила Горбачева, ставшее иллюстрацией того, что эпохальные перемены могут происходить, когда личная власть, видение и решимость счастливо совпадают. Хотя недавнее исследование завершающего этапа советской истории, предпринятое Владиславом Струковым, в общем и целом оказывается, прежде всего, именно биографией Горбачева (*Zubok 2021*), существуют другие работы, которые представляют тогдашнее растущее разочарование не только в рядах представителей так называемой альтернативной, или «второй», культуры, но советской культуры в гораздо более широком смысле. Гласность, собственно говоря, была задумана как способ вновь мобилизовать советское общество, но быстро обернулась широким выражением разочарования, подобным тому, как это было, в гораздо меньшей и в не столь радикальной степени, в годы хрущевской оттепели (*Общественная жизнь... 2011*). Разумеется, во многих случаях, которые описывает Ли-

вен, нам не известно, как подданные реагировали на управление, в этом контексте императоры выглядят более «очеловеченными» в сравнении с массами, т.к. до нас дошли их личные размышления и стремления¹. Но в более поздние периоды оппонентам было что сказать в гораздо большей степени, чем это сообщается в книге «В тени богов», в этом отношении не столько императоры, сколько их подданные оказываются в «тени».

Ливен обрывает свое повествование на 1945 г. Дата, без сомнения, выбрана в связи с тем, что сразу после Второй мировой войны начался распад Британской империи в сочетании с утверждением *Rex Americana*, которому только СССР смел бросать вызов. Наполеон представляет для автора образец императора нового типа: «прагматика и человека порядка, а не якобинца или идеолога», который был воплощен в типе «пророка-харизматика, <...> склонного проповедовать “перманентную революцию”» (р. 373). В то же время беглые сравнения конфликта советских вождей Сталина и Троцкого с противоборством Дара Шукоха и Аурангзеба из династии Великих Моголов (pp. 265–266) позволяют считать, что имперский стиль руководства, как его определяет Ливен, мог существовать и в XX в., и, возможно, позже. На странице 434 присутствует забавное сравнение Дональда Трампа с германским императором Вильгельмом II, согласно которому Трамп разделяет с императором «нарциссизм, ерничество, напыщенность и неспособность держать язык за зубами, <...> но не обладает периодическими проблесками интеллекта,

¹ См. использование Ливеном сочинений, среди прочих Марка Аврелия, Тай-цзуна и Бабура.

которые присутствовали у Вильгельма II, и остатками этических ограничений, приобретенных императором в результате викторианского воспитания». В равной мере побуждают к размышлениям комментарии Ливена в связи с Великими Моголами, относительно «вечных проблем наследования, чрезмерных территорий и влияния стареющих монархов, слишком долго сидящих на троне».

Эти беглые наблюдения указывают на существующее напряжение между заявленным в книге «В тени богов» исследованием особенностей *династического* лидерства и вниманием к *механике* авторитарного правления. Опыт современных «императоров» если и может рассматриваться, то скорее в контексте второй, чем в свете первой из этих проблем. Так Юрий Слезкин в книге «Дом правительства» утверждает, что предвоенная советская элита напоминала не столько партию, сколько религиозную секту и поэтому была приговорена к исчезновению на протяжении жизни одного поколения (Слезкин 2019). Несмотря на некоторую упрощенность своих религиозных аналогий, Слезкин поднимает чрезвычайно важный вопрос: почему авторитарные лидеры прошлого века столь красноречиво провалились с попытками передать свои идеалы и принципы следующим поколениям? Вместо этого смерть или отстранение от власти каждого успешного императора-диктатора приводили к существенным изменениям режима. Было бы несправедливым обращаться с этими вопросами к богатому содержанием исследованию Ливена об «императорах» в традиционном смысле, но среди заслуг книги, несомненно, присутствует и стимул для других историков да-

лее исследовать территории, которые только намечены автором.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Общественная жизнь... 2011 — *Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки, 1985–1991* / под общей редакцией А. Д. Марголиса. СПб.: Серебряный век, 2011.

Слезкин 2019 — *Слезкин Ю.* Дом правительства. Сага о русской революции. М.: Corpus, 2019.

Lieven 1989 — *Lieven Dominic.* Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven: Yale University Press, 1989.

Lieven 2002 — *Lieven Dominic.* Empire: The Russian Empire and its Rivals. New Haven: Yale University Press, 2002.

Lieven 2011 — *Lieven Dominic.* Russia Against Napoleon: The Battle for Europe, 1807–1814. London: Allen Lane, 2011.

Zubok 2021 — *Zubok Vladislav.* Collapse: The Fall of the Soviet Union. New Haven: Yale University Press, 2021.

REFERENCES

Lieven Dominic. *Empire: The Russian Empire and its Rivals.* New Haven: Yale University Press, 2002.

Lieven Dominic. *Russia Against Napoleon: The Battle for Europe, 1807–1814.* London: Allen Lane, 2011.

Lieven Dominic. *Russia's Rulers under the Old Regime.* New Haven: Yale University Press, 1989.

Obshchestvennaya zhizn' Leningrada v gody perestrojki, 1985–1991, pod obshchej redakciej A. D. Margolisa. St. Petersburg: Serebryanyj vek, 2011.

Slezkin YU. *Dom pravitel'stva. Saga o russkoj revolyucii.* Moscow: Corpus, 2019.

Zubok Vladislav. *Collapse: The Fall of the Soviet Union.* New Haven: Yale University Press, 2021.

Н. Н. Морозов

РУМЫНСКОЕ ЗОЛОТО В РОССИИ. ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ, ВЗГЛЯД ИЗ БУХАРЕСТА

Рецензируются книги российского и румынского историков, в которых в широком контексте истории двусторонних отношений рассматривается судьба золотого запаса Румынии и других драгоценностей, переданных на хранение в Россию в 1916–1917 гг.

Ключевые слова: Румыния, российско-румынские отношения, Первая мировая война, золотой запас.

Сведения об авторе: Морозов Николай Николаевич, кандидат филологических наук, корреспондент ТАСС в Румынии.

Контактная информация: morozovvv1952@mail.ru.

N. N. Morozov

ROMANIAN GOLD IN RUSSIA. VIEW FROM MOSCOW, VIEW FROM BUCHAREST

The books of Russian and Romanian historians are reviewed, in which the fate of Romania's gold reserves and other treasures transferred to Russia in 1916–1917 is considered in the broad context of the history of bilateral relations.

Key words: Romania, Russian-Romanian relation, World War I, gold reserves.

About the author: Morozov N.N., candidate of Philological Sciences, correspondent of News Agency TASS in Romania.

Contact information: morozovvv1952@mail.ru.

Почти одновременно, летом 2021 г. в России и в Румынии вышли две книги, посвященные судьбе золотого запаса, который в 1916–1917 гг. был передан Румынским королевством на хранение Российской империи.

Эти книги — «Судьба “румынского золота” в России 1916–2020. Очерки истории» старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН Татьяны Покивайловой (СПб., «Алетейя», 2021) (*Покивайлова 2021*)

и «Судьба золотого запаса Румынии: аргументы из российских архивов» бывшего советника-посланника посольства Румынии в РФ, военного историка, полковника в отставке Илие Скипора (*Destinul tezaurului României. Argumente din arhivele ruse, București, editura Oscar Print, 2021*) (*Schipor 2021*).

Факты вкратце таковы: в годы Первой мировой войны правительство королевской Румынии, которой угрожала германская оккупация всей ее территории, решило передать главные ценности страны на хранение в Россию, которая была ее союзницей по Антанте.

О каких ценностях идет речь? 20 декабря 1916 г. в Москву прибыл первый железнодорожный состав, в котором находились 1738 ящиков с золотым запасом (золотыми монетами и слитками) Национального банка Румынии (НБР) и 2 ящика с драгоценностями королевы Марии. Ящики были помещены в Оружейную палату Кремля.

3 августа 1917 г. в Москву прибыл второй эшелон, в трех вагонах которого были еще 188 ящиков с золотом и другие ценности НБР, а в оставшемся 21 вагоне — ценности Депозитно-ссудной кассы, часть документов из государственных архивов, архивы ряда учреждений и частных лиц, произведения искусства и другие ценные предметы из частных коллекций, ценности из монастырей, редкие книги, рукописи, документы и нумизматические коллекции Румынской академии, Музея древностей, ценности крупных коммерческих банков, соответственно, акции, обли-

гации, депозиты клиентов. Депозитно-ссудная касса — государственный банк, предназначенный для физических лиц, аналогичный российскому «Сбербанку». Ныне называется Касса накоплений и сбережений (*Casa de economii și consemnațiuni — СЕС*).

Согласно официальным документам, заключенным между правительствами России и Румынии, эти ценности находились «под гарантией имперского правительства России в отношении безопасности перевозки, складирования и возвращения в Румынию». Следует уточнить, что документы с описью (инвентарным списком) переданного груза существуют только для золотого запаса НБР, тогда как для остальных ценностей их нет, поскольку погрузка проходила в суматохе.

«Вагоны на вокзале в Яссах, которые должны были отправиться в Москву, брали штурмом политики и особенно их жены, которые желали быть уверенны, что после войны будут иметь весь или почти весь повседневный комфорт, — писал в “Воспоминаниях” румынский историк Александру Лапедату, который сопровождал второй эшелон в Москву. — Они не стеснялись грузить в вагоны ящики с вином, интимным бельем, обувью, посудой, даже маслом, утверждая, что все это были “национальные ценности”».

Согласно румынским источникам, в Москву было отправлено более 90 тонн золота НБР (называются цифры 91,5; 92,5; 93,3 тонны). Возникает вопрос о денежном эквиваленте, при ответе на который наблюдается сильный разброс: например, Чауше-

ску в 1965 г. называл цифру в 150 млн долларов, а некий российский финансовый аналитик молдавского происхождения Сергей Голубицкий, которого цитирует управляющий Национальным банком Румынии (НБР) Мугур Исэреску, говорит о 3,5 млрд долларов. В упомянутой книге Т. Покивайловой указывается, что «румынская сторона требует возврата 93 тонн золота или его денежного эквивалента в размере около 2 млрд евро, что составляет 2% ВВП Румынии». Так или иначе, на заседании российско-румынской комиссии в 2006 г. представитель НБР Кристиан Пэунеску сказал: «Существуют книги с таблицами об обменных курсах, по годам. Можно быстро произвести расчеты на сегодняшний день».

Что касается второго эшелона, то румынский историк Иоан Скурту считает, что «культурные, научные и художественные ценности с уникальными произведениями, которые входят в национальное и мировое достояние», стоят намного больше, чем собственно золотой запас. Согласно записке НБР от 1919 г., пишет он, эти ценности стоили в шесть раз больше, чем запас НБР. «Это означает, что в целом золотой запас составляет 556,5 тонн», — заключает историк.

Во время революции и Гражданской войны часть хранившихся в Кремле сокровищ, в том числе румынских, была временно вывезена из Москвы. Об их дальнейшей судьбе советские и российские историки высказывали различные гипотезы, однако ни одна из версий, с их точки зрения,

пока не нашла окончательного подтверждения.

В период между двумя мировыми войнами, после присоединения Бессарабии к Румынии вопрос о золотом запасе на фоне недружественных отношений между двумя странами постоянно находился на двусторонней повестке дня. После некоторого их потепления в 1935 г. СССР возвратил Румынии главным образом архивные документы вместе с останками молдавского господаря Димитрия Кантемира¹.

После Второй мировой войны, когда побежденная Румыния, которая до августа 1944 г. была союзницей нацистской Германии, оказалась в советской сфере влияния, вопрос о золотом запасе, понятно, не поднимался.

В 1956 г. СССР вернул Румынии исторические ценности национального прикладного, декоративного и изобразительного искусства, в том числе знаменитый археологический клад из Пьетроасэ, включающий четыре золотые фибулы, которые из-за некоторого сходства с птицами получили название «Наседка с цыплятами».

Между тем в 1965 г., т. е. через год после принятия в Румынии так называемой Декларации независимости, которая была сигналом о начале постепенного отхода страны от общей внешнеполитической линии СССР и лагеря социалистических стран, вопрос о румынском золоте неожиданно обрел «вторую молодость».

¹ Об истории с возвращением останков Кантемира «ИЭ» писала в 2017 г. в статье В. Цвиркуна. — *Прим. отв. редактора ИЭ.*

В ходе визита в Москву румынская партийно-правительственная делегация во главе с Чаушеску официально поставила вопрос о возвращении запаса. На кремлевское руководство эти претензии произвели «эффект разорвавшейся бомбы» (Покивайлова 2021). Советская сторона ответила, что считает вопрос закрытым, румынская, однако, снять его с двусторонней повестки дня отказалась.

Проблема отправленного в Россию румынского золота мало известна и мало изучена в России отчасти потому, что уходит корнями в события более чем вековой давности, а отчасти потому, что приобрела со временем деликатный политический характер.

В послевоенной Румынии ее первым затронул историк Ион Калафетяну в 1986 г. в книге «*Politica externă a României. Dicționar cronologic*» (Calafeteanu, Popișteanu 1986); в России первая публикация принадлежит автору этих строк («Румынское золото в подвалах Кремля?») (Морозов 1992).

Между тем многие румынские историки включают проблему золотого запаса в число трех спорных проблем между Румынией и Россией (СССР), которые отравляют двусторонние отношения на протяжении столетий: «бессарабский вопрос», румынское золото и коммунизм, «привезенный в страну в обозе Советской Армии».

В ходе подписания в Москве в 2003 г. политического договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между РФ и Румынией исторические проблемы, в том числе

проблема румынского золота, в соответствии с двусторонней договоренностью, были вынесены за рамки договора. Тогда же была создана совместная Общественная комиссия по изучению вопросов двусторонних отношений, в том числе вопроса о румынском золоте. Комиссия приступила к работе в 2004 г., с тех пор состоялось пять заседаний, которые совсем не сблизили точки зрения российских и румынских участников. Последнее заседание прошло в 2019 г. в Москве, с тех пор работа комиссии по причине или под предлогом пандемии коронавируса застопорилась.

РАЗВЕНЧАНИЕ РОССИЙСКИХ «МИФОВ» О РУМЫНСКОМ ЗОЛОТЕ

Книга И. Скипора «Судьба золотого запаса Румынии: аргументы из российских архивов» — это публикация документов из российских архивов, которую предваряет вводное исследование автора (114 страниц). Ее презентация прошла 16 июня 2021 г. в НБР. Примечательно, что посещение автором шести российских архивов подавалось на ней как своего рода смелая вылазка в лагерь противника.

Центробанк Румынии — хранитель золотого запаса страны и владелец документов, подтверждающих передачу-прием румынского золота, и поэтому НБР энергично добивается его возвращения. «В 1922 году было составлено это досье с оригинальными документами, соглашением между нашим и царским правительством, — заявил управляющий НБР Мугур Исэреску. — Хочу сказать, что

с 1922 года [досье] передается из рук в руки от одного управляющего другому, будучи клятвой, что НБР никогда не откажется от золотого запаса».

«Золотой запас Национального банка Румынии <...> был доверен на основе документов и со всеми гарантиями хранителя — Российской империи, с условием, что будет возвращен в любое время по требованию владельца», однако затем, действительно, «в силу исторических причин, эти обязательства, принятые согласно всем международным нормам и обычаям, не были выполнены», — сказал на презентации Исэреску. Проблема золотого запаса, добавил Исэреску, «остается сегодня столь же актуальной, как и столетие назад».

Процесс вывоза румынских ценностей в Россию Скипор называет в своем исследовании «межгосударственной финансовой операцией, которая была инициирована российской стороной и завершена путем использования всех классических методов дезинформации, запугивания и давления на партнеров по коалиции». По его словам, есть «признаки того, что за кулисами этого “финансового дела” мог быть сам Николай II».

Один из основных тезисов книги гласит, что эвакуация ценностей НБР в Москву была осуществлена под давлением российских властей. Другими словами, правительство Румынии якобы не несет ответственности за принятое им решение отправить золотой запас в Москву.

Далее автор приходит к выводу, что часть румынского золота была вы-

везена из Москвы в октябре 1919 г. и возвращена назад в июле 1921 г. «Десятки документов показывают, что все румынское золото оставалось до осени 1919 года в Москве, откуда часть (эквивалент 99 500 000 рублей, соответственно 84,47 % всей его совокупности) была эвакуирована в октябре 1919 года в Самару <...> и Пермь <...>, а разница (эквивалент 18 300 000 рублей) оставалась в Москве» (доклад [...] от 13 декабря 1919).

Более того, ряд документов Народного банка «показывает, что запас НБР, эвакуированный в Москву (за исключением золотых слитков, которые составляли 0,11 % общей описи), был в целости, так как не вывозился из Кремля до октября 1919 года и, таким образом, не разделил судьбу российского золотого запаса, вывезенного в 1918 году на Урал и затем в Сибирь».

Таким образом, заключает Скипор, «румынское золото не использовалось для уплаты военных долгов (Германии, Австрии, Турции, Болгарии, балтийским странам) и не было потеряно в период временной эвакуации (не попало в руки белых, не было захвачено румынскими или чехословацкими волонтерами в Сибири или еще где-нибудь в России), а постоянно находилось под контролем советской власти».

Темпы расхищения банковского запаса Румынии радикально изменились в последние месяцы 1921 г., отмечает далее автор, цитируя учебное пособие Валентина Катасонова «Золото в истории России: статистика и оценки». В нем указывается, что

с начала 1922 г. «постепенно запас золота и других ценных металлов (Румынии) “перетек” из наркомата финансов в Госбанк, и этот процесс завершился в целом в 1925 году», когда был принят декрет от 9 января 1925 г. об увеличении капитала Госбанка на 100 млн золотых рублей.

«После этой даты, через 7 лет после конфискации румынского золота (13 января 1918 года — 9 января 1925 года) в документах, хранящихся в российских архивах, больше нет прямых и внятных ссылок на фактическое или бухгалтерское существование банковского запаса Румынии, эвакуированного в декабре 1916 в Москву», — подчеркивает Скипор.

Таким образом, резюмирует он, в первые 7 лет советской власти, до декабря 1924 г. большевистский режим растратил почти 70% румынского банковского запаса, переданного на хранение в Кремль, а 9 января 1925 г. Совнарком постановил передать «в основной капитал Госбанка» нерастраченную до того времени часть румынского золота.

Другой тезис автора заключается в том, что как царское правительство, так и большевистский Совнарком были в равной степени воодушевлены идеей присвоить румынское золото. Главные актеры этой «незавершенной румынской драмы», — пишет Скипор, — «тройка» в составе последнего царя России Николая II и двух большевистских вождей, Ленина и Сталина.

В главе «Урезанные возвраты» автор информирует о том, что в 1956 г. «Румынии были возвращены лишь

34,09% культурно-художественных и церковных предметов, изготовленных из платины, золота и серебра, которые были вывезены в Москву в 1917 году». Причем «Румынии не был возвращен ни один из 372 предметов большой ценности из платины (160,027 кг), за исключением двух эталонов, возвращенных в конце 1922 года после вмешательства директора Международного бюро по мерам и тяжестям из Севра». «В 1956 году Румыния получила лишь 0,57% из массы 17 645 предметов из золота, инвентаризованных в 1923–1924 гг., соответственно, 0,91% из 35 511 предметов культурного достояния из серебра и только 3,70% драгоценных камней, переданных в Москву летом 2017 года (263,7 из 7120,125 каратов)».

Итак, главная «добавленная стоимость» исследования Скипора в существующую проблему двусторонних отношений — это выводы о том, что вывоз золотого запаса Румынии в Москву был тщательно спланированной российскими властями во главе с Николаем II операцией и что золото не было потеряно, а было полностью растрчено большевиками.

По жанру текст представляет собой нечто среднее между историко-финансовым расследованием и обвинительным заключением, стилистически и модально он окрашен весьма ярко, изобилует ироническими кавычками, язвительными намеками, саркастическими оборотами. Местами автор впадает в патетический, почти мистический тон, утверждая, что все, кто способствовал в России присвоению румынского золотого запаса, плохо кончили (подразумевается,

что именно по этой причине): «проведенное исследование приводит к выводу, что проклятие румынского золота, отчужденного в славянских краях, преследовало многих из тех, кто в той или иной форме имел отношение к золотому запасу, который не вернулся из Москвы».

Исследование завершает глава «Люди, места и мифы», которая представляет собой своего рода словарь с биографиями царских и советских деятелей, описаниями советских учреждений, а также перечислением ряда «мифов» о румынском золоте, которые автор пытается развенчать. «Многие из мифов, запущенных официальными российскими и советскими историками, продвигались (и еще продвигаются!), письменно или устно, в форме рабочих гипотез, без какого-либо документального обоснования, что грубо противоречит повсюду в мире профессиональной этике служащих Клио», — заключает Скипор. «Румынские историки и эксперты обязаны обеспечить в отношениях с российскими коллегами профессиональный и документированный, научный и этический, честный и смелый диалог с тем, чтобы вместе можно было выбросить на помойку истории мифы о советской судьбе румынского золота, эвакуированного и секвестированного в Москве».

«КТО КОМУ ДОЛЖЕН?»

Книга Т. Покивайловой «Судьба “румынского золота” в России (1916–2020). Очерки истории» — полноценная монография, в которой вопрос о золотом запасе Румынии

впервые в российской научной литературе рассматривается в историческом контексте и в развитии, с использованием многочисленных российских и румынских источников.

Автор отмечает, что история румынского золота после 1918 г. «отмечена отсутствием аутентичных источников и, в связи с этим, многими неясностями».

Ключевой элемент в монографии и, соответственно, в позиции российских историков — российские контрпретензии, о которых в работах румынских историков практически не упоминается. Речь идет, прежде всего, о взаиморасчетах за долги, накопившиеся между двумя странами за годы Первой мировой войны, с явным перевесом в пользу России, а также о захваченном румынами российском, прежде всего, военном имуществе после ликвидации Румынского фронта и в результате занятия Бессарабии. «Эквивалентна ли стоимость румынского золота тому ущербу, который был нанесен России и Советскому Союзу королевской Румынией в ходе двух мировых войн? — задается вопросом Покивайлова. — Иными словами — кто кому должен?»

«На основании постановления правительства от 22 декабря 1917 года (4 января 1918 года) о разоружении российских войск на румынской территории вчерашние “союзники” блокировали передвижение русских полков, разоружали воинские части, захватывали их имущество», — указывается в монографии. «Генералом Щербачевым (фактическим главнокомандующим Румынским

фронтом. — *Прим. авт.*) были сданы на хранение румынам склады русского военного имущества, содержащие огромные запасы оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия, предназначенные для снабжения русской армии». «Занятие Бессарабии румынскими войсками сопровождалось захватом громадного русского военного имущества».

«В сложившихся условиях вопрос о румынском золоте обрел новое звучание», — подчеркивает Покивайлова. Однако не для румынской стороны, для которой все ее требования (отказ от обсуждения «бессарабского вопроса» и вопрос о золотом запасе) «приобретали форму ультиматума в то время, как выдвигаемые российской делегацией вопросы рассматривались румынами как спорные и, по большей части, не заслуживающие обсуждения». Советская же сторона рассматривала вопрос о румынских ценностях как составную часть «комплекса политических, территориальных и других спорных проблем, существующих между Россией и Румынией» и, прежде всего, связывала его с окончательным урегулированием «бессарабского вопроса».

Уже в послевоенный период, в 1965 г. на переговорах в Москве делегация теперь уже коммунистической Румынии вновь поставила вопрос о возвращении золота. «Советское правительство, — пишет Покивайлова, — в сентябре 1965 года сформулировало позицию, которой наша страна придерживается и поныне: отвергает претензии румынской стороны и, в свою очередь, выдвигает контрпретензии». Долг Румынии России

только за неоплаченные поставки оружия, военное имущество русской армии, оставленное на территории Румынии и Бессарабии, составлял 300 млн золотых рублей, что в пересчете равнялось 270 тоннам золота, отмечается в монографии.

«Советское правительство считало так же, как считает правительство РФ сегодня, что вопрос о возвращении румынского золота закрыт и не подлежит дальнейшему обсуждению, — пишет Покивайлова. — Румынская сторона настаивает, что вопрос по-прежнему открыт и, понимая бесперспективность расчетов на получение золотого запаса в благородном металле, требует выплаты денежного эквивалента».

Автор монографии напоминает, что советское правительство пошло на значительные уступки Румынии в вопросе выплаты репараций после Второй мировой войны (300 млн долларов вместо 2 млрд по подсчетам занимавшейся этим комиссии НКВД во главе с И. М. Майским), которые впоследствии были дополнительно сокращены еще почти на четверть. Некоторые источники указывают, что часть румынского золота с согласия союзников пошла на уплату этих репараций, однако этот вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Наконец, в монографии утверждается, что за прошедшее время Румынии по различным okazиям было возвращено из России около 60 тонн золота (только с 1 октября по 4 декабря 1917 г. был возвращен 101 ящик, при этом большая часть золота — 86 ящиков из 101 — после прихода большевиков к власти).

«ОБСУЖДАЙТЕ, ОБСУЖДАЙТЕ ИСТОРИЮ»

Итак, как отмечалось выше, при подписании в 2003 г. российско-румынского базового договора спорные вопросы, в том числе вопрос о золотом запасе Румынии, было решено передать для изучения совместной комиссии историков. Согласно порядку ее работы, по итогам каждого заседания публикуются краткие сообщения, а ее члены не общаются с прессой. Это правило, однако, было серьезно нарушено, когда глава румынской части, историк Иоан Скурту после того, как покинул этот пост в 2012 г., опубликовал в 2014 г. целую книгу («Tezaurul României la Moscova») (Scurtu 2014), в которой поведал о перипетиях работы этой комиссии.

Несовместимость позиций отразилась уже в самом названии комиссии: российская сторона называла ее «общественной», считая, что выводы участников не могут иметь правовой силы, румынская же, наоборот, стремилась придать ей максимально официальный характер с тем, чтобы решение комиссии (естественно, о возврате золота) было юридически обязательным. Хотя комиссия призвана заниматься «изучением вопросов, связанных с историей двусторонних отношений, включая вопрос румынского золота», в Румынии она рассматривается как орган, который занимается исключительно проблемой золотого запаса Румынии.

Возможно, так произошло потому, что глава российской части комиссии академик Александр Чубарьян на первом заседании в 2004 г. до-

вольно опрометчиво, на мой взгляд, согласился на предложение Скурту «начать обсуждение проблем, вытекающих из истории двусторонних отношений, с вопроса о золоте». «У меня гора с плеч упала, — пишет в этой связи последний. — Я боялся, что у Чубарьяна будут замечания, что он потребует рассматривать все проблемы, то есть обсуждать параллельно с золотом и имущество, оставленное русской армией в Молдове в 1917–1918 гг., разрушения, причиненные румынской армией на территории СССР в 1941–1944 гг. и т. д.»

В результате комиссия стала называться, по крайней мере в румынских документах, просто комиссией по золотому запасу, а по возвращении в Бухарест Скурту информировал президента Иона Илиеску, что на ее заседаниях сначала будет обсуждаться проблема румынского золота и лишь после ее решения участники перейдут к другим темам, вытекающим из истории двусторонних отношений.

Конечно, глава румынской части комиссии добросовестно подготовился к полемике с российскими коллегами, запасся собственными контраргументами. «Невозможно установить, какое имущество русской армии осталось на территории Молдовы в 1917–1918 гг. и оценить его, — пишет он в книге. — Нет ясной отчетности материалов и ценностей, которые принадлежали русской армии на фронте в Молдове. Неизвестно, с какими ценностями ушли русские военные, когда покинули фронт, и каково было их состояние: пришли ли они с ними в Россию,

продали их, потеряли их или бросили? Также не существует, потому что их не составляли, протоколов о сдаче-приемке между русскими командирами и румынскими властями, которые могли бы быть изучены и оценены историками. Таким образом, попытка положить на две чаши весов румынский золотой запас, официально перевезенный в Москву на основе документов, имеющих значение договоров, и то, что осталось в результате отступления в полном беспорядке русских военных с территории Молдовы, является, скорее, диверсией».

Скурту считает, что в 2004 г. существовала возможность возвращения части румынских ценностей, которая, однако, была упущена. Так, премьер-министр Адриан Нэстасе в ходе беседы с президентом Владимиром Путиным в июле того года поднял вопрос о золотом запасе. Российская сторона запросила список ценностей, румыны, однако, оказались не готовы к продолжению разговора. Было решено, что этот список будет подготовлен в Бухаресте и передан позднее через посольство. Как сообщил автору этих строк румынский космонавт Думитру Прунариу, который участвовал в этих переговорах в качестве тогдашнего посла Румынии в РФ, упомянутый список так никогда и не был прислан из Бухареста.

В октябре 2004 г., по словам Скурту, в ходе работы комиссии в Бухаресте Чубарьян конфиденциально его спросил, какую значительную часть румынских ценностей российская сторона могла бы вернуть, «чтобы произвести благоприятное впечатление на общественное мнение Румы-

нии». Скурту, однако, ответил, что румынская сторона желает возвращения всех ценностей. В своей книге он теперь называет этот эпизод «упущенной возможностью».

После избрания в конце 2004 г. президентом Румынии Траяна Бэеску румынская сторона, судя по всему, потеряла интерес к возвращению золотого запаса и практически перестала оказывать поддержку двусторонней комиссии, то ли считая вопрос в принципе нерешаемым, то ли его решение нецелесообразным. В свою очередь, отмечает Скурту, российская сторона взяла на вооружение тактику проволочек, постоянно перенося сроки заседаний комиссии, в работе которой в результате возник шестилетний перерыв (2006–2012).

«Заявляя пост президента, Траян Бэеску делал неоднократные заявления о внешней политике, утверждая, что она твердо направлена к НАТО и ЕС, критикуя деятельность России и президента Путина, которые как будто продолжали агрессивный курс времен царя и большевизма, — пишет Скурту. — Согласно этой концепции, любая попытка сближения с Россией была опасна для демократии в Румынии и для доверия к ее внешней политике».

«Самые компетентные и профессиональные дискуссии могли привести к действительно позитивному результату, только если бы существовал благоприятный политический контекст, — продолжает он. — К сожалению, такой политический контекст отсутствовал в 2005 году. Очевидно, это была вина бухарестских официальных лиц, которые делали

заявления, раздражавшие руководство в Кремле. А Путин и его сотрудники не были расположены сделать жест доброй воли по отношению к Румынии, который мог быть истолкован как слабость, как уступка государству, которое ведет себя как придаток США».

Скурту вспоминает, как на приеме в российском посольстве в Бухаресте по случаю национального праздника в 2005 г. глава государства насмешливо сказал ему: «Ну да, обсуждайте, обсуждайте историю».

«Изменение режима в Бухаресте в декабре 2004 года в результате избрания Траяна Бэеску президентом Румынии привело к замораживанию румыно-российских отношений, — считает историк. — <...> В этой глобальной игре Румыния могла бы стать важной фигурой, если бы бухарестские лидеры поняли свою роль. Но они удовлетворились положением незначительного союзника, “маленького светлячка”, которым управляет “большой светлячок” (США. — *Прим. авт.*). <...> Все это было зафиксировано в Кремле и расценено как оскорбление РФ. Реплика не заставила себя ждать: Румыния была снята с дипломатической повестки дня российских официальных лиц, считавших, что она не имеет собственной внешней политики, а проводит политику, которая диктуется из Вашингтона».

ПОЛИТИКА И «ПОЛИТЕС»

Можно представить себе ступор кремлевских руководителей, когда в 1965 г. «младшие братья» из Румы-

нии вдруг предъявили им к оплате счет ни много ни мало в сотню тонн золота! «Коренному пролетарию» Брежневу было трудно себе представить, что он должен расплачиваться за царские долги. Ведь Румыния и СССР в те годы — совсем другие страны, нежели Россия и Румыния в 1916 г., весь мир стал совсем другим.

И советский лидер предложил «похоронить» проблему, исходя из «братской дружбы и сотрудничества» между двумя социалистическими государствами. Непреклонная позиция румын, однако, показывала, что они намерены похоронить скорее как раз эту «братскую дружбу и сотрудничество», поставив двусторонние отношения на прагматичную основу. Более того, вдруг выяснилось, что если, по мнению советских руководителей, СССР помогал развитию Румынии, прощал долги, увеличивал по их просьбе поставки энергоносителей, то румынские лидеры были уверены, что «старший брат» грабил национальную экономику, вывозил природные ресурсы и всячески стремился подчинить Румынию. Мир, таким образом, в очередной раз стал другим!

...Выступая на презентации в НБР, Мугур Исэреску утверждал, что «вопрос технического характера <...> был перемещен в политическую сферу и использован советским правительством как элемент давления в его отношениях с Румынией». Именно так хотелось бы рассматривать проблему румынской стороне — как чисто формальный, абсолютно ясный, технический вопрос, который подлежит немедленному решению

в соответствии с заключенными документами.

Действительно, Брежнев еще в 1965 г. подчеркнул, что «речь идет сегодня не столько о финансовых вопросах, <...> сколько о политических». В 1973 г. министр иностранных дел Румынии Штефан Андрей после встречи с секретарем ЦК КПСС Константином Катушевым сказал, что возвращение золотого запаса может быть реализовано только на фоне улучшения политических отношений между Румынией и СССР.

«Решение вопроса о возвращении румынского золота зависит не столько от научных дискуссий, сколько от политической воли правящих элит», — считает Покивайлова. «В реальности успех или неудача (комиссии) зависели от политического фактора, то есть — от отношений между Румынией и РФ, — согласен Скурту. — <...> Смешанная комиссия была своего рода сейсмографом отношений между Румынией и РФ».

Поэтому можно предположить, что виртуальное возвращение российской стороной золота вовсе не приведет к благодарности и улучшению взаимных отношений, как обещают многие авторы. Скорее всего, в нынешних условиях последует бесконечный торг вокруг конкретных цифр, обменных курсов, набежавших процентов и т.п. с новыми упреками и обвинениями.

По существу вопроса: есть юридические нормы (правила), а есть реальная политика (интересы). Все это хорошо понимают, но некоторые дела-

ют вид, будто им невдомек. На самом деле причины многих политических событий лежат в области интересов и за пределами права. Не все проблемы в мире сегодня решаются, к сожалению, в соответствии с юридическими нормами. Но не Россия придумала правила, по которым живет сегодняшний мир, являющийся, как написал один писатель, «не самым подходящим местом для джентльмена». Россия, как и многие другие страны, вынуждена приспосабливаться к существующей реальности. Поэтому в конечном итоге румынское золото в России сегодня — это небольшое политическое преимущество Москвы в непростых отношениях с Бухарестом.

Кстати, нельзя исключать и того, что в годы Первой мировой войны российские власти, не испытывавшие большого доверия к румынскому союзнику, хотели получить дополнительную гарантию его лояльности в виде золотого запаса. Авторитетный румынский публицист Ион Кристою, комментируя книгу Скипора, вполне резонно пишет: «Русские, хотя и были нашими союзниками, но не доверяли нам, румынам. Как, впрочем, не доверяют и сегодня».

Наконец, кроме политики, есть еще и «политес». Трудно понять, как можно, даже обоснованно, ставить вопрос, решение которого зависит от партнера, если относишься к этому партнеру без должного уважения (материалы румынской прессы о золотом запасе изобилуют такими эпитетами, как «воры», «грабители», «гангстеры»). Для того чтобы вместе сесть за стол и начать разговор, нужно, наверное, сначала создать

для этого благоприятную атмосферу. В противном случае это выглядит как ультиматум, и возникают сомнения в реальном желании румынской стороны решить спор.

Как упоминалось, после избрания президентом Румынии Траяна Бэсеску румынская сторона как будто утратила интерес к проблеме золотого запаса. Суть этого пируэта в румынской позиции заключается в том, что роль страны как постоянного раздражителя России, в частности, на Черном море, а также плацдарма у российских границ гораздо важнее для стратегических партнеров Румынии, чем возвращение ей призрачной сотни тонн золота.

Примерно об этом пишет в своей книге и Иоан Скурту: «Не исключая вмешательства румынских спецслужб, которые, действуя под влиянием ряда политических лидеров, стремились сохранить это разногласие относительно золотого запаса в румыно-российских отношениях, чтобы не допустить политического, культурного, экономического сближения между двумя государствами».

Или: «Определенные политические лидеры были заинтересованы сохранить состояние напряженности (между Румынией и Россией. — *Прим. авт.*), чтобы оправдать необходимость “оси” Вашингтон-Лондон-Бухарест (которую американская администрация и британский кабинет никогда не признавали). А румын-

ские лидеры хотели любой ценой продемонстрировать прозападную ориентацию и антироссийскую позицию».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Морозов 1992 — Морозов Н. Н. Румынское золото в подвалах Кремля? // Совершенно секретно. 1992. № 12.

Покивайлова 2021 — Покивайлова Т. А. Судьба «румынского золота» в России 1916–2020. Очерки истории. СПб.: Алетейя, 2021. 264 с.

Calafeteanu, Popișteanu 1986 — Calafeteanu I., Popișteanu C. (coord.), *Politica externă a României — dicționar chronologic*. București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1986.

Schipor 2021 — Schipor I. *Destinul tezaurului României*. Argumente din arhivele ruse. București, editura Oscar Print, 2021. P. 450.

Scurtu 2014 — Scurtu I. “Tezaurul României la Moscova”. București, Editura enciclopedică, 2014.

REFERENCES

Calafeteanu I., Popișteanu C. (coord.), *Politica externă a României — dicționar chronologic*. București, Editura Științifică și Enciclopedică, 1986.

Morozov N. N. Rumynskoe zoloto v podvalakh Kremlya? “*Sovershenno sekretno*”, 1992, no. 12.

Pokivajlova T. A. *Sud’ba “rumynskogo zolota” v Rossii 1916–2020. Oчерki istorii*. St. Petersburg: AletejYA, 2021. 264 p.

Schipor I. *Destinul tezaurului României*. Argumente din arhivele ruse, București, editura Oscar Print, 2021. P. 450.

Scurtu I. “*Tezaurul României la Moscova*”, București, Editura enciclopedică, 2014.

М. В. Стрелец

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД РОССИЙСКИХ КОЛЛЕГ

Рец.: Хавкин Б. Л., Божик К. Б. Российское зеркало германской истории. XX век. М.: Новый Хронограф, 2021. 384 с., ил.: 16 с.

В 2021 г. в московском издательстве «Новый хронограф» вышла из печати монография профессора РГГУ, д.и.н. Б.Л. Хавкина и преподавателя МГЛУ, к.и.н. К.Б. Божик «Российское зеркало германской истории. XX век». Авторы провели комплексный анализ отражения в зеркале российской исторической памяти тех проблем и событий российско-германской истории XX в., которые ранее находились на периферии исследовательского интереса, либо не включались в исследовательский процесс, либо явно поверхностно изучались. Проблемное поле книги органически вписывается в формирование культуры исторической памяти на всем пространстве Союзного государства Беларуси и России.

Ключевые слова: Германия, Россия, российско-германские отношения, историография, историческая память, имагология.

Сведения об авторе: Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор Брестского государственного технического университета (Беларусь).

Контактная информация: mstrelez@mail.ru.

M. Strelets

FUNDAMENTAL WORK OF RUSSIAN COLLEAGUES

Rev.: Khavkin B. L., Bozhik K. B. Rossijskoe zerkalo germanskoj istorii. XX vek. Moscow: Novyj Khronograf, 2021. 384 p., il.: 16 p.

In 2021, the Moscow publishing house “New Chronograph” published a monograph paper by Professor B. Khavkin and K. Bozhik “Russian mirror of German history. XX century”. The authors made a comprehensive analysis of the reflection in the mirror of Russian historical memory of those problems and events of the Russian-German history of the 20th century that were previously on the periphery of research interest, or were not included in the research process, or were superficially studied. The problematic field of the book organically fits

© М. В. Стрелец, 2022
DOI 10.31754/2409-6105-2022-2-294-305

into the formation of a culture of historical memory throughout the space of the Union State of Belarus and Russia.

Key words: Germany, Russia, Russian-German relations, historiography, the historical memory, imagology.

About the author: Strelets Mikhail V., Doctor of Historical Sciences, Professor of Brest State Technical University University (Belarus).

Contact information: mstrelez@mail.ru.

В 2021 г. в московском издательстве «Новый хронограф» вышла из печати монография доктора исторических наук, профессора Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) Бориса Львовича Хавкина и преподавателя Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), кандидата исторических наук Кристины Богдановны Божик «Российское зеркало германской истории. XX век» (Хавкин, Божик 2021). Монография состоит из введения, одиннадцати глав, заключения, именного указателя. Естественно, именной указатель имеет вспомогательное значение, создавая удобство для читателя. Остальные структурные компоненты имеют научную ценность. В этом убеждает внимательное ознакомление с их содержанием.

Во введении раскрываются актуальность, предмет и объект исследования, его цель и задачи. Авторы объявили о своем намерении провести комплексный анализ отражения в зеркале российской исторической памяти тех проблем и событий общей российско-германской истории XX в., которые ранее находились на периферии исследовательского интереса, либо не включались в исследовательский процесс, либо явно поверхностно изучались. Проблемное поле книги органически вписывает-

ся в Год исторической памяти, который проходит сейчас в моей родной Беларуси.

Основной автор книги — Борис Хавкин. Он написал 10 глав, введение, заключение. Единоличный автор одиннадцатой главы — Кристина Божик. Здесь важно сказать, что, если бы не кончина доктора исторических наук, профессора Ильи Семеновича Кремера, случившаяся в 2020 г., у Бориса Львовича был бы другой соавтор. Оба уважаемых московских профессора в 2018 г. решили написать книгу об отражении в зеркале исторической памяти общности судеб России и Германии. После смерти И.С. Кремера завершала работу над книгой его ученица Кристина Божик.

Книга посвящена светлой памяти Ильи Семеновича. Для ушедшего от нас коллеги разрабатываемая в книге тема имела массу измерений. Значительная часть научного наследия Кремера связана с изучением анатомии германской внешней политики. Активный участник Великой Отечественной войны, он дошел до Берлина. Представитель народа, которого постиг Холокост. В число жертв Холокоста вошли и евреи родного для него Гомеля. (Кстати, из города Рогачева Гомельской области происходят и предки Бориса Хавкина. В книге упоминается его

дед Матвей Павлович Хавкин — советский партийно-государственный деятель, первый секретарь Биробиджанского обкома ВКП(б) ЕАО в 1934–1937 гг.)

Многие годы И. С. Кремер был задействован в институтах гражданского общества, сконцентрированных на российско-германский диалог, был активно вовлечен в общественную дипломатию на германском направлении. Обо всем этом мы говорили с этим человеком во время личных встреч. А их было немало.

Первая глава книги называется так: «“Особые пути” России и Германии, их отражение в культуре памяти».

Нет народа, представители которого не задумывались бы о его уникальной роли и предназначении в истории человечества. Ответов может быть только два: либо наличествует, либо отсутствует «особый путь». Это же касается Германии и России. Их «особые пути» рассматриваются в контексте общности судеб, в жесткой привязке к принципу историзма, с учетом соотношения теоретического и обыденного сознания. «Особый путь» отождествляется с совокупностью жизнеспособных стратегий, призванных обеспечить конкурентоспособность общества. По существу, перед нами мегастратегия.

Стартовая точка дискуссии об «особых путях» — становление государственных, появление социального заказа на формулирование национальной идеи. Борис Хавкин убедительно доказывает следующий тезис: «Россия и Германия, идя своими “особыми путями”, шли навстречу друг другу. При

всех различиях между этими странами, их история тесно переплеталась, давая миру высочайшие примеры взаимного притяжения и отталкивания — от “сходства национальных судеб” (“Schicksalsgemeinschaft”) до двух мировых войн XX в., в которых немцы и русские сошлись в смертельной борьбе» (с. 8–9).

Профессор РГГУ подробно разбирает творческую кухню процесса разработки концептуальных подходов в германском «царстве воздушном мечтательных грез». Алгоритм для этого процесса был задан такой: определить красную линию, за которую не должны заходить идеи особого германского исторического пути. Этот путь должен диалектически коррелироваться с общим германским. Подобная корреляция разнится, когда речь идет о десятках германских государств, о единственном унитарном германском государстве, о единственном федеративном германском государстве.

С российским коллегой можно полностью согласиться в том, что «в наукообразной форме немецкие “мечтательные грезы” выражали направление германской историографии XIX–XX вв. под названием “Deutscher Sonderweg” — “Немецкий особый путь”. Оно состояло не только в поиске особенностей исторического развития Германии; сторонники немецкого “особого пути” пытались обосновать предопределенность развития своей страны историческими травмами, полученными нацией, ее отклонением от “нормального” исторического развития в процессе перехода от доиндустриальной эпохи к индустриальной» (с. 9).

Конечно, если сказал «А», надо сказать «Б». Где же наблюдались подобные отклонения? В процессе формирования гражданского общества и политической нации. Классический вариант формирования: давление масс и социальные революции. Именно он сработал в Туманном Альбионе, а также на родине Вольтера, Дидро, Монтескье. Но отнюдь не сработал на немецкой земле. Все это приобретало плоть и кровь «сверху» в условиях абсолютизма. Представители указанного направления историографии выводили из подобного «своеобразия развития германской нации... особую и неизбывную веру немецкого народа в авторитет государства и личности “сильного” правителя» (с. 9). Исходя из такой констатации, эти идеологи прогнозировали долгосрочные «барьеры на пути формирования либеральной демократии в Германии в процессе и в результате ее объединения под эгидой Пруссии в Северогерманский Союз и затем в Германскую империю (Второй рейх)» (с. 9–10). На подобную концепцию существовал социальный заказ. Она «использовалась при объяснении феномена германского национализма, империализма, тоталитаризма и особенно национал-социализма (Третий рейх)» (с. 10). Московский профессор находит деструктивным стремление авторов концепции полностью исключить классический вариант.

Какова же указанная концепция в интерьере реалий начала XXI в.? Идеологи объединенной Германии никак не видят ее в новых реалиях. Хорошо известно, что «вновь объединенная Германия стала ключевым звеном европейской либеральной

демократии, данная концепция потеряла политическую актуальность» (с. 10). К этому привело срабатывание жизнеспособной мегастратегии.

Конечно, всегда будет необходимость в объективном ретроспективном взгляде на немецкий «особый путь». Это прямая обязанность историков, философов.

А вот в России в очередной раз происходит поиск «особого пути». Современные реалии никак не свидетельствуют о срабатывании жизнеспособной мегастратегии.

Московский ученый показывает, что «в России аналогичные немецким концепции предопределенности исторических судеб, пусть менее обоснованные теоретически и не имеющие единого названия, складывались с начала XIX в., со времен Н. М. Карамзина. Восходящая к Карамзину историографическая традиция весьма популярна в России до сих пор. Причем в ней прослеживается сильное влияние немецкой историософии» (с. 11). Несомненно заслуга Б. Л. Хавкина в пионерском освещении роли идей, заимствованных у немцев, в модернизационных процессах в России. При этом особо выделяются петровская и ленинско-сталинская модернизации. С Борисом Львовичем следует полностью согласиться, когда он пишет: «Западничество Петра I и ленинский завет “учиться у немцев” способствовали модернизации России, достигнутой путем неимоверного насилия над нацией, которого не выдержал бы ни один другой народ: “у немцев шинели не по русской метели”, “что русскому здорово — немцу — смерть”» (с. 13).

Ученый прибегнул к системной задаче немецкого следа в российской историко-философской мысли. При этом демонстрируется четкое различие между теоретическим и обыденным уровнем общественного сознания, между русофилами и русофобами. В монографии читаем: «Немец своим разумом доходит, а русский — глазами». Немцы издавна пытались «понять Россию умом». Эта германская попытка сильнейшим образом повлияла на русскую историко-философскую мысль — от создателей в XVIII в. «норманнской теории» русофилов Герхарда Фридриха Миллера и Августа Людвига Шлецера до отца «научного коммунизма» русофоба и антисемита Карла Маркса» (с.13).

Подкупает желание историка-германиста основательно разобраться в сути «норманнской теории». Ее авторы оцениваются сбалансированно. Сама теория рассматривается и сквозь призму «особых путей».

Что касается используемого в книге в отношении Карла Маркса выражения «отец “научного коммунизма”», то следует отметить такие моменты. Есть ранний Маркс. Есть поздний Маркс. Ранний Маркс глубоко диалектичен в своем восприятии социализма, коммунизма. Он вполне обоснованно называл их движением. У позднего Маркса коммунизм — конечная цель, что, несомненно, антидиалектично. Марксизм существовал, да, пожалуй, и сейчас существует как наука, как идеология, как религия. Беда России в том, что большевики-ленинцы взяли за основу позднего Маркса, марксизм как религию. При том что Маркс открыто выражал

ненависть к России. Поэтому не может не вызывать удивление наличие огромного количества памятников Марксу в родном для Бориса Львовича Отечестве. А сколько улиц, проспектов, площадей в России носят его имя! Будучи евреем по происхождению, он стал антисемитом по убеждению. С 1840-х гг. до настоящего времени на Маркса ссылаются антисемиты всех мастей.

«Во всех проявлениях идеологии “особого пути” как в Германии, так и в России непременно подчеркивались: особая роль верховной власти в управлении страной в противоположность западному демократизму; особая ментальность народа, характеризующаяся извечной и неизбывной его верой в авторитет правителя; особое уважение своей страны к духовной культуре, к “духовности” в широком смысле, как противоположность западному прагматизму» (с. 19).

Конечно, патриотический порыв в связи с вооруженным противостоянием между Антантой и Центральными державами усиливал антинемецкие настроения в России и антироссийские — в Германии. Однако «Первая мировая война не смогла уничтожить германофильство в России и русофильство в Германии» (с. 19).

Б.Л. Хавкин убедителен и оригинален в показе влияния Первой мировой войны на обе страны. Здесь, конечно, в центре внимания — первый опыт демократии. Выясняется причина краха демократических режимов. Корни краха выявляются в перманентном существовании оче-

видных и скрытых противоречий. Ученый подводит читателя к тому, что и в России, и в Германии все шло к возникновению тоталитарных политических режимов.

Конечно, в показе влияния Первой мировой войны на данные страны требуется предельная аккуратность. Здесь историки имеют дело с крайне противоречивым явлением. «И в России, и в Германии эта война расценивалась как начало и прообраз всех катастроф XX в. Большевизм и нацизм были обязаны своим возвышением именно этой войне» (с. 21). Вместе с тем мой российский коллега не видит оснований утверждать, что «цели участников войны выходили за рамки традиционного великодержавного мироустройства. И только режимам, возникшим на развалинах европейского довоенного порядка, предстояло перевернуть все прежние представления о политике» (с. 21).

Б.Л. Хавкин убедительно объясняет, почему «большевицкий режим не только существовал значительно дольше, чем другие революционные режимы современности, но и пережил почти на два поколения тоталитарные системы, возникшие в Европе в XX в.» (с. 22). Для сравнения: нацистский Третий рейх просуществовал 12 лет.

Хорошо известно, что «идеологические различия, в частности нацистский антисоветизм и антисемитизм, не помешали гитлеровцам активно сотрудничать со сталинским режимом в период с 23 августа 1939 по 22 июня 1941 г. — от подписания германо-советского пакта о ненападении и секретного протокола к нему до

нападения Германии на СССР. Это был, по определению Сталина, период “дружбы, скрепленной кровью”, которая, как он полагал, “имеет все основания быть длительной и прочной”» (с. 27–28). Российский ученый прекрасно разобрался в различии между советско-германским договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. и советско-германским пактом о ненападении от 23 августа 1939 г. Он пишет: «Различие огромное. 23 августа Германия еще не напала на Польшу, и формально Советский Союз мог с ней заключать такой пакт, не становясь соучастником, — повторяю, формально, ибо знал о предстоящем нападении на Польшу. 28 сентября все было иначе: Германия была агрессором, и СССР заключал с ней договор о дружбе! Впоследствии Сталин в специальном (и позорном) сообщении ТАСС 29 октября даже подтвердил, что, по его мнению, не Германия, а Франция и Англия начали войну! С агрессором Сталин собирался дружить, хотя и не без корысти» (с. 28).

Главный дипломат нацистской Германии Риббентроп подписывал в Москве оба договора. Рейхсминистр иностранных дел дважды совершал визиты в СССР. У него были встречи со Сталиным и окружением вождя всех народов. Какими ему запомнились советские руководители?

Меня охватывает дрожь, когда я читаю такие строки: «Рейхсминистр иностранных дел вернулся в Берлин с самыми восторженными впечатлениями о Сталине». В своих воспоминаниях Риббентроп приводит высказывание сопровождавшего его в Москве данцигского гауляй-

тера Альберта Ферстера, с которым он полностью согласен: «Я чувствовал себя в Кремле как среди старых “партайгеноссен” (товарищей по партии)». После восхищенных рассказов Риббентропа Розенберг записал в дневнике: «Большевикам уже впору намечать свою делегацию на Нюрнбергский партсъезд» (с. 29).

Сейчас ломается много копий, когда сравнивается идеология возглавляемых Гитлером и Сталиным партий. Современное руководство России категорически утверждает, что правившая в СССР компартия на корню, целиком и полностью, без всяких «но» и «если» отвергала нацизм. Борис Львович убедительно доказывает, что «в идеологии сталинской партии, непримиримой к любому инакомыслию, под влиянием сближения с гитлеровской Германией наметились существенные изменения в сторону ранее невиданной толерантности к нацизму» (с. 29). Мне бы хотелось, чтобы читатели внимательно изучили речь председателя СНК СССР, народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова на Внеочередной пятой сессии Верховного совета СССР 31 октября — 2 ноября 1939 г.: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за “уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за “демократию”» (с. 29).

Создается впечатление, что Москва на многое закрывала глаза ради стратегического союза с нацистской Германией. Разумеется, что тем самым СССР вчистую проигрывал высший суд — суд совести и морали. Это — пятно, от которого сталинский режим не отмоется никогда.

Приведенное «высказывание Молотова полностью соответствовало тогдашней нацистской политической риторике, что с удовлетворением отмечал рейхсминистр пропаганды Й. Геббельс. Высказывания советских руководителей печатала главная нацистская газета “Фелькишер беобахтер”, а приказы Гитлера и речи Геббельса публиковались в органе ЦК большевиков газете “Правда”» (с. 30).

Свертывание антифашистской пропаганды в СССР после договорно-правового оформления его стратегического союза с гитлеровской Германией аукнулось с началом Великой Отечественной войны. Среднестатистический красноармеец не был психологически готов к тому, чтобы убивать немца. Поэтому появился лозунг Ильи Эренбурга: «Убей немца!». Борис Львович подробно излагает, как работал этот лозунг, когда и почему пришлось его снять.

Ученый прослеживает, как «в историографии и массовом историческом сознании ФРГ пробивало себе дорогу осмысление зла, причиненного гитлеровским режимом, признание необходимости искупления преступлений, совершенных немцами против человечности» (с. 40). Автор стремится объяснить, почему все это происходило так медленно. Про-

фессор отмечает, что «восприятие устрашающей правды о “войне на Востоке” вызывало своего рода аллергию и у историков, и у широких слоев населения Германии» (с. 40). Многоплановые долгосрочные последствия имело следующее событие. «Выступая в бундестаге 8 мая 1985 г., президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер подчеркнул ответственность всех немцев за наследие прошлого: “Все мы, виновные или нет, старые и молодые, обязаны принять прошлое. Его последствия касаются всех нас, и мы отвечаем за него. Всякий, кто закрывает глаза на прошлое, становится слепым к настоящему”. Вайцзеккер назвал 8 мая 1945 г. Днем освобождения немцев от человеконенавистнической системы национал-социалистической тирании» (с. 41).

В монографии рассматриваются и ключевые вехи истории Германской Демократической Республики (ГДР) в контексте немецкого «особого пути». Власти ГДР до горбачевской перестройки жестко придерживались лозунга «Учиться у Советского Союза значит учиться побеждать!».

Профессор пришел к выводу, что в современной германской историографии утвердился тезис о том, что «нацистская Германия вела против СССР войну на уничтожение, обусловленную политическими, экономическими и расово-идеологическими факторами». Этот вывод основан на результатах многочисленных фундаментальных исследований германских историков. Причем решающий прогресс в деле «преодоления» нацистского прошлого в ФРГ «был достигнут в пограничной зоне между

историческим знанием и общественным сознанием» (с. 45).

Научная ценность второй главы заключается, на мой взгляд, в том, что в ней убедительно доказано финансирование Германией Октябрьского переворота 1917 г. в России. В рецензируемом труде читаем: «Октябрьская контрреволюция совершена в основном на кайзеровские деньги, полученные в качестве платы за выход России из войны с Германией... Наиболее известным человеком, через которого шло финансирование подрывной работы экстремистской группировки Ленина, был Александр Лазаревич Парвус-Гельфанд... Нам довелось ознакомиться с коллекциями московских архивов — Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), содержащими материалы по исследуемой теме» (с. 55).

В третьей главе раскрыто отношение германской политической элиты к судьбе царской семьи в 1917–1918 гг. Б.Л. Хавкин впервые в российской исторической германистике поставил две проблемы. Одна из них касается предполагаемой взаимосвязи двух политических убийств — германского посла в Советской России графа Мирбаха и последнего российского самодержца Николая II (а также расправы над его женой, их детьми, врачом и слугами). Другая проблема касается непосредственной роли германского посла в получении большевиками «немецких денег» (к январю 1918 г. на поддержку большевиков Германией было выделено 40 млн марок) (с. 94).

Главная научная ценность четвертой главы включает два аспекта. Здесь надо говорить о двух сторонах одной медали. В работе дана исчерпывающая оценка речи Гитлера перед германскими военачальниками от 3 февраля 1933 г. Речь кардинально расходилась со всеми официальными заявлениями миролюбивого характера, сделанными рейхсканцлером с 30 января по 2 февраля 1933 г. «Гитлер выступил перед главнокомандующими сухопутными силами и военно-морским флотом Германии через 4 дня после назначения рейхсканцлером. Следовательно, агрессивные планы Гитлера стали известны военному руководству рейха сразу же после прихода нацистов к власти. Но это лишь одна сторона медали. Другая состоит в том, что 14 февраля 1933 г. конспект речи Гитлера перед генералами был зарегистрирован в Москве в секретариате главы Отдела международных связей Коминтерна и секретаря Исполкома Коминтерна (ИККИ) О.А. Пятницкого. ИККИ, а значит советская разведка, имели о встрече Гитлера с военачальниками подробные сведения. Причем к “утечке” информации из квартиры Хаммерштейна имели отношение дочери генерала Мария-Луиза и Хельга, его адъютант Хорст фон Мелентин и, скорее всего, сам начальник войскового управления сухопутных сил рейхсвера» (с. 122).

В пятой главе показано, каким было истинное отношение Сталина к вождю немецких коммунистов Эрнсту Тельману. Последний с 1933 по 1944 г. находился в фашистских застенках. «19 марта 1940 г. Молотов направил секретарю Сталина А.Н. Поскребышеву для доклада

генсеку немецкий рукописный оригинал и русский перевод письма Тельмана от 5 марта 1940 г., доставленного в советское полпредство в Берлине женой Тельмана. Ознакомившись с посланием председателя КППГ, ожидавшего “активного вмешательства русских друзей” в дело своего освобождения и рассматривавшего СССР как свою “новую родину”, кремлевский диктатор наложил резолюцию: “В архив. И. Сталин”. Эти слова сыграли роковую роль в судьбе Тельмана. Сталин не хотел омрачать советско-германскую “дружбу” просьбой к Гитлеру об освобождении руководителя немецких коммунистов» (с. 137).

Итог исследовательского процесса в рамках шестой главы не может не впечатлять. Проведен комплексный анализ проекта «Биробиджан» и плана «Мадагаскар». Итоговый вывод российского коллеги таков: «Если польско-нацистский план “Мадагаскар” был шагом на пути к уничтожению европейских евреев, то советский проект Биробиджан во время Второй мировой войны объективно способствовал их спасению. В этом их принципиальное различие» (с. 172).

Как можно оценить седьмую главу? В ней показано отражение советско-германских документов 1939–1941 гг. в исторической памяти. Профессор убедительно доказал, что нет абсолютно никаких оснований ставить под сомнение Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24.12.1989 №979-1 «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Два

главных пункта настоящего документа были сформулированы таким образом: «6. Съезд констатирует, что переговоры с Германией по секретным протоколам велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР, эти протоколы были изъяты из процедур ратификации. Таким образом, решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор. 7. Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания “секретного дополнительного протокола” от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания» (с. 189). К сожалению, в последние годы все больше обозначается стремление историков, обслуживающих интересы правящего политического класса Российской Федерации, оправдать действия советской стороны в 1939–1941 гг. В этой связи полезно напомнить обществу факты, которые приводит в монографии Б.Л. Хавкин.

Восьмая глава — это по существу освоение научной целины. Впервые получила столь подробное освещение тема «Национальный комитет “Свободная Германия” и попытка создания германского антигитлеровского правительства на территории СССР». Без всяких купюр показана деятельность Национального комитета «Свободная Германия» (НКСТ) и Союза немецких офицеров (СНО). Автор четко и ясно объясняет отказ

самого высокопоставленного германского военнопленного Паулюса от вступления в НКСТ, раскрывает не известную ранее его связь с СНО. Представляется весьма важным следующий вывод историка: «Осуществленная под видом самороспуска ликвидация НКСТ и СНО на самом деле была реализацией плана Советского правительства, разработанного при поддержке КПГ» (с. 243).

В ходе работы над девятой главой Б.Л. Хавкиным выявлены цели, характер, масштабы сопротивления в рядах вермахта на Восточном фронте. Весьма удачно показана специфика германского военного Сопротивления. «Установлено, что участники германского военного Сопротивления, в основном выходцы из национально-консервативных кругов, по этическим мотивам первоначально никоим образом не отрицали Гитлера, нацизм, войну. Более того, они сначала приветствовали приход Гитлера к власти: на первый взгляд, нацистский диктатор во внешней политике преследовал параллельные национально ориентированным консерваторам цели, а во внутренней — стремился к сильному авторитарному государству. Германское офицерство было далеко от либерализма, демократии и пацифизма» (с. 256).

Десятая глава интересна тем, что в ней сформулирована оригинальная и в то же время убедительная авторская концепция при рассмотрении народного восстания в ГДР 1953 г. Капитально изучены все этапы в развитии историографии проблемы. Исчерпывающе показано состояние источниковой базы.

В одиннадцатой главе основательно выяснена роль Горбачева в объединении Германии. Удачно прослежена борьба мнений в СССР по германскому вопросу на рубеже 1980–1990-х гг. Одни круги заикнулись на «ускоренном объединении Германии» (с. 344). Другие мыслили отжившими категориями, ратуя за «использование военной силы для сохранения ГДР» (с. 344). Я полностью согласен с автором главы Кристиной Божик в том, что «в целом в действиях советского руководства по германскому вопросу (и в реакции на них влиятельной на тот момент части советской общественности) возобладали “перестроечные” тенденции» (с. 344).

Я хорошо помню то время. СССР находился в состоянии системного кризиса. Союз нерушимый республик свободных трещал по швам. Вполне понятно, что в основе действий правящей политической элиты «было желание выйти из системного кризиса» (с. 344). Но как? К сожалению, «путем поспешных шагов навстречу западным партнерам и новым возможностям. Эти намерения сочетались с неумением Горбачева сопрячь переоценку ценностей и масштабные уступки (хотя бы отчасти несомненно вынужденные) с защитой стратегических интересов СССР» (с. 344).

Вместе с тем автор пишет «об искреннем стремлении Горбачева преодолеть наследие “холодной войны” — никогда впредь не видеть Европу полем военного противостояния. Этому способствовало решение “германского вопроса” путем объединения Германии и превращение совет-

ского лидера в “лучшего немца всех времен”» (с. 345).

С интересом читается заключение. Вполне можно согласиться со следующей констатацией: «Украинский кризис и присоединение в 2014 г. Крыма к России привели к сворачиванию германо-российского межгосударственного диалога. Но, к счастью, российско-германский диалог историков продолжается. Германская история, как и прежде, отражается в российском зеркале. В этом отражении мы видим самих себя: наши события, проблемы, судьбы» (с. 347). Символично, что мое очное знакомство с Б.Л. Хавкиным состоялось на солидном научном мероприятии подобной направленности, на котором мы присутствовали в качестве участников. 23–26 октября 2019 г. на базе Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского состоялась Международная научная конференция «Международный диалог историков. Россия и Германия: проблемы межкультурного взаимодействия (1990–2020 гг.)».

В архитектуру монографии органично вписались иллюстрации, полностью занимающие 16 страниц. Хотелось бы также отметить хорошее полиграфическое исполнение и высокий профессионализм московского издательства «Новый Хронограф».

Таким образом, значимость настоящего труда прослеживается по трем позициям.

Во-первых, авторы четко обозначили важные проблемы, над которыми

еще предстоит работать научному сообществу.

Во-вторых, на базе данной монографии вполне можно разработать одноименный спецкурс для студентов исторических факультетов высших учебных заведений, обновив также содержание части лекций, читаемых студентам по общим курсам.

В-третьих, ряд выводов и оценок, содержащихся в монографии, дает основание для внесения корректив

в разделы учебных пособий по всеобщей и отечественной истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Хавкин, Божик 2021 — Хавкин Б.Л., Божик К.Б. Российское зеркало германской истории. XX век. М.: Новый Хронограф, 2021. 384 с., ил.: 16 с.

REFERENCES

Khavkin B.L., Bozhik K.B. *Rossijskoe zerkalo germanskoj istorii. XX vek*. Moscow: Novyj Chronograf, 2021. 384 p., il.: 16 p.

М. М. Минц

Рец.: Донгаров А. Рапалло — Великий перелом — Пакт — Война: СССР на пути в стратегический тупик: Дипломатические хроники и размышления. М.: Первая Образцовая типография, 2020. 439 с.

Рецензируемая книга посвящена внешней политике СССР в межвоенный период, включая советско-германское сотрудничество в 1939–1941 гг. на основе пакта Молотова — Риббентропа. В первой части рассматриваются основные факторы, обусловившие, по мнению автора, советскую внешнюю политику в 1920–1930-е гг., во второй части анализируются конкретные внешнеполитические шаги советского руководства в 1939 — первой половине 1941 г. Работа носит публицистический характер; она может быть полезна для читателя-неспециалиста, но отдельные выводы автора являются спорными.

Ключевые слова: СССР, внешняя политика, советско-германские отношения, пакт Молотова — Риббентропа.

Сведения об авторе: Минц Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Контактная информация: <https://michael-mints.ru>.

М. М. Mints

Rev.: Dongarov A. Rapallo — Velikii perelom — Pakt — Voina: SSSR na puti v strategicheskii tupik: Diplomaticheskie khroniki i razmyshleniia [Rapallo — Great Break — Pact — War: The USSR on the way toward a strategic dead end: Diplomatic chronicles and discussion]. Moscow: Pervaia Obratsovaia tipografiia, 2020. 439 p.

The volume under review deals with the foreign policy of the Soviet Union in the interwar period, including the Soviet-German cooperation in 1939–1941 based on the Molotov — Ribbentrop Pact. The author is analyzing the main foundations of the Soviet foreign policy in the 1920s–1930s in the first part of the book, and describing the practical decisions of the Soviet leadership in 1939 — first half of 1941 in part two. The work is more journalistic than academic; it may be useful for a reader that is not a specialist in the field, but some conclusions by the author are quite ill-founded.

Key words: USSR, foreign policy, Soviet-German relations, Molotov — Ribbentrop Pact.

About the author: Mints Mikhail (Michael), candidate of historical sciences (Ph. D. in history), senior researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION RAN, Moscow).

Contact information: <https://michael-mints.ru>.

Рецензируемая книга Александра Герасимовича Донгарова посвящена внешней политике СССР в межвоенный период, включая причины и последствия советского сближения с Германией в 1939 г., пиком которого стал пакт Молотова — Риббентропа. Работа носит публицистический характер; автор полемизирует с официальной советской концепцией описываемых событий, сохранившей популярность и в сегодняшней России, и предлагает свой собственный взгляд на проблему. Книга состоит из двух частей, в первой из которых (три главы) рассматриваются военные, политические и идеологические соображения, обусловившие советскую внешнюю политику в обсуждаемый период. Во второй части (четыре главы) анализируются конкретные действия советского руководства на различных внешнеполитических направлениях в 1939 — первой половине 1941 г. и их результаты.

Автор приходит к выводу, что советско-германское сближение в 1939 г. не следует рассматривать как пересмотр советской внешней политики. В действительности, по его мнению, эта политика носила прогерманский характер на всем протяжении межвоенного периода, начиная с Рапалльского договора 1922 г. (эта мысль отражена и в заглавии книги). Наиболее активное сотрудничество, в том числе в военной области, имело место в 1920-е гг., но тайные контакты между Москвой и Берлином,

хотя и в ограниченных масштабах, продолжались даже после прихода к власти нацистов (ср.: *Случ* 1995). Вынужденным и временным решением, таким образом, была скорее концепция «коллективной безопасности», на которую советские дипломаты опирались в 1930-е гг., а не пакт Молотова — Риббентропа. Критикуя утверждения советской и современной российской официальной историографии о том, что англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. были якобы сорваны по вине западных держав, Донгаров показывает, что в благоприятном исходе этих переговоров не были заинтересованы обе стороны, но если заинтересованность Лондона и Парижа в заключении соглашения с Советским Союзом заметно выросла по мере углубления международного кризиса, то Сталин в конце концов окончательно утратил интерес к такому соглашению и предпочел заключить договор с Германией как более выгодный.

Анализируя во второй главе книги политические и военные последствия советско-германских договоров 1939 г., автор заключает, что партнерство Москвы с Берлином носило не оборонительный, а экспансионистский характер. Вопреки до сих пор распространенному мнению, пакт Молотова — Риббентропа не только не укрепил, но и серьезно подорвал обороноспособность СССР, который получил прямую границу с нацистским рейхом, никак не обремененную в военном отношении.

Оказавшись практически в положении невоюющего союзника Германии, СССР испортил отношения с западными державами, что в 1940 г. едва не привело к военному конфликту. Советская агрессия против Финляндии и Румынии спровоцировала их присоединение к странам оси, а репрессивная политика сталинского руководства во вновь присоединенных прибалтийских республиках настроила их население против Советского Союза. В свою очередь Германия, которая в 1939 г. еще не собиралась нападать на СССР и серьезно уступала ему в боеспособности, сумела к лету 1941 г. существенно повысить свой военный потенциал. Пакт с Гитлером имел смысл для Москвы только как основа для дальнейшей экспансии в Европе, поскольку привел к ликвидации независимой Польши и втянул Германию в войну с англо-французским блоком.

Донгаров, правда, предполагает, что еще одним мотивом большевистского руководства было сохранение внутривластной стабильности, стремление избежать боевых действий на территории самого СССР из опасения, что в случае иностранного вторжения значительная часть населения (прежде всего крестьяне) может перейти на сторону противника. Само по себе отношение советских граждан к сталинскому режиму в 1930-е гг. и позднее к гитлеровской агрессии — тема чрезвычайно интересная и на сегодня еще малоизученная, однако посвященная данному вопросу третья глава книги выглядит все же слишком поверхностной.

Описывая в четвертой главе отношения между СССР и прибалтийскими

республиками осенью 1939 — летом 1940 г., автор приходит к «рискованному», по его словам, но, видимо, правильному заключению о том, что отношение прибалтийских народов к Советскому Союзу и позже к независимой России, вероятно, было бы иным, если бы Сталин ограничился договорами о взаимопомощи, подписанными в 1939 г., не вмешиваясь во внутреннюю жизнь Эстонии, Латвии и Литвы, и не доводил дело до их аннексии в 1940 г. «Выгода» этой аннексии для обороноспособности СССР на поверку оказалась иллюзорной, т. к. летом 1941 г. германские войска прошли через Прибалтику так же быстро, как и через захваченные в 1939 г. Западную Украину и Западную Белоруссию.

Столь же иллюзорными были и результаты победы над Финляндией в Зимней войне 1939–1940 гг. Как показано в пятой главе книги, условия мирного договора от 12 марта 1940 г. были явно избыточными с точки зрения обеспечения безопасности Ленинграда, но недостаточными для установления полного военно-политического контроля над Финляндией, что серьезно затрудняло восстановление мирных добрососедских отношений между ней и СССР. Более того, своими враждебными действиями по отношению к Финляндии уже после окончания войны, на протяжении всего 1940 и начала 1941 г. (включая противодействие заключению оборонительного союза Швеции, Норвегии и Финляндии, который мог бы гарантировать их нейтралитет), не имевшими и вовсе никакого рационального объяснения, советское правительство буквально не оставляло Хельсинки иного выхо-

да кроме союза с Германией. Результатом стало вступление Финляндии в войну против СССР в июне 1941 г.

Подробно анализируется в книге и балканская политика Кремля в изучаемый период. В целом, по словам автора, она носила крайне непоследовательный характер (вплоть до одновременных взаимоисключающих предложений правительствам различных стран региона), а главное — преследовала заведомо ложные цели, не имеющие отношения к подлинному укреплению безопасности СССР. Главной целью фактически являлось получение контроля над черноморскими проливами; большое значение придавалось также недопущению англо-французского флота в Черное море, возвращению Бессарабии и захвату Буковины. Как следствие, Москва не позволила англо-французскому блоку создать на Балканах дополнительный фронт против Германии, была упущена возможность заключения с Румынией договора о взаимопомощи на взаимовыгодных условиях, а прямым результатом унижительного для Румынии отторжения Бессарабии и Северной Буковины стало ее присоединение к Тройственному пакту и участие в операции «Барбаросса» в 1941 г. Автор напоминает, что за все время войны с Советским Союзом Германия даже не пыталась провести свой флот в Черное море. Утверждение, строго говоря, не совсем верное, поскольку отдельные инциденты с проходом через проливы немецких военных кораблей под видом торговых все же были (Россия и Черноморские проливы 1999: 464–465), но в целом Турция добросовестно соблюдала нейтралитет, так что для борьбы с со-

ветским Черноморским флотом немцы использовали (причем довольно эффективно) прежде всего авиацию. Таким образом, концентрация ресурсов и усилий в предвоенный период на надуманной проблеме проливов привела к вполне реальному и довольно серьезному ущербу для обороноспособности СССР.

Оценивая на этом фоне дальнейшее развитие советско-германских отношений, Донгаров неоднократно подчеркивает, что с геополитической точки зрения пакт Молотова — Риббентропа являлся противоестественным решением. Вывод тем более примечательный, что сегодняшние апологеты Сталина, пытаясь оправдать его политику, довольно часто ссылаются именно на геополитические соображения. Тем не менее этот вывод уязвим для критики, поскольку Сталин, по многим признакам, с конца 1930-х гг. выстраивал свой внешнеполитический курс как раз в геополитических категориях, подменив идею мировой революции территориальным расширением СССР и его сферы влияния. В то же время с точки зрения обеспечения безопасности страны от внешнего врага (т.е. скорее из геостратегических соображений, а не геополитических) рассуждения Донгарова в общем справедливы: попытка сдержать германскую агрессию уже в 1939 г. силами полноценной англо-франко-советской коалиции принесла бы гораздо больше пользы для защиты советских рубежей, но в этом случае Москве пришлось бы ограничить и свои собственные экспансионистские аппетиты.

Интересен также вывод автора о том, что летом 1940 г. в своеобразном

стратегическом тупике оказались обе стороны советско-германского альянса. Советский Союз, исчерпав свои возможности для экспансии в Восточной Европе в рамках пакта Молотова — Риббентропа, столкнулся с неприятной перспективой прямого столкновения с Германией. Но и Германия после триумфального разгрома Франции не сумела вывести из войны Великобританию, что означало для нее не менее тревожную перспективу войны на истощение с экономически более мощным противником и с риском вовлечения в эту войну США, а возможно, и Советского Союза с его огромной сухопутной армией. Гитлер стремился решить эту проблему нападением на СССР, однако с осени 1940 по начало 1941 г. германская дипломатия еще пыталась найти альтернативный выход, предлагая Советскому Союзу присоединиться к Тройственному пакту в качестве невоюющего члена коалиции и принять участие в будущем разделе британского «наследства» в Азии. Сделка сорвалась во многом из-за того, что Сталин в ответ продолжал настаивать (в том числе через Молотова во время его визита в Берлин в ноябре 1940 г.) на включении в советскую сферу интересов Болгарии с правом ввода советских войск на ее территорию и на размещении военных баз в районе Проливов, что было, в свою очередь, неприемлемо для немецкой стороны. Если политика Москвы и имела целью «отсрочку» германской агрессии, заключает Донгаров, то в начале 1941 г. как раз эта возможность и была окончательно потеряна.

Военную политику Сталина в 1939 — первой половине 1941 г. автор описывает лишь вкратце, но

в целом соглашается с тем, что весной 1941 г. в Москве было принято решение о нанесении превентивного удара по Германии, хотя остается лишь догадываться о причинах переноса начала войны с 12 июня (срок, предположительно предусмотренный мартовским стратегическим планом 1941 г.) на более позднее время. Тезис о том, что такое решение вышло лишь в 1941 г. (а не раньше, как считал в свое время не упомянутый в книге В. А. Суворов), выглядит вполне обоснованным, он соответствует доступным на сегодня материалам советского стратегического планирования за 1940–1941 гг. Таким образом, вплоть до конца 1940 г. советское вторжение в Европу фактически откладывалось на после окончания боевых действий между Германией и Великобританией; в результате была упущена благоприятная возможность напасть на Германию в 1940 г., когда ее восточные границы еще не были прикрыты главными силами вермахта. Прямое столкновение с рейхом было признано неизбежным лишь после того, как стало ясно, что выхода Англии из войны в ближайшей перспективе не предвидится, а советско-германские отношения окончательно зашли в тупик. Сталинская внешняя политика, таким образом, оказывается провальной даже в том случае, если оценивать ее с точки зрения не только оборонительной, но и наступательной стратегии. С этим выводом Донгарова сложно не согласиться.

Недостатки книги обусловлены главным образом ее публицистической стилистикой, которая нередко подталкивает автора к явной небрежности (проблема, к сожалению,

вообще характерная для данного жанра). Так, в книге повторяется известное утверждение, что приход нацистов к власти в Германии был результатом целенаправленной политики Сталина (с. 20–21), хотя правильнее говорить о том, что это событие, как и любая другая крупная катастрофа, было обусловлено целым комплексом причин, включая среди прочего особенности политического устройства Веймарской республики, действия финансово-промышленного лобби, позицию рейхспрезидента П. фон Гинденбурга и политические симпатии самих немецких избирателей. Отказ немецких коммунистов от сотрудничества с социал-демократами тоже был в числе этих факторов, но одного этого обстоятельства для назначения Гитлера рейхсканцлером было бы недостаточно.

Автор пишет о заседании Политбюро 19 августа 1939 г. как об установленном факте (с. 33–34), хотя в действительности подлинность опубликованного 28 ноября 1939 г. текста речи Сталина, якобы произнесенной им на этом заседании, оспаривается (см. об этом подробнее: *Случ 2004; Дорошенко, Павлова, Раак 2005*). Понятно, что закрытость архивов усугубляет ситуацию, но мы не можем спрогнозировать, какая именно точка зрения подтвердится в том неопределенном будущем, когда архивы сталинской эпохи будут наконец рассекречены в полном объеме.

В большинстве случаев автор добросовестно подкрепляет свои рассуждения ссылками на источники, однако при внимательном чтении можно отследить места, где такие ссылки отсутствуют, а излагаемый материал

состоит скорее из домыслов, нежели из фактов (см., например, с. 37–39). Следует отметить также, что ссылки в книге даются по нумерованному списку использованных источников и литературы, причем сам список составлен совершенно бессистемно и представляет собой случайную мешанину из библиографических записей. Читателю не составит труда определить, на какой именно источник дается ссылка в том или ином месте в тексте, но с самим списком как с библиографическим пособием работать будет крайне неудобно.

Вторая часть книги написана в целом аккуратнее первой, автор достаточно тщательно выверяет свои выводы, в том числе с опорой на архивные материалы. Тем не менее и здесь есть свои недочеты: к примеру, упоминается как доказанный факт то обстоятельство, что известный инцидент в Майниле 26 ноября 1939 г. являлся спланированной советской провокацией (с. 179–180), хотя вопрос о его виновниках остается предметом дискуссий и достаточно велика вероятность того, что это была все же не провокация, а просто трагическая случайность, которой советское руководство не преминуло воспользоваться в своих целях. Интересно, однако, предположение автора о том, что в Москве Майнильский инцидент первоначально рассматривался не как формальный повод для войны, а скорее как возможность оказать давление на Финляндию с целью вынудить ее возобновить переговоры; окончательное решение о военном вторжении было принято позже.

Книга в целом производит сложное впечатление. С одной стороны,

многие выводы Донгарова достаточно обоснованны, и в каком-то смысле его работа, вероятно, является своевременной, учитывая то, что попытки многочисленных российских сталинистов реабилитировать своего кумира и оправдать проводившуюся им политику становятся в последние годы всё более агрессивными и нахрапистыми. С другой стороны, приведенные выше примеры авторской небрежности подрывают доверие к книге и к содержащейся в ней информации. Специалисту по истории межвоенного периода работа Донгарова вряд ли сообщит что-либо принципиально новое. В то же время для заинтересованного читателя-неисторика она вполне может оказаться полезной, но читать эту книгу следует с осторожностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дорошенко, Павлова, Раак 2005 — *Дорошенко В.Л., Павлова И.В., Раак Р.Ч.* Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 года // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 3–20.

Россия и Черноморские проливы 1999 — Россия и Черноморские про-

ливы (XVIII–XX столетия) / отв. ред. Л. Н. Нежинский, А. В. Игнат'ев. М.: Международные отношения, 1999. 557 с.

Случ 1995 — *Случ С.З.* Германо-советские отношения в 1918–1941 гг.: (Мотивы и последствия внешнеполитических решений): дис. в форме научного доклада по совокупности опубликованных работ ... канд. ист. наук. М., 1995. 50 с.

Случ 2004 — *Случ С.З.* Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113–139.

REFERENCES

Doroshenko V.L., Pavlova I.V., Raak R.CH. Ne mif: rech' Stalina 19 avgusta 1939 goda. *Voprosy istorii*, 2005, no. 8, p. 3–20.

Rossiya i Chernomorskie prolivy (XVIII–XX stoletiya), отв. ред. L.N. Nezhinskij, A.V. Ignat'ev. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. 557 p.

Sluch S.Z. *Germano-sovetskie otnosheniya v 1918–1941 gg.: (Motivy i posledstviya vneshnepoliticheskikh reshenij)*: dis. v forme nauchnogo doklada po sovokupnosti opublikovannykh rabot ... kand. ist. nauk. Moscow, 1995. 50 p.

Sluch S.Z. Rech' Stalina, kotoroj ne bylo. *Otechestvennaya istoriya*, 2004, no. 1, p. 113–139.

В. А. Иванов

ВЕСОМЫЙ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НАЦИЗМА: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ О ЛАГЕРЕ СМЕРТИ ТРЕБЛИНКА

Рец.: Треблинка. Исследования. Воспоминания. Документы / отв. ред. К. А. Пахалюк. М.: Издательский дом «Российское военно-историческое общество»; Яуза-каталог, 2021 688 с.

Рецензируемая книга — результат многолетнего труда коллектива авторов под руководством К. А. Пахалюка и Л. А. Тёрушкина, рассматривает через призму исследований, анализа документов и воспоминаний историю нацистского лагеря смерти Треблинка на территории оккупированной Польши. На примере лагерей смерти, располагавшихся на территории Польши, освещены актуальные темы отечественной историографии. В издании представлены ранее не публиковавшиеся материалы советских следственных органов, наглядно иллюстрирующие природу и характер преступного режима Третьего рейха; показана эволюция концлагеря, от места принудительного содержания до «конвейера смерти», где было уничтожено более одного миллиона человек. Настоящее издание не только будет полезно профессиональным историкам, учителям и краеведам, но может служить наглядным опровержением утверждений тех, кто пытается отрицать Холокост.

Ключевые слова: лагерь смерти, Треблинка, Холокост, Вторая мировая война, коллаборационизм.

Сведения об авторе: Иванов Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ГБУ РК «Центрального музея Тавриды»; отдела «Мемориала жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. Концлагерь Красный»; старший преподаватель кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО РК «Крымского университета культуры, искусств и туризма» (по совместительству).

Контактная информация: slavik1955@mail.ru.

V. A. Ivanov

SIGNIFICANT CONTRIBUTION TO THE STUDY OF NAZI CRIMES: NEW RESEARCH AND DOCUMENTS ABOUT THE TREBLINKA DEATH CAMP

Rev.: Treblinka. Issledovaniya. Vospominaniya. Dokumenty, otv. red. K. A. Pakhalyuk. Moscow: Izdatel'skij dom "Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo"; Yauza-katalog, 2021 688 p.

The book under review is the result of many years of work of the group of researchers under the leadership of K. A. Pakhalyuk and L. A. Terushkin, examining, through the prism of analysis of documents and memoirs, the history of the Nazi death camp on the territory of occupied Poland, Treblinka. The authors raise an urgent problem for Russian historiography — the study of the Holocaust and Nazi genocide during the Second World War on the example of the concentration camps on the territory of Poland that is unfamiliar to the Russian reader. The publication presents previously unpublished materials of the Soviet investigative bodies, which clearly illustrate the nature of the criminal regime of the Third Reich, the evolution of the concentration camp from a place of forced confinement to the “death conveyor”, where more than one million people were killed. This publication will be useful not only for professional historians, teachers and local historians, but can serve as a rebuttal of allegations of all those who are trying to deny the Holocaust.

Key words: Death camp, Treblinka, Holocaust, World War II, collaboration.

About the author: Ivanov Vyacheslav A., SBI RC “Central Museum of Tavrida”, Department Memorial to the victims of the fascist occupation of Crimea 1941–1944, Concentration camp “Krasny”; Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Culturology and Humanitarian Disciplines of the State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea «Crimean University of Culture, Arts and Tourism» (concurrently).

Contact information: slavik1855@mail.ru.

О Холокосте написана масса книг, но в отечественной историографии впервые, под редакцией К. А. Пахалюка и Л. А. Тёрушкина, выходит коллективное издание, посвященное преступлениям нацистов в лагере смерти Трешлинка. О чудовищных преступлениях нацистов говорят и за рубежом, и в России. Однако мало кто знает, что почти 1 000 000 человек здесь были уничтожены примерно за год (лето 1942 г. — лето 1943 г.), причем евреев депортировали с оккупированных территорий

европейской части СССР и стран Западной и Центральной Европы. В различных группах российского общества обсуждение проблемы Холокоста выявило совершенно полярные мнения. Яркой иллюстрацией тому явился произошедший совсем недавно инцидент во время семинара в Ленинградской области¹. К большому сожалению, даже установленная ответственность за отрицание фактов Холокоста не ограничила большое воображение фальсификаторов истории. Поэтому рецензируе-

¹ На отрицавшего Холокост профессора из Петербурга завели уголовное дело. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-56528338> (дата обращения: 15.10.2021).

мая книга служит своего рода предупреждением тем, кто по сей день осмеливается отрицать геноцид, а значит пересматривать результаты Второй мировой войны.

Настоящее рецензируемое издание состоит из трех частей.

В **первом разделе** представлены публикации К.А. Пахалюка, М.Ю. Эдельштейна, освещающие краткую историю лагеря смерти Трешлинка; А.И. Шнейера, дающие представление об обустройстве концлагеря, системе охраны и режиме содержания узников. В тексте использованы воспоминания охранников лагеря, так называемых вахманов-травниковцев (в переводе с немецкого: «охранник», травниковец — учебный центр, где готовили ряд коллаборационистов для охраны лагерей: Трешлинка, Освенцим (Аушвиц-Биркенау), Собибор, Майданек и ряд других. Учебный центр находился на территории оккупированной Польши).

К.А. Пахалюк и М.Ю. Эдельштейн верно отмечают, что изначально Трешлинка (как и многие другие концлагеря) создавался как трудовой лагерь, переданный под юрисдикцию СС в конце декабря 1941 г. (с. 14). Одним из главных инструментов нацистского преступного режима был рабский труд, который должен был сломить физические силы узников, подавить их волю к сопротивлению и обеспечить процветание «истинным арийцам» (с. 16, 19–20). Массовые избиения, голод и расстрелы — именно так выглядела повседневная жизнь в лагере. В очерке рассматриваются также преступ-

ления, совершенные нацистами и их пособниками в отношении девушек и женщин, часть из «которых затем использовалась лагерной охраной для сексуальных утех» (с. 51).

К.А. Пахалюк и М.Ю. Эдельштейн дают и схематическое обустройство лагеря, разделенного на две зоны: административно-экономическую и тюремную (с. 16). Также отмечено, что лагерь смерти Трешлинка не был совсем эсэсовским (с. 18). Особо показано стремление нацистов к грабежу и наживе. Имели место случаи организации различных коррупционных схем. Все эти факты отлично иллюстрируют то, что Третий рейх не только был антигуманистическим, расистским и ксенофобским государством, но и погряз в бюрократии, партократии и взяточничестве (с. 45).

Завершает публикацию К.А. Пахалюка и М.Ю. Эдельштейна рассказ о внутрилагерном Сопротивлении. Детально рассматривается вопрос организации и подготовки восстания узников 2 августа 1943 г. против нацистской администрации. Авторы делают предположение, что восстание 2 августа 1943 г. могло быть успешным, если бы удалось склонить к сотрудничеству или нейтралитету опору нацистов — охранников-«вахманов». Здесь нужно внести некоторые пояснения. По всей видимости, последние опасались мести немцев и реакции местного населения, ненавидевшего оккупантов, поэтому, даже несмотря на взятки и различные посулы со стороны узников, плохо шли на контакт с узниками. Кроме того, в Трешлинке не было такого замечательного организатора,

как Александр Аронович Печерский, поднявший два месяца спустя успешное восстание в лагере смерти Собибор.

Немцам удалось подавить восстание и схватить часть узников, которые немедленно были казнены. Лишь немногие избежали этой участи, сумев скрыться (с. 57–70). Завершает очерк К. А. Пахалюка и М. Ю. Эдельштейна описание судеб нацистов и их пособников, которые предстали перед судом в 1965–1986 гг.

Авторы делают сравнительный анализ отношения общественности к разоблачительным процессам в ФРГ и СССР. Если военные преступники в Германии были приговорены к тюремному заключению и в ряде эпизодов оказались на свободе, то в Советском Союзе для них была уготована высшая мера наказания через расстрел.

В своей статье А. И. Шнеер, PhD in history (Израиль), весьма подробно рассматривает преступления против человечности, совершенные охранниками-вахманами². Он реконструирует портреты убийц, насильников и мародеров. Задавая логический вопрос: «Кто они?»; «Почему «они это делали?», А. И. Шнеер тут же приводит подробный анализ личностных данных охраны лагерей. Выявлено, что вахманов называли обобщающим словом «украинцы», хотя в действительности даже ключевые руководящие должности зани-

мали выходцы из разных этнических групп (с. 80). По его мнению, первыми судебными процессами против пособников врага можно считать военные трибуналы 65-й армии 1-го Белорусского фронта, 2-го Белорусского фронта и 8-й гвардейской армии, происходившие соответственно в октябре 1944 г. — феврале 1945 г. (с. 78). Последний судебный процесс над вахманами прошел в 1988 г. По итогам изучения разоблачительных процессов автор утверждает, что из более 240 вахманов, подвергшихся наказанию, 45 человек были приговорены к высшей мере наказания (с. 97).

Уделяя особое внимание проблеме Холокоста, А. И. Шнеер последовательно описывает процессы прибытия в лагерь, разгрузки вагонов с прибывающими евреями и принудительное размещение узников в бараках (с. 84). При этом он отмечает, что жертвы нацистского режима не мирились со своей судьбой, а по возможности оказывали сопротивление (это, в частности, демонстрирует эпизод с взорвавшейся гранатой (с. 85)). Процесс расстрела жертв нацизма напоминал заводской конвейер и представлял собой технологию, которая применялась во всех лагерях смерти. Узников подводили к краю расстрельной ямы и по очереди расстреливали. Неподалеку организовывали крематорий, где трупы казненных сжигали (с. 86). Другим способом уничтожения узников служили душегубки. Анализируя

² Право на владу. Бабин Яр: тут розстріляли НАС... URL: https://www.youtube.com/watch?v=mMQCfLwkIjI&ab_channel=ТСН (дата обращения: 15.10.2021). В этой передаче А. И. Шнеер дает суммарную оценку израильской историографии о проблеме соучастия граждан Восточной Европы (в том числе бывшего СССР) в трагедии Холокоста, что современными украинскими историками практически нивелируется.

документы судебных процессов над вахманами, А. И. Шнеер раскрывает детали уничтожения евреев: обреченных запускали в помещение, где работали так называемые мотористы (открывались и закрывались вентили, по которым отработанный газ поступал в камеры с обреченными людьми (с. 88)).

Создавая психологические портреты мародеров и убийц, А. И. Шнеер фиксирует, что их верность и преданность германской администрации основывались на животном страхе за свою жизнь. Охранники в любое время могли быть подвергнуты наказанию, а то и ликвидированы за малейшую провинность. Поэтому при малейшей возможности они старались покинуть лагерь (с. 93).

Независимый исследователь С. В. Романов в своей публикации обращается к теме лагеря смерти Трешлинка и фактору отрицания Холокоста, давая решительный отпор так называемым ревизионистам истории. Говоря о псевдокритическом анализе ключевых документов катастрофы, исследователь подчеркивает, как отрицатели фальсифицируют данные, намереваясь убрать ответственность с нацистского тоталитарного режима и переложить ее на страны антигитлеровской коалиции, что само по себе является абсурдом. Автор приводит наиболее значимые (по его мнению) документы. Они свидетельствуют о нацистских преступлениях в Трешлинке. Анализируются следующие документы: расследования судьи Здислава Лукашевича (с. 127), телеграмма от 15 января 1943 г. штаурбанфюрера СС Германа Хёфле оберштаурбанфюреру Францу Хайму

в Краков, дневниковые записи Йозефа Геббельса (с. 128–129), сообщение в военном дневнике оберквартирмейстера военного главнокомандующего в генерал-губернаторстве. Привлечены и материалы Государственного архива Российской Федерации.

С. В. Романов тщательно анализирует позицию отрицателей Холокоста через призму задокументированных показаний о зверствах нацистов. Им подвергаются критике концепции К. Маттоньо, Ю. Графа и Т. Кьюза, позволяющих себе считать, что истребление евреев в газовых камерах являлось историческим мифом, созданным Сталиным (с. 134). Эти псевдоисторики в тщетных попытках дискредитации свидетельских показаний о произошедшей трагедии ставят под вопрос и саму технологию сожжения тел погибших узников концлагеря Трешлинка (с. 137).

Автор выделил несколько категорий свидетелей, показания которых наиболее подходили для фальсификации тех или иных событий:

- 1) удаленные свидетели — непосредственно не находившиеся на месте преступлений, но передававшие искаженную, хотя отчасти верную информацию о происходившем;
- 2) местные польские жители — находившиеся близко от произошедших событий, но не владевшие конкретной информацией;
- 3) евреи — находившиеся в самой зоне уничтожения, являвшиеся непосредственными свидетелями убийства невинных людей;

4) эсэсовцы и охранники-травниковцы — непосредственные исполнители массовых убийств, в большинстве случаев умерщвлявшие своих жертв с помощью газовых камер.

Автор обращает внимание на то, что показания свидетелей и непосредственных палачей, пытавшихся обелить все происходящее в Треблинке, взяты фальсификаторами за основу и подобраны выборочно. По сути, отрицатели пытаются «мнимой дискредитацией отбросить все имеющиеся на сегодняшний день доказательства», — суммирует автор. А это не имеет абсолютно никакого отношения к реконструкции событий трагического прошлого истории Второй мировой войны.

Во **втором разделе** представлены воспоминания Я. Верника и С. Вилленберга. Они последовательно излагают историю нацистского лагеря смерти, с момента создания до его ликвидации. Материалы, переведенные с польского и иврита, публикуются впервые. Они не только убедительно свидетельствуют о размахе нацистских преступлений, но и раскрывают информацию о соучастниках, о всех тех, кого в странах Восточной Европы сейчас пытаются реабилитировать и даже иногда возвести в пантеон национальных героев.

В **третьем разделе** авторами-составителями приводятся материалы советских следственных органов о тревлинских лагерях из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), ранее недоступные отечественной исторической науке. Эти документы освещают масштаб нацистских преступлений и позволяют оценить роль коллаборационистов, выходцев из стран Восточной Европы и СССР, в работе лагеря смерти Треблинка, что полностью парирует попытки отрицателей Холокоста.

Проанализировав опубликованный сборник, можно заключить, что авторы проделали поистине колоссальную работу. Впервые в отечественной историографии они описали в деталях создание, функционирование, систему охраны, механизм уничтожения узников в лагере смерти Треблинка в годы Второй мировой войны. Издание, дополненное массивом впервые опубликованных и ранее неизвестных читателю источников из архивных фондов Российской Федерации, Израиля, Польши, доказывает, что нацистские преступления не имеют абсолютно никаких сроков давности. Память о трагедии Треблинки — это часть российской современной исторической памяти о Великой Отечественной войне и должна быть представлена в ней надлежащим образом.

М. В. Новикова

МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР КАК ЧАСТЬ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПРОЕКТА ВЗАИМНОГО СБЛИЖЕНИЯ

Рец.: Филитов А. М. СССР, две Германии и политика разрядки (рубеж 60–70-х гг. XX века).
М.: Истлит, 2020. 388 с.

Рецензируется книга А. М. Филитова, в которой автор, известный российский историк-германист, подводит итоги более чем полувекковой исследовательской работы по данной проблематике.

Ключевые слова: Московский договор 1970 г., политика разрядки, В. Брандт, Э. Бар, В. Фалин, А. Громыко, отношения СССР – ФРГ.

Сведения об авторе: Новикова Марина Валентиновна, кандидат исторических наук, консультант сектора аналитики и координации общественных проектов департамента социальных коммуникаций и молодежной политики администрации города Нижнего Новгорода; Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского (Нижний Новгород); ст. преподаватель.

Контактная информация: marina.novikova@mail.ru.

M. V. Novikova

THE MOSCOW TREATY AS PART OF THE SOVIET-GERMAN PROJECT OF MUTUAL
RAPPROCHEMENT

Rev.: Filitov A. M. SSSR, dve Germanii i politika razryadki (rubezh 60–70-h gg. XX veka).
Moscow: Istlit, 2020, 388 p.

The book by A. M. Filitov is reviewed in which the author, a well-known Russian historian-Germanist, summarizes the results of more than half a century of research work on this issue.

Key words: Moscow Treaty of 1970, détente policy, Willy Brandt, Egon Bahr, V. Falin, A. Gromyko, the relations between the USSR and Western Germany.

About the author: Novikova Marina V., Cand. in History (Nizhnii Novgorod city administration advisor).

Contact information: marina.novikova@mail.ru.

Автор рецензируемого труда — главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, д.и.н., профессор А.М. Филитов — хорошо известен читателю по его обобщающим работам по историографии холодной войны и истории германского вопроса (Филитов 1991; 1993; 2009). В данной монографии он сосредотачивается на более коротком отрезке истории, и эта концентрация дает ему возможность проникнуть максимально глубоко в рассмотрение крайне важных проблем недавнего прошлого.

Содержание книги выстроено по хронологически-тематическому принципу и состоит из вступления, четырех глав и заключения. Каждую главу предваряет краткий перечень тем, рассматриваемых в ней, что облегчает исследователям поиск необходимой информации. Во вступлении традиционно представлен анализ историографии и источниковой базы. В историографическом обзоре автор не забывает упомянуть работы из всех сегментов: советского, российского, новейших исследований молодых авторов и трудов зарубежных историков. Обращает внимание на то, как менялись акценты в изучении данной проблематики в зависимости от политической конъюнктуры.

Ядро источниковой базы составили архивные документы. Начало нового века стало прорывным в поиске российских первоисточников. Филитов вспоминает о поистине «царском» подарке, который сделал для истори-

ков бывший в тот момент директором Историко-документального департамента МИД РФ П.В. Стегний — досрочно организовавший рассекречивание материалов бесед Громько с Баром (а также некоторых других документов, относящихся к истории советско-западногерманских отношений 1968–1970 гг.).

Среди немецких архивов стоит упомянуть Федеральный архив (Bundesarchiv), где, в частности, впервые был изучен фонд действовавшего в ГДР Статс-секретариата по общегерманским/западногерманским вопросам. Но наибольшую ценность имели источники из Политического архива МИД ФРГ (РААА). И как это часто бывает в исследовательской деятельности, каждый новый документ не только вносил ясность, но и задавал новые вопросы. «Рассекречивание документов в АВП РФ продолжалось такими темпами, что это, парадоксальным образом, все более отодвигало сроки подготовки монографии. Контуры ее вполне определились, но каждый новый документ приоткрывал новую грань исторической действительности, которую следовало осмыслить и включить в изложение, а затем выдавалась новая “единица хранения”, и все повторялось...» — вспоминает автор (с. 18).

Естественно, что только официальными документами источниковый пласт не исчерпывается. Досье газетных публикаций представлено вырезками из «Der Spiegel»

и «Newsweek» за 1970-е гг., свежие номера которых А. Филитов покупал, работая в то время в Египте. И конечно, невозможно представить себе подобную монографию без обращения к мемуарной литературе, учитывая, что накопилась уже приличная библиотека воспоминаний со стороны как немецких, так и российских участников событий (*Громыко* 1988; *Фалин* 2016; *Брандт* 1991; и др.).

Несомненно, сильной стороной монографии является тщательная, можно сказать, детальная проработка источников. Наблюдая за тем, как ученый работает с ними, понимаешь, что он ни на минуту не упускает из вида характер проблем, с которыми приходится сталкиваться исследователю. Официальные документы, как правило, далеко не всегда исчерпывающе представляют ситуацию, в мемуарах история может быть представлена ближе к тому, «как это было на самом деле», но почти с обязательным креном в субъективизм, а подача информации даже в «свободных» СМИ напрямую зависит от редакционной политики и фактора политкорректности. Скрупулезное сопоставление, скорее даже сверка всех видов источников на разных языках, позволяет А. Филитову добиться реконструкции событий, максимально приближенной к истинной.

Остановимся коротко на основных проблемах, поставленных в монографии.

Исходя из названия главы 1 «На подступах к разрядке (1963–1966 гг.)» следует, что в ней анализируются

события, послужившие дальнейшему «потеплению», а значит, определяются и временные рамки, в которых процесс «разрядки» начинает проследиваться. Источниковой основой при написании главы по предыстории разрядки стал комплекс документов, обнаруженный автором в «Фонде архивов партий и массовых организаций бывшей ГДР» в здании Федеральных архивов в берлинском районе Лихтерфельде (SAPMO-BA).

В своих прежних трудах А. Филитов отмечал, что понимание необходимости сотрудничества двух стран, отягощенных памятью о пережитой войне, начинало просматриваться в правительственных кругах К. Аденауэра в конце 1950-х. Это понимание, конечно, было продиктовано не столько желанием положить конец недоверию и враждебности между двумя народами, сколько чистой прагматикой: К. Аденауэру необходимо было решить вопрос с военнопленными в СССР, а немецкому бизнесу — выйти на рынок в СССР и других странах соцлагеря. Но тогда изменить кардинально ситуацию не удалось из-за позиции правого крыла ХДС (*Филитов* 1993).

В данной работе процесс потепления между Западной Германией и Советским Союзом автор рассматривает как конкретный советско-германский проект обоюдного сближения на фоне «разрядки». Выделяет его четкие временные рамки. Исходной точкой он предлагает считать заключение Договора о прекращении ядерных испытаний на земле, под водой и в космическом пространстве, который был подписан в Москве министрами иностранных дел

СССР, США и Великобритании 5 августа 1963 г. «Этот договор сам по себе не означал прекращения гонки вооружений, однако показал саму возможность прийти к какому-то соглашению в этой сфере, открыл путь к последовавшим переговорам об ограничении, а затем и сокращении ядерных вооружений» (с. 35).

Коснувшись оценок ряда стран в отношении этого договора, автор акцентирует внимание на критической позиции ФРГ, сделавшей ее «возмутительницей спокойствия» в Европе. Подробно останавливается на том, каким образом проходило торможение разрядки со стороны правительства Эрхарда — Шредера, как появлялись и реализовывались новые аспекты в политической программе СДПГ, под каким давлением в связи с этим со стороны самых разных кругов оказывается В. Брандт. Какова была роль «фактора ГДР» в процессе европейской разрядки.

Оценивая ситуацию 60-х гг., автор подчеркивает, что «вопрос тогда стоял не о выборе той или иной общественной системы, а о выборе между дальнейшей эскалацией международной напряженности, потенциально грозившей перерастанием в мировой термоядерный конфликт, и ее деэскалацией, достижением определенной стабильности в отношениях Восток — Запад (с. 48).

Позволим себе обратить внимание на один момент в этой главе. Описывая начало избирательной кампании В. Брандта в 1965 г., автор упоминает о «мозговом центре» (по образцу Рузвельта и Кеннеди) лидера СДПГ, в который вошли такие видные пред-

ставители западногерманских интеллектуалов, как писатели Г. Грасс и Г. Белль, и к рекомендациям которых «решительнее отмежеваться от традиционных установок аденауэровской политики, в частности — признать границу по Одеру — Нейсе», он тогда не прислушался. (с. 57–58). Вероятно, здесь автор допускает неточность, Генрих Белль в этот период еще не принимал активного участия в «группе поддержки» Брандта.

У последнего действительно был такой «мозговой центр», сопровождавший его еще с избирательной кампании 1961 г. (Брандт 1991: 283). Гюнтер Грасс вспоминал, что, когда по городу развесили плакаты с Аденауэром и Брандтом, он во время прогулок показывал своим детям на плакат бургомистра Берлина и просил их запомнить это имя, потому что он хочет его поддержать, после чего начал ездить в ратушу, чтобы писать Брандту речи (Грасс 2009: 60). Позднее, окидывая взглядом свое двадцатое столетие, Гюнтер Грасс — сам уроженец Данцига — напишет, что в 1965 г. он был последователен и настойчив в постулировании тезиса о признании границы по Одеру — Нейсе. Повторял его со сцены в каждом своем выступлении в поддержку Брандта, однако не всегда «вслух заявленный отказ от Восточной Пруссии, Силезии, Померании» был по вкусу даже товарищам по партии (Грасс 1999).

Что касается Генриха Белля, то активную поддержку Брандта он начал позже. Победа в выборах в Бундестаг в 1965 г. коалиции ХДС/ХСС правящего канцлера Людвиг Эрхарда повлекла за собой открытую конфрон-

тацию среди писателей, так, Гюнтер Грасс обвинял Белля в политической пассивности (*Белль, Копелев* 2017: 46). И только уже в 1970 г., в письме Копелевым, Белль сообщает о том, что они с В. Брандтом «понравились друг другу», и предупреждает адресатов письма, что теперь он может им вдруг показаться «слишком политичным», потому как он принял решение выступать и представлять (убежденно) Брандта (Там же: 132).

Вторая глава рецензируемого труда называется «Упущенные возможности (1966–1969 гг.)». В ней автор задается вопросами, была ли альтернатива у «большой коалиции»? Какими были позиции Брандта и блока ХДС/ХСС в отношении СССР, какие возникали сложности с Польшей и ГДР, какова роль фактора США?

1 декабря 1966 г. в ФРГ было сформировано новое правительство, которое вызывало противоречивые чувства. С одной стороны, федеральным министром иностранных дел и одновременно заместителем федерального канцлера стал Вилли Брандт, автор и сторонник политики примирения с Востоком. Приход в МИД ФРГ в качестве руководителя отдела планирования Э. Бара давал основания для надежд на то, что его доктрина «Изменений через сближение», наконец, найдет воплощение в реальной политике государства. Но с другой стороны, и здесь сложно не согласиться с оценкой автора, что многое о специфике нового правительства могут сказать такие факты, как то, что впервые главой правительства ФРГ становится человек, верой и правдой служивший гитлеровскому режиму. В отличие

от предшественников, К. Г. Кизингер имел членский билет НСДАП. И то, что в состав правительства вошел Ф.-Й. Штраус, который в свое время, будучи первым министром обороны ФРГ, грозился «стереть Советский Союз с географической карты» и устроил репрессивную акцию против редакторов журнала «Der Spiegel» за критику в свой адрес (с. 123–124).

В своих мемуарах В. Брандт главу, в которой он вспоминает этот период своей политической жизни, назвал «О трудностях корректировки курса» (*Брандт* 1991: 170). Это название вполне соотносится с тем, чему посвящена глава А. Филитова «Упущенные возможности». Восстанавливая общую картину процесса «сближения» СССР и ФРГ, ученый показывает, насколько неравномерным, порой прерывистым был его характер, насколько осторожными выглядели шаги навстречу друг другу, как тщательно взвешивались каждая фраза и решение и как неоднозначно на них могли повлиять факторы США, Польши, ГДР и т. д. Как любая дипломатическая встреча могла быть и шагом вперед, и шагом назад.

И здесь же А. М. Филитов задается вопросом — чем была вызвана задержка в политике разрядки? В научной литературе ответ на этот вопрос звучал неоднократно, повторим его за признанными специалистами по внешней политике ФРГ Н. В. Павловым и А. А. Новиковым, что «ввод войск Варшавского Договора в Чехословакию в августе 1968 года стал тяжелым ударом по разрядке» (*Павлов, Новиков* 2005: 156). Рецензируемый автор

предлагает несколько иную трактовку. Он пишет: «Можно считать известным парадоксом то обстоятельство, что торможение разрядки в отношениях СССР-ФРГ и даже обратный ход в этом процессе начались и достигли своей кульминации в период до упомянутой акции, тогда, сразу же после нее (и не будет натяжкой сказать — в результате нее). Произошло быстрое восстановление этих отношений, подготовившее почву для того прорыва в них, которым стал Московский договор 12 августа 1970 года» (с. 154).

Сложно поспорить с автором, потому как действительно, реакция на подавление Пражской весны была непродолжительна. Складывается впечатление, что социал-демократы были настроены, несмотря ни на что, продолжить курс на нормализацию отношений с Советским Союзом. Или, как цитирует А. М. Филитов одного историка из ФРГ, не скрывающего своих симпатий к В. Брандту, речь шла о том, чтобы, «стиснув зубы» (т. е. воздерживаясь от пропагандистской эксплуатации чехословацких событий. — А. Ф.), продолжить курс на снижение напряженности, поскольку «при тогдашнем соотношении сил, когда существовал Советский Союз», другого пути не было: «альтернативой было бы возвращение к консервативным концептам» — т. е. к обанкротившемуся конфронтационному курсу Аденауэра — Эрхарда. Такой путь был явно непродуктивен, аргументирует автор, и оставалось одно — «ведение переговоров с представителями другой стороны — при всей антипатии, которую они вызывали» (Uschner 1991: 79–80).

Решающим событием в выстраивании новой архитектуры взаимоотношений ФРГ и СССР стало подписание 12 августа 1970 г. Московского договора. Как он вырабатывался, какие препятствия стояли на пути к его подписанию, а затем вступлению в силу, как они преодолевались, как по-разному истолковывались его положения сторонами — исследованию этих вопросов автор посвятил две последние главы монографии: «На пути к Московскому договору (28 октября 1969 — 12 августа 1970 г.)» и «Московский договор: от подписания до вступления в силу (12 августа 1970 — 3 июня 1972 г.)».

Позволим себе еще раз вернуться к мемуарам В. Брандта. Главу воспоминаний о времени своего канцлерства он назвал «Уж если разрядка, то ее должны сделать мы» (Брандт 1991: 187). Такая возможность у лидера СДПГ появилась осенью 1969 г., когда по результатам выборов было сформировано правительство социал-либеральной коалиции. Нижнюю временную рамку исследований третьей главы А. М. Филитов определяет 28 октября 1969 г., в этот день спустя месяц после выборов В. Брандт выступил с первым программным документом своего правительства, после чего началась напряженная политическая дискуссия на пути к договору, носившая поначалу конфронтационный характер. Источниками для реконструкции событий в этой главе служат главным образом информационные материалы советских дипломатов, действовавших на германском направлении. Малейшие нюансы поиска компромиссных формул автор демонстрирует, анализируя материалы бесед Громыко — Бар

и Фалин — Бар. Сопоставляя тексты немецких и советских источников, А. Филитов раскрывает, как лавировали участники переговоров, пытались сохранить репутацию в глазах своих партнеров и «примирить» директивы будущих договоров с жесткими позициями европейских и американских союзников и настороженным взглядом восточных немцев. Так, из документов советской стороны исчезли фрагменты, которые могли бы «задеть» руководство ГДР. Из немецких — то, что могло бы не понравиться западным коллегам.

В четвертой главе А. М. Филитов задается вопросами, связанными с причинами задержки ратификации договоров на два года. Пытается понять мотивы тех сил, которые выступали против нормализации отношений между Западной Германией и СССР. В первую очередь, по его мнению, это консервативные силы в США и ФРГ, пытавшиеся застопорить ратификацию методом «увязок», навязывая в единый пакет не имевшие отношения друг к другу вопросы. Поэтапно прослеживает действия советской стороны по преодолению противодействия.

Обмен ратификационными грамотами между СССР и ФРГ в итоге состоялся 3 июня 1972 г. В Берлине в это время был подписан заключительный протокол четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. Оба документа вступили в силу одновременно. По мнению автора, в победе сторонников разрядки международной напряженности существенную, если не определяющую роль сыграла последовательная линия советской дипломатии,

сочетавшая в себе принципиальную твердость с тактической гибкостью (с. 345).

Итак, резюмируем свои впечатления от книги А. М. Филитова «СССР, две Германии и политика разрядки (рубеж 60–70-х гг. XX века)». Безусловно, что работы этого ученого представляют собой значительное явление современной историографии российской германистики. При этом сразу отметим, что последний труд — это не собрание прежних статей под одной обложкой. Скорее, это одна из первых российских монографий, которая на таком обширном источниковом материале дает сбалансированную и детальную оценку роли Московского договора в контексте политики разрядки. Есть ли в ней что-то, чего не хватило нам после ее прочтения для получения полной картины произошедших событий? Есть. Мы бы сказали, что не хватило более обстоятельного рассмотрения состояния общественного мнения в ФРГ и СССР по отношению к советско-германскому проекту взаимного сближения. Нельзя сказать, что автор совсем не коснулся этой темы, но, скорее, «по касательной». Есть, конечно, в монографии ссылки на публикации в западногерманской прессе, которые представляют интерес. Например, вот что писал один из самых популярных западногерманских еженедельников в день, когда стартовал последний раунд советско-западногерманских переговоров:

«Сейчас, как представляется, для соглашения между немцами и русскими, налицо самый благоприятный момент. Правда, на Западе по-прежнему на старый манер Кизингер от

ХДС и Штраус от ХСС вопят об “отступниках” и “предательстве”, правда, шпрингеровская “Die Welt” отстрелялась целой серией статей о якобы грозящей утрате безопасности для всех и вся, правда, анонимные противники боннской восточной политики выдали “Bild” и “Quick” тексты достигнутых в Москве договоренностей.

Однако, поднять что-то вроде народного движения протеста против соглашения с Москвой ныне, в году 1970-м, не получается. Аналитики считают, что плохие результаты партий правящей боннской коалиции на трех выборах в ландтаги объясняются скорее отсутствием их активности в области экономической политики, чем их активностью в восточной политике»¹ (с. 274).

Коротко А.М. Филитов поясняет, как обстояли дела с общественным мнением в СССР: «То, что у нас называлось “марксизмом-ленинизмом”, создало своего рода “железный штамп”: если та или иная капиталистическая страна пошла на какую-то договоренность со страной социалистической, то это потому, что она испытала на себе давление масс, которые ничего другого не желали, как дружить с оплотом мира и прогресса в лице социалистического содружества во главе с Советским Союзом» (с. 349).

Согласимся с тем, что рассмотрение этой проблематики не входило в задачи автора, но все-таки позволим себе несколько замечаний по поводу того, что все было несколько сложнее

с общественным мнением в СССР. Например, в кругах диссидентствующей интеллигенции мнения полярно расходились в оценках «советско-германского сближения на высшем уровне».

Так, например, Лев Копелев, с большой симпатией относившийся к Вилли Брандту, возлагал на подписание договора большие надежды в том плане, что это приведет к изменению отношения советских властей к диссидентам. В письме к Генриху Беллю 16 сентября 1970 г. он писал: «Надеемся, что теперь, после пакта, до вас дойдут и картины Бориса (речь идет о запрещенном в СССР художнике Борисе Биргере, творчество которого нравилось Г. Беллю. — М.Н.)» (Белль, Копелев 2017: 129). И позже опять возвращается к этой теме: «Теперь, когда все договора подписаны, можно надеяться на более частые встречи с вами, а если какой-нибудь известный человек замолвит словечко, то можно даже попытаться спланировать частный, то есть совершенно частный визит к вам» (Там же: 171).

Совсем другими по тональности были высказывания Владимира Максимова. В письме к Г. Беллю он назвал Брандта «посредственным апологетом нового Мюнхена, считающим себя великим политиком», и перечислил имена диссидентов, которые, по его словам, находились под растущим давлением властей в то время, когда западные правительства улучшали свои политические и экономические отношения с Советским Союзом (*Shabad* 1973).

¹ Der Spiegel. Nr. 31/1970. S. 70.

Сразу оговоримся, что наши замечания никак не влияют на общее впечатление от новой книги А. М. Филитова, скорее их можно рассматривать как пожелания для дальнейших изысканий по данной тематике. Мы начали с того, что монография подводит черту многолетним исследованиям ученого, но это не значит, что ставит в них точку. Тем более что та всегда легко может превратиться в многоточие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белль, Копелев 2017 — Георгий Белль, Лев Копелев. Переписка. 1962–1982. 2017.

Брандт 1991 — Брандт В. Воспоминания. М., 1991.

Грасс 2009 — Грасс Г. Фотокамера. М., 2009.

Громько 1988 — Громько А. А. Памятное. Кн. 1–2. М., 1988.

Павлов, Новиков 2005 — Павлов Н. В., Новиков А. А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра и Шредера. М., 2005.

Фалин 2016 — Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания. М., 2016.

Филитов 1991 — Филитов А. М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М., 1991.

Филитов 1993 — Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению: новое прочтение. М., 1993.

Филитов 2009 — Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2009.

Grass 1999 — Grass G. Mein Jahrhundert. 1999.

Shabad 1973 — Shabad Theodore. Soviet Dissident says Brandt Appeases east. The New York Times. Aug. 10, 1973.

Uschner 1991 — Uschner M. Die Ostpolitik der SPD. Sieg und Niederlage einer Strategie. Berlin, 1991.

REFERENCES

Bell G., Kopelev L. *Perepiska 1962–1982*. Moscow, 2017.

Brandt W. *Vospominaniia*. Moscow, 1991.

Grass G. *Fotokamera*. Moscow, 2009.

Gromyko A. A. *Pamyatnoye*. Kn. 1–2. Moscow, 1988.

Falin V. M. *Bez skidok na obstoyatelstva: politicheskie vospominaniia*. Moscow, 2016.

Filitov A. M. *“Holodnaya vojna”: istoriograficheskie diskussii na Zapade*. Moscow, 1991.

Filitov A. M. *Germaniskij vopros: ot raskola k ob’edineniyu: novoe prochtenie*. Moscow, 1993.

Filitov A. M. *Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii*. 1941–1990. Moscow, 2009.

Pavlov N., Novikov A. *Vneshnyaya politika FRG ot Adenauera do Shredera*. Moscow, 2005.

Shabad Theodore. *Soviet Dissident says Brandt Appeases east*. The New York Times. Aug. 10, 1973.

Uschner M. *Die Ostpolitik der SPD. Sieg und Niederlage einer Strategie*. Berlin, 1991.

А. С. Стыкалин

Рец.: Таки В. Россия на Дунае. Империя, элиты и политика реформ в Молдавии и Валахии. 1812–1834. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 440 с.

Предметом настоящего обзора является монография, посвященная взаимоотношениям между российскими дипломатами и военными, с одной стороны, и боярами Молдавии и Валахии, с другой, в первой трети XIX в. Представители Российской империи стремились поставить княжества под контроль, тогда как их боярские элиты заботились о сохранении традиционной автономии. На эти противоречия сказывались также борьба между европейскими державами за влияние в балканской части ослабевающей Османской империи и зарождение румынского национализма. Реформы, осуществленные русской военной администрацией во главе с графом П. Д. Киселевым, внесли немалый вклад во всестороннюю модернизацию Дунайских княжеств и заложили основы будущего румынского национального государства, хотя и не были по достоинству оценены румынской элитой XIX в.

Ключевые слова: русско-турецкие войны, Османская империя, политика Российской империи на Балканах, Александр I, Николай I, граф П. Д. Киселев, Молдова, Валахия, румынский национализм, реформирование Дунайских княжеств.

Сведения об авторе: Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Славяноведения РАН.

Контактная информация: zhurslav@gmail.com.

A. S. Stykalin

Rev.: Taki V. Rossiya na Dunae. Imperiya, elutyi i politika reform v Moldavii i Valahii. 1812–1834. Moscow: NLO, 2021. 440 p.

The subject of the review is a monograph paper which reconstructs the relationship between Russian diplomats and the military, on the one hand, and the nobles of Moldavia and Wallachia, on the other, in the first third of the 19th century. Representatives of the Russian Empire sought to put the principalities under control, while their noble elites took care of maintaining traditional

autonomy. These contradictions were also affected by the struggle between European powers for influence in the European part of the weakening Ottoman Empire and the emergence of Romanian nationalism. The reforms carried out by the Russian military administration headed by Count P. D. Kiselev made a significant contribution to the comprehensive modernization of the Danubian principalities and laid the foundations for the future Romanian national state, although they were not appreciated by the Romanian elite of the 19th century.

Key words: Russian-Turkish wars, Ottoman Empire, policy of the Russian Empire in the Balkans. Alexander I, Nicholas I, Count P. D. Kiselev, Moldova, Wallachia, Romanian nationalism, reformation of the Danube principalities.

About the author: Stykalin A., Cand. Sc., Coordinating researcher, Institute of Slavic Studies, RAS.

Contact information: zhurslav@gmail.com.

Представленная в настоящем обзоре книга Виктора Таки, работающего в Канаде молдавского историка, уже завоевавшего авторитет в профессиональной среде своими исследованиями о политике Российской империи на юго-западных окраинах и по проблемам балканской истории в Новое время, а также исторической имагологии (*Кушко, Таки 2012; Таки 2017*), посвящена кругу сюжетов, хотя и неоднократно привлекавших внимание отечественной историографии, но требующих переосмысления на современном уровне исторического знания. Она написана в развитие англоязычной диссертации (PhD), выполненной в 2000-е гг. в будапештском Центрально-европейском университете под руководством известного американского историка-русиста А. Рибера. Само название книги вызывает ассоциации с опубликованной в 1913 г. известной специалистом монографией Л. А. Кассо «Россия на Дунае и образование Бессарбской области», что в данном случае свидетельствует, впрочем, не о преемственности подходов, а лишь о том, что многие рассматриваемые в монографии сюжеты не утратили за прошедшие бо-

лее чем 100 лет своей научной актуальности.

Стремление обеспечить безопасность южных пределов Российской империи от набегов крымских татар (вассалов турецкого султана) повлекло за собой серию русско-турецких войн, в результате которых Россия уже в эпоху Екатерины II установила контроль над Крымом и всем северным побережьем Черного моря, что на фоне ослабления Османской империи усилило ее позиции как внешнеполитического игрока в Восточной Европе и одновременно повысило значимость балканского вектора во внешней политике Петербурга. С одной стороны, с закрытием своего южного, степного фронта Российская империя достигает в юго-западном направлении своих естественных пределов и дальнейшее ее продвижение на Балканы было чревато конфронтацией уже не только с Турцией, но и с другими державами (Австрией, Британией), имевшими свои интересы в Юго-Восточной Европе. С другой стороны, сохраняла актуальность задача укрепления российского политического влияния в регионе в целях

укрепления юго-западных рубежей державы. О том, какое значение придавалось в Санкт-Петербурге ее успешному решению, можно судить хотя бы по тому, что низложение Османами господарей привело в 1806 г. к новой русско-турецкой войне, продолжавшейся 6 лет и завершившейся в 1812 г. Бухарестским миром, по которому Российская империя осуществила за счет половины Молдавского княжества и ряда турецких райй свое последнее существенное территориальное приобретение на юго-западе — междуречье Днестра и Прута, со временем трансформировавшееся в Бессарабскую губернию империи.

После 1812 г. ключевым направлением российской политики на юго-западном направлении становится установление и обеспечение своего протектората над Молдавией и Валахией. С момента своего возникновения в XIV в. эти княжества (даже в период наивысшего расцвета молдавской государственности при Стефане Великом, годы правления 1457–1504) составляли пограничное пространство, становясь объектом борьбы за влияние более сильных соседей — Византии (до 1453 г.), Венгерского королевства (распавшегося в 1526 г. под натиском Осман), Речи Посполитой и, наконец, Османской империи, в орбиту которой Молдавия и Валахия вошли в XVI в. и оставались в ней фактически вплоть до конца 1870-х гг. При этом они сохраняли автономию, собственное законодательство и войска, институциональное своеобразие. Их вассальные обязанности перед Портой сводились к участию на ее стороне в военных действиях и выплате большой дани. Княжествам удалось даже

обойтись без исламского влияния — при очень сильной православной церкви, связанной многими узами с греческим духовенством, мусульмане не могли здесь приобретать земли и строить мечети. Правда, после неудачного Прутского похода Петра I, попытавшегося бросить вызов османскому влиянию, Порты ужесточает контроль и на смену господарям местного происхождения приходят часто менявшиеся назначенцы Константинополя — плохо укорененные в местной среде греки-фанариоты. Накладываются новые ограничения в сфере внешней политики и внешней торговли, ограничивается численность местных войск. Однако и правление фанариотов несколько не ослабило, а скорее укрепило своеобразие Валахии и Молдавии среди других османских владений. Одной из специфических особенностей княжеств являлось сильное боярство, компенсировавшее слабость господарской власти.

По мере ослабления Османской империи (поражение 1683 г. под Веной, включение Трансильвании в состав Габсбургской монархии) создаются объективные предпосылки для усиления в княжествах позиций других держав (в том числе, несмотря на неудачу Прутского похода, и России) и, соответственно, борьбы за влияние. Уже в XVII в. в составе молдавского боярства и особенно духовенства образуется сильная промосковская партия, поддерживаются активные церковные связи. По справедливому замечанию В. Таки, «православные подданные султанов стали воспринимать московских царей в качестве своих заступников задолго до того, как последние стали

готовы играть подобную роль», и это в полной мере касалось молдавской и валашской элит, искавших московского покровительства на основе сохранения своих прав, местных обычаев и традиций. Эта тенденция не исчезла и в послепетровскую эпоху. Особенно зримо Россия присутствовала на этих землях во время русско-турецких войн, ведь театром боевых действий служили территории Молдавии и Валахии, а также некоторых близлежащих к ним земель. И даже тяготы оккупации и злоупотребления российской военной администрации, особенно проявившиеся во время войны 1806–1812 гг., не подрывали отношения немалой части боярства княжеств к России как к возможному противовесу османскому давлению. По справедливому замечанию В. Таки, румыноязычные княжества играли ключевую роль в позиционировании России себя как защитницы православных единоверцев в Османской империи¹ и вплоть до середины XIX в. российские дипломаты и военные взаимодействовали с молдавскими и валашскими элитами гораздо теснее, чем с предводителями более далеких южных славян. Установление и удержание контроля над Дунайскими княжествами (при всей условности этого вошедшего в обиход отечественной науки понятия) начиная с эпохи Екатерины II оставалось, прежде всего благодаря их расположению в преддверии Балкан, очень важной стратегической задачей российской внешней политики, а в результате

осуществления имперской военной администрацией внутренних реформ в этих княжествах Россия сыграла более значимую роль в их политическом развитии, чем в истории Греции, Сербии или Болгарии того же периода. Однако при всей масштабности и значимости российского влияния в княжествах защита румыноязычных православных и связи с ними оставались в глазах отечественного общественного мнения как бы в тени не только сильной озабоченности россиян судьбами родственных по языку славян (болгар и сербов), особенно во второй половине XIX в., но и немалого интереса всей российской элиты и образованной публики к греческому восстанию 1821 г. и его последствиям. Это сказалось и на отечественной историографии. Тем важнее рассматриваемая монография В. Таки, пытающаяся устранить существующие в этом плане диспропорции.

Как явствует из рассматриваемой работы, истоки российской политики, нацеленной на взаимодействие с элитами Дунайских княжеств, восходят к временам Екатерины II, в манифестах которой провозглашались задачи освобождения христианских народов из-под турецкого ярма. Уступки Османам при заключении мирных договоров по итогам русско-турецких войн были нежелательны уже в силу того, что могли подорвать престиж России в глазах православных единоверцев, причем не только в Валахии и Молдове. Показательно,

¹ В. Таки приводит высказывание российского дипломата Фонтана, согласно которому «Россия, имея здесь политические и стратегические пределы, которые, не ослабляясь, переступить не может, находится в выгоднейшем положении, ибо может заступиться за поработанных турками единоверных народов, не давая поводу к подозрению в ее намерениях». Речь идет едва ли не в первую очередь о подозрении в территориальной экспансии под знаменем панславистских идей.

например, что пророссийская партия в княжествах иногда ждала от России большего, чем она реально могла дать, — это проявилось, в частности, в ее петициях Екатерине в канун заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Как доказывает автор, десятилетия, последовавшие за заключением этого мира, стали временем становления российского протектората над княжествами как совокупности международно-правовых документов и дипломатических практик, российские консулы следили за исполнением Османами договорных обязательств. При этом российская политика, по убеждению автора, зашла в тупик, ведь «представления», делавшиеся ее посланниками Порте по поводу нарушения договоров (не только Кючук-Кайнарджийского, но также Ясского 1791 г., а позже Бухарестского 1812 г.), хотя и продемонстрировали не только Османам, но и европейским державам претензии России на роль протектора княжеств, но были не слишком эффективны как реальное средство защиты молдаван и валахов от злоупотреблений и вымогательств господарей-фанариотов.

Во время войны 1806–1812 гг. российская администрация в лице председательствовавшего в диванах княжеств сенатора С. С. Кушника (и не только его) пришла к определенному пониманию необходимости некоторых институциональных реформ и даже предприняла первые попытки сформулировать план преобразований — речь идет о рационализации функционирования уже существующих институтов (это касалось в том числе и сферы налогов). Тем самым, по оценке В. Таки,

был открыт новый период в истории российской политики в отношении Молдавии и Валахии, когда именно реформы стали способом расширения российского протектората над ними, а также своеобразным ответом на возникшие перед Россией новые вызовы. В более широком плане реформы именно в этот период впервые становятся способом осуществления российского имперского влияния на территориях, все еще входивших в сферу владений Османской империи в Юго-Восточной Европе. Поскольку часть боярства откликнулась, реформы стали важным измерением политического диалога между Российской империей и элитами Дунайских княжеств. Однако, хотя российская администрация и пыталась несколько умерить чиновничий произвол, по большому счету она так и не смогла поставить под серьезный контроль коррупцию и казнокрадство, и после нескольких лет оккупации с сопровождавшими ее тяготами для населения происходит ослабление пророссийских настроений.

Как показывает автор, наиболее существенный реформаторский импульс исходил не от российского председательства в диванах или военного командования, а от выдающегося церковного деятеля Гавриила Бэнулеску-Бодони, в 1808–1812 гг. временно возглавлявшего в качестве экзарха церковную иерархию княжеств. При этом, как отмечает В. Таки, Гавриил исходил из того, что по заключении мира Молдавия и Валахия войдут на особых правах в состав Российской империи, а в его адресованных в Петербург записках содержался определенный план ин-

ституциональных преобразований, который принимался во внимание при осуществлении российской политики в княжествах в последующие десятилетия. Позиция Гавриила в отношении будущего княжеств вовсе не стояла особняком, ведь уступка княжеств России действительно была одним из требований, с которым российская сторона начала в 1811 г. мирные переговоры с Османами. Однако, как напоминает В. Таки, упорство Порты и надвигающаяся война с Наполеоном заставили ведущего переговоры М. Кутузова постепенно сократить российские требования и согласиться в конце концов на установление новой границы по Пруту и Дунаю, что оставляло Валахию и большую часть Молдавии под османским контролем.

Усилия Гавриила привнести порядок в церковную сферу, как показывает автор, имели отношение и к деятельности светской администрации (так, основой для переписи населения послужили приходские книги). Сделав ставку на местное духовенство, Бэнулеску-Бодони вступил в конфликт с греческими иерархами, особенно в ходе попыток искоренить злоупотребления в управлении так называемыми преклоненными монастырями, управлявшимися греческими игуменами и обладавшими обширными земельными владениями. По оценке В. Таки, временная интеграция церковной иерархии княжеств способствовала их дальнейшему институциональному сближению, которое в конце концов сделало возможным их объединение в 1859 г., а ряд предложенных Гавриилом и частично проведенных в жизнь мер предвосхитил политику временной

российской администрации в 1828–1834 гг., направленную, в частности, на более равномерное распределение налогов, посредством упразднения налоговых льгот в отношении многих полупривилегированных групп населения. Сам Гавриил уже не имел к этому отношения, хотя в качестве митрополита Бессарабии сыграл после 1812 г. немалую роль в организации системы управления на присоединенной территории.

Реформам в Бессарабии в тесной связи с развитием событий по другую сторону Прута в работе уделено должное внимание. Согласно замыслам Александра I и его окружения, новоприобретенная область, получив автономию, должна была стать важным инструментом осуществления российского влияния в регионе, а для того, чтобы выполнить эту функцию, Бессарабия должна была явиться образцом, своего рода моделью просвещенного российского правления в глазах народов Юго-Восточной Европы, стремившихся выйти из-под османского влияния. При этом поначалу не было речи о замене местных институтов российскими, опора делалась на бессарабское дворянство, уважение его привилегий; новый Устав, положенный в основу управления краем, был выработан с учетом местных законов. Обеспечение участия местного дворянства в управлении наводит исследователей на проведение параллелей с политикой, осуществлявшейся в те же годы на польских и финских землях, инкорпорированных в состав Российской империи. Как показывает автор, инкорпорация местных традиций и взаимодействие с местными элитами способствовали легитимизации

вхождения в империю новых территорий. В работе показано, что создание бессарабской автономии было увязано с политикой Александра в отношении польских элит, которая, в свою очередь, определялась противостоянием с Наполеоном (не только апробация моделей, примененных в Польше и Финляндии, но и привлечение к реформам в Бессарабии ряда людей, причастных к выработке политики на польском направлении). Более того, рассмотрение бессарабской автономии В. Таки ставит в контекст внутренних административных реформ в Российской империи тех лет — речь идет о создании наместничеств и распространении на остальную часть империи политико-административных форм, первоначально опробованных на этих окраинах. От этих реформаторских планов, впрочем, скоро отказались, возобладала тенденция ограничения автономии и централизации управления империей.

Бессарабский эксперимент оказался, однако, очень недолговечным. Как показывает автор, отнесение этого края в 1820-е гг. к Новороссии превратило недавно приобретенную область в объект «цивилизаторской миссии», что плохо сочеталось с дворянским самоуправлением, основанным на местных правах и обычаях. Вскоре после назначения в мае 1823 г. бессарабским наместником М. С. Воронцова его подчиненные начали ставить под сомнение разумность политики широкой автономии, которую ранее санкционировал Александр I — в немалой мере под влиянием грека И. Каподистрии, явившегося одним из инициаторов бессарабского эксперимента.

В своих «Замечаниях на нынешнее состояние Бессарабской области» работавший под руководством Воронцова чиновник по особым поручениям Ф. Ф. Вигель, известный своими мемуарами, утверждал, что бессарабская знать с ее склонностью к коррупции просто не заслуживает всех тех свобод, которые ей предоставляет Устав 1818 г. Невиданные злоупотребления в областном управлении были, по его мнению, не следствием пороков отдельных лиц, но проявлением определенных местных традиций. С другой стороны, по признанию В. Таки, Устав о статусе Бессарабии как автономии повлиял на проекты реформ в самих Дунайских княжествах, особенно важен был провозглашенный принцип единого дворянского сословия, включающего не только знатных бояр. Но и последние, будучи, как правило, консерваторами, искали российского покровительства, исходя из приверженности Александра I принципам легитимизма. В протекторате России виделся путь к восстановлению автохтонным боярством более сильных административных позиций в противовес фанариотам, которые, будучи в княжествах иностранцами, не могли обеспечить себе прочной поддержки со стороны местного боярства. Вообще любое усиление османского влияния требовало компенсации, повышая тем самым шансы для русофильской партии, видевшей в России главный гарант автономии и сохранения традиционных боярских привилегий. При этом использовалась и конфессиональная карта, т. е. статус России как единственной православной империи. Позиционирование Петербургом себя в качестве защитника единоверцев выступало

не только инструментом российско-го влияния на православных подданных Порты (включая находившихся в особом положении румын), но и создавало определенный идеологический ресурс для православных элит Юго-Восточной Европы, позволяя им манипулировать в своих интересах риторикой российского покровительства, причем не всегда с желательными для самой России последствиями.

В не меньшей мере той же риторикой российского покровительства могли пользоваться и православные греки. Развитие событий в Дунайских княжествах в 1820-е гг. и российскую политику тех лет автор ставит в греческий контекст. Он напоминает о «Греческом проекте» Екатерины Великой, посредством которого идея освобождения земель классической древности от иноверцев становится важным элементом в легитимизации российской экспансии на юге. Реализация этих планов требовала поддержки греков, занимавших ключевые экономические, политические и культурные позиции среди православных подданных султана. Российское правительство привлекало греческих поселенцев и оказывало покровительство греческой торговле в Средиземном море. Коммерческие связи создавали основу для реализации политических проектов. Как показывает автор, с начала XIX ст. российская политика в Молдавии и Валахии находилась в тесной зависимости от отношений России с греческими элитами Османской империи. При этом он обращает внимание на разнородность греческого освободительного движения, в идейном обеспечении которого неови-

зантийские проекты причудливо существовали с республиканскими веяниями, порожденными Великой французской революцией, а с другой стороны, и с культом Наполеона. Привлекательность идеалов как революционной, так и наполеоновской Франции среди представителей радикального крыла греческого движения, безусловно, подрывала влияние России на православных единоверцев. В. Таки не забывает также в той же связи подчеркнуть заинтересованность греков-фанариотов (контролировавшихся Портой господарей Дунайских княжеств) в сохранении своих государств в орбите османского влияния. При всей лояльности фанариотов Порте страх молдавских и валахских бояр перед радикальным греческим движением был слишком велик, и после 1812 г. они не преминули, ссылаясь на греческую угрозу, воспользоваться возможностью убедить Стамбул восстановить правление господарей местного происхождения. Это, в свою очередь, послужило толчком для румынского национального «возрождения», в перспективе четырех десятилетий завершившегося возникновением румынского национального государства.

Как доказывает автор, греческие проекты, как правило, не получали поддержки других православных подданных султана, и трения между господарями-фанариотами и автохтонными боярами Молдавии и Валахии представляли собой частный случай более общего явления. Противоречия между греками, занимавшими высокое положение в Дунайских княжествах, и местным, автохтонным боярством особенно обострились

во время драматических событий 1821 г. — восстания А. Ипсиланти, с вождем которого так и сумел найти общий язык лидер румынского движения Т. Владимиреску. И дело здесь не в личных разногласиях, а в том, что амбициозные проекты по установлению греческой республики с амбициями на лидерство в православном мире Балкан были слишком далеки от тех задач, которые считали приоритетными для себя представители местного боярства Молдовы и Валахии. Их антигреческие настроения стали важным фактором, способствовавшим неудаче этеристского восстания. Приведший к трагическому исходу румыно-греческий конфликт ознаменовал собой, по мнению автора, начало эпохи этнического национализма на Балканах. В период же, последовавший за подавлением восстания, антигреческая риторика бояр помогла им дистанцироваться от потерпевшего неудачу предприятия и со временем (в основном уже после объединения княжеств в 1859 г., т. е. в иных исторических условиях) реализовать свои политические задачи, связанные с ограничением греческого влияния, особенно в церковной сфере («преклоненные» монастыри с сильным греческим духовенством). Эллинофобию автохтонных молдавской и валашской элит, впрочем, не надо преувеличивать, подчеркивает автор. Сильное греческое культурное влияние при этом сохранялось. К тому же границы между автохтонной и греческой элитой не всегда были четкими.

Большое внимание в работе уделено личности И. Каподистрии. Человек, отвергавший крайности Французской революции и дистанцировав-

шийся от этеристов, при этом последовательный в своих пророссийских ориентациях, Каподистрия вместе с тем был сторонником более активной политики на Балканах. Это был реформатор, мысливший в рамках парадигмы просвещенного абсолютизма, делая ставку при реализации своих планов на легитимных монархов, а не на движения снизу. Его греческие проекты на определенном этапе были созвучны видам Александра I, но в дальнейшем между ними наметился разлад. Суть дела в том, что планы Каподистрии изначально во многом не соответствовали консервативным принципам международного порядка, установленного при непосредственном участии России в постнаполеоновской Европе. А неудачи российского императора в контактах с польской элитой заставили его (к тому же напуганного масштабом греческого движения и восстанием Ипсиланти) отказаться от конституционных экспериментов, по сути он сделал в начале 1820-х гг. откат к легитимизму меттерниховского типа. Тем самым Каподистрия утратил влияние на царя. В этой связи представляют интерес и рассуждения автора о границах конституционализма Александра I. Российский император никогда не рассматривал конституцию в качестве взаимобязывающего контракта между ним и представителями региональных элит. В его представлении конституция была не более чем милостивым даром монарха местным элитам (будь то польской, финской, грузинской или молдавской), который прежде всего должен был обезоружить оппозицию.

Не меньшее внимание в монографии уделено личности крупного мыс-

лителя и политика А. Стурдзы. Как и грек Каподистрия, молдаванин Стурдза был разочарован нежеланием Александра I занять более воинственную по отношению к Османской империи позицию после начала Греческой войны за независимость в 1821 г. В книге показано участие Стурдзы в подготовке планов будущих преобразований, разработке конституционных проектов, предназначенных для Дунайских княжеств. В них присутствовала идея объединения княжеств в форме заключения федеративного пакта между ними. За Россией закреплялось право протектората, предполагавшее возможность влиять на выбор господарей и осуществлять определенный контроль за их деятельностью.

Право России как покровительствующей державы делать Османам «представления» в связи с назначением нежелательных лиц господарями и по другим поводам не обеспечивало контроля над ситуацией в Молдавии и Валахии, что было наглядно продемонстрировано в 1821 г. Сами восстания Ипсиланти и Владимиреску (неожиданные для Санкт-Петербурга), равно как и бесплодные переговоры графа Г.А. Строганова с Портой по поводу нарушений Бухарестского мира, свидетельствовали о неэффективности балканской политики России в целом и российского протектората над Дунайскими княжествами в частности. События 1821 г. и их последствия вообще продемонстрировали недостаточность традиционных дипломатических демаршей и подвели творцов восточной политики России к большому осознанию необходимости политической реорганизации княжеств

для того, чтобы сделать их более стабильными, менее подвластными Порте и в то же время более подконтрольными России. Определенные импульсы к этому исходили и от боярских элит Дунайских княжеств — российский МИД получил немало обращений и записок, посредством которых различные группы бояр в стремлении изменить ситуацию в свою пользу призывали Петербург к определенным действиям. Как отмечает В. Таки, это позволяло составить более полное представление о соотношении сил между различными группировками и определить возможные опции. Первым продуктом предпринятых усилий поставить российский протекторат над княжествами на более прочную основу стала Аккерманская конвенция, подписанная в сентябре 1826 г., уже при новом российском императоре, и нанесшая удар по проосманским силам. С нее и можно вести отсчет политике внутренних реформ в Дунайских княжествах, которая достигла своего апогея в начале 1830-х в деятельности графа П.Д. Киселева.

С приходом на трон Николая I намечается более активная российская политика в отношении Дунайских княжеств. Само решение объявить войну Османской империи в 1828 г. было, как показывает автор, неотделимо от стремления минимизировать османский контроль над Молдавией и Валахией, заменив его российским влиянием при сохранении формального суверенитета Порты над княжествами. С закреплением над княжествами российского протектората Османская империя превращалась в удобного слабого соседа, и дальнейшее дробление

«европейской Турции» не имело смысла, могло привести лишь к хаосу. Доказывая преимущества такого соседства, влиятельный дипломат Д. Дашков писал, что «всякая иная держава на ее месте едва ли не была бы нам беспокойнее и вреднее», чем Османская, тогда как ее распад способствовал бы формированию враждебных союзов, угрожающих безопасности России. Раздел европейской Турции не исключался, но в более длительной перспективе, и для этого должны были созреть предпосылки: некоторые области, «утверждая и совершенствуя политическое бытие свое под скипетром оттоманским, могли со временем заступить место Турции без сильных потрясений». При этом Дашков вслед за Каподистрией считал целесообразным, чтобы «славянские племена (были) благоразумно отделены от греков и румын», в то время как молдаване и валахи, «потомки одних предков, говорящие одним языком, имеющие одни законы и обычаи, а сверх того и одинаковые образ судопроизводства и управления, по всей справедливости слиты в один народ и одно государство». Объединение Молдавии и Валахии в одно государство под властью одного господара Дашков находил «необходимым для их счастья». Близкой позиции придерживался и министр иностранных дел К. Нессельроде, писавший графу П. Киселеву о том, что правильно поняты интересы молдаван и валахов должны заставить их сблизиться, «дабы сформировать своего рода общность политического существования, которая обеспечит их будущее и послужит дополнительной гарантией от всяких посягательств со стороны державы-сюзерена». При этом

важно заметить, что объединение с Валахией не фигурировало в числе требований молдавских боярских радикалов начала 1820-х гг., не упоминалось оно и в боярских петициях при разработке Органических регламентов в 1830 г., акцент делался на замене фанариотов господалями местного происхождения. Таким образом, российские дипломаты стали рассматривать возможность объединения Молдавии и Валахии задолго до того, как эта идея захватила умы сколько-нибудь значительного количества бояр обоих княжеств. Можно согласиться с В. Таки, который отмечает явную неочевидность того факта, что объединение Молдавии и Валахии было всеобщим желанием населения или хотя бы боярства в начале 1830-х гг., как утверждали французские дипломаты, чьи сообщения отражали в этом плане скорее желаемое, чем действительное, а вслед за ними и румынские историки. Что же касается русской политической мысли, то проекты объединения княжеств восходили к екатерининскому наследию. Так, греческий проект, сформулированный в начале 1780-х гг., предполагал объединение Молдавии и Валахии в независимое государство Дакия под властью христианского принца. При подготовке решений Адрианопольского мира идея объединения княжеств была отброшена. Нарушение территориальной целостности Османской империи за счет ее европейских владений пока не стояло в повестке дня, при этом очевидно, что объединенное княжество могло бы стать слишком сильным образованием, способным настоять на пересмотре в свою пользу статуса автономии и выйти из-под Константинополя. Другой вопрос,

что реформы, осуществленные российской военной администрацией в начале 1830-х гг., о чем речь пойдет ниже, способствовали административно-правовому сближению княжеств.

Занятие княжеств российскими войсками открыло реальную возможность полномасштабной реорганизации местных политических и административных институтов на основе повестки, разработанной еще до начала войны. В попытках усилить контроль над занятыми территориями российские военные были вынуждены вовлекаться в вопросы внутреннего управления княжеств и вместе с тем в конфликты различных группировок местных элит, где были представлены как консерваторы, так и реформаторы. Имея длительный опыт выживания в зоне, где сталкивались интересы разных держав, молдавские и валахские бояре по-прежнему демонстрировали немалую способность манипулировать официальной российской риторикой покровительства православным единоверцам в своих узких интересах. Такая тактика, впрочем, не всегда была эффективна. В том числе и потому, что неудача бессарабского эксперимента, по справедливому замечанию автора, сделала отношение царских чиновников к молдавскому и валахскому боярству более скептическим. К концу 1820-х гг. многие из них уже сожалели о щедром признании дворянского достоинства за молдавскими боярами, переселившимися из-за Прута. С особым подозрением смотрели на радикалов.

Значение исследования В. Таки заключается в том, что в нем все-

сторонне освещается политика временной российской администрации в Молдавии и Валахии после заключения Адрианопольского мирного договора 1829 г., сформулированная и осуществленная в ответ на вызовы времени и оставившая важное политическое и культурное наследие в последующих российско-румынских отношениях. Временная российская администрация во главе с графом П. Д. Киселевым ввела Органические регламенты (ранние конституции княжеств, обозначившие полномочия господарей и боярских собраний, а также давшие основу для урегулирования отношений между крестьянами, помещиками и государством) и осуществила ряд реформ, которые определили не только развитие княжеств на протяжении последующей четверти века, но и отношения их элит с Российской империей.

Реформы, связанные с именем Киселева, отражали логику действий империи в своей сфере влияния. Как показывает автор, их исходной посылкой было стремление к установлению более эффективного контроля над юго-западными границами, которые на протяжении столетий были источником уязвимости для Российского государства. Адрианопольский мир не принес Российской империи территориальных приращений, не считая незначительных по площади территорий в устье Дуная, и в этом смысле не подтверждал опасений российского экспансионизма, бытовавших в это время в Западной Европе. Вместе с тем реинтеграция османских крепостей и прилегавших к ним территорий на левом берегу Дуная в состав Валахии и создание дунайского карантина означали

окончательное закрытие неустойчивого и подвижного османского фронта в Европе и его замену системой фиксированных государственных границ, установленных с учетом интересов России. Были подтверждены права Молдавии, Валахии и Сербии на широкую автономию в составе османских владений, гарантом чего выступил петербургский двор. Способствуя расширению сферы российского влияния, институциональные преобразования 1829–1834 гг. оказали несомненное модернизационное воздействие на Молдавию и Валахию, сыграли значительную роль в их дальнейшей политической эволюции, способствовали становлению современной румынской государственности. В культурном плане период временной российской администрации в княжествах сообщил важный импульс вестернизации молдавских и валашских элит и в конечном счете создал предпосылки возникновения румынского национализма.

В работе уделено должное внимание личности самого графа П. Д. Киселева, которого автор ставит в один ряд с другими просвещенными бюрократами эпохи (М. М. Сперанским, Д. М. Блудовым, С. С. Уваровым). Как справедливо отмечает В. Таки, российский офицерский корпус того времени включал в себя не только грубых солдафонов (вроде генерала П. Ф. Желтухина, способного запретить весь состав молдавского дивана в закрытом помещении вплоть до принятия ими необходимого решения), но и наиболее образованных и способных представителей российского общества, деятельность которых в случае с графом Киселе-

вым позволила завоевать уважение со стороны немалой части валашских и молдавских бояр и стала залогом относительного успеха реформ, проведенных Россией в княжествах (в память о них именем Киселева называется до сих пор одна из важных магистралей румынской столицы). Идеалы просвещенного абсолютизма и повышения общественного благосостояния, которым был верен Киселев, сопровождались представлениями о цивилизаторской миссии в отношении более отсталого населения, которое предстояло дисциплинировать, в том числе и полицейскими средствами. Киселеву, отмечает автор, не были чужды принципы регулярного полицейского государства в традициях Петра и Екатерины, однако за этим лежало прежде всего стремление рационализировать систему управления. Конкретные плоды реформ проявились в отлаживании системы финансов и налогообложения с целью пресечения злоупотреблений, в совершенствовании механизмов избрания государей (Порта выбирала государя из списка лиц, согласованного с российской стороной) и выборов боярских собраний (под двойственным контролем — со стороны как сюзерена, т. е. Осман, так и покровительствующей державы, Российской империи). Все это не обходилось без сопротивления части элит на фоне как польского восстания, так и крестьянских волнений в самой Молдавии, направленных против бояр — их подавление не обходилось без кровопролитий. Необходимость контроля над составом боярских собраний, нейтрализации потенциальной оппозиции, требовавшей сохранения привилегий и связанных с ними злоупотреб-

лений, напоминала о сохранявшейся актуальности вышеупомянутых полицейских методов.

Эти дисциплинарные методы показали свою эффективность при создании санитарных кордонов в целях пресечения проникновения в княжества из-за Дуная эпидемии чумы, которая могла легко распространиться и в пределы Российской империи (эти меры включали в себя реорганизацию госпиталей, окончательное перенесение кладбищ за городскую черту — этим начала заниматься российская администрация уже во время войны 1806–1812 гг.; в массовом порядке осуществляется также прививание населения от оспы). Санитарный карантин стал в тех условиях способом усиления российского влияния в княжествах, превращения их в подконтрольную буферную зону. Не все происходило гладко. Так, на смену побежденной чуме в 1831 г. приходит знаменитая эпидемия холеры, заставившая принимать новые срочные меры.

Реформы П. Д. Киселева проявились также в формировании земского войска и реорганизации полиции. Граф Киселев предложил принять сотню молодых молдаван и валахов в российские военно-учебные учреждения и ежегодно добавлять по 20 человек к их числу. Тем самым он надеялся обеспечить «формирование войск на принципах русской дисциплины», но на этом пути возникали трудности, ибо крестьяне не хотели становиться под ружье и для формирования армии пришлось использовать приезжих арнаутов (сербов, болгар и албанцев). К числу осуществленных реформ можно отнести и меры

российской военной администрации по благоустройству Бухареста. Судебная реформа в духе просвещенного абсолютизма ставила вне закона пытки и санкционировала отмену смертной казни. Как отмечает В. Таки, несмотря на общую приверженность создателей Органических регламентов принципу разделения судебной и исполнительной властей, воплощение его в жизнь было неполным. Хотя Киселев и стремился сделать суды независимыми от государя, он в то же время опасался, что полный иммунитет создаст чувство полной безнаказанности у коррумпированных судей.

Подумывавшие о более рациональном политическом устройстве самой России передовые русские офицеры могли в некоторой мере рассматривать княжества в качестве своеобразной «социальной лаборатории», чьи наработки могли быть использованы при решении конкретных российских задач (борьба с чиновничьими злоупотреблениями, урегулирование — при противодействии консервативной части боярства — отношений помещиков и крепостных на основе исключения или сокращения произвольных поборов, не прописанных в регламентах), однако преувеличивать стремление П. Д. Киселева к реформированию российских порядков не надо. Граф Киселев однозначно не рассматривал реформы в княжествах в качестве политической модели для самой России. Как справедливо подчеркивает В. Таки, слабая и конституционно ограниченная власть государей вряд ли могла привлекать этого убежденного сторонника просвещенного абсолютизма как инструмента

рационального преобразования политических институтов и социальных отношений. После европейских революций 1820–1821 гг., восстания декабристов и Польского восстания 1830–1831 гг. Киселев был склонен рассматривать стремление бояр к расширению своих прав в рамках представительного правления как потенциальную угрозу стабильности. Его позиция не была лишена охранительских тенденций, вполне логичных для просвещенного бюрократа в условиях новой революционной волны в Европе. Предоставляя молдавским и валашским элитам определенную степень приобщения к управлению княжествами, реформы должны были создать механизмы защиты южных провинций России «от заразы беспорядков и анархии, порожденных порочной системой управления в княжествах». Наведение порядка в управлении предполагало и усиление цензуры, и установление контроля над ввозом в княжества книг, «провозглашающих доктрины, противоречащие принципам религии и морали и подрывающие общественный порядок». Преобразованные княжества должны были стать одним из буферов (преград, своего рода санитарных кордонов), способных защитить Россию от революционных веяний, исходивших с Запада. Вопреки субъективному стремлению Киселева его реформы объективно, однако, сыграли свою роль в открытии Молдавии и Валахии западным и особенно французским влияниям, которые на последующих этапах развития сыграли существенную роль в становлении современного румынского национализма с его антироссийской и антиславянской направленностью. Таким

образом, конструирование современной национальной традиции на румынских землях происходило в процессе тесного взаимодействия молдавских и валашских элит с Россией, которое осуществлялось в домодерных политических и интеллектуальных рамках восточного православия.

Как замечает автор, даже французские дипломаты не могли не признать цивилизующего воздействия на княжества проводимых российской администрацией реформ, и парадокс заключался в том, что проводником «цивилизации» выступала «варварская» Россия, а не цивилизованная Франция, чьи агенты в это время были просто не в состоянии предложить молдаванам и валахам никакой конкретной альтернативы киселевским реформам. Лишь со временем вырисовывается их намерение заменить российский протекторат на коллективную гарантию великих держав. Вовлеченность России во внутреннее управление княжеств не могла оставаться бесконфликтной. Бояре из знатных фамилий поддерживали реформы только в той мере, в какой видели в них путь к восстановлению своих традиционных прав и привилегий, погранных господами-фанариотами. Такой подход содержал в себе определенные антироссийские потенции — уже не греки-фанариоты, а российское влияние воспринималось как фактор угрозы автономии, пожалованной Османами в XVI в. Главный вызов российскому присутствию под знаком борьбы за автономию исходил от молодых бояр, находившихся под более сильным французским влиянием. При всем этом Органические регламенты, представлявшие собой

набор предписаний, регулировавших все стороны общественной жизни, ограничивали роль господарей — боярские собрания могли опротестовать их действия перед османским и российским правительствами и даже добиваться их смещения в случае нарушения ими регламентов, которые могли быть изменены только при согласии сюзерена и покровительствующей державы, т.е. Османской империи и России. С другой стороны, и права собраний были ограничены — они не должны были препятствовать деятельности «административных властей, занимающихся поддержанием общественного порядка». В случае беспорядков господа имели право распустить собрание.

Как отмечает В. Таки, Органические регламенты не разрешили старого конфликта между господами и боярами, лишь облекли его в «конституционные» формы. Введя по российскому образцу (с учетом опыта екатерининских реформ и Жалованной грамоты 1785 г. российскому дворянству) понятие наследственного дворянства и привязав новые категории бояр к государственной службе и определенной ступени в социальной иерархии по типу российской Табели о рангах, румынские реформы все же не повели к созданию однородного и консолидированного класса дворянства, способного стать их главной опорой. Такая задача, собственно говоря, Киселевым и не ставилась, поскольку внутренние реформы преследовали прежде всего внешнеполитические цели. В распределении функций и конституционных прерогатив между господами и собраниями проявилось стрем-

ление российских властей создать институциональные рычаги для поддержания не просто порядка, но российской политической гегемонии в княжествах. Российские консулы становились арбитрами в отношениях между господами и собраниями и могли использовать конфликтные ситуации для того, чтобы воспрепятствовать формированию единой антироссийской оппозиции. В то же время подчинение собраний и господарей совместному арбитражу державы-сюзерена и державы-покровительницы ограничивало централизаторские амбиции господарей, олигархические устремления крупных бояр, как и неподконтрольные поползновения мелкого боярства, также стремившегося приобщиться к власти. Таким образом, политическое преобладание России в княжествах достигалось помещением всех сторон конфликта в состояние перманентного недовольства друг другом. Это касалось в полной мере и отношений между боярством и крестьянством — русской военной администрации приходилось заботиться о послаблениях в отношении крестьян, дабы пресечь «всеобщее возмущение в обоих княжествах».

Все это, конечно, не придавало стабильности системе, построенной графом Киселевым. Он и сам понимал хрупкость нового административно-политического устройства и прилагал усилия для того, чтобы по возможности продлить российскую оккупацию Молдавии и Валахии. Ведь присутствие российских войск на Дунае усиливало державные позиции России в условиях польского восстания, предоставляло рычаг давления на Порту. При этом

позиция Киселева, отмечает В. Таки, вызывала возражения в Петербурге. Характерно стремление Нессельроде к скорейшей эвакуации российских войск из княжеств, оно полностью соответствовало политике сохранения Османской империи, избранной Николаем I в момент заключения Адрианопольского мира. Июльская революция во Франции и польское восстание в ноябре все того же 1830 г. укрепили решимость российского императора и его министра иностранных дел проводить консервативную линию в отношении Османской империи. В условиях новых вызовов системе, установленной на Венском конгрессе, активизируется сотрудничество с Австрией на основе Священного союза, и это делало необходимым развеять опасения Вены по поводу российских намерений в отношении княжеств. Киселев же смотрел на проблему более узко, прежде всего в контексте российско-османских отношений и необходимости обеспечить спокойствие южных границ империи, поскольку новые беспорядки в княжествах не только скажутся на соседних российских губерниях, но и «серьезно подорвут политическую систему [России] на Востоке, а также то влияние, которое она призвана оказывать на эти края». В продолжении оккупации им виделся залог выполнения Османами условий Адрианопольского мира и наиболее эффективный инструмент балканской политики России. При этом принималась во внимание и нестабильность в самой Османской империи (путч в Египте).

Более того, Киселев был горячим сторонником дальнейшей экспансии России на Балканах, по его убежде-

нию, «Россия не для того начала продвигаться более столетия тому назад от берегов Днестра, чтобы остановиться на берегах Прута». Ослабление Османской империи давало шансы для дальнейшего продвижения. Что же касается Дунайских княжеств, то он считал возможным со временем инкорпорировать их, исходя из все тех же военно-стратегических соображений, в состав империи вопреки ранее сделанным обещаниям и установкам Венского конгресса на поддержание статус-кво. Разумеется, это вызвало бы серьезные трения с Австрией и противоречило установкам Николая I и Нессельроде на близкие отношения с ней. Не будет преувеличением сказать, что прежде всего именно в угоду венскому двору император и его окружение вопреки мнению графа Киселева проявили готовность положить конец временной российской администрации в Молдавии и Валахии и отказались на обозримое будущее от планов дальнейших территориальных приращений: экспансионистские установки однозначно уступают место охранительским. Планы Киселева, таким образом, разделили судьбу проектов Каподистрии. Стремясь максимизировать российские приобретения в Юго-Восточной Европе, Киселев, как и Каподистрия десятилетием ранее, встретил непреодолимое препятствие в виде приверженности российского императора политике монархического сотрудничества, которая приносила имперскую экспансию в жертву сохранению статус-кво или, во всяком случае, делала упор на таких формах ограничения влияния Порты и западных держав, которые не подрывали бы политического статус-кво на европейском Востоке.

В 1834 г. в Петербурге было принято решение о выводе из Дунайских княжеств российских войск. Как замечает В. Таки, решение не проводить выборов в этом году в соответствии с Органическими регламентами, а назначить господарей не прибавило России популярности среди бояр, в то время как неограниченный срок их правления предоставил им больше свободы действий, чем было у их предшественников. Реальные или мнимые злоупотребления этих господарей делегитимизировали политический режим, введенный Россией в княжествах для того, чтобы усилить в них свое влияние. Хотя российские консулы признавали неэффективность и коррумпированность правления господарей, тем не менее они, как отмечает В. Таки, были вынуждены оказывать поддержку российским ставленникам, возведенным на престолы в 1834 г. В конечном итоге это вело к усилению недоверия к России молдавской и валашской элит и ослаблению ее позиций, чем пользовалась активизировавшаяся в княжествах французская дипломатия, формировавшая группы своего влияния, тогда как консолидированная прорусская партия так и не сформировалась. Исследователь приходит к выводу о том, что к началу 1840-х гг. Россия утратила политическую гегемонию, которая у нее была в момент осуществления всеобъемлющих реформ в Молдавии и Валахии после завершения Русско-османской войны 1828–1829 гг.

В 1830–1840-е гг. в Молдавии и Валахии формируется, а в 1848 г. вступает на политическую сцену новое поколение элит, их наиболее яркие представители учились на Западе

(прежде всего во Франции), испытывали влияние радикальных концепций, которым России нечего было противопоставить в идеологическом плане. При французской политико-дипломатической подпитке продвигались такие принципы и идеалы национального развития, которые не угрожали напрямую позициям Османской империи, но в долгосрочной перспективе могли подорвать влияние России на Балканах. Причем в 1840-е гг. попытки свергнуть поставленных Петербургом господарей, тем самым бросив решающий вызов российской гегемонии в княжествах, приняли форму тайных заговоров. В конце концов, в 1848 г., когда в Валахии вспыхнули революционные волнения, их активисты с самого начала провозгласили отмену Органического регламента, в котором виделся фактор, сдерживающий национальное развитие. Свое отношение к державе-покровительнице валашские революционеры красноречиво выразили в акте публичного сожжения экземпляра Органического регламента в сентябре 1848 г., за неделю до того, как османские войска заняли валашскую столицу по предложению России для наведения в ней «порядка» общими усилиями. События происходили по тому сценарию, относительно которого предостерегал граф Киселев уже после отхода от дел в Дунайских княжествах: он призывал лидеров боярской оппозиции отказаться от любых связей с «врагами общественного порядка и их подрывными идеями», чьи попытки спровоцировать «всеобщий переворот в княжествах» могли подвигнуть державу-сюзерена и державу-покровительницу на совместную интервенцию, дабы «пресечь зло в его корне».

Таким образом, хотя валашская революция и была подавлена совместными усилиями османских и российских войск, события 1848 г. продемонстрировали неэффективность Органических регламентов как инструментов сдерживания революционных изменений. В последующие годы валашская революционная эмиграция старалась заручиться поддержкой европейских правительств и общественного мнения в пользу прекращения российского протектората над княжествами и их объединения в Румынское национальное государство. Она видела не в Османской империи, а в России препятствие для реализации идеалов национального объединения и прогрессивного развития и стремилась договориться с Османами о «способах совместного сопротивления агрессии, предметом которой они могут стать со стороны России» — желая, чтобы Порты, совместно с другими европейскими кабинетами, положила конец всем вмешательствам российских агентов в дела княжества как противоречащим ее интересам. Россия, по ее мнению, утратила свой статус легитимного гаранта валашской и молдавской автономий, поскольку ее ставленники ассоциировались в 1848 г. с режимами, против которых обратилась волна народного возмущения. Один из парадоксов эпохи заключался в том, что не консерваторы (гораздо более умеренные в своих антироссийских настроениях), а именно радикалы парижской выучки призывали вернуться к букве и духу османских «капитуляций» XVI в., обосновывавших права на автономию и якобы нарушенных Органическими регламентами. После 1848 г. влияние Порты усилилось параллельно усилению западных влия-

ний: получившие образование в Париже и Вене и испытавшие импульсы от трансильванской школы в румынской общественной мысли валашские и молдавские литераторы увлеклись идеями, что они «суть истинные потомки древних римлян, и потому они одного происхождения с Западными Европейцами, которым и должны всячески приближаться во всем, начиная от языка до образа мыслей, нравов, правительственного устройства и даже самой религии». Такой авторитетный знаток балканских дел, как И. П. Липранди, писал о том, что молодое поколение бояр в своем неприятии сложившихся до 1848 г. порядков в княжествах «сосредотачивает эту ненависть преимущественно на России, создавшей и охранявшей этот порядок». В сознании первых поколений творцов румынской национальной государственности модерной эпохи позитивный вклад киселевских реформ в модернизацию княжеств так и не был по достоинству оценен.

Последующее поражение России в Крымской войне положило конец российскому протекторату над Молдавией и Валахией, а Парижский мир 1856 г. создал предпосылки для объединения княжеств в 1859 г. Формальный сюзеренитет Порты над теперь уже объединенными княжествами сохранялся, но их право на автономию было поставлено под коллективную гарантию всех великих европейских держав, не исключая России, которая в тех условиях не противилась реализации унионистских проектов.

Неоднозначный и противоречивый опыт общения с молдавскими и валашскими элитами в 1810–1840-е гг.

не был в должной мере осмыслен российской дипломатией и общественным мнением во второй половине XIX в., уроки не были должным образом извлечены, что проявилось и во внешнеполитических неудачах на балканском направлении, в частности, в неспособности формирования в странах региона стабильных и консолидированных пророссийских партий, которые могли бы нейтрализовать влияние внутренних сил, действовавших вопреки российским государственным интересам.

Книга Виктора Таки, основанная на глубоком осмыслении широкого круга источников и прекрасном знании русской, румынской и западной историографии и вводящая представленный материал в контекст происходящих дискуссий о соотношении внешних и внутренних факторов в развитии империй, обещает вызвать серьезный интерес специалистов по внешней политике России и истории международных отношений в Новое время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кушко, Таки 2012 — *Кушко А., Таки В. при участии О. Грома. Бессарабия в составе Российской империи. 1812–2017.* М.: НЛО, 2012. 400 с.

Таки 2017 — *Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян.* М.: НЛО, 2017. 480 с.

Таки 2021 — *Таки В. Россия на Дунае. Империя, элиты и политика реформ в Молдавии и Валахии. 1812–1834.* М.: Новое литературное обозрение (НЛО), 2021. 440 с.

REFERENCES

Kusko A., Taki V. pri uchastii O. Groma. *Bessarabiya v sostave Rossiiskoi imperii. 1812–1917.* Moscow: NLO, 2012, 400 p.

Taki V. *Rossiya na Dunae. Imperiya, eluty i politika reform v Moldavii i Valahii. 1812–1834.* Moscow: NLO, 2021, 440 p.

Taki V. *Tsar i sultan. Osmanskaya imperiya glazami rossiyan.* Moscow: NLO, 2017. 480 p.

М. Сорока

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРЫМСКОЙ КОАЛИЦИИ 1853 г. ГЛАЗАМИ РУССКИХ, ТУРОК, АНГЛИЧАН, НЕМЦЕВ И ФРАНЦУЗОВ. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ¹

Историография восточного кризиса 1853–1856 гг. показывает, что за прошедшие почти сто семьдесят лет историки из стран-участниц все еще разнятся во взгляде на цели и тактику государственных деятелей своей страны при анализе ее роли в превращении русско-турецкой войны в Крымскую, в которой Британия, Франция, Турция и Сардиния объединились против России. Но они в основном соглашаются в перечислении факторов, приведших к конфликту: давление общественного мнения на западные правительства и Турцию, а также отказ Николая I пойти на компромисс в требованиях к Турции.

Ключевые слова: русско-турецкие отношения, Восточный кризис, дипломатия великих держав, экспансия, Османская империя, Николай I, европейский концерт, Крымская коалиция.

Сведения об авторе: Сорока Марина Евгеньевна, доктор философии, независимый исследователь, Канада.

Контактная информация: mevorobieva@gmail.com.

M. Soroka

THE EMERGENCE OF THE CRIMEAN COALITION IN 1853 THROUGH THE RUSSIAN, TURKISH, BRITISH, GERMAN AND FRENCH EYES. HISTORIOGRAPHIC NOTES

The international historiography of the Eastern crisis of 1853–1856 demonstrates that a hundred and seventy years after the event historians still disagree when analyzing each government's pre-war position and their respective roles

© М. Сорока, 2022

DOI 10.31754/2409-6105-2022-2-348-370

¹ С благодарностью А. С. Стыкалину за советы и помощь.

in transforming the Russo-Turkish war into one in which Britain, France, Turkey and Sardinia aligned against Russia. They largely coincide in naming the contributing factors to the conflict and the reasons why it could not be settled peacefully: the pressure of public opinion in the Ottoman Empire and its Western allies, and Nicholas I's refusal to compromise on his excessive demands on Turkey.

Key words: Russo-Turkish relations, Eastern crisis, Great Powers' relations, expansionism, Ottoman empire, Nicholas I, European concert, Crimean coalition.

About the author: Soroka Marina, independent researcher, PhD (History), Canada.

Contact information: mevorobieva@gmail.com.

4 октября 1853 г. фрейлина супруги наследника Марии Александровны, дочь поэта Федора Тютчева, записала в дневник:

«Судя по последним известиям из Константинополя, война неминуемо должна разразиться. 14/26 сентября (день Воздвижения Креста, празднуемый нашей церковью) состоялось заседание Дивана, по настоянию которого султан обязался отклонить Венскую ноту и объявить, что если [Дунайские] княжества² не будут очищены русскими войсками в течение семи дней, то будет объявлена война. Знамя Магомета было водружено в мечети, что сразу разожгло фанатизм всего магометанского населения. Итак, предстоит война, несмотря на все человеческие усилия предотвратить ее, <...> несмотря, наконец, на умеренность императора Николая Павловича, — война в осуществление того предсказания, которое предвещает на 54-й год освобождение Константинополя и восстановление храма св. Софии... Сомнения нет, мы, Россия на стороне правды и идеала: Россия сражается не за материальные выгоды и человеческие интересы, а за

вечные идеи. Потому невозможно, чтобы она была побеждена...» (Тютчева 2008: 146–147).

Уверенность Тютчевой в том, что в Османской империи России суждена роль защитницы и покровительницы православных подданных султана, а то и вообще «освободительницы» Константинополя от его тогдашних законных владельцев, естественна для барышни с домашним образованием, никогда не ступавшей на землю Порты. Так же понятна и ее вера в божественно предопределенную правоту России в любом вооруженном конфликте, и ее последующее огорчение от военного поражения. Значительно позже на полях дневника она объяснила свои чувства 1853 г. тем, что ей было всего 24 года, и упомянула влияние своего отца-славянофила. Видимо, к тому времени ее взгляд несколько изменился.

Взгляд сегодняшних авторов на упомянутые ею умеренность требований Николая I и усилия его по предотвращению войны по большей части значительно отличается от взгляда фрейлины Тютчевой.

² Речь идет о Молдавском и Валашском княжествах.

Американский историк Уильям Х. Макнил говорил, что трудно поверить в возможность мирного сосуществования наций, пока даже историки разных стран не в состоянии прийти к согласию в интерпретации исторических событий. Попытаемся опровергнуть его хотя бы в отдельно взятом случае, выявив общие точки в историографии тогдашних противников, чтобы создать картину действий, приведших к войне.

Ближе всех к А. Ф. Тютчевой хронологически турецкий дипломат и историк Салих Мунир Паша. В 1918 г. бывший посол Османской империи во Франции выпустил книгу о политике России на Балканском полуострове.

Предысторию кризиса он начинает с восстания египетского наместника в 1832 г. в трудный для султана начальный этап реформ в империи. Увидев возможность создать еще один русский протекторат, царь Николай I предложил султану финансовую и военную помощь. Султан рискнул принять ее, и русская армия сосредоточилась у Ункяр-Искелесси на азиатском берегу Босфора, а севастопольский флот (12 судов) встал на якорь там же. За эту поддержку султан подписал Ункяр-Искелесийский договор: Турция обязалась не впускать в Босфор через Дарданеллы никаких военных судов и в случае нужды прибегать к военной помощи России исключительно. В июле 1840 г. Россия, Австрия, Пруссия и Англия подписали в Лондоне договор о гарантиях целостности Османской империи. В 1841 г. Франция присоединилась к нему, и тогда же принцип закрытия Про-

ликов для европейских военных судов был включен в международное право. Далее Салих Мунир Паша с горечью пишет: «Не затрудняясь церемониями, царская дипломатия через своих консулов властвовала в Дунайских княжествах». Он не объясняет, что по Адрианопольскому миру 1829 г. Россия обладала правом «ручательства в благоденствии» населения Дунайских княжеств и русские консулы были гарантами соблюдения прав, данных турками населению княжеств еще в XVI в. В чьих интересах гаранты пользовались этим правом — другой вопрос.

Он продолжает: «В ожидании лакомого наследия Порты, ее агенты и священники готовили восстания в Сербии, Боснии, Греции, Болгарии, чтобы создать поводы для вмешательства и образовать еще один протекторат». Фактов он не приводит, вероятно считая, что достаточно рассказал о российских агентах в Османской империи в предыдущих главах своей книги. Тем временем великий визирь Решид Паша при содействии Англии реформировал империю: в ноябре 1839 г. было провозглашено равенство всех подданных султана, независимо от национальности и религии, созданы современные административные учреждения, улучшены финансовая и правовая системы. Старая империя окрепла (*Salih Mumir Pacha* 1918: 39), русское влияние в Турции слабело, т.к. империя шла на сближение с Западом. Произошел конфликт между Петербургом и Константинополем из-за польских и венгерских эмигрантов, которых Петербург и Вена требовали выдать, чтобы судить за участие в революции 1848–1849 гг. Великий

визирь ответил от имени султана, что в русско-турецких договорах нет такого обязательства и что султан, следуя священному долгу Османов, скорее пойдет на неравную борьбу против своих двух могущественных соседей, чем выдаст людей, которые просили у него убежище. Россия и Австрия порвали дипломатические отношения с Турцией, пригрозив ей, что если хоть один из этих семи людей скроется, то это будет считаться поводом к войне. Решид Паша просил Англию и Францию о посредничестве; они обратились к России и одновременно ввели в Дарданеллы свои эскадры. Примирительное письмо от султана и обращения Англии и Франции, по словам турецкого автора, успокоили Николая I, и он снял свои требования, чтобы избежать унижительного отказа (Ibid.: 140–141).

Все это убедило царя к началу 1850-х гг., что расчленив Оттоманскую империю возможно только совместно с одной из великих держав, и он выбрал для этого Англию. Автор стремился создать картину непрерывных попыток России подорвать существование Оттоманской империи, поэтому он не объясняет, что повторить с Турцией раздел Польши было бы невозможно.

В 1844 г. царь выразил желание договориться с Англией об индийской и персидской границе, Средней Азии и Турции. В меморандуме графа К. В. Нессельроде сэру Роберту Пилю предлагается следующая формулировка для будущего соглашения: Россия и Англия хотят оберегать независимость и целостность турецкой территории, и для этого нужно

позволить Турции мирное существование, избегая навязывать ей дипломатические заботы и не вмешиваясь в ее внутренние дела (поясним: взять на себя внешние сношения Турции означает превратить в протекторат). Но при этом нужно помнить, что: 1. Турция склонна увилывать от выполнения договорных обязательств, пользуясь разногласиями соперничающих держав. С этим можно бороться, если Англия и Россия будут иметь общую линию в отношении Османской Порты. 2. Трудно сочетать уважение к мусульманским законам с необходимыми уступками интересам христианского населения, т. к. нельзя оставаться равнодушными к вопиющим обидам и религиозной нетерпимости. Уже появились признаки распада империи, который может и ускориться. Последствия этой катастрофы можно смягчить, если Англия и Россия договорятся об общей линии поведения. Россия, согласно Николаю, уже достигла полного согласования с Австрией, и теперь желательно, чтобы Англия присоединилась к ним. Ей это выгодно, т. к. предотвратит доминирование державы-соперницы (Франции) в регионах, которые контролируют путь в Индию (Ibid.: 45).

Состояние Европы, казалось, благоприятствовало планам Николая I. Германия и Австрия еще не оправались от революций 1848–1849 гг., во Франции Луи-Наполеон Бонапарт только что совершил переворот, и союз между страной-победительницей и страной-побежденной при Ватерлоо казался невозможным.

Чтобы подчинить Оттоманскую империю, Николай нашел незначительный

предлог. В конце 1852 г., в согласии с мнением двух комиссий (мусульманской и смешанной православно-католической), турецкое правительство решило дать католическим монахам право служить мессы в часовне у могилы Богородицы, а православным — в базилике Вознесения, что прежде было исключительным правом католической церкви. Но, уступив протестам Франции, султанское правительство потом отменило это решение. Тогда вмешался Николай I: объявив себя законным покровителем православных подданных султана согласно Кючук-Кайнарджийскому и Адрианопольскому договорам, он потребовал у султана отменить его решение. Посланный им кн. А. С. Меншиков по секрету также потребовал у турецкого правительства формально и письменно признать Россию покровительницей всех православных в Порте, дать привилегии православным патриархам Антиохии и Александрии; дать обязательство не назначать, не смещать прелатов без предварительной консультации с русскими представителями и заключить оборонительный и наступательный союз с Россией (Ibid.: 46).

В то же время Николай не упускал возможности склонить на свою сторону Англию. Когда Меншиков собирался в путь, по словам автора, Николай начал свои «роковые беседы» с английским послом в Петербурге, сэром Джорджем Хэмилтоном Симуром о неизбежном разделе Турции, которую он называл «больным». Он говорил послу: «Я не позволю такой сильной державе, как Англия, занять Босфор, путь от Днепра и Дона в Средиземное море. Но если бы Рос-

сийская империя решила овладеть Константинополем, то ей пришлось бы остаться там навсегда». Премьер-министр лорд Джон Рассел, прочитав донесение посла с пересказом этих рассуждений, отверг предложение, ответив: «Чрезмерные заботы друзей “больного” доведут его до смерти». (Автор, как обычно, не указывает источник, но слова Рассела можно прочесть в письме от 9 февраля 1853 г. (*Baumgart I* 2005: 98–100).)

Николай продолжал не верить в возможность англо-французского союза, считая, что если Лондон не примет его предложений, то можно усыпить его бдительность лживыми заверениями, а потом поставить перед свершившимся фактом, т.е. по сути превратить все населенные православными земли Османской Порты в русский протекторат. Англия будет протестовать, но не решится развязать войну, а Австрия и Пруссия будут сохранять дружественный нейтралитет по отношению к России. Поэтому, не обращая внимания на ответ английского правительства и не испугавшись отказа Порты (по совету Англии и Франции) принять ультиматум Меншикова, он не учел, что Англия и Франция не желают нарушения равновесия в Средиземном море, которое было неизбежно, если бы безобидную слабую Турцию заменила более агрессивная и сильная Россия. Они пришли на помощь Турции и потребовали у Николая I эвакуации Дунайских княжеств. В ответ на отказ России они объявили ей войну и подписали союз с Турцией в марте 1853 г. (*Salih Munir Pacha* 1918: 47).

Книга написана на французском языке, что сразу указывает на ее адреса-

тов, политиков Антанты, и на базе британских, французских и русских источников. Помимо полезного для сравнения взгляда на события с противной стороны, книга уточняет суть некоторых эпизодов истории русско-турецких отношений, которые в других источниках только упоминаются. Однако ссылок в книге мало, потому что она адресована не историкам, а дипломатам. Цель книги была убедить Антанту не расчленять Османскую империю, которая вступила в войну на стороне Германии якобы лишь потому, что Англия и Франция предпочли ей союз с извечным врагом Турции, Россией. Это объясняет, почему в книге представлена только одна сторона исторической роли Турции — роль жертвы России. Регулярные переиздания этой книги в Турции и довольно многочисленные студенческие и научные работы последних лет, положительно характеризующие деятельность Салиха Мунира Паши, заставляют предположить, что турецкое общество XXI в. из нее черпает свои представления о русско-турецких отношениях.

Через семьдесят лет после турецкого дипломата английский историк Мьюриэл Чемберлен в биографии лорда Абердина так объясняла поведение английского кабинета в восточном кризисе: коалиционный кабинет раскололся в вопросе о тактике. И лорд Пальмерстон, и лорд Абердин исходили из одной и той же предпосылки: царь не хочет войны. Но, по мнению Пальмерстона, чтобы избежать войны, нужно было дать ему понять, что каждое его действие Англия будет встречать противодействием: например, если

он отправит флот к турецкому берегу, Англия сделает то же самое. Царь поймет риски и изменит курс. Абердин считал, что урегулирование должно быть достигнуто дипломатическим путем, через посредников и без огласки: угрожать нельзя, флот отправлять не нужно, чтобы спасти лицо Николая I (Chamberlain 1983: 478). Автор считает, что любая из этих двух тактик могла бы оказаться успешной, если бы ее применяли последовательно, но все испортило одновременное применение обеих: в сентябре и в декабре 1853 г. Абердин поддался «ястребам» в кабинете, потому что не без оснований засомневался в искренности царя.

В мае 1853 г. конфликт из-за святых мест был улажен, и тут стало очевидно, что требования Меншикова простирались куда дальше, чем предполагал Абердин. Первым пунктом в проекте конвенции Меншикова были гарантии прав, привилегий и иммунитетов, которыми православные подданные султана пользовались в прежние времена. Это могло означать как простое утверждение о традиционных правах, так и заявку на протекторат над 12 миллионами турецких православных. Агрессивность Меншикова заставляла подозревать последнее. 30 мая лорд Абердин сказал министру иностранных дел Кларендону, что русские требования чрезмерны и не должны быть приняты. «Я все еще не верю, что для этого потребуются война, если до сих пор император действовал чисто-сердечно; если же все его поведение было надувательством, то ситуация изменится». Царь ответил на провал миссии Меншикова ультиматумом 31 мая: он оккупирует Дунайские

княжества, если его требования не будут удовлетворены. В июле 1853 г. он это сделал. Чемберлен пишет:

«Есть мнение, что русские имели право вмешательства в княжества и потому оккупация не была чисто военной акцией. Английский кабинет никогда не разделял этого мнения. Ни одно из договорных прав России не было приложимо к данной ситуации. Британское правительство, включая Абердина, твердо стояло на том, что вторжение в княжества — *casus belli*, на который согласно международному праву турки имеют право ответить объявлением войны. Разумно ли это было бы с их стороны — другое дело, и Англия советовала Турции решить проблему другими средствами».

Когда русская армия перешла р. Прут, все европейские канцелярии бросились лихорадочно искать компромиссное решение для конфликта. Русская сторона сразу согласилась на Венскую ноту, но царь настаивал, чтобы Турция подписала ее, не меняя ни слова. Он не хотел снисходить до переговоров с ними. Турки, оскорбленные тем, что их не пригласили участвовать в подготовке ноты, отвергли Венскую ноту и написали свои контрпредложения (Ibid.: 479–484). В сентябре берлинская газета опубликовала письмо Нессельроде к русскому послу в Вене, в котором говорилось, что, приняв Венскую ноту, турки будут обязаны согласиться на активную заботу России о своих единоверцах — т.е. русский протекторат над обширными землями Османской империи, заселенными православными. В ответ на недоумение английского правительства рус-

ский посол дал разъяснения, которые подтвердили, что действительно в Петербурге так считают. Тем временем царь встретился с австрийским императором в Ольмюце и сказал, что согласен на *status quo* и выведет войска после того, как Турция подпишет Венскую ноту, т.е. как будто отказался от мысли Нессельроде. Но в Константинополе победила партия войны, и 3 октября Турция объявила России войну.

Хотя по законам войны сражение при Синопе было обычным, но в глазах английского правительства оно выглядело не так: царь дал понять великим державам, что, пока идут переговоры, он не будет атаковать турок, а только защищаться. Турецкая эскадра не угрожала русскому флоту, ее потопили прямо в прибрежных турецких водах, что наводило на мысль о готовящемся русском десанте. Абердин надеялся, что Николай I хотя бы заявит, что адмирал Нахимов действовал вопреки приказу, но царь открыто радовался победе. Россия была непопулярна в Англии с 1830-х гг. из-за подавления восстаний в Польше, а в 1849 г. и в Венгрии. Кроме того, вызывали некоторое беспокойство и рост ее флота, и предполагаемая угроза Индии из-за русской экспансии в Средней Азии. Шаткость коалиции лорда Абердина сильно мешала ему сопротивляться общественному мнению. Синопская битва, которую английская пресса характеризовала как «Синопскую резню», была искрой, воспламенившей Англию. От кабинета требовали действий: в конце февраля Англия и Франция попросили у Нессельроде заверений, что Россия эвакуирует княжества в конце апреля. Не

получив ответа, они объявили войну России соответственно 27 и 28 марта 1854 г. (Ibid.: 485–486).

В более поздней монографии о британской внешней политике до Первой мировой войны, развеивая миф о всемогуществе Англии в этот период, Чемберлен утверждала, что английская сторона относилась куда менее серьезно, чем русская, к русско-английским беседам об Османской империи в 1844–1853 гг. Уверенность царя, что его прежние беседы с лордом Абердином равносильны какой-то договоренности с английским кабинетом и что Англия при лорде Абердине не пойдет на войну с Россией, заставила его пренебречь очень ясными предупреждениями, сделанными ему Англией через посла. Хотя конфликт из-за святых мест был улажен в мае 1853 г. благодаря Стрэтфорду, но к этому времени атмосфера в Европе была отравлена. Русские подозревали, что миссия Меншикова провалилась из-за влияния лорда Стрэтфорда на османское правительство, хотя, говорит автор, нет прямых доказательств, что он уговорил турок отвергнуть предложения Меншикова, которые в любом случае были для них неприемлемы.

В ответ на провал Меншикова Россия оккупировала Дунайские княжества. 30 мая 1853 г. английский кабинет дал Стрэтфорду полномочия вызывать флот в случае необходимости. Чтобы избежать обострения кризиса, Стрэтфорд тянул с этим до октября. «Ни одна из великих держав не хоте-

ла войны, но все они начали пользоваться своими флотами и армиями, как опасными фишками в дипломатической игре». Это привело к войне (Chamberlain 1989: 66–70).

В предисловии к российскому академическому сборнику 1999 г. «Россия и Черноморские проливы» говорится, что в связи с обострением восточного вопроса из-за национальных движений и с освободительной борьбой в Египте в 1820–1830-х гг. царизм хотел добиться контроля над проливами. Вершиной русской дипломатии авторы называют Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. (сроком на 8 лет), по которому Россия получила право проводить военные корабли через проливы. В 1840–1850-х гг. вследствие подписания Лондонских конвенций возросла роль Англии на востоке, а роль России ослабла. Николай I попытался военными методами изменить положение и получил Крымскую войну. Последующие полвека российский МИД был вынужден посвятить борьбе за постепенную отмену ограничительных статей Парижского мира (Нежинский 1999: 6–7)³.

В главе о восточном конфликте 1850-х гг. сообщается, что к концу 1830-х гг. МИД понял, что сопротивление западных держав не даст продлить Ункяр-Искелесийский договор после истечения его срока действия. Нессельроде предложил царю отступить от русско-турецкого договора и договориться с Англией, а потом сообщить ей, что Россия заботится о своей безопасности и о безопасности

³ Снятия черноморских ограничений МИД добился в 1871 г., но балтийские ограничения оставались и далее в силе.

Оттоманской империи в Черном море и потому хочет закрытия проливов для иностранных военных судов. Но это был путь уступок, которые Россия (Николай I) не хотела делать. Николай поговорил частным образом о соглашении касательно Порты с английским премьером лордом Абердином в 1844 г. и вынес убеждение, что тот положительно отнесся к предложению. На том и остановились. В 1848–1849 гг. между Россией и Англией наступило охлаждение из-за подавления русскими войсками восстания в Венгрии и «участия русских и австрийских войск» в подавлении восстания в вольном городе Кракове, аннексированном потом Австрией (Там же: 141).

Тут допущена неточность: русские войска не участвовали в подавлении Краковской республики, а были введены уже после поражения восставших, но как для сегодняшних авторов, так и для европейского общественного мнения в 1849 г. это не улучшило репутацию николаевской России. В 1849 г. Россия и Австрия требовали у Турции выдать 7 польских и венгерских эмигрантов, участвовавших в венгерской революции 1848 г. Султан отклонил требование, и отношения были временно разорваны. В Турции росло английское влияние. Николай I хотел изменить к выгоде России всю систему соглашений с Оттоманской империей, но просчитался, рассчитывая на лояльное отношение союзников по Священному союзу (Австрии и Пруссии), моральную поддержку Англии и нейтралитет Франции.

В начале русско-турецкой войны Николай собирался давить на султана десантом в зоне проливов, чтобы стать «временным охранителем» Константинополя. Но победа адмирала П. С. Нахимова при Синопе 30 ноября 1853 г. привела к появлению в Черном море англо-французской эскадры 4 января 1854 г. Они взяли под защиту турецкий берег и флаг и потребовали, чтобы русский флот вернулся на базу. 9/21 февраля Николай манифестом порвал с ними отношения. 27 марта объявила Россия войну Англии, а на следующий день и Франция. В 1855 г. к ним присоединилось королевство Пьемонт-Сардиния. Пруссия обещала остаться нейтральной, а Австрия заключила союзный договор с западными державами (Там же: 149–150).

Возникновение антирусской коалиции объясняется авторами так: в 1849 и 1850 гг. Николай вмешался в дела Средней Европы — один раз в пользу Австрии, другой раз — против попытки объединения Германии, к которому стремилась родственная ему Пруссия⁴. В 1851 г. барон Штокмар, германский государственный деятель, писал королеве Виктории: «Николай I занял место Наполеона и, по крайней мере в течение нескольких лет, он с иными намерениями и иными средствами будет диктовать законы континенту» (Там же: 172–174).

Согласитесь, что это лучше объясняет нелояльность Австрии в крымском конфликте: она не считала нужным жертвовать своими интересами

⁴ Под давлением России и Австрии Пруссия отказалась от объединения, подписав Ольмюцкое соглашение.

ради того, чтобы Николай занял место Наполеона.

Далее, российский повелитель вызвал враждебность Луи Наполеона, которого не хотел считать императором. Но это нисколько царя не тревожило, т. к., по мнению авторов, он полагал, что почти достиг договоренности о разделе Оттоманской империи с Англией, хотя Англия уклонялась от ответа, потому что раздел не входил в ее интересы (Там же: 179).

Однако, по британским официальным документам, Англия ответила царю отказом. Уже во втором разговоре посол сказал царю, что британское правительство не склонно заранее делить наследство старого друга и союзника (*Baumgart I* 2005: 77), и повторял это царю при каждой беседе. Далее в статье говорится, что во время распри из-за святых мест в 1850–1852 гг. Наполеон III уже сумел оторвать Англию и Австрию от России, чего не подтверждают английские и австрийские документы.

Для Николая, пишут авторы, эта распря была удобным предлогом для ссоры с Турцией. После отказа Англии договориться о разделе Османской империи царь решил действовать напролом: послал Меншикова утратить турок, предъявив им ультиматум и пригрозив, что в случае его неприятия «распадение Оттоманской империи стало бы неизбежным при первом же серьезном столкновении с нашим оружием». Николай хотел добиться особого договора с султаном и права покровительства всем его православным подданным, т. е. практически стать для них вто-

рым султаном. Авторы объясняют, что он был уверен в успехе, т. к. перед тем Австрия потребовала у султана удалить турецкую армию из Черногории и добилась этого. Но Австрия не собиралась оккупировать Черногорию, а меншиковский ультиматум откровенно подрывал власть султана (*Нежинский* 1999: 180–183). В Европе обратили внимание на дерзкое и провокационное поведение Меншикова. Английский посол Стрэтфорд Кэннинг (к тому времени лорд Стрэтфорд де Редклиф) советовал султану уступать до конца в вопросе о святых местах, зная, что Меншиков не удовлетворится этим, станет агрессивным, и тогда вступят Англия и Франция. Как и предположение о том, что было в голове у Николая, это описание расчетов лорда Стрэтфорда сделано без ссылок на источник. В то же время Хэмилтон Симуру вначале принял миссию Меншикова с энтузиазмом, описывая его министру иностранных дел как «замечательно разумного и хорошо осведомленного человека» с «на редкость хорошими манерами — самый лучший выбор для примирительной миссии» (*Baumgart I* 2005: 100–101). Такая характеристика, на наш взгляд, показывает, что грубое поведение Меншикова было нарочитой игрой для устрашения и примирение не входило в цели России. Уже в мае министр Кларендон писал Симуру: «Я не думаю, что князь Меншиков достойно представляет императора, потому что его действия в Константинополе не согласуются с заверениями, которые дал нам его августейший повелитель: взятки, запугивание, лесть, угрозы, секретность — он пользовался всем этим на протяжении месяцев...» (*Ibid.*: 195–197).

Тогда же Симур вдруг сообразил, что заявленные цели России в Константинополе не согласуются с ее военными приготовлениями, начатыми несколько месяцев назад (*Baumgart* 2005: 199–200). Подозрения относительно миссии Меншикова подтвердил, наконец, генерал А.Ф. Орлов в феврале 1854 г. Орлов извинился перед английским послом, что годом ранее ненамеренно ввел его в заблуждение, когда сказал, что цель Меншикова только вопрос о святых местах: «Мне так сказали, и я нечаянно ввел вас в заблуждение» (*Baumgart II* 2005: 199–200).

Султан отверг конвенцию, Меншиков уехал 21 мая, а 4 июня султан издал фирман, гарантировавший права и привилегии христианских церквей, особенно православной. Но Николай I издал манифест с заявлением, что будет защищать православных, как его предки, и, чтобы обеспечить исполнение турками прежних договоров с Россией, нарушаемых султаном, он займет Дунайские княжества.

21 июня русские войска уже не в первый раз вошли в Дунайские княжества. С точки зрения российской историографии, это еще не означало войну, а было разве что злоупотреблением правом покровительствующей державы. Но турки и Европа восприняли это не так. Ненависть к Николаю как столпу всемирной реакции была так сильна, пишут вышеупомянутые авторы, что в Англии и Франции идея войны стала популярна. Правительства этих стран русских войск в княжествах не хотели, но, как утверждают авторы, они не могли отрицать право России на

покровительство над княжествами по ее договору 1829 г. с Турцией.

Однако, с точки зрения правительства Англии, например, у России не было никаких юридических прав на оккупацию. Хэмилтон Симур писал: «Невозможно указать параграф в Кючук-Кайнарджийском или каком-то другом договоре, на который бы опирались требования России — потому что такого параграфа нет... Правда, что *de facto* император осуществляет протекторат над единоверцами в Турции. Но неправда, что E[го] B[еличество] имеет право это делать в силу статьи какого-то договора» (*Baumgart I* 2005: 287–290). Выжидательная позиция Запада объяснялась надеждой все-таки избежать войны.

Далее, согласно авторам сборника, австрийский премьер граф Буоль уговаривал Николая I очистить княжества и одновременно узнавал в Париже и Лондоне, что может получить Австрия за противостояние России. Наполеон III предупредил австрийского посла, что либо Австрия будет на его стороне, либо в союзе с Николаем I она утратит самостоятельность и потеряет свои итальянские владения.

Буоль составил ноту для султана, где излагал условия, на которых Россия покинет княжества. Николай принял их, но султан, под влиянием английского посла, вместо принятия австрийской ноты выставил собственные условия, которые Николай отверг. (Приходится отметить неточность: Буоль составлял Венскую ноту не лично, а совместно с представителями держав в Вене. Султан отверг

ее потому, что его посла не пригласили на совещания.) Царь, пишут авторы, был уверен в своей силе, т. к. посол в Париже, Н. Д. Киселев, ошибочно заверил царя, что англо-французский союз невозможен.

В октябре султан объявил войну России, потерял флот у Синопа, и 4 января 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Черное море. 29 января Наполеон III через газету «Монитер» предложил Николаю вывести войска из княжеств в обмен на уход эскадры из Черного моря и начало русско-турецких переговоров. В ответ Николай разорвал отношения с Англией и Францией. Некоторые авторы считают действия Франции попыткой «свалить ответственность на Россию» (Кисин 2020: 485–488), хотя ничто не мешало Николаю принять предложение и тем посрамить противную сторону.

Постоянные неприязненные упоминания Стрэтфорда в этом и многих других российских источниках — давняя и не подтверждаемая ссылками традиция. Возникает подозрение, что это эхо негодования Николая I на отказ Англии поддерживать его в Константинополе или ревности за то, что английский посол пользовался у турок большим престижем, чем русский посол А. П. Озеров. Корни этой враждебности видны из иронического абзаца письма Хэмилтона Симура от 24 июня 1853 г.:

«...тут [в Петербурге] возник некий миф, согласно которому определенные люди становятся олицетворениями определенных вещей. Так вот, лорд Стрэтфорд олицетворяет противодействие взглядам импера-

тора, совершенно так же, как Венера олицетворяет красоту... в то же время, к несчастью, согласно тому же мифу, предполагается, что воля Кайзера выражает интересы России» (Baumgart I 2005: 309–311).

Вышеупомянутый сборник «Россия и Черноморские проливы» был задуман как обзор российской дипломатической борьбы за проливы, и, вероятно, ограниченный объем статей лишил авторов возможности обстоятельно объяснить истоки конфликта Турции и России на Балканском полуострове, а также показать роль европейских держав в их противостоянии. В душах историков, которые сформировались в СССР, большевистский тезис, что царская Россия была хищнической империей, противоборствует с более поздними веяниями, которые заставляют их пытаться оправдывать внешнеполитические агрессии и провалы царского правительства. Отсюда опасность впасть в грех Салиха Мунира Паши и А. Ф. Тютчевой и показать только одну сторону правды — свою. Эта борьба старого и нового заметна в контрасте между сдержанным тоном вступления к сборнику и патриотической обидой в главе, посвященной восточному кризису 1850-х гг. Если, по мнению авторов, вина Николая в том, что он восстановил против себя европейское общественное мнение и совершил политические просчеты, то куда больше виноваты Англия, Франция и Австрия, которые «происками и интригами» довели Россию до агрессии против Порты. В то же время «происки и интриги» либо не объяснены, либо названы без ссылок на источники, как обвинение того же Стрэтфорда в подлоге.

В том же 1999 г. Винфрид Баумгарт, немецкий историк, издавший двенадцатитомник материалов по истории Крымской войны, публикует монографию на ту же тему. Он говорит о трех факторах, наложившихся друг на друга и вызвавших войну: внутренний упадок Турции, балканский национализм, за которым последовали взрывы в ближневосточных и североафриканских владениях империи, и вмешательство европейских держав. Российские интересы в Порте были клубком территориальных, стратегических, экономических и религиозных мотивов. Со времен Петра I Россия стремилась к «теплым морям» и в каждой новой войне с турками продвигалась вперед. В 1783 г. она взяла Крым, который с военной точки зрения был плацдармом для броска на Константинополь. В 1829 г. по Адрианопольскому мирному договору Россия взяла под контроль территории в устье Дуная и на восточном побережье Черного моря. Австрия со все большим беспокойством наблюдала за российской экспансией, т.к. разбуженный балканский национализм грозил ее империи. В 1830-х гг., после Ункяр-Искелессийского договора, Англия объявила, что целостность Османской империи представляет для нее жизненно важный интерес и ее сохранение становится одним из основных принципов английской внешней политики по стратегическим, политическим и коммерческим соображениям.

У Франции были самые старые связи с османами — еще в XVI в. она заключила союз с султаном против Габсбургов, а после битвы при Абукире (1798 г.) возникло англо-фран-

цузское соперничество за влияние в Порте, хотя оно и не было настолько острым, как англо-русское (Baumgart 1999: 4–9).

Среди обстоятельств, приведших к войне именно в 1853 г., Баумгарт видит личную неприязнь Николая I к императору французов, которого он даже оскорбил; беседу Николая с лордом Абердином в 1844 г., в которой первый предложил второму консультироваться по поводу судьбы Порты, а потом в январе — феврале 1853 г. беседы императора с английским послом, которому Николай неосторожно сказал, что «больной» Европы скоро умрет и нужно позаботиться о его похоронах: сделать Дунайские княжества и Болгарию русскими протекторатами, Сербию и Герцеговину передать Австрии, а Египет и Крит — Англии. Константинополь он видел вольным городом. Англия ответила уклончиво. Царь ошибочно считал, что внешнеполитические решения в Британии принимает монарх и его правительство. Он просто не знал, как работает британская политическая система. Еще более грубым просчетом было послать к султану Меншикова (Ibid.: 13).

Тайная цель его миссии — заключить оборонительный договор вроде Ункяр-Искелессийского — не могла остаться тайной. Худшей ошибкой царя была та, что он думал, что Англия согласится на российскую доминацию на Востоке. Турки приняли первый пункт конвенции, но отвергли второй, и Меншиков уехал. Николай прислал ультиматум, который турки отклонили, и царь занял Дунайские княжества. До конца

1853 г. в Вене подготовили несколько проектов мирных договоров, которые отвергали то Россия, то Турция. В Константинополе росло воинственное настроение, и именно турецкое общественное мнение, а не хитрости Стрэтфорда де Редклифа, привело к объявлению войны.

До «Синопской резни» это был русско-турецкий конфликт, но после того, как в «нормальном» по меркам того времени сражении русские атаковали превосходящими силами и уничтожили турецкий флот, из которого уцелело только одно судно, принесшее вест о разгроме в Константинополь, известие достигло Лондона 11 декабря, и буря негодования смела сопротивление кабинета.

Султан был таким же самодержцем, как и Николай I, но газеты представляли его образцом терпимости и жертвой России. Пресса яростно нападала на русских. Синоп и отправка англо-французской эскадры в Черное море сделали войну почти неизбежной, но прошло еще три месяца до ее объявления. В апреле 1854 г. союзники и Турция заключили договор. Целью войны стало сохранение целостности Османской империи и европейского баланса сил. То есть изгнание России из Дунайских княжеств и защита Турции. В коалицию приглашали Австрию и Пруссию — т. к. они прикрывали российские границы от прямого вторжения с запада. Зимой 1853/1854 г. происходила лихорадочная борьба России и союзников за обе германские державы. Те не хотели присоединяться к Николаю, считая, что занятие княжеств было опрометчивым и жестоким шагом,

который мог вызвать восстания на Балканах, в Польше и др., но не хотели вступать в войну. В феврале 1854 г. Пруссия объявила нейтралитет, Австрия в июне пригрозила России, что присоединится к коалиции, если та не освободит княжества. Когда ее попытки увернуться не удались, Россия пообещала сделать это. 14 июня Австрия заключила конвенцию с султаном, давшую ей полномочия для изгнания русских войск из княжеств и временной оккупации их своими войсками. 2 декабря Австрия заключила договор с англо-французской коалицией (Ibid.: 13–17).

Кит Уилсон, профессор по международным отношениям из британского Лидского университета, считает, что русско-турецкая война превратилась в Крымскую между 19/20 и 23 марта 1853 г., и причиной была не Турция, а Бельгия. 23 февраля французский министр иностранных дел Друэн де Льюис заявил английскому дипломату, что если Россия, Австрия и Пруссия сделают территориальные приобретения в Османской империи, то и Франция не станет довольствоваться тем, что имеет. 22 марта французский посланник сообщил бельгийскому министру иностранных дел, что ранее великие державы действовали по общему согласию в восточном вопросе, а теперь Россия и Австрия действуют в одиночку. Франция тоже должна заботиться о своих интересах: если хоть один русский солдат перейдет турецкую границу, Франция будет считать себя свободной от всех обязательств 1815 г. и захватит Бельгию. Бельгия обратилась к Англии (своему гаранту). Англия посоветовала привести в готовность пограничные крепости и в случае

вторжения сопротивляться, пока не придет помощь, а 23 марта прекратила тянувшиеся с января разговоры с Россией о судьбе Оттоманской империи, чтобы осложнения на востоке не привели к пересмотру всех договоров между западными державами, заключенных в 1815 г. (Wilson 2003: 64).

24 марта французский посол заявил в Лондоне, что если Россия может, презрев договоры, захватить Константинополь, то другие государства тоже могут захватывать соседние территории, и тогда первый шаг к разделу Оттоманской империи приведет к перекраиванию карты Европы.

25 марта министр иностранных дел сказал французскому послу, что Англия не будет поддерживать Россию, т.к. целью английской политики было и будет сохранение Оттоманской империи. Сближение Англии и Франции получило формальное подтверждение, когда в мае они отдали общий приказ своим флотам отправиться в Черное море (Ibid.: 66).

Тот же историк говорит, что и Франция не хотела войны. В феврале 1853 г. Наполеон III приказал сократить численность вооруженных сил и поэтому старался решить кризис дипломатическим путем — отсюда публичное через газеты обращение Наполеона к Николаю I (Ibid.: 69), которое недоверчивые российские авторы сочли попыткой переложить ответственность за войну на Россию (см. книгу «Россия и Черноморские проливы»).

Тезис Уилсона подтверждают в более ранней статье американские ис-

торики Энн Сааб и Джон Нэпп, которые работали с фамильным архивом французского посла в Вене Адольфа де Буркенэ: Наполеон был ни за, ни против войны. Его главной целью было усадить великие державы за стол переговоров, чтобы они приняли принцип национальностей и произвели обмены территорий в Европе на основе равновесия, а «умеренные» французские политики беспокоились о европейском равновесии и были счастливы, что неуклюжая русская политика дала им возможность расколоть Священный союз, оторвав Австрию от России. Так, Буркенэ, один из самых влиятельных французских дипломатов крымского периода, стремился оторвать Австрию от России, чтобы предотвратить гегемонию последней. Но и он не верил в войну (Saab 1986: 467–496).

Не хотела воевать и Австрия, чья политика заключалась в том, чтобы «всегда сопротивляться России, не разрывая отношений с ней». В 1853 г. Австрия только оправлялась от потрясений 1848–1849 гг. Летом 1853 г. Буоль писал послу во Франции: «если мы полностью бросимся в объятия Франции и Англии, это определено приведет к войне... если мы предоставим себя в распоряжение России и разделим все последствия ее более чем опрометчивой политики, мы окажемся на пороге не просто войны, а всеобщего хаоса в Европе...» (Baumgart 1999: 45). Винфрид Баумгарт считает, что Австрия из всех держав больше всего могла пострадать от распада европейского концерта, но она проявила самую большую ловкость в противостоянии войне и сопротивлении революции как ее

орудию. Она мобилизовала армию не для вступления в войну, а в качестве поддержки своей внешней политике и тем вынудила Россию покинуть Дунайские княжества (Ibid.: VII). Она стала посредником между Россией и союзниками — неблагодарная роль, но очень необходимая. Император Франц Иосиф II отказался от предложенного Николаем I раздела Османской империи на сферы влияния в июле 1853 г., ответив ему, что Константинополь как вольный город и разные лимитрофные области бывшей империи под управлением слабых правительств приведут к победе «демократических тенденций у южных славян», чего Австрия боялась, как огня (Baumgart 1979: 195–196).

Далее следуют два образчика российской исторической публицистики, которая издается и раскупается в больших количествах и во многом определяет понимание обществом событий прошлого. Эти авторы упрощенно пересказывают содержание академических работ по теме, приспособивая их к существующим в настоящее время в российском общественном сознании стереотипам. Историк И. В. Ружицкая в популярной биографии Николая I, изданной пять лет назад, рассказывает предысторию войны в главе со неожиданным названием: «Голгофа императора». Казалось бы, обожествление правителей, так же как уподобление их геополитических и военных просчетов страданиям Искупителя на кресте, не дело историка. От этого недалеко до высказываний барышни Тютчевой о богоизбранности России, когда речь идет всего-навсего о попытке установления контроля

над соседней империей. Сам пересказ событий в целом следует советским академическим источникам.

Ружицкая пишет, что после подписания Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. Россия пользовалась преобладающим влиянием в Турции. Однако это не устраивало другие великие державы, особенно Англию. Как ни старался Николай I сохранить политическое равновесие в Европе, добровольно отказавшись от преимущественного права России на проход через Босфор и Дарданеллы и согласившись разделить влияние на Балканах с другими странами, но после усмирения Венгрии русскими войсками в 1849 г. великие державы «убедились в готовности и способности русской армии появиться в любой точке европейского континента» (Ружицкая 2017: 91), и у России не осталось союзников.

Нужно пояснить, что еще на Венском конгрессе 1815 г. европейские державы, включая Россию, договорились не допускать более появления в Европе нового Наполеона, так что их беспокойство по поводу готовности николаевской армии «появиться в любой точке» было естественным. «Масла в огонь подлил спор между православной Россией и католической Францией о том, кому должны принадлежать святыне места в Палестине, входящей в состав Османской империи». Поскольку хозяйственные связи делали Турцию зависимой от Англии (а где же преобладающее влияние России? — М. С.), а Франция «рвалась к реваншу за 1812 г.», под их давлением Порты объявила войну России (Там же: 91). Николай I «не побоялся прервать

переговоры с султаном», т.к. был уверен в поддержке Австрии и Пруссии, но австрийский император оказался предателем.

Война с Турцией началась, Россия заняла Дунайские княжества. Хотя, по мнению Ружицкой, Николай I никогда не вынашивал планов захвата территории Османской империи, западные страны выступили против России, обвиняя ее именно в этом. Наполеон III в письме предложил Николаю вывести из княжеств войска и начать переговоры. Но русский монарх на это гордо ответил, что «Россия будет в 1854 году такой же, как в 1812-м», что привело к войне, в которой Англия и Франция выступили за Турцию. Как убеждена Ружицкая, они-то давно вынашивали планы отторжения от России территории Финляндии, Польши, Прибалтики, Кавказа (Там же: 93).

Как свойственно жанру, изложение подчинено цели вызвать жалость к бедному царю и к бедной Российской империи: да, Пальмерстон упомянул в 1853 г., что коли начнется война, то хорошо бы обезвредить Россию на будущее, отняв у нее перечисленное, но Англия не готовилась к войне, и мнения ее государственных мужей, высказанные в частных письмах, нельзя воспринимать более серьезно, чем невинные, по мнению Ружицкой, рассуждения Николая I в 1844–1853 гг. о грядущем разделе Оттоманской империи. Во всяком случае, английские политики не задавались такими нереальными задачами, когда дошло до мирных переговоров. Франция не стремилась к «реваншу за 1812 г.» — тогда бы она начала войну уж не в Крыму, а на

Балтийском море. У нее были другие цели, о которых рассказывают французские источники. «Предательство» Австрии царь мог предугадать, т.к. на то были очевидные резоны, которые назвал австрийский премьер граф Буоль: «Австрия — великая держава, которая может воевать за собственные интересы или за интересы Европы, но было бы недостойно ее воевать без нужды или ради услуги союзнику» (Baumgart 1981: 42). Но ошибки и просчеты царской внешней политики в целом перечислены верно, хотя и не названы таковыми.

Глава, посвященная Крымской войне в книге ростовского автора С. В. Кисина про Николая I, называется «Один против Европы». С. В. Кисин объясняет это прискорбное для России обстоятельство завистью иностранцев, цитируя слова Николая: «Европа никогда не простит нам нашего спокойствия и наших заслуг» (Кисин 2020: 354). Упоминает он и другую причину: Британия «с замиранием сердца следила за Хивинскими походами 1830-х годов генерал-адъютанта графа Василия Перовского с взятием Ак-Мечети и последующим присоединением всего Заилийского края к империи. Трепеща при мысли, что “северный медведь” тянет свою когтистую лапу к ее южной жемчужине — Индии» (Там же).

Отнести ли это к «нашим заслугам» или признакам спокойствия империи, но с точки зрения истории Россия осуществляла колониальную экспансию в Азии. Британия, которая в это время уже была на пике своего экономического и технического взлета, не трепетала, а следила за экспанси-

ей. Воевать без нужды она не хотела, а потому Хивинские походы не привели к войне. Интересно, что в 2020 г., когда захваты смежных и чужих территорий давно вышли в мире из моды и стало неприлично ими гордиться, С. В. Кисин простодушно, как престарелый екатерининский орел «времен Очакова и покоренья Крыма», радуется тому, что Николаю дали возможность округлить территорию России «за счет... ханств Средней Азии и Закавказья» (Там же: 355).

Далее автор сообщает, что Николай хотел договориться с Англией, предложив ей «большую часть Турции» — которая, заметьте, была соседним суверенным государством, — «но в Лондоне уяснили, что Россия как раз и опасна мизерностью своих потребностей» — загадочно пишет он («мизерные потребности» — это Балканский полуостров, Проливы или Константинополь?), и от договора отказались. Франция же в это время, по мнению С. В. Кисина, «в пику России» возвела на трон племянника Наполеона I (т. е. Луи-Наполеона, ставшего императором Наполеоном III); сделала она это исключительно, «чтоб усмирить зарвавшегося “медведя”», да и из реваншистских надежд отмщения «за дядю» вообще». Недавние союзники, Австрия (названная неаккуратно Австро-Венгрией, которой империя Габсбургов еще не была) и Пруссия «уже открыто тяготились попечительством “старшего брата” по коалиции... Союзники не ведали, не желали слушаться советов, зачиная показательные игры в либерализм». Из всего происходившего Николай сделал вывод, что «российская монархия с ее элементами восточного деспотизма...

показала себя... наиболее жизнеспособной и тронуустойчивой» (Там же: 354–355). Вывод Николая, если он таковой сделал (источник не указан), был больше для самоутешения, потому что «тронуустойчивыми» и в его время, и после были и скандинавские, и британская монархия, без всякой восточной сатрапии. Кажется, самому С. В. Кисину обидно, что неверные союзники России тянулись к Западу, хотя в трудные времена «всегда обращались за мольбами к спасению не на Запад, а на Восток, с его “азиатским коварством”. А потом этих же “варваров” ненавидели за помощь» (Там же: 356).

Весь этот набор клише — «старший брат», «реваншистские надежды», «игры в либерализм», «азиатское коварство» — подводит к мысли, что Россию, которую автор горделиво называет «медведем», все боялись так, что французские избиратели даже проголосовали на президентских выборах за племянника Бонапарта. А тот совершил переворот и стал императором французов, чтобы осуществить страшную месть «за дядю». Однако из мщения делают политический курс неудачники, к которым Францию эпохи восточного конфликта не отнесешь. Да и историки находят совершенно другие причины для подъема Луи-Наполеона III.

Изобилие кавычек у С. В. Кисина — недостаток, от которого А. П. Чехов предостерегал молодых писателей. Кавычки любят авторы с ограниченным словарным запасом и не умеющие точно выражаться. Непонятно, например, зачем было обращаться к России «за мольбами», когда нужно было «за спасением».

То, что С. В. Кисину кажется привлекательным в роли николаевской России, выглядит сомнительно. Не обращались за военной помощью к Западу не из-за его черствости, контрастирующей с милосердием «Востока», а потому, что на Западе войны и военные расходы контролировали ответственные правительства и королям не просто было получить одобрение парламента для вывоза пушечного мяса за границу.

Далее С. В. Кисин тем же чапаевским слогом сообщает, что «в Турции сидел уже не всем обязанный Петербургу Махмуд II, а заглядывающий в английский рот султан Абдул-Меджид... мечтающий приобщиться к “европейским ценностям” в виде возвращения потерянных в войне с гяурами территорий» (Там же: 356). Почему возвращение своих утерянных территорий было «европейской ценностью», не объясняется, но, судя по кавычкам, автор относится к идее иронически.

Как полагается российскому автору, плывущему по мере сил в идейном фарватере М. Н. Каткова, С. С. Татищева и особенно В. Пикуля, С. В. Кисин винит исключительно российскую дипломатию в том, что она «наворотила таких дел, что впору именно ее обвинять в крымской катастрофе», хотя ни один дипломат, кроме канцлера Нессельроде, в этой главе не упоминается. Хотя старик Нессельроде, как и его государь, действительно показал себя не блестяще в 1853 г. Французский посол отме-

чал, что «Николай и Нессельроде — избалованные дети, которые не хотят слышать возражений, даже сделанных в самой дружеской форме» (Thouvenel 1891: 190). Долгие годы в компании самодержца не прошли для Нессельроде даром.

Итак, Николай I отправил в Константинополь князя А. С. Меншикова с миссией, которую тот «с благословения императора» провалил, вероятно потому, что Турцию в России «вообще всерьез не принимали», по словам Кисина. «К султану князь явился, как в кабак — не в мундире, а в цивильном платье», и вообще вел себя с грубым высокомерием, хотя великий визирь «убеждал Меншикова быть умеренным, чтоб не толкнуть нас в объятия других». Тот не послушал, представил проект русско-турецкой конвенции, который был переведен⁵ при содействии «оборотистого сэра Стрэтфорда-Кэннинга» (на самом деле с 1852 г. он уже был не «сэр» и не Кэннинг, а лорд Стрэтфорд де Редклиф. — М. С.) так, чтобы султан его отверг. Фраза о праве русской стороны «делать представления перед турецкими властями» была переведена как «отдавать приказания» (Кисин 2020: 357). Вообще-то Стрэтфорд Кэннинг не нуждался в этих трюках: Меншиков, как многократно написано, повел себя по-хозяйски в Константинополе, и, видя такое поведение, турки не усомнились, что после принятия его ультиматума будет еще хуже. Но Кисин пишет, что именно Кэннинг убедил наивных турок, что уступка ультиматуму Меншикова превратит Оттоман-

⁵ Остается загадкой, с какого на какой язык англичанин переводил документ: французский турки знали без него, а переводить с русского не смог бы сам посол. Вероятно, фраза была «истолкована», а не переведена.

скую империю в протекторат России. Далее, Меншиков уехал, а его просчетами воспользовалась Англия. Она, по мнению Кисина, обещала Швеции вернуть Финляндию и Аландские острова, Пруссии — Прибалтику, Австрии — куски Порты, Дунайским княжествам — некоторую автономию, Пьемонту (который войдет в коалицию только в 1855 г.) — Венецию и Ломбардию.

Трудно поверить, что задолго до начала войны с Россией Англия так щедро распоряжалась и территорией Порты, раздела которой не хотела и которая в 1854 г. стала ее союзницей, и даже Австрии, которая в последовавшей войне не участвовала. Совершенно точно, что Швеции не предлагали ни Финляндии, ни островов, и Швеция в войну так и не вступила, хотя Англия ее к этому склоняла (Jonasson 1973: 244–253).

Описав неравную борьбу хама Меншикова против мошенника Стрэтфорда, Кисин впервые упоминает Нессельроде, заключив, что это его бездеятельность привела к созданию антироссийской коалиции. Главное для таких авторов — найти виноватого, причем желательного типа Нессельроде: не русский, да еще и карлик, две повторяющиеся характеристики, которые, видимо, в глазах автора делают очевидной его вину.

Современники были другого мнения. Граф Буоль писал о Нессельроде: «Он, конечно, видит, в каком фальшивом положении оказалось его правительство, но, не имея возможности назвать настоящие причины, он пытается свалить... вину на других» (Baumgart 1979: 264)

Узнав о коалиции, Николай I «вышел из себя» и занял Дунайские княжества.

Кисин рисковал бы сильно утомить своего читателя, рассказав, что Россия после 1812 г. пыталась установить протекторат над Молдавией и Валахией, вассалами Порты, но пользовавшимися некоторой автономией. Там-то Россия по договору 1829 г. имела право «делать представления» султану относительно назначения нежелательных для себя лиц в господари и таким образом осуществлять контроль. (Это право она и хотела ничтоже сумняшея распространить на все 12 млн православных подданных султана.) Оккупация княжеств производилась Россией не раз по праву покровительствующей державы и, с точки зрения советников Николая, была залогом выполнения Турцией договоров.

Далее, как честно признал автор, «сколотив собственными же усилиями против себя коалицию врагов», Россия начала от них отбиваться. По словам Кисина, некие «мы» (Кисин с Николаем I?) «размолотили» турецкий флот в Синопской бухте, рассчитывая так добиться капитуляции Турции (Кисин 2020: 360–361), но вместо этого на помощь Турции пришли Англия и Франция. Все пересказано на уровне и на языке, доступном очень среднему ученику средней школы.

Последний источник — статья российского историка О. Айрапетова, написанная для британского справочника по Крымской войне. Как бесстрастный хроникер, он сообщает, что в манифесте о войне с Англией и Францией, изданном 23 апреля 1854 г., Николай обвинял эти страны

во всем, что случилось после русской оккупации княжеств. Айрапетов не вдаётся в подробности обвинений, но мы уже знаем из книги Ружицкой: царь попытался представить спровоцированную им войну как вторую Отечественную, заявив, что Россия встретит ее как в 1812 г. Чтобы узнать, как оценивали его поведение в восточном кризисе и эту войну иностранные наблюдатели, достаточно взять первый из 4 томов британского раздела монументальных «Материалов по истории Крымской войны», изданных Винфридом Баумгартом⁶. В феврале 1853 г. английский посол, сэр Джордж Хэмилтон Симур докладывал, что, по его мнению, император вначале старался убедить других в неминуемом и скором распаде Турции, а теперь сам в это поверил. Вдобавок русско-австрийский союз придал России самоуверенности, и она пришла к убеждению, что у нее сюзеренные права по отношению к Турции. Теперь любое проявление независимости со стороны турецкого правительства воспринимается Петербургом почти как мятеж. Далее он предсказал: «Быть может, [правителю] России придется узнать, что безграничной властью, пусть даже она действует внутри страны, нельзя безнаказанно пользоваться за ее пределами» (*Baumgart I* 2005: 165–167).

То, что остальные историки считают грубыми просчетами Николая I, спровоцировавшими войну, Айрапетов называет «результатом ошибочной оценки баланса сил». Он согласен, что царь переоценил свое влияние в Европе и не понял перемен, произошедших там после Венского конгресса 1815 г. Если

после победы над Наполеоном ослабленные Австрия, Франция и Пруссия принимали доминирующее положение России на континенте, то в 1850-х гг. никто не хотел, чтобы Россия контролировала Константинополь и Прованс (*Airapetov* 2021: 309–311). Это точка зрения большинства историков, и спорить с ней не приходится. Хочется добавить мнение очевидца, наблюдавшего за Николаем и его окружением накануне объявления войны. Он писал в июне 1853 г.: «Я отлично знаю, чего хотят эти люди, это можно сформулировать так: “Настоять на своем во всем”, а особенно в восточных делах. Но их собственные объяснения их же целей, из-за увливания и лжи, запутали, по-моему, их самих, и — я в этом уверен — всех остальных» (*Baumgart I* 2005: 309–311). Он также отметил как зловещее последствие русской политики по отношению к Турции «нездоровое возбуждение среди молодых офицеров русской армии», которые видят в войне средство получить повышение, почести и материальные выгоды (*Ibid.*: 175–177).

Итак, современник указал еще две причины войны, незамеченные нашими авторами: милитаристский угар и сбивчивость политического курса.

В статье есть описки на грани ошибки: герцогство Голштинское на английском написано «*Golstein*» вместо «*Holstein*»; в таком написании его не найти в английских энциклопедиях и на картах. Николаевского посла в Париже спутали с его же братом генералом и назвали не Николаем Киселевым, а Павлом, который стал по-

⁶ Все издание состоит из австрийских, прусских, французских и британских документов за 1852–1856 гг.

слом только после Крымской войны. Короче говоря, когда издательства экономят на редакторах, то некоторые публикации становятся *les belles infidèles*, «неверными красавицами»: они изобилуют абстрактными умозаключениями, но ненадежны в орфографии, датах и именах собственных.

Итак, общие выводы историков: Россия стремилась нарушить в свою пользу равновесие сил, сложившееся на Венском конгрессе, и за это поплатилась — как и все, кто это делал до и после нее. Забота Николая I о балканских православных христианах никого из современников не впечатлила, потому что Россия уже 80 лет, начиная с Кючук-Кайнарджийского договора, методично отрывала от Турции — и не только от нее — территории, которые считала нужными для «округления собственных границ», как это назвал С. В. Кисин.

Еще в 1852 г. английский дипломат в Константинополе сообщал своему министру, что Франция с самого начала конфликта относительно Святых мест требовала, чтобы Порта изучила ее притязания с точки зрения юридической, но царь настаивал, чтобы Порта отказалась от такого рассмотрения. Поэтому российский посол А. П. Озеров заявлял, что вопрос, касающийся совести и веры императора и его единоверцев, нельзя рассматривать с юридической точки зрения (*Ibid.*: 63–66).

От арбитража и следования законам обычно отказываются те, кто считает себя выше законов или знает, что закон не на их стороне. В случае Николая это было очевидно всем, кроме, пожалуй, фрейлины Тютчевой.

Попытка в манифесте о войне перевернуть факты и встать в позу обороняющейся стороны никого не обманула. Большинство историков четко отделяют претензии императора на гегемонию от стойкости защитников Севастополя, заплативших своей жизнью за амбиции царя.

Хамство Меншикова упоминают все, видимо, считая его немаловажным фактором. Если бы вместо стараний унижить турок он прислушался к их возражениям, то, вероятно, смог бы и без английского посла достичь компромисса в вопросе турецких православных. Но, как все отмечают, участь христиан была только предложением, а на деле России нужна была политическая доминация в Константинополе. По многим причинам — часть которых считают наиболее существенными российские историки, а часть — только западноевропейские — Турцию Николаю не отдали, что явилось для него неожиданностью.

В целом можно констатировать, что сторонников дипломатии Николая нет, хотя есть в России авторы, сочувствующие его переживаниям после образования антирусской коалиции. Ружицкая и Кисин винят в войне Англию с Францией, но более глубокие историки практически единодушно, хотя и не всегда прямо, говорят, что Николай хотел решить восточный вопрос в пользу России военными методами.

Общий вывод один: историки разных стран вполне могут сойтись в оценках события, если будут помнить, что коренные интересы есть у всех стран, а не только у одной из участниц конфликта, и что жертва всеобщей

враждебности, как правило, немало потрудились, чтобы сплотить против себя целую коалицию. Это же мнение выразил посол сэра Джордж Хэмилтон Симур: пересказав в письме упрек графа Нессельроде: «...когда один человек вступает в борьбу против четверых... ему, конечно, приходится выслушать много претензий от этих четверых...», добавил: «Я не стал указывать графу Нессельроде, насколько неудачной должна была быть такая политика, которая вдруг делает четыре державы, каждую в разной степени, противниками России» (Ibid.: 287–290).

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Тютчева 2008 – Тютчева А. Воспоминания. М., 2008.

Baumgart 1979 – Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Series I. Band 1. 27. (W.Baumgart) Muenchen, 1979.

Baumgart 1981 – Baumgart W. The Peace of Paris 1856. Oxford, 1981.

Baumgart I 2005 – Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Series IV. Band 1. (W.Baumgart). Muenchen, 2005.

Baumgart II 2005 – Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Series IV. Band 2. (W.Baumgart). Muenchen, 2005.

Jonasson 1973 – Jonasson Axel E. The Crimean War, the Beginning of Strict Swedish Neutrality, and the Myth of Swedish Intervention // Baltic Journal of Baltic Studies. 1973. № 3.

Saab 1986 – Saab Ann P., John M. Knapp and Francine de Bourqueney Knapp. A Re-assessment of French Foreign Policy during the Crimean War on the Papers of Adolphe de Bourqueney // French Historical Studies. 1986. № 4.

Thouvenel 1891 – Thouvene L. Nicolas Ier et Napoléon III, les préliminaires de la guerre de Crimée, 1852–1854, d'après les papiers inédits de M. Thouvenel. Paris, 1891.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кисин 2020 – Кисин С.В. Император Николай I и его эпоха. Дон Кихот самодержавия. М., 2020.

Ружицкая 2017 – Ружицкая И.В. Император Николай Павлович. М., 2017.

Airapetov 2021 – Airapetov O. Russia's Policy Leading to the Crimean War // The Routledge Handbook of the Crimean War. London, 2021.

Baumgart 1999 – Baumgart Winfried. The Crimean War 1853–1856. London, 1999.

Chamberlain 1983 – Chamberlain Muriel E. Lord Aberdeen. A Political Biography. London, 1983.

Chamberlain 1989 – Chamberlain Muriel E. Pax Britannica? British Foreign Policy in 1789–1914. N. Y., 1989.

Salih Munir Pacha 1918 – Salih Munir Pacha. La Politique orientale de la Russie. Lausanne, 1918.

Wilson 2003 – Wilson K. Problems and Possibilities. Exercises in Statesmanship 1814–1918. Charleston SC., 2003.

REFERENCES

Airapetov O. Russia's Policy Leading to the Crimean War. *The Routledge Handbook of the Crimean War*. London, 2021.

Baumgart Winfried. *The Crimean War 1853–1856*. London, 1999.

Chamberlain Muriel E. *Lord Aberdeen. A Political Biography*. London, 1983.

Chamberlain Muriel E. *Pax Britannica? British Foreign Policy in 1789–1914*. N. Y., 1989.

Kisin S. V. *Imperator Nikolaj I i ego ehpokha. Don Kikhot samoderzhaviya*. Moscow, 2020.

Ruzhickaya I. V. *Imperator Nikolaj Pavlovich*. Moscow, 2017.

Salih Munir Pacha. *La Politique orientale de la Russie*. Lausanne, 1918.

Wilson, Keith. *Problems and Possibilities. Exercises in Statesmanship 1814–1918*. Charleston SC., 2003.

Е. А. Долгова

БЫТОВЫЕ КОНТУРЫ НАУЧНОГО ВДОХНОВЕНИЯ

Рец.: Валькова О. Жизнь и удивительные приключения астронома Субботиной. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 608 с.: илл. (История науки)

Рецензируется монография О. А. Вальковой «Жизнь и удивительные приключения астронома Субботиной» (М.: Новое литературное обозрение, 2021), продолжающая цикл исторических биографий выдающихся исследовательниц эпохи гендерного равноправия. Внимание рецензента привлекают контуры повседневности Н. М. Субботиной, реконструируемые О. А. Вальковой по письмам ученой за 1900–1950-е гг. В числе структурирующих рецензию сюжетов — обращения Н. М. Субботиной к Центральной комиссии по улучшению быта ученых РСФСР, Комиссии содействия ученым СССР, Народному комиссариату социального обеспечения СССР, в рецензии упоминаются знаковые «места» встреч интеллигенции тех лет — санаторий «Узкое» и Дом престарелых ученых в Ленинграде. В тексте книги рассыпаны многочисленные приметы времени, увязывающие факты отдельной научной биографии с контурами социальной истории научного сообщества первой половины XX в.

Ключевые слова: рецензия, научная биография, женщины-исследовательницы, советское научное сообщество, повседневность, ЦеКУБУ, социально-бытовое обеспечение, иерархия, привилегии, бюрократия.

Сведения об авторе: Долгова Евгения Андреевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, РФ.

Контактная информация: medievalis@list.ru.

E. A. Dolgova

EVERYDAY-LIFE CONTOURS OF SCIENTIFIC RESEARCH

Rev.: Val'kova O. A. Zhizn' i udivitel'nye priklyucheniya astronoma Subbotinoj [The life and amazing adventures of astronomer Saturday]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021

This text is a review of the monograph by Dr. Olga Valkova “The Life and Amazing Adventures of the Astronomer Subbotina” (Moscow: Novoe Literaturnie obozrenie, 2021), which continues the research of historical biographies of prominent scientists of the era of gender equality (XX century). The reviewer pays attention to the contours of everyday life of Nina Subbotina, reconstructed by O. Valkova on the letters of the researcher for the 1900–1950s. Among the subjects structuring the review are the appeals by Nina Subbotina to the Central Commission for Improving the Life of Scientists, the Commission for Assistance to Scientists, the People’s Commissariat for Social Security, mentions the “places” of meetings of the intelligentsia of those years – the “Uzkye” sanatorium and the Nursing Home for Scientists in Leningrad. The book contains numerous signs of the epoch, linking the facts of a concrete scientific biography with the contours of the social history of the scientific community in the first half of the 20th century.

Key words: review, scientific biography, women researchers, soviet scientific community, everyday life, TseKUBU, social and household support, hierarchy, privileges, bureaucracy.

About the author: Dolgova Evgeniya A., Dr in History, associate professor, principal investigator, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Contact information: medievalis@list.ru.

В 2021 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» была опубликована монография историка науки Ольги Александровны Вальковой «Жизнь и удивительные приключения астронома Субботиной», продолжающая цикл биографий выдающихся исследовательниц эпохи утвердившегося гендерного равноправия (Валькова 2021; 2019; 2006). Новый текст тщательно увязан О.А. Вальковой (через многочисленные реминисценции и аллюзии) с «приключениями» других ее героинь в единое историческое полотно, дающее представление о плотной и насыщенной коммуникации узкого интеллектуального круга представителей научного сообщества конца XIX — первой половины XX в.

В центре новой книги О.А. Вальковой — фигура астронома Нины Михайловны Субботиной (1877–1961), по определению автора, «русского Стивена Хокинга» (Валькова 2021: аннотация). В раннем возрасте Нина Михайловна перенесла скарлатинный полиомиелит и навсегда осталась глухонемой, была ограничена в движении, однако это обстоятельство не помешало ей добиться признания и уважения научного сообщества. Не имея возможности работать в научном учреждении, Н.М. Субботина одной из первых российских женщин-астрономов получила профессиональное образование, ее статьи регулярно публиковались в самых престижных междуна-

ных журналах, а монография «История кометы Галлея» была удостоена премии Русского астрономического общества. Будучи лишена слуха и голоса, Н. М. Субботина общалась с коллегами посредством обширной и очень подробной эмоциональной переписки, содержание которой тщательно и вдумчиво передает О. А. Валькова.

Как ученый Н. М. Субботина была известна еще до 1917 г. Ее вхождение в научное сообщество помогли выдающиеся исследователи-мужчины: ее отец, астроном-любитель, член Русского географического общества М. Г. Субботин, французский астроном К. Фламарион, переписывавшийся с русской «мадмуазель Субботиной», руководитель Главной палаты мер и весов Д. И. Менделеев, астроном С. П. Глазенап. Конечно, успешному началу научной карьеры способствовали и финансовые возможности семьи (московских интеллигентов-разночинцев), «стремившейся сделать все возможное для развития и обучения большого ребенка, оказавшегося очень талантливым» (Там же: 4). Н. М. Субботина стала астрономом-наблюдателем в «собственной маленькой, но вполне серьезно оборудованной обсерватории» (Там же: 7–8), разрушенной в революционные годы, имела возможность путешествовать для астрономических наблюдений (затмение 1905 г. в Бургосе в составе миссии Бельгийского астрономического общества; наблюдения в Крыму, участие в XIII Съезде русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе), выписывать научную литературу и астрономические инструменты из-за рубежа (Там же: 96), делать

значительные финансовые вклады в учредительные капиталы общественных научных начинаний (Там же: 218–219, 299). Первые трудности материального характера семья ощутила после смерти отца (М. Г. Субботина) в 1909 г., когда выяснилось, что стоимость наследства не покрывала сумму долга по залогу имения (Там же: 267–269). Тем более решительные перемены внесли Первая мировая война и революционные события, по сути завершившие период материального благополучия и поставившие семью перед необходимостью поиска источников дохода. И хотя именно в эти годы Н. М. Субботина впервые обрела возможности «профессионального» трудоустройства (в качестве астронома-наблюдателя политпросвета Сормовского завода со спектром самых разных поручений (Там же: 334–335)) и получения пусть незначительной, но официальной заработной платы за научный труд, проблемы материального обеспечения она будет решать на протяжении всех последующих лет своей жизни, обращаясь к учреждениям социальной и медицинской заботы тех лет: Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ), сменившей ее в 1931 г. Комиссии содействия ученым (КСУ), Народному комиссариату социального обеспечения СССР (НКСО).

В этом отношении случай Н. М. Субботиной не был исключением. В начале 1920-х гг. Центральной комиссией по улучшению быта ученых, созданной для поддержки материального положения научных работников и деятелей искусства, пошатнувшегося в годы Гражданской войны и военного коммунизма, все

ученые оказались распределены по пяти разрядам в соответствии с присвоенной квалификацией (пересматривалась раз в два года) (Год работы 1922: 104), а в 1926 г. разряды объединили в три группы: «А», «Б» и «В». Уровень снабжения ученых зависел от их научной квалификации, в связи с этим делопроизводство ЦеКУБУ тех лет насыщено ходатайствами и просьбами научных работников. Обращения Н. М. Субботиной также отложились в фонде указанных учреждений (Р-4737) в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Одним из таких документов, встретившимся рецензенту, является извещение ЦеКУБУ, направленное Н. М. Субботиной 2 августа 1923 г. в ответ на ее ходатайства о выдаче единовременного пособия или разовой выплаты за два месяца вперед, о пересмотре квалификационного разряда (ГАРФ 3: Л. 79). Просьба Н. М. Субботиной была обусловлена тем, что в указанные годы на иждивении физически нездоровой исследовательницы состояла ее мать, а разница в денежном довольствии между разрядами ЦеКУБУ (от 1 до 5 в зависимости от научной квалификации) была ощутимой. В ЦеКУБУ в те годы поступало много писем сходного содержания, оттого и ответ был дан достаточно сухой: Н. М. Субботину извещали о том, что выплаты вместо КУБУ будут осуществляться через местную Секцию научных работников и суммы уже распределены¹, подтверждали право вписать в анкету на денежное довольствие мать, со-

стоявшую на иждивении, по поводу же повышения разряда советовали передать представление местного органа регистрации научных работников в центральную Экспертную комиссию на утверждение. Вероятно, Н. М. Субботина последовала совету, т.к. при прохождении перерегистрации в 1927 г. (Долгова, Стрельцова 2019) она, учитывая наличие у нее опубликованных научных работ, была зачислена в высокую группу «Б» — «установившихся ученых, имеющих самостоятельные научные работы» (бывшие работники 3-го и 4-го разряда). В 1927 г. Н. М. Субботина была зарегистрирована уже по ленинградскому списку научных работников (ГАРФ 2: Л. 203): переезд исследовательницы из Сормово в Ленинград состоялся в 1926 г. (Валькова 2021: 350–351).

С бюрократической системой и особенностями ее документооборота Н. М. Субботина столкнется еще не раз. Особенно показательна в этом отношении ее драматическая переписка периода эвакуации, опубликованная О. А. Вальковой. Оказавшись в июне 1941 г. в Крыму в астрономической экспедиции, Н. М. Субботина, конечно, не имела с собой ни дипломов, ни квалификационных удостоверений. Трагические обстоятельства (почти вся ее семья погибла в блокадном Ленинграде, квартира была разрушена при бомбежке) не принимались во внимание в механически отлаженной бюрократической переписке: пришлось задействовать «неформальные» связи и ходатайства, чтобы доказать принадлеж-

¹ Обращение совпало с реформой ЦеКУБУ — в 1923 г. были упразднены ее местные отделения, в том числе Нижегородское, на попечении которого состояла в те годы Н. М. Субботина.

ность к «ученому сословию» (Там же: 499–511). В этом отношении показательна та энергия, с которой Н. М. Субботина преодолевала бюрократические препятствия. На протяжении «советского» периода жизни исследовательница часто получала путевки в санатории (в том числе в привилегированный санаторий «Узкое»), оказалась включена в списки Комиссии содействия ученым (в 1931 г. сменившей ЦеКУБУ и резко обособившей круг привилегированных научных работников), прикреплена к закрытому распределителю КСУ, в последнее пятнадцатилетие жизни получила отдельную комнату в элитарном Доме престарелых ученых (ДПУ) в Ленинграде, Халтурина, 27, близ Эрмитажа с его ценной для исследовательницы библиотекой. О. А. Валькова связывает значительную социально-экономическую поддержку Н. М. Субботиной с ее членством в Секции научных работников (Нижегородской, позднее — Ленинградской областной СНР) (Там же: 367). Однако членство в СНР было обязательным условием для регистрации научного работника в ЦеКУБУ и зачисления в квалификационные разряды/категории. Более важными в этом отношении представляются «горизонтальные связи» и их роль в организации минимально необходимых, учитывая нездоровье Н. М. Субботиной, условий ее бытовой жизни. На протяжении книги О. А. Валькова часто цитирует письма Н. М. Суб-

ботиной Николаю Александровичу Морозову, с которым исследовательницу связывала многолетняя дружба (Там же: 367). Важно учитывать, что после 1917 г., наряду с В. Н. Фигнер, деятель народовольческого движения, «шлессельбуржец» Н. А. Морозов превратился в своего рода «реликвию Революции», был на особом положении, даже имел особую комнату в санатории «Узкое» (Сабанеев 2004). И, учитывая тесную многолетнюю дружбу, мог ходатайствовать о помещении Н. М. Субботиной в учреждения медико-социального обслуживания высокого уровня и особом отношении к ней (особенно принимая во внимание очевидные проблемы со здоровьем Н. М. Субботиной, ее многолетний труд)². Об уважении к Н. М. Субботиной других выдающихся исследователей, обладавших значительным профессиональным и административным весом, свидетельствует признание ей пожизненной персональной пенсии в 1934 г. в размере 200 рублей, с 1945 г. — 400 рублей в месяц (ходатайство было подписано академиками А. П. Карпинским, С. А. Чаплыгиным, В. Ф. Миткевичем, астрономами С. П. Глазенапом, А. А. Ивановым, А. А. Белопольским, К. Д. Покровским, Б. П. Герасимовичем и др.) (Валькова 2021: 404–406). В отношении Н. М. Субботиной, конечно, действовали и принципы особой корпоративной этики, основанной на принципах взаимовыручки и помощи коллег.

² Хотя и его возможности были ограничены, так, судя по тексту, обращение Н. М. Субботиной к нему с просьбой о ходатайстве перед Наркомпросом о сохранении частной астрономической обсерватории Субботиной в им. Соболяки в форме научного музея/сооружения не имело успеха (Валькова 2021: 312–313). Обращалась к нему Н. М. Субботина и в связи с угрозой переноса могил родителей в ходе реконструкции кладбища Александровской лавры (1936), ходатайство также осталось без последствий (Там же: 408–411).

Ценным источником представляется выявленная О. А. Вальковой переписка последних лет жизни Н. М. Субботиной — времени ее проживания в Доме престарелых ученых в Ленинграде. ДПУ с 1922 г. функционировал в системе ЦекУБУ, с 1931 г. — КСУ, а в 1934 г. в ходе реформы управления имуществом КСУ был передан в ведение Народного комиссариата социального обеспечения СССР. По замыслу учредителей, Дом должен был стать последним местом жительства и работы для одиноких научных работников, однако в силу разных причин объединил под своей крышей родственниц (вдов) выдающихся деятелей культуры, оставшихся после их смерти без экономического обеспечения (Долгова 2018). В этом отношении Н. М. Субботина в Доме оказалась на особом счету: О. А. Валькова приводит цитаты из ее писем с просьбой освободить ее от внесения выплат в кассу ДПУ за проживание (320 рублей из 400 пенсионных) в связи с тем, что в ДПУ исследовательница не просто находилась на государственном попечении, а продолжала научную работу (Валькова 2021: 540). Вопрос материального обеспечения и здесь оставался остроасущным, в делопроизводственной документации ДПУ тех лет содержались просьбы о введении НКСО «карманных денег» для пенсионеров: «ученые, которые живут в ДПУ за свои заслуги, не имеют денег на мелкие расходы и этим самым поставлены в затруднительное положение по оплате трамвая, вешалки в поликлинике, театре и пр.» (ГАРФ 1: Л. 98). Жесткая экономия преследовала Н. М. Субботину в те годы — от нехватки денег на покуп-

ку осеннего пальто и обуви (Валькова 2021: 563–564) до определения под «ограниченные средства» пункта астрономических наблюдений за солнечным затмением 1954 г. (выбор места менялся от удобных с точки зрения наблюдения Нальчика и Днепропетровска до более доступного в финансовом отношении Киева и, наконец, самого близкого к Ленинграду Пулково (Там же: 571–573). В этом отношении, конечно, бытовые контуры решительно ограничивали и корректировали возможности исследовательницы, однако не могли стать препятствием для научной работы. Представленная биография — важный в ценностном отношении текст, утверждающий силу и энергию человеческого духа, какими бы внешними — политическими, социально-экономическими, наконец, физическими обстоятельствами он не оказывался скован.

В тексте книги рассыпаны многочисленные приметы времени, увязывающие факты отдельной научной биографии с сюжетами социальной истории научного сообщества первой половины XX в. Наряду с заключениями и наблюдениями науковедческого характера, в книге важное место занимает описание повседневности Н. М. Субботиной, она формирует и структурирует контуры ее профессиональной биографии. И в этом отношении значение предложенного читателю текста О. А. Вальковой выходит за пределы научной биографии выдающейся исследовательницы Н. М. Субботиной, скорее, его можно назвать историей научных открытий в «человеческом измерении».

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ГАРФ 1 — Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 2393.

ГАРФ 2 — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 315.

ГАРФ 3 — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 85.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Валькова 2006 — Валькова О.А. Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. 314 с.

Валькова 2019 — Валькова О.А. Штурмуя цитадель науки. Женщины-ученые Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 800 с.

Валькова 2021 — Валькова О.А. Жизнь и удивительные приключения астронома Субботиной. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 608 с.

Год работы 1922 — Год работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров (ЦеКУБУ). М.: [Б.и.], 1922. 22 с.

Долгова, Стрельцова 2019 — Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические

исследования. 2019. № 2. С. 97–107. DOI: 10.31857/S013216250004014-8.

Долгова 2018 — Долгова Е.А. На одном крыльце сидели племянник Достоевского, внук Пушкина // Родина. 2018. № 6. С. 114–117.

Сабанеев 2004 — Сабанеев Л.Л. Воспоминания о России / предисл. Т. Масловской; коммент. С.В. Грохотова. М.: Классика-XXI, 2004. 266 с.

REFERENCES

Val'kova O.A. *Zhizn' i udivitel'nye priklyucheniya astronoma Subbotinoj*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 608 p.

Val'kova O.A. *Ol'ga Aleksandroovna Fedchenko, 1845–1921*. Moscow: Nauka, 2006. 314 p.

Val'kova O.A. *Shturmuya citadel' nauki. Zhenshchiny-uchenye Rossijskoj imperii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 800 p.

Dolgova E.A., Strel'tsova E.A. "Dobro pozhalovat' v klub": polozhenie zhenshchin v sovetskoj nauke 1920-h godov, *Sociologicheskie issledovaniya*, 2019, no 2, p. 97–107. DOI: 10.31857/S013216250004014-8.

Dolgova E.A. Na odnom kryl'ce sideli plemyanik Dostoevskogo, vnuk Pushkina, *Rodina*, 2018, no 6, p. 114–117.

Sabaneev L.L. *Vospominaniya o Rossii*. Moscow: Klassika-XXI, 2004. 266 p.

Благодарности: рецензия подготовлена при поддержке гранта РНФ № 20-78-1009 «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

Acknowledgments: This review was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 20-78-10095.

А. А. Тесля

ОБ ОПЫТЕ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ МИНСКОГО

Рец.: Сапожков С. В. По опасной тропе «холодных слов»: поэзия и судьба Николая Минского. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2021. 608 с.

В эссе рассматривается первый развернутый опыт биографии Николая Минского — одного из ярких представителей раннего символизма, заметной фигуры в истории того феномена, который в последующем получил название «русского религиозного ренессанса». Особенный интерес представляет описание последних тридцати с лишним лет его жизни, до этого освещенных очень слабо. К сожалению, работа еще далека от полноценной биографии — и остается надеяться, что работа над изучением жизни и творчества Минского продолжится, принося новые открытия и новые оттенки понимания русской интеллектуальной истории.

Ключевые слова: история русской журналистики, история русской литературы, мэонизм, религиозно-философские собрания, символизм.

Сведения об авторе: Тесля Андрей, кандидат философских наук, (1) старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; (2) старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

А. А. Teslya

ON THE EXPERIENCE OF THE BIOGRAPHY OF NIKOLAI MINSKY

Rev.: Sapozhkov S. V. Po opasnoj trope "kholodnykh slov": poehziya i sud'ba Nikolaya Minskogo. Moscow: Izd-vo Dmitriy Sechin, 2021. 608 p.

© А. А. Тесля, 2022

DOI 10.31754/2409-6105-2022-2-378-382

The essay examines the first detailed experience of the biography of Nikolai Minsky, one of the brightest representatives of early Symbolism, a notable figure in the history of the phenomenon that later became known as the “Russian religious renaissance. Of particular interest is the description of the last thirty-odd years of his life, previously very poorly covered. Unfortunately, the work is still far from a full-fledged biography — and it remains to be hoped that work on the study of Minsky’s life and work will continue, bringing new insights and new shades of understanding of Russian intellectual history.

Key words: history of Russian journalism, history of Russian literature, Meonism, religious and philosophical gatherings, symbolism.

About the author: Teslya Andrey A., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University

Contact information: mestr81@gmail.com.

Николай Минский — одна из ярких фигур русской культурной жизни 1890–1900-х гг.: без упоминания о нем не может обойтись ни очерк русской поэзии этого времени, ни историко-философских обзор, ни рассказ о религиозных исканиях русской интеллигенции начала века, если пользоваться привычными самой эпохе публицистическими формулировками.

Тем более удивительно, что до сих пор не было ни одного более или менее подробного изложения его биографии — и сразу же следует сказать, что и рассматриваемая книга все-таки является лишь очерком, первым наброском на пути к обстоятельному биографическому повествованию.

Причины такого положения дел, впрочем, связаны с самой биографией Минского. После 1905 г. он оказывается одновременно и в эмиграции, и вне основных политических и литературных лагерей и групп — ему удается найти газетный заработок, удержаться вплоть до начала 1920-х пусть и на периферии, но все-таки

в рамках литературного процесса, но ни для кого он уже не будет «своим».

А окончательно вне любых литературно-публицистических групп он окажется в 1923 г., после перехода на работу в советское торгпредство в Лондоне. На первый взгляд это может показаться странным — достаточно вспомнить хотя бы судьбу Святополка-Мирского (или, в другом масштабе — Горького), но минимальная детализация все расставляет по своим местам: ведь Минский не был сколько-нибудь плотно включен в зарубежный литературный процесс, не имел в глазах европейской аудитории значимой репутации и не представлял существенного актуального интереса (и тем самым не мог в какой-то мере конвертировать свою значимость, например, для французской, немецкой или английской аудиторий — во внимание эмиграции или советских властей).

В текущем своем творчестве 1920-х он был мало интересен советской стороне — в том числе и потому, что — как убедительно показывает его биограф,

фактически мало изменился в существе своих взглядов и литературной программы с 1900-х гг.: он по-прежнему стремился соединить свои философские и эстетические представления с актуальной политикой, более того — свои прошлые произведения он не переосмысливал сугубо как отошедшие в прошлое. Напротив, в достаточно характерной для символизма рамке он представлял свою литературную биографию как целое, своего рода «набегающим итогом», где прошлое оказывалось не ошибками и отжитым, а включаемым в современность, как то, из чего не только вырастает последующее, но и остается в нем, сохраняется. Для него в 1920-е нет противоречия между его религиозно-философскими исканиями и прославлением, например, Ленина — и столь же понятно, что такое совмещение в советской оптике тех лет может быть принято как историческое своеобразие, но никак не санкционировано в качестве актуальной что «пролетарской поэзии», что «попутчиков». И столь же понятно, что для эмиграции стареющий Минский одновременно и политически далек, и эстетически пережил время, оказавшись обломком рубежа веков — и при этом не настолько громок, заметен, чтобы пусть отрицательно, в противостоянии — но приковывать к себе внимание.

Он оказывается в длинном забвении — частью истории литературы еще при жизни, тем, от кого не только не ждут нового, но и принципиально еще и не желают его. Если старые знакомые, прежде всего Луначарский, поддерживают идею издания нового поэтического сборника — то эта поддержка слаба, все аргументы, которые находятся — скорее ме-

морального характера, а Минский стремится в конце 1920-х к другому, все надеется оказаться вновь живым как автор. И закономерно, что пробить сопротивление Госиздата, настоять на издании книги, не получается — ведь и те, кто симпатизирует ему, фактически апеллируют к тем же самым соображениям, что и противники. Он для всех стал окаменелостью русского литературного процесса — против чего отчаянно пытался протестовать в последнем письме в Госиздат, осенью 1928 г., когда тот соглашался напечатать его переводы (рассматривая это как род материальной поддержки, тогда как сам Минский стремился прежде всего к возвращению в литературу):

«Если мои стихи не подошли Вам, скажите прямо, и я буду знать, что я умер для советской России, а так как я не существую для эмиграции, то вообще умер как писатель. <...> Если же на самом деле все стало из-за “производственных условий”, то литературная жизнь старейшего из оставшихся в живых русских поэтов заслуживает того, чтобы ее обсудили отдельно, а не “среди целого ряда других дел”.

Год тому назад советская власть назначила мне персональную пенсию как “революционному поэту за пятидесятилетнюю художественную и научную деятельность”. <...>

Единственно важное то, что я всю жизнь сознавал себя поэтом, а не переводчиком. Три поколения русских читателей знали меня как поэта. Пенсия назначена была мне как поэту. В истории русской литературы обо мне пишут как о поэте.

Не могу передать Вам чувство обиды и отчаяния, которое овладело мною при получении отказа. Мысль о том, что для советской России вся моя поэтическая деятельность останется неведомой и как бы не существовавшей, кажется мне горше смерти.

Меня в эти тяжелые дни поддерживает лишь надежда на то, что Вы найдете мои доводы справедливыми, поймете мою муку и отмените незаслуженный приговор» (Письмо А. Б. Халатову...: 459, 461).

В результате Минский оказывается «в стороне», не исключаемый из описаний прошлого — но уменьшающийся в размере, как один из персонажей былого — чей масштаб определяется прежде всего в последующей перспективе, там, где находятся мемуаристы или первые историки, по живым еще следам описывающие 1880–1900-е.

Сапожков в своей книге во многом только намечает пути дальнейшей разработки биографии. Так, совсем пунктиром освещены последние тридцать лет жизни Минского — фактически более или менее детализированы лишь эпизоды с возвращением Минского в Россию в 1914 г. по амнистии (по делу об издании «Новой Жизни» в 1905 г. — примечательно, что поручителем за Минского выступил С. Ю. Витте), опровергнута биографическая версия самого Минского о причинах его скорого возвращения во Францию (уезжает он, видимо, осознав свою не востребоваемость в текущих российских условиях, в частности — после провала объявленной лекционной гастрополь). Следующий относительно

подробно описанный момент — начало 1920-х гг., берлинская эмиграция, где Минский пытается — и достаточно успешно — играть роль примирителя, выступая над партийными разногласиями с позиций «культуры», т. е. возможности иной сферы общения и взаимодействия, помимо политических разногласий.

Остальные события за все эти годы остаются в тени — так, даже поступление на советскую службу в 1923 г. описывается кратко, без подробностей работы Минского в лондонском торгпредстве. Вне пределов внимания биографа оказываются и многие обстоятельства личной жизни Минского — например, из биографии почти ничего нельзя узнать об эмигрантской жизни поэта со второй женой, Людмилой Вилькиной (ум. 1920), совсем скомкано излагаются подробности отношений с Зинаидой Венгеровой, с которой Минский был знаком на протяжении практически всей жизни и которая стала его третьей и последней супругой (официально они вступили в брак в 1925 г.). Понятно, что внимание к тем или иным конкретным сторонам жизни персонажа — выбор биографа, но огорчает (и одновременно вызывает надежду на продолжение исследований в этом направлении) дисбаланс между первыми частями работы, где Минский описывается в более или менее плотном и местном контексте — Вильны, Киева, Петербурга, его дружеских связей и знакомств, родства — с семейством Венгеровых, — и последующими «разряженными» частями, где плотность взаимодействий с другими людьми и кругами уходит из сферы авторского внимания.

Книга, как отмечает сам автор, выросла из подготовки собрания стихотворений Минского, вышедшего в 2002 г. в «Библиотеке поэта» — в рассказе о его поэзии в контексте биографии и состоит ее преимущественный интерес. Так, в книге рассыпана масса замечаний о вырастании раннего символизма из поздней народнической поэзии, Надсона — влияния Бодлера и в свою очередь прочтении его сквозь призму социальной проблематики, в одновременном стремлении найти для народнических устремлений «метафизические» основания. Минский примечателен и тем, что сознательно строит свою теоретическую схему как возвращение к романтизму — в утверждении «диады», противополо-

ставлений и совмещений, в отвержении «триады», стремления к снятию: искомое обретается в соположении планов, при их сохранении.

Завершается книга аннотированной библиографией текстов Минского и литературы о нем (с. 483–596), драгоценным указателем к дальнейшему изучению Николая Минского, литературной, публицистической, философской и др. сторон его жизни — работе, которая по большому счету еще только начинается.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Письмо А.Б. Халатову — Письмо А.Б. Халатову, директору Госиздата, от 26.X.1928, Париж.

А. А. Тесля

В. Н. КОКОВЦОВ: ВОСПОМИНАНИЯ МОЛОДОСТИ

Рец.: *Кокковцов В. Н.*, гр. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры / сост. М. А. Васильевой, М. В. Ковалева; вступ. слово Д. Хансона; предисл. С. М. Некрасова, А. В. Воронезцева и М. В. Ковалева; подгот. текста М. В. Ковлева, М. А. Васильевой; коммент. М. В. Ковалева. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына; Русский путь, 2011. 288 с.

В эссе рассматривается поздний мемуарный текст графа В. Н. Кокковцова, посвященный обстоятельствам его детства, юности. Также в мемуарах, публикуемых впервые, Кокковцов останавливается на ранних этапах своей служебной карьеры и дает краткие и выразительные характеристики своих коллег и друзей. Мемуары Кокковцова, в отличие от изданных им при жизни «Воспоминаний», посвященных 1903–1919 гг. и останавливающихся преимущественно на внешних обстоятельства, позволяют увидеть живой человеческий облик одного из первых лиц империи последнего царствования.

Ключевые слова: Александровский лицей, бюрократия, история образования, история детства, русская мемуаристика.

Сведения об авторе: Тесля Андрей, кандидат философских наук, (1) старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; (2) старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

A. A. Teslya

VLADIMIR KOKOVTSOV: MEMORIES OF YOUTH

Rev.: *Kokovcov V. N.*, gr. Obyvki vospominanij iz moego detstva i licejskoj pory, sost. M. A. Vasil'evoj, M. V. Kovaleva; vstup. slovo D. Khansona; predisl. S. M. Nekrasova, A. V. Voronezhceva i M. V. Kovaleva; podgot. teksta M. V. Kovleva, M. A. Vasil'evoj; komment. M. V. Kovaleva. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenicyna; Russkij put', 2011. 288 p.

The essay examines count V.N. Kokovtsov's late memoirs on the circumstances of his childhood and youth. Also in the memoirs, published for the first time, Kokovtsov dwells on the early stages of his career and gives brief and expressive characteristics of his colleagues and friends. Kokovtsov's memoirs, in contrast to the "Memoirs" published by him during his lifetime, devoted to 1903–1919 and dwelling primarily on external circumstances, allow us to see a living human face of one of the first persons of the Empire of the last reign.

Key words: Alexander's Lyceum, bureaucracy, history of education, history of childhood, Russian memoirs.

About the author: Teslya Andrey A., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Contact information: mestr81@gmail.com.

Еще при жизни В. Н. Коковцова, в начале 1930-х, его обширные мемуары вышли сначала в издании парижского журнала «Иллюстрированная Россия», а затем появились в переводах на основные языки. Но опубликованные Коковцовым мемуары могли только укрепить тот образ, который возник в 1900–1910-е гг., когда автор оказался сначала близко к главной сцене российской истории, а затем и в самом ее центре — возглавляя с осени 1911 г., после гибели П. А. Столыпина, и вплоть до начала 1914 г. правительственный аппарат империи.

«Из моего прошлого» — рассказ очень сдержанный, мало вводящий в интимную жизнь рассказчика — и при этом далекий от живописного описания недавнего прошлого, от ярких заметок о людях и событий или обстоятельных размышлениях из ретроспективы.

Если в последние два десятилетия существования империи у Коковцова, последовательно занимавшего в это время посты товарища министра финансов, затем — министра и, следом,

с оставлением за собой портфеля минфина, еще и председателя Совета министров — был образ идеального бюрократа, со всеми его сильными и слабыми сторонами, то воспоминания его закрепляли. Бурные годы, решающие события растекались в подробности входящих и исходящих, совещания и докладные записки едва ли не вытесняли творящуюся на глазах историю — а сама история представляла родом «беспорядка».

Несколько лет спустя по выходу «Воспоминаний 1903–1919 гг.» Коковцов для архива Александровского лица — председателем заграничного общества лицейстов он был до последних годов своей жизни — начал писать воспоминания о годах своей учебы. По счастью, В. Н. не ограничился лишь рассказом о лицейской жизни — ход воспоминаний увлек его намного далее. Хотя сил уже явно не хватало — и поздние мемуары, хотя и сохранились в нескольких вариантах, считая отпечатанную на машинке беловую рукопись, отличаются некоторой сбивчивостью — но здесь Коковцов рассказывает о частном, о той стороне своей жизни, ко-

торуую сознательно вывел за скобки в мемуарах о 1903–1919 гг. Более того, сам ход воспоминаний вызывает у автора стремление запечатлеть свою память о людях, для него значимых, — соединить рассказ о детстве с годами зрелости: для связного рассказа уже нет времени — и одновременно, как думается, этому препятствует и добросовестность мемуариста, как ее представляет себе Коковцов — для рассказа о 1880-х — начале 1900-х у него нет достаточного материала, он не вел дневник, и, в отличие от лет своего министерства и премьерства, нет помощи в отрывном календаре с пометками о делах и планах, которые служили биографической канвой, опорой памяти. Так что вместо связного погодного рассказа Коковцов завершает воспоминания краткими очерками о трех людях, особенно ему близких и памятных по службе — о К. К. Гро-те, Ф. А. Ооме, тесте, и о Д. М. Сольском.

Но большая часть «Обрывков воспоминаний» посвящена временам детства и юности — от рассказа о семье, родных и близких — до подробного рассказа о гимназии и лицее, который он окончил в числе лучших учеников в 1872 г.

И эта часть воспоминаний многое объясняет в других рассказах как самого Коковцова, так и о нем — в том его образе, который сложился в глазах современников. Прежде всего — это история тяжелой и трудной молодости и глубокой ответственности, несколько «пуританской» или «кальвинистской» закваски, преобладающего сознания своего долга — того сочетания добротности, строгости,

честности и прямоты, которая сочетается с недостатком чувствительности, взаимосвязи неумения и нежелания видеть оттенки — где одно переходит в другое.

Есть в них и не подчеркиваемая — быть может, даже несколько слепая для самого автора — черта между более или менее беззаботным и обеспеченным дореформенным существованием — и заботами, которые обрушиваются на семейство после 1861 г., когда больше нет возможности устраивать детям домашнее обучение в имении, когда приходится заботиться о будущем, становящемся все более неопределенным. Вся юность Коковцова проходит между двух бед — смертью матери в 1863 г., едва только его с братьями отправляют в Петербург и он начинает ходить в гимназию — и смертью отца десятилетие спустя, вынудившей его радикально изменить уже вроде бы вполне намеченный жизненный путь.

Это мир постоянной заботы, труда, выживания — и очень тесно сплетенный, прочный семейный мир, в котором едва ли не каждое твое решение, поступок сказываются на многих других, как и их — на тебе. Так, ключевой эпизод рассказа — поступление в Александровский лицей — оказывается не только и едва ли не столько частью личной истории, сколько истории семьи — поскольку лицей позволяет снять с семьи многочисленные заботы об образовании, избавиться от трат на обучение в гимназии и жизнь в Петербурге: лицей предстает и как большой жизненный шанс, и одновременно как решение множества семейных

вопросов. А в рассказе о лицее сплетаются сразу несколько сюжетов — история про дружбу, обретенную на всю жизнь, с Плеске (который затем окажется и предшественником Коковцова по министерству финансов), и история про годы, проведенные в закрытом учебном заведении, формирующем новую общность, то самое «братство», и о лицейском мирке, который одновременно предстает как связанный равенством — исключением за скобки всего, что существует вовне, — и одновременно новых, внутренних различиях. Старик-Коковцов с удовольствием вспоминает о молодых годах, где он не был ни примерным учеником, сторонящимся «шалостей», ни гулякой — умея с юных лет соблюдать, по крайней мере в своих глазах, мудрую умеренность, отдаваясь и радостям, и усердному труду — овладевая премудростью не только усердием, но способностями.

«Обрывки воспоминаний...» примечательны и тем, как в самом рассказе о прошлом можно видеть оборачивание одной и той же черты характера, взгляда на мир — где пугающее оказывается прямым продолжением вызывающего восхищение. Так, предельная собранность, последовательность, добротность Коковцова предстает совсем с другой стороны в его рассказе об участии в инспекции тюремных учреждений в конце 1870-х, с которой и начнется его карьерный взлет. Ровным тоном он рассказывает об осмотре Дома предварительного заключения на Шпалерной, где в это время содержались привлеченные по делу 193-х, — отмечая беспорядок, в силу в том числе и конструктивных особенностей помещения —

и возможность для заключенных переговариваться между собой, в нарушение инструкции — как «явная насмешка над принципом изоляции» (с. 225). Он никому не желает зла, не задается вопросом о справедливости и несправедливости происходящего — его целью является лишь максимальное осуществление установленного порядка, стремление привести действительность в соответствие с регламентом — и удовлетворенно отмечает успех своих действий, ликвидацию тюремных вольностей в 1879 г.

И эта своеобразная бесчувственность — отчужденность от вопросов о смысле, о том, ради чего все это происходит, — оттеняется другими страницами, бросающими яркий отсвет на личность рассказчика: его большим и напряженным рассказом о выборе жизненного пути. Дело в том, что к окончанию лицея Коковцов заслуживает лестного внимания наставников — прежде всего А. Д. Градовского, выдающегося специалиста по истории и теории государственного права, профессора Петербургского университета, призывающего его пойти по научной стезе, фактически зовущего к себе в ученики — потратить еще пару лет, по окончании лицея, на обучение в университете и затем, спустя еще год, попытаться представить магистерскую диссертацию. Коковцов получает согласие отца, берущего на себя содержание сына в течение предстоящего трехлетия научных трудов, получает, через принца Ольденбургского, высочайшее соизволение на зачисление в университет, с учетом предстоящих лет в годы службы. Но слушать университетские лекции и вникать

в науку права, отличную от той практико-ориентированной дисциплины, с которой он познакомился по обучению в лицее, ему придется лишь пару месяцев. Скоропостижная смерть отца и необходимость заботиться о сестрах и младшем брате приведет трех старших братьев, включая Владимира Николаевича, к существенному изменению своих жизненных планов — Владимир воспримет как

прямое веление долга необходимость поступить на службу, отказаться от научных надежд — и в воспоминаниях, написанных в конце жизни, уже глубоким, более чем 80-летним стариком, явственно звучит оставшаяся двойственность — сожаления и размышления о возможности для него совсем другой жизни, почти ставшей явью — и гордости, что нашел в себе силы принять должное решение.

А. А. Тесля

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Рец.: *Флоренская В. А. Моя жизнь* / подготовка текста О. Л. Бандман и Д. А. Лебедев, коммент. И. С. Булкиной. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 280 с. [серия: «Россия в мемуарах»].

Воспоминания Веры Флоренский — ценный исторический и литературный памятник, образчик «частной прозы»: заметок, написанных для близких, вне планов публикации. Охватывая почти все XX ст. и массу сюжетов — от молодости на Урале и в Сибири вплоть до 1960–1970-х гг. и истории отечественного трудового права — они примечательны именно своим «частным» характером, зарисовками из жизни советской интеллигенции 1920–1970-х гг. — от быта и работы красной профессуры до возвращения после реабилитации в 1956 г. и последующего обустройства «новой нормальной жизни».

Ключевые слова: история русской юриспруденции, история советского периода, история ссылки, мемуаристика, Е. Б. Пашуканис.

Сведения об авторе: Тесля Андрей, кандидат философских наук, (1) старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; (2) старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

A. A. Teslya

IRON AGE PRIVACY

Rev.: *Florenskaya V. A. Moya zhizn'*, *Podgotovka teksta O. L. Bandman i D. A. Lebedev*, *komment. I. S. Bulkinoy*. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2022. 280 p. [seriya: "Rossiya v memuarakh"].

Vera Florensky's Memoirs are a valuable historical and literary monument, an example of "private prose": notes written for loved ones, outside the plans of publication. These sketches span spanning nearly the entire 20th century and covering a host of subjects — from her youth in the Urals and Siberia to the

1960s and 70s and the history of Russian labor law--these works are remarkable precisely for their “private” nature, sketches of life among the Soviet intelligentsia in the 1920s and 1970s, from her life and work to her return after her rehabilitation in 1956 and her subsequent adjustment to a “new normal life”.

Key words: history of Russian jurisprudence, history of the Soviet period, history of exile, memoirism, E. B. Pashukanis.

About the author: Teslya Andrey A., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University

Contact information: mestr81@gmail.com.

Мемуары Веры Александровны Флоренской (1900–1996) писались для себя и для близких, задуманные и исполненные во многом как род дневника — последовательных записей о прошлом. Своеобразная дневниковость — и близость текста именно к рассказу, который развертывается одновременно и для рассказчика, который обдумывает последовательность, возвращается к ранее сказанному на другом повороте повествования — придают воспоминаниям Флоренской характерную интимность. Она не представляет читателям большинство появляющихся в тексте лиц из «близкого круга», поскольку тем читателям, для которых воспоминания писались, они и так известны — так, без пояснений возникает фигура Е. Б. Пашуканиса, как ранее мельком скользит Ильин — который для мемуаристки часть старой профессуры Московского университета, юрист — персонаж, заметим попутно, свободный от последующего публицистического контекста. В этом — и большая ценность воспоминаний Флоренской, как неприноровленных к публике, сохраняющих сложность интимного рассказа, в который нужно входить, совершая усилие — и именно благодаря этому, поскольку он ведется не из «общих

мест», сообщающего то, что исчезает, стирается при попытке общего разговора: исчезает за счет как отбрасывания слишком своего, контекстуального — так и, напротив, через усилие объяснить это, конкретное — и тем самым наложения слишком резких черт, подчеркивания.

Впрочем, есть и своеобразная динамика текста воспоминаний по мере приближения к современности — так, в последних главах Флоренская характеризует семью дочери, рассказывает об их жизни или об обстоятельствах последних двух десятилетий научной жизни своего мужа, известного советского юриста Льва Гинзбурга — уже обращаясь скорее к далекому, лично незнакомому читателю: видимо, по мере написания книги у нее менялся замысел, из записок для близких она превращалась потенциально обращенную к неопределенному кругу лицу, но при этом предшествующие главы не подверглись переработке.

Как уже сказано, воспоминания не предназначались для печати и писались на протяжении долгого времени: под текстом выставлены даты, 1960–1980, однако в самом тексте есть указание и на более позднее

время, 1981 г. Приходится сожалеть, что публикация не сопровождается ни вступительной статьей, ни археографическим послесловием или чем-то аналогичным — для читателя остается неизвестной ни история рукописи, ни то, в какой мере публикуемый текст представляет собой авторскую редакцию, ни степень последующей редактуры текста.

Но то, что выступает как недостаток — одновременно звучит еще одной важной и близкой чертой мемуаров в смысле позапрошлого и отчасти прошлого столетия — не как владения историков и архивистов, а части семейной памяти — плотной, близкой, лишенной отчуждающей жесткости научного знания.

Книга Флоренской удивительна по плотности языка — на 2 ½ сотнях страниц спрессовались события почти целого века, переключением из большого плана в сиюминутные зарисовки, вроде воспоминаний о теплых рогах козы, о дочери Ольге, бегущей навстречу матери, а следом — вся домашняя живность, которую с трудом удастся откармливать на берегах Уфы, об ожидании немцев в Башкирии в 1941 г. и слухах, что башкиры

всех перережут. Есть и зарисовка из уфимской жизни конца 1930-х — совсем несколькими фразами, о князе Гагарине с женой, «приветливых, гостеприимных», с которыми знакомство вскоре прекратилось: «Да и они, узнав, что я жена коммуниста, а не родственница профессора Флоренского, охладели ко мне» (с. 144).

Внешне можно сказать, что Флоренской удивительно посчастливилось — родившись в последний год уходящего века, пережив на Урале и в Сибири Первую мировую и Гражданскую¹, прожив почти полтора десятилетия, с 1920-х и до 1934 г., в Саратове и Москве — чтобы затем провести три года в Париже вместе с мужем — и вернуться в Москву чуть на излете 1937 г., не погибнуть, получить лишь ссылку (вместе с десятью годами лагерей для Гинцбурга). Ей удастся и пройти ссылку, и, несмотря на все испытания, вновь срастить жизнь с мужем, и счастье — выживших и устроивших свою жизнь — детей, и мирное двадцатилетие с мужем в Москве, после реабилитации — и длинный эпилог, после его смерти, в обществе все стареющих друзей и знакомых, которое затем становится кругом вдов.

¹ Ее рассказ о Гражданской бесценен своей интонацией и штрихами — которые ускользают в любом внешнем описании — где на фоне происходящего (а ведь происходящее не очень понятно, это постоянная и быстрая смена всего, слухи, известия, какие-то вооруженные люди, объявляющие себя властью) она с молодым Леонидом, будущим мужем, пытаются учиться и учатся — едут в Томск, где вскоре сменится власть, она подает заявление в Московский университет: в этом смятении событий важна именно сумятица, наложение разных планов и разновременных опытов — ведь тот университет, в который она подает заявление, одновременно и конкретный Московский университет начала 1920-х, с ФОН'ом и проч., и вместе с тем ведь подает она заявление из Сибири, плохо представляя себе, что в конкретный момент представляет из себя он. Здесь и сумятица начала 1920-х, когда сибирских эсеров арестовывают как эсеров, а Гинцбург добывается — при этом без особого труда, поскольку что возможно, а что нет — пока еще совершенно не установлено — встречи с Менжинским и объясняет тому, что эсеры под Колчаком, особенно те, кто именно в тот момент примкнул к эсерам — нечто принципиально другое, чем эсеры Центральной России. И тех выпускают, чтобы затем к ним все вернулось в позднейших круговоротах.

Самый сильный план книги — на протяжении первой половины очень сдержанный, затем выходящий на поверхность, как подземный ключ — ее история жизни с мужем. Где и ранние 1920-е — с решением расписаться, а следом, когда молодой Гинцбург преподает в Саратовском университете, а жена оказывается его студенткой, и всем неловко — официально развестись, взять прежнюю фамилию — и так и остаться до конца дней Флоренской. И времена ссылки, довоенной и в войну, и работы в Красноярске — с напряженным умолчанием сначала о том, что происходит с мужем, и затем раздумьями и рассказами «о других», с аналогичными историями — с вопросом к себе о том, надо ли рассказывать о своем — и в итоге с решением рассказать. И следом — долгий, возвращающийся позднейшими эпизодами — рассказ о ссылке и лагере, о новых связях, которые не отменяют прежних, о двух жизнях, которые затем, если повезет выжить, нужно как-то сплести вновь в одну — отбрасывая, принимая решение, какую-то из половин прошлого.

В тени остается часть ее собственной истории конца 1930-х — 1-й половины 1940-х — на заднем фоне мелькают персонажи, чей формальный, оговоренный статус, кажется, судя по интонации текста, не целиком совпадает со значением для автора — но это еще и часть самого развертывания рассказа во времени, ведь В. А. все колеблется, возвращаясь и удаляясь — о чем надо, стоит говорить, а что лучше оставить за скобками, что понятно бывшим там и тогда, но о чем нет нужды не то чтобы рассказывать другим — но прежде всего го-

ворить с самой собой, ведь это значит возвращаться в прошлое, придавать ему через рассказ ту определенность и рамку, которая возникает из позднейшего, — или пытаться воспроизвести, уточнить, объяснить бывшее, но это вновь требует и точных слов, и долгих объяснений.

В этой книге самое поразительное — интонация, сдержанная, останавливающая себя — когда разговор пытается уйти в общее, но В. А. разом останавливает рассуждения о Солженицыне, Шаламове, Евгении Гинзбург — отсекая большой разговор именно потому, что считает себя неспособной сказать нечто новое и важное о «целом», о том, что все это значило, в чем был смысл происходящего и как он проживался многими. Сознательно удерживая себя в пространстве конкретного — своей повседневности, близких людей, забот и надежд. Создавая уникальный памятник частной истории — где большое отражается не через отсылку к нему, а в подробностях повседневности — заводской бухгалтерии, выписанных в честь возвращения мужа двух килограммах печени, вечно затопляемом Енисейске и недоумении, вполне старорежимном, как можно не работать вполне, на совесть — если ты работаешь, пусть даже труд твой вроде бы никому не нужен: ведь он важен сам по себе, перед собой, как честность, добросовестность. И это — способность прежде всего соотноситься с собой, держать отчет перед собой — кажется, если не единственное, то важное к объяснению способности не выжить — что случайность — но сохраниться человечески посреди бесчеловечного века.

А. А. Тесля

ФЛОРОВСКИЙ И ШМЕМАН: ПИСЬМА ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Шмеман А., прот., Флоровский Г., прот. Письма 1947–1955 годов / сост., предисл., коммент. П. Л. Гаврилюка. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 448 с.

Переписка Флоровского и Шмемана представляет большой интерес с самых разных точек зрения — начиная с бытовой истории послевоенной эмиграции вплоть до истории православного богословия. К сожалению, их интенсивная переписка охватывает фактически пару лет — время, когда они были по разные стороны Атлантики. Однако и этот небольшой хронологический период вмещает массу разнообразных сюжетов — от межцерковного диалога до положения дел в Свято-Сергиевом институте, обустройстве и планировании деятельности Свято-Владимирской семинарии и т. д. Опубликованная переписка обстоятельно прокомментирована и снабжена общей хронологической канвой жизни и творчества корреспондентов.

Ключевые слова: история русской православной церкви в XX в., история русской эмиграции, неопатристический синтез, русская интеллектуальная история, эпистолярная.

Сведения об авторе: Тесля Андрей, кандидат философских наук, (1) старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; (2) старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

A. A. Teslya

FLOROVSKY AND SCHMEMANN: LETTERS ACROSS THE OCEAN

Rev.: Shmeman A., prot., Florovskij G., prot. Pis'ma 1947–1955 godov, sost., predisl., komment. P. L. Gavrilyuka. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2019. 448 p.

The correspondence between Florovsky and Shmemann is of great interest from a variety of points of view—from the domestic history of postwar emigra-

© А. А. Тесля, 2022
DOI 10.31754/2409-6105-2022-2-392-396

tion to the history of Orthodox theology. Unfortunately, their intense correspondence spans a couple of years, a time when they were on opposite sides of the Atlantic. However, even this small chronological period includes a host of subjects ranging from inter-church dialogue to the situation at the St. Sergius Institute, the organization and planning of St. Vladimir's Seminary, etc. The published correspondence is extensively commented on and provided with a general chronological outline of the life and work of the correspondents.

Key words: History of the Russian Orthodox Church in the 20th Century, History of Russian Emigration, Neopatristic Synthesis, Russian Intellectual History, Epistolary.

About the author: Teslya Andrey A. — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University

Contact information: mestr81@gmail.com.

Общая канва отношений двух выдающихся православных мыслителей XX в. — Георгия Флоровского и Александра Шмемана — широко известна: от отношений ученичества и восхищенного взгляда на Флоровского со стороны молодого Шмемана — к последующему сотрудничеству в возглавляемой Флоровским Свято-Владимирской семинарии при Колумбийском университете, спустя несколько лет закончившегося радикальным разрывом.

Летом 1955 г. конфликт дойдет до такой степени остроты, что Флоровский — даже не лично, а через секретаря семинарии — потребует от Шмемана съехать с квартиры, которую тот с семейством занимал в доме Нью-Йоркской объединенной семинарии, а тот в свою очередь ответит уведомлением о предстоящем выезде, направив одновременно копии митрополиту и секретарю. Это будет последний их обмен письмами.

Правда, много лет спустя, к 70-летию Флоровского, Шмеман напишет еще одно письмо — с попыткой примире-

ния, начинающееся словами: «я не знаю, ответите ли Вы на это письмо или нет, но в эти дни Вашего юбилея я хотел бы, чтобы Вы знали, что не было за эти долгие годы дня, когда я не думал о Вас» (с. 383–384). Уже после смерти Флоровского Шмеман запишет в дневнике:

«Сегодня ночью — сон об о. Г. Флоровском. Со мной он добр, почти нежен. Я говорю ему: “Отец [Георгий], несколько лет тому назад я написал Вам письмо, ведь Вы получили его?” Он закрывает глаза и говорит: “Да, получил”» (запись от 13.VIII.1979).

Оба собеседника внесли большой вклад и оказали существенное влияние на христианскую — и не только христианскую — мысль XX в. И Флоровский, и Шмеман — масштабные фигуры в истории русской эмиграции, при этом сближающиеся в том числе и в своем стремлении принципиально выйти за пределы эмиграции — и прежде всего соединяющиеся в отвержении «русского», «культурнического» или «политического» истолкования православия.

Для них одинаково неприемлема «капуста», понимание православия прежде всего как «русского», культурного артефакта — его национализация и держание за него не из веры, а как за обломок прежней русской жизни. Напротив, они сходятся не только в декларативном, но пронизывающем всю мысль и во многом — чувстве — сознании православия как христианства, его вселенской весты. И с этим связана и их деятельность в рамках Всемирного совета церквей (ВСЦ) — не там, где нужно защищаться и обороняться, а — соединившись в стремлении к истине — проповедовать и испытывать свое, в бесстрашии — поскольку оно прежде всего не «свое», а истина — и потому выдержит любое испытание. Отсюда же, кстати, и весьма прохладное отношение к «социальной миссии», поскольку христианство — в конце концов весть не от мира сего.

Но вся эта близость между ними и большое влияние, оказанное на Шмемана Флоровским¹, не смогли преодолеть сложности характера и образа жизни Флоровского — когда в 1955 г. его принудили покинуть пост декана Свято-Владимирской семинарии, он разорвал свои отношения с ней в целом и со Шмеманом, кому довелось стать его преемником. Тяжесть нрава Флоровского можно отчасти оценить и по публикуемым письмам — его неумение, неспособность учитывать положение другого, сложность для него сочувствия и, напротив, готовность заподозривать

других — в том числе и собеседника — в дурном. Примечательно, что Шмеман в итоге начинает взаимодействовать с Флоровским, исходя в том числе и из этих качеств его натуры — в напряженной обстановке вынужденных отлагательств своего переезда в Америку он старательно упоминает в письмах все, что подтверждает его растущий авторитет в Европе и востребованность — рассчитывая тем самым, видимо, побудить Флоровского ценить его и все-таки дожидаться его приезда.

Опубликованная Павлом Гаврилюком, профессором университета св. Фомы (Миннесота), известным специалистом по творчеству прот. Георгия Флоровского, переписка с Александром Шмеманом по большому счету сводится к двум с небольшим годам, с начала 1949 и по позднюю весну 1951 г. До этого обмен между ними письмами носит эпизодический характер, поскольку они оба живут в Париже, а после, с лета 1951 г., вновь оказываются в одном городе — теперь уже Нью-Йорке.

Интерес этой переписки — прежде всего в возможности услышать молодого Шмемана (большая часть сохранившихся писем — его к о. Георгию): по крайней мере на данный момент опубликовано не так много материалов о первых годах его преподавательской и научной деятельности — а в письмах к Флоровскому он и подробно сообщает собеседнику о своих собственных делах и планах,

¹ См., например, признание Шмемана в письме к Флоровскому от 3.IV.1951: «Именно чтение Вашего предисловия к “Пути русского богословия” — мне было тогда 16 лет* — зажгло во мне огонек того богословского эроса, который навсегда убедил меня в том, что богословие есть служение Церкви и невозможно без живого служения ей “словом, житием, верой...” и т. д.» (с. 315).

* Если в этом указании Шмеман точен, то читал он «Пути...» сразу же по их выходу в свет.

о делах Свято-Сергиевского института, за которым Флоровский следит с ревнивым вниманием, и о европейской богословской жизни — прежде всего в рамках ВСЦ, одним из организаторов и участником первых четырех ассамблей которого был Флоровский, а Шмеман занимал должность заместителя председателя Комитета по работе с молодежью.

Шмеман в эти годы мыслит себя преимущественно как византиниста, историка церкви — примечательно, что в его жизни, как и в жизни Флоровского, академическая случайность определит дальнейший интеллектуальный путь. Флоренский, приглашенный о. Сергеем Булгаковым в Свято-Сергиевский институт, мыслил себя как историка философии (этим историко-философским сюжетам была посвящена и его диссертация о Герцене). Однако место историка русской философии уже было занято — о. Василием Зеньковским, и Флоренскому пришлось взять на себя преподавание патрологии. Так и для Шмемана его дальнейшая судьба видится связанной с византийскими исследованиями — и, при интересе к литургическому богословию, он видит в качестве будущего специалиста в этой области своего друга, о. Иоанна Мейендорфа. Однако новой — формально, правда, основанной еще в конце 1930-х гг., но радикально трансформированной Флоровским Свято-Владимирской семинарии (которую Флоровский именуется в переписке «Академией» — стремясь сделать ее именно богословским учебным заведением, а не «пастырским училищем») — тре-

буется прежде всего преподаватель литургии. В итоге Шмеман так и не завершит или, по крайней мере, не опубликует своего курса по истории византийской церкви (частично он будет использован в «Историческом пути православия», 1954), оставит свою тему диссертационного исследования, посвященного прежде всего Марку Эфесскому, — и уже годы спустя, в 1959, защит в качестве диссертации «Введение в литургическое богословие»², а Мейендорф, которого Шмеман пророчил в литургисты, в итоге делается выдающимся историком церкви и с того же 1959 г. станет профессором Свято-Владимирской семинарии и, после кончины Шмемана — его преемником в должности декана.

И последнее из кратких заметок по поводу изданной переписки — и Флоровский, и Шмеман, последний даже больше, чем его старший коллега и наставник — мыслят создаваемую нью-йоркскую семинарию, свой переезд в Америку как начало нового этапа, возможностей для действия и мысли — закрытых или маловероятных в Париже. Молодой Шмеман многократно подчеркивает различие между поколениями ССИ, контраст между стариками и молодыми — десятилетия спустя он многое переосмыслит и будет не только отзываться намного мягче, но и видеть многограннее, но тогда, на рубеже 1940–1950-х для него это противостоящие миры — и от стариков нечего взять кроме того, что они уже дали. И для него — как затем и для присоединившихся затем его друзей из Свято-Сергиевского института,

² Недавно вышло ее переиздание: (Шмеман 2021).

Сергея Верховского и Иоанна Мейендорфа — переезд в Америку действительно станет не только жизненным водоразделом, но и новым этапом в истории православия — во многом под воздействием, в притяжениях и отталкиваниях от Флоровского и его богословского видения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Шмеман 2021 — Шмеман А. Введение в литургическое богословие / Предисл. иер. А. Гумерова. М.: Никея, 2021. (серия: «Неопалимая купина. Богословское наследие XX века»).

REFERENCES

Shmeman A. *Vvedenie v liturgicheskoe bogoslovie*, Predisl. ier. A. Gumerova. Moscow: Nikeya, 2021. (seriya: "Neopalmimaya kupina. Bogoslovskoe nasledie XX veka").

А. А. Тесля

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ

Рец.: *Ховинг Т.* Пусть мумии танцуют. Музей искусств Метрополитен изнутри / пер. с англ. С. Костина. М.: АртГид, 2022. 492 с.: илл. (совместная издательская программа Музея современного искусства «Гараж» и Artguide Editions, серия: «Директорская библиотека», вып. 2)

Эссе посвящено мемуарам одного из самых известных директоров музеев последнего столетия — Томаса Ховинга, на протяжении более десяти лет руководившего Метрополитен. Его руководство — не только эпоха больших перемен, но сам Ховинг стал их символом, идеологом и отчасти инициатором. Это эпоха ярких музейных «премьер», громких приобретений и реформирования музейного пространства как ориентированного на широкого зрителя, увлекающего и вовлекающего его — когда конкурентами музея выступают прежде всего другие развлекательные проекты, а музей претендует одновременно на уникальность и восхищение зевак.

Ключевые слова: коллекционирование, музей, музееведение, Нью-Йорк, шестидесятые.

Сведения об авторе: Тесля Андрей, кандидат философских наук, (1) старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; (2) старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Контактная информация: mestr81@gmail.com.

A. A. Teslya

ONE OF THE FIRST

Rev.: *Hoving T.* Pust' mumii tancujut. Muzej iskusstv Metropolitzen iznutri / Per. s angl. S. Kostina. Moscow: ArtGid, 2022. 492 p.: ill. (sovmestnaja izdatel'skaja programma Muzeja sovremennogo iskusstva "Garazh" i Artguide Editions, serija: "Direktorskaja biblioteka", vyp. 2).

This essay is the subject of the memoirs of Thomas Hoving, one of the most famous museum directors of the last century, who led the Met for more than a decade. His leadership is not only an era of great change, but Hoving himself

became its symbol, ideologist, and partly its initiator. This is the era of bright museum “premieres”, high-profile acquisitions, and the reformatting of the museum space as oriented toward the general viewer, engaging and involving him — when the museum’s competitors are primarily other entertainment projects, and the museum simultaneously claims to be unique and admired by gawkers.

Key words: collecting, museum, museology, New York, the “sixties”.

About the author: Teslya Andrey A., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Contact information: mestr81@gmail.com.

Мемуары Томаса Ховинга — захватывающий рассказ об одном из самых известных в мире музеев, Метрополитен, в эпоху радикальных перемен. Ховингу довелось быть директором Мэт с 1967 по 1977 г. — в тот момент, когда одна эпоха заканчивалась и наступала другая — и он был еще и одним из тех, кто осуществил эту музейную революцию. В повествовании Ховинга перемены — часть из которых он принимает как неизбежность, другие инициирует сам — складываются из трех главных моментов:

— во-первых, его время, конец 1960-х — 70-е — момент завершения собирания больших коллекций. Происходит это и потому, что большие художественные музеи уже успели за предшествующие полтора века собрать основное — стать или собственниками, или хранителями и экспонентами принадлежащих юридически другим владельцам произведений — и великих произведений, относящихся к прошлым эпохам, которые могут быть приобретены, уже совсем немного. То есть приобретения оказываются уже единичными акциями — коллекции пополняются, но не выстраиваются

заново. Второй момент — в изменении законодательства: и сами национальные правительства других стран намного строже и принципиальнее смотрят на вывоз произведений искусства со своей территории — и, что важнее, поскольку если не закрывают, то сильно ограничивают для больших музеев «черный рынок», внутри стран «первого мира» меняется отношение к таким приобретениям. Если Британский музей не готов расстаться с Парфеноном, Берлин — с золотом Трои, а Лувр — например, со всем тем, чем обязан Наполеону и что осталось после реституций 1814–1815 гг., то повторять подобные приобретения, даже если они окажутся физически возможны, они уже не могут;

— во-вторых, это стремительный рост арт-рынка начиная с 1980-х, делающий активную приобретательскую политику даже больших музеев с солидными бюджетами очень ограниченной в плане «шедевров». Если в 1970-е приобретение Веласкеса за 5,2 млн долларов казалось огромной по бюджету сделкой — а покупки масштабных произведений за сотни тысяч или миллион были единичными и долго обсуждались, и повество-

ванию почти о каждой из них Ховинг отводит по главе — то уже 1980-е, не говоря о 90-х и 00-х изменили сам порядок цен;

— в-третьих, музеи оказываются все более втягивающимися в общее пространство «entertainment» — они должны состязаться с кино, бейсболом и мюзик-холлом по мере того, как все более «архаичным» начинает казаться представление о культурных иерархиях. Они конкурируют во многом за одно и то же внимание — и, следовательно, должны предложить нечто «более увлекательное» или «специфическое», чем их конкуренты с Бродвея¹.

И здесь Ховинг уже не следует за меняющейся ситуацией, а оказывается активным проводником перемен — во многом определяя современный облик музеев. Прежде всего, как он пишет, он решает сделать три изменения:

1) музею надо отказаться от мелких приобретений, не тратить бюджет на что-то, что интересно лишь хранителям и исследователям. Его ставка — на немногие громкие, вызывающие восторг экспонаты, становящиеся сами по себе событиями — причем «производящим» событие в том числе оказывается и цена: это дорого, это уникально, это захватывает и заставляет говорить;

2) музей должен сделать ставку на выставки-блокбастеры — становящиеся событиями, заметными в ми-

ровом масштабе, эффектные дизайнерски — на которые выстраиваются толпы. Пусть это будет скифское золото из Эрмитажа (к которому добавляется флер преодоления железного занавеса, выставка из коллекции, которую вы, как американский обыватель или заезжий иностранец в Нью-Йорке, почти не имеете шансов увидеть на месте), или выставка одежды, организованная совместно с домами моды, или же сокровища Тутанхамона в рамках Кэмп-Дэвидских соглашений. Прежде всего это должно изумлять — ведь это прекрасно и восхитительно, и здесь Ховинг переходит к третьему сюжету и вместе с тем говорит действительно о важном — что искусство прежде всего это то, что нас поражает, перед чем мы останавливаемся, зачастую не в силах никак выразить словами происходящее. И понимая, что любое описание, анализ останутся неполными и что всегда будет нечто неразложимое — говорит о той целостности искусства, которая, по словам Фихте и Гегеля, и отделяет его от неискусства. Задача — показать, представить предметы искусства так, чтобы помочь / побудить / подтолкнуть пережить подобное;

3) музей — большой музей искусств — существует прежде всего не для ценителей и знатоков, а для широкой публики, точнее — ради нее существует его экспозиция. Знатоки и исследователи работают с коллекциями, для них существуют запасники, научные журналы и конференции — но огромный музей в центре

¹ Отмечу попутно замечательный эпизод в воспоминаниях Ховинга — о новом мэре Нью-Йорка, выходе из Бронкса, которому именно по этой причине был рад директор — поскольку, в отличие от предшественника, выходца из верхних слоев, он выбился из среднего класса и смотрел на культуру снизу вверх и его было легко убеждать выделять деньги на музей.

города находится там именно потому, что предполагает обывателя — как своего главного посетителя. Этот музей должен не утомлять избытком предметов, а уметь показывать главное, рассказывать историю, которая для Ховинга еще вполне классична: это история пятидесяти десятилетий человеческого искусства, от эпохи к эпохе, к нашим временам — история, которая движется от древности к современности, рассказывает о прошлом и одновременно об общечеловеческом достоянии, обладателями которого являемся «мы, настоящие». В конце концов — это все еще тот самый музей, который восходит к революционной развеске большой галереи Лувра — с ее историческим принципом (и который, теперь уже без пафоса Ховинга, все еще по счастью удерживается в великих музеях — потеряв силу оснований).

Эта книга впечатляет и очаровывает своей интонацией — Ховинг наслаждается своей способностью общаться и договариваться с самыми разными людьми из разных миров, соединять практически не соединимое — но необходимое для директора Мэт. Он принадлежит к верхушке — хотя и не к самому верху, он пасынок наследницы нефтяного состояния и сын отца, 2 ½ десятилетия возглавлявшего Tiffany & Co., в том числе все годы директорства сына в Мэт. Он умеет обходиться с Рокфеллерами и терпеть не может клан Кеннеди, он привычен обращаться с миллионными суммами и умеет находить деньги — знает мир политики, сделал сам пусть и небольшую, но политическую карьеру — и при этом он историк средневекового искусства, несколько лет проводивший после уни-

верситета в Мэт на должности куратора. Ему нравится действовать, быть в центре внимания и вызывать сильные чувства — он любит славу и вместе с тем ему нравится добиваться результата, оставлять что-то после себя — и на десятках страниц он обсуждает строительство новых музейных корпусов и то, как ему удастся найти деньги на их содержание: в том числе, воспользовавшись своими связями в городском управлении, поднять цены на парковку в окрестных кварталах и выбить музею огромную подземную парковку с правом посуточной и помесячной аренды мест. Он гордится сомнительными схемами — вроде того, как, оставаясь еще в муниципалитете, но уже с решенным назначением на должность директора музея, использует свои полномочия для будущей работы — «конфликт интересов», как назовут это к выходу мемуаров, в 1993 г., но для него эта новая реальность — препятствие в работе, одно из тех, которые делают уже невозможным то, что ранее было возможным для него.

Он сам описывает себя как пограничную фигуру — еще того мира, где было мало формальностей, и он действовал во многом вне писанных процедур — ему было важно согласовывать свои действия с Советом, с миром больших денег и большой власти — находить там опору, а дальше уже выбирать путь, скорее всего ведущий к цели. Других таких больше не будет, — пишет он, сожалея об ушедшей эпохе, — не потому, отмечает он тут же, что он такой уникальный, — а потому, что этой реальности больше нет: сейчас куда больше «прозрачности», процедур, согласо-

ний — которые делают невозможным многое из некогда сделанного им.

Он один из тех, кто хоронит старый «большой музей» — как просвещенческую институцию, которая призвана не нравиться, а возвышать и воспитывать, которая требует труда, а не пытается нравиться — и, более того, он не просто один из участников этого большого процесса, но тот, кто его олицетворяет, создает новую реальность — тут же путаясь в утверждениях, то настаивая, что музей — это бизнес, как любой другой, то, в пределах той же главы, утверждая обратное. Он живет с собственными мечтами и иллюзиями — регулярно рассуждая о возможном возврате в политику или о том, что музей стал для него узок, он сделал в нем все что мог — при этом работая над книгой, вышедшей в 1993 г., он не мог уже не знать, что история 1967–1977 гг. останется самой яркой частью его жизни. Или будет рассказывать о мыслях вернуться к медиевистике, признаваясь, правда, что «слишком подотстал», чтобы иметь шанс на-

гнать. Он признает, что с годами стал слишком самонадеян и разучился распознавать знаки опасности, слушать многих из тех, кого слышал до этого — но в итоге если в чем и раскаивается, так разве в том, что был недостаточно радикален, не снес старую лестницу, не добился еще большей парковки, не устроил, не сумел довести дело до конца со входами из Центрального парка, которые планировалось создать при реконструкции. И в конце концов — он явно нравится самому себе, в своем умении балансировать, согласовывать мечты и цели кураторов и членов Совета, договариваться с Вашингтоном и обходить в состязании Национальную портретную галерею в Лондоне — поражать публику и создавать научный журнал, ценить шедевры по достоинству и понимать, что может впечатлить тех, на кого надо произвести впечатление. И, в конце концов, тот мир больших музеев — от Прадо до Мэт — отчасти, и в части значительной, несет на себе след Ховинга и во многом бредет по тому пути, где он был одним из первых.

Ю. В. Луцкай

ИСКУССТВО ПЛАГИАТА

В заметках проводится анализ учебного пособия «Искусство гостеприимства. Русские традиции». (Москва, 2020). В нем обнаруживаются заимствования чужого текста.

Ключевые слова: плагиат, учебное пособие, Марко Поло, Древняя Русь.

Сведения об авторе: Луцкай Юрий Владимирович, историк, автор работ по древнерусской истории (Харьков, Украина).

Контактная информация: luszczaj@ukr.net.

Yu. V. Lushchay

THE ART OF PLAGIARISM

The notes analyze the study guide “The Art of Hospitality. Russian traditions”. Borrowings of someone else’s text are found in it.

Key words: plagiarism, study guide, Marco Polo, Ancient Russia.

About the author: Lushchay Yuriy V., historian on Old Russian history (Kharkov, Ukraine).

Contact information: luszczaj@ukr.net.

Существенным является проблема плагиата в диссертациях, статьях, монографиях, учебных пособиях. Однако утаить факт заимствования чужой интеллектуальной собственности становится сложнее. Интернет все больше предоставляет возможность ознакомиться с изначально изданным материалом и его заимствованием.

В 2020 г. было издано учебное пособие «Искусство гостеприимства. Русские традиции» (*Карбущенко и др.* 2020). В авторах значатся трое человек, имеющие научные степени и звания. Рецензии написаны тремя докторами исторических наук, сотрудниками структурных подразделений Российской академии наук.

Несмотря на солидность издания, к авторам возникли вопросы.

В учебном пособии были обнаружены сноски на две мои статьи (*Луцкай* 2013; 2015б). Одна из этих работ была издана на украинском языке, но в переводе на русский с ней можно ознакомиться на сайте Academia.edu. Было бы приятно, что мои работы заметили и поместили на них ссылки в эту книгу. Если бы не омрачало почти полное заимствование из моих статей текстов с имеющимися там сносками на другие работы и источники. В издании не отмечается, кто из троих над какой частью работал. Поэтому ответственность лежит на всех авторах, а в особенности на редакторе А. А. Варгумяне. Последний уже попадал в орбиту внимания Диссернета.

В книге стоит предупреждение: «Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав». Дабы не подставлять себя, если какую-то часть своих наработок я продолжу использовать в дальнейшем, обращаю внимание на тот факт, что моя интеллектуальная собственность была незаконно присвоена. Если авторы полагают, что достаточно поставить сноски на мои работы и можно переносить тексты копиястом, то они ошибаются. Тексты не были оформлены в виде цитат, поэтому налицо нарушение авторских прав.

Исследователи нередко обращают внимание на мои работы (*Игнатович* 2017: 13; *Козюба* 2016: 116; *Кудрявцев* 2019: 228, 232). Но в своих статьях

они самостоятельно проводят анализ имеющихся письменных источников и литературы, в чем-то дополняя мои наработки. В учебном пособии 2020 г. видится иная картина, которая по отношению к моим работам случилась впервые.

Долгое время мною разрабатывалась тема иностранных известий о Руси XIII–XV вв. и, в частности, проводилось изучение сведений венецианского дипломата и путешественника Марко Поло (1254–1324) о древнерусском государстве. Я пытался аргументированно доказать, что в этом источнике описывались древнерусские исьба (в дальнейшем преобразовалась в избу) и братчина. На моих текстах в учебном пособии, с небольшими стилистическими изменениями и добавлениями, основаны подразделы «Свидетельства Марко Поло», «Братчина», «Здравица», «Проблема пьянства на Руси» (*Карбущенко и др.* 2020: 37–40, 44–49). Несколько заимствованных предложений можно найти в еще одном подразделе: «Протестный пир» (Там же: 20–21).

Помимо присутствующих в учебном пособии ссылок на две мои статьи (*Луцкай* 2013; 2015б), сведения брались также из не указанной в книге работы. Информация о том, что первым упоминанием об обряде здравицы мы обязаны «Славянской хронике» Гельмольда, взята из не указанной в учебном пособии третьей статьи (*Луцкай* 2015а: 17). Но тут авторы не стали дословно копировать, а самостоятельно процитировали из «Славянской хроники» Гельмольда. При этом не указав не только меня, но и Т. Петрович. Версия о здравице

у Гельмольда принадлежит этой исследовательнице. Нам досталось только общее определение: «историки обнаруживают ранее известие обряда здравицы» (*Карабущенко и др.* 2020: 44).

На примере подраздела «Свидетельства Марко Поло» (Там же: 37–38) можно увидеть, насколько большие куски текста были взяты из чужой работы (Луцкай 2013: 59), отмеченные здесь курсивом: «Венецианский путешественник и купец Марко Поло выполнял в 1270–1290-х гг. также ряд дипломатических миссий в Персию, Китай и Индию, находясь на службе у монгольского хана. Его информаторами были торговцы и купцы, с которыми он встречался в дороге. В разделе о Руси из его книги имеются сведения о пирах местного населения. Информация Марко Поло отчасти помогает нам в раскрытии бытовой жизни населения и, в частности, братчины. К его времени существовало два вида коллективного принятия алкогольных напитков населением Руси:

1) *пир*: в этом случае пьянки осуществлялись за счет одного человека. Классическим случаем является пир, устроенный киевским князем Владимиром Святославичем в 996 г.;

2) *братчина*: попойки осуществлялись за счет общины, когда каждый человек давал деньги или продукты на пирушку, т.е. в складчину. Впервые в письменных источниках братчина упоминается в *Ипатьевской летописи* под 1159 г.

Марко Поло сообщает, что население делает отличное пиво, а также были

люди, которые держали пиво для продажи. В XIII в. для этого промысла время было еще весьма свободным, так как впоследствии властями было запрещено это делать. Если налог с меда, хмеля, солода взимался на Руси с давних времен (примерно с XI в.), то запрет на приготовление и продажу населением алкогольных напитков фиксируется в письменных источниках с XV в. (у Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини). Однако оговаривались случаи, когда можно было варить пиво и другие напитки: для празднования четырех праздников (для каждого региона они могли быть разными), для отправки семейных обрядов — свадеб, поминок, крестин и т. д.».

Причем даже начальная часть этого подраздела несущественно отличается от оригинала (Там же: 58): «Раньше исследователи считали Марко Поло венецианским путешественником и купцом, но в последнее время преобладает мысль, что он был дипломатом и послом в Персию, Китай и Индию, находясь на службе у монгольского хана в 70–90-х гг. XIII в.». Авторы учебного пособия, видимо, посчитали неважными доводы А. Г. Юрченко (Юрченко 2007: 10–12), поэтому продолжают называть Марко Поло путешественником и купцом.

Структура учебного пособия хаотична. Можно увидеть деление информации как на конкретные письменные источники (Повесть временных лет, Изборник 1076 г., Моление Даниила Заточника), так и на предметные части (Тризна, Братчина, Здравница). При этом существуют крупные блоки (Княжеский былин-

ный пир, Протестный пир), где рассматриваются группы источников. Станным выглядит существование двух подразделов на одну и ту же тему «Краткая история пьянства на Руси» и «Проблема пьянства на Руси». Первая из них по названию дублируется в 1-й и 2-й главах.

По сноскам и списку литературы имеется несогласованность. Показательно, что работа «Быт русского народа» А. В. Терещенко присутствует в пятой части за 1848 г. и первой части за 1997 г. Тем самым сноска на издание 1848 г. не была проверена, а просто перенесена вместе с текстом. В списке литературы два раза указана статья «Братчина» О. А. Терновской и Н. И. Толстого из «Славянских древностей» (первая кратко, а вторая с полными выходными данными). В одном из этих случаев сноску просто автоматически перенесли из моего текста.

Интереснее с работами В. Я. Проппа. В библиографии можно увидеть его книгу «Русский героический эпос» за 1958 и 1999 гг. В тексте учебного пособия три раза ссылаются на издание 1958 г. (один раз ошибочно стоит 1955 г.). И только в одном случае его работа фигурирует за 1999 г., т. к. сноска вместе с текстом была почти дословно взята из моей статьи (*Лушай* 2015б: 16), ниже отмечено курсивом: «Былина о Василии Буслаеве (XVII в.) фиксирует существовавшую на Руси традицию избирать старосту для руководства пиром. В былине упоминается староста Викула, который был охотником до сбора солада и варки братчины. В разных вариантах былины встречаются и другие старосты — Николай Зиновьевич,

Фома Родионович и др.» (*Карбущенко и др.* 2020: 20–21). Снова видим, что авторы не потрудились привести все к одной публикации. Кроме того, в списке литературы пропущена книга этого исследователя «Исторические корни волшебной сказки» 1986 г. издания, хотя на нее один раз поставлена сноска.

Проанализирована небольшая часть книги, непосредственно связанная с заимствованием текстов и сносок из моих статей. Но и на основе этого можно сделать некоторые выводы. Авторы недобросовестно отнеслись к написанию учебного пособия «Искусство гостеприимства. Русские традиции». Несмотря на проставленные сноски на две мои работы (фактически использовались три), это не является достаточным для перенесения материала почти в неизменном виде из этих статей в указанное издание. Возможно, другие коллеги в этом учебном пособии найдут еще случаи некорректных заимствований или ошибок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Игнатович 2017 — *Игнатович Н. Д.* Проблемы изучения феномена «братства» в современной исторической науке // Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2017. Вып. 21. С. 13–22.

Карбущенко и др. 2020 — *Карбущенко П. Л., Шебзухова Т. А., Вартумян А. А.* Искусство гостеприимства. Русские традиции: Учебное пособие для среднего профессионального образования. М., 2020.

Козюба 2016 — *Козюба В. К.* Житло, двір, садиба (за матеріалами давньоруської лексики) // Археологія і давня історія України. 2016. № 3. С. 113–136.

Кудрявцев 2019 — Кудрявцев О. Ф. От средневековых описаний Руси к ренессансным: картины русской жизни у Марко Поло и его продолжателя // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019. С. 218–232.

Луцкай 2013 — Луцкай Ю. В. Братчина на Руси за даними Марка Поло // Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Серія «Історія та географія». Харків, 2013. Вип. 49. С. 58–63.

Луцкай 2015а — Луцкай Ю. В. Древнерусская братчина по сведениям Марко Поло // Valla. 2015. Т. 1. № 6. С. 13–22.

Луцкай 2015б — Луцкай Ю. В. Лексические заимствования из славянских языков в западноевропейских источниках XIII–XV вв. // Русин. 2015. Вып. 1 (39). С. 214–228.

Юрченко 2007 — Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007.

REFERENCES

Ignatovich N. D. Problemy` izucheniya fenomena «bratstva» v sovremennoj istoricheskoy nauke. *Almanakh Svyato-Filaretovsakogo pravoslavno-khristianskogo instituta*, 2017, vy`p. 21, p. 13–22.

Karabushhenko P. L., Shebzukhova T. A., Vartumyan A. A. *Iskusstvo gostepriimstva. Russkie tradicii: Uchebnoe posobie dlya srednego professional`nogo obrazovaniya*. Moscow, 2020.

Kozyuba V. K. Zhitlo, dvi`r, sadiba (za materi`alami davn`orus`koyi leksiki). *Arkheologiy`ya i` davn`ya i`stori`ya Ukrayini*, 2016, no. 3, p. 113–136.

Kudryavczev O. F. Ot srednevekovy`kh opisanij Rusi k renessansny`m: kartiny` russkoj zhizni u Marko Polo i ego prodolzhatelya. *U istokov i istochnikov: na mezhdunarodny`kh i mezhdisciplinarny`kh putyakh*. Yubilejny`j sbornik v chest` Aleksandra Vasil`evicha Nazarenko. Moscow, 2019. P. 218–232.

Lushhaj Yu. V. Bratчина na Rusi` za danimi Marka Polo. *Zbi`rnik naukovikh pracz` Kharki`vs`kogo naczi`onal`nogo pedagogi`chnogo uni`versitetu i`m. G. S. Skovorodi*. Seri`ya «I`stori`ya ta geografi`ya». Khar'ki`v, 2013. Vip. 49. P. 58–63.

Lushhaj Yu. V. Drevnerusskaya bratчина po svedeniyam Marko Polo. *Valla*, 2015, vol. 1, no. 6, p. 13–22.

Lushhaj Yu. V. Leksicheskie zaimstvovaniya iz slavyanskikh yazy`kov v zapadnoevropejskikh istochnikakh XIII–XV vv. *Rusin*, 2015, vy`p. 1 (39), p. 214–228.

Yurchenko A. G. *Kniga Marko Polo: zapiski puteshestvennika ili imperskaya kosmografiya*. St. Petersburg, 2007.

«ИСТОРИК ПОЛУЧАЕТ ОБРАЗОВАНИЕ, КОТОРОЕ ПОЗВОЛЯЕТ РАБОТАТЬ В САМЫХ РАЗНЫХ ОБЛАСТЯХ И В ТОМ ЧИСЛЕ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ».

Интервью с А. Б. Каменским

В интервью с известным российским историком Александром Каменским затрагиваются вопросы о его семейной памяти и биографии; читатель знакомится с основными этапами его творческого пути и результатами научной деятельности.

Ключевые слова: семейная память, историческая память, история России XVIII в., источниковедческие исследования, архивы.

Сведения об авторе: Александр Борисович Каменский, доктор исторических наук, профессор, руководитель Школы исторических наук НИУ ВШЭ.

Контактная информация: kamenskii@list.ru.

Автор книг: Архивное дело в России XVIII века: историко-культурный аспект: (постановка проблемы, историография, источники): учебное пособие по спецкурсу. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), 1991; «Под сению Екатерины»: вторая половина XVIII в. СПб.: Лениздат, 1992; Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М.: Знание, 1997; The Russian Empire in the Eighteenth Century. Searching for a Place in the World. Translated and edited by D. Griffiths. Armonk (NY); London: M. E. Sharpe Publ., 1997; Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999; От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: Опыт целост. анализа. М.: РГГУ, 1999; Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), 2006, 2007; Россия в XVIII столетии: общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб.: Алетейя. 2017; Catherine the Great. A Reference Guide to her Life and Works. Rowman & Littlefield. 2020.

© Историческая Экспертиза, 2022
DOI 10.31754/2409-6105-2022-2-407-420

"A HISTORIAN RECEIVES AN EDUCATION THAT ALLOWS HIM TO WORK IN VARIOUS FIELDS, INCLUDING IN THE FIELD OF PUBLIC ADMINISTRATION." INTERVIEW WITH A. B. KAMENSKY

In an interview with the famous Russian historian Alexander Kamensky, questions are raised about his family memory and biography; the reader gets acquainted with the main stages of his creative path and the results of his scientific activity.

Key words: family memory, historical memory, Russian history of the 18th century, source studies, archives.

About the author: Kamensky Alexander B., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the HSE School of Historical Sciences.

Contact information: kamenskii@list.ru.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Наш журнал занимается темой памяти. Поэтому мы традиционно спрашиваем историков, насколько глубока их память о семейных корнях. Сколько поколений предков вы помните?

А. К. Мой случай — обычный для человека, выросшего в советское время. Я помню своих бабушек. Дедушек я не застал, но что-то о них знаю. О прадедах, прабабках — совсем мало. По отцовской линии один прадедущка был конторским служащим, а его сын — мой дед — стал юристом. Зато его многочисленные родные и двоюродные братья были активными участниками революции и Гражданской войны. Другой прадед до революции был, судя по всему, успешным коммерсантом. Со стороны мамы один прадед был также юристом, а мой дед — инженером. В 1930-е гг. он был главным инженером нескольких новых заводов оборонной промышленности и стал одной из многочисленных жертв Большого террора. Другой прадед был купцом первой гильдии и, согласно семейным легендам, владельцем ткацких фабрик в Литве.

Что же касается моих родителей, то они принадлежали к тому типичному социальному слою, который в советское время было принято называть технической интеллигенцией. И мама, и папа работали в отраслевом научно-исследовательском институте, защитили кандидатские диссертации. Им не были чужды интересы, характерные для этого социального слоя: они неплохо знали художественную литературу, читали «толстые журналы», ходили в театр и на симфонические концерты, посещали художественные выставки; дома была неплохая библиотека.

С. Э. Вопрос, который мы тоже всем задаем: почему вы решили стать историком? Может, родители повлияли, учителя в школе, чтение книг?

А. К. Трудно назвать что-то одно. Не могу сказать, что мой путь был чем-то особенно примечательным. У меня есть коллега, мой ровесник, который рассказывал, что стал увлекаться историей после того, как посмотрел фильм «Гусарская баллада».

С.Э. Это нередкий случай, кстати...

А.К. Для меня таким случаем, возможно, стал замечательный французский фильм «Три мушкетера». Он вышел на советские экраны, когда я учился в классе втором или третьем. Наверное, это можно считать каким-то таким толчком, пробудившим интерес к прошлому, после чего я стал что-то читать, чем-то интересоваться — хотя совершенно бессистемно.

С.Э. А когда вы решили поступать на исторический факультет? Или это было уже после 10-го класса?

А.К. Я не сразу после 10-го класса поступил на исторический факультет. Я сначала поступил в Институт иностранных языков, проучился там полтора года, а потом уже перевелся на исторический. В определенной мере это было связано с тем, что меня тогда, скорее, увлекало то, что теперь называется политологией. Если бы я сейчас оканчивал школу с теми интересами, которые у меня были тогда, то я, возможно, пошел бы в политологи или стал изучать международные отношения. Меня интересовала Новейшая история и современная политика — естественно, того времени. Это был конец 60-х — начало 70-х гг. прошлого века.

С.Э. Многие говорили, что в советское время заниматься историей XX в. было практически невозможно из-за жесточайшего идеологического контроля. Вы поэтому ушли от Новейшей истории в историю XVIII в.?

А.К. Это было соединением ряда случайностей. В моей жизни был

человек, который сыграл решающую роль в том, что я вообще стал профессиональным историком. Это известный историк — специалист по истории России Московского периода и, в частности, Смутного времени, Александр Лазаревич Станиславский. Он сначала предложил мне тему для занятий, которая отчасти была связана с тем, чем занимался он сам, а отчасти уходила уже в XVIII в. Его исследования были связаны с изучением служилых людей XVII в. — тех, кого потом стали называть дворянами. В Архиве древних актов он взял в руки черновую рукопись книги академика Миллера «Известие о дворянах Российских», которая в нашей историографии была первым исследованием подобного рода. Ему показалось интересным выяснить, на основе каких источников автор писал, почему он вообще взялся за это. Но самому ему было недосуг этим заниматься, вот он и предложил эту тему мне. С этого все началось. А дальше, как это часто бывает в наших исследованиях, начинаешь заниматься узкой темой, но появляются какие-то побочные линии и сюжеты, начинаешь вытягивать одну ниточку, другую и уходишь, казалось бы, куда-то совсем далеко от того, чем ты занимался в начале поиска.

С.Э. То есть это была не ваша ситуация: я не смогу заниматься XX в., т.к. придется заниматься прославлением партии, Ленина и т.д.?

А.К. У меня этого не было просто потому, что передо мной и не открывались какие-то дорожки в эту сторону. Мы с вами знаем прекрасно, что дело не только в том, что тематика,

с этим связанная, была ограничена определенными идеологическими рамками. Даже в среде студенчества всегда с некоторым недоверием или с какой-то опаской смотрели на тех студентов, которые шли писать свои дипломные работы или тем более диссертации на кафедру истории КПСС. Это уже было такое клеймо на человеке. Поэтому я об этом даже и не задумывался. Однако я бы все же сделал одну существенную оговорку: и в советское время, конечно же, были исследователи, занимавшиеся советским периодом и писавшие серьезные работы, сохраняющие свое научное значение. А идеологическое давление испытывали и те, кто занимался гораздо более отдаленным прошлым.

С. Э. Расскажите, пожалуйста, кто из преподавателей сильнее запомнился, как-то повлиял на вас? Вы учились в педагогическом институте. В каком? Ведь их в Москве было два.

А. К. Да, в Москве было два педагогических института. Был, как его называли, Ленинский институт — Московский государственный педагогический институт имени Ленина, и был институт Крупской — Московский областной педагогический институт имени Крупской. Они оба теперь называются по-другому. Я учился в институте областном — имени Крупской.

Если говорить о преподавателях, то я могу рассказать, скорее, анекдотическую историю. Когда я был на втором курсе, мы изучали «Вспомогательные исторические дисциплины». Аудитория была большая, я си-

дел в самом конце, и когда первый раз зашел преподаватель, читавший этот курс, то мне оттуда показалось, что это довольно-таки молодой человек, и я подумал, что, наверное, он аспирант. Я должен признаться, что особенно серьезно к этому предмету не отнесся, а когда дело дошло до экзамена, впервые открыл учебник и понял, что дисциплина эта гораздо сложнее, чем мне казалось. Стало ясно, что на подготовку нужно время. Группа, в которой я учился, сдавала экзамен первой, а другая — через несколько дней. Я пришел на экзамен и еще до его начала подошел к преподавателю, честно признался, что не готов, и попросил разрешения сдавать с другой группой. Он не возражал. Когда через несколько дней я, уже подготовившись, пришел, преподаватель запустил всех студентов в аудиторию и сказал: «Мне нужно идти на ученый совет. Поэтому давайте зачетки, и я вам всем поставлю». Я ему тоже сдал свою зачетку, и он поставил оценку. Потом меня вызвали в деканат и сказали, что у меня задолженность. Я показал: «Вот у меня стоит в зачетке». Они: «А в ведомости нет». Я узнал номер телефона, созвонился с этим преподавателем, и он назначил свидание на ступеньках издательства «Наука» в Подсосненском переулке. Мы встретились, и он, недоверчиво на меня косясь, проставил оценку в ведомость. Преподавателя звали Сергей Михайлович Каштанов. Прошло несколько лет, и однажды на банкете по случаю какой-то защиты я, уже кандидат наук, Сергею Михайловичу это рассказывал. Зная Каштанова много лет, я не видел, чтобы он так хохотал. А вскоре после этого я уже сам преподавал вспомогательные ис-

торические дисциплины в Историко-архивном институте.

С.Э. А еще кого-то можете отметить из преподавателей?

А.К. В годы моей учебы в этом институте, пожалуй, не было каких-то выдающихся исследователей. Там когда-то преподавал Альберт Захарович Манфред, но я его не застал. Историю Древнего мира читала Юлия Семеновна Крушкол. Она была одним из авторов двухтомного учебника, по которому учились в педагогических институтах.

С.Э. А из ваших однокашников кто-то потом стал научным работником? Кого вы можете отметить?

Насколько я знаю, никто. Несколько лет назад ко мне приезжала телевизионная группа брать интервью, уже не помню, по какому сюжету, и корреспондент, который и брал интервью, оказался моим сокурсником. После окончания института он писал художественные произведения, детективы, потом стал телевизионным журналистом, делает цикл передач на исторические темы.

С.Э. Я помню по своему опыту учебы в Кишиневском университете, что очень многие студенты мечтали пойти в МВД, КГБ или на партийную работу. У ваших однокашников тоже были такие настроения?

А.К. Я затрудняюсь сказать, какие были настроения... На самом деле вопрос, который вы сейчас задаете, связан с тем, кого мы считаем историком. У нас в университете с руководством

иногда возникает дискуссия. Нам говорят: из вашего выпуска историками становятся только 10%. Лет 15 назад меня пригласили прочитать лекцию в Академии государственной службы — нынешней РАНХиГС. Там была аудитория человек сорок, которая, к моему удивлению, вся состояла из вице-губернаторов, вице-мэров и иных высокопоставленных чиновников. И из них чуть ли не половина были люди с историческим образованием. На мой взгляд, все они работают по специальности. Потому что историк — это не обязательно исследователь, который сидит в архиве и пишет статьи, это не обязательно тот, который преподает историю. Историк получает образование, которое позволяет работать в самых разных областях и в том числе в сфере государственного управления.

С.Э. Поскольку в советское время политологии не было, то у желающих делать партийную или государственную карьеру, действительно, особого выбора факультетов не было. Когда вы учились, были однокашники, с которыми можно было обсуждать научные темы, или вы были в этом смысле одиночки?

А.К. Да, пожалуй, так.

С.Э. Когда вы решили заниматься наукой? Это было еще на первом курсе или уже позже?

А.К. Я учился на вечернем отделении и начиная с четвертого курса одновременно работал в Архиве древних актов и уже занимался той проблематикой, которую мне предложил Александр Лазаревич Станиславский. Так что к окончанию

у меня уже все в этом смысле было достаточно определено.

С. Э. Естественно, что первая значимая работа — это кандидатская диссертация. Как возникла идея этой работы?

А. К. Она возникла так, как я уже об этом говорил. Я начал заниматься сочинением Миллера, историей его создания и написал на эту тему мою первую статью, которая была опубликована в «Археографическом ежегоднике». Сама история создания этого сочинения была связана с еще несколькими людьми, которые тоже в это время, параллельно с Миллером, занимались подобной работой. Я стал искать соответствующие документы, источники, попутно делая небольшие открытия, например, определяя авторство некоторых известных текстов. Из этого выросла кандидатская.

С. Э. А каково было название вашей кандидатской диссертации?

А. К. Я всегда с некоторым содроганием его называю, потому что оно было очень длинным — в нем было 17 слов. И звучало так: «Правящий класс-сословие и государственный аппарат Русского централизованного государства в трудах историков и архивистов второй половины XVIII века: (Источниковедческое исследование)». Это название, вернее, часть этого названия, связано с определенными моментами, интересными сегодня. Что такое «правлящий класс-сословие»? Это вообще что-то такое невообразимое. Но дело было в том, что слово «дворянство»

лучше было не произносить, из-за этого тема могла не пройти.

С. Э. Само слово «дворянство» было непроходным?

А. К. Когда на ученом совете в Историко-архивном институте утверждали мою тему, то по этому поводу возникла дискуссия. Формулировка «класс-сословие» была выдумана покойным Николаем Петровичем Ерошкиным, который был председателем Диссертационного совета и к которому мы с Александром Лазаревичем пошли советоваться насчет формулировки. Но когда тему утверждали на ученом совете института, ректор, который его возглавлял, с удивлением спросил: «А что такое правящий класс-сословие? Я не понимаю...» Николай Петрович стал ему объяснять, что это такое, и фактически прочел небольшую лекцию.

С. Э. Это, конечно, тоже интересное воспоминание, потому что молодые не могут себе представить, какая была обстановка в советское время. Что даже слово «дворянство» нельзя было употребить в названии диссертации.

А. К. Мы с вами знаем, что все-таки были работы, даже монографии, в которых оно фигурировало. Например, известная монография Сергея Мартыновича Троицкого «Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.», Авенир Павлович Корелин писал о дворянстве в XIX в., но это были единичные эпизоды. А в целом было так, как я уже говорил. Александр Лазаревич Станиславский занимался историей дворянства — но формулировалась она как история служилых людей.

С.Э. Эвфемизмом обходился... Вы работали в Архиве древних актов. До какого года?

А.К. До 1985 г. В 1984 г. я защитил кандидатскую и через некоторое время отсюда ушел.

С.Э. В РГГУ?

А.К. Нет, не в РГГУ. Еще было советское время, 1985 г., я ушел в ВНИИДАД — Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. Это было такое место, где работали люди с историческим образованием, с кандидатскими степенями, но не имевшие по анкетным обстоятельствам шансов устроиться на какую-то другую работу.

С.Э. В Москве вам невозможно было устроиться преподавателем?

А.К. Ну, ничего совсем невозможного, наверное, не было, но это было, скажем так, проблематично. Официально моим научным руководителем по кандидатской диссертации был Виктор Иванович Буганов, который в это время был заместителем директора Института истории СССР АН СССР. Он ко мне очень неплохо относился, но в разговорах с ним я даже никогда не заикался о том, чтобы он взял меня на работу, а он и не предлагал.

С.Э. Вы ушли из архива, потому что не могли бы там работать на должности, соответствующей степени кандидата наук?

А.К. Нет, я мог бы там остаться, но просто так сложились обстоятель-

ства, что как раз в Отделе архивоведения в ВНИИДАДе образовалась вакансия. Отдел архивоведения возглавляла тогда Нина Михайловна Шепукова, историк и автор публикаций по истории России, в том числе XVIII в. Она предложила это место моей начальнице в архиве. Та была намного старше меня, всю жизнь проработала в архиве, не хотела его оставлять и предложила мне. И поскольку это был Отдел архивоведения, а не что-то более скучное, я согласился. К тому же мне повезло. Этот институт в то время в основном писал всевозможные инструкции для архивистов. Архивисты над ними частенько посмеивались, потому что их, как правило, писали люди, которые сами в архивах никогда не работали. А тут мне очень повезло, потому что я пришел в Отдел архивоведения в тот момент, когда Главархивом было принято решение о создании нового справочника по государственным архивам Советского Союза. В 1990 или 1991 г., точно не помню, в издательстве «Мысль» вышел двухтомный справочник «Государственные архивы СССР», где я числюсь одним из составителей, а затем в дополнение к нему еще один том, который — по архивам музеев, библиотек и по академическим архивам, где я уже был ответственным составителем. Так что это была вполне осмысленная работа.

С.Э. Эту информацию для составления справочников предоставляли сами архивы?

А.К. Поскольку все архивы были в ведении Главархива СССР, то им было дано указание составлять соответствующие справки. Но иногда

приходилось что-то добывать. Я, например, в 1987 г. ездил в командировку в Ереван, чтобы там работать с местными архивистами.

С. Э. В этом институте заниматься собственными историческими исследованиями можно было только в свободное от работы время?

А. К. Было замечательно то, что там были присутственные дни — как в приличном институте. Два присутственных дня в неделю. В остальное время можно было посидеть в архиве.

С. Э. Но это не было плановой работой?

А. К. Да, да, конечно...

С. Э. Какой темой вы тогда занимались?

А. К. Я продолжал заниматься своей проблематикой. Я написал тогда свою первую книжку, которая так и осталась неопубликованной. Потому что это были те годы, когда началась перестройка и когда привычные институты стали рушиться. Свою книжку я планировал для научно-популярной серии, выпускаемой издательством «Наука». Если помните, были такие книжечки в бумажном переплете, двухцветные, где печатались подчас очень почтенные люди. Например, Руслан Григорьевич Скрынников там свои книги публиковал и многие другие известные ученые.

С. Э. Вы написали, а эта серия закрылась?

А. К. Эта серия закрылась и не было возможности напечатать.

С. Э. Какая была тема книги?

А. К. Книга была основана на материалах моей кандидатской диссертации, об историках этого времени, там фигурировали и Миллер, и Щербатов, и некоторые другие историки второй половины XVIII в.

С. Э. В этом институте вы работали до какого года?

А. К. Я там проработал три года, до 1988 г., потом перешел в Историко-архивный институт.

С. Э. А что изменилось в 1988 г., что уже можно было?

А. К. Уже было можно.

С. Э. Вы перешли в Историко-архивный институт, он еще так назывался, а не РГГУ? И там Афанасьев был ректором?

А. К. Да, ректором был Юрий Николаевич...

С. Э. Расскажите, пожалуйста, как вам там работалось в это время — во время перестройки, это же тоже интересно...

А. К. Это действительно был очень интересный период. В Историко-архивном институте я защищал диссертацию. Мой учитель Александр Лазаревич Станиславский, который был мне не только учителем, но и близким другом, в 1985 г., если память мне не изменяет, защитил докторскую и стал заведовать кафедрой. Поэтому

я постоянно бывал в Историко-архивном институте. Бывал и на тех исторических чтениях, которые Юрий Николаевич тогда организовал и на которых выступало очень много интересных людей. На их выступления собирались толпы народа. Некоторые из этих лекций уже описаны в литературе, в воспоминаниях. Были случаи, когда появлялась конная милиция, потому что люди висели на окнах. Я начал работать в Историко-архивном в январе 1988 г. на кафедре архивоведения, потому что там была вакансия. Кафедрой этой заведовал Борис Семенович Илизаров, который впоследствии перешел в Институт российской истории и опубликовал несколько интересных книг по советской истории. В тот момент Борис Семенович был из ближайших сподвижников Юрия Николаевича, участвовал в его предвыборной кампании 1989 г., когда выбирали депутатов на I Съезд народных депутатов. И пока шел этот съезд, Юрий Николаевич, появляясь в институте, собирал преподавателей и рассказывал о том, что происходит на съезде.

Мне трудно сейчас точно указать время, наверное, в конце 1988 г. мы вместе с Борисом Семеновичем и еще с некоторыми коллегами начали работать над проектом Закона об архивном деле. И с нами работали вместе три профессиональных юриста, которые к тому времени были уже широко известны, потому что они подготовили Закон о печати. Это был Юрий Михайлович Батурин, который впоследствии (в 1996–1997 гг.) был секретарем Совета безопасности России и даже слетал в космос, это был Михаил Александрович Федотов, впоследствии

представитель России в ЮНЕСКО и до недавнего времени глава Совета по правам человека при президенте, и Владимир Энтин. С ними и еще несколькими коллегами мы работали над этим проектом закона, который подготовили к лету 1989 г. Он был опубликован и даже обсуждался в одной из комиссий Съезда народных депутатов, которую возглавлял Вячеслав Всеволодович Иванов. Это была очень интересная работа и очень полезный опыт.

Тогда же в 1989 г. при Историко-архивном институте возник так называемый «Народный архив». Это была реализация идеи Бориса Семеновича Илизарова. Ведь государственные архивы хранят документы официальные, они хранят личные документы выдающихся людей, а вот документы обычных людей гибнут, они пропадают, и вместе с ними пропадает память. И вот началась реализация этой идеи — собирать документы простых людей, но одновременно с этим, поскольку это был 1989, 1990 гг., то одновременно была собрана большая коллекция материалов того времени: разнообразных предвыборных листовок, газет, которые стали тогда появляться, и т. д. Это было довольно интересно.

С. Э. «Народный архив» закрылся, насколько я понимаю?..

А. К. Да, он прекратил свое существование, поскольку прекратилось финансирование, и эти материалы сейчас находятся в Государственном архиве Российской Федерации.

С. Э. То есть все эти документы на хранение все-таки сдали?

А. К. Они не пропали. Там были иногда уникальные документы. Поскольку мы стремились сделать «Народный архив» известным, то делали публикации в газетах, выступали на телевидении. Люди узнавали о «Народном архиве» и приносили нам документы. Приносили иногда даже найденные на помойке. В качестве примера расскажу про один такой интересный эпизод. Нам принесли документы умершей одинокой старушки, которые были найдены на помойке — это была еще дореволюционного времени переписка молодой девушки, жившей в Петрограде, с молодым человеком. Молодой человек, который тоже жил в Петрограде, был немец. У них был роман, они были влюблены, он уехал учиться в Германию, потом началась Первая мировая война, революция и т. д. Они никогда больше не встретились. Но она всю жизнь хранила эти письма. Когда стали их изучать, выяснилось, что этот молодой человек стал потом известным ученым, нобелевским лауреатом.

С. Э. Как фамилия этого человека, не помните?

А. К. Вот боюсь сейчас соврать, не помню. Этими документами занималась одна из наших сотрудниц.

С. Э. Он родился в России?

А. К. Да. Вот такие удивительные иногда совершенно вещи можно было обнаружить. Старушка, видимо, была одинокая, родственников не осталось. Когда она умерла, все ее документы выбросили.

С. Э. Сама история очень интересная. А эти письма не были изданы?

А. К. Нет, насколько я знаю, нет. Хотя есть издания документов «Народного архива». Б. С. Илизаров подготовил несколько сборников с публикациями разного рода документов и статьями, на них основанными.

С. Э. Закон, который вы разрабатывали, он был принят? Еще в советское время? Или не был принят?

А. К. Нет, закон принят не был. Не успели. Советского Союза не стало. А этот закон был разработан под советскую архивную систему. Но некоторые идеи этого проекта нашли отражение в современном архивном законодательстве, разработанном уже в постсоветское время.

С. Э. Поскольку 90-е гг. становятся уже былинными временами, то такой вопрос: а был такой период, когда доступ к архивным документам был свободен, без ограничений? Или такого не было вообще?

А. К. Безусловно в перестроечное время доступ стал более легким. Но те документы, которые имели гриф секретности, они продолжали его сохранять. Другое дело, что в это время большие комплексы документов постепенно были рассекречены. Кроме этого, доступ для наших зарубежных коллег стал совершенно иным. Я помню, как в 1992 г. в Москву приезжал один американский коллега, тогда еще аспирант. Он занимался историей раннего советского времени и был на седьмом небе от счастья, потому что смог подержать в руках какие-то ленинские документы, к которым в советское время его бы, конечно, и близко не подпустили.

С.Э. Среди документов советского периода есть до сих засекреченные. А из документов ранее 1917 г. таковые остались, или сегодня можно получить любой дореволюционный документ?

А.К. Мне неизвестно, чтобы были секретные документы дореволюционного времени. В середине 80-х гг. ходили где-то в верхах идеи об ограничении доступа к некоторым документам даже XVIII в., касающимся, например, национально-освободительных движений народов имперской России. Но они не успели реализоваться.

По поводу закрытого или затрудненного доступа к некоторым документам могу сказать следующее. Здесь имеют место несколько факторов. Есть законодательство — это, что касается, в частности, персональных данных. Но есть и субъективный момент. Архивисты — это люди, которые особенно ничем делиться не хотят. В мою бытность работы в Архиве древних актов там были сотрудники, которые говорили: «Вот давайте мы ему, то есть исследователю, не дадим, а сами это опубликуем». Но есть и момент, связанный с реальной секретностью.

Опять же приведу пример. Много лет назад, примерно в середине 90-х, в Историко-архивном институте защищалась кандидатская диссертация по вексиллологии, т.е. по знаменам как историческому источнику. Девушка, которая была автором этой диссертации, рассказывала такую историю. В Музее Вооруженных сил в Москве хранилось много знамен воинских частей периода Великой

Отечественной войны. На этих знаменах номера частей были зашиты. И когда она стала спрашивать о причине, то ей объяснили, что в 1939 г. был приказ наркома обороны маршала Ворошилова о том, что эта информация секретная. Она обратилась в Министерство обороны. И там ей сказали, что они бы с радостью это все открыли, но для того, чтобы открыть, надо отменить приказ наркома, а они этот приказ не могут найти. И эта девушка поработала в архивах и приказ нашла! Наконец надо иметь в виду, что существуют огромные массивы документов с грифом «секретно», до которых у комиссии по рассекречиванию просто еще не дошли руки, поскольку это довольно долгий и трудоемкий процесс. С другой стороны, как мы знаем, совсем недавно в директивном порядке были рассекречены большие комплексы материалов периода Второй мировой войны.

С.Э. Вы работали в РГГУ до?..

А.К. До 2010 г.

С.Э. За это время вы написали докторскую диссертацию. Расскажите, пожалуйста, про вашу докторскую диссертацию.

А.К. Моя докторская диссертация опубликована в виде монографии, она посвящена реформам в России XVIII ст. Я не знаю, что к этому можно добавить.

С.Э. Вы взяли масштабную тему. Весь XVIII в. Обычно сейчас берут более узкие временные отрезки. Кто-то подсчитывал, что с течением времени темы диссертаций всё

сужаются в хронологическом отношении.

А. К. По-разному бывает... Это связано со случайными обстоятельствами. Но ведь ничего случайного не бывает? В моем случае этому предшествовала книга — вообще по истории России XVIII в., которую первоначально заказало одно американское издательство. И сначала она вышла на английском языке. Когда я ее задумывал, то не хотел просто пересказывать исторические события, как в учебнике, но хотел, чтобы в ней была какая-то центральная идея. Этой идеей стали реформы, модернизация. В значительной степени из этой книги выросла докторская диссертация. Но ей предшествовали работы по второй половине XVIII в., по Екатерининскому времени и т. д.

С. Э. Эту книгу на английском вы сами писали или ее переводили?

А. К. Я писал по-русски, а на английский ее перевел замечательный американский историк и мой друг, к сожалению, уже покойный, профессор Дэвид Гриффитс.

С. Э. По поводу английского языка. Как-то мне в «Фейсбуке» нужно было посмотреть аффилиацию «френдс», и я с удивлением обнаружил, что среди них около 100 русских, которые работают в Америке, Англии, причем многие — в ведущих университетах. У вас не было мысли переместиться в какой-нибудь американский или европейский университет?

А. К. Как ни странно, один раз, еще в начале 1990-х был случай. Мне по-

звонила одна моя хорошая знакомая, наша соотечественница, которая в это время преподавала в Соединенных Штатах, сказала, что в одном университете есть вакансия, и спросила, не хочу ли я попробовать. Я как раз только-только вернулся из США, где я преподавал несколько месяцев. И я, недолго думая, послал бумажку. Но оказалось, что уже тогда я был *overqualified*. Когда ищут человека на *tenure-track position*, то, как правило, рассчитывают, что человек, который на нее придет, будет преподавать то, что ему скажут, и это может быть довольно далеко от его узкой специализации.

С. Э. То есть человек еще без диссертации?

А. К. Нет, без степени преподавательскую должность вы не получите, но надо, чтобы был совсем молодой и, как бы сказать — гибкий, *flexible*, который еще в состоянии учиться и готов разработать курс по любой тематике.

С. Э. То есть надо было раньше? До 90-х?

А. К. Вероятно. Впрочем, я совсем не уверен, что, если бы меня тогда взяли, я бы согласился. Хотя бы потому, что, не имея постоянного доступа к архивам, я точно должен был бы переквалифицироваться. К тому же в России тогда было гораздо интереснее.

С. Э. Расскажите теперь о Высшей школе экономики. В чем заключается деятельность вашего подразделения? Раньше это называлось исторический факультет, а сейчас департамент?

А. К. Да, но это ни в коей мере не изменило сути. На мой взгляд, Высшая школа экономики — это действительно один из лучших университетов страны. Может быть, самый лучший. И, конечно, в этом огромная заслуга нашего первого ректора и основателя Вышки, на сегодняшний день научного руководителя университета Ярослава Ивановича Кузьмина. Человека, который в свое время защитил диссертацию на соискание степени кандидата экономических наук, но по сути дела — по экономической истории. Ярослав Иванович знает историю, ценит историю, читает книги по истории, и создание факультета истории было прежде всего его инициативой. Еще за два-три года до того, как это состоялось, он говорил, что есть такие планы.

Я пришел работать в Вышку из РРГУ, где на протяжении довольно продолжительного времени заведовал кафедрой, где у меня было довольно стабильное положение, хорошие отношения с руководством университета, и, казалось бы, чего еще хотеть? Вот, можно до гробовой доски сидеть на этом месте. И тут поступило такое предложение. С одной стороны, заманчивое, интересное. А с другой — означавшее, что надо будет много заниматься организационной и административной работой, по сути, изменить образ жизни. И я далеко не сразу согласился, не сразу принял решение. Своего рода толчком стал разговор с моим коллегой и другом Олегом Витальевичем Будницким, который сказал примерно так: «Ты представляешь себе, это же раз в жизни выпадает шанс создать что-то новое!» И вот это была, наверное, последняя капля, которая подточила камень.

Я согласился на это предложение и должен сказать, что ни разу об этом не пожалел. Потому что работать в Вышке очень интересно. Прежде всего потому, что в Вышке совершенно уникальный коллектив — и по интеллектуальному уровню, и по той атмосфере, по той системе взаимоотношений, которые существуют в университете. И буквально с первых дней, как я начал там работать, я это ощущал и ощущаю до сих пор. Жизнь так устроена, что в любом месте, где мы оказываемся на какой-то службе, у нас есть начальники. Начальники вас могут раздражать, вы можете злиться на них за какие-то их указания т.д. Это, наверное, неизбежно. Так устроен человек. Но в нашем случае я всегда знаю, что передо мной люди, которые болеют за общее дело. И если мне кажется, что они в чем-то неправы, то уж точно не потому, что преследуют свои личные интересы или просто хотят показать свою власть. Это их точка зрения, продуманная и обоснованная. И при определенных усилиях их можно переубедить. Я думаю, вы со мной согласитесь, что не так уж часто можно найти начальника, готового согласиться с мнением подчиненного. А в Вышке это возможно, потому что все вопросы решаются в режиме диалога. За эти годы я уже привык к тому, что на заседаниях ученого совета университета ни один вопрос не решается в режиме «одобряем-с», что по любому вопросу может возникнуть острая дискуссия и что заранее подготовленное решение может быть не принято, но первое время меня это поражало. При этом не раз бывало, что я как-то эмоционально реагировал на какую-то новую инициативу руководства, воспринимал ее нега-

тивно, но потом, послушав аргументы, понимал, что правота на их стороне. Они правы, они понимают, что говорят и что делают, потому что они профессионалы высочайшего уровня. Это очень ценно и, к сожалению, редко в нашей жизни встречается.

С. Э. Абсолютно согласен. Я не один раз приходил в Вышку на семинары, которые проводит Ирина Максимовна Савельева. Уровень аспирантов очень высокий. Еще я присутствовал на встрече с Рональдом Инглхардтом, где преобладали студенты. Они говорили по-английски не просто совершенно свободно, а с блестящим произношением и своими аргументированными вопросами порой загоняли Инглхардта в угол, хотя это звезда мировой величины. Поэтому могу согласиться, что Высшая школа экономики и по составу преподавателей, и по подготовке учащихся демонстрирует очень высокий уровень.

А. К. Конечно, к сожалению, я не могу сказать, что все, что мы задумывали в плане исторического образования, получилось. Не все получилось в силу очень многих обстоятельств. Была идея, с которой мы пришли, первоначальная концепция, от которой на сегодняшний день не так уж много осталось. Эту концепцию мы разрабатывали вместе с Ириной Максимовной, с Андреем Полетаевым, с Павлом Уваровым, Игорем Данилевским, Еленой Вишленковой — целым рядом коллег. Изначальная посылка была связана с тем, что в Москве уже есть несколько исторических факультетов и создавать просто еще один такой же факультет нет никакого смысла.

И тут, я бы сказал, звезды сошлись. В сентябре еще 2009 г., когда я впервые пришел к Ярославу Ивановичу с разговором о создании факультета, один из вопросов, который я ему задал, был такой: в какой степени мы должны будем придерживаться федерального стандарта? Кузьминов стал отвечать, но как-то очень неопределенно, и как раз в этот момент у него зазвонил телефон, и ему сообщили, что Вышка получила статус национального исследовательского университета с правом разработки собственных стандартов. И, конечно, это открыло для нас окно возможностей для создания чего-то другого, нового. Дальше, в последующие годы вступали в силу разного рода ограничения, менялась сама система высшего образования, какие-то наши первоначальные идеи себя не оправдали. Поэтому сегодня это уже другая программа, но тем не менее она отличается от традиционной модели исторического образования.

С. Э. Наш традиционный завершающий вопрос, каковы ваши творческие планы?

А. К. Я недавно закончил и в следующем году надеюсь опубликовать книгу, посвященную тому, как в России XVIII в. боролись с преступлениями сексуального характера. Теми, которые закон оценивал как девиации, отступления от нормы. Пока что мои творческие планы сводятся к этому.

С. Э. Спасибо за интересную и содержательную беседу.

«ВО ВРЕМЯ СЛЕДСТВИЯ БРАТЬЕВ ОТЦА ПРОСТО ЗАБИЛИ НАСМЕРТЬ В ТЮРЬМЕ».

Интервью с Л. П. Крысиным

В интервью известный российский филолог, один из ведущих специалистов по изучению современного русского языка Леонид Крысин рассказывает о своей семейной памяти и биографии, о главных результатах своей научной деятельности; вспоминает о таких деятелях советской литературы, как Чуковский и Солженицын, об участии в диссидентском движении в СССР.

Ключевые слова: семейная память, сталинизм, репрессии, филология, исследования современного русского языка, диссиденты, Солженицын, Чуковский.

Сведения об авторе: Леонид Петрович Крысин, главный научный сотрудник, заведующий отделом современного русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Автор и научный редактор более шестидесяти монографий, словарей, учебников и научно-популярных изданий.

Контактная информация: leonid-krysin@mail.ru.

Автор работ:

Монографии. Статьи о русском языке и русских языковедах. М.: Флинта-Наука, 2015. 576 с.; Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 187 с.; Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.; Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.; Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Перевод на китайский язык. Peking University Press, 2011. 452 с.; Русский язык по данным массового опроса. Проспект. М.: Наука, 1968. 114 с.; Русский язык по данным массового обследования (в соавторстве с В. Л. Воронцовой, М. Я. Гловинской, Е. И. Голановой, Н. Е. Ильиной, М. В. Китайгородской, С. М. Кузьминой). М.: Наука, 1974. 352 с.; Московская школа функциональной социолингвистики: Итоги и перспективы исследований (в соавторстве с Е. А. Земской). М.: Русские словари, 1998. 52 с.; Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения (в соавторстве с Ю. Д. Апресяном, И. М. Богуславским, Л. Л. Иомдиным, А. В. Лазурским, В. З. Санниковым). М.: Совет по кибернетике, 1978. 76 с.; Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.; Il Russo (в соавторстве с В. М. Живовым и Л. Л. Касаткиным). Firenze, 1995. 392 с.

Словари. Академический толковый словарь русского языка. Т. 2, ВИНА — ГЯУР / коллектив авторов: О. М. Грунченко, Л. П. Крысин, А. С. Кулева, И. В. Нечаева, А. Э. Цумарев; под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2016. 680 с.; Академический толковый словарь русского языка. Т. 1, А — ВИЛЯТЬ / коллектив авторов: Л. П. Крысин, А. С. Кулева, И. В. Нечаева, Л. Л. Шестакова; под ред. Л. П. Крысина. М.:

Языки славянской культуры, 2016. 672 с.; Толковый словарь русской разговорной речи, вып. 3 / авторы: М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, Е. А. Никишина, А. Р. Пестова, Н. Н. Розанова, Р. И. Розина, О. А. Шарыкина; под ред. Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2019.; Толковый словарь русской разговорной речи / авторы-составители: М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, И. В. Нечаева, Е. А. Никишина, А. Р. Пестова, Н. Н. Розанова, Р. И. Розина, О. А. Шарыкина; отв. ред. Л. П. Крысин. Вып. 2. К — О. М.: Языки славянской культуры, 2017. 864 с.; Толковый словарь русской разговорной речи / авторы-составители: М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин, С. М. Кузьмина, И. В. Нечаева, А. Р. Пестова, Н. Н. Розанова, Р. И. Розина; отв. ред. Л. П. Крысин. Вып. 1. А — И. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.; Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-пресс, 2012. 416 с.; 1000 новых иностранных слов. М.: АСТ-пресс, 2009. 320 с.; Учебный словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2009. 704 с.; Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2008. 864 с.; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. (в соавторстве с Н. Ю. Шведовой и Л. В. Куркиной). М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.; Толковый словарь иноязычных слов. Изд. 6-е, исправленное и дополненное. М.: ЭКСМО, 2005. 944 с.; изд. 9-е — 2011. 944 с.; Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык — Дрофа, 1998. 856 с.; Опыт лексикографического описания группы однокоренных глаголов (РЕЗАТЬ и его производные). Предварительные публикации Института русского языка АН СССР, вып. 85, 86. М., 1976. 39 с.; Правильность русской речи. Словарь-справочник (в соавторстве с Л. И. Скворцовым) / под ред. С. И. Ожегова. М.: Наука, 1965. 232 с.; Правильность русской речи. Опыт словаря-справочника (в соавторстве с Л. И. Скворцовым) / под ред. С. И. Ожегова. М.: изд-во АН СССР, 1962. 156 с.

Учебники и учебные пособия. Современный русский литературный язык. Учебник / под ред. П. А. Леканта (в соавторстве с Л. Л. Касаткиным, Е. В. Клобуковым, П. А. Лекантом). М.: Высшая школа, 2009. 766 с.; Современный русский язык: Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Учебное пособие для филол. фак-тов ун-тов и пед. институтов. М.: Academia, 2007 (2-е изд. — 2009, 3-е изд. — 2013). 240 с.; Русский язык. Учебник для вузов / под ред. Л. Л. Касаткина (в соавторстве с Л. Л. Касаткиным, Е. В. Клобуковым, М. Р. Львовым, М. Ю. Федосюком и др.). М.: Academia, 2001; 2-е изд. — 2004. 768 с.; Социолингвистика. Учебник для студентов и аспирантов филологических факультетов университетов (в соавторстве с В. И. Беликовым). М.: РГГУ, 2001. 439 с.; 2-е изд. — 2016. 337 с.; Русский язык. Учебник для пединститутов (в соавторстве с Л. Л. Касаткиным, М. Р. Львовым, Т. Г. Тереховой) / под ред. Л. Ю. Максимова. Т. 1. М.: Просвещение, 1989.

Книги для школьников. Рассказы о русских словарях. Книга для учащихся. М.: Русское слово, 2011. 224 с.; Жизнь слова. Книга для учащихся. М.: Русское слово, 2008. 176 с.; Язык в современном обществе. Книга для учащихся. М.: Русское слово, 2008. 208 с.; Новый словарь иностранных слов. Серия «Школьная библиотека». М.: ЭКСМО, 2006. 480 с.

Научные и научно-популярные труды под научной редакцией Л. П. Крысина. Академический толковый словарь русского языка. Коллектив авторов / отв. ред. Л. П. Крысин. Т. 2, ВИНА. М.: Языки славянской культуры, 2016. 680 с.; Академический толковый словарь русского языка. Коллектив авторов / отв. ред. Л. П. Крысин. Т. 1, А — ВИЛЯТЬ. М.: Языки славянской культуры, 2016. 672 с.; Толковый словарь русской разговорной речи. Коллектив авторов / отв. ред. Л. П. Крысин. Вып. 2, К — О. М.: Языки славянской культуры, 2017. 864 с.; Толковый словарь русской разговорной речи. Коллектив авторов / отв. ред. Л. П. Крысин. Вып. 1, А — И. М.: Языки славянской культуры,

2014. 776 с.; Слово и язык. Сб. научных статей к 80-летию академика Ю.Д. Апресяна / отв. ред. И. М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2011. 736 с.; Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект. Коллектив авторов / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2010. 346 с.; Проблемы лексической семантики. Тезисы международной конференции. IX-е Шмелевские чтения / отв. ред. Л. П. Крысин, Р. И. Розина. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2010. 165 с.; Современный русский язык: система — норма — узус. Коллектив авторов / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.; Ермакова О. П. Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века: краткий словарь ушедших и уходящих слов и значений / отв. ред. Е. А. Земская и Л. П. Крысин. Калуга: Эйдос, 2008. 172 с.; Язык современного города. Тезисы международной конференции. VIII Шмелевские чтения / отв. ред. М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2008. 169 с.; Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков. Коллектив авторов / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2008. 712 с.; Просто и занимательно о русском языке. Пособие для учащихся 5–9 классов. Авторы: И. И. Постникова и др. / научный редактор Л. П. Крысин. М.: Просвещение, 2007. 416 с.; Русский язык сегодня. 4. Проблемы языковой нормы / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. 653 с.; Проблемы разработки русско-иноязычных словарей (Русский словник. Русская часть словарных статей). Коллектив авторов / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006 (рукопись). 20 а.л.; Энциклопедический словарь юного лингвиста. Составитель М. В. Панов / отв. ред. Е. А. Земская, Л. П. Крысин. М.: Флинта-Наука, 2006. 542 с.; Проблемы языковой нормы. Тезисы докладов международной конференции. VII Шмелевские чтения / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2006. 158 с.; Л. А. Капанадзе. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2005. 333 с.; Русский язык сегодня. 3. Сб. докладов Международной конференции «Проблемы русской лексикографии» / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. 364 с.; Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. Коллектив авторов / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.; Русский язык сегодня. 2. Сб. докладов Международной конференции «Активные языковые процессы конца XX века» / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2003. 634 с.; Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докладов международной конференции. V Шмелевские чтения / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2002. 119 с.; Активные языковые процессы конца XX века. Тезисы докладов международной конференции. IV Шмелевские чтения / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000. 10 а.л.; Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к 70-летию академика Ю.Д. Апресяна / отв. ред. Л.Л. Иомдин и Л. П. Крысин. М.: Языки русской культуры, 2000. 648 с.; Русский язык сегодня. 1. Сб. докладов Международной конференции «Русский язык в его функционировании» / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. 596 с.; Речевое общение в условиях языковой неоднородности / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 224 с.; Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси / отв. ред. А. Н. Булыко и Л. П. Крысин. Минск: Беларуская навука, 1999. 17,4 а.л.; Русский язык в его функционировании. Тезисы докладов международной конференции. III Шмелевские чтения / отв. ред. Л. П. Крысин. М., 1998. 126 с.; Облик слова. Сб. статей памяти академика Д. Н. Шмелева / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Русские словари, 1997. 384 с.; Арсирий А. Т. Занимательные материалы по русскому языку. Книга для учащихся / научный редактор Л. П. Крысин. М.: Просвещение, 1995. 383 с.; Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. 256 с. Лингвистический процессор для сложных информационных систем / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Наука, 1992. 256 с.; Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка /

отв. ред. Ю. Д. Дешериев и Л. П. Крысин. М.: Наука, 1988. 15,7 а.л.; Энциклопедический словарь юного филолога. Языкознание / составитель М. В. Панов; научный редактор Л. П. Крысин. М.: Педагогика, 1984. 352 с.; Земский А. М., Крючков С. Е., Светлаев М. В. Русский язык. Учебник. Ч. 1 и 2 / отв. ред. Е. А. Земская и Л. П. Крысин. Изд. 13-е. М.: Дрофа, 2003. 37 а.л.; Социально-лингвистические исследования / отв. ред. Л. П. Крысин и Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1976. 232 с.; Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения. Коллектив авторов / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Наука, 1974. 352 с.

“DURING THE INVESTIGATION, MY FATHER'S BROTHERS WERE SIMPLY BEATEN TO DEATH IN PRISON”. Interview with L. P. Krysin

In an interview, a well-known Russian philologist, one of the leading experts in the study of the modern Russian language, Leonid Krysin, talks about his family memory and biography, about the main results of his scientific activity; recalls such figures of Soviet literature as Chukovsky and Solzhenitsyn, about participation in the dissident movement in the USSR.

Key words: family memory, Stalinism, repressions, philology, studies of the modern Russian language, dissidents, Solzhenitsyn, Chukovsky.

About the author: Leonid Petrovich Krysin, Chief Research Fellow, Head of the Department of Modern Russian Language, Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences.

Contact information: leonid-krysin@mail.ru.

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Дорогой Леонид Петрович, наш журнал специализируется на проблемах памяти, одной из наиболее интересных и малоисследованных форм которой является семейная память. Люди из домодерных обществ до сих пор помнят 10–15 поколений своих предков. В современных обществах эта память обычно ограничивается тремя поколениями. Какова глубина вашей семейной памяти? Что бы вы могли рассказать о своих предках?

Л. К. Моя память не так глубока. Я из рабоче-крестьянской среды, где генеалогическая линия короче. Я знаю кое-что по линии отца, по линии ма-

тери меньше... Я знаю о деде, Иване Семеновиче, хотя никогда его не видел: в 1933 г. он погиб, а я родился в 1935-м. Отец мне рассказывал о его деде — т. е. о моем прадеде — Семене Алексеевиче, который крестьянствовал — как и мой дед. Итак, Семен Алексеевич — это прадед. Алексей Петрович — прапрадед. Мой дед родился за год до отмены крепостного права, а бабушка в год отмены крепостного права — в 1861 г. Прадед родился в 1830-е гг. И прапрадед Алексей Петрович — где-то в начале XIX в. Это последний предок, о котором мне мой отец рассказывал. Он жил в Рязанской губернии, а те, о которых я до этого сказал, жили в Воронежской.

Прапрадед по роду своих занятий был прасол. Вы знаете, кто такой прасол?

С.Э. Оптовый торговец крупным рогатым скотом?

Л.К. Я нашел информацию, что это торговец мясом. Хотя надо сказать, ни в одном толковом словаре, даже у Даля, этого слова нет. Алексей Петрович жил в Рязанской губернии, потом переехал в Воронежскую. Более точной локализации не знаю. А по матери... Знаю, что отец матери — Иван Терентьевич Фокин — работал приказчиком у лесопромышленника Бауэра в Сарепте, которая сейчас часть Волгограда.

С.Э. Получается, что у вас и по отцовской, и по материнской линии предки были людьми предприимчивыми.

Л.К. Мой прадед Семен Алексеевич был крестьянином, дед мой тоже занимался крестьянским трудом, и вся его семья были крестьяне. И отец мой, Петр Иванович Крысин, начал как крестьянский сын. Он родился в 1901 г., с 7 лет работал и помогал старшим пасти лошадей, сеять и убирать урожай, с 10 лет помогал на маслобойне, а с 12 лет работал уже наравне со старшими братьями. Семья была большая: моя бабушка, Евдокия Терентьевна, родила за свою жизнь 16 детей, мой отец был четырнадцатым. Многие дети умирали в младенчестве. Выжило семь человек: шесть братьев и одна сестра. После моего отца родились еще один брат и сестра.

С.Э. Это была обычная в то время ситуация. Где-то половина детей умирали. И не только у крестьян.

Я обратил внимание на это в великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора, где покоятся члены императорской семьи. Я был поражен, сколько в царской семье погибло детей. Можно отметить два возраста, в котором они умирали. Первый — это 1, 2, 3 года, а второй — это где-то лет 17–18. И если такая ситуация в царской семье, то что говорить о крестьянах. Сейчас нам даже трудно себе это представить, но так оно и было.

Позвольте задать второй вопрос. Память о сталинских репрессиях сильно «перекошена» не только по причине государственной политики памяти, но и потому что публично вспоминали преимущественно интеллигенты, в том числе представители репрессированной номенклатуры (т. е. бывшие палачи, по воле случая ставшие жертвами — яркий пример отец Булата Окуджавы), которые в массе своей попали под Большой террор. Тогда было арестовано не меньше 1,7 млн человек, из них расстреляно более 700 тыс., но при этом все равно большинство репрессированных были рабочими и крестьянами. Коллективизация, жертвами которой, с учетом голодомора, стали от 5 до 10 млн человек, остается на периферии общественного сознания. Так, в прекрасном оборудованном Музее ГУЛАГа до сих пор нет экспозиции, посвященной коллективизации. Ваши родственники были, как тогда говорили, раскулачены. Расскажите, пожалуйста, об этом трагическом эпизоде вашей семейной памяти.

Л.К. Термин «раскулачивание», может, здесь и не совсем подходит. Хотя

кулаки — это были не только те люди, у которых кто-то служил из посторонних, нанятых работников, но и сами по себе они работали много. Семья моего деда и отца не пользовалась трудом нанятых работников. Они работали сами. В 20-е гг., после НЭПа поощрялись так называемые интенсивники — т. е. люди, которые своими силами заводили какое-то дело. И таким делом у моего отца с братьями была маслобойня. Они построили производственное здание, завезли технику и занялись этим, как бы сейчас сказали, бизнесом. С них брали налоги за эту деятельность. Естественно, что государство берет налог, но налоги росли с сумасшедшей скоростью, в течение даже одного года многократно возрастала сумма налога. И в один момент, когда отец уже самостоятельно занимался маслобойней, с него, взяв месячный налог, через какое-то очень короткое время потребовали новый налог. Он пошел выяснять, в чем дело, в соответствующее учреждение. Там вместо объяснений его грубо оборвали и арестовали, обвинив в неуплате налогов.

С. Э. В каком это году было?

Л. К. В 1929 г.

С. Э. Это когда уже было принято решение о «Великом переломе» или ранее?

Л. К. Еще до «Великого перелома». И отца уже не отпустили, а посадили в теплушку вместе с такими людьми, как он. В теплушке — это были так называемые телятники — товарные вагоны для перевозки скота с задвигающимися дверьми, их повезли, да-

же не сказав куда. Через неделю пути их привезли на Урал, высадили на станции Чусовская. Здесь заключенных построили. Несколько местных начальников ходили перед строем и выкликали плотников, каменщиков, столяров, слесарей. Отец владел профессиями токаря и слесаря уже с возраста 21–22 года и мог профессионально работать в этом качестве. Он назвался слесарем и был назначен на работу в мастерские по ремонту вагонеток и прочего инвентаря, предназначенного для перевозки дров. Эти дрова служили сырьем в процессе углежжения: металлургический завод, существовавший (и сейчас существующий) в г. Чусовом, работал в то время на древесном угле. Отец в общей сложности пробыл там три года. В мае 1930 г. к нему приехала мама с тремя детьми. Жил отец, вместе с другими ссыльными, в бараке. Возникла проблема: где жить семье? Вместе с отцом, естественно, нельзя, а из местных никто не хотел пускать на квартиру женщину с тремя малолетними детьми. С трудом наши место в доме некоей Натальи Ермолаевны, которая жила без мужа. Она разрешила маме с ребятами поселиться в маленькой комнатухе на втором этаже ее дома. Вторая проблема — где доставать еду? Отец-то был хоть на казенном, но постоянном «довольствии», а что есть маме и ребятам? Мама пошла работать в больницу — на кухню посудомойкой. Смогла есть там сама, кое-что перепало и детям: тайком кормила то одного, то другого на кухне, когда никого не было. Отцу иногда удавалось приносить каши из «своей» столовой. Так и жили. По прошествии какого-то времени, еще до окончания отбытия срока ссылки (что удиви-

тельно! Но все же это было время до террора середины и конца 30-х гг.), отцу на короткое время разрешили поехать в Москву. Там он смог договориться об устройстве на работу с директором одного из предприятий (на подмосковной станции Плющево) — Всесоюзного института механизации и электрификации сельского хозяйства, и вернулся назад. Когда срок ссылки закончился, отец вместе с семьей в 1932 г. поехал в Подмоскowie и поступил на это предприятие работать. Семье дали комнату площадью 12 квадратных метров в коммунальной квартире. В этой комнате теснились отец с матерью и трое детей (мои старшие братья родились в 1922 и 1926 гг., сестра в 1925). Уже там, в Подмоскowie в 1935 г. родился я. И надо сказать, что я с рождения и до окончания университета ничего не знал о том, о чем я вам сейчас рассказывал. Мне ничего не говорили, потому что семья боялась дальнейшего преследования. Дело было не только в отце, но еще и в его братьях. Еще в августе 1930 г. на станцию Чусовую, поближе к отцу, приехали его старшие братья — Михаил и Яков (а позднее и третий — Иван), до этого отбывшие свои сроки ссылки в Котласе, Сыктывкаре и других местах. Они приехали вместе, полагая, что раз они уже отбыли наказание и их освободили, то чего теперь бояться. Все четыре брата стали работать на одном заводе, и это оказалось очень опасным. На одном из производственных собраний выступил некий ретивый комсомольский активист и стал говорить об окопавшихся на заводе недобитых кулаках, назвал при этом фамилию Крысиных. К этому времени к братьям приехали семьи. Крысиных стало слишком

много, они стали слишком заметны. Перед тем, как семья переехала в Подмоскowie, мой отец советовал своим братьям не ехать в одно место и, по крайней мере, не работать вместе. Но они — старшие, более опытные! — его не послушались и заплатились за это. Из Чусовой три папных брата уехали в Новосибирскую область, город Татарск, стали работать на одном заводе. В 1933 г. братьев и их семидесятитрехлетнего отца, моего деда, арестовали в г. Татарске, обвинили в «создании вредительской антисоветской группы» (якобы они портили станки и механизмы, подсыпая в них песок). Ничего подобного, конечно же, не было: это были рабочие люди, как они могли даже при каком-то негативном отношении к власти заниматься порчей машин? Во время следствия братьев отца просто забили насмерть в тюрьме. Деда, правда, не убили совсем, но отбили ему все внутри настолько, что через несколько недель после того, как его «освободили» и полуживого отдали бабушке, он скончался. Поэтому семейный страх у нас был. Мои старшие братья и сестра знали обо всем этом, а я узнал, только будучи уже взрослым. Мне сознательно ничего не рассказывали, даже когда я окончил школу — боялись, что мне это помешает поступить в университет. Я в 1953 г. беспрепятственно поступил в университет и окончил его.

С. Э. Трагизм репрессий не сводится к тому, что люди погибали и много страдали. Есть еще такое явление, как уничтоженная память, то, что скрывали в семьях. Ведь многие нынешние сталинисты не подозревают, что их предки были репрессированы.

Л. К. Конечно. Поэтому оправдывают сталинизм.

С. Э. Это травма, которая над нами висит до сих пор. Так, у нас в издательстве работал водителем хороший ответственный парень лет 25. Года два назад он категорически отказался отправлять книги за границу. Видимо, его обуял страх, чтобы не объявили «иноагентом». Наследие репрессий — это то проклятие, которое над нами до сих пор висит. Эта трагическая страница нашей истории не преодолена.

Л. К. Я всю эту историю записал в 1985 г., когда умер мой отец, и перед кончиной он все это в подробностях мне рассказывал. Я еще тогда не был так близок с Александром Исаевичем Солженицыным, чтобы рассказать ему эту историю. В книге «Архипелаг ГУЛАГ» он показал репрессии в основном в среде интеллигенции, а в среде рабочих и крестьян они описаны с меньшей подробностью.

С. Э. Вы — сын крестьян, которые бежали в город от репрессий, стали известным ученым, доктором наук. Сталинисты могут заявить, что ваша биография — это один из множества примеров широких возможностей, открывшихся у простых людей благодаря советской власти. Что бы вы им ответили на это? Что повлияло на ваше стремление стать научным работником? Кто были ваши учителя?

Л. К. Семья боялась, что я не поступлю в университет, потому что дети репрессированных испытывали трудности при получении высшего

образования. Я сознательно выбрал филологический факультет. У меня были очень хорошие учителя, причем именно словесники. Несмотря на то, что прошло уже столько времени, лет 75–80, когда я учился в средней мужской школе в городе Мытищи — мы жили в это время в Мытищах, я до сих пор помню преподавателя Петра Афанасьевича Дубровского. Он в моем сознании отложился как, во-первых, старый интеллигент, во-вторых, как очень хорошо знающий и русскую литературу, и русский язык, и в-третьих, как прекрасный педагог. Когда я учился в 8–10-м классах, был у меня и другой не менее замечательный учитель по литературе и русскому языку — Александр Андреевич Лапицкий. Тоже очень интересная личность. В 1950 г., когда мы начали у него учиться, ему уже было 62 года. Он был участником Первой империалистической войны. Образование получил в Дерпте — нынешнем Тарту. У него были нетрадиционные методы обучения. На первом же уроке он стал нам читать воспоминания Горького о Толстом. Мы же в этом смысле были *tabula rasa*, ничего не знали, но это нам очень запомнилось. Потом, когда я задумал поступать на филологический факультет в университет, Петр Афанасьевич Дубровский меня отговаривал, говорил, что я после окончания вуза буду безработным и не буду иметь возможностей зарабатывать на содержание семьи. Я все-таки получил филологическое образование.

После окончания университета меня распределили под Хабаровск, в какую-то школу учителем. Хотя я был сталинским стипендиатом, отличником, но распределение есть

распределение, и я должен был туда поехать. Но вмешался случай, который этому помешал. В 1958 г., когда я оканчивал университет, был образован Институт русского языка Академии наук СССР. В сентябре этого года должен был состояться Международный съезд славистов, и вдруг правительство обнаружило, что во всех славянских странах есть научные институты родного языка, а в России института русского языка нет. Открыли этот институт, дали штатные места, и меня с девятью другими выпускниками зачислили в этот институт. Вместо Хабаровска я отправился по московскому адресу Волхонка, д. 18/2, где и поныне работаю (правда, с некоторыми перерывами, которые были не по моему желанию, о чем я скажу дальше).

С. Э. То есть вы работаете в Институте русского языка РАН с самого момента его открытия?

Л. К. Да. Мой стаж непрерывный, 62 года. Мой стаж больше, чем ваш возраст. Я читал о вас статью в Википедии, поэтому знаю (смеется).

С. Э. Вы учились в МГУ? Кто-то вам запомнился из преподавателей?

Л. К. Многие, конечно. У меня есть отдельные мемуары, касающиеся периода обучения на филологическом факультете МГУ. Те преподаватели по большей части выдающиеся люди. Запоминавшиеся не только как знатоки филологии, знатоки языка, но и как личности. Например, *Сергей Михайлович Бонди*. Это был фантастический человек, вдохновенно, с горящими глазами читавший нам лекции — даже не читавший лекции,

а рассказывавший — о Пушкине. Взгляд его на творчество национального гения кардинально отличался от того, что господствовало в официальном пушкиноведении. Аудитории, где шли лекции Бонди, всегда были набиты до отказа, приходили студенты с других курсов, аспиранты, преподаватели. Это было мастерство именно устного жанра — в записанном виде лекции Бонди уже не производили такого впечатления: исчезали голос, живые интонации, сама эмоциональная фигура Сергея Михайловича, его жесты...

Блестящим преподавателем латинского языка был *Николай Алексеевич Федоров*. Молодой, порывистый, он стремительно входил в аудиторию, бросал на стол портфель и начинал вытаскивать из нас знания в области склонения латинских существительных, заставлял спрягать латинские глаголы, вспоминать законы, действовавшие в латинском языке (помню только закон ротацизма, вопрос о котором, кстати, достался мне и на экзамене, где вместе с Федоровым экзаменовал нас сам *Сергей Иванович Радциг* — легендарный автор учебников латинского языка). Попутно Николай Алексеевич заставлял нас делать маленькие открытия: находить в русском языке слова, которые произошли от латинских или имели с ними общие корни, слова других языков, также обнаруживающие родственные связи с латынью. И все это делалось чрезвычайно живо, вдохновенно, остро, как будто речь шла не о давно умершем языке, а о том, что окружает нас сейчас, в середине XX в.

Петр Саввич Кузнецов, один из столпов отечественной лингвистики,

разносторонний специалист, не только блестяще знавший историю русского и многих славянских языков, но и профессионально разбиравшийся в африканистике, сравнительной типологии языков и во многом другом, стоявший у истоков целых направлений отечественного языкознания, — был не очень хорошим лектором. Стоя на кафедре, низко склонив голову над текстом лекций и почти не глядя в аудиторию, он читал глухим голосом, неразборчиво, запинаясь. Правда, нам он читал только спецкурсы, и тот, кто хотел добраться до содержания его лекций (а оно было весьма глубоким и нетривиальным!), старался прорваться сквозь эту бубнящую манеру чтения и понять суть. Человек же Петр Саввич был прекрасный, добрый, не только увлеченный лингвистикой (что было, конечно, основным делом его жизни), но и, например, сочинявший детективы. Но об этом я узнал позже, когда начал работать в Институте русского языка.

С. Э. Кто из ваших однокашников, с кем вы учились, потом тоже стал заниматься наукой, кого бы вы могли отметить?

Л. К. Академик Андрей Анатольевич Зализняк, например, мой однокурсник. Недавно умерший, к сожалению. Он учился на курс старше меня, но его послали на год во Францию как самого способного студента. Он вернулся и продолжил обучение уже на нашем курсе. Андрей Анатольевич Зализняк — замечательный, гениальный лингвист, полиглот, знавший несколько десятков языков. Он был историком русского языка, конечно, не только языка в прошлом, у него

были замечательные книги и по современному русскому языку, уникальный грамматический словарь. Талант Зализняка, его замечательные исследования и даже открытия (например, в области расшифровки берестяных грамот) удивляли не только лингвистов. Например, известный математик Владимир Андреевич Успенский, хорошо знавший Зализняка и его работы, считал Зализняка просто гением без всяких оговорок.

На курсе у нас учился человек, впоследствии, правда, не научного уже мира, а писательского, — Стасик Рассадин, Станислав Борисович Рассадин, известный литературовед, критик, мемуарист. Вообще очень способные и заметные лингвисты были, просто с Зализняком рядом никого нельзя поставить.

С. Э. Корней Иванович Чуковский специально пришел в Институт русского языка, чтобы познакомиться с вами — недавним выпускником МГУ. Расскажите, пожалуйста, об этой истории и о вашем многолетнем знакомстве с семейством Чуковских.

Л. К. Мое знакомство с ним было необычным: не я к нему пришел, а... он ко мне! Это произошло в 1962 г. В один из июльских дней я шел по коридору третьего этажа, где помещался наш сектор — сектор современного русского языка и культуры речи. Выйдя на лестничную площадку и собравшись спуститься вниз, я увидел поднимающегося мне навстречу Корнея Ивановича Чуковского. Поравнявшись со мной, Чуковский спросил: «Где я могу найти

сотрудников вашего института Крысина и Скворцова?» Растерявшись от его вопроса и от всей этой ситуации, я ответил, что один из этих сотрудников — я, и фамилия моя Крысин.

— Где мы с вами могли бы поговорить?

Я повел Корнея Ивановича в нашу комнату, где сидело второе лицо, интересовавшее Чуковского, — мой однокурсник Лев Скворцов. Чуковский сел за один из обшарпанных столов в нашей тесной комнате и объяснил цель своего визита: он написал книгу «Живой как жизнь» — о русском языке, которую выпустило издательство «Молодая гвардия», и, собираясь готовить второе ее издание, хотел бы узнать наше мнение об этой книге — в виде рецензии на нее. Такое внимание именно к нашим персонам объяснялось тем, что в 1962 г. в издательстве Академии наук СССР вышел небольшой словарь «Правильность русской речи». Авторами были мы со Скворцовым, а работой над словарем руководил Сергей Иванович Ожегов, заведовавший нашим сектором. Правильность современной речи была как раз одной из главных тем книги Корнея Ивановича. Мы поблагодарили Корнея Ивановича за оказанную нам честь — написать отзыв для издательства о его замечательной книге — и условились о сроке выполнения этой работы. К концу сентября довольно объемистая и подробная рецензия была написана. Александр Александрович Реформатский (этот замечательный человек и ученый заслуживает отдельного разговора), вместе с которым — и, естественно, под его руководством — мы вели в журнале

«Семья и школа» отдел «Поговорим о нашем языке», — захотел прочитать нашу рецензию. Сан Саныч довольно быстро прочитал рецензию, сделал много критических замечаний, но в целом одобрил. Рецензия ушла в издательство. После первой нашей встречи мы не один раз бывали на даче Корнея Ивановича в Переделкине. Поездки сотрудников нашего сектора в гости к Чуковскому и дружба с ним, длившаяся целые семь лет, вплоть до его кончины 28 октября 1969 г., стали частью нашей жизни.

Хорошо известны оппозиционные отношения Чуковского с властью: он не раз вступался за несправедливо преследуемых, подписывал письма в защиту ложно обвиняемых писателей и поэтов, хотя, конечно, он не был так бескомпромиссен и смел, как его дочь, Лидия Корнеевна. В дни, когда преследованиям подвергся Солженицын, в советской печати во множестве появились статьи, громившие этого писателя, полные клеветы. Одна из таких статей была опубликована в газете «Литература и жизнь» (за верноподданничество ее коротко и пренебрежительно называли «Ли-Жи»). Я написал возмущенное письмо в редакцию этой газеты и один экземпляр письма отправил в редакцию (почти уверенный, что ответа не будет), а копию опустил в почтовый ящик московской квартиры Чуковских. Мне хотелось услышать от Корнея Ивановича его мнение и об этой статье, и о моем письме. Довольно долго с его стороны не было никакой реакции. Месяца через два во время очередной нашей прогулки с Чуковским по улицам Переделкина Корней Иванович, взяв меня под руку, отделился от общей группы гостей

и сказал, что прочитал мое письмо, считает его совершенно справедливым, и спросил меня: «Зачем вы это делаете? Разве можно надеяться на то, что эти люди хотя бы прочтут ваше письмо, не говоря уж об ответе на него? А для вас это опасно, не стоит так рисковать».

Во время наших визитов в Переделкино Корней Иванович по преимуществу был бодр, оживлен (а ему шел девятый десяток, и его мучила сопровождавшая всю его жизнь бессонница). Он много и остроумно рассказывал о тех писателях, художниках, критиках, журналистах прошлого, которых хорошо знал. Запомнились также его рассказы о двух поездках в Англию. Одна была в 1916 г., вместе с Алексеем Толстым и В. Д. Набоковым (отцом В. В. Набокова), а вторая в 1962-м, когда отметившему свое восьмидесятилетие Чуковскому была присвоена *Honoris causa* ученая степень доктора литературы Оксфордского университета.

Интересовался он и нашими научными делами, расспрашивал о сборнике «Вопросы культуры речи», который выходил под редакцией Сергея Ивановича Ожегова, об академике Виноградове, к которому относился с большим уважением, о том, каковы наши научные интересы и чем именно занимается каждый из нас. Этот интерес его был искренний, живой и неподдельный, хотя нередко Корней Иванович проявлял его в шуточной и даже несколько ернической форме, притворно удивляясь нашим научным успехам. Он нас называл лингвисты. По имени, конечно, знал, но называл так. Кабинет Чуковского располагался на втором этаже его

дачи, и когда мы приезжали к нему в Переделкино, то снизу ему домашние кричали: «Корней Иванович, лингвисты приехали!» Он сверху им отвечал своим высоким голосом: «Скажите им, что я умер». Такие шутки у него были. Хотя очень радушно нас принимал. Запомнилась телевизионная передача, которую мы с ним совместно сделали в 1963 г.

В пору наших поездок в гости к Чуковскому он был для меня прежде всего детским писателем. Конечно, я знал его книгу о Некрасове, читал его «Современников», но мало знаком был с его дореволюционной жизнью в литературе, в журналистике, да и о его детстве, о семье, о друзьях. Многое из всего этого я узнал, к сожалению, после его смерти, когда по предложению Лидии Корнеевны и Люши (так по-домашнему звали внучку Корнея Ивановича — Елену Цезаревну Чуковскую) стал готовить сначала одну, а затем и другие публикации избранных писем Чуковского.

С. Э. Но вы и после смерти Корнея Ивановича продолжали общаться с его дочерью?

Л. К. Мое общение с Лидией Корнеевной продолжилось и после моих публикаций писем Чуковского, практически до ее кончины в феврале 1996 г. Этому способствовало одно обстоятельство, касавшееся дачи Чуковского в Переделкине. Спустя некоторое время после смерти Корнея Ивановича Союз советских писателей и Литфонд вознамерились выселить его дочь и его внучку из переделкинского дома, а сам дом снести. Между тем дом Чуковского

уже в течение нескольких лет был «самодеятельным» музеем писателя: туда приезжали и школьники, и взрослые, интересовавшиеся жизнью и творчеством знаменитого сказочника. И Лидия Корнеевна, и Люша не без оснований предполагали, что в их отсутствие дом могут просто захватить представители упомянутых писательских организаций. Поэтому было принято решение организовать круглосуточное дежурство добровольцев из числа близких к Чуковским людей. Я был в числе тех, к кому обратились эти две мужественные женщины. С середины 80-х гг. я стал регулярно ездить в Переделкино и с утра понедельника до вечера вторника жил в этом доме и работал над своим «Толковым словарем иноязычных слов» (первое издание его вышло в 1998 г.). Вечером во вторник приезжала Лидия Корнеевна, и уже она стояла на страже дома-музея до пятницы, когда ее менял на этом посту Павел Крючков — молодой журналист, преданный Чуковским. Впоследствии музей — после многолетней мучительной борьбы за него — приобрел статус государственного, а Паша стал сотрудником музея. Ныне Павел Крючков — известный литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Новый мир». Иногда мы беседовали с Лидией Корнеевной на лингвистические темы, а именно — об оскудении и порче русского языка. Беседы наши не всегда велись в полном взаимном согласии — доходило и до споров. При этом, если Лидия Корнеевна была в чем-то убеждена, «сдвинуть» ее с этого убеждения, несмотря на его ошибочность, было очень трудно или просто невозможно.

С.Э. Вы упомянули про Ожегова, пожалуйста, расскажите про него.

Л.К. 1 августа 1958 г. был моим первым рабочим днем в Институте русского языка. Я вошел в здание института, поднялся на второй этаж. Первый человек, которого я увидел, был Виктор Петрович Григорьев — довольно известный литературовед, но в большей степени лингвист, специалист по языку поэзии Хлебникова. Он тогда занимал должность ученого секретаря института. Я ему сказал, кто я такой и почему пришел к нему. Он мне сказал: «Вам нужно в сектор культуры речи. Поднимайтесь на третий этаж в комнату № 7». Я иду туда, открываю дверь и вижу: за столом, на фоне окна сидят, на мой тогдашний взгляд, два бородатых старца, о чем-то очень живо беседуют. Вскоре я узнал, что это были Сергей Иванович Ожегов и Александр Александрович Реформатский. Потом я сам себе поражаюсь, как я мог посчитать старцами людей 58-летнего возраста — они оба родились в 1900 г. с разницей в месяц. Но мне, недавнему студенту, тогда они показались очень пожилыми людьми. Сразу же возникла одна неловкость. Ожегов сдвинул очки на переносицу и довольно резко спросил: «В чем дело?» Я, немного нервничая, ответил: «Я пришел на работу». Ожегов: «У нас никакой работы нет!» — «Ну как же. Меня Григорьев послал...» Ожегов: «Ааа... Вы из МГУ?» Он уже знал, что должно пополнение прийти. Ну вот с этого времени началась наша с ним совместная работа. Например, мы вместе со Скворцовым под руководством Сергея Ивановича сделали и опубликовали в 1962 г. небольшой словарь «Правильность

русской речи», который я уже упоминал в рассказе о Чуковском. Ожегов умер в 1964 г., ему 64 года было. Курил как паровоз...

С.Э. Вы решили записать голос Александра Исаевича Солженицына в научных целях, когда он уже считался персоной нон грата среди советского истеблишмента. Более того, Солженицын упоминает вас среди тех, кто помогал прятать и распространять его рукописи. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Л.К. В конце октября 1967 г., напому, что это был год 50-летия Советской власти, мне пришла в голову идея послать письмо Солженицыну. Ему уже запрещали публично выступать в местах, где он бы мог знакомить людей со своим творчеством, и в октябре 1967 г. он уже не мог свободно прийти в наш институт. Мы придумали цель визита — запись на магнитофон его голоса. У нас существовала фонетическая лаборатория, которая записывала, в частности, и голоса разных знаменитых людей. Мы написали в письме: «Мы хотели бы записать ваш голос, особенности вашего произношения». Заклеили в конверт это письмо, обычной почтой отправили в Рязань, где тогда жил Солженицын. Я пошел и кинул конверт в уличный почтовый ящик. Письмо, как ни странно, дошло, Солженицын быстро откликнулся по телефону. Наметили день, когда он придет. Это была среда. Почему среда? Потому что вторник и четверг в нашем институте были так называемые присутственные дни, когда было много народу. Мы могли позвать его только в свой отдел — свой сектор. На уровне института об этом визите и думать даже нельзя было.

Он приехал. Комната была буквально забита людьми. Солженицын читал «Раковый корпус», «Крохотки», главы из «В круге первом». Довольно долго читал — четыре часа. Все это было записано на магнитную ленту, потом запись скопировали. Оригинал отвезли в Рязань, а копия осталась у нас. Это происходило почти в октябрьские праздники, сразу после них. КГБ прозевал визит Солженицына. Только на следующий день, в четверг пришел какой-то человек из КГБ, и у нашего директора Виноградова были неприятности. Он был беспартийный, дважды был в ссылке. Виноградова вызвали в райком партии. Там какой-то партийный секретарь — кажется, даже не первый — на повышенных тонах выговаривал (молва передавала — кричал!) всемирно известному беспартийному ученому, академику о письме, отправленном из его, виноградовского, института, письме, в котором содержалось приглашение в институт враждебно настроенного против советской власти писателя (и это в год и даже месяц юбилея Октябрьской революции!). Удивительно то, что, вернувшись из райкома, Виноградов вызвал, даже не вызвал, а позвал к себе заведующего нашим сектором — Михаила Викторовича Панова, замечательного человека, выдающегося ученого-филолога (он заслуживает отдельных воспоминаний), и рассказал Панову о своем посещении райкома партии, но ни словом не упрекнул Панова в состоявшейся «криминальной» встрече сотрудников института с опальным писателем...

С.Э. А когда Солженицын стал таким гонимым? С какого года началось?

Л. К. Он уже был гонимым, когда мы его позвали. Жестко гонимым он стал с появления «Архипелага ГУЛАГ». Я читал «Архипелаг ГУЛАГ» в 1969 г. Я принадлежал к так называемым первочитателям. Это слово самого Александра Исаевича. Он собрал группу из своих знакомых — филологов, литераторов, литературоведов, которые читали его произведения еще до публикации. Я читал это в машинописи. И, помню, просто заболел от ужасов того, о чем рассказывалось в книге: о незаконных арестах, ссылках, посадках без суда и следствия и многом другом, что происходило в СССР. И восхищался мужеством и бесстрашием автора этой великой книги.

С. Э. Но в 1967 г. ему уже запрещалось выступать? Значит, это гонение раньше началось?

Л. К. Гонение началось с его письма в Союз писателей в мае 1967 г.

С. Э. А Солженицын вас упоминает, выражает благодарность вам именно как читателю «Архипелага»?

Л. К. Не только. Некоторая моя помощь была в написании Александром Исаевичем так называемых Узлов эпопеи «Красное колесо». Узел I — «Август Четырнадцатого». Там ему потребовалась консультация лингвиста, который бы занимался кубанскими и донскими говорами (это было необходимо для точного воспроизведения речи некоторых его персонажей), и он попросил меня найти такого специалиста. Я нашел человека, у которого была кандидатская диссертация на эту тему. Сделал

выписки того, что было нужно Александру Исаевичу, и мы передали их ему. Были контакты, связанные с авторством романа «Тихий Дон». Александр Исаевич считал, что не Шолохов написал «Тихий Дон», а Федор Крюков. И часть документов, касающихся Федора Крюкова, письма, фотографии, хранилась у меня. Их тоже надо было таить, потому что могли просто забрать, сжечь и т. д.

С. Э. А как к вам попали документы Крюкова?

Л. К. Передали мне. Они были у Солженицына. Ну и часть архива самого Александра Исаевича какое-то время была у меня. Поэтому я попал в число «невидимок», так называется у него одна из глав в книге «Бодался теленок с дубом».

С. Э. Вы писали о том, что в 1968 г. был знаменитый выход демонстрантов на Красную площадь. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Л. К. 25 августа 1968 г. в 12 часов на Красной площади в Москве состоялась демонстрация, впоследствии названная Демонстрацией семейных — по числу ее участников. Эта демонстрация известна не только правозащитникам, но и вообще всем, кто живет в России и интересуется этими вещами. Это была демонстрация против ввода советских войск в Прагу. Я считал этих демонстрантов безумцами — воевать с такой машиной — Советским государством, но они так не считали. Я был на Красной площади в этот день и в это время. Чтобы все было более понятно, этому должен предшествовать некий поясняющий рассказ.

С. Э. Вы были знакомы с видными диссидентами. Вы каким-то образом участвовали в их действиях, подписывали их воззвания?

Л. К. По поводу моего участия. Ведь были письма в защиту участников правозащитного движения Синявского и Даниэля, Гинзбурга и Галанскова. В защиту Синявского и Даниэля я письмо подписать не успел, потому что не знал об этом, а вот в защиту Гинзбурга и Галанскова подписал. И поплатился. В 1973 г. меня уволили из института. Вернее, я вынужден был уйти, потому что директор института Филин Федот Петрович вызвал меня к себе, посетовал на то, что я подписал письмо: «Зачем вы с этими евреями связались? Я предупреждаю вас, вернее, обещаю вам, что на очередном отчете о вашей работе в институте вас не переаттестуют в звании младшего научного сотрудника», — так он мне говорил. Но я был кандидатом наук уже 5 лет. И раз не переизберут, так что там оставаться? И я ушел. И дальше с 1973 по 1983 г. я работал старшим научным сотрудником в институте, который назывался ВНИИ «Информэлектро». Это ведомственный институт Министерства электротехнической промышленности СССР. Моим другом и руководителем работы в «Информэлектро» был Юрий Дереникович Апресян. Он сейчас академик, глава очень известной и у нас, и за рубежом лингвистической школы. Его первым уволили. Он тоже подписывал, не скрываясь. После того, как и тексты писем, и имена подписантов стали известны московским властям, в Институте русского языка началось преследование тех, кто подписывал эти письма.

Довольно быстро пришли люди из райкома и из КГБ, и нас стали просто допрашивать, откуда мы узнали и про сами письма, и про судебные преследования их авторов... Был такой Михаил Борисович Храпченко — бывший министр культуры, потом академик-секретарь Отделения литературы и языка. Вот он, в частности, меня вызывал говорить тет-а-тет. Мы с ним беседовали часа полтора, он все выпытывал, откуда я узнал о существовании писем протеста и почему подписывал некоторые из них.

По поводу события 25 августа 1968 г. на Красной площади хочу сказать, что некоторые из людей, которые вышли на площадь, были мне хорошо знакомы. Это Константин Бабицкий. Он работал у нас в Институте русского языка, был мой товарищ. Наталья Евгеньевна Горбаневская — одна из самых известных правозащитниц — моя однокурсница. На нашем курсе она не доучилась, ее отчислили, но потом она получила высшее филологическое образование в Петербурге.

С. Э. А ваши друзья-диссиденты знали, что вы тоже будете на площади?

Л. К. Они таились, когда по телефону обсуждали эту тему. Это решение созрело после 21 августа, потому что 21 августа ввели войска в Прагу. Вот за эти четыре дня созрело решение пойти на Красную площадь. Накануне 23 августа я был в гостях у Виктора Сипачева. Виктор Сипачев в свое время учился на филологическом факультете МГУ, только был на один курс моложе меня. Когда он был на четвертом курсе, то двое его друзей-

однокурсников — Андрей Терехин и Владимир Кузнецов — без ведома Виктора напечатали на его пишущей машинке несколько листовок, которые распространили в университете. Листовки содержали протест против военного вмешательства СССР в события, происходившие в Венгрии в 1956 г. Ребятам задержали, осудили и дали им срок, а по почерку пишущей машинки следствие установило, что машинка принадлежит Сипачеву. Удалось доказать, что Виктор не знал об этих действиях его товарищей, т. к. в то время его не было в Москве. Но его все равно наказали: исключили из университета и призвали в армию, в которой он отслужил три года где-то под Читой в невероятно трудных (как он мне рассказывал) условиях — и климатических, и связанных с армейской жизнью.

Вернувшись в Москву, Сипачев не стал завершать филологическое образование, а поступил на химический факультет МГУ, который блестяще окончил в начале 60-х гг. В это время я с ним был просто знаком, а друзьями мы стали позже. Ира Максимова, его будущая жена, училась в нашей студенческой группе, и мы с ней регулярно виделись и общались, а когда они с Виктором поженились, то я стал бывать у них дома, и мы стали друзьями. И они оба, и я были настроены довольно критично, оппозиционно к тогдашней власти. Постепенно образовался некий круг общения с другими людьми, близкими нам по духу и по политическим настроениям. Наши вечерние посиделки происходили в квартире Сипачевых.

Одна из таких посиделок и была 23 августа 1968 г., и разговоры на ней

велись о том, что совершившемся вводе советских танков в Чехословакию. Шла речь о том, что собираются пойти на площадь такие-то люди — 7 человек. И приехал товарищ Виктора Сипачева — Александр Самбор. Он работал на радио, в международной редакции. Самбор сказал, что получена информация (как выяснилось позже, оказавшаяся ложной), что между правительствами СССР и Чехословакии только что заключено соглашение о выводе советских войск. Поэтому, резонно рассуждал Самбор, предстоящая протестная акция может оказаться напрасной. Было решено, что надо предупредить об этом будущих участников демонстрации, и эту функцию взял на себя Виктор Сипачев. На следующий день он поехал по адресам протестантов, уговорил четырех человек и поехал к пятому — Константину Бабицкому. Но тот сказал, что тогда пойдет один. И когда все остальные узнали об этой реакции Бабицкого, то не могли этого допустить, и решение о завтрашнем выходе на Красную площадь было принято (уже по телефонной связи, но также таясь, не прямым текстом) всеми бесповоротно.

Виктор Сипачев высказал мысль, что неплохо было бы кому-то из нас присутствовать на Красной площади, чтобы своими глазами увидеть, как это все будет происходить. Роль наблюдателя вызвался играть я. Я рассказал обо всем этом моей жене Лиле, и мы приняли решение поехать 25-го утром на Красную площадь, взяв с собой для маскировки нашей истинной цели нашу четырехлетнюю дочь Галю. Формальная, придуманная цель поездки — посетить мавзолей, чтобы показать

ребенку дедушку Ленина. 25 августа в 11 утра мы с женой и дочерью уже прогуливались по Красной площади. В 12 часов мы увидели группу людей, шедших к Лобному месту. Я разглядел в этой группе Наташу Горбаневскую, которая шла, толкая перед собой детскую коляску, в которой лежал недавно родившийся ее младший сын. Я взял Галю на руки, и мы пошли в том же направлении, приближаясь к Лобному месту. Там пришедшие сели и развернули принесенные с собой самодельные плакаты. На двух из плакатов я едва успел прочитать «Руки прочь от ЧССР!» и «За вашу и нашу свободу!», как с разных сторон площади к сидевшим протестантам ринулись несколько крепких рослых мужчин. Позже возобладала версия, что это были кагебешники, но я лично не сомневаюсь, что и люди из нашего «простого народа» по своей инициативе могли участвовать в начавшемся избиении протестантов.

Один из бежавших, громко матерясь, с разбегу ударил ногой в зубы сидевшему Файнбергу, и у того полилась кровь. Несколько женщин окружили сидевших, и одна из них задавала недоуменный вопрос: «А против чего вы протестуете?» Другая, всмотревшись в лица большинства протестантов (они были евреи), злобно кричала: «Что вы тут-то протестуете? Езжайте в свой Израиль и там протестуйте!» В толчее перевернули детскую коляску, и Лиля успела подхватить и взять на руки грудного сына Горбаневской. Какой-то мужик, думаю, один из кагебешников стал вырывать у нее из рук ребенка. Она громко протестовала и стыдила этого мужика, не желая расставать-

ся с малышом, а я плечом оттеснял от жены этого мужика, не давая ему завладеть ребенком. И сама демонстрация, и суতোлка возле сидевших на брусчатке ее участников длились несколько минут.

Вскоре подъехали машины, всех протестантов погрузили в них и увезли. Мы покинули площадь, пошли — преследуемые какой-то подозрительной парой, которая останавливалась каждый раз, когда останавливались мы. Возле станции метро «Площадь Ногина» (сейчас — станция «Китай-город») мы с женой разделились: она с дочкой поехала к подруге в Черемушки, а я отправился домой к Косте Бабицкому, чтобы рассказать о демонстрации его жене. Жена Бабицкого — впоследствии очень известная правозащитница Татьяна Михайловна Великанова. В то время она еще не была правозащитницей, работала в школе, преподавала математику. Я пробыл в квартире Бабицкого часа два, рассказывая Тане о демонстрации.

Попрощавшись с ней, я вышел из квартиры, спустился в подъезд дома и, открыв на улицу входную дверь, столкнулся... с Костей! Рядом с Костей были следователь и оперативник, доставившие, как выразился следователь, задержанного для производства обыска в его квартире. Я сказал, что хотел бы присутствовать при обыске. Отказа не было, и я поднялся вместе со всеми троими обратно в Костину квартиру. Следователь предупредил меня, что в течение всего времени обыска я не смогу уйти. Обыск длился несколько часов. Хотя Костя ничего и не скрывал — трафареты плакатов просто лежали

на столе — искать не надо было. Но при составлении протокола следователь или сознательно ошибся, или случайно сделал опisku. Он переписал надписи трафаретов и вместо надписи «Долой агрессию в ЧССР» написал «Долой СССР». А это уже было куда более серьезным криминалом. Я успел это увидеть и сказал ему: «Зачем так делать? Перед вами же лежит трафарет». Он отмахнулся, но не стал вносить в протокол ложную запись.

После окончания обыска я поехал домой, а Костю отвезли в милицию и заключили в камеру. Когда осенью 1968 г. состоялся суд над участниками августовской демонстрации, я, как и другие сочувствовавшие подсудимым, пытался попасть в зал суда. Но это было невозможно.

С.Э. Как вы считаете, почему восемь человек «посмели выйти на площадь»? Что ими двигало? Может, это были люди, не совсем адекватные?

Л.К. Не восемь, а семь: я видел сидящими возле Лобного места только семерых. Первое, что приходит в голову при ответе на ваш вопрос — бесстрашие! И отсутствие заботы о последствиях. Хотя у многих из них были семьи, дети. Это, по-моему, главное было. И приверженность идее, что власть поступает несправедливо, что власть неправа!

С.Э. Расскажите, пожалуйста, как вам — лингвисту, после вынужденного ухода из Института русского языка работалось в далеко не лингвистическом институте ВНИИ «Информэлектрон»?

Л.К. Это был удивительный институт, там работали не только такие как мы, но и другие изгои, не угодные властям. Там был замечательный директор Сергей Глебович Малинин. Мы совместно с математиками сумели его убедить, что институту понадобится система французско-русского перевода технических текстов. Не сразу, но все же стали работать над этим проектом, делать систему автоматического перевода. Об атмосфере, которая царила в нашем отделе, духе товарищества, об искрометных шутках, розыгрышах и прочем расскажу как-нибудь в другой раз. В 1983 г. я ушел из этой группы, из этого института. Я ведь раньше никогда не занимался такими прикладными аспектами — автоматической обработкой текстов, машинным переводом. Я все это усвоил, но это было не мое, мои интересы были в области социолингвистики, русского языка. Я попробовал перейти в Институт языкознания — в Институт русского языка меня не взяли бы, оттуда я был практически уволен. В Институт языкознания не сразу взяли, потому что формирование штатов там проходило через контроль ЦК. Но все же с 1983 г. я начал работать в этом институте и пробыл там до 1991 г. Тогда наступило новое время, и я смог вернуться в Институт русского языка. И вот с тех пор, после большого перерыва, я там работаю.

С.Э. После 1991 г. у российских гуманитариев открылись новые горизонты: свободный доступ к публикациям из советских спецхранов и, частично, к материалам архивов; интенсивные контакты с мировой наукой в виде стажировок, конференций и т. д. Казалось, мы должны

наблюдать гуманитарный расцвет. Видите ли вы среди ученых, вступивших в науку в последние три десятилетия, потенциальных соперников Проппа, Бахтина, Лотмана, Успенского?

Л. К. Равных тем именам, кого вы назвали? В предшествующем поколении были — вот Зализняк, конечно, сопоставимый с теми, кого вы назвали, или даже в чем-то превосходивший их. Панов — замечательный человек и замечательный ученый, во многих областях лингвистического знания он новатор. Но это люди предшествующего поколения: Панов родился в 1920 г., Зализняк в 1935-м, а вы имеете в виду другое поколение...

С. Э. Да, чье становление как ученых проходило не в советское время, а после 1991 г.?

Л. К. Был, например, такой Сережа Старостин — замечательный и рано умерший, к сожалению, специалист в области ностратических языков, очень древних языков. Понимаете, я могу называть этих людей, но я совершенно не утверждаю, что они вровень идут с теми, кого вы назвали. Они очень способные, очень толковые, многие из них создали новые направления. Сравнительно в недавнее время, в это двадцатилетие создан Национальный корпус русского языка — это тексты, на которые лингвисты могут опираться в своих исследованиях. Но это не аморфная база, не хаотичное собрание текстов на русском языке — они организованы на определенной научной основе: есть подкорпусы, характеристики этих подкорпусов, технология по-

иска и т.д. Это не простое накопительство каких-то текстов, а исследовательская работа, научная работа. Вот этим вместе с группой молодых ученых занимался Владимир Плунгян, он стал уже академиком. Для меня он Володя Плунгян, потому что он был аспирантом, когда я работал в Институте языкознания, сейчас ему примерно 60 лет. Он очень толковый и начинал многие направления в лингвистике.

С. Э. Меня этот вопрос мучает: вроде, с одной стороны, открылись новые возможности, но мы не видим новых масштабных ярких результатов.

Л. К. Филология и лингвистика — это области, в которых ученый должен находиться очень долго. Если он рано умирает, то не успевает произойти процесс накопления, а накопление очень большую роль здесь играет. У историков, наверное, то же самое? Есть, конечно, люди гениальные, которые уже в раннем возрасте выдают значительные результаты. Но это в большей степени относится к таким наукам, как математика, физика, химия... В таких науках раньше происходит созревание ученого, а в нашей области накопление должно произойти, вырабатываться знание, умение...

С. Э. Если мы вспомним Проппа, то книгу «Морфология сказки» он написал, когда ему было чуть больше тридцати. Если возьмем Лотмана, то он начал разрабатывать структурно-семиотический метод изучения литературы и культуры, когда ему было около 40 лет, и к 42 годам, в 1964-м уже вышли его «Лекции по

структуральной поэтике». А у нас получается, что люди, которым в 1991 г. было 20 лет, а сейчас им 50, как-то не особенно заметны... А что все-таки хорошего было в советской организации науки, что утрачено и что сейчас стоило бы восстановить?

Л. К. У науки были совершенно другие отношения с властью. Сейчас в большой степени власть забыла про науку. Это проявляется даже в каких-то мелочах. Когда умирает артист, шум стоит такой в СМИ по этому поводу, а когда умирает выдающийся ученый, даже информации не бывает никакой. И финансирование науки. Вспомним советский порядок издания монографий и вообще исследований: плановая тема была во всех институтах, не только в гуманитарных, в частности, в нашем институте каждая плановая тема утверждалась на ученом совете. Над этими темами люди работали и получали за это зарплату. Эта тема выливалась в какую-то монографию, коллективное исследование и т.д., и предполагалось, что это обязательно будет опубликовано. Другое дело, что иногда по несколько лет приходилось ждать. Но самим финансировать издание своих трудов ученым не приходилось. Даже такое в голову не могло прийти. Раз плановая тема, значит, государство было заинтересовано в ее разработке и оплачивало и разработку, и публикацию результатов.

С. Э. Да, финансирование науки, конечно, ухудшилось...

Л. К. Да, в целом изменилось отношение власти к науке. Не хочется

упоминать этого человека, кажется, Ливанов его фамилия, который, будучи министром образования и науки, способствовал развалу Академии наук. Теперь он директор МФТИ.

С. Э. И последний, традиционный вопрос — о ваших творческих планах.

Л. К. Планы есть, несмотря на мой возраст. Самые близкие планы — работа над ними уже идет — два словаря. Один называется «Толковый словарь русской разговорной речи». Работа над ним идет к завершению. Остался пятый том, работаем над ним. И второй словарь — «Академический толковый словарь русского языка». Сокращенно мы называем его АТоС, по первым буквам названия. При работе над ним мы опираемся на ранее изданные толковые словари, в частности на четырехтомный «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, составленный в середине XX в. Наша задача не «повторять» ранее изданные словари, а отразить состояние русского языка конца XX — начала XXI в., т.е. в определенном смысле это словарь именно **современного** русского языка. Вот сейчас началась работа над четвертым томом АТоСа. Третий том сделан и, к сожалению, не получил финансовой поддержки со стороны РФФИ — это фонд, который волился в Российский научный фонд (РНФ), а РНФ финансирует главным образом работы физиков и химиков, исследования прикладного и технического характера. Гуманитариям мало чего достается. Нам надо думать над тем, как издать и третий том АТоСа, и последующие.

Я был главным редактором первых двух томов, а дальнейшее редактирование поручил одному из своих молодых коллег Алексею Эдуардовичу Цумареву. Теперь он будет выступать в качестве главного редактора. У нас идет регулярная работа и над одним, и над другим словарем. Хотелось бы надеяться, что я увижу хотя бы «разговорный» словарь закончен-

ным и изданным. Изданным, отчасти, с вашей помощью.

С. Э. Мы тоже будем рады участвовать в этом проекте.

Уважаемый Леонид Петрович, хотел бы вас поблагодарить за столь содержательную и интересную беседу. Спасибо!

«МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО Я ОТ ЭКОНОМИКИ ЭВОЛЮЦИОНИРОВАЛ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ».

Интервью с Д. Я. Травиным

В интервью с известным исследователем экономической истории России затрагиваются вопросы о семейной памяти и биографии ученого; об основных результатах его научной деятельности и изданных книгах; о сотрудничестве с Илларионовым, Гайдаром, Чубайсом, Кудриным; о том, как проводили реформы и почему не все они были успешно завершены.

Ключевые слова: семейная память, экономическая история России, экономические реформы, Илларионов, Гайдар, Чубайс, Кудрин.

Сведения об авторе: Травин Дмитрий Яковлевич, кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: dtravin61@mail.ru.

Основные публикации: Как государство богатеет. Путеводитель по исторической социологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022; Почему Россия отстала? СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2021; Историческая социология в «Игре престолов». СПб.: Страта, 2020; «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2018; Российский путь: Идеи. Интересы. Институты. Иллюзии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2017 (соавт.: Гельман В., Заостровцев А.); Просуществует ли путинская система до 2042 года? СПб.: Норма, 2016 (в свободном доступе: <chrome-extension://efaidnbnmnnibpcajpcgclclefindmkaj/http://norma-spb.com/book/Travin.pdf>); Крутые горки XXI века. Постмодернизация и проблемы России. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб. 2015 и 2019 (два издания); Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: АСТ, 2011 и СПб.: Норма 2016 (соавт.: Маргания О.) (в свободном доступе: https://eusp.org/sites/default/files/archive/M_center/Travin_Margania_Modernizacia.pdf); Очерки новейшей истории России: 1985— 1999. СПб.: Норма, 2010 (в свободном доступе: chrome-extension://efaidnbnmnnibpcajpcgclcleindmkaj/https://eusp.org/sites/default/files/archive/M_center/Book_History_1_low.pdf); Европейская модернизация. В 2-х книгах. М.: АСТ, 2004 (соавт.: Маргания О.).

“YOU COULD SAY THAT I EVOLVED FROM ECONOMICS TO ECONOMIC HISTORY.”

Interview with D. Ya. Travin

In an interview with a well-known researcher of the economic history of Russia, questions are raised about the family memory and biography of the scientist;

about the main results of his scientific activity and published books; about cooperation with Illarionov, Gaidar, Chubais, Kudrin; about how the reforms were carried out and why not all of them were successfully completed.

Key words: family memory, economic history of Russia, economic reforms, Illarionov, Gaidar, Chubais, Kudrin.

About the author: Travin Dmitry Yakovlevich, Candidate of Economic Sciences, Research Supervisor of the Center for Modernization Studies at the European University at St. Petersburg.

Contact information: dtravin61@mail.ru.

Беседовал С. Е. Эрлих.

С. Э. Поскольку наш журнал занимается исследованием памяти, то первый вопрос традиционный: расскажите, пожалуйста, о вашей семейной памяти.

Д. Т. За моей спиной висит большая коллекция фотографий. Это мы с женой формировали нашу семейную память. Четыре линии, четыре очень разных объединившихся семьи: мой отец и мама, ее отец и мама. Ничего подобного, конечно, не могло возникнуть до 1917 г., а потом все стало переплетаться и вышло такое сложное древо. У меня получилось четко три поколения. И уже на уровне прадедушек я толком ничего не знал. По понятной причине: был жесткий разрыв поколений, связанный с советской властью. То, что было до 1917 г., в одном случае вспоминать было опасно, а в другом случае было особо нечем гордиться и тоже вспоминать не нужно было. Благодаря тому, что моя жена последние годы много работала в архиве, на сегодняшний день удалось узнать гораздо больше.

Я достаточно четко представляю свою петербургскую линию. Мой прадед из еврейской семьи, он приехал в Петербург из Слуцка и получил высшее образование в Москве

в нынешней Бауманке. Потом он умудрился в Риге жениться и приехал с женой в Петербург. Почему его так мотало, я не знаю, но общая картина его странствий известна. Они, судя по всему, были небедными: прадед очень хорошо женился — моя прабабка была дочерью купца. В Петербурге у них было две мастерские, в какой-то момент их наличие по документам не прослеживается, но одновременно появляется доходный дом на Крестовском острове. Очевидно, бизнес был продан в связи с кончиной прапрадеда, который и был предпринимателем, а прадед инженер намеревался (помимо своей службы) получать доходы от этого дома на Крестовском острове. Домик замечательный, он стоит до сих пор. Была бы у нас реституция, я был бы миллионером. И явно не рублевым. Где-то раз в год я там прогуливаюсь и смотрю на свое возможное прошлое... Революция по всему этому сильно прошла. Мой дед уже жил в коммуналке. Он окончил физико-математический факультет Петербургского университета и, наверное, имел бы хорошие перспективы, но реально всю жизнь преподавал в техникуме и был — как говорят ученики — очень хорошим учителем. Бабушка (жена деда по отцовской

линии) преподавала историю, но не думаю, что она была хорошим специалистом. Пока она была жива, мы с ней никогда об истории не говорили, и мой интерес не оттуда. Скорее всего, она была обычным советским учителем марксистской истории, не более того. Мой отец к гуманитарным наукам никакого отношения не имел. Он получил образование юриста, но работал хозяйственным руководителем. В какой-то степени именно от него некоторые мои знания по советской экономике. Но не в очень большой степени.

А по материнской линии — все местечковые евреи. Мой дед вернулся с Первой мировой (это как раз замечательная иллюстрация того, что пишет мой друг и коллега Борис Колоницкий), тогда возникали всякие комитеты, и дедушка вступил в один из комитетов и стал делать вялую провинциальную карьеру. Это было в Гомельском регионе. Потом он примкнул к большевикам, сделал «правильный выбор», переехал в Ленинград и стал делать карьеру, будучи красным директором обувной фабрики. Пока по отцовской линии шло то, что сейчас называется *downshifting*, по материнской линии шло восхождение. Дедушка чудом уцелел в Большой террор. Скорее всего, потому, что в это время он работал в торговом представительстве в Иране, и до него было не добраться. А когда вернулся, Большой террор уже кончился. Так что в моей семье даже нет репрессированных. Соответственно, эти две линии сошлись, когда папа с мамой поженились. Мама всю жизнь работала редактором в естественно-научном издательстве и не имела к гуманитарным наукам

никакого отношения. Вот такая картина по моим линиям.

Что касается моей жены, там все довольно любопытно. Ее петербургская линия более-менее прослеживается по документам до седьмого колена. А вот отцовская почти не прослеживается: ее отец — донской казак — был мобилизован в последний год войны и с фронта вернулся в Ленинград. Там уже и произошло объединение.

Вот такое невероятное смешение всех возможных линий.

С.Э. Вы помните различное количество колен по различным линиям. Получается все-таки глубже, чем три.

Д.Т. О дедушке и бабушке по материнской линии глубже трех колен ничего невозможно выяснить. Что там у них было в Гомельской области? Архивы в синагогах (или где там что было) наверняка погибли в войну. Это уж точно безнадежно.

С.Э. Вы занимаетесь экономикой, но рассматриваете ее в историческом аспекте. Как вы стали историком, что на вас оказало влияние?

Д.Т. Я все-таки не считаю себя историком. Я говорю, что занимаюсь исторической социологией. У меня нет ни степени, ни образования по истории. И то и другое у меня по экономике. И именно оттуда я постепенно перешел к изучению того, что правильнее называть исторической социологией. Я никогда не занимался какой-то конкретной исторической эпохой, историческим

регионом, какой-то конкретной проблемой. Я пытался понять общее направление развития России на фоне европейского развития. Это получилось абсолютно само собой. Никто никогда на меня в этом не влиял. Можно сказать, что это от Бога. Или от судьбы...

Обучаясь на Экономическом факультете Ленинградского университета, я очень быстро заинтересовался марксистской, полузабытой ныне темой о способах производства, общественно-экономических формациях и т. д. Мне хотелось понять, как развивается общество. Учили нас в этом плане очень плохо. Исторический материализм нам преподавал жуткий марксист, который начал свою первую лекцию с классической фразы той эпохи: «Единственной социологией для нас является исторический материализм». Студентом я практически ничего не получал по интересовавшей меня теме и занимался другой экономической тематикой. Но став молодым преподавателем, я начал проводить свободное время в библиотеке, раскапывая старые журналы. Например, так называемые «Дискуссии об азиатском способе производства». Это было некоторое время популярно в Советском Союзе. То были дискуссии не только об азиатском способе производства, но и о том, насколько марксистская схема пригодна для объяснения «докапиталистических формаций». Я очень быстро сообразил, что реальная история не вписывается в марксистскую схему, которую нам дает истмат. Мне стало очень интересно: можно ли вообще как-то что-то объяснить, объяснял ли кто-то это, или это чистая идеология? Я довольно

долго копался в «Дискуссиях об азиатском способе производства» и пришел к выводу, что никакой науки тут нет, а это абсолютная идеология. Уже в годы перестройки, во второй половине 80-х гг. некий итог моему интересу подвели две замечательные книги советского китаиста, востоковеда Василия Павловича Илющечкина. Сейчас он практически неизвестен, да и тогда был не очень известен за пределами специалистов по Китаю. По тем временам это были две блестящих книги: одна о сословном обществе в Китае, а вторая о собственности и эксплуатации в сословных обществах в целом. Илющечкин четко показал, что историческое развитие намного сложнее, чем то, что пытались у нас описать марксистские схемы. Он, конечно, объяснял это в рамках марксизма (иначе тогда было невозможно). Но он мне показал, насколько сложна история, насколько сложен мир и как много нужно еще читать, чтобы понять, как развивается общество.

На исходе советской власти я зачитывался только что изданным у нас Фернаном Броделем. А как только кончилась советская эпоха с советской наукой и марксизмом, я влюбился в Макса Вебера. Сразу, как только он у нас вышел в 1990 г. Какое-то время я был, наверное, больше веберianцем, чем сам Вебер. На самом деле он говорил, что протестантская этика не за все отвечает, а только за часть интересующих нас вопросов. Выйдя из советской эпохи, я был очень плохо образован. Как и большинство моих ровесников, особенно тех, кто учился не истории и востоковедению, а философии, экономике или истории партии. Навер-

стывать приходилось очень медленно, по мере того как в руки попадали нормальные книги. Дальше я стал веберянцем умеренным (я и сейчас себя считаю веберянцем), но со временем уже видел более сложную картину развития, чем представлявшаяся мне ранее.

Можно сказать, что от экономики я эволюционировал к экономической истории. Конечно, там тоже были этапы. Какое-то время я совершенно не интересовался формациями и тем, что приходит на их смену, если мы стали не марксистами. Я занимался гайдаровскими реформами и компаративистским анализом реформ такого рода в разных странах: в Центральной и Восточной Европе, в Латинской Америке — там, где был наиболее интересный опыт. Весной 1993 г. у меня сложилась небольшая двухмесячная командировка в Стокгольм, где мне удалось попасть к известному экономисту Андерсу Осланду. Осланд дал мне поработать в очень хорошей библиотеке, он очень дружески ко мне относился. С того момента я стал проводить серьезную работу по сравнению разных реформ. И очень быстро задался вопросом: если мы сравниваем реформы в России, Аргентине, Чили и Польше, по почему за пределами нашего внимания оказываются Германия, Англия, Франция и Испания или Австро-Венгрия? Здесь я уже абсолютно ушел в экономическую историю и стал выяснять, что было в этих благополучных странах в XVIII–XIX вв., когда они не были столь благополучны. Это и был уже полный переход от экономики к экономической истории. Произошел он на рубеже девяностых и нулевых

годов и вылился в двухтомную книгу «Европейская модернизация», которую я написал вместе с Отаром Марганя — моим старым другом и нынешним деканом экономического факультета СПбГУ. Так и произошла моя эволюция.

С. Э. Получается, что в данном случае вы самоучка: никаких учителей, которые бы на вас повлияли, не было?

Д. Т. К сожалению, да. Очень жаль, что так получилось. Еще будучи студентом, я понимал, что нужны хорошие учителя, и потом очень жалел, что их не было. Но увы... Когда я учился, у нас хорошо преподавалась экономическая история зарубежных стран. Но это был очень краткий курс: Наталья Петровна Кузнецова, которая нам преподавала, успела дойти буквально до Нового времени — и кончились *часы*. Кроме того, она была не историк, а специалист по современной зарубежной европейской экономике. Больше ничего толкового нам не преподавалось по истории. Было у меня и еще одно невезение в тот период: я на год-два разминулся с Виктором Леонидовичем Шейнисом — замечательным историком, экономистом, ученым, мыслителем. Если я правильно помню, в 1977 г. его выжили не только с экономического факультета ЛГУ, но и из Ленинграда вообще. Лично Григорий Васильевич Романов по нему *проходил* в одном из своих спичей. Шейниса тут же подобрал Институт мировой экономики и международных отношений, и с тех пор Виктор Леонидович живет в Москве. Мы с ним встречаемся, общаемся, я его очень люблю...

Я поступил в университет в 1978 г. Сначала на вечернее отделение, поскольку на вступительном экзамене прокатили сразу целую группу людей, ставших потом более-менее известными (включая Алексея Кудрина и Андрея Илларионова). Потом мы все с вечернего переводились на дневное. В 1979 г. я начал нормально учиться и про Шейниса мог уже только знать. О нем и его знаменитой по тем временам книге «Актуальные проблемы политической экономии современного капитализма» ходили легенды. Думаю, если бы не было такого поворота, я мог бы стать учеником Шейниса. Потом он много раз мне говорил, что я ему нравлюсь. А уж он как мне нравится!..

Так я и остался без учителей.

Когда мне было уже за сорок, я познакомился с выдающимся петербургским историком Борисом Николаевичем Мироновым, прочел его книги и понял, что он мог бы быть для меня оптимальным учителем. Но в студенческие годы я про него даже не слышал. А сейчас считаю, что, наряду с книгами Броделя и Вебера, его труды на меня оказали наибольшее воздействие.

С. Э. Расскажите, пожалуйста, о своих знаменитых однокашниках.

Д. Т. Сразу была группа из семи-восьми человек, которых провалили на вступительных экзаменах. Мы до сих пор точно не знаем, по каким параметрам. Кого-то по пятому пункту (это национальность, которая записывалась в советском паспорте именно под пятым пунктом), кого-то по каким-то другим причинам (у некоторых был

абсолютно нормальный пятый пункт). Я считаю, что это был своеобразный антисемитизм. Как говорится: «Ничего личного, чисто бизнес». Никто нам зла не желал, но если потом студент вдруг эмигрировал бы в Израиль, то с партбюро бы спросили. Поэтому проще было не принимать вообще. Тем более на такие идеологизированные факультеты, как философский, экономический и исторический.

У Кудрина, скажем, пятый пункт тоже не совсем правильный, но в другом смысле. У него отец русский, мать — латышка. В принципе, латышей никто не преследовал тогда. Это уже были не те годы. Но Алексей тоже провалил какие-то вступительные экзамены. Мы все учились вместе на вечернем. Трое нас и еще несколько толковых ребят: недавно скончался Михаил Румянцев — известный профессор экономического факультета ЛГУ, который мы оканчивали, Миша работал там до своей смерти; Аня Темкина тоже переходила с вечернего — это крупнейший специалист по гендерной проблематике и профессор Европейского университета, она работает вместе со мной. Учеба на вечернем была интересная, хотя, конечно, не такая качественная, как могла бы быть на дневном отделении. Поэтому все старались перевестись на дневное. С Кудриным мы были ближайшими друзьями, да и сейчас — хоть и редко видимся — такими остаемся. Мы единомышленники практически по всем позициям. Я очень ценю его как (уже, к сожалению, бывшего) министра финансов, как блестящего экономиста.

С Илларионовым мы во многом сходились, но в последние годы ра-

зошлись. У него стали очень своеобразные взгляды на Гайдаровские реформы, и тут мы почти ни в чем не сходимся. Мы перестали общаться. А какое-то время учились вместе и поддерживали очень хорошие контакты...

Важно сказать, что на мое становление огромное воздействие оказал молодежный клуб, созданный во второй половине 80-х гг. (уже в перестройку) при Ленинградском дворце молодежи. Это был клуб молодых экономистов (хотя среди нас был один хороший историк и два хороших востоковеда). Все были либо выпускники Финансово-экономического института, либо моего факультета. Это был настоящий университет для меня. С докладами выступали: основатель клуба Борис Львин (ныне сотрудник Всемирного банка); Андрей Илларионов, о котором я уже упоминал; Михаил Дмитриев, который был дважды первым заместителем министра на рубеже 90-х и нулевых годов (он был автором так и не реализованной пенсионной реформы накопительного типа); Дмитрий Васильев — методолог массовой приватизации, он работал тогда с Чубайсом в Госкомитете по управлению имуществом. Все блестящие интеллектуалы! Я многому у них научился. Клуб оказал на меня огромное влияние. Там много говорилось и о реформах в странах Центральной и Восточной Европы, и в историю уходили (тогда уже было понятно, что надо смотреть глубоко).

Это очень важный момент моего становления, но такого старшего товарища, наставника, который бы меня учил истории, не было, к сожалению, никогда.

С. Э. В те времена был создан ленинградский рок-клуб под кураторством КГБ, был писательский клуб в этом роде. Ленинградский КГБ действовал по схеме: «Чем запрещать, лучше контролировать». Не было ли чего-то подобного в вашем клубе?

Д. Т. Там было чуть по-другому. Рок-клуб возник еще в настоящем Советском Союзе. А наш клуб «Синтез» возник в годы перестройки (уже было можно) при поддержке комсомольских органов: Ленинградский дворец молодежи был под эгидой обкома ВЛКСМ. Создавал клуб Борис Львин. С кем конкретно он договаривался, я не в курсе, но можно у него спросить. Был ли контроль со стороны КГБ, я не знаю до сих пор. Возможно, что-то было, но это никогда ни в каком виде не проявлялось. Мы могли свободно общаться. А если появлялся провокатор, то ему довольно интеллигентно указывали на дверь. Морду не били, но прямо говорили уходить. Хотя вход в клуб был свободным. Львин вешал объявления в Ленинградской публичной библиотеке, и любой, кто зашел почитать книжки, мог к нам прийти... Так что это не было связано ни с рок-клубом, ни с писательскими организациями. Более того, в знаменитый клуб «Перестройка» я зашел только один раз. Там было много народа и абсолютно политизированная тематика. На сцене за микрофон дрались два демократа, один из них говорил, что демократия должна уметь защищаться от таких демократов, как его оппонент. Мне стало скучно. Больше я там не появлялся. А «Синтез» был чисто интеллектуальным, очень способствуя интеллектуальному развитию и моему, и других участников.

С. Э. Вы короткое время проработали под руководством Чубайса. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Д. Т. Когда в 1983 г. мы закончили учиться, я устроился преподавать политэкономии в маленький ничем не знаменитый ленинградский институт. А Алексей Кудрин получил распределение в единственный академический институт социально-экономического профиля, который был тогда в Ленинграде — ИСЭП (Институт социально-экономических проблем АН СССР). Алексей проработал там чуть более года и уехал в аспирантуру в Институт экономики в Москву. Вернулся он кандидатом наук. В это время вовсю шла перестройка, демократизация. И в ИСЭПе тоже шла демократизация: там подступили очередные выборы директора, и его впервые решили выбирать по-настоящему. Клуб молодых ученых решил выдвинуть своего кандидата вместо двух старых догматиков, которые претендовали на этот пост. Клуб молодых ученых стал думать, где найти кандидата, т. к. из своего состава было некого выдвинуть — все были слишком молодые. Я посоветовал Кудрину очень сильного ленинградского экономиста из Финансово-экономического института — Сергея Васильева. Сергей Александрович был в годы реформ какое-то время ближайшим соратником Гайдара, руководил рабочим центром экономических реформ — это был главный интеллектуальный центр при правительстве Гайдара. Тогда Кудрин встретился с Васильевым, Васильев сам отказался баллотироваться на пост директора, но сказал о Чубайсе. Кудрин встретился с Чубайсом, Чубайс согласился

баллотироваться и участвовал в выборах директора. Это была невероятная эпопея! Чубайс все-таки проиграл, потому что в целом институт был консервативным. В то время он работал доцентом в Ленинградском инженерно-экономическом институте, это (наряду с Финансово-экономическим и Экономическим факультетами ЛГУ) был третий известный экономический центр в Ленинграде. Чубайс занимался очень узкой темой: экономика научно-технического прогресса. В ходе борьбы за пост директора Чубайс с Кудриным составили костяк новой команды — настоящей команды молодых экономистов. И когда в 1990 г. в стране началась настоящая демократизация и возник демократический Ленсовет, Чубайс (благодаря Ленсовету) занял пост первого заместителя главы Ленинградского горисполкома и создал в Ленгорисполкоме комитет по экономической реформе. Кудрин стал его заместителем и пригласил туда на работу несколько человек из выпускников университета, в том числе и меня. Я тогда оканчивал аспирантуру и практически одновременно защищал диссертацию и начинал работать в этом комитете. После защиты диссертации полностью туда перешел, но проработал там только полгода по очень простой причине, но в которую обычно никто не верит (все ищут более глубокие корни): я очень быстро понял, что не могу быть чиновником, меня это угнетает и неинтересно. И с Чубайсом, и с Кудриным были прекрасные отношения, зарплата была хорошая, работа перспективная. Например, мы тогда одновременно начинали с Ильей Южановым (его тоже пригласил Кудрин), который потом дорос до

министра по антимонопольной промышленности РФ. А я оттуда очень быстро ушел, сохранив хорошие отношения со всеми коллегами, включая Алексея Миллера (нынешнего главу Газпрома, тоже работавшего в этом комитете) и ряд других довольно известных людей.

Я ушел и начал заниматься экономической публицистикой. В начале 90-х в России был невероятный спрос на экономическую публицистику. Экономисты, понимающие, что такое рынок, могли объяснить широкому читателю, что происходит в стране и что нам ожидать. Очень мало было людей, которые могли более-менее популярно писать русским языком короткие статьи для газеты и одновременно разбираться бы в рыночной экономике. В Петербурге таких было совсем мало. Я быстро попал в их число и перешел на работу в газету. И долгое время моя трудовая книжка лежала в различных петербургских газетах. Я занимался экономической, потом политической публицистикой и одновременно читал книги, совершенствовал свои знания в области истории и даже понемножку преподавал в разных местах, куда меня приглашали читать лекции.

С.Э. Вы сейчас не жалеете, что не остались там и не пошли по госслужбе или в бизнес, тесно связанный с государством?

Д.Т. Естественно, такой вопрос постоянно возникает и у меня в голове, и мне его часто задают. Два упущенных шанса: первый — дом на Крестовском (но это из-за Владимира Ильича Ленина я его потерял), а второй — по собственному выбору.

Конечно, я был бы сейчас весьма небогатым человеком, если бы остался работать на госслужбе. Но это было невозможно. Я очень хорошо понимаю, что это настолько не соответствовало бы моей склонности, что рано или поздно я все равно вынужден был бы оттуда уйти. Есть три вещи, которые, как мне кажется, я умею делать неплохо: читать лекции, писать популярные статьи и писать научные книги. Больше я ничего не умею. Все остальное, начиная от зарабатывания денег или выполнения обязанностей чиновников и заканчивая ремонтом в квартире, я делать не умею!

С.Э. Перейдем к экспертной стороне вашей деятельности как экономиста, хорошо знавшего тех, кто осуществлял рыночные реформы, которые (как мы знаем на сегодняшний день) не очень удались. Почему не получилось?

Д.Т. Здесь несколько составляющих. Первая: они не получились в сравнении с ожиданиями, которые были у многих из нас. Если были завышенные ожидания, то и получилось не очень. Если ожидания не были завышены, то можно сказать, что они получились. У нас в стране рыночная экономика. В свете того, что прямо сейчас происходит у нас в стране, можно однозначно сказать: если у нас что-то вообще и получилось за последние 35 лет, то это рыночные реформы. Больше ничего мы не имеем из того, о чем мечтали лет 30–35 назад. Во всех остальных сферах сплошные провалы: политика, социалка, внешние связи. Всюду! А рынок все-таки есть. Он существует. А кто в этом сомневается, я всегда привожу то, что я называю

«Постулат Заостровцева». Мой друг, замечательный экономист, профессор Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге Андрей Павлович Заостровцев как-то сказал очень разумный афоризм: «Очень просто понять, что такое рыночная экономика: если у вас чем жарче, тем меньше пива — это административная экономика; если чем жарче, тем больше пива — это рыночная экономика». Этот постулат я назвал «Постулатом Заостровцева». Сам Заостровцев уже об этом не вспоминает, поскольку в отношении исторической социологии мы с ним разошлись радикально и являемся двумя самыми жесткими оппонентами по отношению друг к другу. Андрей Павлович считает, что Россия — гиблая безнадежная страна, где никакая модернизация невозможна, и это жестко детерминировано культурными ценностями, нашим цивилизационным выбором, осуществленным много-много лет назад то ли при Иване Грозном, то ли еще раньше. А я сторонник теории модернизации и считаю, что никаких цивилизационных выборов не бывает. Все меняется в зависимости от ряда обстоятельств, а вот обстоятельства надо серьезно изучить. Поэтому Заостровцев все чаще говорит, что в России сейчас экономика совсем плохенькая, а я ему напоминаю «Постулат Заостровцева» и говорю: «Ты же сам утверждал! Вот, летом, когда жарко, пиво есть повсюду, наряду с другими прохладительными напитками. Значит, рынок у нас есть!» Он ворчит, но возразить не может. Рыночная реформа сохранилась, реформы удались, но с серьезными оговорками. Во-первых, рынок у нас не *свободный*, а очень даже *несвободный*. По существующим в мировой

экономической науке рейтингам, мы очень плохенькая рыночная страна. Связано это не с ошибками реформ, а примерно с теми же причинами, по которым мы не достигли успеха во многих других областях. Очень трудно было противостоять общему сопротивлению как разных групп интересов (которые сопротивляются свободному рынку), так и общему непониманию в обществе о том, что такое рынок. Реформаторы не очень долго были у власти и вылетели оттуда в разное время, т.к. их гнали со всех сторон. Если сравнивать с тем, что происходило в Польше или Чехии, то мы добились несколько меньших успехов. Я беседовал на эту тему с Лешекком Больцеровичем (его можно назвать «польским Гайдаром») и с президентом Чехии Вацлавом Клаусом (в годы реформ он был «чешским Гайдаром»). Оба этих великих политика-экономиста говорили, что и курс у них в странах, и курс Гайдаровских реформ был примерно одинаков, но Россия добилась меньше. Я приведу свою беседу с Вацлавом Клаусом в Петербурге, он сказал: «Я все время Егору говорил, что надо разъяснять народу суть реформ, я этим занимался постоянно, я каждый день был в телевизоре, а Гайдар не особо этим занимался». Я спросил, как на это реагировал Гайдар? Клаус ответил: «Он соглашался, что надо разъяснять». Но потом Гайдар спросил Клауса, сколько в Чехии народу? Десять миллионов. А Гайдар говорит: «У меня в Москве тоже десять миллионов, и с москвичами у меня никаких проблем нет, они все понимают. Но в России сто сорок миллионов, и тут сложнее». Если бы Россия состояла из одной Москвы и Петербурга, возможно,

наши реформы пошли бы не хуже чешских, польских и эстонских.

Очень многое тормозилось и не принималось, поэтому реформы оказались очень половинчатыми. Конкретный разбор ошибок реформ Гайдар сам осуществил. Я провел работу и внимательно прочел все пятнадцатитомное собрание сочинений Егора Гайдара и нашел в разных интервью и небольших статьях места, где он говорил об ошибках, допущенных в ходе реформ. Я составил перечень этих ошибок. Гайдар сказал обо всем, что было реально начато. Просто нет нигде единого текста, где это можно прочесть, кроме моего маленького комментария в Facebook. Все это было очень профессионально, без всякой демагогии. Были ошибки, были непоследовательности, где не смогли провалить политическое решение и т. д.

Ошибки Гайдара (цитаты со ссылками на том и страницу Гайдар Е. Т.

Собрание сочинений в пятнадцати томах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012–2022):

1. «Самая большая наша неудача в том, что мы не смогли создать сильную, мощную фракцию в парламенте, которая отстаивала бы курс реформ» (т. 9, с. 29).

2. «А у нас не было никогда “шоковой терапии”! <...> Именно потому, что в Польше была “шоковая терапия”, а в России нет, у нас сегодня тяжелейший экономический кризис <...> У нас не была реализована та самая “шоковая терапия”, которой так много пу-

гали. Для ее проведения явно не хватало согласия политических элит» (т. 9, с. 31–32, 59).

3. «Сегодня я попытался бы организовать систему пропаганды нашей политики, чего не было сделано в 92-м году и что считаю нашей серьезной ошибкой» (т. 9, с. 68).

4. «Что же касается упрека в том, что в результате приватизации кто-то сумел за сущие копейки скупить едва ли не всю страну, то я в общем и целом согласен. Но кто купил? Трудовые коллективы по второму варианту приватизации. Кто был ярким противником такой странной модели? Анатолий Борисович Чубайс, вся наша команда. Но этот вариант был утвержден весной 1992 г. Верховным Советом по предложению фракции “Коммунисты России” <...> Если бы сегодня можно было что-то исправить, то исключил бы второй вариант приватизации, который отдавал 51% акций трудовому коллективу, а фактически — директору» (т. 9, с. 145, 183).

5. «Что же касается либерализации производства алкоголя, то это решение было ошибочным даже и в ситуации 1992 г. Но хочу напомнить, что то было время предельной слабости государства» (т. 9, с. 146).

6. «Иногда я с Илларионовым абсолютно согласен, иногда — абсолютно нет. Но в целом он критикует правительство за недостаточную энергию в проведении либеральных преобразований. По-моему, это полезно. Людей, которые ругают кабинет за то, что он якобы какой-то сверхлиберальный, у нас много. Хорошо, что теперь

есть критик и с другой стороны» (т. 9, с. 321).

7. «Мы хотели проводить полномасштабную либерализацию с 1 июля 1992 г., совместив ее с полноценным введением российской национальной валюты <...> К сожалению, к концу октября 1991 г. мы убедились в том, что этот сценарий совершенно нереализуем, он нереалистичен, потому что в условиях паралича старой системы управления материальными потоками, нулевых заключенных договоров на 1992 г., паралича старой системы хлебозаготовок, полного паралича системы торговли и снабжения нет такого сценария, согласно которому мы можем прожить без либерализации цен либо — в качестве альтернативы — введения военного положения, военно-полевых судов, продразверстки и т.д. до 1 июля 1992 г. Это была самая серьезная проблема. А если мы вынуждены либерализовать цены, не имея контроля над денежной массой, дальше разумных решений не бывает» (т. 9, с. 372).

8. «Я выступал на одном авторитетном семинаре специалистов по экономической политике в университете Беркли <...> Подробно описал финансовую и денежную ситуацию в России конца 1991 г. Потом обратился к присутствующим с вопросом, чтобы они в этой ситуации сделали на моем месте. Министр финансов Мексики отметил, что лучше всего застрелиться сразу. Конечно, по технике можно было немало вещей сделать иначе, лучше. Например, я бы по-другому устроил систему валютного регулирования, введенную в 1992 г. Она была сложной, запутанной. Мы сами впоследствии от нее отказались.

При большей политической поддержке можно было бы либерализовать цены на топливно-энергетические ресурсы вместе с остальными ценами. Налоговая система, введенная в начале 90-х годов, была построена по европейским стандартам, но не учитывала российских реалий. Лишь в 2000–2001 гг. мы смогли ее реформировать. Но суть проблемы была в том, что произошел крах старой системы институтов, которая не могла существовать без тоталитарного политического режима, при отсутствии нового набора институтов, необходимых для функционирования рыночной экономики, таких как Центральный банк, таможня, налоговая служба, судопроизводство, позволяющие гарантировать права частной собственности. Это создавало вакуум, в котором органам власти было сложно маневрировать. Пришлось проводить реанимационные мероприятия. Когда этим занимаешься, приходится действовать решительно и жестко. Не знаю, как в медицине, а в экономике за это редко благодарят» (т. 9, с. 542–543).

9. «Мне интересно слушать рассуждения тех, кто сейчас объясняет, как легко было все устроить на рубеже 1991–1992 гг. Обычно, когда этим людям задаешь пять-шесть конкретных вопросов, их энтузиазм, уверенность в том, что они знают, как надо было действовать, иссякают» (т. 10, с. 219).

10. «Во-первых, мы с самого начала переоценили возможности микроэкономической адаптации государственных предприятий к новым реальностям, с которыми столкнулись. Нам надо было уже в декабре начи-

нать широкую пропагандистскую, разъяснительную кампанию, объяснять, что предприятия будут жить в другом мире. <...> Конечно, с другой стороны, я сам могу себе возразить: ну, что за наив такой! Разве в декабре прошлого года можно было объяснить людям, что они станут жить в другом мире? <...> Второе, конечно, по наличке. Это был острейший кризис весной. Ведь первое, что я сделал, когда пришел в свой кабинет, — вызвал председателя Гознака и с ним обсуждал проблемы, связанные с переходом на купюры высокого номинала. Но потом состоялось заседание Президиума Верховного Совета и там устроили дикий разнос: «Вмешиваетесь в компетенцию Верховного Совета, раскручиваете инфляцию» и т.д. <...> Далее, серьезная наша ошибка — цены на энергоносители. По большому счету цены на нефть надо было отпускать еще в январе. <...> Ну, и серьезные просчеты во внешнеэкономическом регулировании. Но знаете, очень уж хотелось создать культурное внешнеэкономическое регулирование, чтобы налоги не в валюте платить, а в собственных национальных деньгах <...> Недоучли реальных проблем этой экономики, где платежи идут не день, а три недели, а иногда и три месяца, где очень низка платежная дисциплина» (т. 10, с. 598–599).

А демагогия в отношении гайдаровских реформ на политическом уровне — там не с чем спорить. Я обычно говорю людям в Петербурге, где всех можно собрать в одном зале: «Хотите, мы с вами устроим то, что в Европейском университете называют “академическими батлами”? Вы будете Гайдаром осенью 1991 г.

с теми конкретными полномочиями, которые у него были. И в течение 20 минут вы объясните, почему Гайдар что-то сделал неправильно и что надо было сделать по-другому. А я выступлю вашим оппонентом и докажу, какую ерунду вы говорите, исходя из тех конкретных обстоятельств, в которых были российские реформаторы». Пока никто не согласился со мной поспорить.

С. Э. Понятно, что рынок работает в плане наличия товаров в магазинах. Но в этом смысле он и в моей родной Молдавии, самой бедной стране Европы, существует. Если же рассматривать рынок как развитие промышленности, то в этом смысле трудно сказать, что Россия может чем-то похвастаться. Даже в сравнении с советским периодом, когда она все-таки производила машины и оборудование на экспорт (порядка 20% в 1970-е). Сейчас в структуре российского экспорта примерно 70% — это нефть, газ, металлы, лес. А машины и оборудование менее 7%. Огромное количество товаров до недавнего времени Россия завозила из-за рубежа и не производила их сама. Понятно, что есть международное разделение труда и какую-то продукцию и не стоило в России делать. Но получилось, что производится вообще очень мало. Почему так произошло?

Д. Т. Переломный момент тут был не в 1992 г., а в середине нулевых. Для экономического роста в экономике (это когда что-то создается, не обязательно промышленность: например, если бы в Петербурге 100% доходов получали от туризма, это было бы ничуть не хуже промышленности)

нужны инвестиции. Особенно тридцать лет назад, когда наша промышленность была жутко устаревшей, без обновления техники, технологий и навыков рабочих. Без обновления ничего невозможно было сделать. Нам нужны были инвестиции.

У экономистов есть четкое понимание того, когда инвестиции в страну идут и когда не идут. Есть 2–3 фактора, жестко ограничивающие инвестиции. И в 90-е гг. все это у нас было. Во-первых, высокая инфляция, когда бизнес не может просчитать соотношение вложений и будущих доходов, когда цены нестабильны — бизнес не инвестирует. Это объясняет, почему так фанатично тот же Гайдар в 1992 г. пытался бороться с инфляцией за финансовую стабильность. Гайдар понимал — если не удержать инфляцию, не будет инвестиций. Он не удержал инфляцию и признал, что это была не ошибка экономиста, а политическая слабость. Он проиграл оппонентам, настроенным на денежную эмиссию. Инфляция у нас была преодолена только к 1998 г., а у поляков, чехов и эстонцев это прошло за пару лет.

Вторая причина: политическая нестабильность. Если сегодня Ельцин, а завтра Зюганов, то неизвестно, стоит ли инвестировать в такую страну. Коммунисты вроде не отказывались от шариковских идей взять и поделить. И даже если Ельцин сегодня у вас в сознании, а завтра без сознания, то все равно лучше в такую страну не инвестировать — неизвестно, что начнут делать, пока он без сознания. Эта проблема не решалась вплоть до 1999 г., когда на смену Ельцину пришел молодой президент, ко-

торый, правда, потом тоже не очень поддерживал рыночную экономику.

Третья причина: барьеры на границе. Для притока в страну инвестиций нужно максимально все приватизировать без ограничений. А у нас была масса ограничений: на военно-промышленный комплекс, на нефтяную и газовую промышленности. А в это время по соседству можно было инвестировать в Эстонию, в Чехию или Венгрию, где были гораздо лучшие условия. Не говоря уже про Китай. Зачем инвестировать в Россию, если лучше условия у соседей?

По этим причинам в 90-е гг. у нас не было экономического развития, хотя рыночная экономика была. Резкий перелом произошел в 1999 г., после резкого падения рубля в 1998-м, что сильно стимулировало развитие отечественного бизнеса. При дешевом рубле это работает лучше, чем при дорогом. В 1999 г. начался рост, в 2000 г. — феноменальный рост, все резко шло вверх. Этот рост держался довольно долго, до 2008 г., хотя уже в значительной степени за счет высоких цен на нефть, а не за счет развития промышленности и сферы услуг. Но тем не менее в этот момент прекрасно развивалась промышленность в Петербурге, например. В 1998 г. у нас из магазинов в мгновение ока смело весь продуктовый импорт. В Ленинграде кушали эстонскую сметану, латвийские сосиски, пили финские соки, но все исчезло моментально. А потом за несколько месяцев отечественная промышленность все восстановила, и качество было ненамного хуже, чем раньше, но намного лучше, чем в советское время. Все прекрасно работало! А рух-

нуло все в 2008 г. К тому моменту наша экономика уже несколько лет держалась на высоких нефтяных ценах, потому что никаких новых стимулирующих рыночных реформ уже не проводилось. В 2008 г. нефтяные цены рухнули, за ними рухнула экономика, и дальше она уже не восстановилась. И почти пятнадцать лет мы находимся в состоянии стагнации. Экономика либо идет чуть вверх, либо вниз, либо стоит на месте. В COVID она пошла сильно вниз, по итогам этого года она уйдет еще больше вниз. И это уже вообще никак не связано с гайдаровскими реформами. Гайдаровские реформы худо-бедно, но все-таки обеспечили начало роста в конце 90-х. А дальше уже другая история, к сожалению, начинается.

С.Э. Вы считаете, если бы Ельцин не назначил Путина, а назначил Немцова, у нас бы было развитие?

Д.Т. Я практически не сомневаюсь, что было бы нормальное восточно-европейское развитие. Без экономического чуда, как в Китае. Можно отдельно говорить, почему у нас не могло получиться как в Китае. Но по восточноевропейским меркам мы бы нормально развивались. Польша нормально развивается, Эстония хорошо развивается. У нас тоже было бы нормально, потому что реформы сработали, и уже тогда экономисты готовили второй этап экономических реформ, которые должны были это развитие поддержать. Но из этого второго этапа была проведена только так называемая налоговая реформа Кудрина в 2000–2001 гг. Все известные мне бизнесмены оценивали это положительно. А дальше

все остановилось. Конечно, мы не можем рассмотреть некую альтернативную историю и сказать, что если бы был другой президент, то было бы хорошо. Или о том, что было бы, если бы он проиграл выборы и пришел коммунистический президент. Но на момент рубежа девяностых-двухтысячных годов экономика резко пошла в гору, и на тот момент ничто не предвещало в экономике такой печальной стагнации, в которую мы угодили.

С.Э. У вас есть книги о более давней истории, начиная Киевской Руси. Ваш коллега Заостровцев считает, что Россия исторически была обречена и у нее не было шансов. Я с этим категорически не согласен и считаю, что идея рока — это языческое верование, а в христианстве есть очень важный тезис: «Будущее не предопределено». Как вы считаете: где, на каком этапе развитие России пошло не так и можно было бы сделать по-другому?

Д.Т. Это очень важный вопрос. При чем получается парадокс: вопрос безумно важный, но в такой постановке он не имеет ответа. Я должен его чуть-чуть переформулировать. Первый момент: загадка состоит не в том, почему некая страна отстала (Россия, допустим). Медленное экономическое развитие — это нормальное состояние человечества на протяжении тысячелетий. Историк-востоковед Кеннет Померанц ввел понятие «Великое расхождение». В 2000 г. вышла его книга с таким названием, сейчас она уже переведена на русский язык. Померанц показал, что между Европой и Китаем есть некое расхождение в экономическом

росте, которое произошло то ли во второй половине XVIII, то ли в начале XIX в. Исследовать полностью весь Китай и всю Европу нельзя, т. к. там внутри все очень разное. Но если сравнить долину реки Янцзы с Англией, то станет очевидно, что расхождения будут либо во второй половине XVIII, либо в начале XIX в. Поэтому загадка в том, что такого произошло в Европе в какой-то момент, что некоторые европейские регионы вдруг резко пошли вверх. Вот в том, что некоторые не пошли вверх, а Россия стала отставать — как раз загадки нет.

В своей книге «Почему Россия отстала» я пытаюсь выяснить причины того, что произошло в Европе в позднее Средневековье и в начале Нового времени. До более поздних эпох я еще не дошел, эти книги в работе. Надеюсь, все они появятся. Касаемо позднего Средневековья и начала Нового времени: я пытался показать в этой книге, что был один европейский регион, который по экономическим параметрам вдруг начал резко расти. Конечно, у нас нет статистики ВВП для какого-нибудь XIV в., мы можем пользоваться только более поздними данными. Но есть достаточно косвенных данных. Историки, начиная от Броделя, соглашаются с тем, что резкий экономический рывок был. Этот регион — Северная Италия. Был еще один регион — Фландрия и Брабант (в меньшей степени) на территории Нидерландов. Но в основном, конечно, Северная Италия. Рывок в Северной Италии я объясняю целым рядом конкретных исторических и географических обстоятельств, сложившихся там на тот момент. Это не мое открытие. Это описано

разными историками и историческими социологами. Я постарался свести это воедино, применительно к интересующей меня проблеме. Это, конечно, левантийская торговля, дававшая высочайшую прибыль: торговля специями через восточную часть Средиземного моря. Упрощенно, по доходности это сопоставимо с нынешней торговлей наркотиками: в Колумбии они ничего не стоят, а на улицах Нью-Йорка они уже стоят бешеных денег, и вся цепочка посредников получает огромные доходы, если, конечно, их не поймает полиция. Левантийская торговля была абсолютно легальной, но давала огромные доходы. Кроме левантийской торговли был и чистый грабеж. Надо понимать, что честная экономика, отделенная от грабежа, существует только последние столетия, до этого все было в одном *пакете*. Североитальянские города активно способствовали крестовым походам и на этом неплохо наживались. Торговля и пиратство — это две стороны одной медали. Если у тебя нет товаров — ты грабишь; если ты награбил, надо товары продать — ты становишься купцом; продал — снова идешь грабить; если надо легализоваться и ты уже достаточно солидный купец — ты перестаешь грабить и начинаешь только продавать. Все это вперемежку. На морских просторах делать это гораздо удобнее, чем на суше, т. к. на суше короли пытаются тебя поймать и призвать к порядку, а на Средиземном море, и на Балтике — попробуй поймай! В Атлантическом океане пиратство существовало до XVIII в., ловить пиратов было очень трудно.

Возникает вопрос: почему разбогатевшие североитальянские города не

были раскулачены, ведь монархи по всей Европе неплохо раскулачивали тех, кто зарабатывал деньги? Монархам все время нужны были деньги на строительство армии, а в такой ситуации особо не разбогатеешь. В Северной Италии была несколько другая ситуация из-за того, что там не сложилось единого централизованного государства, и грабить было сложно. Соперничество империи и папства и, соответственно, гибеллинов и гвельфов мешало установлению жесткого контроля и выкачиванию ресурсов из североитальянских городов на политические цели. Можно четко посмотреть, как Флоренция или Генуя балансировали между этими двумя силами, а Венеция просто добилась фактической самостоятельности, став мощным и процветающим городом-государством. Есть еще несколько объяснений, но основные — эти. То есть определенный регион Европы осуществил прорыв. А дальше этот регион стал создавать экономические стимулы для соседних регионов, которые постепенно втягивались в новый тип европейского экономического развития. В Италии, конечно, были развиты металлопереработка, оружейное производство — Милан и Брешия на этом специализировались. Но спрос на различную продукцию металлообработки в целом по Европе был гораздо более широкий. Поэтому по северную сторону Альп активно стали включаться в международное разделение труда такие города, как Нюрнберг и Аугсбург — крупнейшие металлопроизводители и металлопереработчики в Германии. Потом оказалось, что практически по всем регионам были свои производители вооружения. Похожая ситуация с производством

шерстяных тканей: Флоренция была крупнейшим их производителем, но она не обеспечивала всю Европу. И свои центры производства шерстяных тканей стали возникать в разных регионах Европы, особенно во Фландрии. Во многих регионах это в значительной степени подпитывалось тем же итальянским спросом: итальянцы активно покупали сырую шерсть в Кастилии и Англии. На Апеннинах были собственные регионы овцеводства, где производилась сырая шерсть, но по сравнению с кастильскими мериносами или английскими овечками качество итальянской сырой шерсти было ниже. Это рождало огромный спрос на завоз сырой шерсти из других регионов. Подобное можно проследить по остальным частям Европы. Третья глава моей книги «Почему Россия отстала» посвящена подробному разбору того, как тот или иной регион, вплоть до Норвегии или Шотландии, включался в эту систему международного разделения труда: кто что мог в нее поставить и кто что мог получить от более богатых европейских регионов. При проведении такого анализа четко прослеживается, что есть несколько концентрических кругов в Европе. Европа делилась не на условную «правильную» Европу и «неправильную» (Россия), а на: центр Европы, который тогда был в Северной Италии наиболее развит; затем целый ряд европейских регионов — Германия (за исключением Восточной Германии), Нидерланды, значительная часть французских регионов, часть Пиренейского полуострова — активно включались в это международное сотрудничество; далее находились уже слаборазвитые регионы, к которым в то время от-

носила Англия (как сказал Роберт Аллен — экономический историк: «Англия в средние века была не больше чем простое овечьё пастбище»), Норвегия — поставщик рыбы, Польша — поставщик зерна; а на самых окраинах Европы (это русские земли) из Новгорода, Пскова и в какой-то степени Витебска, Полоцка и Смоленска шли меха и воск, больше ничего (даже хлеб — это гораздо более поздняя эпоха экспорта России). Другие российские регионы, кроме этих пяти городов, вообще были отрезаны от торговли с Европой до тех пор, пока не было преодолено монгольское иго и не произошли серьезные известные нам изменения. Россия была дальним-дальним уголком Европы. Один испанский автор той эпохи сравнил Испанию, Кастилию с дальней комнатой богатого дворца, до которой люди редко ходят. Немного перефразируя, я сказал в своей книге: «Если так, то российские регионы были даже не дальней комнатой, а кладовкой, где совсем было трудно жить».

Это первая картина анализа отсталости. Но, завершая третью главу и книгу в целом, я специально старался оговаривать: «Дорогие читатели, ни в коем случае не подумайте, что этим все определилось, и затем это отставание было жестко детерминировано до XXI века. Так не бывает».

Дальше возникают следующие переломные точки. Англия преодолела свое отставание в XVI в. А Скандинавские страны в XIX и XX вв. А у России до сих пор серьезные проблемы. Что происходило дальше — это тема для дальнейшего очень

конкретного анализа. И каждую эпоху, каждую проблему, каждую страну надо анализировать очень-очень конкретно. Никакие общие схемы здесь не работают. У Англии своя судьба, объясняющая подъем этой страны. У Северной Италии — своя судьба, объясняющая, почему, после такого блестящего расцвета в эпоху Ренессанса, Северная Италия остановилась в развитии где-то с XVII–XVIII вв.

Именно такая картина. В дальнейшем я постараюсь продолжать книгу «Почему Россия отстала» — исследовать, объяснять. И общие предсказания здесь невозможны.

С. Э. Это в ваших дальнейших творческих планах — описать, почему Россия не сумела «рвануть»?

Д. Т. В целой серии книг я увязываю ответы на вопросы, стоящие применительно к России. На данный момент вышло три книги этого цикла. И книга «Почему Россия отстала», вышедшая в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге, — это третья книга серии. С нее начинается конкретный историко-социологический анализ, но она третья. Первая книга называется «Особый путь России от Достоевского до Кончаловского». Она вышла в 2018 г. тоже в Европейском университете и представляет собой анализ того, как не надо исследовать Россию. Анализ различных концепций даже не от Достоевского, а от Чаадаева до наших современников — Кончаловского, Дугина, Паршева, Щипкова — много разных авторов, которые показывают особый путь России. В этой книге я анализирую

различные концепции, показывая, что так исследовать Россию не надо, т. к. мы придем к неправильному ответу. И только в завершение этой книги я отдаю дань нескольким выдающимся исследователям, на труды которых я опираюсь и книги которых я считаю современной классикой, которую обязательно надо читать: это петербургский историк Борис Николаевич Миронов; это Егор Тимурович Гайдар, у него есть книга историко-социологического плана «Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории», которую он успел написать в нулевые годы; и это скончавшийся совсем недавно российско-американский историк Александр Львович Янов, у которого есть книга «Россия и Европа», которую я тоже очень ценю.

А вторая книга моей серии вышла этим летом в издательстве Института Гайдара, ее название «Как государство богатеет» и подзаголовок: «Путеводитель по исторической социологии». В ней я пытаюсь проанализировать концепции, объясняющие, как надо исследовать причины богатства и бедности, развития и отсталости, эволюции и т. д. Там я даю краткий анализ различных концепций, но в основном, правда, зарубежных авторов, которые можно так или иначе использовать для нашего анализа.

Сам я в той книге только разъясняю эти концепции, кого-то хвалю, кого-то критикую, но своих взглядов не излагаю. Хотя я считаю себя веберянцем и по сей день, но помимо Макса Вебера есть целый ряд классиков абсолютно не веберянского направления, которых надо изучать и ис-

пользовать для того, чтобы объяснить, почему Россия отстала. Когда я говорил о концентрических кругах в Европе, я должен был сослаться на Иммануила Валлерстайна и его системный анализ. Валлерстайн левак, политически он мне жутко не близок, но он великий ученый, и его надо читать. Ближе всего мне Чарльз Тилли, создавший своеобразную военно-налоговую теорию, где он показал, как экономика, финансы, война и государственная деятельность увязаны в длительной европейской истории и почему нельзя исследовать одно без другого для понимания развития мира... Все эти теории я кратко там анализирую.

Сейчас в работе четвертая книга, стоящая в плане издательства Европейского университета на 2023 г. Она должна называться «Ловушка российской модернизации». Там как раз будут выводы из книги «Почему Россия отстала». То, что я хотел проанализировать в той книге, в виде выводов будет уже в следующей.

В Центре исследования модернизации Европейского университета (я научный руководитель этого центра) каждый сотрудник делает раз в год большой доклад, издаваемый в виде препринта. Они висят на сайте в электронном виде и есть на бумаге в виде препринта. Эти доклады — главы будущих монографий. В виде докладов у меня есть несколько глав даже не только ближайшей, четвертой книги серии, а пятой — той, которая, я надеюсь, тоже когда-то будет дописана. Сейчас параллельно с книгой я работаю над еще одним докладом. Если Бог даст, то я должен буду все это свести в некую серию книг,

в которых будет идти речь и о том, что произошло с Англией во времена Елизаветы Тюдор и Славной революции XVII в., и о том, что было в России в этот момент, и о германских успехах XIX в.

С. Э. Хочу задать еще один вопрос вне программы «Время историка», связанный с нынешней нашей ситуацией. Вы написали «Открытое письмо из закрытой России зарубежному другу». Оно вызвало бурную реакцию не столько европейских друзей, сколько наших русских здесь и тех, кто уехал. Страшно читать эти реакции. Слово «одержимость» тут даже не совсем подходит. Скорее агрессивное отчаяние растерявшихся людей по поводу «поуехавших» и «пооставшихся», взаимная грызня, как говорил Пушкин, «бессмысленная и беспощадная». Чем вы можете объяснить эти непродуктивные споры?

Открытое письмо из закрытой России

Трудно найти европейскую страну, в которой у меня не было бы друзей — коллег по научной деятельности, журналистов или дипломатов, работавших когда-то в Петербурге. А в той стране, где нет друзей иностранных, есть русские друзья, давно уже ставшие иностранными гражданами. Сегодня мне захотелось написать им открытое письмо: одно на всех, поскольку основная проблема нашей жизни у нас сегодня одна на всех — судьба России, удивившей в столь страшную катастрофу, какой не было еще на протяжении всей моей жизни. Со многими из друзей

мы «друзья в фейсбуке», поэтому кто-то, возможно, ответит.

Дорогой друг!

Наверное, мы с тобой уже никогда не увидимся. Меня обложили со всех сторон. Авиарейсов в Европу почти нет. Карту мою в твоей стране блокируют. Визы получать сложно, а скоро, возможно, их нам вообще давать перестанут. Меня отменили. Меня для твоей страны не существует, хотя вообще-то я еще есть.

Можно, конечно, подсуетиться, потратить много времени и как-то пролезть на Запад, но, честно говоря, мне это неприятно. Не по возрасту уже такая суета. Поэтому хотя мне снятся ночами итальянские музеи, а ноги просят, как встарь, прогулки по горным тропам Германии, Европа останется лишь в снах и воспоминаниях о прекрасном прошлом. Я очень люблю твою страну, однако она нынче меня не любит.

С моей стороны нет никакой обиды. Ясно, что европейская бюрократия должна реагировать на действия моей страны, и она реагирует самым простым и понятным для избирателя способом. Русская интеллигенция вновь попала под каток истории, и с этим уже ничего не поделать. Ну, а наша бюрократия с радостью идет на конфронтацию, поскольку ей, по большому счету, это и нужно. Мы зажаты между двумя мощными политическими машинами, которые формально враждуют, но на деле давят нас с разных сторон совместными усилиями.

В истории моей страны бывали моменты похуже, а потому стараюсь относиться философски к тому, что я выброшен из Европы, хотя около полувека формировал себя как европейца. Пишу я тебе не поэтому, а потому, что в наших былых беседах часто вставал вопрос о том, как может Запад помочь европейскому развитию России. Тогда мы перебирали частные моменты, но сегодня, когда меня больше уже о частностях не спрашивают, хочется сказать о главном. О том, почему мы все же стали когда-то европейцами, несмотря на то что советские власти этого не хотели.

У меня такой возраст, что я хорошо помню и поздний СССР, и перестройку, и «лихие девяностые», и все этапы эволюции нынешнего режима. Я помню все, что формировало современную Россию: как ее хорошие стороны, так и плохие. Но выделю сейчас лишь главное. Россия становилась европейской тогда, когда Европа была сильна, красива и привлекательна, когда «европейский миф» (верен он или неверен) овладевал нашими умами и нашими душами, когда все, что шло к нам с Запада — от романтики готических соборов до вкуса жевательной резинки, — пробуждало желание стать европейцами. Когда мы были мальчишками, ваш европейский образ жизни явно доминировал над тем образом, что навязывала нам советская геронтократия, и с этим были согласны как те, кто мечтал гулять по венецианским каналам, так и те, кому достаточно было купить у фарцовщика джинсы. Поэтому, как только старики померли, окно в Европу для нас открылось, и каждый взял от нее, что хотел. Не верь тем, кто говорит, буд-

то мы здесь всегда ненавидели Запад. Это ложь. Никакой ненависти нет. Но есть прагматичный подход. И нынче он уже далеко не тот, что раньше.

У нас есть джинсы, жвачка и все то материальное, что к ним прилагается. Но мифа красивого больше нет. Нет понимания того, что нам нужны европейские ценности. Они привлекают меня и узкий круг моих единомышленников, но для значительной части общества являются чем-то вроде той старой советской геронтократической идеологии, вывернутой наизнанку. Пустые слова не трогают пустые души. А доказательств европейской привлекательности становится все меньше.

Вот почему мы дошли до жизни такой. Мы ваши духовные дети. Пока отцы были героями, мы на них равнялись. Но когда увидели их слабости, зажили иной жизнью.

Ты мне, конечно же, возразишь. Напомнишь и про авторитарный режим, и про наш конформизм, и про чудовищный самообман российских элит, которые сами залезли в пасть льву. Ты будешь прав. Я мог бы написать еще по письму о каждой из наших проблем, и вышел бы довольно толстый том. Но, честно говоря, про эти грехи мы все уже знаем. Мы заварили кашу и нам долго еще ее расхлебывать.

Сейчас я пишу лишь о том, чем вы на Западе можете помочь России — стране, которую, как я знаю, ты и сейчас считаешь европейской. Для нас принципиально важно, каким будет Запад к тому времени, когда здесь вновь откроется (а это обязательно случится!) окно политических воз-

возможностей. Сильная, красивая и привлекательная Европа сделает нас европейцами. Это я тебе точно скажу. Но как Европе вновь стать такой, сказать не сумею. Это решать тебе.

Д. Т. Это очень сложный вопрос. Для начала я упомяну, что настоящие зарубежные друзья тоже откликнулись, и я получил очень позитивный отклик от своего старого друга, историка, профессора Варшавского университета — Херонима Грали. Пан Хероним написал очень приятные мне слова, он прекрасно понял, что я хотел сказать. А определить, почему такая грызня, сложно. Это вопрос к психологам. Я тут могу поразмышлять как дилетант. Это, бесспорно, не моя наука, и я здесь просто могу рассуждать как человек, читавший в свое время Фрейда и Юнга.

Мне кажется, что здесь есть две проблемы. Во-первых, когда возникают очень сложные вопросы (а вопрос того, что происходит сегодня с Россией, невероятно сложный!), нужны объяснения по самым разным линиям — экономическим, политическим и т. д. В этой сложной ситуации многие читатели теряются, начиная прибегать к очень простой, совершенно стандартной схеме традиционного общества — что весь мир делится на две большие группы: «мы» и «они». Вопрос в том, кого записать в это большое «МЫ», а кого — в это большое «ОНИ». Если человек не разбирается в деталях, то он начинает действовать по ключевым словам, по каким-то отдельным раздражителям, присутствующим в тексте. Скажем, в этом тексте я написал о том, что наши сегодняшние проблемы в России во многом зависят от того,

какова Европа, какой она является сейчас и какой будет дальше. У некоторых читателей сразу же возникла реакция: «Травин ругает Европу. Тот, кто ругает Европу, наверное, патриот в самом плохом смысле этого слова. Раз он патриот, он поддерживает Кремль. Раз он поддерживает Кремль, значит — он не наш». Тот, кто меня раньше не читал, резко реагирует. Тот, кто меня знает и читал, в принципе так реагировать не должен был бы, но тут есть другой фактор. Все прекрасно знают, что в сложной ситуации у людей появляется конформизм. И начинается «охота на ведьм» в виде охоты на конформистов. «Кто сегодня стал конформистом? Тот, кто остался в России — уже подозрителен. Раз он не уехал, то, возможно, хочет стать конформистом. А если он еще написал, что на Европе лежит какая-то вина, какая-то недоработка, если он не пишет, что во всем виноваты мы, что мы такие плохие, а они — такие хорошие, то, наверное, он конформист». Вот это тоже определяет. Видно было по комментариям, что многие читатели не вчитались в текст. И даже те оговорки (которые я сделал специально, зная, что будет такая реакция) человек не смог прочесть. Они в тексте есть, но он их не видит. Либо не захотел увидеть. Вот первая самая простая и самая примитивная причина деления на «мы» и «они». Для большинства из моих читателей я остался в большом «МЫ», и здесь у нас расхождений нет. Но для кого-то я был перемещен в «ОНИ».

Второй момент касается людей, которые сегодня в эмиграции. Почему они так жестко прореагировали? У них сейчас очень тяжелая жизнь,

и я им очень сочувствую. Это я говорю совершенно искренне. У нас она тяжелая в том смысле, что если где-то напишешь не то слово, то оно может быть подведено под какой-то новый закон, и тебе впают большой штраф или, не дай Бог, вообще в тюрьму посадят. В этом смысле мы все время находимся под дамокловым мечом. А у тех, кто живет в Европе, тоже серьезная проблема. Многие живут по визам, у них нет вида на жительство, они — эмигранты на птичьих правах. Хорошо евреям в Израиле, немцам в Германии, тем, кто эмигрировал на полных правах. А русский человек, зацепившийся за Чехию, или за Польшу, или за Финляндию и вынужденный продлевать свои визы, находится в подвешенном состоянии. Ведь после того, что сейчас произошло, ему могут визу не продлить. А он уже продал квартиру в Москве, купил в Европе квартиру, перевез туда семью, деньги. Что будет делать этот человек? Это страшный стресс! И люди находятся под таким напряжением, и понятно, что они даже самим себе не могут дать

отчет в том, что их проблемы связаны с возможными действиями их собственных европейских правительств. Но страх и ненависть в душе копятяся, и они могут выплескиваться не только на российских правителей (которых эти люди не любят), но и на тех людей, взгляды которых им не близки хотя бы по каким-то параметрам. А третья волна жесткой критики — со стороны украинцев. Тут и объяснять не надо, их можно понять. Здесь уже люди часто не разбирают, кто на чьей стороне.

С.Э. Критиковать сегодня украинцев за их неадекватные реакции — это то же самое, что пенять Эренбургу в годы войны, почему он призывал: «Убей немца!» У людей, увы, отключены все рефлексивные способности, их захлестывает ненависть.

Спасибо! Было очень интересно. Желаю вам творческих успехов и реализации всех творческих планов!

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и англий-

ском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15).

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25).